

**ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
В ИСТОРИИ И СУДЬБАХ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ
РОССИИ, БЕЛАРУСИ, ЕВРОПЫ И МИРА
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Исторический факультет
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение ВПО
«Псковский государственный университет»
Исторический факультет

**ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
В ИСТОРИИ И СУДЬБАХ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ
РОССИИ, БЕЛАРУСИ, ЕВРОПЫ И МИРА
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Материалы международной научной конференции

Витебск–Псков,
27 февраля – 3 марта 2017 года

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2017*

УДК 94(47)«1917»:94(100)(062)

ББК 63.3(2)611-08я431

В27

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 28.12.2016 г.

Редакционная коллегия:

А.В. Егоров (гл. ред.), **В.А. Космач** (зам. гл. ред.),
Н.П. Никитина (зам. гл. ред.), **И.В. Николаева**, **М.Ю. Колпаков**,
Н.В. Величко, **Т.Г. Хришкевич**, **А.Н. Дулов**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Ф.И. Новик* (РФ, г. Москва);
начальник кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор
исторических наук, профессор *Н.С. Нижник* (РФ, г. Санкт-Петербург);
профессор кафедры истории Беларуси УО «БГПУ им. М. Танка»,
доктор исторических наук, профессор *А.М. Лютый*

Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века : материалы международной научной конференции, Витебск–Псков, 27 февраля – 3 марта 2017 года / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.В. Егоров (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 340 с.

ISBN 978-985-517-579-8.

Материалы международной научной конференции в виде сборника объединяют доклады и сообщения ее участников, посвященные глобальному историческому явлению мирового значения – Великой Российской (Русской) революции 1917 г., которая объединила в себе два масштабных события: Февральскую буржуазно-демократическую и Октябрьскую социалистическую революции. Эти события коренным образом изменили саму Россию, Европу и мир в целом. Осмысление причин, итогов и уроков Великой Российской (Русской) революции 1917 г. в контексте 100-летнего исторического и геополитического опыта актуально, востребовано и поучительно. Содержание опубликованных материалов согласовано с ответственностью самих авторов за содержание представленных докладов и сообщений.

УДК 94(47)«1917»:94(100)(062)

ББК 63.3(2)611-08я431

ISBN 978-985-517-579-8

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2017

СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ КОНЦЕПЦИИ «НЕПРЕРЫВНОСТИ» РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ

В.И. Меньковский

Минск, Белорусский государственный университет

История российских революционных событий 1917 г. постоянно привлекала и привлекает внимание историков всего мира. Англо-американские исследователи-советологи не были исключением. Для них был интересен и сам революционный процесс, и его влияние на становление и развитие советского общества. Одной из самых дискутируемых проблем в англо-американской академической среде стал вопрос о реализации идей Октября, о реальном воплощении декларируемых принципов, соответствии (или не соответствии) советской практики и революционной теории, об общих и противоположных чертах ленинского и сталинского периодов советской истории.

В классической западной советологии 1950-х – 1980-х гг. сложились две основные концепции советской истории, сохраняющие влияние на мировую историографию до сегодняшнего дня – тоталитарная, в которой ленинский и сталинский периоды рассматривались как части единого непрерывного революционного процесса, и ревизионистская, противопоставляющая сталинскую «революцию сверху» ленинской «октябрьской» (в западной традиции называемой «ноябрьской») революцией.

«Теория непрерывности» рассматривала сталинизм как логическое продолжение революции и ленинского этапа советской истории. Сталинизм явился наиболее логичным продолжением ленинизма, его теоретической концепции и политической практики. В основных чертах ленинизм и сталинизм представляли собой единое целое. Так, в сборнике «Преемственность и изменчивость в русском и советском мышлении», выпущенном в Кембридже в 1955 г., Т. Хаммонд писал, что анализ отношений ленинского периода показывает, что, хотя советский авторитаризм достигает крайней формы при Сталине, основа его заложена значительно раньше Лениным. А. Улам, задавая вопрос о том, с помощью какой политической силы Сталин занял господствующее положение в обществе, отмечал, что ответ необходимо искать, прежде всего, в характере большевистской партии в ленинские годы. М. Фейнсод подчеркивал, что Т. Хаммонд и А. Улам приходят к выводу, с которым он полностью согласен: хотя советский тоталитаризм достигает крайней формы при Сталине, его основа была заложена Лениным [1, p. 145, 160, 175].

Идея непрерывности, почти идентичности советской истории, не ограничивалась одним периодом времени или одной областью исследования. Она применялась ко всем сторонам жизни советского общества. Авторы исследовали, например, такие проблемы, как культ вождя или массовые репрессии в сталинские годы, и находили им частичное объяснение в ленинских методах политического лидерства и управления партией. Например, А. Улам считал, что «после своей победы в Октябре коммунистическая партия начала движение к тоталитаризму» [2, p. 48]. Даже Э. Карр и И. Дойчер, не разделявшие антипатию большинства советологов к большевизму и имевшие собственные взгляды на многие аспекты советской истории, соглашались с идеей непрерывности развития ленинского и сталинского периодов. Э. Карр писал о том, что «Сталин продолжил и развил ленинизм» [3, p. 214]. И. Дойчер, несмотря на признание многих «отличий ленинской и сталинских фаз советского режима», считал, что сталинизм «продолжает ленинскую традицию».

Англо-американская литература 1950–1960-х гг. давала огромное количество примеров точки зрения, отмечавшей, что сталинская победа была не победой личности, а триумфом символа, человека, который воплотил и правила ленинизма, и методы их осуществления. А. Мейер писал, что сталинизм может и должен быть определен как образец мышления и действия, прямо вытекающих из ленинизма. Д. Тредголд считал сталинский режим логическим следствием господства однопартийной олигархии, стремившейся строить социализм в стране, которая не была к этому готова. Д. Решетар, находя различия между ленинизмом и сталинизмом достаточно существенными, все-таки отмечал, что они отходят на второй план перед тем, что является общим. Ленин заложил основы, которые были развиты Сталиным и логично завершились «большими чистками», т. е. массовыми репрессиями [4].

Фактором, способствовавшим закреплению теории непрерывности в качестве господствующей в англо-американской историографии, была ее близость к концепции тоталитаризма, остававшейся базовой для западной политической мысли почти в течение 20 лет. Дискуссии, которые возникали при интерпретации советской истории, касались лишь отдельных аспектов, формулировок и не выходили за пределы теории тоталитаризма. В эти годы история и политология были почти едины в англо-американской советологии. В рамках рассматриваемого нами вопроса термины «тоталитаризм» и «сталинизм» для сторонников идеи непрерывности практически слились. Тоталитарная школа поддерживала идею непрерывности в развитии советского общества и внесла свой весомый вклад в поддержку этой идеи в академических кругах Запада. Теоретик тоталитаризма Х. Арендт в 1967 г. оценивала уверенность в неразрывной преемственности советской истории как господствующую тенденцию западного мышления [5, р. 345]. Р. Такер отмечал, что должно было пройти длительное время, прежде чем западные историки пришли к пониманию необходимости анализировать сталинизм не только как следствие ленинизма, но и как самостоятельное явление [6, р. 77].

В 1950–1960-е гг. сталинский период в англо-американской историографии рассматривался скорее единым целым, практически не изменявшимся в течение времени, чем феноменом, имевшим собственную эволюцию. 1930-е гг. оценивались как время, когда большевистская, а не только сталинская система достигла зрелости и завершенности. Западные советологи воспринимали официальную доктрину как идеологию всего населения, зачастую не учитывая существенную разницу между официальной пропагандой и реальной жизнью, а процессы в советском обществе объясняли «внутренней тоталитарной логикой». Внимание в первую очередь фокусировалось лишь на некоторых аспектах советской истории – действиях руководства, государственным и партийным аппаратом. Всем этим составляющим сталинской системы находились аналогии в предшествующих периодах советской истории. Так, Р. Слассер писал, что принятие тезиса о том, что ленинская политика напрямую привела к сталинской, вызвала у многих западных исследователей иллюзию, что проблема исторических корней сталинизма уже решена и больше не требует серьезного анализа [7, р. 1393].

В 1960-е гг. безраздельное господство теории непрерывности стало вызывать критические отклики в среде западных исследователей. Дж. Хаф считал первую половину 1930-х гг. «большим отступлением» (термин Н. Тимашеффа). Режим не только преследовал радикальных марксистов, но и отказывался от программ, с которыми они ассоциировались [8, р. 242, 302]. Целый ряд ученых, принадлежащих к англо-американской исторической школе, в той или иной форме отклоняли тезис о непрерывности. Среди них можно назвать Р. Такера, А. Рабиновича, С. Козна, М. Левина. Эти авторы не соглашались с выводом о безальтернативности развития советского об-

щества, концентрировали внимание в своих исследованиях на переломных моментах в истории СССР и большевистской партии. Они признавали, что элементы преемственности между Октябрьской революцией, ленинизмом и сталинизмом существуют, считали это очевидным, но предлагали не ограничиваться констатацией общего, находить не только сходства, но и различия в разных периодах советской истории. М. Левин и С. Козн, писали с симпатией о большевизме и революции, указывая на базовые расхождения ленинского и сталинского периодов советской истории и считая сталинизм отклонением от правильного пути [9].

М. Левин считал, что историк не должен использовать абстрактное понятие «большевистское (или коммунистическое) мышление», поскольку большевизм прошел стадии в своем развитии, менялся в зависимости от обстоятельств, и этот термин бессмысленно использовать вне исторического контекста [10, р. 73]. Позицию М. Левина, считавшего сталинизм «не столько прямым результатом большевизма, сколько автономным и параллельным феноменом, и в то же время могильщиком большевизма», поддерживал и Р. Дэниелс, писавший, что сталинский режим очень недолго представлял то движение, которое взяло власть в 1917 г. [11, р. 9].

Р. Такер теории непрерывности подверг ревизии именно тот аспект, который казался большинству советологов абсолютно ясным и устоявшимся. Р. Такер подчеркивал существенные отличия советской политической системы в 1930-е гг. по сравнению с предшествующими периодами. Большевистская система, на его взгляд, была однопартийной диктатурой с олигархическим руководством в правящей партии. Хотя в 1930-е гг. политическая система сохраняла многие традиционные для большевиков организационные формы, она базировалась не на власти партии, а на власти личности. Был совершен переход от олигархического партийного к автократическому вождистскому режиму. Власть продолжала употреблять привычную терминологию – партия, лидер, террор, марксизм, чистки и т. д., но термины принципиально изменили свое реальное содержание.

Р. Такер интерпретировал сталинскую «вторую революцию» через долговременную репрессивную традицию российского государства, рассматривал русских царей, прежде всего Ивана Грозного и Петра I, как исторических предшественников Сталина и создателей модели автократического, централизованного, бюрократического государства, в котором репрессивная власть контролировала покорное население [12, р. 23, 55-56].

Такой взгляд принципиально расходился с позицией сторонников тоталитарной теории, которые подчеркивают приоритет других факторов в становлении сталинизма. Так, М. Малиа в книге «Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991» счел необходимым обратить первостепенное внимание на идеологию и политику, а не на социальные и экономические силы для понимания советского феномена. Он писал, что тоталитарная природа коммунизма не может быть объяснена продолжением традиций российского авторитаризма или восточного деспотизма. Коллективистский характер советского общества не может рассматриваться как продолжение российских общинных отношений. С его точки зрения, очень трудно найти взаимосвязи между старой и новой Россией в проводимой большевиками политике. Зато истоки этой политики легко найти в социалистических идеях ленинской партии [13, р. 143].

Подобную точку зрения в 1990-е гг. подтвердил и Р. Конквест, писавший в работе «Сталин: Разрушитель наций», что весь период сталинского пребывания у власти можно рассматривать как череду попыток привести реальный мир в соответствие с идеологическими фантазиями, а затем, когда это не удавалось, попыток навязать убеждение, что фантастический мир все-таки стал реальностью [14, р. 323].

Дискуссия англо-американских исследователей российской революции и советской истории продолжается до сегодняшнего дня. На первый план выходят вопросы о социальной базе революции и большевизма, объективных и субъективных составляющих революционного процесса. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на стремление историков уйти от упрощенных ответов на действительно трудные вопросы. Долгое время советская и западная исследовательские традиции, отличаясь почти по всем аспектам, были едины в одном – убеждении, что каждая из них располагает окончательным объяснением российского (советского) революционного процесса. Советские историки объясняли успех Октябрьской революции исторической неизбежностью и наличием сплоченной революционной партии во главе с Лениным. Западные ученые рассматривали это событие либо как историческую случайность, либо как результат хорошо подготовленного государственного переворота, не имевшего значительной поддержки масс. Однако, как отмечал один из наиболее авторитетных исследователей истории Октября А. Рабинович «исчерпывающее объяснение захвата большевиками власти намного сложнее, чем любая из этих предлагаемых интерпретаций» [15, с. 13].

Новая составляющая современной историографической ситуации связана также с отменой искусственных барьеров, препятствовавших плодотворному общению западных исследователей с коллегами из новых «постсоветских» государств, издании переводов работ зарубежных историков, организации международных конференций, реализации совместных проектов. При этом отметим, что определение баланса между общим и противоположным в истории российской революции является одной из самых сложных проблем, с которыми сталкиваются исследователи советской истории.

Источники и литература

1. Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Cambridge, 1955.
2. Ulam A. The New Face of Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1963.
3. Carr E. Studies in Revolution. New York, 1964.
4. Daniels R. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge, 1960; Meyer A. Leninism. Cambridge, 1957; Reshetar J. A Concise History of the Communist Party of the Soviet Union. New York, 1964; Treadgold D. Twentieth Century Russia. Chicago, 1972.
5. Arendt H. Comment on Ulam Adam «The Uses of Revolution» // Revolutionary Russia. Cambridge, 1968.
6. Tucker R. Revolution from Above. // Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977.
7. Slusser R. A Soviet Historian Evaluates Stalin's Role in History // American Historical Review. 1972. December.
8. Hough J. The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978.
9. Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution; A Political Biography, 1888–1938. New York, 1973; Lewin M. Lenin's Last Struggle. New York, 1968; Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Development: Bukharin and the Modern Reformers. Princeton, 1974.
10. Lewin M. Stalinism – Appraised and Reappraised // History. 1975. Vol. 60.
11. Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985.
12. Tucker R. The Soviet Political Mind: Stalinism and Post-Stalin Change / Rev. ed. New York, 1971.
13. Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1994.
14. Conquest R. Stalin: Breaker of Nations. New York, 1991.
15. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде : пер. с англ. / Александр Рабинович ; общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. – Москва : Прогресс, 1989.

ПРИЧИНЫ, НАЧАЛО, ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ХАРАКТЕР ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ (РУССКОЙ) РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (АВТОРСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ)

В.А. Космач

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Прошло ровно 100 лет с момента начала **Великой Российской (Русской) революции 1917 года**¹. Пришло время более спокойно и непредвзято вернуться к её истории, ещё раз оценить её разрушительные и созидательные силы. Необходимо в очередной раз осмыслить всё то, что мы потеряли с разрушением и гибелью Российской империи, а также всё то, что было создано после 1917 г., как прямое следствие Русской революции 1917 г., огромным созидательным трудом нескольких поколений советских людей, советского народа, победившего фашизм и первым в мире покорившего космос. На наш взгляд, сегодня уже пора уйти от распроstrанённой и ныне в постсоветской историографии концепции «двух разнотипных революций в одном году» (Февральской буржуазной и Октябрьской социалистической), так как деление на «белых», «красных» и «зелёных» не способствует единению и консолидации общества, подпитывает радикальные течения справа и слева, содействует нарастанию сепаратистских и националистических тенденций и сил в самой России и на постсоветском пространстве. Две, совершенно разные, разнотипные революции в одном году просто не могут произойти. Это антиисторично, несмотря на лозунги самих революций, которые на самом деле были этапами одной **Великой Российской революции**.

Версия «одной революции» 1917 г. в России, которая стала стандартной в современных российских учебниках школ и вузов, более объективна и реалистична. Она нисколько не умоляет роли российских большевиков и Советской власти в возрождении России, в строительстве сверхдержавы в ходе первых и последующих пятилеток советского социализма в СССР. Обращаясь к истории Русской революции 1917 г., следует учитывать и тот факт, что она была во многом вызвана и развязана усилиями и стараниями антироссийских «тайных сил», прежде всего зарубежного и российского масонства, на деньги иностранных спонсоров и враждебных России держав, заинтересованных, несомненно, в падении и гибели достаточно сильного конкурента на мировых рынках и в геополитике. Таким конкурентом Запада и США в начале XX в. выступала Российская империя Николая II Романова. И эти «тайные силы», как раз, в большей степени финансировали не большевиков, хотя и они получали деньги из Германии и США, а тех, кто начал атаку на Россию и дом Романовых в феврале-марте 1917 года².

К началу XX в. формирование огромной территории **Российской империи** завершилось. По своему размеру (22,2 млн кв. км.) она занимала второе место в мире после Британской империи. Население России с конца XIX в. увеличилось почти на треть и составило к 1913 году около 160 млн человек 150-ти разных национальностей, а на 1914 год – 165,7 млн человек³. Это была прежде всего **крестьянская стра-**

¹ См.: Никонов, В. Крушение России. 1917. М.: АСТ: Астрель, 2011. – 926с.

² См.: Стариков, Н. 1917. Разгадка «русской» революции. СПб.: Питер, 2016; Он же. Кто финансировал развал России? От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2015; Платонов, О. По приказу тайных сил. М.: «Родная страна», 2015; Он же. Царевубийцы. М.: «Родная страна», 2015.

³ См.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. – С. 17; История России: Учебник / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, и др. – С. 291.

на. 130 млн жителей тогдашней России относились именно к крестьянству. Оно составляло 85% населения страны. Это очень важный момент для понимания всей динамики и причин **Российских революций 1917 года**, которые составили одну **Великую Российскую (Русскую) революцию**, длившуюся не один и не два, а намного более лет. Российский рабочий класс, быстро выросший численно за годы индустриализации и модернизации конца XIX – начала XX в., к 1913 г. составлял более 19% населения страны – более 18 млн человек¹. Но и он формировался в основном из крестьян и мещан. Российская буржуазия (примерно 4 млн. человек) набирала силу в экономике, но была ограничена в своих политических возможностях. 1,5 млн из этого числа принадлежали к крупной и средней буржуазии. Дворяне составляли примерно 1,5% населения России, духовенство – только 0,5%.

Какими же **причинами и факторами** была вызвана Великая Российская (Русская) революция 1917 года? Как минимум шестью. **Во-первых**, расколом правящей элиты страны на «правительственную» и «думскую», что активизировало внесистемную оппозицию (контрэлиту в лице российских меньшевиков, большевиков, эсеров; различных мастей сепаратистов и националистов). Даже императорский дом Романовых не был един. **Во-вторых**, Русскую (Российскую) революцию 1917 г. вызвала нараставшая неэффективность и бюрократическая закоренелость правительственной власти. Отсюда – неразрешимость острейших для России первой четверти XX в. аграрного, национального, рабочего, конституционного, финансового, религиозного, династического, социального, еврейского и других вопросов. **В-третьих**, революцию 1917 г. в России во многом «подготовили» буржуазные реформы второй половины XIX в. и политическая модернизация начала XIX в. в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. На смену «старой» России шла «новая» – буржуазная и земско-чиновничья, абсолютная монархия сменилась ограниченной, конституционной. На первое место в экономике, в сфере государственного управления и политике выходили всё более активно новые «деловые люди», доходы и богатство которых, как и занимаемое социальное положение, были во многом сомнительны, нажитыми с нарушениями известного принципа «равенства возможностей», и по владению собственностью и по доступу к власти. И чем больше становилось подобных дельцов, тем сильнее накапливалось недовольство среди трудовых сословий – рабочих, крестьян, разночинной интеллигенции.

Несомненно, и это, **в четвертых**, Российскую империю, сильную и процветающую экономически, влиятельную в мировой геополитике ослабила Первая мировая война, тяготы и лишения которой затронули миллионы российских семей. **В-пятых**, Русская революция 1917 г. во многом была подготовлена и вызвана атакой на Россию извне и изнутри как минимум тремя объединившимися против Российской империи, правящей династии Романовых в лице императора Николая II и его правительства мощными силами – масонами, революционерами и сепаратистами. Именно их в войне с Россией использовали Германия, Великобритания, Франция, Япония и США в ходе Великой Русской революции 1917 г. и задолго до её начала. И, **в-шестых**, «великое потрясение» 1917 г. в России связано с личностью самого государя, императора Николая II Романова. В январе 1917 г. российского императора Николая II одиннадцать раз предупреждали о готовящемся государственном перевороте. Но он ничего не предпринял для своей защиты и сохранения Российской империи, доставшейся ему от своего знаменитого отца – императора Александра III².

¹ Россия. 1913 год. – С. 23, 221, 223; История России: Учебник / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, и др. – С. 292, 331.

² Рыбас, С.Ю. Заговор верхов, или Тотальный переворот. М.: Молодая гвардия, 2016. – С. 5.

Последний председатель IV Государственной Думы **М.В. Родзянко** в своих записках позже выделил четыре категории причин, которые привели, с его точки зрения, к революции. Это: негативное и огромное влияние кружка Распутина, служившего интересам Германии, на императрицу Александру Фёдоровну, а через неё – на всю политику верховной власти и правительства; неумелые и несогласованные действия власти во внутренней политике, особенно в области экономической жизни, в сочетании с неумением власти решительно противостоять необыкновенно интенсивной немецкой агитации, ведущейся против России на немецкое золото.

«К третьей категории причин, – подчёркивал **М.В. Родзянко**, – вызвавших легкость, с которой совершился переворот, я отношу начавшееся разложение Армии... Наконец четвертая причина революции была чрезвычайная, и во всем, двойственность правительственной внутренней политики. Эта система иметь два лика донельзя раздражала русское общество, так как никто заранее не знал, как поступит завтра Правительство, так ли, как сегодня, или совсем наоборот. В искренность заявления Правительства русское общество поэтому перестало верить, зная, что оно меняло свой курс с поразительной легкостью. Так было с обращением к полякам, с отношением к Государственной Думе, с одной стороны, будто бы благожелательным, с другой – явно враждебным. Так было с рядом существенных вопросов, уже мною перечисленных. Все эти явления, вызывавшие негодование, одновременно подтачивали доверие страны к Государственной власти, не умеющей наладить государственную жизнь, и лишали уверенности в завтрашнем дне и в победном исходе кампании»¹.

По всему полю своих «Записок» **М.В. Родзянко** отмечал, что революция в России была вызвана разделением государственной власти и общества; революционной агитацией «несомненно, германского происхождения» («вся германская пресса... на все лады трубила о полном разложении России»); уверенностью царского правительства в том, что оно может выиграть войну одно, без немедленной организации народных сил; влиянием «Распутина на императорскую семью в плане пораженчества и ясно выраженной симпатии к Германии»; растущим разладом между Правительством и Государственной Думой; дезорганизацией власти и деморализацией армии².

Начиналась **Великая Российская (Русская) революция** известными февральско-мартовскими событиями 1917 г. в Петрограде, вокруг которых, по-прежнему, много загадок и «белых пятен», т.е. вопросов пока что без однозначных ответов. Не исключение в этом и первый день Великой Русской революции 1917 г. – 23 февраля по старому и 8-го марта по новому летосчислению (стилю). На улицы Петрограда тогда вышли женщины, работницы и домохозяйки, с требованиями «Хлеба!» и «Долой войну!».

Но хлеб в Петрограде был. Ни о каком голоде и даже недоедании и речи не могло быть. Благодаря самоотверженной деятельности министров путей сообщения и земледелия А.А. Риттиха и Э.Б. Кригера-Войновского в столице были своевременно накоплены хлебные запасы³. Генерал-лейтенант Сергей Семёнович Хабалов (командующий войсками Петроградского военного округа) утверждал, что их хватило бы на 10-12 дней, причём, поезда с хлебом непрерывно прибывали в столицу – в среднем по 25

¹ См.: Родзянко, М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. Полное издание записок Председателя Государственной Думы. С дополнениями Е.Ф. Родзянко. М., 2002. – С. 278-280.

² Там же. – С. 227, 238, 240, 241, 243, 244-252, 266-271, 271-278.

³ См.: Стрелочники революции. В катастрофе 1917 года обвинили министров путей сообщения и земледелия, спасших Петроград от голода // Родина. 2016. №10. Октябрь. С. 44-49.

поездов в день. По оценке петроградского градоначальника, генерала А.П. Балка, хлеба в столице должно было хватить более чем на три недели, «причём генерал А.П. Балк, по точной проверке дела, доложил, что если бы с данного момента Петроград оказался бы в осадном положении и в столицу не было бы подаваемо ни одного вагона с продуктами, то жители могли бы оставаться на прежнем продовольственном пайке в течение 22 дней»¹. Не хуже была обеспечена и Москва.

Свидетельства прямых участников революции, её творцов и противников, о причинах, ходе и последствиях революции самые разные, порой диаметрально противоположные, в том числе и о начале Великой Русской революции, первым этапом которой была Февральская, точнее Февральско-Мартовская революция, 1917 года.

М.В. Родзянко, например, писал, что «волнения начались на почве отсутствия продовольствия. Но это было предлогом, а об истинных причинах все возрастающего народного негодования я уже достаточно говорил. По имевшимся в моем распоряжении сведениям, волнения, возникшие в столице, стали быстро передаваться в другие города. Уже 25 февраля 1917 года волнения в столице дошли до своего апогея. Утром мне дали знать, что часть заводов, расположенных на Выборгской стороне и на Васильевском острове, забастовала, и толпы рабочих двинулись по направлению к центру столицы...

25 февраля я по телефону в Гатчину дал знать Великому Князю Михаилу Александровичу о происходившем и о том, что ему сейчас же нужно приехать в столицу, ввиду нарастающих событий. 27 февраля Великий Князь Михаил Александрович прибыл в Петроград, и мы имели с ним совещание в составе Председателя Государственной Думы, его товарища Некрасова, секретаря Государственной Думы Дмитрюкова и члена Думы Савича. Великому Князю было во всей подробности доложено положение дел в столице и было указано, что еще возможно спасти положение: он должен был явочным порядком принять на себя диктатуру над городом Петроградом, понудить личный состав Правительства подать в отставку и потребовать по телеграфу, по прямому проводу, манифеста Государя Императора о даровании ответственного министерства.

Нерешительность Великого Князя Михаила Александровича способствовала тому, что благоприятный момент был упущен. Вместо того, чтобы принять активные меры и собрать вокруг себя еще непоколебленные в смысле дисциплины части Петроградского гарнизона, Великий Князь Михаил Александрович повел по прямому проводу переговоры с Императором Николаем II, получил в своих указаниях полный отказ, и таким образом, в этом отношении попытка Государственной Думы потерпела неудачу. При этой беседе с Великим Князем и выше названными членами Государственной Думы присутствовал и Председатель Совета Министров Князь Голицын. Несмотря на все убеждения в том, что ему надлежит выйти в отставку что это облегчит Государю Императору разрешение назревающего и все возрастающего конфликта, Князь Голицын оставался неумолимым в своем решении, объяснив, что в минуту опасности он своей должности не оставит, считая это позорным бегством, и этим только еще больше усложнил и запутал создавшееся положение.

В ночь с 26 на 27-е февраля мною был получен указ о перерыве занятий Государственной Думы, и таким образом возможности мирному улажению возникающего конфликта был положен решительный предел, и тем не менее Дума подчинилась закону, все же надеясь найти выход из запутанного положения, и ника-

¹ Курлов, П.Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. С. 244.

ких постановлений о том, чтобы не расходиться и насильно собираться в заседания, не делала. Беспорядки начались с военного бунта запасных батальонов Литовского и Волынского полков. Рано утром началась в районе расположения этих полков перестрелка, и мне по телефону дали знать, что командир Литовского батальона (фамилию забыл) убит взбунтовавшимися солдатами и убито еще два офицера, а остальные г.г. офицеры арестованы. С трудом удалось успокоить взволнованные части эти и убедить их выпустить арестованных офицеров. Таким образом, революция началась с военного бунта тех самых запасных батальонов о печальном состоянии которых я писал выше.

Злоба озверевших людей сразу направилась на офицеров и так далее шло, как по трафарету, во всех бунтах и волнениях в полках впоследствии. Среди дня 27 февраля произошли первые бесчинства: был разгромлен Окружной Суд и Главное Артиллерийское Управление, также Арсенал, из которого было похищено около 40 тысяч винтовок рабочими заводов, которые сейчас же были розданы быстро сформированным батальонам красной гвардии. Толпы народа, вооруженные чем попало, стали появляться тут и там на улицах города: вечером того же дня значительные толпы инсургентов заперли уже собою улицы столицы кое-где происходили беспорядки, столкновения между ними и вызванными частями войск»¹.

«27 –го февраля, – отмечал далее **М.В. Родзянко**, – Председатель Совета Министров, Князь Голицын, уведомил меня, что он подал в отставку, как и все члены Правительства. Таким образом, создалось такое безвыходное положение, перед которым меркли все самые широкие революционные идеи. При наличии военных действий и войны, при необходимости самого строгого порядка и самого ответственного исполнения Правительством своих обязанностей, при наличии нарождавшейся революции – в столице не оказалось центральной власти. Из Ставки никаких распоряжений от Императора Николая II не поступало, и город Петроград был предоставлен нарождающейся безбрежной анархии.

Как я уже говорил, был разгромлен Арсенал, горел Окружной Суд, горели и разгромялись все полицейские участки, и от власти никаких указаний и распоряжений, что делать, не было Государственной Думе ничего не оставалось другого, как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождавшуюся анархию и создать такую власть, которую бы послушались все и которая способна была прекратить нарождающуюся беду. Конечно, можно было бы Государственной Думе отказаться от возглавления революции, но нельзя забывать создавшегося полного отсутствия власти и того, что при самоустранении Думы сразу наступила бы полная анархия и Отечество погибло бы немедленно. Дума была бы арестована и перебита в полном составе бунтующими войсками, и власть сразу очутилась бы у большевиков, а между тем Думу надо было беречь хотя бы как фетиш власти, который все же сыграл бы свою роль в трудную минуту.

Председатель Государственной Думы еще 26 числа послал Государю Императору телеграмму: «Положение Серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива прищеп в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Мастью войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца». Но Царь не внял предупреждению главы народного

¹ Цит. по: Родзянко, М.В. Указ. соч. – С. 294-297.

представительства. 27 февраля Председателем Государственной Думы была отправлена еще более категорическая телеграмма Государю Императору:

«Положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра уже будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии». Но и на эту телеграмму Председатель Государственной ; Думы ответа не получил. Уже здесь в Сербии я еще раз получил от бывшего тогда начальника почтового управления г. Похвиснева уверение, что мои обе телеграммы были в точности доставлены по адресу. Только 28 февраля генерал Рузский уведомил, что Государь Император, наконец, решился даровать стране ответственное министерство и вручает Председателю Государственной Думы формирование Кабинета.

Этим манифестом, однако, положение запуталось еще более, ибо, пока происходили сомнения и колебания Императора Николая II, события шли своим чередом и разрешения синего не ожидали»¹.

Далее **М.В. Родзянко** писал, что «Уже 27 февраля был образован Временный Комитет Государственной Думы для сношения с населением и для приведения расшатанных устоев в нормальное состояние, который обратился к населению со следующим воззванием: «Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого Правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознывая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и Армия помогут ему в трудной задаче создания нового Правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием»².

Судя по «Запискам» **М.В. Родзянко**, командующий армиями Северного фронта генерал **Н.В. Рузский** предложил ему возглавить Правительство, но он отказался, поскольку «председателю Государственной Думы оставить Государственную Думу без главы, приняв в свои руки власть исполнительную, представлялось тоже совершенно невозможным, так как Дума была временно распущена и выбирать ему заместителя было невозможно»³. **М.В. Родзянко** заявил генералу **Н.В. Рузскому**, что «при настоящем положении дел единственный исход для Императора Николая II – это отречься от престола в пользу сына». «Я утверждаю совершенно категорически, – писал **М.В. Родзянко** уже в эмиграции, – что это комбинация, вне всякого сомнения, была бы принята, и волнения, по всей вероятности, в значительной мере были бы успокоены. Тем не менее Император Николай II не поверил Указаниям Председателя Государственной Думы и запросил своего Начальника Штаба и всех Главнокомандующих фронтами о том, каково их мнение по поводу указаний, сделанных ему Председателем Государственной Думы.

Телеграммы эти имелись в моем распоряжении, и если не уничтожены в Петрограде, где они находятся, то вероятно, документально можно будет восстановить то последующее, о чем я буду говорить. Ответы Командующих фронтами и Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего были получены Императором Николаем II в тот же день. Все лица, запрошенные им, единогласно ответили, что для блага Родины Его Величеству нужно отказаться от престола.

Чтобы не быть голословным, помимо моего утверждения, что эти телеграммы в подлиннике были в моих руках, я процитирую выдержку из дневника Импе-

¹ Там же. – С. 298-299.

² Там же. – С. 299-300.

³ Там же. – С. 300.

ратора Николая II, в свое время опубликованного в печати: «2 марта. Четверг. Утром пришел Рузский и прочел мне длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что министерство из Членов Государственной Думы будет бессильно что-либо сделать, ибо с ним борется эсдековская партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку Алексею и всем Главнокомандующим. В 12 с половиной часов пришли ответы. Для спасения России и удержания Армии на фронте я решился на этот шаг. Я согласился, и из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал подписанный переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством; кругом измена, трусость, обман».

Привожу из доклада о поездке своей в Армию одного из членов Думы, записанный со слов генерала Рузского, рассказ о последних словах отрекшегося Императора: он снял с себя фуражку, стал перед образом, который был в углу вагона, перекрестился и сказал: «Так Господу Богу угодно, и мне надо было давно это сделать». Подписывая поданное генералом Рузским отречение и отдавая ему текст подписанный, он сказал: «Единственный, кто честно и беспристрастно предупреждал меня и смело говорил мне правду, был Родзянко», и с этими словами повернулся и вышел из вагона. Привожу эти слова, для меня дорогие и знаменательные, не для самовосхваления, а как доказательство, что от Царя ничего не было скрыто»¹.

Но есть и другие, прямо противоположные свидетельства, которые говорят о том, что в отстранении от власти Государя и династии Романовых ключевую роль сыграл **заговор** верхушки Государственной Думы, Государственного Совета и военных. Во главе заговора стояли **М.В. Родзянко, А.И. Гучков, А.В. Кривошеин, В.В. Шульгин**, генералы **Н.В. Рузский и М.В. Алексеев**. По воспоминаниям барона Фредерикса, присутствующего при отречении Николая II, известным в изложении графини М.Э. Клейнмихель, **Н.В. Рузский** грубым насилием принудил колеблющегося царя подписать заготовленное отречение от престола. Рузский держал Николая II за руку, другой рукой прижав к столу перед ним заготовленный манифест об отречении и грубо повторял: «Подпишите, подпишите же. Разве Вы не видите, что Вам ничего другого не остаётся. Если Вы не подпишите – Я не отвечаю за Вашу жизнь». Николай II во время этой сцены смущённо и подавленно смотрел вокруг².

«Для получения подлинного отречения Императора Николая II, – писал далее, уже будучи в эмиграции, **М.В. Родзянко**, – Председатель Государственной Думы, который не имел возможности ни на один шаг оставить столицу по сумме разных причин, были командированы: Член Государственного Совета А.И. Гучков и Член Государственной Думы Шульгин. Лица эти, прибыв в Ставку в Псков, явились к Государю и получили уже готовое отречение в пользу Великого Князя Михаила Александровича. Отречение было подписано 2 марта 1917 года. Здесь умственно самым категорическим образом отвергнуть и опровергнуть все слухи о том, что командированными лицами производились какие-то насильственные действия, произносились угрозы, с целью побуждения Императора Николая II к отречению. Вышеприведенный мною дневник Царя не оставляет в этом никаких сомнений, и я с негодованием отвергаю все эти слухи, распускаемые крайними элемен-

¹ Там же. – С. 300-301.

² См.: Хрусталёв, В.М. Великий князь Михаил Александрович. М., 2008. – С.370-371; Багдасарян, А.О. Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н.В. Рузского (1854-1918). Монография. М., 2013; Холяев, С.В. Трансформация «Союза 17 октября» в сторону революции // Вопросы истории. 2016. №10. – С.59-60.

тами, о наличии подобных действий со стороны лиц, безупречных по своему прошлому за время своей государственной деятельности.

Таким образом, Верховная власть перешла, якобы, к Великому Князю Михаилу Александровичу, но тогда же возник для нас вопрос, какие последствия может вызвать такая совершенно постановка вопроса и возможно ли воцарение Михаила Александровича, тем более, что об отказе за сына от престола в акте отречения не сказано ни слова. Прежде всего, по действующему закону о престолонаследии царствующий Император не может отказаться в чью-либо пользу, а может этот отказ произвести лишь для себя, предоставляя уже воцарение тому лицу, которое имеет на то законное право, согласно акта о престолонаследии.

Таким образом, при несомненно возрастающем революционном настроении масс и их руководителей, мы, на первых же порах, получили бы обоснованный юридический спор о том, возможно ли признать воцарение Михаила Александровича законным. В результате получилась бы сугубая вспышка со стороны тех лиц, которые стремились опрокинуть окончательно монархию и сразу установить в России республиканский строй. По крайней мере, член Государственной Думы Керенский, входивший в состав Временного Комитета Государственной Думы, без всяких обиняков заявил, что если воцарение Михаила Александровича состоится, то рабочие города Петрограда и вся революционная демократия этого не допустят. Идти на такое положение вновь воцаряемому Царю, очевидно, в смутное тревожное время было совершенно невозможно. Но что всего существенней – это то, что принимая в соображение настроение революционных элементов, указанные членом Государственной Думы Керенским, для нас было совершенно ясно, что Великий Князь процарствовал бы всего несколько часов, и немедленно произошло бы огромное кровопролитие в стенах столицы, которое бы положило начало общегражданской войне.

Для нас было ясно, что Великий Князь был бы немедленно убит и с ним все сторонники его, ибо верных войск уже тогда в своем распоряжении он не имел и поэтому на вооруженную силу опереться бы не мог. Великий Князь Михаил Александрович поставил мне ребром вопрос, могу ли ему гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему ответить отрицательно, ибо, повторяю, твердой вооруженной силы не имел за собой. Даже увезти его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один автомобиль не был бы выпущен из города, как не выпустили бы ни одного поезда из него. Лучшей иллюстрацией может служить следующий факт: когда А.И. Гучков вместе с Шульгиным вернулись из Пскова с актом отречения Императора Николая II в пользу своего брата, то Гучков отправился немедленно в казармы или мастерские железнодорожных рабочих, собрал последних и, прочтя им акт отречения, возгласил: «Да здравствует Император Михаил!», но немедленно же он был рабочими арестован с угрозами расстрела, и Гучкова с большим трудом удалось освободить при помощи дежурной роты ближайшего полка.

Несомненно, что были и сторонники Великого Князя Михаила, и его воцарение означало бы начало гражданской войны в столице. Возбуждать же гражданскую войну, при наличии войны на фронте и ясного понимания нами, что гражданская война вызовет такую смуту в тылу, которая лишит Действующую Армию необходимого подвоза пищевых и боевых припасов, – на это мог решиться только Ленин, но не Государственная Дума, задача которой рисовалась в этот ужасный момент не в возбуждении страстей, а в умиротворении и приведении взволнованного моря народной жизни в должное успокоение. Такой мерой было, несомненно, отречение Императора Николая II и воцарение Цесаревича Алексея Николаевича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Но упущение

времени смерти невозвратной подобно, и было уже поздно. В революционную эпоху события мчатся с такой головокружительной быстротой, что-то, что еще сегодня представлялось возможным, завтра делается уже невозможным к осуществлению. Так было и в этом случае»¹.

События 23 февраля – 2 марта 1917 г. меньшевик **Н.Н. Суханов** называл и «мартовским переворотом» и революцией, причём исключительно буржуазной, полагая, что власть в стране должна перейти к П.Н. Милюкову и деятелям «Прогрессивного блока». Н.Н. Суханов поразилась слабость власти в те дни, растущее разложение среди полиции и войск. По его мнению, «власти должны были, не медля ни часа, найти и пустить в дело надлежащую военную или полицейскую часть»².

Любопытны очень оценки Н.Н. Сухановым **А.Ф. Керенского**. «Я утверждаю, – писал **Н.Н. Суханов**, – Керенский действительно был убежден, что он социалист и демократ. Он не подозревал, что по своим убеждениям, настроениям, тяготениям и вкусам он самый настоящий и самый законченный радикальный буржуа, а в своей политике он воплощает самую доподлинную систему предательства демократии и защиты узкоклассовых интересов капитала... Керенский был искренний демократ... Он был по природе агитатором, лидером оппозиции, народным трибуном. Но он не был по природе государственным человеком. Не имея под собой устойчивого теоретического фундамента. Керенский не имел и верного практического инстинкта, сколько-нибудь пригодного для работы в общегосударственном масштабе... Керенский был искренний слуга демократической революции... Керенский принадлежал к числу социалистов народнического толка. На языке марксистского социализма это означает, что Керенский был мелкобуржуазным демократом. И это его классовое положение, эта его классовая идеология должна была определять его устремления и его тяготения в политике... Его демократизм был интеллигентским народолюбием... По своим стремлениям, вкусам, повседневным интересам, связям это не был участник социалистического массового движения. Это был столичный адвокат, всеми корнями связанный с петербургским радикальным и либеральным обществом»³.

Великая Российская (Русская) революция 1917 г. продолжалась достаточно долго, с нашей точки зрения, 22 года, с 1917 по 1939 гг. В своём развитии по нарастающей, а затем по нисходящей линиям она, как и Великая Французская буржуазная революция последней четверти XVIII в., по нашему мнению, прошла четыре этапа:

1. **Буржуазный** (февраль/март – октябрь/ноябрь 1917 г.), который в свою очередь делился на два периода – буржуазно-либеральный (весна-лето 1917 г.) и буржуазно-демократический (лето-осень 1917 г.).

2. **Радикально-демократический или «якобинский»** (октябрь/ноябрь 1917 г. – март 1921 г.). Это было время политики «военного коммунизма», красного террора и гражданской войны, сопровождаемой иностранной военной интервенцией. В революцию включились огромные массы мелкой буржуазии города и деревни.

3. **Народно-демократический или «нэповский»** (весна 1921 г. – 1928 г.). Это был этап завершения гражданской войны и иностранной военной интервенции, поправления большевизма и отказа от политики «военного коммунизма», время образования СССР (т.е. почти полностью восстановления границ бывшей Российской империи) и новой экономической политики (нэпа).

4. **Государственно-социалистический или «реставрационный», «советский термидор»** (1929-1939 гг.). В результате ускоренной и во многом силовой

¹ Цит. по: Родзянко, М.В. Указ. соч. – С. 301-303.

² Суханов, Н.Н. Записки о революции: В 3 т. Т.1. Кн. 1. М., 1991. – С. 47-51, 59-61.

³ Там же. – С. 68-72.

модернизации в СССР был построен государственный социализм в виде сильной, современной державы. Именно этому были подчинены сталинские индустриализация, коллективизация и культурная революция. В результате в конце 1930-х гг. была построена супердержава в своих прежних границах. В 1939-1940 гг. были окончательно восстановлены границы исторической Руси и Российской империи. В этом огромная историческая заслуга советского большевизма и лично И.В. Сталина, который, по словам У. Черчилля, принял Россию с сохой, а оставил с ядерной ракетой. В 1936-1939 гг. в СССР была осуществлена «номенклатурная революция» и устранена угроза военно-политического государственного переворота со стороны старой «ленинской гвардии» и группы советских военных, тесно связанных с Великобританией, США и Германией. Победу «государственного социализма» в СССР, который мы привычно называем «административно-командной системой» или «сталинизмом», де-юре закрепила Конституция СССР 1936 г.¹

Так, на наш взгляд, завершилась Великая Российская (Русская) революция 1917–1939 гг., которая по своему характеру, вне всякого сомнения, была народно-демократической. **Великая Российская (Русская) народно-демократическая революция 1917-1939 гг.** заменила «старую» императорскую Россию 1721–1917 гг. на «новую», советскую Россию, воплощением которой стал Союз Советских Социалистических республик (СССР) 1922–1991 гг. Именно большевизм и И.В. Сталин возродили и построили сверхдержаву, победили фашизм и открыли уже новой стране путь к «**общенародному государству**». Всё новое и великое рождалось в жертвах и лишениях и было невозможно без трудового героизма и энтузиазма советских людей, строивших социализм, в который они в своей подавляющей массе верили, как верили и в «великого Сталина». Таковы, на наш взгляд, исторические реалии и основные итоги Великой Российской (Русской) народно-демократической революции 1917–1939 гг.

Что касается лично **И.В. Сталина** как политического деятеля и лидера Великой страны (СССР), то он негативно относился как к «советской буржуазии» (сокр. «совбурам»), так и к националистически настроенным сепаратистам как в самой России, так и по её окраинам, поскольку хорошо знал, что первые снова своим непомерным стремлением к обогащению вызовут революцию «снизу» или госпереворот «сверху», а вторые – развалят единую и сильную страну. Это тоже уроки нашей истории, нашей революции и нашего сталинизма. Хотелось бы подчеркнуть ещё раз в этой связи: «**советский термидор**» в истории Российской Великой (Русской) народно-демократической революции 1917–1939 гг. был успешен и эффективен. Он привёл к возрождению России, созданию сверхдержавы (СССР), а затем и общенародного государства (также СССР), но уже после смерти И.В. Сталина и завершения той Великой революции 1917–1939 гг.

В своей книге «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века» профессор Санкт-Петербургского университета и главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (РАН), доктор исторических наук **Борис Николаевич Миронов** отмечал, что «в историографии существует два взгляда на революционные события 1917 года. Согласно первому, в России произошли две революции – в феврале и в октябре. По второй версии февральские и октябрьские перевороты являлись двумя последовательными стадиями или этапами одной революции. Версия единой революции высказа-

¹ См.: История России. XX век: 1894-1939. М., 2009. – С. 955-974; Хлевнюк, О. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936-1939 гг. // Российская история. 2016. №5. – С. 36-52; Пыжиков, А. Корни сталинского большевизма. М., 2016. – С.322-324.

на давно. Ее разделяли многие представители кадетов и социалистических партий. Например, редактор кадетской газеты «Речь» И.В. Гессен утверждал: Февраль – черват Октябрем, «ради которого стихия Февраля разразилась настоящим праздником». Ее придерживались большинство большевистских теоретиков до 1924 г., ибо концепция перманентной революции, разработанная Л.Д. Троцким, и концепция перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (два звена одной цепи), предложенная В.И. Лениным, при известных отличиях между ними, оценивали февральские и октябрьские события 1917 г. как единый процесс.

Концепция двух революций восходит к дискуссии 1924 г. по поводу «Уроков Октября» Л.Д. Троцкого, но окончательно сформировалась в первой половине 1930-х гг. и стала официальной при советской власти. Именованье октябрьского переворота Великой Октябрьской социалистической революцией имело пропагандистский эффект и политический смысл – подчеркнуть величие ее творцов, уникальность и всемирно-историческое значение самого события. В настоящее время все больше российских и зарубежных исследователей склоняются к мысли, что февральские и октябрьские события 1917 г. являются двумя этапами одной революции, начало которой целесообразно передвинуть к 1914 г., моменту вступления России в Первую мировую войну, а завершение – к 1920 г., окончанию Гражданской войны. И это представляется вполне резонным. Февральские события не успели завершиться легитимацией нового режима или его полным фактическим утверждением. Не случайно и правительство являлось *временным*, и парламент – *предпарламентом*. Определить правовой статус и превратить новый режим в легитимный должно было Учредительное собрание, но оно собралось слишком поздно и было безрезультатным – большевикам удалось его разогнать. Возвращение к концепции единой революции вполне оправдано и в сравнительно-исторической перспективе. Революционные события в Нидерландах в 1566-1579 гг., продолжавшиеся 13 лет, разделяются на четыре этапа, а не на четыре революции. Английская революция XVII в. (известная также как Английская гражданская война), длившаяся 18 лет, 1642–1660 гг., также делится историками на этапы или войны, а не на революции. Наконец, в истории Великой французской революции, 1789–1799 гг., историки выделяют четыре этапа, а не четыре революции, хотя взятие Бастилии, установление якобинской диктатуры, термидорианский переворот и переворот 18 брюмера могли претендовать на статус отдельной революции»¹.

Выступая с очередным Посланием перед Федеральным собранием Российской Федерации на 2017 г. Президент России **В.В. Путин** 1 декабря 2016 г. отметил, что 2017 год – это год столетия Февральской и Октябрьской революций. «И в год этого столетия, – подчёркивал **В.В. Путин**, – необходим объективный и честный анализ этих событий. Это весомый повод вспомнить о причинах и природе революции в России. Мы хорошо знаем, какие последствия несут так называемые великие потрясения. К сожалению, в нашей стране в минувшем веке их было много». Далее российский Президент заявил, что очень важны уроки истории этих двух революций, прежде всего для национального примирения, и что недопустимо тащить расколы, злобу и обиды прошлого в нашу современную жизнь. Завершая вступительную часть своего обращения, В.В. Путин заявил: «Давайте будем помнить: мы единый народ, мы один народ и Россия у нас одна!»².

Как отмечают современные российские политологи, за свою более чем тыся-

¹ Цит. по : Миронов, Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России XVIII – начало XX века. М.: Весь Мир, 2012. – С. 566.

² См.: Российская газета. – Неделя. №-7141 (273). – 1 декабря 2016 г.

четлетнюю историю Россия четыре раза терпела подлинные **Крушения**, когда вставал вопрос о выживании ее как государства и нации. Первое Крушение было вызвано внешним завоеванием: в XIII в. раздробленные русские княжества стали добычей монгольского войска. Все последующие Крушения объяснялись почти исключительно внутренними причинами, которые порождали революционные взрывы, ставившие страну на грань существования. Так было в начале XVII в., когда Россия захлебнулась в братоубийственной Смуте. Так было в ходе революции 1917 г., когда Гражданская война унесла миллионы жизней, а государственность была восстановлена методами большевистской диктатуры. Так было в 1991 г., принесшем развал СССР (который был формой существования России). Четыре Крушения, которые А. Ахиезер, И. Клямкин и И. Яковенко назвали **«катастрофами российской истории»**, эти авторы связали с последовательной гибелью киевской, московской, романовской и советской государственности. После каждого из этих Крушений Россия возрождалась, начинала заново. Каждый раз это была другая Россия. Но только немного другая. Потому что люди оставались теми же, и они воспроизводили во многом прежние ментальные культурные стереотипы¹.

6 марта 1917 года состоялось очередное заседание **Особого Совещания по обороне государства** под председательством военного министра Временного правительства **А.И. Гучкова**, который заявил, «что согласно имеющимся у него сведениям новый строй получил всенародное и всеармейское признание. Однако вызванное переворотом возбуждение еще не улеглось и в этом заключается некоторая государственная и стратегическая опасность. Очередной задачей является установление нормального хода жизни путем объединенной творческой работы всех живых сил страны. С призывом к этой работе А.И. Гучков и обращается к членам Особого Совещания по обороне государства. Отвечая А.И. Гучкову, член Государственного Совета А.И. Гурко высказал, что члены Совещания от всей души приветствуют тех лиц, которые вывели Россию на новый путь, и не сомневаются в их искренней и беззаветной преданности интересам родины. Со своей стороны члены Совещания приложат все усилия к тому, чтобы своей работой содействовать благосостоянию и процветанию России»².

Так в эйфории, по крайней мере, среди либеральной, демократической и социал-демократической элиты тогдашней России, начиналась **Великая Российская (Русская) буржуазно-демократическая революция 1917–1939 гг.** В феврале-марте 1917 г. никто не знал, к каким трагическим и одновременно созидательным событиям и последствиям она приведет.

¹ См.: Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М., 2016. – 564; Ахиезер, А., Клямкин, И., Яковенко, И. История России: конец или новое начало? М., 2005.

² Цит. по Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (особое совещание по обороне государства). 1915-1918: в 3 т. / под ред. А.П. Корелина, А.С. Грузинова. М., 2013. Т. 3. – С. 152.

ГЛУБИНА И ОПАСНОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ РОССИИ И СЛАВЯНСКОМУ МИРУ В XX – НАЧАЛЕ XXI В. В КОНТЕКСТЕ ПРАВДЫ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Е.П. Сабодина, Г.И. Карчевский, Ю.С. Мельников

Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ленин останется солнцем для всех народов мира, и мракобесам не хватит земли всей планеты, чтобы закопать идеи Ленина.

Уго Чавес

Актуальность исследования заключается в том, что в условиях современного исторического и цивилизационного вызова, брошенного России и славянскому миру, идеи Великого Октября, осмысленные в условиях современной реальности, являются спасением не только для России и славянского мира, но и для всех народов Земли.

Целью исследования является выявление системообразующих принципов цивилизации нашего Отечества и воплощение их в исторической реальности, в том числе и в XX веке.

Материал и методы. Материалом исследования является ряд исторических источников и фактов, оказавших наибольшее влияние на нашу цивилизацию. Метод исследования: структурно-функциональный и системный подход.

Результаты и обсуждение: выявлена необходимость глубокого изучения и анализа идей Великой Октябрьской социалистической революции и их воплощения в XX веке в целях предотвращения ухода нашей цивилизации и народов нашего Отечества с круга земного, а также в целях предотвращения уничтожения планетарной цивилизации транснациональным капиталом.

Под принципом понимается основное положение, идея, лежащая в основе. Любая научная дисциплина, религия, система знаний начинается с одного или нескольких принципов. В данной работе мы попытаемся увидеть принципы, лежащие в основе цивилизации нашего Отечества.

Формирование России как великой державы занимает достаточно долгий период истории, начавшийся в тринадцатом веке и продолжающийся по сей день. Для нас важно подчеркнуть, что обширность территории и мощь вооружённых сил нашего Отечества в период с XIII века и по настоящее время обусловлены определёнными системообразующими принципами, которые мы попытаемся обозначить в данной работе. В начале нашей цивилизации стоит исполинская фигура А. Невского, определившего образец государственного служения народу. «Положи жизнь за други своя» – эти слова А. Невского подразумевают формирование нового образца поведения русского лидера. «Необходимо было позорное иго обратить в школу воспитания русского народа. Александр, продолжая дело отца, восстанавливал разрушенные города, собирал в них жителей. ... Он один из тех немногих великих людей в истории, которые завершают эпоху и, осознав полную несостоятельность прежних форм жизни, отдаются на служение новым началам, несмотря на личные страдания и даже унижения» [2, стр. 117]. Историк Катанчиев С.Т. подчёркивает, что Александр «является перед нами великим правителем и героем, который жертвует своим спокойствием, всеми выгодами и почестями своего положения, всеми личными интересами для того, чтобы заложить прочные основы великого здания будущего, отличаясь в этом отношении от всех современных ему князей» [2, стр. 118]. Таким образом, можно обозначить первый принцип как доблесть правителя по образцу А. Невского.

Второй принцип касается жизни народа. Он сформируется благодаря духовному подвигу святого Сергия Радонежского и будет иметь такие же далекие, как и первый, актуальные и сегодня последствия. Обратимся к истории: «...добродетели его были такие: голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный. ... Повелел он твёрдо следовать заповеди святых отцов: ничем собственным не владеть никому, ничего своим не называть, но всё общим считать», работать, и кто не работает, тот не ест [1, стр. 86].

Теперь обратимся к более близкому нам времени – шестидесятым годам прошлого века:

1. Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.
2. Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.
3. Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.
4. Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного.
5. Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат.
6. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.

Вышеуказанные социальные нормы взяты из Морального кодекса строителя коммунизма, и мы понимаем, что, несмотря на разницу эпох и времён, наше Отечество всегда остаётся самим собой, и перед нами нормы жизни народов России. Пётр Миронович Машеров, Герой Советского Союза и Герой социалистического труда, воплотил в своей жизни оба системообразующих принципа русского народа и цивилизации нашего Отечества: доблесть правителя и доблесть простого человека. В тяжёлые годы позднего СССР, когда идеалы Великого Октября обесценивали рвачи и карьеристы, Пётр Миронович был надеждой и опорой не только для белорусов, – о нём знали и на Кавказе, и в Сибири, и в Средней Азии. Его преждевременная смерть была тяжкой утратой для всех народов Советского Союза.

Третьим системообразующим принципом станет окончательно оформленная в горниле Великой Отечественной войны дружба народов. Не только личности стремятся к правде и счастью, но и народы. И до Октября 1917 у народов был один путь к свободе – государственный суверенитет. Однако с победой Советской власти народы убедились в существовании второго, гораздо более успешного и действенного пути, на котором единство народов даёт возможность национального освобождения от гнёта капитала. Никакому народу не под силу справиться с объединёнными усилиями транснационального капитала. Подавленными и обездоленными являются не только народы колониальных территорий, но и так называемого «золотого миллиарда». Нет такой формы рабства, нет такой жестокости и подлости, перед которыми бы остановились империалисты в подавлении народов, в том числе и народов «золотого миллиарда». Голод и военные действия, убивающие народы Африки, превращаются в коварное и подлое уничтожение семьи и детей в развитых странах, прикрытое фиговым листочком заботы о детях. Вот что высказал И.В. Сталин в своих лекциях об основах ленинизма, прочитанных в свердловском университете: «...коммунизм знает, что объединение народов в едином мировом хозяйстве возможно лишь на началах взаимного доверия и добровольного соглашения, что путь образования добровольного объединения народов лежит через отделение колоний от «единого» империалистического «целого», через превраще-

ние их в самостоятельные государства. Отсюда необходимость упорной, непрерывной, решительной борьбы с великодержавным шовинизмом «социалистов» господствующих наций (Англия, Франция, Америка, Италия, Япония и пр.), не желающих бороться со своими империалистическими правительствами, не желающих поддерживать борьбу угнетённых народов «их» колоний за освобождение от гнёта, за государственное отделение. Без такой борьбы немыслимо воспитание рабочего класса господствующих наций в духе действительного интернационализма, в духе сближения с трудящимися массами зависимых стран и колоний, в духе действительной подготовки пролетарской революции» [4, стр. 45].

После создания выше цитируемой работы прошло много времени, и мы видим, какую цену пришлось заплатить за отсутствие должного воспитания народных масс в духе братства и дружбы народов. Мы знаем, как мало времени понадобилось для формирования фашистских организаций и развязывания Второй мировой войны, в которой в массовом порядке один народ проводил геноцид других народов.

Не следует забывать, что Россия – правопреемница Киевской Руси, а значит, в основе её культурного развития лежит всё богатство античной, православной и народной культуры. Византия сумела сохранить культуру античности и православия и передать эстафету развития своей правопреемнице. Сократовский идеал гражданской доблести и уважения к государству, невзирая на заблуждения государственных лидеров, станет школой воспитания народов нашего Отечества. Таким образом, в общественном сознании формируется труднодостижимый, но объективно вызывающий к воплощению идеал взаимной ответственности личности и государства. Падение Константинополя и перенос центра православного мира в Москву придают этому идеалу планетарный характер, что отразилось в Сказании о Великих князьях Владимирских [3, стр. 104]. XX век убедительно покажет, что Москва по-прежнему третий Рим, а четвёртому не бывать. И век XXI, в котором народы нашего Отечества снова сражаются с фашизмом во всех его модификациях, вновь подтверждает правоту создателей Сказания о великих князьях Владимирских.

Исторический путь, избранный народами нашего Отечества, труден, но благороден. Наша история переживается народами в неисчислимых страданиях. Но через все её периоды народам удаётся пронести великую правду цивилизационных принципов, заложенных в её основании. Каждый этап нашей истории является следующей ступенькой восхождения, и мы не можем этого отрицать. Позорное и тяжкое иго стало школой воспитания и закалки русского характера: в этот период народ расстался с формами кабальной зависимости. Русская смута позволила физически расстаться с опричниками, Алексей Михайлович воссоединил славянские народы в их противостоянии с Западом, его сын Пётр предотвратил превращение России в жертву Швеции своими великими преобразованиями. События октября 1917 находятся в русле российской истории и являются её логическим продолжением.

Исторической судьбой на протяжении всей нашей истории народам нашего Отечества бросается тяжкий вызов. Он заключается в суровости северной природы, тяжёлых внутренних распрях, неизменно происходящих из века в век под разными предлогами, но единых по своей сути. Есть путь, открытый основателями цивилизации, и есть отступления от него, которые и обусловили распри. Но это наши внутренние вызовы. На наш взгляд перед цивилизацией нашего Отечества встали несовместимые с её существованием внешние вызовы, которые нуждаются в скорейшем осмыслении.

Во-первых, следует отметить, что общий информационный фон общепланетарной «болтовни ни о чём», доступ ко всему многообразию информации, падение общего культурного и образовательного уровня большинства сделали людей невосприимчивыми. Проникнувшись идеей «сколько людей, столько и мнений»,

окунувшись в невообразимую информационную какофонию, люди утратили способность слышать великий смысл слов и адекватно действовать. Это и есть первый вызов, который необходимо преодолеть.

Во-вторых, увлечение идеями капиталистического обогащения, пронизавшее все структуры ещё советского общества, привело все народы СССР к жесточайшему поражению. Это поражение до сих пор не осознано, и его самые разрушительные последствия ещё не проявились. Самым опасным из этих последствий следует считать растление народа вплоть до формирования фашистского мировоззрения и фашистской государственности.

В-третьих и в-главных, пушкинское, провидческое: «Чую я, повернутся против России все пушки Европы». Понять, что за пушки повернулись против нашей цивилизации сегодня и в чём их ударная сила, значит понять современный исторический и цивилизационный вызов, имеющий своей целью вытеснить нас с круга земного. Противостоящий нам беспощадный и ненасытный мир капитала уже не первый раз пытается уничтожить народы нашего Отечества. Опыт Великой Октябрьской социалистической революции для нас бесценен, так как, вероятно, основное историческое значение этой революции заключается в том, что мы до сих пор не уничтожены. И следует понимать, что любые формы недооценки Октябрьской революции являются самоубийственными для любого человека и любой социальной группы нашего исторического пространства. Ни бедным, ни богатым, ни русским, ни белорусам, ни украинцам, ни народам Кавказа – никому наши так называемые партнеры, в лице прежде всего транснационального капитала, не оставили права на жизнь. Используя коварные методы прикрытия своих бесчеловечных интересов, наши противники, растлевающие даже свои собственные народы, тем более беспощадны к чуждым им народам нашего Отечества. Люди, живущие в Беларуси, помнящие Великую отечественную войну, знают об этом как никто другой.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать следующие выводы:

1. Народам нашего Отечества в очередной раз брошен смертельный вызов.
2. В нашей истории, а именно в XX веке, нам уже приходилось справляться с подобными вызовами благодаря принципам, рождённым в горниле Октябрьской революции, и их практической реализации.
3. Современный вызов превосходит имевшие место ранее по степени вооружённости наших недоброжелателей (ядерное оружие, готовность к его превентивному применению, коварство информационного, психологического, культурного и иных типов воздействия) и является наиболее опасным.
4. Не осознав должным образом собственный исторический опыт, и прежде всего опыт преобразований, вызванных Великим Октябрем, мы обречены на поражение.
5. Поскольку народы нашего Отечества в принципе пораженцами не являются, следует отметить позитивный вклад самого факта проведения нашей конференции в дело нашей Великой Победы в противостоянии транснациональному капиталу и его вольным или невольным союзникам.

Источники и литература:

1. Житие Сергия Радонежского. // Орлов А.С. и др. Хрестоматия по истории России. М., 2016.
2. Катанчиев С.Т. Александр Невский – правнук кипчакского (половецкого) хана Котьяна // Нальчик 2008 г., 117 стр.
3. Сказание о Великих князьях Владимирских Древней Руси. // Орлов А.С. и др. Хрестоматия по истории России. М., 2016.
4. Сталин И.В. Об основах ленинизма. К вопросам ленинизма. // Партийное издательство. М., 1933.

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.: К ВОПРОСУ О ЕЁ НЕОБХОДИМОСТИ И НЕИЗБЕЖНОСТИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РЕВОЛЮЦИОННЫМИ СОБЫТИЯМИ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

А.А. Лукашов

Минск, РУП «Белкартография»

Дебаты относительно трактовки событий 1917 г. на постсоветском пространстве ведутся с момента появления свободы слова в последние годы существования Советского Союза. Наряду с господствовавшей в Советском Союзе концепции безусловного восхваления Великой Октябрьской социалистической революции, совершённой политически сознательными народными массами и открывшей двери «новой светлой эры человечества», распространились теории которых объединяет отношением к данному событию, как безусловно трагическому, произошедшему в результате стечения ряда обстоятельств (или) заговора неких политических сил [1]. В зарубежной историографии такие дебаты существовали всегда [2, с. 39]. Эти скептические оценки именуют произошедшее в 1917 г., зачастую, не революцией, а переворотом, который можно было предотвратить. Сторонники такой скептической оценки либо отрицают ускоренное по сравнению с предреволюционными годами социально-экономическое развитие страны или считают это ускорение не таким уж значительным, не стоящим тех жертв, которые были принесены.

Если проанализировать географию произошедших к настоящему моменту революций, то мы увидим, что такое явление хотя бы раз имело место в истории значительного числа государств мира. В Европе почти нет стран, в которых бы не было революций. В этой части света исключение составляет лишь страны Скандинавии. Однако они в конце XVIII – первой половине XIX в. оказались под мощным идеологическим воздействием той революционной волны, которая охватила практически всю Европу. Дания и Швеция, под властью королей которых и находился данный регион, имея перед глазами пример того, что может произойти с государством, в котором статус целых социальных слоёв не совпадает с той ролью, которую они играют в жизни страны, с нордической взвешенностью провели востребованные обществом в конце XVIII – XIX в. реформы. При этом, Дания и Швеция в то время с политической точки зрения представляли собой силу второго порядка. Руководству этих стран при проведении своей политики приходилось это учитывать, чтобы не допустить прямого вмешательства в свои внутренние дела ведущих стран Европы (в период наполеоновских войн обе страны потерпели серьёзные поражения: Дания от Великобритании, а Швеция от Российской империи). В Америке все государства, кроме Канады и некоторых небольших стран, пережили на определённом этапе своей истории революцию. В Азии наиболее значимой группой государств, не переживших революцию, являются страны до середины XX в. составлявшие Британскую Индию. Однако британское правительство само предпринимало определённые шаги по модернизации этой своей чрезвычайно важной колонии. Революции не стали эпизодом истории стран тропической Африки, которые, за небольшим исключением, до недавнего времени находились в составе колониальных империй европейских государств и в немалой степени до сих пор находятся под экономическим и политическим влиянием своих бывших метрополий. В этих странах, как и в абсолютном большинстве стран Азии, модернизация отнюдь не завершена.

Классический марксизм определяет революцию как коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного общественного строя; орудие и средство перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Когда на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке [3, с. 7].

Для любой революции характерен определённый набор свойств, а также вытекающих из этого обстоятельств:

1) Революция предполагает сознательное стремление широких масс к изменению государственного строя. Это предполагает, достаточно высокий средний уровень образования населения, достаточный для того, чтобы широкие народные массы могли стать адептами определённой идеологии. Это объясняет почему революции имели место в новое и новейшее время.

2) Важной характеристикой любой революции является состав её движущих сил и их массовость. Это означает, что революция не может ограничиваться какой-то локальной территорией. Даже если выступление началось в отдельно взятом городе, в революционной ситуации это восстание получает поддержку в масштабе всей страны или её значительной части.

3) Революции происходят в недемократических государствах с достаточно жёстко стратифицированной социальной структурой. Характер государственного устройства и политический режим стран в предреволюционной ситуации практически не даёт возможности для мирного разрешения существующих в обществе социальных противоречий. Из этого следует, что в действительно демократическом обществе революция невозможна, так как любые противоречия могут быть разрешены парламентским путём.

4) Революции происходят в странах, в которых значительная часть общества осознаёт необходимость изменения государственного строя, однако отсутствуют возможности для легального его изменения. Институты традиционного общества имеют охранительно-консервативную направленность нацеленного на стабильность, а не развитие. Из этого следует, что революция – это всегда насильственное изменение государственного строя.

Первые революции произошли в наиболее развитых странах своего времени: Голландии, Англии, североамериканских колониях Великобритании. Начавшаяся в 1789 г. во Франции революция, вскоре, благодаря успехам французской армии, охватила большую часть Европы. Поэтому уместно говорить об общеевропейском характере этой революции, которая началась в одной из наиболее развитых стран XVIII в., а затем была поддержана на большей части остальной Европы. Она произошла в период, когда континентальная Европа вплотную подошла к промышленному перевороту (в Англии промышленный переворот к этому времени уже начался). Революции 20-х – 30-х годов XIX в. происходили одновременно в нескольких странах Европы. Революция 1848–1849 гг. по своим масштабам была сопоставима с Великой французской. Она носила общеевропейский характер и произошла во время набиравшего темп промышленного переворота в континентальной Европе. Однако все эти революционные события, менявшие социальный

облик Европы имели только очень слабый отклик в России. Во второй половине XIX в. Россия вступила в эпоху промышленного переворота имея крайне архаичные социальные отношения. Так, крепостное право, один из наиболее значительных пережитков феодализма, было формально отменено в 1861 г., хотя его пережитки в виде выкупных платежей, просуществовали до столыпинской реформы 1906 г. (точнее, выкупные платежи были отменены в конце 1905 г.). В начале XX в. Россия по объёму промышленного производства, составлявшему 5% от мирового, вышла на 5-е место в мире [4, с.30], создав примерно пропорциональный этому числу промышленный пролетариат, но имея огромное отставание в развитии социальных отношений, которые на селе всё ещё оставались в значительной степени феодальными. Пролетариат России был сконцентрирован в немногих промышленных центрах, особенно в Москве и Петербурге – крупных столичных городах, бывших центрами не только экономической деятельности, но и культурной жизни и общественной мысли. Кроме установленного законами Российской империи неравноправия в качестве источника напряжения можно упомянуть произвол чиновников на местах, повсеместную коррупцию. Ряд крупных военных конфликтов, в которых участвовала Российская империя – русско-японская (1904–1905 гг.), Первая мировая (1914–1918 гг.) – продемонстрировали неэффективность существующего в ней государственного управления. Спусковым крючком для революции 1905–1907 гг. в немалой степени послужили неудачи российских войск в русско-японской войне, а для революции 1917 г. – поражения в Первой мировой. Одним из плодов Первой российской революции была столыпинская аграрная реформа, а другим – возникновение парламента – Государственной Думы с весьма ограниченными полномочиями. В целом, государственный строй Российской империи в результате Первой российской революции изменился мало. Начатые П.А. Столыпиным реформы также не смогли решить аграрный вопрос. Были сделаны лишь несколько робких шагов по модернизации из тех многих, которых ожидала большая часть населения страны. Общество не было удовлетворено результатами революции. Правительству лишь силой удалось подавить выступления. Однако многое изменилось с началом Первой мировой войны. В классическом феодальном обществе дворянство формирует военную силу государства, при помощи которого поддерживает подчинённое, зависимое положение непривилегированных слоёв общества. Иная ситуация была в Российской империи к началу революции 1917 г. Если в начале Первой мировой войны лица дворянского происхождения составляли чуть более половины из 46 тыс. офицеров Русской императорской армии, то к 1917 г. в результате производства в офицеры 220 тыс. лиц, в большинстве своём рабочего и крестьянского происхождения, доля дворян резко упала. Так, участник Первой мировой войны начальник штаба 7-й армии Н.Н. Головин свидетельствовал, что из 1000 прапорщиков, прошедших школы усовершенствования прапорщиков под его командованием, около 700 происходило из крестьян, 260 – из мещан, рабочих и купцов и только 40 – из дворян [5, с. 477]. А среди рядовых солдат крестьяне составляли 80–90%. К такой структуре офицерских кадров неизбежно вела система комплектования армии, возникшая в ходе реформ 60-х – 70-х годов XIX в. и ситуация мировой войны, требовавшая общенародного участия в строительстве вооружённых сил, а не только немногочисленного класса дворянства. Этот пример показывает, что нельзя обеспечить военную безопасность режима реформируя армию, но не реформируя должным образом общество в целом. Пожалуй, накануне ни одной другой революции не было такого контраста между производительными силами и производственными отношения-

ми, между ролью не привилегированных сословий Российской империи и их статусом в ней. Феноменальна степень изоляции императора России накануне февраля 1917 г.: в оппозиции ему, молчаливой или открытой, находилась не только буржуазия, но и большая часть генералитета и даже часть дворянства и иерархов православной церкви, не говоря уже о рядовых солдатах и рабочих [6, с. 385–387]. И это в условиях абсолютной монархии! Это позволяет говорить о том, что Великая российская революция 1917 г. была самой перезревшей. Причиной Февральской революции была отнюдь не только неприязнь к императорской фамилии. Сразу после отречения Николая II по всей стране начались захваты помещичьих земель и погромы имений. Фактически начался передел земли, позже узаконенный Октябрьской революцией. Повсеместное и стихийное возникновение советов после Февральской революции свидетельствовало о широком желании строить свою жизнь на иных принципах, чем это было до сих пор. Советы изначально были многопартийными, но и после их большевизации они сохранились в качестве инструмента реализации власти на местах. В результате революции Россия от абсолютной монархии сразу перешла к республике. Вариант построения конституционной монархии практически не рассматривался. Этим Февральская революция отличается от Великой французской, которая от абсолютной монархии к республике пришла через конституционную монархию. Революции имели место в истории почти всех высокоразвитых стран современности. Кроме скандинавских стран, рассмотренных выше, включения составляют государства, именуемые в социально-экономической географии «странами переселенческого капитализма» (Канада, Австралия, Новая Зеландия, ЮАР, Израиль). Предлагаю их в данном контексте называть странами переселенческой модернизации (последние две из этого списка с некоторыми оговорками). Первая революция в Азии – Мэйдзи в 1868 г. была вызвана не только неравноправными договорами, навязанными Японии европейскими странами и США, но и серьёзным внутренним кризисом режима сёгуната. Российская империя столь сильно отставшая в плане обновления своей социальной системы практически не имела шансов избежать революции. Можно удивляться тому, что она не случилась ранее. И эта революция оказалась такой радикальной и сопровождалась такими жертвами в силу перезрелости противоречий к ней приведших.

Источники и литература

1. Миронов, Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации / Б.Н. Миронов. – М.: Весь мир, 2013. – 336 с.
2. Милюков, П.Н. История второй русской революции / П.Н. Милюков, – София.: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. – 867 с.
3. Маркс, К. Энгельс, Ф. Полное собрание сочинений : в 26 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955 – 1981. – Т. 13 : К критике политической экономии. – 378 с.
4. Хрестоматия по новой истории: Второй период / сост. П.И. Остриков. – М. : Высшая школа, 1993. – 276 с.
5. Головин, Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне / Н.Н. Головин. – Париж: Т-во объединенных издателей, 1939. – 580 с.
6. Жевахов, Н.Д. Воспоминания товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода князя Н.Д. Жевахова / Н.Д. Жевахов. – 2-е изд. – СПб: Царское дело, 2007. – 936 с.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПЛАНЕТАРНО-КОСМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Е.П. Сабодина, Г.И. Карчевский, Ю.С. Мельников

Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Чем ближе к Солнцу, тем ближе к Истине.

А. Л. Чижевский

Актуальность исследования заключается в том, что прошедшее столетие и сложившаяся современная социальная реальность вынуждает нас внимательнее и точнее проанализировать события Великого октября.

Целью исследования является выявление планетарно-космических оснований значимых социальных процессов.

Материал и методы. Материалом исследования являются конкретные исторические события 1917 года и их отражение в работах исторических лидеров. Метод исследования: метод системной целостности и структурно-функциональный подход.

Результаты и обсуждение: выявлена необходимость точного учёта планетарно-космических процессов при планировании и осуществлении социального действия.

Если в основу познания мира положить принцип целостности, как мира, так и познания, то открываются следующие перспективы:

1. Возможность синтеза данных естественных и гуманитарных наук с целью получения единого знания о мире.
2. Возможность выявления основных принципов организации материи и духа, из которых можно вывести всё многообразие окружающего мира.
3. Возможность формирования такого общего направления развития человека и общества, в котором будет полностью снято отчуждение человека от самого себя и сформированы социальные условия для раскрытия человеческого потенциала.

По нашему представлению успешные попытки использования принципа целостности в познании и преобразовании мира осуществлялись в рамках российской цивилизации прежде всего русскими философами космистами, а так же В.И. Лениным, И.В. Сталиным – в периоды активных социальных преобразований.

Планетарно-космическое единство, целостность и единообразие как космических, так и планетарных процессов не вызывают сомнения, но требуют внимательного и вдумчивого изучения. Работа А. Л. Чижевского «Физические факторы исторического процесса», опубликованная в 1924 году, по нашему представлению, становится всё более и более актуальной. Автор данной работы, на основе фундаментального эмпирического материала, со всей очевидностью доказал единство планетарно-космических связей. Жизнь Солнца и жизнь Земли показана как единый процесс, в котором глобальные изменения в жизни планеты тесно связаны с деятельностью нашего светила. Жизнь планеты обусловлена не только лучистой энергией, постоянно преобразующейся биосферой в океан растительной и животной жизни, но и циклическими вспышками солнечной активности. Важно отметить, что А. Л. Чижевский рассматривает не только взаимосвязь солнечно-земных связей, но и связи Солнца с космическим миром, выходящим за рамки солнечной системы. «По всему вероятно, солнце является огромным резонатором, быстро и чутко отзывающимся на движения своей системы и влияния электромагнитных колебаний мирового пространства. В таком случае причину воз-

никновения пятен следует искать внутри самого светила, но на распределение их во времени и на поверхности солнца, а также на изменчивость силы пятнообразовательного процесса можно допустить влияние внешних факторов» [2, стр.13].

А.Л. Чижевский убедительно показал связь биосферно-ноосферных процессов с активностью нашего светила. «...солнце представляет собою единственный источник для всех форм энергии, которую мы наблюдаем в жизни природы, начиная от нежного движения зефира, произрастающих семян растений и кончая смерчами и ураганами, и умственной деятельностью человека. Всё это – работа солнца, творчество солнца» [2, стр.17]. Цикличность солнечной активности параллельна активности народных масс и их лидеров. Характеризуя влияние полного цикла солнечной активности,

А.Л. Чижевский разделяет социальную активность на три периода: а) период минимальной возбудимости; б) период нарастания возбудимости; в) период максимальной возбудимости. Характерные черты первого периода следующие: «разрозненность масс, индифферентизм масс к вопросам политическим и военным, миролюбивое настроение масс, уступчивость, терпимость и т. д. Появление этих психологических признаков у исторически действующих масс человечества в первый период цикла сопровождается, обычно, отсутствием желания какой бы то ни было борьбы за идею или право, а потому влечёт за собой лёгкую капитуляцию, сдачу в плен, бросание оружия, бегство с поля битвы и пр.» [2, стр.35]. Для второго периода характерно следующее – «В течение второго периода следует различать три главных фазы в порядке постепенного их развития: 1) возникновение в массах идей; 2) группировка идей и 3) выявление одной основной идеи в массах данного человеческого сообщества к начальному моменту III периода» [2, стр.35].

«Никогда влияние вождей, полководцев не достигает такой огромной силы, как в период максимального напряжения пятнообразовательной деятельности Солнца. В этот период иногда бывает достаточно одного вовремя сказанного слова или одного жеста, чтобы двинуть целые армии и народные массы. Одно мановение руки вождя увлекает под знамёна разнородные национальности, входящие в состав государства, противоречащие партии, составляющие сообщество. В эту эпоху слово вождя – крылатое слово делает изумительное дело: его слушают, ему повинуются, а, между тем, целые потоки увещаний, раздававшиеся в период минимума на каждом шагу, не могли привести к желанному результату. Теперь даже имя вождя, произнесённое вслух, вызывает могучий подъём воодушевления. Массы идут за вождем слепо, не рассуждая, увлечённые в омут острого возбуждения экстаза» [2, стр. 38]. Такова характеристика третьего этапа. Великая Октябрьская социалистическая революция пришлась на вершину солнечного цикла, на 1917 год. Весьма показательным будет отношение В.И. Ленина к революционным событиям. Его тезис о том, что Россия беременна революцией, показывает, что вождь понимал постепенное созревание условий для победы революции. В работе «Марксизм и восстание» В.И. Ленин прямо указывает на определённый момент успешного восстания: «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это, во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъём народа*. Это, во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в рядах *слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это, в-третьих» [3, стр.372]. Вождь революции В.И. Ленин чётко ловит момент кульминации космической энергетики, проявленной в творчестве масс. Он пишет, что «... 3-4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически» [3, стр.372].

Теперь обратимся к другому вождю революции И.В. Сталину:

«В феврале месяце свергли царя солдаты и рабочие. Но, победив царя, они не захотели взять власть в свои руки. ... Это была роковая ошибка победителей. За эту ошибку расплачиваются теперь солдаты на фронте, рабочие и крестьяне в тылу. ... После победы революции власть осталась в руках помещиков и капиталистов, банкиров и спекулянтов, скупщиков и мародеров, – вот в чём роковая ошибка рабочих и солдат, вот где причина нынешних бедствий в тылу и на фронте» [7, стр.493]. Так И. В. Сталин сообщает фундаментальную идею, которая обеспечит народу победу. Вышеуказанные строки были впервые опубликованы в газете «Рабочий Путь» № 44, 6 ноября (24 октября) 1917 года, то есть за сутки до свержения Временного правительства. Немного ранее в той же газете (№35) И. В. Сталин пишет: «События внутренней и внешней политики, затяжная война и жажда мира, поражения на фронте и защита столицы, гнилость Временного правительства и «переезд» в Москву, разруха и голод, безработица и истощение – всё это неудержимо влечёт революционные классы России к власти. Это значит, что страна уже созрела для диктатуры пролетариата и революционного крестьянства» [6, стр. 473].

Идеи А. Л. Чижевского о воздействии на массы деятельности нашего светила, о планетарно-космическом характере истории находят документальное подтверждение в конкретных исторических событиях. Вечером, в канун вершины революции В.И. Ленин пишет письмо членам ЦК: «История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять всё. ... Промедление в выступлении смерти подобно» [4, стр. 436]. Исходя из вышеизложенного, мы понимаем, что лидеры революции просчитали момент кульминации социального развития с точностью до дня. Понятие «кульминация» используется также и в музыкальном искусстве, где обозначает высшую точку музыкального развития, которой предшествует ряд других точек кульминационных взлётов. Так и в горной гряде – Эльбрус, например, окружён другими вершинами, над которыми он возвышается, сообщая Кавказскому хребту его окончательную мощь. Процессы социального развития не противоречат диалектике планетарно-космической эволюции и всеобщим законам природы.

Между прочим, а чем же был занят в октябре 1917 главный субъект истории – Его величество русский народ в союзе с другими народами России? При Советах рабочих и солдатских депутатов, а в ряде мест при комитетах РСДРП (б), создаются боевые органы – военно-революционные комитеты (ВРК), которые станут штабами для организации захвата власти военным или мирным путём и временными чрезвычайными органами новой власти. Существовали губернские, городские, уездные, районные, волостные, а в армии: фронтовые, армейские, корпусные, дивизионные, полковые ВРК, которые самоупражнялись по мере укрепления Советской власти в центре и на местах.

Первый ВРК – Петроградский (ПВРК) был создан 12 (25) октября 1917 года решением Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В состав комитета входили представители Петросовета, фабрично-заводских комитетов, профсоюзов, центрального штаба Красной гвардии, Военной организации левых эсеров, Центробалта и других революционных организаций. Председателем и создателем «Положения о ВРК», т. е. его правовой базы, стал левый эсер П.Е. Лазимир (сын солдата, фельдшер, член Реввоенсовета Южного фронта, погиб от тифа в 1920 году в период организации санитарных мероприятий на освобожденных от Деникина территориях).

К 21-24 октября без разрешения полномочных комиссаров ПВРК, направленных в солдатские части, на промышленные предприятия, железные дороги и

учреждения, не выполнялось ни одно распоряжение, утратив власть полностью перешла к ПВРК, что было объявлено в воззвании «К гражданам России!».

По мере организации органов Советской Власти ПВРК передавал властные полномочия и сокращал свои функции вплоть до прекращения деятельности. Таким образом, народ оказался достоин своих лидеров, действовал параллельно и согласованно с ними, что в итоге и обеспечило бескровную и решительную народную победу. Однако благополучие и процветание народов России не входило в планы англо-саксонской верхушки. Из воспоминаний У. Черчилля: «... 23 декабря 1917 года между Англией и Францией была заключена конвенция ... как это указано в 3 статье договора, французская зона должна была состоять из Бессарабии, Украины и Крыма, а английская – из территорий казаков, Кавказа, Армении, Грузии и Курдистана. На заседании военного кабинета 13 ноября 1918 года намеченное выше и указанное разграничение сфер действия было подтверждено вновь» [8, стр.105]. Однако победа отжившего свой век, превратившегося в способ растления и уничтожения населения планеты социального строя, именовавшегося в то время капитализмом, и который сегодня следует именовать гробовщиком планетарной цивилизации, не входит в планы планетарно-космической эволюции. С высоты философии русского космизма, яркими представителями которого были А.Л. Чижевский и В. И. Вернадский, не может такого быть, что бы миллиарды лет нообиосферного развития завершились так называемым обществом потребления. Как в 1917 году народы нашего Отечества распознали планы мирового империализма и дали ему достойный отпор, так и в наше время предстоит это сделать.

Что следует понимать под основными принципами организации материи и духа, из которых можно вывести всё многообразие окружающего мира? Принципы эволюции вселенной, такие как диалектика и её три закона, раскрытые в работах Гегеля и Маркса; принципы формирования литосферы, биосферы, ноосферы, раскрытые в работах В. И. Вернадского; принцип неограниченности потенциала человека и принцип добра как фундамента человеческой природы, раскрытые в лучших произведениях религиозных философов и в социальной практике социалистического строительства. Организованность подразумевает системность, соподчинение, соразвитие, устремлённость к единой цели, которая в некоторой степени просматривается в прогностических работах К. Э. Циолковского и научной фантастике Ивана Ефремова.

На каком этапе планетарно-космического развития мы находимся, и какой этап цикла деятельности Солнца приходится на 2017 год? Преобразование вещества и энергии геосфер, изменения в целом химического состава планеты, на наш взгляд, неизбежны и закономерны в связи с закономерностью и неизбежностью наступления ноосферного этапа в развитии Земли. Мощь антропогенных изменений в первую очередь обусловлена особой способностью человечества использовать геохимическую энергию живого вещества биосферы [1, с.177]. Как нами уже ранее было обозначено [5], почва, окружающий ландшафт, одарившие людей энергией пассионарности, рождающей этнос и его историю, сам этнос, который впитал эту энергию по принципу обратной связи, изменил свой образ жизни, а значит и лик Земли, – есть источники и следствия планетарно-космического развития, прямые участники той эволюции, ноосферный этап которой гениально предвидят русские философы-космисты. Смысл ноосферного этапа в гармонизации отношений между природой и человеком, в осмыслении и налаживании связей между ними и участии Земли в исполнении общекосмической симфонии, содержание и предназначение которой будут осознаны людьми в процессе разви-

тия ноосферного этапа планетарной эволюции. Данный процесс не есть некое нематериальное мистическое явление, а есть конкретный материальный геохимический процесс, в котором геологический масштаб преобразования вещества и энергии геосфер обусловлен самой природой, материальной энергией пассионарности, а также источником и овеществлённым материальным результатом деятельности объединённых в народы людей.

Теперь о наиболее актуальном, то есть о поведении не в момент пика солнечной активности, а в моменты, следующие после спада, так как именно такой момент переживает в 2017 году планетарная цивилизация. А.Л. Чижевский приходит к следующему выводу: «... историческое развитие человечества, взятого в целом, должно протекать некоторым, вполне закономерным образом, по равнодействующей всех действующих на человечество внутренних сил социального порядка и внешних сил окружающей природы. ... Чрезвычайно важным и в чисто научном, и в практическом отношении является установление того факта, что исторические и общественные явления наступают не произвольно, не когда угодно, не безразлично по отношению ко времени, а подчиняются физическим законам в связи с физическими явлениями окружающего нас мира, и могут возникнуть только тогда, когда этому будет благоприятствовать вся сложная совокупность взаимодействия политико-экономических и других факторов в мире человеческом и физических факторов в мире неорганической природы» [2, стр.62]. В период между взлётами солнечной активности решающее значение следует придать разработке, обоснованию и продвижению идей, которые затем будут востребованы народными массами и обеспечат успех народных преобразований. Именно так и произошло в период Великой Октябрьской социалистической революции. Идея подлинного народовластия, то есть диктатуры пролетариата в форме Советской власти, была выработана, осмыслена и опробована гораздо раньше её триумфального воплощения. Отсюда ценность нашей конференции, в научном обсуждении наша задача не только выявить с учётом нашего времени непреходящее значение Великой Октябрьской социалистической революции, но и разработать идеи, необходимые народным массам в период планетарно-космического революционного подъёма, а также помочь воспитать элиту народов в духе этих идей. Возвращаясь к тому, с чего мы начали эту статью, предлагаем положить в основу формирования системы идей (которые, по нашему разумению, станут оружием в руках народных масс), – принципы целостности мира, единства естественных и гуманитарных наук, неисчерпаемости творческого потенциала человека.

Источники и литература:

1. Гумилёв Л. Н. Струна истории. М.2008. 607 стр.
2. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса Калуга 1924, 72 стр.
3. Ленин В. И. Марксизм и восстание. // Ленин, Сталин Избранные произведения 1917 года. Государственное издательство политической литературы. Москва 1938 г., 583 стр.
4. Ленин В. И. Письмо членам Ц.К. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1977. Т.34, стр. 436.
5. Сабодина Е. П., Никитин Е. Д. Почва и мировоззренческие основания единства народов России, прочности федеративной системы и благополучия населения. // Мировоззренческие основания культуры современной России. Магнитогорск, 2011 г., стр. 201-211.
6. Сталин И. В. Власть Советов. // Ленин, Сталин. Избранные произведения 1917 года. Государственное издательство политической литературы. Москва 1938 г., 583 стр.
7. Сталин И. В. Что нам нужно? // Ленин, Сталин. Избранные произведения 1917 года. Государственное издательство политической литературы Москва 1938 г., 583 стр.
8. Черчилль У. Мировой кризис. М. – Л., 1932.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

И.В. Мандрик

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Проблема смены политического режима и социально – экономического устройства через революционный процесс 1905–1907 гг. и 1917 года в Российской Империи, является объектом пристального научного изучения и дискуссий. Отечественная и зарубежная историография за текущие годы накопила немало изданий, в которых имеется обоснование **неизбежности** (равнозначно – **закономерности**), а также **случайности** коренных преобразований, что произошли в российском обществе в начале XX ст.

Зарубежные ученые, которые с интересом относились к изучению Российского государства периода конца XIX – начало XX ст. рассматривали российскую историю преимущественно в рамках принятой на Западе концепции индустриальной модернизации. Согласно этой концепции развитие исторического процесса разделено на пять стадий, где России отводилась роль догоняющего развития – «второго эшелона». Создатель этой теории У. Ростоу считал, что Россия к промышленной модернизации приступила лишь в конце XIX ст. Поэтому в начале XX ст. в связи с экономическим кризисом 1900–1903 гг. социально-политические противоречия здесь обострились до предельного уровня. Губительные последствия мирового кризиса в полуфеодальной России, на их взгляд, проявились острее и глубже, чем в других странах, вызвав раскол русского общества. Они отмечают, что в это время в стране реально имелись все объективные предпосылки растущего противостояния народа и власти. Революционное движение шло по нарастающей: революция 1905–1907 гг. есть закономерная реакция широких слоев населения на те порядки, которые существовали тогда в России [1]. Как видно, вопрос о возможности Первой русской революции 1905–1907 гг. учеными, как правило, под сомнение не брался

Февраль 1917 г. зарубежные историки рассматривали, чаще всего, как нежелательное явление, которое вылилось в острую политическую борьбу за власть. Россия этого периода им представлялась, как преуспевающая держава, имеющая объективную предпосылку к дальнейшему прогрессу, не сумевшая преодолеть трудности цивилизационным путем из-за экстремизма большевиков.

Слияние февральской и октябрьской революции в единый революционный процесс 1917 г., большинство зарубежных (в последние годы и отечественных) ученых-историков не оправдывают. События эти, в их понимании, были совершенно разными. В 1917 г. Российская Империя, как и многие другие европейские империи, подошла к эволюционным (а не революционным) демократическим преобразованиям. Никакой революции в феврале 1917 г., как они представляют, не было: эпоха монархии заканчивалась, в стране действовала уже государственная дума четвертого созыва. На добровольный уход царя от власти подвигли вполне демократические формы протеста: демонстрации с требованием либерализации режима. В результате чего было сформировано Временное правительство. Россия совершенно эволюционно стала республикой и вступила в эпоху демократии. Такие преобразования проходили демократическим путем, поскольку полностью поддерживались как элитой, так и большинством общества. 6 октября Временное правительство распустило думу, и началась подготовка к выборам в Учредительное собрание, которое должно было стать коллегиальным органом государства [2, с. 62].

Что касается Октября и прихода к власти большевиков во главе с В. Лениным, то это событие в зарубежной историографии подводится под концепцию «случайности». То, что произошло в конце октября 1917 г. по мнению авторов тоже нельзя называть революцией, это был государственный переворот, поставивший крест на российской демократии. Отдельные авторы, освещавшие историю Октябрьской революции, увидели ее конечный результат в заговоре «единого мирового еврейско-массонского большевицкого» союза. Становым хребтом заговора они называют «Протоколы сионских мудрецов» [3, с. 66].

Комплексный анализ научных работ отечественных авторов, свидетельствует, что при отображении исторических событий февральской и октябрьской революции 1917 г. и главных действующих в них лиц, постоянно вносились изменения. В ранней советской историографии господствовал тезис об отсталости и полуколониальной зависимости России от Запада, исходя из этого исследователи делали вывод о неразвитости российской экономики, забитости и некультурности народа, бездарности и близорукости императора и всей самодержавной иерархии. Имущие слои в истории партии и гражданской истории выглядели как единая реакционная сила. Причины народных движений сводились в основном к непримиримой классовой борьбе. В вышедшем в 1938 г. учебнике «Истории ВКП(б). Краткий курс», февральская революция раскрывалась как событие периода империалистической войны. Война, из фактора ускорителя революции превращалась в ее причину.

В 1960-е гг. советская историография преодолела тезис об отсталости и полуколониальной зависимости России. Вслед за зарубежными учеными, отечественные историки стали высказывать суждения, что к началу Первой мировой войны Россия была страной среднеразвитого капитализма, по уровню монополизации и концентрации производства находилась в числе передовых стран. В тоже время она являлась наиболее слабым звеном в империалистической системе. В экономике, социальном и политическом строе еще далеко не были изжиты остатки феодализма [4]. Экономическая, общественно-политическая и духовная жизнь в Российской империи давала веские основания для формирования в стране широкого оппозиционного движения, которое шло по нарастающей. В России XX века быстрее, чем в других империалистических странах, проходил процесс революционного созревания пролетарских масс. Это привело к революционным событиям и предопределило успех Февральской и Октябрьской революций. Большинство исследователей считают Февральскую революцию исходным пунктом процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

До середины 80-х гг. главным фактором поведения не только низов, но и верхов осенью 1917 г. в фундаментальных исторических работах называлось экономическое состояние страны, неспособность режима организовать военную экономику, наладить снабжение населения продовольствием. Утверждалось, что в условиях войны усиливались антивоенные и революционные настроения в обществе, армии, происходила резкая радикализация настроений интеллигенции и политическая изоляция самодержавия.

Революционный процесс советские историки чаще всего преподносили чрезмерно организованным, планомерным, искусно подготовленным. Стихийное движение рабочих и крестьян на местах, их поиски выхода из кризисного положения, рассматривались лишь как отражение революционной борьбы в центрах страны. Зная, что произошло в октябре 1917 г., советские историки, вольно или невольно подгоняли исследование под свершившийся результат.

В последние годы восприятие и отношение к Октябрьской революции 1917 г. различное. Одни считают ее Великой революцией, которая положила начало новой эре в истории всего человечества. Другие наоборот, характеризуют это явление во всех смыслах негативным для России и для Беларуси. В научных публикациях это историческое событие стало именоваться как «Великая Российская Революция», «октябрьский переворот», «Октябрьское восстание», «большевистский переворот» и др.

В России все события от февраля до октября 1917 г. в школах стали изучать по-новому. В историко-культурном стандарте (ИКС) **7 ноября** в списке исторических дат называется: «Февраль – ноябрь 1917 г. – Великая Российская революция». В какой логике находятся эти два события пока в учебниках не объясняется. И не случайно, в самом обществе, и среди специалистов по-прежнему отсутствует четкое понимание термина «революция». Хотя каких-то серьезных изменений энциклопедического значения термина революция в последние годы не произошло. Как отмечают отдельные историки, идея, заложенная в (ИКС) – предельно простая и понятная, отсылающая к неудачной попытке Б. Ельцина назвать 7 ноября «днем примирения и согласия». Налицо «качественно новые» историографические выводы. Из истории извлечено только то, что звучит «актуально» для сегодняшней политической конъюнктуры.

Белорусские историки в последнее время вместе с отказом от мифологизированных подходов к истории страны, меняют свои взгляды на историю Октябрьской революции. Признавая Великую Октябрьскую революцию как событие мирового масштаба, они не считают, что она имела, как это утверждалась ранее, фатальную неизбежность. Разумная политика царского правительства и его союзников по Антанте могла разрядить революционный кризис, перевести его в режим необходимых для страны социальных реформ, ограничив монархию, как историческую форму власти, представительными учреждениями. Утверждается, что после отмены крепостного права правительство России понимало важность модернизации страны, содействовало ускоренному промышленному развитию. Несмотря на серьезна подрваны авторитет монархии, в народных массах он еще прочно сохранился. Российское государство воспринималось как «царство» [5, с. 18].

Хорошо заметно, что по мере отдаления от свершившихся трех российских революций, взгляды одних и тех же авторов по этим событиям менялись, у отдельных авторов – радикально. В бывших советских республиках дискурс по этой проблеме, чаще всего, носит обостренное неприятие прошлого и политическую окраску.

В научных кругах не принято искать крамолу или обвинять авторов в радикальных изменениях собственных воззрений на происходящие события. Здесь, скорее к месту будет вывод авторитетного английского политика и историка Э. Карра о том, что «Историк – человек своего времени и привязан к нему условиями своего существования как человек» [6, с. 10]. Историк – часть истории, он отражает общество, в котором живет. Историк сам изменчив, потому события, особенно потрясающие воображение миллионов, он пытается раскрыть, опираясь на разработанность проблемы и собственные (субъективные) взгляды. В принципе каждый историк, будучи во всеоружии исторических фактов и исторических знаний, вправе иметь свое видение изучаемого им отрезка времени. Свое видение придает исследованиям индивидуальный, авторский характер, но критерием развития науки может быть только приближение к объективной истине, к отражению реальной исторической действительности. Важное место в объективном освещении исторического прошлого имеет уровень развития общества, его культурный и нравственный потенциал, методологические установки, степень взаи-

модействия общественных наук. В этой связи автор данной статьи считает, что с научной точки зрения, Февральская и Октябрьская революции могут остаться в истории (как это есть сегодня в Беларуси) двумя последовательными фазами единого процесса, начавшегося еще в период первой российской революции 1905–1907 гг. Революции 1905–1907 гг., Февральская революция уникальны тем, что в их процессе приобретен опыт реального демократизма, политического воспитания масс на практике. Февральская революция имела возможность мирного перехода власти к трудящимся через Советы, которые рождены творчеством масс в 1905 г. И только в силу исторических обстоятельств эта возможность не стала реальностью. В сложном переплетении и противоборстве классовых сил, участвовавших в Февральской революции, просматривались возможности победы Октябрьской социалистической революции. В результате близорукой политики царизма, социального раскола общества и развития социальной злости в обстановке неудачной войны. По мере того, как царизм обнаруживал неспособность наладить снабжение населения продовольствием, организовать военную экономику, среди всех слоев зрело глухое недовольство ко всей отжившей системе власти, что и подводило массы к новой (после 1905 г.) революции. Вспыхнувшая стихийно в феврале 1917 г. вторая российская революция смела царизм и положила начало второму – октябрьскому этапу.

Хотя ход российских событий начала XX ст. таил в себе разный исход: Россия могла превратиться в конституционную монархию, буржуазно-демократическую республику, приобрести и другие формы правления. Однако в результате экономического и политического кризиса, слабости и ошибок Временного правительства, авантюризма правых сил, радикализма «низов», растерянности меньшевиков и эсеров, политической воле большевиков, их понятным и своевременным лозунгам, реализованной оказалась большевитская программа. Октябрьская революция – не плод большевистского переворота, в ней вековые чаяния крестьянства и рабочего класса, жажда мира солдат и матросов, тяга народов национальных окраин России (в том числе и белоруссов) к свободе и свету.

Необходимо также признать, что возглавив массы в период Октябрьской социалистической революции, большевики нашли выход из трудной и противоречивой ситуации того времени. Новая власть действовала энергично, попытки внутренних контрреволюционных группировок и стран Антанты устранить власть большевиков окончились неудачей. После Октября страна удивила весь мир своими успехами. В короткие сроки СССР превратился в одну из двух сверхдержав, обеспечив тем самым мировое равновесие. Во всех 15 союзных республиках произошли изменения планетарного уровня. Достигнута всеобщая образованность населения, обеспечены социальные гарантии, создана оборонная экономика. По объему промышленного производства СССР вошел в число наиболее развитых стран мира, осуществил прорыв в космос. СССР имел высокий авторитет в мировом сообществе. Для Беларуси с ее дореволюционно низким уровнем развития, достижения в советское время были особенно впечатлительными. Республика приобрела в это время собственную государственность, значительно продвинулась в техническом и культурном уровне. За годы советской власти Беларусь приблизилась к среднеевропейскому уровню развития.

Каждый новый уровень в развитии общества расширяет горизонт исторического познания, ставит все новые и новые вопросы перед учеными и дает им направление в ответах на них. **Поэтому очень полезным может быть осмысление вынесенного на конференцию вопроса о Великой Российской Революции, полное**

официальное название которой до распада СССР было, в Беларуси осталось и теперь – **Великая Октябрьская социалистическая революция**.

Источники и литература:

1. Вернер Э. Кризис русского самодержавия. Николай II и революция 1905 г. – 1990. – 412 с.
2. Emmons N/ed Emancipation of the Russian Serfs/ New York, 1970.
3. Лакер У. Черная сотня. Истоки русского фашизма. Изд-во «Проблемы Восточной Европы». – 478 с.
4. Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы. М.:1975; Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л.: 1977; Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979.
5. История Беларуси: учеб. Пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования. В 2 ч. Ч. 2 / Я.И.Трещенок; А.А. Воробьев, Н.М. Пурышева, М.И. Матюшевская; под ред. Я.И. Трещенка. – Молилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. - 310 с.: ил., карт.
6. Эдвард Карр История Советской России Большевицкая революция 1917-1923. М.: Прогресс, 1990.

ПРИЧИНЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ОЦЕНКАХ А.И. ДЕНИКИНА

А.М. Ипатов

Воронеж, ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Произошедшие столетие назад революционные события в России до сих пор не получили однозначной оценки в историографии. В этом нет ничего удивительного, поскольку отношение современников и исследователей определялось различными обстоятельствами. Для тех, кого революция привела к власти, либо повысила их социальный статус и укрепила материальное положение, события февраля и октября 1917 г. будут восприниматься скорее как положительное явление, положившее конец многовековой тирании Рюриковичей и Романовых. Напротив, многие царские сановники, ряд руководителей армии, убежденные монархисты восприняли отречение Николая II не только как личную трагедию, но и как предвестник краха российского государства. Приход к власти большевиков тем более рассматривался ими как узурпация власти «чернью», не обладавшей ни правами, ни способностями для управления государством.

Однако немало было тех, кто с одной стороны сочувствовал лозунгам Февральской революции, считая, что самодержавие как система власти исторически изжила себя, но с другой – не поддерживали приход к власти Ленина и его сподвижников в октябре 1917 г. Более того, ряд недовольных новым большевистским руководством политиков, военных, представителей науки и культуры начали с ним борьбу. Кто-то выехал из страны, выражая свое несогласие с принципами построения государства на советской основе, другие взялись за оружие. Одним из ярчайших представителей белого движения был А. И. Деникин. Впоследствии он обобщит опыт личного восприятия событий 1917–1922 гг. в обширном труде, название которого – «Очерки русской смуты» – демонстрирует отношение автора к описываемым событиям. Первый том выйдет в Париже в 1921 г., пятый, заключи-

тельный опубликуют в Берлине в 1926 г. Помимо этой работы, отдельных аспектов исследуемой темы Деникин коснется в более поздних произведениях.

Антон Иванович анализирует различные причины и поводы, вызвавшие сначала Февральскую, а потом и Октябрьскую революции. По его мнению, главными устоями самодержавия в России были такие понятия как вера, царь и отечество. Их незыблемость была опровергнута в кратчайшие сроки, приведя к тому, что народная стихия смела «верховную власть и правящие классы – без всякой борьбы ушедшие в сторону; интеллигенцию – одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначале среди беспощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потом покорно подставившую шею под нож победителей; наконец – сильную, с огромным историческим прошлым, десятиmillionную армию, развалившуюся в течение 3-4 месяцев» [1, с. 7].

Армии Деникин уделяет значительную роль в происходивших в 1917 г. процессах. Не замалчивая о назревших в ней проблемах, которые выразились, в частности, в поражении в русско-японской войне, он, тем не менее, доказывал, что начавшиеся после этого военные реформы существенно укрепили боеспособность армии. Первая мировая война показала, однако, ошибочность некоторых преобразований. Автор «Очерков» указывает на рост непонимания между офицерским и рядовым составом армии, обусловленным разным социальным происхождением и мировоззрением, на безграмотность назначения на высшие командные должности, на традиционные проблемы с поставками продовольствия и так далее. Однако важнейшую роль в «разложении» русской армии к 1917 г. он уделяет антивоенной пропаганде революционных партий страны. В историографии не сложилось единой точки зрения о причинах данного процесса. Условно можно выделить две группы исследователей. Первые доказывают, что пропаганда, безусловно, оказывала влияние на состояние умов в действующей армии, но куда большее значение имели те негативные тенденции, которые вытекали из политического строя государства и особенностей управления войсками. Так, исследователь И.Н. Гребенкин констатирует: «Деградация армейского организма в 1917 г. не приняла бы обвального характера, если бы не имела в своей основе наряду с общественно-политической подоплекой серьезные прецеденты – постепенное падение дисциплины и боеспособности частей и целых соединений, которые наблюдались в течение всех военных лет в нарастающих масштабах» [2, с. 147].

Другая группа исследователей обращает внимание, прежде всего, на то обстоятельство, что успешная пропаганда революционеров имела благоприятную среду, так как еще в 1905 г. Военному ведомству был издан приказ № 804, согласно которому армия должна носить внепартийный характер и не выражать симпатий и поддержки даже лояльным императору политическим движениям. Во многом вторя Деникину, белорусский историк В.Н. Суряев пишет: «Постепенно сложился стереотип поведения офицеров, определявший их отстраненность от любых вопросов, связанных с политикой. В результате, как отмечали современники, Русская армия была совершенно не знакома с политическими вопросами и оказалась абсолютно беззащитной в политической борьбе» [3].

Отдельно Антон Иванович останавливается на роли Николая II в возникновении революционной ситуации. Выступая за ограничение самодержавия, Деникин писал о том, что большинство командного состава армии были сторонниками монархической власти. Их дальнейшее «предательство» связано, скорее, с конъюнктурными соображениями, нежели с действительной сменой мировоззрения. Самое удивительное заключается в том, что Николай II предстает в «Очерках»

скорее как жертва обстоятельств, как хороший человек, не сумевший вынести бремени власти. По мнению Деникина, даже неудача в русско-японской войне и поражения на полях Первой мировой не привели к падению доверия к царю. Напротив, офицерский корпус стремился оказать ему поддержку, продемонстрировать преданность, но политическая обстановка, сложившаяся вокруг Николая II, не способствовала этому. Антон Иванович сетовал на значительную роль в принятии важнейших государственных решений Григория Распутина. Его личность, по мнению генерала, символизировала хаос, сложившийся вокруг трона. Давая уничижительную оценку «старцу», Деникин с нескрываемым презрением писал о нежелании «копаться в той грязи, которая покрыла и министерские палаты и интимные царские покои, куда имел доступ грязный, циничный «возжигатель лампад», который «доспевал» министров, правителей и владык» [1, с. 17].

Кроме Распутина негативную роль на принятие политических решений оказывала никто иная как императрица Александра Федоровна. Прежде всего, автор «Очерков» пеняет на то, что она была немкой по рождению. При этом датское происхождение вдовствующей императрицы Марии Федоровны не вызывало у боевого генерала никаких подозрений. Что же конкретно вменялось в вину супруге Николая II? Покровительство Распутину, дискредитация Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (младшего) и начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, вмешательство в управление государством. Трудно сейчас заявлять о том, обоснованы ли данные обвинения Деникина в адрес Александры Федоровны. Думается, пока не исследованы все возможные источники, которые должны пролить свет на деятельность императрицы в годы Первой мировой войны, в историографии будут высказываться противоречивые оценки данной проблемы.

К слову Антон Иванович неоднократно на страницах «Очерков» писал о «немецком засилье» в верхних эшелонах власти. Касаясь этой проблемы, профессор НИУ ВШЭ А.С. Туманова отмечает, что с началом войны в стране началась борьба с немецким засильем, которая выражалась в мощной антигерманской кампании в прессе, переселении немецких подданных империи, ликвидации их предприятий и изъятии у них земель. Активное участие в этой борьбе приняли интеллектуалы, которые воспринимали войну как «осуществление исторической миссии славянства в победе над германским миром, закосневшем в воинствующем империализме, порожденном прусским вотчинным феодализмом» [4]. Представляется любопытным: была ли неприязнь Деникина к лицам германского происхождения перманентной, либо она относилась к отдельным лицам, например к А.М. Стесселю и А.Е. Эверту, с именами которых связана сдача Порт-Артура в годы русско-японской войны и отказ от наступления Западного фронта в 1916 году соответственно. Вопрос остается открытым.

Антон Иванович акцентировал разницу в отношении к царю со стороны офицеров и представителей рядового состава армии. Если первые в основной массе были монархистами, у вторых, в силу различных обстоятельств, в первую очередь низкой грамотности, подобных твердых убеждений не было. По мнению автора «Очерков», представления солдат, по преимуществу крестьян по социальному происхождению, постоянно колебались от обожания, связанного с непосредственным общением с царем, до полнейшего безразличия. В силу того, что перед войной в войсках с рядовым составом не проводилась политическая работа, многие солдаты недоумевали: почему они должны подвергать свою жизнь опасности вдали от родных мест? То есть, по сути, многие в русской армии в годы Первой мировой войны вообще не понимали ее целей, поэтому неудивительны случаи

братания с противником и дезертирства, о которых с горечью писал Деникин. Командующие армией стали заложниками законодательства, запрещавшего проводить политическую работу в войсках. В подтверждение этого тезиса можно сослаться на самого генерала, который констатировал, что офицеры мало интересовались целями начавшейся войны.

Значительную роль в развязывании революционных событий сыграло падение уровня религиозности в России. Антон Иванович дает этому процессу яркую оценку: «Как народ-богоносец, народ вселенского душевного склада, великий в своей простоте, правде, смирении, всепрощении – народ поистине христианский терял свой облик, подпадая под власть утробных, материальных интересов, в которых сам ли научался, его ли научали видеть единственную цель и смысл жизни» [1, с. 8]. В годы войны религиозное чувство военнослужащих постоянно разрывалось между огрубением и ожесточением, вызванными тяготами войны, и углублением веры, вызванным ощущением смертельной опасности. Когда Николай II принял на себя командование армией, его, по сути, перестали рассматривать как помазанника божьего, так как поражения на фронте отныне связывались с его именем, а ранее ответственность возлагалась на армейское командование.

Наконец, еще одной причиной Февральской революции 1917 г. Деникин называет недостаток патриотизма. Казалось бы, на фоне духовного подъема, связанного с началом Первой мировой войны, говорить о низком уровне патриотизма не приходилось. Но в силу малограмотности населения, часто у отдельных жителей страны не было представления о ее реальных границах и отсутствовало понимание того, что военные действия из соседнего региона быстро могут перейти на территорию его родной губернии. Думается, можно провести некую параллель между отношением жителей России к Первой мировой войне и настроениями в период монгольского нашествия XIII столетия. Особых масштабов достигли сепаратистские настроения, когда в национальных окраинах все сильнее раздавались призывы выйти из состава Российской империи. Автор «Очерков» констатировал, что народ не понял необходимости национальной самозащиты, в то же время с воодушевлением воспринимал призывы революционеров к «самостийности».

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующее. Исследуя точку зрения Деникина о причинах Февральской революции 1917 г., стоит учесть то обстоятельство, что «Очерки русской смуты» писались, по сути, по следам революционных событий. Неудивительно поэтому преобладание скорее эмоциональной, а не аналитической оценки событий. Автор берет за основу лозунг «За веру, царя и отечество», последовательно критикует забвение этих краеугольных основ российской государственности. Еще в письме своей супруге от 17 февраля 1917 г. он предостерегает: «Теперь одного только нужно бояться, чтобы под флагом освободительного движения грязная накипь его не помешала наступающему успокоению страны... Какое бы счастье было бы для России, если бы «круг времен» замкнулся происшедшей в столице трагедией и к новому строю страна перешла бы без дальнейших потрясений» [5]. Увы, ожиданиям Антона Ивановича не удалось сбыться, и сам он вскоре встанет участником трагической гражданской войны.

Источники и литература

1. Деникин, А. И. Очерки русской смуты: в 5 т. / А. И. Деникин. – Париж: Издательство Поволоцкого, 1921. – Т. 1. – 184 с.
2. Гребенкин, И. Н. Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса / И.Н. Гребенкин // Новейшая история России. – 2014. – № 3. – С. 145-161.

3. Суряев, В. Н. Отношение офицерства русской императорской армии к Февральской революции 1917 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://history.milportal.ru/>. – Дата доступа: 02.01.2017.
4. Туманова, А. С. «Немецкое засилье» и борьба с ним в России в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/>. – Дата доступа: 03.01.2017.
5. Лехович, Д. В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/>. – Дата доступа: 05.01.2017.

УЧАСТИЕ ДЕПУТАТОВ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ОБСУЖДЕНИИ ПРОБЛЕМ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А.С. Хрипунов

Иваново, Ивановский государственный университет

Реформирование системы народного образования стало одним из ключевых направлений в совместной деятельности правительства, органов местного самоуправления и народного представительства России в предреволюционный период. Важность вопроса диктовалась сразу несколькими факторами: 1) необходимостью в краткие сроки сократить разрыв между образовательным уровнем России ведущих европейских государств; 2) тесной связью образования с условиями регионов, особенно национальных окраин, где вопросы обучения были включены в контекст сложнейшего национального вопроса и проблем реорганизации системы местного самоуправления.

Целью статьи является анализ деятельности белорусских депутатов в период работы III Государственной Думы в контексте народного просвещения с учетом их фракционной и партийной принадлежности. Именно в эти годы в стенах российского парламента обсуждались серьезнейшие проблемы образования, что позволило закрепить за ней название «Думы народного просвещения» [1, с. 407]. Депутаты от белорусских губерний принимали здесь активное участие. В эти годы были заложены основы реформ российской школы, в том числе и на территории Беларуси, мирное течение которых было прервано в 1914, а затем в 1917 гг.

В начале следует определить, какие губернии мы можем отнести к белорусским. К ним мы отнесем те, где население преимущественно владело белорусским языком для которого он являлся родным. Согласно заключению Московской диалектологической комиссии, работавшей в 1914 г., губерниями с преобладанием белорусского наречия являлись – Витебская, Виленская, Могилевская, Минская, значительная часть Гродненской, в меньшей степени – Ковенская и некоторые другие незначительные анклавы [2, с. 47-48]. Все эти губернии входили в т.н. Северо-западный край.

Край в целом был представлен в Думе 45 депутатами, что составляло около 10% от общего числа ее членов. Состав депутатского корпуса был крайне пестрым во всех отношениях. Так, по национальному составу здесь были: 1 еврей, 4 литовца, 6 поляков, 34 русских. Можно предположить, что большинство депутатов считали себя ирусскими, и белорусами одновременно, считая последних (и себя) согласно тогдашним взглядам, органической частью «триединого русского народа».

Интересен партийный и фракционный состав депутатов. Почти две трети депутатов, а именно 29 человек, представляли фракции консервативного толка – правую, умеренно-правую, русскую национальную, являлись членами «Союза рус-

ского народа», «Русского собрания» и др. Идейной основой правого крыла белорусских депутатов была идея единства трех ветвей русского народа, упомянутая выше. Так, например, в программе «Русского народного союза им. Михаила Архангела» прямо указывалось, что никаких различий между великоросами, белорусами и малоросами не существует [3, с. 376].

Вторая по численности фракция – польско-литовско-белорусская группа, состоящая преимущественно из депутатов Виленской губ. и включавшая в свой состав всего 7 человек, многие из которых имели тесные связи с польским колом. В основе их взглядов лежали идеи автономизма. Среди депутатов от Северо-западного края также встречались единичные представители трудовиков, мирнообновленцев, кадетов.

Таким образом, большинство составляли представители правых политических течений. Именно они играли ключевую роль в решении проблем просвещения, т.к. в думской комиссии по народному образованию, Северо-западный край был представлен 7 депутатами (из 55): А.С. Вераксиным, С.Г. Мацеевичем (Виленская губ.), М.В. Блажевичем (Витебская губ.), В.К. Тычининим (Гродненская губ.), М.К. фон Гюббенетом, еп. Митрофаном (Могилевская губ.), Н.М. Фридманом (Ковенская губ.) [4, с. 75]. Пятеро из них – представители правых фракций, С.Г. Мацеевич – римско-католический священник польско-литовско-белорусской группы, Н.М. Фридман – кадет. В 1908 г. членом комиссии стал от. А.Д. Юрашкевич (Минская губ.).

Белорусские губернии в целом мало отличались от центральных. Здесь также отсутствовали стройные связи между начальной, средней и высшей школой, а уровень грамотности в среднем составлял около 20-22%. Ключевыми факторами, добавлявшими здесь особую сложность, были национально-культурные особенности края и отсутствие здесь земского самоуправления вплоть до 1912 г. В силу последнего территория Беларуси в целом уступала центральной России по количеству школ [5, с. 37].

Теперь рассмотрим основные проблемы, связанные с образованием, которые более всего волновали депутатов белорусских губерний. Они поднимали самые разные вопросы, как общероссийского, так и местного уровня. Так, член фракции националистов В.К. Тычинин отмечал важность скорейшего достижения всеобщего обучения, т.к. во многом из-за плохой постановки образования произошло поражение России в Русско-японской войне. В качестве ключевого вопроса в деле всеобщего обучения он указывал на способы распределения финансов. Он выступал за полную централизацию образовательного дела, в частности он предлагал, чтобы все деньги органов самоуправления передавались министерству, которое в свою очередь должно распределять их в равной степени согласно потребностям тех или иных местностей империи [1, с. 458-464].

Со стороны националистов высказывался также И.Я. Павлович (Минская губ.). Им справедливо было замечено, что проект министерства о всеобщем обучении, внесенный в Думу 1 ноября 1907 г., содержит размытые формулировки, касательно расходования выделяемых средств – 6, 9 млн. р., где в частности указывалось, что преимуществом в получении средств будут обладать земские губернии, имеющие план развития школьной сети, необходимой для введения всеобщего обучения в их регионе [6, с. 625]. И. Я. Павлович с трибуны Государственной Думы указывал, что земские губернии представляют собой наиболее развитые в образовательном деле, следовательно, деньги нужно перераспределить в пользу неземских губерний. Кроме того, т.к. в Западном крае образование принимает «уродливые и опасные формы», необходимо законодательно закрепить, что преимуществом здесь будут пользоваться 9 западных губерний [1, с. 558-560]. Подобные опасения высказывались и иными представителями Северо-западного

края. Так, например, Н. М. Фридман, высказывался за равномерное расходование средств, сетуя на отсутствие земства в его губернии и в контексте проблем еврейской начальной школы [1, с. 659-660]. В конечном итоге, в принятом 3 мая 1908 г. законе содержалась статья о преимущественном расходовании казенного пособия в пользу наиболее нуждающихся местностей.

Вторым острым вопросом стало положение проекта о начальных училищах, говорящее о необходимости унификации всего школьного дела в пределах империи и, следовательно, передачи церковно-приходских школ в ведение министерства народного просвещения.

С критикой на это положение обрушились представители правых фракций – от А.Д. Юрашкевич, еп. Митрофан, В.К. Тычинини др. [7, с. 44, 141, 528]. По их мнению, только церковные школы могут воспитывать детей в благочестии и нравственности, а, следовательно, в любви к Родине и к монарху. Так, еп. Митрофан указывал, что близкой к народу может быть лишь церковная школа, а в силу отсутствия земств в белорусских губерниях, именно она играла ключевую роль в просвещении крестьян. На важную воспитательную функцию школы указывал и В.К. Тычинин, отмечая, что оно должно быть религиозно-нравственным.

Так или иначе члены всех фракций выступали за «государственную школу». Однако, представители различных течений по-разному понимали ее суть. Так, М. К. Фридман утверждал, что государственной должна быть такая школа, которая не препятствует развитию личности, в которой отсутствует языковая и религиозная дискриминация [1, с. 658-660].

Правые вкладывали в это иной смысл. Так, например, Ф.И. Никонович (Витебская губ.) говорил, что «школа должна быть национально-патриотической в чисто русском духе» [1, с. 663-664]. Он считал, что единство религиозно-нравственной основы и языка обучения смогут сплотить многонациональное российское общество в единое целое.

В этом контексте остро стоял вопрос о языке в начальной школе. При обсуждении проекта о начальных училищах он стал эпицентром борьбы разных фракций. Рассматриваемый в октябре-ноябре 1910 г. документ содержал положение, что все инородцы имеют право обучаться на родном языке первые два года. Вопрос сложен и интересен в том контексте, что белорусский язык не признавался думским большинством в качестве самостоятельного, в том числе и белорусскими депутатами.

В. К. Тычинин заявлял, что преподавание необходимо вести исключительно на русском языке, т.к. белорусский является всего лишь региональным говором последнего [7, с. 1312-1314]. В его поддержку выступал и И.Я. Павлович, приводя пример Франции, где в разных регионах есть свои диалекты, но литературный французский язык един [7, с. 1151-1153]. Кроме того, оратор выступал с критикой С.Г. Мацеевича, заявлявшего, что поляки в образовательном отношении находятся в Западном крае в состоянии национального унижения.

И.Я. Павлович, А.Д. Юрашкевич, В.К. Тычинин и некоторые другие, напротив, били тревогу в связи с усиливающейся полонизацией белорусского населения, прежде всего католического, которое заставляют молиться и обучаться в школах на польском языке. Последний даже заявил, что в Западном крае идет религиозно-национальная борьба поляков и русских и Гродненская губерния находится прямо в центре этой борьбы [7, с. 581-582]. Выступая в ответ, против «насилия в языке» в отношении малоросов, белорусов и литовцев С.Г. Мацеевич подвергал резкой критике мнение правых о том, что русский язык является якобы родным для белорусов [7, с. 1156]. Звучали даже мнения, что белорусский язык гораздо ближе к польскому, нежели к русскому [7, с. 1319].

Итак, мы попытались осветить основные вопросы, касающиеся деятельности депутатов белорусских губерний в III Думе в сфере народного просвещения. Мы указали на наиболее острые вопросы, оставляя за рамками целый ряд более мелких и, с точки зрения самих белорусских депутатов, менее принципиальных. Из вышеуказанных примеров очевидны серьезные противоречия не только фракционного, но и национального характера. Правое большинство болезненно относилось к любому автономистскому движению. Это связано с тем, что они были свидетелями тех национально-культурных противоречий Северо-западного края, которые со всей остротой обнажились в начале XX века. Они стремились затормозить растущее белорусское национальное движение. Все это ярко отразилось в решении вопросов народного просвещения, где правые пытались унифицировать Беларусь с губерниями центральной России, создать здесь единое духовное и этно-конфессиональное пространство. Обсуждение проблем образования имело ярко выраженную националистическую окраску, причем интересы самих белорусов зачастую не учитывались. Все это ярко отражало сложнейшую этническую, конфессиональную и политическую обстановку в крае, консервация которой и отсутствие разумных путей решения, стали серьезной предпосылкой революционного взрыва в 1917 г.

Источники и литература

1. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907-1908 гг. Сессия первая. Ч. 2. СПб., 1908. – 2962 с.
2. Дурново, Н. Н. и др. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением карты русской диалектологии. М., 1915. – 132 с.
3. Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905-1910 гг. М., 1998. – 720 с.
4. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия I. 1907-1908 г. СПб., 1908. – 378 с.
5. Головач, Е. И. Социальные проблемы на территории Беларуси в начале XX века // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. Мозырь, 2009. – С. 35-39.
6. П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы в 2 томах. Т. 1. М., 2011. – 764 с.
7. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия четвертая. Ч. I. СПб., 1910. – 3368 с.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

И.В. Романова

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

К середине XIX века во всех крупных городах Российской империи были образованы штатные профессиональные пожарные команды.

В январе 1854 года из состава Гренадерского корпуса были командированы нижние чины в Петербургскую пожарную команду для обучения и Формирования пожарной части в город Кронштадт, которая была направлена туда осенью того же года [1, с. 104].

В 1855 году для пожарной охраны была введена новая форма обмундирования:

1. Брандмейстеру положено – каска бронзовая, парадный полукафтан, шаровары 2 шт., шпага, вице – полукафтан и сапоги;

2. Пожарному – полукафтан, шаровары 2 шт., рабочий полукафтан, сапоги, портупья.

В 1858 году в Санкт-Петербурге был учрежден городской телеграф, переименованный впоследствии в военно-полицейский телеграф. Все извещения о пожарах стали передаваться по телеграфу через станцию, установленную в доме обер-полицмейстера. Это позволило не только ускорить прохождение сигнала о пожаре и сообщать его точный адрес, но и отменить выезд всех частей «по зареву, заметивших такое с каланчи».

В эти годы появляется немало лестных отзывов о действиях команды, мужестве пожарных, их отменной дисциплине и слаженности. Архивные материалы рассказывают: «В 1850 году Николай I повелел брандмейстеров Дементьева, Верещагина, Винжегина “за самоотверженность при действиях на пожарах и содержание в превосходном порядке команды и лошадей” наградить каждого окладом жалования, а всем низшим чинам за отличные действия на пожаре в здании Главного Адмиралтейства объявить благодарность и выдать по 50 копеек».

В столичную команду едут за опытом из российских городов и даже «заморских стран». Из ее состава командировались лучшие специалисты «для устройства пожарной команды» в Бухаресте (1850 г.). 28 ноября 1858 года ввиду последовавшего Высочайшего повеления, существовавшая при Зимнем Дворце дворцовая пожарная рота была упразднена, и люди с инструментами переданы в Санкт-Петербургскую пожарную команду с содержанием от Министерства Двора.

В Петербурге и Москве начальники пожарных команд – брандмайоры – назначались приказом по градоначальству. Брандмайоры были и во многих других крупных городах, располагавших несколькими пожарными частями. По случаю бывших в мае 1862 года в Петербурге частых и сильных пожаров, по Высочайшему повелению был учрежден особый временный комитет под предводительством генерал-адъютанта Зиновьева, на заседаниях которого были разработаны меры, необходимые для охраны безопасности в столице. В частности, было предложено:

1. Увеличить штат полиции прикомандированием 950 низших воинских чинов из полков гвардии в распоряжение Санкт-Петербургского обер-полицмейстера;

2. Усилить дневные и ночные патрули;

3. Больше публиковать судебных материалов над лицами, подозреваемыми в поджигательстве.

Комитет предложил установить пособия погорельцам:

– предварительные, для удовлетворения первейших жизненных потребностей на первое время из расчета от 15 до 30 копеек в сутки на каждого члена семейства на месяц вперед;

– окончательные – покрыть убыток от пожара, исходя из выделяемых на это средств [2, с. 3].

В 1865 году опубликованы были новые правила относительно сроков и преимуществ службы нижних чинов полиции и пожарных команд. Было установлено: поступивших в рекруты после 1859 года увольнять в отставку за 15 лет службы и в бессрочный отпуск за 12 лет, а поступившим на службу до этого времени давать отставку за 20 лет, а бессрочный отпуск за 15 лет. Тех же солдат, которые откажутся от увольнения и останутся на действительной службе, наградить за это серебряным шевроном и производить им прибавочное жалование в размере полугодового оклада. Расход на прибавочное жалование был отнесен на счет городских доходов и принимался на счет казны лишь в исключительных случаях крайней бедности городов.

Для улучшения быта и поощрения низших чинов команд в 1866 году с разрешения Министерства внутренних дел, были введены новые оклады жалования в следующем размере: помощникам брандмейстеров вместо 22 рублей 62 копеек по 36 рублей в год, унтер-офицерам вместо 12 рублей 70 копеек по 20 рублей 10 копеек в год, а рядовые были разделены на два разряда, чего раньше не было, и назначено старшему разряду по 12 рублей, а младшему по 10 рублей 17 3/4 копейки вместо 8 рублей 12 копеек в год [3, с. 30].

В соответствии с «Городовым Положением», принятым 16 июля 1870 года, за счет городских средств покрывались расходы:

- содержание чинов городской полиции; «содержание принадлежащих к составу городской полиции пожарных команд на основании штатов, существовавших до введения в действие настоящего Положения;

- устройство или наем помещений для городского полицейского управления и для пожарной или полицейской команды с отоплением и освещением, равно выдача квартирных денег не имеющим от города помещения чинам городской полиции и пожарной команды в размере, определенном штатами и иными Высочайше утвержденными постановлениями;

- прочие сообразно определенным штатом и расписаниям вещественного довольствия городской полицейской и пожарной команд, а именно: снабжение их провиантом и амуницией и использование в больницах, принадлежащих к сих командам чинам;

- содержание общественных пожарных команд взамен или для усиления полицейских пожарных команд».

В 1871 году была устроена пожарная часть при Санкт-Петербургской пересыльной тюрьме.

В 1873 году, после введения всеобщей воинской повинности, последовало Высочайшее повеление о комплектовании пожарных команд взамен нижних чинов обязательного срока службы, людьми по вольному найму. Так как укомплектовать вакантные места вольнонаемными в столь короткий срок не удавалось ввиду постепенной убыли нижних чинов, состав пожарных команд начал уменьшаться, а предстоявшие в 1875 году увольнения во временный отпуск нижних чинов сроков службы 1867–1868 гг. могли оставить страну без охраны на случай пожаров. Поэтому было испрошено Высочайшее повеление о пополнении убыли людей из войск нижних чинов обязательного срока службы.

4 июля 1873 года был утвержден совместный доклад управляющего Министерством внутренних дел и военного министра о новых правилах комплектования полицейских и пожарных команд. В нем, в частности, говорится:

«1. Назначить единовременно в 1873 году на укомплектование всех тех полицейских и пожарных команд, которые не пополнились еще вольнонаемными людьми, такое количество молодых солдат набора 1873 года, какое окажется необходимым по ближайшему соображению министра внутренних дел в видах обеспечения состава упомянутых выше команд, примерно от 4500 до 5000 человек.

2. Означенных ниже чинов обратить в полицейские и пожарные команды по окончании ими шестимесячного образования в резервных батальонах.

3. Всех нижних чинов, бывших в 1873 году на службе в полицейских и пожарных командах, равно и тех, которые должны были поступить в эти команды из пожарного набора упомянутого выше года, по увольнении в бессрочный отпуск освободить от призыва в войска на все время службы в полиции и пожарных командах.

4. Предоставить губернаторам право в видах наиболее уравнительного распределения полицейских и пожарных чинов по срокам службы, а также и обеспечения наименее достаточных городских обществ, переводить по собственному усмотрению этих чинов из одних городских команд в другие.

5. Нижних чинов полицейских и пожарных команд, поступивших по назначению от военного ведомства, за проступки и дурное поведение не передавать в распоряжение военного начальства, но к исправлению их принимать установленные законом меры, по усмотрению начальства ведомства МВД. В случае совершения этими чинами преступлений, за которые по гражданским законам лишение всех прав состояния или ограничение прав и преимуществ, исключать таких чинов из военного ведомства и поступать с ними так, как указано в гражданских законах».

В пожарную охрану Петербурга солдаты срочной службы были назначены последний раз в 1875 году из второй и сороковой пехотных дивизий, дальнейшая же убыль людей пополнялась вольнонаемными, поэтому с 1876 года в командах служили люди вольнонаемные и обязательно-служащие.

Замена обязательно-служащих вольнонаемными служителями вызвала необходимость изменения штата команды, и 22 мая 1880 года были Высочайше утверждены новые штаты Петербургской пожарной охраны [3, с. 38].

Каждая часть комплектовалась из запасных нижних чинов всех родов оружия, поступающих в команду по вольному найму, но с обязательством прослужить в команде не менее года по подписке. Принятые служители зачислялись на испытание приказом и на полное довольствие приказом до наведения справок об их благонадежности. При поступлении все служители зачислялись в третий разряд по содержанию. Перевод на высший разряд осуществлялся по особому распоряжению брандмайора. По третьему разряду служители получали по 180 рублей в год, служители второго разряда – 240 рублей в год, первого разряда – 300 рублей в год. Сверх того пожарные получали ежемесячно по 25 копеек амуниционных денег и горячую пищу, т.е. обед, ужин и три фунта хлеба в день. Ввиду улучшения материального положения лиц, служащих в команде, и обеспечения их участи после оставления ими службы в команде, а также и для привлечения их к более продолжительной службе, 15 января 1881 года было Высочайше утверждено положение об Эмеритальной кассе Санкт-Петербургской пожарной команды, которая открылась 1 июня этого же года. Прослужившие три года и желающие уволиться получали из Эмеритальной кассы, сделанные ими взносы. За каждые же прослуженные в команде пять лет пожарные получали из кассы пенсию.

В 1892 году Санкт-Петербургская пожарная команда принимала участие в первой всероссийской пожарной выставке, получив почетный отзыв за бывшие на выставке изделия пожарного депо.

В 1899 году при полицейском резерве по распоряжению Санкт-Петербургского градоначальника генерал-адъютанта И.В. Клейгельса был устроен начальником резерва подполковником В.Ф. Галле музей столичной полиции. При этом музее имелся пожарный отдел, где был собран весь материал, дающий возможность судить о постепенном развитии пожарного дела в столице. По полноте собранной коллекции музей являлся лучшим в России.

Невозможно иметь хорошо организованные подразделения пожарной охраны без профессиональной подготовки и обучения кадров, повышения их квалификации. И поэтому 6 апреля 1906 года было основано первое и старейшее в нашей стране учебное заведение – "Курсы пожарных техников".

С осени был открыт прием слушателей на курсы, и 5 октября 1906 года начались занятия, положившие начало профессиональной подготовке кадров пожарной охраны в России. Впервые за всю историю борьбы с огнем в Санкт-Петербурге, а затем и в других городах появились технически подготовленные специалисты пожарного дела. Они возглавили пожарные части, способствовали их укреплению и развитию, стали пропагандистами научных идей в этом деле [1, с. 64].

Роль государства в обеспечении противопожарной безопасности не ограничивалась только заблаговременными предотвращениями пожаров, их тушением в случае возникновения, изданием норм, карающих за неосторожное обращение с огнем. Государство должно было заботиться о людях, чье имущество пострадало от пожаров. Призрение кровом и продовольствием лишившихся от пожара средств к существованию и доставление им необходимых пособий принадлежали к обязанностям местного начальства и тех властей или обществ, к ведомству которых принадлежали потерпевшие от пожара [4, с. 20-21].

Таким образом, можно сделать вывод, что к началу революционных событий 1917 года в Российской Империи сформировалась довольно стройная система организационных мер по борьбе с пожарами.

Источники и литература

1. Щаблов Н.Н. Брандмайоры Санкт-Петербурга. СПб., 1994. – 238 с.
2. Объявления по случаю бывших в мае 1862 года в Санкт-Петербурге пожарах. СПб., 1862. С. 3.
3. Рудницкий В.С. Пожарное дело в Санкт-Петербурге. СПб., 1903. – 168 с.
4. Собрание постановлений, относящихся до пожаров. Извлечение из свода законов издания 1857 года. СПб., 1859. – 54 с.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ И ЕГО РЕФОРМЫ (МАРТ–ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА)

Т.Г. Лясович

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

Пришедшее к власти на смену царской администрации в марте 1917 года Временное буржуазное правительство объявило о своих намерениях реформировать существующий государственный строй, предложив ряд альтернатив и концепций [1, с. 202–204]. Одним из ведущих направлений планируемых преобразований стала реформа местного самоуправления и тесно связанная с ней милицейская реформа.

Ведущая роль в разработке концептуальных основ преобразований принадлежала Министерству внутренних дел Временного правительства, которое, следуя традиции, заложенной МВД Российской Империи, представляло собой полифункциональный орган государственной власти и к весне 1917 года накопило обширный опыт в самых различных сферах: правоохранительной, законотворческой, социальной, что обрело особое значение в непростых условиях постреволюционной действительности.

Основные обязанности по разработке правовой базы будущих преобразований Временного правительства были возложены на структурные подразделения МВД: Главное управление по делам местного хозяйства, Земский отдел, Канцелярию МВД, а также специально созданное Особое совещание по реформе местного управления и самоуправления под председательством С.М. Леонтьева.

Особым совещанием по ряду наиболее сложных и актуальных вопросов были созданы специальные комиссии, которые занимались разработкой нормативно-правовой базы будущих преобразований по созданию волостного земства, организации поселкового управления, по избирательному закону и пересмотру Земского и Городового положений, по губернскому уездному управлению, по местным финансам, по управлению и самоуправлению вне земских губерний, по созданию муниципальной милиции, по устройству органов административной юстиции [2, л. 3].

В комиссиях обобщался положительный опыт (в том числе и зарубежный) преобразований по перечисленным направлениям, проводились специальные исследования, обобщались статистические данные, велась переписка и т.д.

К обсуждению законопроектов и отдельных их положений привлекалась и общественность. Так, 4 августа 1917 г. на Совещании губернских комиссаров и представителей губернских объединенных комитетов общественных организаций, созываемом МВД Временного правительства, был рассмотрен широкий перечень вопросов о: реформе местного самоуправления и особенностях ее проведения на местах, об обязанностях губернского и уездных комиссаров и роли объединенных комитетов общественных организаций в реализации положений реформы; об организации милиции и мер революционной власти по охране порядка и личной имущественной безопасности; об организации органов краевого или областного управления. Также рассматривались вопросы о порядке и размерах финансирования губернских и уездных комитетов, о порядке издания обязательных постановлений и многие другие, представлялись доклады губернских комиссаров о положении дел в губернии и состоянии управления ею [3, л. 2].

В то же время следует отметить, что во Временном правительстве отсутствовал единый подход к планируемым реформам, не было и единства мнений по вопросу их практической реализации. Это было обусловлено спецификой обстановки «министерской чехарды» и кризисов правительства, его многопартийным составом, субъективными факторами.

Так, по оценкам современников, излишняя мягкость и склонность к компромиссам князя Львова провоцировали общий несерьезный настрой и отсутствие дисциплины. По воспоминаниям управляющего делами Временного правительства – В. Набокова, на заседаниях «царили разногласия, внутренняя несогласованность, глухая и явная вражда одних к другим... при обсуждении рабочих вопросов» [4, с. 302–303]. В подобной обстановке ожидать серьезной согласованной работы правительства ожидать не приходилось.

Одним из наиболее важных направлений внутренней политики Временного правительства явилась организация муниципальной милиции, которая должна была заменить упраздненную царскую полицию.

26 марта 1917 г. на Совещании по реформе местного самоуправления и управления при МВД была учреждена Комиссия по милиции и муниципальной полиции, которая «сочла нужным, прежде всего, уяснить себе основные начала предполагаемой реформы, а также те внешние рамки, в пределах которых возможно провести реформу полиции» [5, л. 11–13].

Члены комиссии смогли выработать единый подход относительно содержания функций будущей правоохранительной структуры, ссылаясь на то, что «их нельзя характеризовать либо как чисто местные, либо как чисто государственные. Само противопоставление местных дел государственным представляется весьма условным, исторически подвижным и изменчивым, едва ли имеющим в основании своем какой-либо строгий принцип» [6, л. 14]. Таким образом, создаваемая структура должна была выступать как исполнительный орган государст-

венной власти, основной задачей которой стало бы обеспечение общественной безопасности и безопасности граждан.

Общественная полиция (в последующем – милиция) в силу «крайней опасности централизации ... силы в руках правительства, как для гражданской свободы, так и для здорового развития местной жизни», по мнению разработчиков проекта реформы, должна была состоять в ведении земского и городского самоуправления. В этом смысле реформаторы опирались на зарубежный опыт европейских государств, имеющих муниципальную полицию, и даже изначально использовали аналогичное наименование.

Комиссией даже рассматривался вопрос об учреждении специальной полиции (в том числе и по финансовому, судебному и военному управлению), которая «могла бы возникнуть в случае недостаточности сил милиции и целью которой явилась бы исключительная защита свободы, личности, имущества, общественного спокойствия и безопасности», однако, сам термин «полиция» к апрелю 1917 года полностью дискредитировал себя, поэтому от этой идеи пришлось отказаться.

Вместо этой дефиниции предлагалось использовать термины «гражданская стража», «народная милиция» и другие. После проведенного обсуждения и голосования было решено использовать термин «милиция» [7, л. 15].

Итогом обсуждений стали проекты Временного положения о милиции, принятого постановлением Временного правительства 17 апреля 1917 года. Милиция Временного правительства была создана в Петрограде, Москве и ряде других городов буржуазно-республиканской России, однако, говорить о полномасштабной реализации милицмейской реформы не приходится. В результате Октябрьской революции 1917 года Временное правительство было низложено, а его реформы – свернуты.

Источники и литература

1. Лясович Т.Г. Законотворчество Временного правительства: определение нормативных основ выборов органов государственной власти // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции). Материалы международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1288. Оп. 3. Д. 13.
3. РГИА. – Ф. 560 Оп. 26 Д. 1470.
4. Борисов А.В. Министры внутренних дел. 1802 – октябрь 1917 года. -СПб., 2001. – С. 302–303.
5. РГИА. – Ф. 857 (Фонд Зарудного) Оп. 1 Д. 1612.

РОССИЙСКАЯ КООПЕРАЦИЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

А.Ю. Давыдов

Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена

Кооперация – сто лет назад ее еще называли «самопомощью» – как специфическая форма организации труда и совокупность самодеятельных объединений тружеников активно эволюционировала в России с рубежа XIX–XX вв. К переломному 1917 г. ею был накоплен значительный экономический потенциал. Появилась развитая система производства, хранения, транспортировки, распределения различных сельскохозяйственных и промышленных товаров; в тысячах товариществ и обществ трудились квалифицированные и образованные организаторы. В последовавший после февраля 1917 г. период кооперация представляла одно из основных средств

преодоления молодой российской демократией снабженческо-распределительного кризиса. В данной статье будет уделено преимущественное внимание выяснению ее места в решении жизненно важной задачи обеспечения населения провизией; автор предпринимает также попытку определить место «самопомощи» в осуществлении продовольственной политики власти. Учтем, что трудах некоторых отечественных авторов содержатся сведения о существенном вкладе кооперации в снабжение горожан съестными припасами в изучаемый период [1, с. 317, 425-427; 2, с. 114, 115; 3, с. 62, 64, 142]. Однако еще не формулировался вывод о ее функции ведущего организатора общегосударственного продовольственного дела.

В ходе и после революционных февральско-мартовских событий лидеры кооперации единогласно и безоговорочно поддерживали новые власти [4, с. 356-357]. Авторитетные представители «самопомощи» вошли в состав Министерства земледелия, возглавлявшегося А.И. Шингаревым. В частности, важную должность товарища министра земледелия занял председатель Центрального кооперативного комитета В.Н. Зельгейм. Когда же в мае 1917 г. образовалось Министерство продовольствия, то оказалось, что оно почти целиком состоит из кооператоров [5, с. 7; 6, с. 128].

Вместе с тем Временное правительство потребовало от кооперации разрешения сложнейшей продовольственной проблемы. Задача была некорректной, ибо кооперация обязывалась решать ее в одиночку. Разберемся в этом вопросе. В конце марта 1917 г. вводится хлебная монополия, формально декларирующая переход товарных запасов сельских производителей в ведение государства. При этом крайне ограничивалась (иногда запрещалась) деятельность частного капитала на хлебном рынке. Данная акция была ошибочной, ибо осуществлять радикальную реформу подобного рода могли лишь хорошо организованные государственные структуры. Усиление вмешательства государства в экономику непременно должно сопровождаться повышением эффективности его учреждений. Ничего подобного в 1917 г. не наблюдалось. В конечном счете одна кооперация оказалась не в состоянии компенсировать слабость многочисленных ведомств и при этом заменить частный капитал на рынке.

Примечательно, что вскоре после февральских событий рассматривались альтернативные варианты продовольственной политики. В двадцатых числах марта фирма «Стахеев и Ко» представила министру земледелия свой проект налаживания продовольственного дела в стране. Новую организацию предлагалось создать «по образцу крупного торгового дома, имеющего повсеместно в России свои агентуры» [1, с. 12]. Но Временное правительство отказалось принять этот проект как лишенный революционной направленности.

Все излишки зерна и фуража объявлялись собственностью государства и абсолютное предпочтение в их заготовке отдавалось кооперативам и общественным организациям [7, с. III, 16; 8, с. 9]. В соответствии с «Положением о кооперативных товариществах и союзах», изданным Временным правительством 20 марта 1917 г., ликвидировались все преграды на пути создания обществ, товариществ и их объединений [3, с. 84]. Новая власть сделала ставку на кооперацию как на самую массовую общественную организацию. Именно в расчете на нее оно строило свою продовольственную политику.

Состоявшийся 25 марта 1917 г. Всероссийский съезд кооперативных объединений, на котором присутствовало 600 делегатов от 250 союзов, провозгласил отказ от «исторического» принципа кооперации – ее политической нейтральности и независимости. Делегаты пообещали выполнить задания по заготовке и распределению продуктов питания. В этих целях был создан руководящий орган

– Совет всероссийских кооперативных съездов во главе с будущим министром продовольствия С.Н. Прокоповичем [8, с. 12]. Член этой организации А.М. Беркенгейм в августе революционного года заявил: «Нам было предложено тогда помочь правительству в продовольственном деле. И скромно, без единого слова отступая на политической арене, принялись мы за это дело... Мы готовы на все жертвы» [9, с. 297, 298]. Свою миссию в 1917 г. деятели кооперации рассматривали как жертву на алтарь революции. Это справедливо, ибо следует учесть отсутствие условий корректности (о чем говорилось выше).

С апреля 1917 г. кооператоры с головой окунулись в практическую работу. Они вошли в состав губернских продовольственных комитетов и взяли на себя закупки, хранение, транспортировку и распределение провизии [2, с. 314, 315; 5, с. 14]. Кооперация предоставила в распоряжение государства ссыпные пункты, элеваторы, обозы, транспорт, конторы, торговые представительства. В стране насчитывалось почти 60 тыс. потребительских, сельскохозяйственных, кредитных, маслодельных и прочих обществ и товариществ, объединивших 20 млн. членов [10, с. 225]. Быстро налаживалось так называемое собственное производство. По отношению к началу 1918 г. данным Центрального союза потребительских обществ (Центросоюза), именно в 1917 г. организовалось большинство кооперативных мельниц, пекарен, кузниц, а также предприятий – мыловаренных, маслобойных, кожевенных, обувных, кондитерских, колбасных. Осуществлялся процесс консолидации кооперативных усилий; к октябрю 1917 г. в стране имелось 612 союзных объединений, в том числе самое крупное и богатое – Центросоюз. О месте кооперации в товарно-распределительной системе дает представление такой факт: в Петрограде в июне 1917 г. кооперативы продали по государственным твердым ценам 40 тыс. пудов сахара, что составило более половины всех закупок этого сладкого товара жителями столицы [11, с. 98; 12, с. 293; 13, с. 194].

Кооперация добилась значительных успехов в налаживании закупок провизии у помещиков и крестьян. Хлебозаготовки 1917 г. дали 360 млн. пуд. зерна. Это не так уж и мало: за последние восемь месяцев существования царской власти было заготовлено всего на пять миллионов пудов больше [1, с. 442]. Приведем выразительный факт: большевистский Наркомпрод в 1918 г. ценой невероятных жертв заготовил в 7 раз меньше, при этом численность населения, проживавшего на подконтрольной Совнаркому территории, была меньше всего лишь примерно на треть. Если ситуацию революционного года считать голодом, то обстоятельства следующих четырех кварталов следует признать несовместимыми с жизнью. Как представляется, голод в 1917 г. не стал атрибутом российской повседневности. К паническим заявлениям очевидцев во многих случаях стоит отнестись критически. Перебои в поставках провизии нередко представлялись ими в виде массового явления. Вообще людям присуще стремление абсолютизировать первые проявления любого социального зла. Если бы они предвидели, с какими ужасами им придется встретиться в 1918 г., то выражались бы сдержаннее и не поддавались панике.

В революционном году сохранялись рыночные методы регулирования продовольственного дела. В некоторых регионах удалось наладить его оперативное финансирование, которое в немалой мере обеспечивал Московский народный банк – центр кредитной кооперации. В 1917 г. банк стал крупнейшим подобным учреждением в России и располагал пятнадцатью отделениями в разных регионах – вместо двух в 1916 г. [11, с. 94; 14, с. 42]

Между тем энтузиазм и профессионализм активистов товариществ и обществ далеко не всегда могли заменить недостаточные материальные ресурсы и

организационные возможности. Уже летом 1917 г. у кооперации появляется мощный конкурент – мешочничество. Все яснее становилось, что кооперация далеко не всегда справлялась с заготовительной работой в обширных хлебопроизводящих областях. Деревенским домохозяевам приходилось отвозить зерно к государственным элеваторам за десятки километров, а в некоторых уездах они вынуждались сутками стоять в очередях к ссыпным пунктам и кассам [15, с. 7]. К тому же высокая инфляция поощряла сельских производителей сбывать продукты мелким нелегальным снабженцам – мешочникам, вездесущим и предлагавшим крестьянам повышенные цены за находившийся в их амбарах товар.

Для того, чтобы пресечь мешочничество требовалась сильная и рационально организованная власть. Прежде всего ей следовало преодолеть синдром революционаризма и привлечь все лояльные общественные силы к борьбе с надвигающимся голодом, прежде всего незамедлительно мобилизовать частный капитал. К этому кооператоры стали настоятельно призывать правительство в середине августа на московском Государственном совещании. Там же они потребовали создания «твердой и единой власти» [9, с. 298-300]. С похожими обращениями деятели «самопомощи» выступали на проходившем в Москве 14-22 сентября Демократическом совещании. Сдвиг кооперации вправо, к консерватизму и общественному компромиссу большевистские агитаторы оценили таким слоганом: «Кооператоры! Их выбор неминуем, кооперация с буржуем!» [3, с. 163]

Корниловский мятеж и его разгром усугубили политический кризис и все назревшие реформы продовольственной политики ушли на второй план. Осенью 1917 г. налаженная в первые месяцы после революционных февраля-марта продовольственная организация начала разрушаться. Вместе с тем ее дестабилизация, во-многом обусловленная транспортным кризисом, до конца осени не приобретала необратимого характера. Лишь октябрьский переворот, крайне возмущивший кооператоров, заставил их покинуть продовольственные органы. Тогда голод в хлебопотребляющих регионах стал неотвратимым.

Источники и литература

1. Волобуев, П.В. Экономическая политика Временного правительства / П.В. Волобуев. – М. : Изд-во Акад. Наук СССР, 1962. – 483 с.
2. Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб / И.П. Лейберов, С.Д. Рудаченко. – М. : Мысль, 1990. – 222 с.
3. Фарутин И.А. Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России / И.А. Фарутин // Ученые записки Калининградского государственного университета. Вып. 4. Общественные науки. Калининград: Изд-во «Калининградская правда», 1970. – С. 60-176.
4. Катков Г.М. Февральская революция / Г.М. Катков. Париж: YMCA-PRESS, 1984. – 431 с.
5. Зельгейм В.Н. Участие кооперативных организаций в продовольственном деле: Доклад / В.Н. Зельгейм. М. : Совет всерос. кооп. съездов, 1917. – 23 с.
6. Хейсин М.Л. Исторический очерк кооперации в России / М.Л. Хейсин. Пг. : Кооперация, 1918. – 182 с.
7. Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. М. : Совет всерос. кооп. съездов, 1917. – XIV, 29 с.
8. Резолюции, принятые на Первом Всероссийском съезде представителей кооперативных союзов, объединений и комитетов в Москве. 25-28 марта 1917 г. М. : Совет всерос. кооп. съездов, 1917. – 13 с.
9. Государственное совещание: стенографический отчет. М.; Л. : Гос. изд-во, 1930. – XXIV, 372 с.
10. Год русской революции. Сб. ст. М. : Земля и воля, 1918. – 233 с.

11. Фроммет Б. 25 февраля 1917 г. – 1 января 1918 г. / Б. Фроммет // Вестник кооперации. – № 1-2. – 1918. – С. 82-101.
12. Днепровский С.П. Кооператоры. 1898-1968 / С.П. Днепровский. М.: Экономика, 1968. – 383 с.
13. Ленинградская кооперация за 10 лет. Л.: ЛСПО, 1928. – 530 с.
14. Соглашение Народного банка с Министерством продовольствия // Петроградский кооператор. – 1917. – Октябрь. – № 25-29. – С. 42.
15. Деньги для расплаты за хлеб // Известия Уфимского губернского продовольственного комитета. – 1917. – № 16-17. – С. 7-8.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОВИНЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА)

И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев

Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Великая Российская (Русская) революция – эпохальное событие XX в., во многом определившее судьбы не только Российской империи, но и всего мира. Февральский переворот 1917 г. привел к власти Временное правительство, главным направлением деятельности которого стала организация нового высшего органа страны – Всероссийского Учредительного собрания. Однако революционный процесс в 1917 г. активизировал деятельность крайне правых и крайне левых политических сил, что привело в конечном итоге к дискредитации идеи Учредительного собрания. В августе 1917 г. генерал Л.Г.Корнилов попытался установить военную диктатуру в стране, но был разгромлен. 1 (14) сентября 1917 г. Россия была объявлена республикой. В стране нарастал социально-экономический кризис. В октябре 1917 г. партия большевиков свергла Временное правительство. На всей территории России провозглашалась советская власть. В январе 1918 г. большевики разогнали Учредительное собрание и весной 1918 г. окончательно закрепили свое правящее положение. В том же году отстраненные от власти политические силы сформировали Белую армию, которая начала вооруженную борьбу с советской властью. Вспыхнула гражданская война, явившаяся логическим продолжением революционных событий 1917 г. [1; 2; 10; 20].

Все национальные регионы Российской империи в той или иной мере ощутили на себе воздействие революции 1917–1922 гг., даже такие отдаленные от основных фронтовых и прифронтовых территорий, как расположенная на крайнем Северо-Востоке Европы обширная территория, с рубежа I и II тысячелетий н.э. населенная, в основном, коми и ненцами – с вкраплением немногочисленных русских старожильческих селений, появившихся тут в XVI-XVIII столетиях (современные Республика Коми и Ненецкий автономный округ) [3; 9; 19]. Революционные события, протекавшие в этом крае, имели существенные отличия от действий, происходивших в столицах и иных крупных городах империи.

Основная территория Европейского Северо-Востока была разделена между Усть-Сысольским и Яренским уездами Вологодской губернии и Печорским уездом Архангельской губернии [4; 21]. Местное население не было особенно политизировано. Первые политические организации, организованные жителями обширного (около 600 тыс. кв. км) региона под влиянием событий Первой русской революции, в основном, не выходили за пределы окрестностей «столицы Зырянского

(зырянами в Российской империи называли коми – авт.) края» г. Усть-Сысольска, а в послереволюционные годы и вовсе ликвидировались. Национальный вопрос не играл в политике сколь-либо заметной роли. Ненцы, кочевавшие в тундре и редко посещавшие уездные и даже волостные центры, в абсолютном большинстве были равнодушны к политике. Коми (зыряне), которых – в силу их принадлежности к православному вероисповеданию – губернские власти даже не считали инородцами (несмотря на свой язык и особенности культуры и быта), поначалу проявляли к национально-культурным или национально-политическим аспектам жизнеустройства не многим больший интерес [11; 22; 24].

В уездных центрах региона узнали о революции 6 марта. Известие об отречении императора местная администрация и общественность Европейского Северо-Востока встретили без особого энтузиазма. Были образованы уездные Временные комитеты, к которым перешла власть. В составе новых органов власти преобладали прежние чиновники, поскольку в регионе не существовало оформившихся партийных ячеек или влиятельных организаций, способных стать выразителями интересов достаточно широких слоев общества. Временные комитеты занимались решением текущих вопросов хозяйственной жизни Коми края и не планировали проведение каких-либо значительных реформ. Под влиянием демократических идеалов Февраля в регионе появились новые общественные и политические организации. Большинство их объединяло людей по профессиональному признаку и имело узкие задачи (защита материальных интересов своих членов, регулирование отношений между ними и руководителями учреждений и т.д.) [12].

Ситуация изменилась в конце весны – первой половине осени 1917 г. после возникновения обличавших «засилие царской, чуждой народу бюрократии» «Общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения» и эсеровских ячеек, проведения уездных съездов крестьянских депутатов, выборов уездных Советов крестьянских депутатов, Усть-Сысольской городской думы, уездных земских собраний. Наиболее популярной партией являлась Партия социалистов-революционеров, о других партиях население мало что знало [5; 13].

К Октябрьскому перевороту все местные власти в регионе (включая Советы солдатских и крестьянских депутатов) отнеслись отрицательно. Для основной массы населения края октябрьские события прошли почти незаметно, поскольку влиятельных пробольшевистских организаций здесь не было. У местных политических лидеров некоторое время сохранялись надежды на то, что в России большевистское владычество не установится. Но новое руководство оказывало давление на уездных руководителей, требуя подчинения новым лидерам страны. Появились специально направленные из центра агитаторы, которые должны были оказать помощь в сплочении местных пробольшевистских сил [6].

Противоречившие один другому приказы различных руководящих органов и претендентов на власть дезорганизовали и без того находившееся в вызванном мировой войной кризисе хозяйство региона. Нужна была одна какая-то реальная власть, с которой согласились бы считаться все политические силы. Требовался компромисс. 17 (30) января 1918 г. в Усть-Сысольске прошел учредительный съезд, на котором решено было создать в уезде новую сильную беспартийную власть с участием всех групп населения, которая принимала бы только те указания из центра, которые отвечали интересам местных жителей. Был избран временный уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Председателем Совета стал беспартийный А.М.Мартюшев. В марте-апреле 1918 г. Яренский и Печорский уездные съезды крестьянских депутатов объявили об установлении Совет-

ской власти в уездах. Главными органами власти стали уездные Советы крестьянских депутатов и их исполкомы, стоявшие на небольшевистских позициях [14].

До середины 1918 г. деятельность местных властей укладывалась (хотя и с оговорками) в рамки требований центральных органов. Но затем руководители Советской России решили осуществить ряд чрезвычайных мер в политике и экономике. 11 июня 1918 г. ВЦИК принял декрет о создании деревенских комитетов бедноты. В руках комбедов оказывалась огромная власть, которая позволяла им не считаться с мнением большей части крестьянства, что неизбежно вело к конфликтам. Поэтому руководители Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов отвергли декрет о комбедах [15].

Только большевики могли осуществить провозглашенные центральной властью чрезвычайные меры на местах. Но в регионе в первой половине 1918 г. коммунисты не пользовались авторитетом. Сплочение местных пробольшевистских сил происходило летом 1918 г. благодаря поддержке губернских властей и присланных ими военных отрядов – инициаторов создания большевистских ячеек. В июле – начале сентября 1918 г. в Усть-Сысольске и Яренске большевистские ячейки силами созданных тут Чрезвычайных комиссий отстранили от власти небольшевистские уездные Советы и взяли власть в свои руки. В Печорском уезде, откуда отряд красной гвардейцев был отозван, не успев создать уездную ЧК, и большевистская ячейка не смогла осуществить переворот; уездный Совет остался на небольшевистских позициях и уже в августе признал власть белого правительства Северной области [7].

После прихода большевиков к власти в Усть-Сысольском и Яренском уездах были приняты решения о создании комбедов. Началась фактическая ликвидация большевиками Советской власти в регионе (в том ее виде, в котором она была провозглашена и принята значительной частью местного населения). Комбеды и коммунистические ячейки подменили собой Советы депутатов. Зимой 1918-1919 началась ликвидация Советов депутатов; их место занимали Советы бедноты (переименованные комбеды) [16].

Пытаясь решить проблему снабжения населения уездов продовольствием, комбеды и коммунистические ячейки проводили в Усть-Сысольском и Яренском уездах конфискации и реквизиции продовольствия и имущества, сопровождавшиеся многочисленными злоупотреблениями. Но положение с продовольствием продолжало ухудшаться, большая часть населения голодала. Нараставшие трудности вызывали острые конфликты между различными слоями населения. Недовольство пресекалось самыми жесткими мерами. В ряде населенных пунктов осенью 1918 г. имели место убийства как активистов-комбедовцев и коммунистов, так и сопротивлявшихся конфискациям крестьян [17].

Обострению ситуации в регионе способствовала гражданская война. Военные действия с участием регулярных сил красных и белых происходили на Европейском Северо-Востоке с августа 1918 г. до марта 1920 г. Власть формально переходила из рук в руки, но, в основном, на уездном уровне и в местностях, близких к уездным центрам; а в отдаленных волостях и земскими управами при белых, и Советами при красных нередко руководили одни и те же люди [8; 17].

В последующее время на территории региона продолжали вспыхивать отдельные локальные очаги сопротивления красным (большевикам). Существенное влияние на военно-политическую ситуацию оказало Западносибирское антибольшевистское крестьянское восстание 1921 г., участники которого действовали на территории европейского Северо-Востока. А весной 1921 г. в бассейне р. Усы (приток Печоры) началось повстанческое движение отряда поручика А.А.Рочева.

Печорский уезд был объявлен на осадном положении. Для ликвидации Усинского волнения на Печору были брошены отряды Частей особого назначения и Красной Армии из Архангельска и Чердыни [23]. Летом 1921 г. повстанцы были разбиты, но маленькие группы бывших белогвардейцев и недовольных советской властью продолжали действовать Большеземельской тундре и на р.Воркуте до конца 1922 г., «дождавшись» того времени, когда на развалинах Российской империи возникло новое государство, объединившее большую часть бывших имперских земель: Союз Советских Социалистических Республик. Так завершились события Русской революции 1917 – 1922 гг. в Коми-Ненецком крае.

Источники и литература

1. Голдин, В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы / В.И. Голдин. – Мурманск: МГГУ, 2012. – 333 с.
2. Голдин, В.И., Журавлёв, П.О., Соколова, Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны / В.И. Голдин, П.О. Журавлев, Ф.Х. Соколова. – Архангельск, 2005. – 352 с.
3. Жеребцов, И.Л. Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, этнический состав / И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. – 28 с.
4. Жеребцов, И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV – начало XX века) / И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. – 38 с.
5. Жеребцов, И.Л. Стоявшие у истоков (коми политические и культурные деятели первых послереволюционных лет) / И.Л. Жеребцов // Жизнь национальностей. – 1996. – № 4. – С. 31–33.
6. Жеребцов, И.Л. Черные годы / И.Л. Жеребцов // Памятники Отечества. – 1996. – № 36. – С. 176–182.
7. Жеребцов, И.Л. Отношение населения Коми края к власти в 1918 – начале 1920-х годов / И.Л. Жеребцов // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 65–73.
8. Жеребцов И.Л. Власть и общество на Европейском Северо-Востоке России в годы Гражданской войны / И.Л. Жеребцов. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. – 20 с.
9. Жеребцов, И.Л., Рожкин, Е.Н. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века) / И.Л. Жеребцов, Е.Н. Рожкин. – Сыктывкар, 2001. – 40 с.
10. Жеребцов, И.Л., Таскаев, М.В. Революция и гражданская война в Коми крае (итоги и задачи изучения) / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев // Историография Коми. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1999. – С. 48–57.
11. Жеребцов, И.Л., Таскаев, М.В. Коми национальное движение: от эсеров до наших дней / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. – 88 с.
12. Жеребцов, И.Л., Таскаев, М.В. Февральская революция и смена власти в Коми крае / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. – Сыктывкар, 1996. – С. 33–41.
13. Жеребцов, И.Л., Таскаев, М.В. Первые коми политики / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев. – Сыктывкар: Кола, 2007. – 136 с.
14. Жеребцов, И.Л., Таскаев, М.В. Отношение населения к власти в Коми крае (1917 – начало 1920-х годов) / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. – 24 с.
15. Жеребцов, И.Л., Таскаев, М.В. Черные годы. Революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921 / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев. – Сыктывкар, 2001. – 320 с.
16. Жеребцов, И.Л., Таскаев, М.В. Коми край в составе Северной Коммуны (июнь 1918 – февраль 1919 гг.) / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. – 16 с.

17. Жеребцов, И.Л., Таскаев, М.В. Коми край в годы гражданской войны: население и власть / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев. – Сыктывкар, 1994. – 26 с.
18. Жеребцов, И.Л., Таскаев, М.В. Коми край в стратегии Северного и Восточного фронтов белых / И.Л. Жеребцов, М.В. Таскаев. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. – 28 с.
19. История Коми с древнейших времен до конца XX века. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2004. – Т. 1. – С. 110–137.
20. Круглый стол «Гражданская война и интервенция на Севере России: итоги и перспективы осмысления // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008. – №1. – С.108.
21. Связь времен. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000. – С. 202–209.
22. Таскаев, М.В. Европейский Северо-Восток Российской империи в начале XX столетия. Очерки политической истории / М.В. Таскаев. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing 2012. – 200 с.
23. Таскаев, М.В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.) / М.В. Таскаев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 610 с.
24. Чупров, В.И. Коми край в трех русских революциях / В.И. Чупров. – Сыктывкар, 1985. – 150 с.

РИЖСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1917 ГОДА. ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

В.О. Терентьев

Санкт-Петербург, СПбГУМ РФ им. адмирала С.О. Макарова

Е.А. Терентьева

Санкт-Петербург, СПбГУТ им. профессора М.А. Бонч-Бруевича

Рижская операция 1917 года достаточно известна и хорошо освещена в советской и российской литературе. Ей посвящены как специальные исследования, так и многие общие работы по истории Великой войны. Однако, несмотря на обширную литературу, анализ и выводы исследователей довольно схожи и имеют ряд общих ошибок. В условиях неоднозначной политической оценки событий Великой Российской революции полемика по вопросу политической ценности рассматриваемого события может быть весьма громоздкой. Отголоски политических оценок Рижской операции вековой давности дошли почти без изменений до нашего времени[7, 19, 22, 25]. В свою очередь, оперативная оценка действий 12-й армии историками практически не пересматривалась, продолжая опираться на работы советского периода.

Подробный анализ ситуации и боевых действий на Рижском участке фронта демонстрирует ошибочность некоторых представлений о Рижской операции, распространенных в историографии.

Это прежде всего касается хронологии оставления Риги русскими войсками и оценки этого события. Большинство исследователей говорит о преждевременном отходе по приказу Л. Г. Корнилова[10, 12]. Это утверждение вызывает сомнение. В момент отдачи приказа главнокомандующим бои с немцами шли уже на окраинах Риги[5, 6, 28]. Западная часть города была оставлена русскими войсками, а к югу от него сводные отряды 12-й армии из последних сил сдерживали гвардейские дивизии рейхеера[10, 26, 27]. Долговременных фортификационных сооружений, на которые могли бы опереться защитники, на этом участке не было. Одновременно немцы пытались создать второе кольцо окружения, перехватив Псковское

шоссе[26, 27]. Здесь, на реке Мал. Эгель с превосходящими силами противника сражалась 2-я латышская бригада[8]. Вставала серьезная угроза двойного окружения – в самой Риге и на межозерном участке[19]. Таким образом, существовала оперативная необходимость отвода двух сибирских и одного армейского корпуса. Приказ Корнилова гласил об отводе войск на третью позицию, которая проходила по рижским озерам и реке Бол.Эгель. Решение об отводе войск на Венденский рубеж было принято командующим 12-й армией[9]. Тем не менее, это решение тоже было обоснованно. К середине дня 3 сентября немцы проникли за Бол.Эгель и восстановить положение существующими силами было уже невозможно[6]. Русское командование не желало повторения Новогорьковской катастрофы 1915 года, когда ради обороны оставляемой в тылу врага крепости фронт лишился 83 тыс. человек и свыше тысячи орудий. Однако бесспорно, что приказ главковерха послужил катализатором неизбежных событий[6, 24].

Заявления о решающей роли латышских стрелков в спасении 12-й армии представляются неверными[2, 8, 19]. 1-я латышская бригада сражалась за Ригу среди частей 2-го сибирского и 43-го корпусов. Вместе с ними она отражала атаки врага и отходила на восток[8]. От окружения 12-ю армию спасли своевременные решения командования, бросавшего против рвущихся к Риге германских гвардейцев все новые соединения (4-ю сибирскую, 110-ю и 136-ю пехотные дивизии, 1-ю латышскую бригаду). Бесспорно, 2-я латышская бригада своей героической обороной сдерживала натиск противника на 2-й и 3-й линии обороны [2]. Но забывается, что рядом с ней действовала 17-я кавалерийская дивизия и ряд ударных пехотных частей, переброшенных на этот участок после прорыва немцами латышских позиций [6, 28]. 33-я пехотная дивизия сражалась с тремя немецкими и даже контратаковала врага[6, 8, 26, 27]. Утверждение о преступной пассивности ее начальника не соответствует действительности[8, 9, 23].

Действия командования фронта и армии по стабилизации обстановки можно с уверенностью оценить как грамотные и верные – с точки зрения и оперативного искусства, и здравого смысла. Контрудары, насыщение обороны резервными силами, переброска войск, вывод основных сил из-под удара, – все это отвечало требованиям момента [10, 15]. Были заранее подготовлены оборонительные рубежи, спланирован отрыв от противника для приведения войск в порядок[25]. Интересно решены разведка и последующее возвращение оставленной территории предполья Венденских позиций[6]. Обвинение в том, что при точных сведениях о месте и времени удара не были предприняты меры безосновательно. В оперативной близости от места переправы были созданы армейские и корпусные резервы, сыгравшие в операции решающую роль[6, 19]. А плотность войск первой линии в условиях позиционной войны была более чем достаточной. Зная участь 186-й дивизии, попавшей под массированный артиллерийский и газовый удар противника, можно предположить, что более плотное насыщение войсками переднего края привело бы только к еще большим жертвам, и вряд ли принесло пользу[4].

Причина поражения коренилась прежде всего в антивоенных настроениях и слабой подготовке рядового и младшего офицерского состава[1, 10, 11, 21]. Свою роль сыграл и высочайший профессионализм германского командования и солдат. В Рижской операции немцами широко использовались специально обученные и хорошо оснащенные штурмовые батальоны[17]. Ими был применен новый вид артподготовки, активно использовались химическое оружие и авиация[3, 4, 14, 17]. Для прорыва была сосредоточена мощная группировка германских войск, и из ее состава сформирована ударная группа. Против 6,5 тыс. человек 186-й рус-

ской дивизии в первый день действовало около 60 тыс. немцев. Безусловно, решающую роль сыграла артиллерия, особенно тяжелая. Против 1149 русских орудий вело огонь свыше 2000 германских [19].

При критическом анализе военных действий необходимо учитывать, что русский генералитет с 1915 г. Предпочитал «держать фронт, а не территорию» [13]. Ошибкой полевого командования была недооценка новой политической обстановки [24]. В условиях глобального и внутреннего информационного противоборства любой шаг армии мог быть расценен как героический или предательский – в зависимости от политической позиции наблюдателя [6, 9, 19].

Беспорядочное бегство 12-й армии после оставления Риги, упоминаемое практически во всех исследованиях, в действительности представляло собой быстрое, динамично меняющееся, но управляемое продвижение полковых и батальонных колонн, периодически нарушаемое нападениями кавалерии, артиллерии и авиации противника [6]. Хаотичность отступлению придавала недисциплинированность тылов и толпы беженцев [5].

Принято считать, что немцы вели вялое преследование отступающих русских войск, а затем прекратили его из-за переброски своих соединений на Западный и Итальянский фронты [7, 9, 14, 19, 20, 23]. В действительности же причиной этого было яростное сопротивление русских заслонов и тот факт, что стоявшая задача по окружению и уничтожению русской армии так и не была выполнена [6, 18]. Перемещения же немецких войск после прекращения преследования было скорее ротацией, нежели переброской на другие фронты: 5 дивизий убыло, 5 прибыло [26, 27].

Важным критерием успешности любой операции являются относительные потери. Потери русской армии в Рижской операции не стали критическими, как в Новогеоргиевске или в боях 1941 г.: 25 тыс. человек из 160 тыс., из них 10 тыс. безвозвратных; 273 орудия из 1149. В свою очередь, немцы заплатили за политический успех невыполненную задачу большими потерями – от 5 до 20 тыс. бойцов и сотней орудий [10, 14].

Итак, несмотря на ошибки фронтового и армейского командования, Рижская операция представляет собой типичную оборонительную операцию Первой мировой войны. Ее значимость в истории войны сильно преувеличена. Русское командование решало стремительно возникающие перед ним задачи. На каждом участке фронта находились боеспособные русские части, державшие оборону; те же, кто попал под массированный удар, бежали – как и в 1914 г. Сильно преувеличивается роль революционных настроений в поражении русской армии и беспорядочность ее отступления. Если говорить о потерях, то они были значительно меньше, чем в аналогичных ситуациях в 1915 г. Немцы, сосредоточив мощный кулак, удар которого не выдержала бы ни русская, ни французская позиция, достигли незначительных результатов. Бесспорно, что Рижская операция широко использовалась в пропагандистско-политических целях. Ее, как и многие события 1917 г., трактовали в пользу Революции (Временное правительство и Советы), и против нее (Корнилов). Немцы, осознавая незначительность успеха, превозносили свою победу, заявляя о полном разгроме русского фронта и широко афишируя парад своих войск в Риге [6, 16, 26, 27].

Источники и литература

1. 1917. Разложение армии. / Составитель: В. Л. Гончаров. – М.: Вече, 2010. – С. 486-489.
2. Базанов, С. Н. Полное презрение к смерти. Добровольческие национальные части в Русской армии в годы Первой мировой войны. / С. Н. Базанов // История. – 2006. – № 06.

3. Белаш, Е. Ю. Мифы Первой мировой. / Е. Ю. Белаш. – М.: Вече, 2012 – С.325-326.
4. Де-Лазари, А.Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914-1918 гг. / А. Н. Де-Лазари. – М., 1935. – С.58.
5. Зайончковский, А.М. Мировая война 1914-1918 гг. В 2-х томах. Т.2. / А. М. Зайончковский. – М.: Воениздат, 1938. – С.140-147.
6. Зайончковский, А.М. Стратегический очерк войны 1914-1918 гг. В 7-ми частях. Часть 7. / А. М. Зайончковский. – М.: Высший Военный редакционный совет, 1923. – С.93-105, сх.10,11.
7. Залесский, К. А. Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. / К. А. Залесский. – М.: Вече, 2000. – С.130-132, 134-139, 172-174.
8. История латышских стрелков (1915-1920) / Под редакцией Я. П. Крастыня. – Рига: Зинатне, 1972. – С.160-188.
9. История Первой мировой войны 1914-1918 гг. / под редакцией И.И.Ростунова. В 2-х томах. Т.2. – 1975. – С.317-322.
10. Кавтарадзе, А.Г. Рижская операция 1917 года. / А.Г.Кавтарадзе // Военно-исторический журнал. – 1967. – №9. – С.118-123.
11. Какурин, Н.Е. Разложение армии в 1917 году. / Н. Е. Какурин. – М., Л.: Государственное издательство, 1925. – С.7.
12. Капустин, М. И. Большевики Северного фронта в борьбе за солдатские массы в 1917 году. / М. И. Капустин // Вопросы истории. – 1955. – №11. – С.105-113.
13. Корнилов Лавр Георгиевич. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.info/biograf/bio_k/kornilov_lg.php – Дата доступа: 10.01.2017.
14. Куличкин, С. П. Конец войне. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history> – Дата доступа: 10.01.2017.
15. Куличкин, С. П. На фронтах Первой мировой. / С. П. Куличкин. – М.: Вече, 2014. – С.237-240.
16. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. В 2-х томах. Т.2. – М., 1924. – С.69.
17. Олейников, А. В. Штурмовики против ударников. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru> – Дата доступа: 10.01.2017.
18. Олейников, А. В. Штурмовые части Русской армии в боях 1916-1917 гг. / А. В. Олейников. // Военно-исторический журнал. – 2011. – №4. – С.12-16.
19. Оськин, М. В. История Первой мировой войны. / М. В. Оськин. – М.: Вече, 2014. – С.395-401.
20. Попов, Г. Г. Поражения, которых могло не быть: эпоха мировых войн. / Г. Г. Попов. – М.: ТД Алгоритм, 2016. – С.107-108.
21. Революционное движение в русской армии в 1917 г. / Редактор: Л. Гапоненко. – М.: Наука, 1968. – С.61.
22. Рижская операция (1917) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – Дата доступа: 10.01.2017.
23. Ростунов, И. И. Русский фронт Первой мировой войны. / И. И. Ростунов. – М.: Наука, 1976. – С.366-371.
24. Уткин, А. И. Первая мировая война. / А. И. Уткин. – М.: Эксмо, 2002. – С.446-447, 451.
25. Шацилло, В. К. Последняя война царской России. / В. К. Шацилло. – М.: Эксмо, 2010. – С.109-110.
26. Der grosse Krieg 1914-1918: in 10 Bänden. Der deutsche Landkrieg. Т.3. Vom Winter 1916/1917 bis zum Kriegsende. – Leipzig: Joh. Ambr. Barth, 1925. – С.315-323.
27. Der Veltkrieg. 1914-1918. Т.13. Sommer und Herbst. 1917. / Bundesarchiv – Berlin: E. S. Mittler&Sohn, 1942. – С.191-199. Прил. 18, 28.
28. Vacietis, J. Latviesu strelnieku vesturiskano zime. / J. Vacetis. – Riga: Avots, 1989 – С.107-153.

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
МАРТА–ОКТАБРЯ 1917 Г.**

Л.В. Алиева

Псков, Псковский государственный университет

В России XIX – первой трети XX в. было проведено несколько реформ, в которых крестьянская поземельная община выступала одним из основных объектов. Судьба ее реформаторами решалась по-разному: в ходе реформы 1861 г. правительство сохранило общину, однако при подготовке столыпинской аграрной реформы был взят курс на ее разрушение. Земельный Кодекс 1922 г. оформил общину в качестве «земельного общества», сохранив ее, но де-юре урезав права. Эти положения общеизвестны. Вместе с тем, вне поля внимания специалистов по аграрной истории России, как правило, оставался хотя и непродолжительный, но крайне важный для судеб русской крестьянской общины временной промежуток с марта по октябрь 1917 г.

Революционные потрясения России в начале 1917 г. со всей очевидностью показали необходимость крупных перемен в области земельных отношений. В то же время роковая неизбежность широкой земельной реформы и возможные драматические последствия ее реализации настораживали, если не сказать – страшили, – не только представителей умеренных и консервативных кругов, но и социалистические партии, что стало одной из причин переноса начала аграрной реформы на более отдаленную перспективу, как минимум – до созыва Учредительного собрания. Постановлением Временного правительства от 21 апреля 1917 г. был создан Главный земельный комитет, который должен был изучить вопрос о земельных нуждах населения и подготовить к Учредительному собранию новый закон о земельном устройстве.

Главный земельный комитет (ГЗК), определив на первой сессии, состоявшейся 19 мая 1917 г., цель будущей реформы – передать все земли в пользование трудового населения, на второй сессии (20 мая 1917 г.) приступил к разработке основных положений земельной реформы. Для решения этой задачи было необходимо дать актуальные ответы на ряд вопросов, традиционно обсуждавшихся на стадии подготовки земельных реформ в России: 1) судьбы земельного строя (ликвидация/сохранение; полностью/частично); 2) принципы построения новых земельных правоотношений (пользование/владение; государственное/частное); 3) принципы распределения (перераспределения) земельного фонда (коллективно/единолично; насильственно/мирно; за выкуп/безвозмездно); 4) нормы земельного обеспечения (потребительная/трудовая; минимум/максимум; единые/индивидуальные).

В ходе обсуждения и разработки аграрной реформы оформилось несколько точек зрения на вопрос о судьбе существующего земельного строя, прежде всего, об участии крупных частновладельческих, а также церковных, монастырских, удельных и кабинетских земель.

Первая – официальная – точка зрения была озвучена в воззвании Временного правительства еще 19 марта 1917 г. Она сводилась к призыву не изменять до-революционного земельного строя.

Сторонники второй точки зрения выступали за передачу помещичьих земель крестьянам. Различия крылись лишь в способах передачи: насильственно либо мирно, безвозмездно либо за выкуп и т.д. Наиболее популярными в крестьянской среде при этом были взгляды социалистических партий, особенно эсеров.

Третья точка зрения сводилась к признанию неотвратимости рациональной организации крестьянского хозяйства и, не отвергая вовсе необходимости ликвидации крупной частной земельной собственности, признавала возможной передачу лишь части помещичьих земель крестьянам.

Пока велись споры между представителями всех противоборствующих сторон, крестьянская община, не дожидаясь решений Учредительного собрания, взяла инициативу в свои руки и приступила к перераспределению земельного фонда на основе собственных представлений о справедливости, включая в передел помещичьи, церковные и монастырские земли.

Земельные правоотношения в результате революции, безусловно, должны были претерпеть существенные изменения, тем более что разработчики реформы констатировали факт запутанности земельных отношений вследствие столыпинского землеустройства. Дабы препятствовать распространению неконтролируемых изменений земельных отношений, С.Л. Маслов даже предлагал запретить выдел из общин [9, с. 115], однако такого рода способ «замораживания» поземельных отношений не встречал всеобщей поддержки. Более того, на заседаниях комиссии ГЗК по перераспределению земельного фонда некоторые докладчики высказывали мнение о том, что в связи с перераспределением земель необходимо признать допустимым вселение новых поселенцев в те общины, где имеется избыток земли сверх определенной потребительно-трудовой нормы. Это позволило бы решать проблему аграрного перенаселения, но неизбежно усиливало запутанность в поземельных отношениях. Поэтому от определенного решения вопроса о земельных правоотношениях комиссия уклонялась, однако всем было очевидно, что он должен был быть решен уже в ближайшем будущем [5, с. 12].

Вопрос о будущих формах землевладения в рамках дискуссии о земельной реформе считался не самым важным, хотя и он тоже требовал скорейшего разрешения. Эсер Н.Я. Быховский выступал за социализацию земли, которая вместе с тем должна была сохранить за каждой общиной ее право внутриобщинного распределения земельного фонда [6, с. 22–23]. Народнические партии в целом полагали, что вновь прирезанные земли можно будет признать государственными, и что постепенно крестьянство привыкнет относиться и к своей наделенной земле, как к государственной. Кадеты же отстаивали право частной собственности на землю, которая должна была способствовать и улучшению крестьянского хозяйства.

Несомненным было одно: ни в правовом сознании, ни в законе нельзя было объяснить существование различных юридических норм по отношению к земле, но это было делом будущего, а в революционный период решение проблемы унификации земельных правоотношений обрастало многочисленными спорами и конфликтами, препятствуя выработке единых подходов к принципам построения новых земельных правоотношений.

При обсуждении механизмов распределения земельного фонда на заседаниях ГЗК весной – осенью 1917 г. неоднократно звучала мысль о том, что «наиболее простым, производственно целесообразным и в то же время опирающимся на народное правосознание способом распределения земельного фонда является его передача тем, кто на нем теперь трудится; причем земля прирезается селениям, но конечное ее распределение предоставляется им коллективно» [7, с. 29]. Эта точка зрения разделялась практически всеми членами ГЗК независимо от их партийной принадлежности. Они полагали, что преобразования должны быть настолько сложными, крупномасштабными и стремительными, что государственный аппарат совершенно не в силах был бы заниматься наделением земель каждого отдельного лица. Учитывая данное обстоятельство, многим казалось очевидным, что между государством и от-

дельными крестьянскими хозяйствами должен находиться особый коллектив – община, и только она сможет обеспечить интересы всех отдельных хозяйств – и многоедочных, и малоедочных – в силу наличия богатого, многовекового опыта по распределению земель. О необходимости передачи земли общинам говорили в этот период и Н.Д. Кондратьев, А.А. Рыбников, С.Л. Маслов, Н.И. Ракитников. Более того, в споре о справедливом распределении земельного фонда неоднократно звучали предложения по возрождению тех общин, которые существовали как административные единицы, прекратив на своей территории переделы земли.

Вопрос о возмездности передачи земли крестьянам решался неоднозначно. На первой сессии ГЗК ставился вопрос об оплате крестьянами передаваемой им земли. Однако I Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов в мае 1917 г. было объявлено, что земля должна перейти в пользование крестьян без всякого выкупа. Б.Д. Бруцкус отмечал, что «об изъятии у крестьян ренты с их наделных земель нельзя серьезно говорить. Крестьяне за эти земли внесли большую часть выкупного платежа и никакая власть не позволит себе экспроприировать у них доход с благоприобретенного капитала» [1, с. 10]. Однако тем же Б.Д. Бруцкусом указывалось на то, что помещичьи земли не могут быть переданы крестьянам на безвозмездной основе, т.к. они частично были заложены, и «по складным должен кто-то платить» [6, с. 43].

Революционные изменения неизбежно привели к поиску решения проблемы крестьянского малоземелья и определению норм обеспечения землей. Нормы нужны были для того, чтобы осуществить более равномерное распределение земли, вновь отводимой в ходе реализации земельной реформы. В случае передачи земли общинам, при переделах земельного фонда в силу вступили бы нормы, идущие из повседневной крестьянской практики, складывавшейся веками, но поскольку к единому мнению о роли общины в будущих аграрных преобразованиях разработчики реформы не пришли (как, впрочем, и по другим вопросам), к решению обозначенной проблемы приступили специалисты, которым на теоретическом уровне необходимо было обосновать те принципы распределения земель, которые были призваны раз и навсегда решить аграрные проблемы.

В связи с методологическими поисками исчисления минимальной нормы наделения крестьян землей в публикациях февраля – октября 1917 г. все чаще появляются такие понятия, как «организационно-производительный минимум», «потребительная норма», «трудовая норма», «потребительно-трудовая норма».

Под организационно-производительным минимумом подразумевался участок земли «таких размеров, чтобы при соответствующем уровне сельского хозяйства в данном районе крестьянская семья могла удовлетворять свои потребности, но не вполне, а в рамках некоторого относительного малоземелья» [3, с. 23]. Такой подход был обусловлен тем, что до полного наделения – до потребительной нормы – имеющихся пахотных земель, по всей вероятности, будет недостаточно, а некоторый недостаток земли (1 – 2 десятины) будет способствовать переходу крестьян к более интенсивным формам земледелия.

Потребительной нормой считалось количество земли, необходимое для того, чтобы удовлетворить все потребности семьи – в пище, в жилище, в одежде, в обуви, в образовании [2, с. 11].

При наделении крестьян землей по трудовой норме предполагалось предоставление земельного участка такой площади, которая может быть обработана трудом только самого крестьянского хозяйства, без применения труда наемных работников [2, с. 9].

Потребительно-трудовая норма как единица обеспечения крестьян землей

мыслилась как норма, отвечающая всей совокупности разнообразных условий того или иного района [3, с. 23].

В.И. Ленин критически относился к разработке подобных «норм» как средству разрешения аграрного вопроса. На I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов он говорил, что «какие бы "нормы" не устанавливали, они останутся в лучшем случае непригодными для жизни потому, что они не считаются с тем главным фактором, что собственность на орудия, на скот, на деньги распределены неравномерно» [4, с. 184]. Добавим к этому, что для нахождения любой из этих норм нужны были не средние величины, а точные данные массовых обследований.

Несмотря на свою утопичность, вопрос о трудовой и потребительной норме наделения крестьян землей обсуждался в рамках работы специальной комиссии при ГЗК. На одном из заседаний этой комиссии Н.П. Макаров представил доклад о нормах наделения землей, отметив, что вычислив нормы, государство не сможет во всех волостях обеспечить население землей в соответствии с данными нормами, поэтому непосредственное равенство обеспечения землей невозможно [8, с. 16].

Б.Д. Бруцкус также возражал против выработки норм наделения землей, т.к. проект всероссийского равнения земли было невозможно реализовать в силу целого ряда причин, среди которых важное место занимала психология крестьянских масс. Крестьянам была нужна не земля вообще, а земля конкретная, на которую они претендовали и которую они активно захватывали и которую пускали в передел по традиционно сложившимся нормам.

Таким образом, в дискуссиях о земельной реформе, развернувшихся не только в общественных организациях, но и в правительственных кругах на протяжении весны – осени 1917 г., одно из центральных мест принадлежало общине. В рамках определения основных положений будущей земельной реформы фактически решался вопрос о ее судьбе. При этом он не рассматривался в плоскости разрушения данного института, хотя экономистам и были очевидны издержки существования общинной организации. Речь шла как минимум о сохранении общины, а как максимум – о ее возрождении, особенно в тех местах, где господствовала беспеределная, административная община. Однако различия по аграрному вопросу, обусловленные программными установками, множество прений на отвлеченные темы, сложная внутри- и внешнеполитическая обстановка мешали процессу подготовки реформы, конкретные положения которой так и не были выработаны вплоть до октября 1917 г.

Источники и литература

1. Бруцкус, Б.Д. Обобществление земли и аграрная реформа / Б. Д. Бруцкус. – М., 1917.
2. Дербер, П.Я., Дорохов, П.Н. Как на местах нужно обсудить вопрос о земле / П. Я. Дербер, П. Н. Дорохов. – Б/м., 1917.
3. Долгих, И. Аграрный вопрос и крестьянство по отношению к социализму / И. Долгих. – Самара, 1918.
4. Ленин, В.И. Речь по аграрному вопросу 22 мая 1917 г. // Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Т. 32. – М., 1961.
5. Маслов, С.Л. Организация работ по подготовке земельной реформы при Совете Главного земельного комитета / С. Л. Маслов. – Пг., 1917.
6. Основные идеи решения аграрного вопроса. – М., 1918.
7. Труды комиссии по подготовке земельной реформы. – Вып. 1. О крупном землевладении. – Пг., 1917.
8. Труды комиссии по подготовке земельной реформы. – Вып. 2. Нормы земельного обеспечения. – Пг., 1917.
9. Хитрина, Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 г. /Н. Е. Хитрина. – Н. Новгород, 2001.

УЧАСТНИКИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 Г. В ПСКОВЕ И ИХ СУДЬБЫ: ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

О.П. Корольков

Псков, Псковский государственный университет

Великая российская революция 1917 г. всегда будет одним из важнейших событий XX в. При всём различии взглядов на него невозможно отрицать, что попытка построения на земле нового справедливого общества решающим образом изменила ход исторического развития России и оказала огромное влияние на всё человечество. Россия положила начало новому цивилизационному выбору. Это событие стало переломным для всей мировой истории. Столетний юбилей революции – повод вспомнить об этом, и, несмотря на то, что в мире создано громадное количество исследований, публицистических и художественных произведений, посвящённых этому событию, вопрос о месте революции 1917 г. и советского наследия в понимании исторического пути страны и мира по-прежнему открыт, требует своего осмысления и переосмысления.

Наряду со столь глобальными проблемами революции 1917 г., не теряют актуальности региональные и личностные аспекты этой проблемы. За многие годы освещения вопросов революции в тех или иных областях и губерниях России накопилась определённая тенденциозность, чрезмерное выпячивание роли тех или иных участников революционных событий, игнорирование и пренебрежение другими. Псков и Псковская губерния в этом смысле не представляют собой исключений в общем ряду территорий России.

Важнейшие события 1917 г., происходившие в Пскове, связаны с очень многими деятелями, определявшими тогда ход исторического развития страны и судьбу государства. В отечественной и зарубежной литературе, воспоминаниях нашли самое широкое отражение события, связанные с отречением от престола Николая II, показана роль командующего Северным фронтом генерала Н.В. Рузского, членов Временного комитета Государственной Думы А.И. Гучкова и В.В. Шульгина. Достаточно подробно описаны обстоятельства так называемого похода председателя Временного правительства А. Ф. Керенского и командующего 3-м конным корпусом генерала П. Н. Краснова на Петроград 26–31 октября 1917 г.; пребывания в Пскове незадолго до Октябрьского вооружённого восстания лидеров эсеров В. М. Чернова и Е. К. Брешко-Брешковской. На протяжении ряда десятилетий активно разрабатывалась тема установления Советской власти на Псковской земле, была подробно освещена роль в этом процессе представителей большевистской партии: А. А. Иванова, М. Г. Иванова, К. В. Гея, М. П. Ушарнова и других [32, 10, 4]. Особенно большой вклад в разработку данной проблематики внёс С. А. Иванов. Вместе с тем, участие в революционном процессе в Пскове и Псковской губернии представителей других политических сил замалчивалось или изображалось неполно. Многие из них не удостаивались даже того, чтобы их фамилии были написаны с инициалами. Так, до недавнего прошлого в публикациях 1920-х – начала XXI в. ни разу не были полностью названы имена первых председателей исполкома Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов меньшевика Абрама Иосифовича Антовиля и эсера Ивана Степановича Кожихова по той причине, что они принадлежали к партиям, находящимся в оппозиции к большевикам. Полные имя и отчество первого председателя исполкома объединённого

Псковского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов левого эсера Н. А. Петрова до сих пор не удалось выявить по имеющимся в распоряжении исследователей источникам.

Если в общероссийском масштабе проблема, связанная с реализацией идеи Учредительного собрания, изучалась достаточно широко [9, 26, 30, 23, 24, 7, 6], то исследование истории его созыва на материале Псковской губернии, представлено в научной литературе недостаточно. Специальных работ по этой теме нет. Только в ряде исследований содержится некоторая информация о результатах выборов. В работах советского времени отражена официальная точка зрения на роль и место Учредительного собрания в истории страны. Их авторы полагали, что с роспуском этого учреждения был завершен слом буржуазной государственной машины, что обеспечило сплочение трудящихся вокруг Советов [27, с. 118-121; 21, с. 82-84]. Из работ, написанных в последующие годы, наиболее содержательными являются учебное пособие А. А. Воробьева, а также раздел главы А. В. Филимонова в коллективной монографии, где прослеживается ход и особенности избирательной кампании в Псковской губернии, оцениваются ее результаты, объясняются причины разгона Собрания [5, 4, с. 181-186].

Известно, что по итогам выборов во Всероссийское Учредительное собрание в Псковской губернии партия эсеров получила 57,3% голосов, а за список большевистской партии проголосовало 33,7% избирателей [5, с. 63].

В связи с этим по итогам выборов депутатами собрания от Псковской губернии стали пять эсеров (Г. К. Покровский, В. И. Уткин, Л. Л. Беклешов, Н. Н. Ольхин и М. И. Сафонов) и три большевика (А. А. Иоффе, М. П. Ушарнов и А. Я. Юров). Среди избранных крестьянских депутатов все, за исключением Г. К. Покровского, являлись левыми эсерами.

Если сведения о большевиках-депутатах Учредительного собрания в литературе в той или иной степени представлены, то имеющаяся информация о победителях-эсерах и их судьбах крайне ограничена. Только в последние годы благодаря работам 1997 – 2014 гг. Л. Г. Протасова было составлено достаточно полное представление о каждом депутате. Сведения Л. Г. Протасова о псковских депутатах в той или иной степени могут быть дополнены.

Покровский Георгий Константинович (1877, г. Балашов Саратовской губ., по др. версии, 1880 – 1937). Из почетных граждан. После сельской школы служил земским писарем. Член II Государственной Думы, после ее роспуска выслан. В 1917 г. секретарь уездного земства. Член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, участник Демократического совещания, член Предпарламента. Обязательный кандидат ЦК ПСР в Учредительное собрание. Избран от Псковского и Саратовского округов. Казначей бюро фракции эсеров. 28 ноября в Таврическом дворце участвовал в попытке открыть заседание Учредительного собрания в соответствии со сроком, установленным свергнутым Временным правительством, хотя к тому моменту было выбрано около 300 депутатов, зарегистрировано 173, а прибыло в Петроград лишь 50. Эти действия противоречили декрету СНК от 26 ноября 1917 г. об условиях открытия Учредительного собрания: обязательному присутствию не менее 400 депутатов. 28 ноября декретом СНК партия кадетов, представители которой играли ведущую роль в Всевыборах, была объявлена партией врагов народа за организацию саботажа и организацию контрреволюционных выступлений на Дону, Урале, Украине. Таким образом, кадеты отстранялись от участия в Учредительном собрании.

30 ноября Покровский с группой депутатов подписал протест против действий комиссара Г. И. Благонравова, силой не допустившего их к работе 28 ноября. В связи с этими событиями именно в Псковской губернии была предпринята попытка впервые применить Закон об отзыве депутатов Учредительного собрания, принятый ВЦИК 21 ноября: III Псковский губернский съезд Советов крестьянских депутатов, проходивший с 28 ноября по 1 декабря, постановил отозвать из Учредительного собрания эсера Г. К. Покровского, но получил отказ.

В конце 1918 – начале 1919 гг. Покровский входил в редколлегию газеты «Родная земля» (Екатеринодар), закрытой командованием Добровольческой армии. Затем преподавал в Кубанском политехническом институте, Петровской с.-х. академии. В 1922 г. член Центрального бюро ПСР, под псевдонимом (Люсьмарин) давал информацию Заграничной делегации ПСР о подготовке процесса над эсерами. Арестован в июне 1922 г. Приговорен к 10 годам заключения. Отбывал срок в Москве и Тобольске. С 1928 г. находился в ссылке в Саратове. Арестован в ноябре 1936 г. в Ташкенте. Расстрелян [8, 22].

Уткин Василий Иванович (1882, д. Боженково Псковского уезда – 14.11. 1933). Член Учредительного собрания. Из крестьян. Поднадзорный с 1907 г., эсер. Был выслан в 1909 г. в Вологодскую, затем в Енисейскую губернии. В 1917 г. левый эсер. Член исполкома Псковского губернского Совета крестьянских депутатов. В 1922 г. находился в советских тюрьмах. Вновь арестован в ноябре 1933 г. в Нижегородской губернии, якобы покончил самоубийством [33].

Беклешов Леонид Леонидович, родился в 1887 г., с 1905 г. член партии эсеров. Отец Леонид Леонидович – действительный статский советник, в 1905-1907 гг. – председатель Островской уездной земской управы Псковской губ; в 1908-1911 гг. – Островский уездный предводитель дворянства, мать – Ольга Евгеньевна – учительница. После развода родителей воспитывался матерью. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета, работал помощником присяжного поверенного, с 1916 г. в армии, прапорщик, 27 февраля 1917 г. выбран ротным командиром, организатор Петроградского Совета крестьянских депутатов и его председатель, член ЦИК Советов крестьянских депутатов. Левый эсер. 16 июля избран Островским уездным комиссаром, но не был утвержден министерством внутренних дел. 30 июля 1917 г. избран председателем Островской уездной земской управы, депутат от Островского уезда на I Псковском губернном съезде крестьянских депутатов в августе 1917 г., избран председателем губернского исполкома крестьянского Совета. Делегат I и II съездов Советов крестьянских депутатов (КД), III съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (РСД). С марта 1918 г. – член Коллегии обвинителей в Ревтрибуналах. В дальнейшем – в Партии революционных коммунистов, с 1920 г. – в Украинской партии левых эсеров (боротьбистов), работник ЦК, лектор партшколы.

Л. Г. Протасов в исследовании «Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи» (М., РОССПЭН, 2008) отмечает, что Л. Л. Беклешов происходил из семьи революционера-народника. На самом деле род дворян Беклешовых известен с конца XVI в. Все Беклешовы верой и правдой служили русским царям в военной или гражданской службе. Среди них наиболее известны: Н. А. Беклешов (1741 – 1822) – псковский губернатор в 1798 – 1800 гг., впоследствии сенатор; А. А. Беклешов (1741 -1808) – генерал от инфантерии, губернатор Подольской и Волынской губерний, сенатор, генерал-губернатор Киевский и Малорусский, губернатор Московский, генерал-прокурор, член Госсовета, кавалер ордена Андрея Первозванного. В 1917 г., в период острой политической борьбы в Псковской гу-

бернии, оппоненты Л. Л. Беклешова резко критиковали его за якобы ложную принадлежность к поборникам интересов псковского крестьянства. В период проведения I губернского съезда Советов КД в августе 1917 г. «Псковская жизнь» опубликовала статью под названием «Ряженые», в которой автор обвинял Л. Л. Беклешова в том, что он не является «выразителем крестьянских нужд», что «это не крестьянин из крестьян», а «дворянин из дворян, сын бывшего земского начальника и предводителя дворянства». «В таком случае, предполагаете Вы, – вопрошал автор, – это толстовец, взявшийся за соху, и покинувший свое дворянское гнездо? И в этом ошибаетесь: это помощник присяжного поверенного, призванный на военную службу. Ему всего 23 года». А далее газета излагала доводы о том, что резолюция крестьянского съезда о мире, о необходимости международной конференции социалистических партий воюющих стран в Стокгольме совершенно чужда и непонятна простому псковскому крестьянину. «Авторы подобных резолюций наряжают крестьянство в шутовской костюм, – делала газета вывод с высокомерным пренебрежением, – облачают крестьянина в модный фрак поверх сермяги с рубахою на выпуск».

Известно, что лишь один из родственников Леонида Леонидовича – Михаил Павлович Беклешов (1866–1946), выпускник Константиновского военного училища, подпоручик 146-го пехотного Царицынского полка участвовал в народническом движении, в 1887 г. проходил по «делу 18-ти» и являлся заключённым Трубецкого рavelина Петропавловской крепости. По приговору военного суда разжалован в рядовые. Впоследствии он посвятил свою жизнь педагогической деятельности, с 1906 г. по 1919 г. – директор Петербургской земледельческой исправительной детской колонии в имении Извара близ Гатчины, а с 1924 г. являлся профессором и проректором Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена [1, 2, 14, 20, 34].

Ольхин Николай Николаевич (1878, с. Незнаниха Новоржевского у. Псковской губ. – 1946). Из крестьян, мельник дер. Бугрово вблизи Святых Гор Опочецкого уезда. Окончил земскую школу. Поднадзорный с 1903 г., эсер. 11 раз подвергался обыскам. В 1917 г. левый эсер, начальник уездной милиции, председатель Воронежского волостного Совета крестьянских депутатов. Противник всякой эксплуатации, снимал с работ в помещичьих имениях наёмных рабочих. Инициатор на сходе крестьян Воронежской волости 27 мая 1917 г. передачи села Михайловское в «общегосударственное ведение» и устройства свободного Всероссийского университета имени А. С. Пушкина с низшим, средним и высшим отделениями, а также больницы и школы. Односельчане дали Н. Н. Ольхину прозвище «Орёл». Член бюро фракции левых эсеров Учредительного собрания, делегат III Всероссийского съезда Советов РСД и КД, член ВЦИК-3. Летом 1918 г. как инспектор ВЦИК проверял в Псковской губ. работу Советов. С 1920 г. член Всероссийского союза поэтов, в 1925 г. окончил Высший литературно-художественный институт имени В. Брюсова в Москве. В конце 1932 г. арестован, освобождён в конце 30-х гг. В годы Великой Отечественной войны ездил с агитационными выступлениями по военным заводам [13, 17, 18].

Сафонов Михаил Иванович (6.11. 1863, с. Бережаны Островского у. Псковской губ. – ?). Из крестьян. Окончил уездное училище. В революционном движении с 1893 г., провел в тюрьме год в одиночной камере, был выслан на 3 года. В 1907 г. эсер-максималист, выслан на 2 года в Сольвычегодск. В 1917 г. левый эсер, председатель Островского уездного Совета, гласный городской думы, уездный комиссар. Член бюро фракции левых эсеров Учредительного собрания. В конце 1921 г. советский

служащий в Острове. Местными чекистами характеризовался как «влиятельный» партийный работник, который, однако, открыто не выступает [15, 25].

В сложный период нарастания общенационального кризиса в России Временным правительством были предприняты попытки стабилизировать положение в стране посредством получения общественного доверия. Сначала, 12-15 августа в Москве было проведено Государственное совещание. За тем, после подавления выступления Л.Г. Корнилова и провозглашения России республикой, 14-22 сентября в Петрограде работало Демократическое совещание, которое было призвано избрать законосовещательный орган Временный Совет Российской республики (Предпарламент) и решить, на каких основаниях должно быть создано новое коалиционное правительство – с представителями буржуазии или без них. В обоих форумах приняли участие и представители Псковской губернии.

В работе Государственного совещания участвовал избранный делегатом от города Пскова Алексей Павлович Мельников (1867 – 1934) юрист, член окружного суда, сын известного русского писателя П. А. Мельникова-Печерского. Он являлся основателем партии народной свободы в Пскове в 1905 г. Читал курс законоведения в Псковском землемерном училище и политическую экономию в Псковском коммерческом училище. Кандидат в I и II Государственные думы. В 1917 г. председатель особой «Следственно-примирительной Комиссии», целью которой было восстановление дисциплины и воздействие на потерявших голову солдат и улаживание их отношений с офицерами. В годы Гражданской войны вместе с белыми уехал из Пскова в Эстонию. Управляющий делами при Северо-западном правительстве (Политическое совещание). Поселившись в Юрьеве (Тарту), А. П. Мельников в течение многих лет вел курс криминалистики в Тартуском университете. Член Русской академической группы в Эстонии, Почётный член Общества русских студентов Тартуского университета, член Культурно-Просветительного Общества «Разумный досуг». Автор двух детективных романов, книги воспоминаний. Умер А. П. Мельников в Тарту [16, 31].

Во Всероссийском демократическом совещании принимал участие и был избран в Предпарламент представитель от Псковской губернии член партии социалистов-революционеров Л. К. Солдатов, включённый в земскую группу Демократического совещания.

Леонид Константинович Солдатов (1888 – 1963), уроженец Иркутска, Член ПСР. В 1922 -1923 гг. – профессорский стипендиат на кафедре экономики в Иркутском госуниверситете под руководством известного русского экономиста П. П. Маслова. Работал научным сотрудником отделения Всероссийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) в Архангельске. Арестован 25 апреля 1937 г. по делу бывшего члена ЦК партии левых эсеров Б. Д. Камкова в числе 16 чел., обвинявшихся в создании в Архангельске контрреволюционной эсеровской организации – Северного областного комитета контрреволюционной эсеровской организации. Тройкой УНКВД по Архангельской области 08.01.38 г. по ст. 58-10 ч. 1, 58-11 УК РСФСР приговорён к 10 годам лишения свободы, но 09.07.39 г. освобожден в связи с прекращением дела и реабилитирован. Выдающийся деятель партии левых эсеров Б. Д. Камков, находившийся в Архангельске в ссылке с 1933 г. и работавший юрисконсультom в Рыбтресте, по этому делу был расстрелян 29.08.1938 г.

Л. К. Солдатов умер в 1963 г., похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище рядом с братом Владимиром Константиновичем (1875-1941), видным ихтиологом и океанографом [11, 12, 28].

Ещё одним сюжетом революционных событий, остававшихся вне поля внимания исследователей, было посещение Пскова международной делегацией социалистов.

Ночью 31 марта 1917 г. в Петроград после 37-летнего изгнания приехал Г. В. Плеханов. Вместе с ним прибыли его супруга и делегаты французских и английских социалистов М. Кашен, М. Мутэ, Э. Лафон, Д. О'Греди, У. Торн и У. Сандерс.

Марсель Кашен – один из руководителей французской секции социалистического интернационала, редактор газеты «Юманите», в недалёком будущем – один из создателей партии французских коммунистов; Мариус Мутэ – член парламента Франции, депутат от Лиона; Джеймс О'Греди – председатель Генеральной федерации тред-юнионов Англии, лейборист, член парламента, впоследствии губернатор Фолклендских островов и Тасмании; Уильям Торн – член парламента Англии, один из организаторов массового движения неквалифицированных рабочих и основателей Национального Союза газовиков и разнорабочих, в котором в 1924-34 гг. являлся Генеральным секретарём; Уильям Сандерс – секретарь Фабианского общества.

Они прибыли для оказания давления на Временное правительство и меньшевистско-эсеровское большинство Советов, обработки общественного мнения с целью обеспечить продолжение войны и наступление на фронте. В первых числах апреля правительство приняло их в Мариинском дворце. Это был первый контакт новых российских властей с официальной делегацией стран-союзниц. Состоялись встречи делегации с представителями исполкома Петроградского Совета Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенским и др. Вскоре делегаты стали свидетелями событий апрельского политического кризиса и отставки поборников продолжения войны до победного конца П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова. В конце апреля англо-французская делегация для изучения ситуации на фронте направилась в Псков, в котором 29 апреля состоялось совместное заседание представителей Советов Северо-Западной области, Исполкома Псковского Совета СРД. В ходе встречи были обсуждены вопросы об отношении к воззванию Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 14 марта о проведении международной конференции социалистических партий воюющих держав и заключении демократического мира без аннексий и контрибуций, о будущем Эльзаса и Лотарингии, о том, что кроется за лозунгом «Война до победного конца» [29].

Впоследствии бывший посол Великобритании в России лорд Бьюкенен, вспоминая о времени общения с английскими социалистами в период этого визита, писал: «...было жаль расставаться с моими новыми друзьями Уиллом Торном и Джеймсом О'Греди. Это были блестящие представители британского рабочего класса, и я надеялся, что им удастся произвести впечатление на депутатов Совета и заставить их понять, что мы сражаемся с Германией не ради империалистических или капиталистических целей. Но депутаты Совета не были настоящими рабочими. Они были исключительно демагогами. Во время их первого визита в Совет О'Греди сказал Торну: «Посмотри на их руки! Эти люди ни одного дня честно не проработали!» Они уехали из Петрограда весьма огорченные тем, что увидели как на фронте, так и в тылу...» [3].

100 лет минуло с начала событий Великой российской революции, но до сих пор проблема её изучения находится в центре внимания многих исследователей. Нынешнее состояние отечественной историографии революции 1917 г. приобретает всё более научный характер, продолжается процесс осознания природы и всесторонних причин революционных событий, их внутренних механизмов. В то же время в исследуемой проблематике ещё сохраняются определенные пробелы,

не до конца изученные сюжеты, связанные в том числе и с деятельностью участников революционных событий, независимо от их принадлежности к тому или иному политическому лагерю. Таким образом, на нынешнем этапе развития исторической науки тема Великой российской революции по-прежнему остаётся неисчерпаемой, а поэтому следует искать и разрабатывать новые теоретические и методологические подходы, обращаться к вопросам, которые по тем или иным причинам ушли из поля зрения исследователей. Продолжение этой масштабной научной работы позволит более полно отразить события и явления революционной эпохи, проследить их влияние на Россию и мир, наметить перспективы изучения столь грандиозного явления.

Источники и литература

1. Беклешов Леонид Леонидович (биографические материалы) [Электронный ресурс]: Хронос: всемирная история в Интернете. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/bekleshov_ll.html – Дата доступа: 12.12.2013.
2. Беспартийный. Ряженные // Псковская жизнь. 1917. 22 августа.
3. Бьюкенен Д. У. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910-1918. – М.: Центрполиграф, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://statehistory.ru/books/Moya-missiya-v-Rossii--Vospominaniya-angliyskogo-diplomata-1910-1918/28>. – Дата доступа: 22.01.2017.
4. В те боевые годы...: Воспоминания участников установления и упрочения советской власти на Псковщине в 1917-1920 гг. – Л.: Лениздат, 1978. – 103 с.
5. Воробьев А. А. Выборы в Учредительное собрание на территории северо-западных губерний России (Витебской, Минской, Могилевской, Псковской и Смоленской) [Электронный ресурс] : учеб.-метод. мат-лы / А. А. Воробьев. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова 2013. – 112 с.
6. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л. Г. Протасов. М.: РОССПЭН, 2014. – 556 с.
7. Голуб П. А. Выборы в Учредительное собрание 1917 г. – фальсификация века // Диалог. 2000. № 2. С. 56-66.
8. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://lists.memo.ru/index16.htm>. – Дата доступа: 12.12.2013.
9. Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. М.: Наука, 1976. – 363 с.
10. Иванов С. А. Красный Октябрь на Псковщине. Л.: Лениздат, 1967. – 240 с.
11. Избрание в Предпарламент // Псковская жизнь. 1917. 26 сентября.
12. История кафедры экономики ИМЭИ [Электронный ресурс]: Официальный сайт Иркутского государственного университета. – Режим доступа: <http://math.isu.ru/ru/chairs/economy/history.html>. – Дата доступа: 12.12.2013.
13. Козмин Вячеслав. Герой своего времени: мельник Ольхин // Михайловская пушкиниана. Вып. 53. Сельцо Михайловское, Пушкинский Заповедник, 2012. – С. 36 – 71.
14. Л. Л. Беклешов. Автобиография // Крестьянское дело. 1917. 13 октября.
15. М. И. Сафонов. Автобиография // Крестьянское дело. 1917. 27 октября.
16. Мельников Алексей Павлович (Персоналии) [Электронный ресурс]: Русская Эстония. – Режим доступа: http://russianestonia.eu/index.php?title=Мельников_Алексей_Павлович. – Дата доступа: 10.01.2016.
17. Н. Н. Ольхин. Автобиография // Крестьянское дело. 1917. 13 октября;
18. Ольхин Николай Николаевич (биографические материалы) [Электронный ресурс]: Хронос: всемирная история в Интернете. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_o/olhin_nn.php – Дата доступа: 12.12.2013.
19. Органы государственной власти и местного самоуправления в Псковском крае (конец XVIII – XX вв.). Очерки истории. Псков: РАНХиГС при Президенте РФ, 2014. – 344 с.

20. Орден российских тамплиеров. Т.1. Документы 1922 – 1930 гг. М.: Минувшее, 2003. – С. 16 – 17, 39 – 40.
21. Очерки истории Псковской организации КПСС. Л.: Лениздат, 1971. – 542 с.
22. Покровский Георгий Константинович (биографические материалы) [Электронный ресурс]: Хронос: всемирная история в Интернете. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_p/pokrovski_gk.php. – Дата доступа: 12.12.2013.
23. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. – 368 с.
24. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. – 463 с.
25. Сафонов Михаил Иванович (биографические материалы) [Электронный ресурс]: Хронос: всемирная история в Интернете. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/safonov_mi.php – Дата доступа: 12.12.2013.
26. Скрипилев Е. А. Всероссийское Учредительное собрание. Историко-правовое исследование. М.: Наука, 1982. – 216 с.
27. Сокольников О. Ф. Из истории борьбы большевиков Псковщины с мелкобуржуазными партиями в Советах в период установления и упрочения Советской власти (октябрь 1917 -1918 гг.) // Материалы X научной конференции кафедры истории КПСС Псковского пединститута им. С. М. Кирова: Общественные науки. Вып. 1. Ч. 1. Псков: [б. и.], 1967. – 127 с.
28. Солдатов Леонид Константинович [Электронный ресурс]: Жертвы политического террора в СССР. – Режим доступа: [http:// vizn.nl.ru/search/lists/arch1/241_20.html](http://vizn.nl.ru/search/lists/arch1/241_20.html). – Дата доступа: 12.12.2013.
29. Социалистическая делегация в Пскове // Известия Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. 12 мая.
30. Спирин Л. М. Россия: 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. – 337 с.
31. Тени хутора Морозовка // Печорская правда. 2013. 22 марта.
32. Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии 1917-1918 гг.: Сб. документов. Сост. Ф. И. Буниной, Р. Я. Окуневой, М. В. Клецкиной. – Псков: Псков. правда, 1957. – 254 с.
33. Уткин Василий Иванович (биографические материалы) [Электронный ресурс]: Хронос: всемирная история в Интернете. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_u/utkin_vi.php. – Дата доступа: 12.12.2013.
34. Цветков Н. А. Служили верой и правдой... (О роде Беклешовых XVI – начала XX вв.) // Псков. 2002. № 17. С. 82 – 88.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И СУДЬБЫ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ

А.В. Филимонов

Псков, Псковский государственный университет

Одно из основных программных требований РСДРП – ликвидация помещичьего землевладения – в течение длительного времени не содержало в себе развернутых положений о путях его конкретной реализации, а тем более о судьбе дворянских усадеб. Лишь в Апрельских тезисах В.И. Ленина и решениях 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП 1917 г. было выдвинуто предложение об организации на базе отдельных помещичьих имений крупных образцовых хозяйств. «Необходимо, – указывал В. И. Ленин, – создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 дес. по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцовых хозяйств под контролем батрац-

ких депутатов и на общественный счет» [1, с. 115]. Таким образом, для большевиков дворянские имения представляли интерес прежде всего с экономической точки зрения. Но в указанных документах полной ясности о судьбе их не было. Что, например, следовало делать с имениями, располагавшими земельной площадью менее 100 десятин? Расплывчатая формулировка «по определению местных учреждений» открывала условия для произвольного ее толкования на местах и фактически отдавала усадьбы на суд волостных и уездных органов.

Эта же линия закреплялась и в Декрете о земле, где было записано: «...Земельные участки с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, рас-садники, оранжереи и т. под. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование сельских общин в зависимости от размера и значения их...» [3, с. 16]. Следовательно, речь шла о создании на базе имений первых совхозов, но основой для их организации могли послужить далеко не все, а лишь *образцовые* с точки зрения постановки хозяйства, каковых из всех имевшихся было меньшинство.

В Псковской губернии значительная часть имений принадлежала столичной знати, для которой они служили лишь местом летнего отдыха и развлечений и велись без всякого хозяйственного плана, и, следовательно, базой для организации совхозов явиться не могли. Не удовлетворяло требованиям большинство имений и по своим размерам, ибо в губернии преобладало среднепоместное дворянство. Бесспорно одно: все без исключения имения подлежали конфискации и национализации, а судьбу их предстояло решать в каждом конкретном случае. Декрет о земле содержал среди прочих и такое важное положение: «Помещичьи имения... со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов... Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом». Указанным органам Декрет предписывал составить точную опись всего усадебного имущества [2, с. 24]. По указанию В. И. Ленина Наркомпрос 4 ноября 1917 г. опубликовал воззвание к рабочим, крестьянам, солдатам и матросам с призывом охранять исторические и художественные памятники; в том же месяце при Наркомпросе была создана специальная «Комиссия по делам музеев и охране памятников искусства и старины». Все это создавало законодательную основу для сохранения усадеб, ставших отныне народной собственностью. Но события развивались в другом русле, и местные органы власти нередко противостоять разрушительным тенденциям не могли.

Вековую ненависть крестьян к помещикам, подогреваемую различными агитаторами и радикальной прессой, оказалось невозможным удержать в необходимых рамках. Она вылилась в массовые погромы имений и расхищение их имущества еще до захвата власти большевиками и принятия Декрета о земле – весной 1917 г. По данным Главного земельного комитета в течение весны – лета 1917 г. в Псковской губернии было свыше 100 крестьянских выступлений, связанных с захватами помещичьих земель и имущества, порубками лесов и потравками посевов и покосов. В четырех случаях выступления сопровождалась разгромами имений. Так, например, в марте 1917 г. было разгромлено имение «Минкино» Великолукского уезда, расположенное в семи верстах от станции Новосокольники и принадлежавшее вдове генерала Чагиной. В усадьбе помещицы Могилатовой, которой принадлежало свыше 4000 дес. земли Порховского уезда, были сожжены все хозяйственные постройки, а скот и инвентарь распределены среди малоимущих [4,

с. 42; 5, с. 56, 78]. Порубкам нередко подвергались не только леса. Беспощадно вырубались усадебные парки, в которых произрастали редкие и диковинные деревья, декоративные кустарники, а насаждения были произведены по определенному плану. Если даже и уцелели постройки, единые природно-архитектурные ансамбли усадеб в результате порубок были нарушены.

Волну погромов не остановили и строгие меры, предусмотренные Декретом о земле, особенно в тех местах, где принятие имений на учет и проведение описи их имущества по каким-либо причинам задерживалось. В результате продолжавшегося по инерции погромного движения в конце 1917 – начале 1918 гг. в Порховском уезде был разграблен ряд имений в Дубенской, Михайловской, Тишинской волостях. В имении «Харижи-Батово» Дубенской волости были даже разобранные по бревнам и увезены некоторые постройки; растащена часть строений в имении «Чистоба», не говоря уже о хлебе, инвентаре и имуществе [6, с. 77]. «Крупный помещик Львов, почуя, что настал конец ихней волюшке и сидеть в имении стало опасно, бросил все и удрал неизвестно куда, – вспоминал крестьянин Ф. А. Антонов из д. Никулино Новоржевского уезда. – Было у него довольно богатое имение. Пришлось этим имением поживиться ближайшим имениям, и тут было приступлено к окончательному разгрому: бери, ломай и жги, – все вещи были разобраны, скот был угнан, винокуренный завод, полный спирта, сожжен» [7, с. 184-185]. По свидетельству другого крестьянина, аналогичные явления наблюдались и в Великолукском уезде: «Осенью 1917 года происходили разгромы, поджоги и порча всего помещичьего имущества... Руководителями всего крестьянского движения были солдаты, возвратившиеся с фронта, и приехавшие из Петрограда рабочие» [8, с. 214].

Стремясь остановить волну погромов, в результате которых часто гибли бесценные шедевры, Верховный Совет Северо-Западной области в развитие Декрета о земле 2 января 1918 г. распространил особое предписание об охране культурных ценностей при конфискации имений, что, однако, не обеспечило надежной сохранности последних. В феврале 1918 г. дополнительным катализатором стихийных разгромов послужило германское нашествие, затронувшее часть территории Псковской и Петроградской губерний. В захваченных местностях часть усадеб была разграблена немцами, не гнушались этим и красноармейские отряды, а в нейтральной полосе вспыхнула волна мародерства и бандитизма. Жертвой варварства стал и «Пушкинский уголок»: 18 февраля 1918 г. было сожжено Тригорское, а 19 февраля эта же участь постигла Михайловское. О том, что осталось от заповедных мест, свидетельствуют акты, составленные 28 апреля 1918 г. членами культпросветотдела Опочецкого уисполкома и Воронежского волостного Совета. Они зафиксировали, что большинство построек оказалось уничтоженной, а немногое их сохранившегося «превращено в хаотическое состояние», на территории усадеб – обломки дерева, кирпича, стекла, куски бумаг, «от мебели не сохранилось и следа», «в саду полнейший беспорядок», разломаны и расхищены рамы, клумбы частью изрыты... Сделано заявление о принятии мер о розыске похищенных из библиотеки книг, причем часть книг из библиотеки села Михайловского... обнаружена в другой библиотеке в Святых Горах, которые сданы на хранение библиотекарше Александровой». В этих актах содержались имена крестьян, которым были проданы те или иные постройки» [9, л. 8-9].

Разрушениям подверглись не только помещения, но и заповедные рощи. В мае 1918 г., например, в статье «Милые дубравы», опубликованной в оккупационной газете «Псковский вестник», некто Г. Тарасов с горечью писал: «Тригорский парк вырублен местными крестьянами. От старых тенистых аллей, молчаливых свидетелей

пушкинских прогулок, остались лишь одинокие пни. В Михайловском разобран дом няни поэта. Крестьяне растащили по бревнам полуистлевшую постройку... Таким образом, от Тригорского и Михайловского остались в буквальном смысле одни воспоминания». В конце статьи автор восклицал: «Дай бог, чтобы уничтожение Тригорского парка не оказалось трагическим символом грозящей нам насильственной гибели всей русской культуры» [10, 14 мая]. Может показаться, что «Псковский вестник», издаваемый германской администрацией, сознательно сгущал краски. Но об этих же фактах сообщала и официальная советская газета губернии – «Псковский набат», при этом информации следовали и в 1919, и в 1920 гг. Вот некоторые из них: «В с. Михайловском и Тригорском окрестными крестьянами произведена порубка парка» [12, 21 января], «Крестьянами Воронежской волости беспощадно уничтожаются рощи села Михайловского и Тригорского» [13, 7 апреля]. В октябре 1920 г. опубликовал специальную статью «А. С. Пушкин и Пушкинский уголок» псковский писатель Никандр Алексеев. «Шайка поджигателей не ведала, что она делала позорное нереволюционное дело», – писал он [13, 22 октября].

Местные жители действительно вряд ли осознавали, что делали. Не случайно нарком просвещения А. В. Луначарский во время посещения Пушкинских мест в июне 1926 г. в беседе с крестьянами поставил перед ними вопрос: «Как же так получилось, что была сожжена усадьба нашего великого писателя Пушкина?», и в ответ услышал: «А к нам, товарищ комиссар, пришло из волости распоряжение – жечь все барские усадьбы» [15].

Печальная участь постигла и ряд других мест, связанных с жизнью и творчеством А. С. Пушкина. Так, в феврале 1918 г. были разгромлены имения «Старое село», «Голубово» и «Михалево». «Погибли культурные уголки, погибли и те сокровенные кузницы человеческой мысли, которые так давно и с такой любовью библиотека, собиравшаяся с начала XVIII в. и содержавшая более 8600 томов. В имении Голубово, которое посещал наш поэт Пушкин, и по рисункам которого был разбит парк, уничтожена очень ценная русская библиотека времен Пушкина, погибли портреты работ Левицкого и Боровиковского, старинные гравюры и акварели, вековой парк пошел на дрова» [10, 8 июня].

Отдельные крестьяне начинали осознавать бессмысленность погромов и разграблений и с горечью отзывались о необдуманных поступках своих односельчан. Так, по поводу разгрома имения Яхонтова в с. Духново Опочецкого уезда, где была «вся мебель поломана, библиотека разорвана, стекла выбиты», один из крестьян писал: «Зачем же бить и ломать? Не лучше ли было дом приспособить для местных нужд? Разгромленное помещение было бы очень хорошей школой. А книги? Можно было бы после сортировки книг устроить в волости хорошую библиотеку» [12, 13 февраля]. Справедливое, хотя и запоздалое признание!

Гибли и расхищались не только библиотеки и мебель, но и скот и инвентарь – то, на основе чего предполагалось создавать «показательные хозяйства» и совхозы. Не удалось сохранить в неприкосновенности даже «образцовые» имения, каковыми в Псковской губернии из более чем 1000 имевшихся до революции были признаны только 63 [16, с.15]. В результате категорию их пришлось еще более сократить, исключив разгромленные. Акты состояния совхозов, составлявшиеся с 1918 г. и в начале 1920-х гг., подтверждают правоту одного из организаторов совхозного строительства М. И. Лациса о том, что советские хозяйства представляют из себя «откромсанный остов прежней экономии» [17, с. 16]. В них, как правило, было намного меньше, чем в прежних имениях, скота и инвентаря, зачастую не осталось вовсе семян и кормов. Например, назначенный в 1923 г. заведующим

совхоза «Приютино» (близ Пскова, бывшее владение Кангера) писал: «Совхоз «Приютино»... представляет самый жалкий вид. Все постройки в большинстве полуразрушены. Для приведения в мало-мальски порядочное состояние потребуются громадные средства, каковых совхоз совсем не имеет» [18, л. 50]. Состояние это отчасти объясняется тем, что имение в 1919 г. находилось в зоне военных действий между «красными» и «белыми». Но не лучшим было состояние и тех усадеб, которые подобной участи избежали. Пагубно отразилось на состоянии последних и то, что хозяевами их становилось одновременно несколько учреждений.

Так, имение «Алтун» Новоржевского уезда, принадлежавшее до революции помещику Львову, стало в годы Гражданской войны одновременно детской колонией и совхозом военного ведомства. В акте 1920 г. отмечалось, что большинство построек в усадьбе (жилых, хозяйственных, трехэтажный барский дом, оранжереи и др.) сохранилось, при этом «все дома и надворные постройки в полном порядке, не требуют никакого ремонта за исключением 2-х оранжерей, в которых требуется поправка печей и вставка нескольких стекол». В конце документа выражается недовольство наличием двух хозяев: «Официально дом занимает детская колония, которая причиняет большой вред. Дети без всякого присмотра опустошают огороды, сады и бьют стекла. По обещанию председателя земотдела означенная колония переводится в с. Бардово...». Рапорт заведующего военсовхозом «Алтун», относящийся к маю 1921 г., показывает, настолько в течение одного года ухудшилось состояние бывшей усадьбы: «Почти все помещения почти полностью разрушены, людей помещать негде. Зав. огородным хозяйством живет на расстоянии 2-х верст от хозяйства, но надо быть в имении, чтобы постоянно следить за работой» [19, л. 24; 20, л. 121].

Аналогичным было положение и в одном из лучших имений Великолукского уезда – «Старые липы», расположенном недалеко от Локни и принадлежавшем до революции Брянчаниновым. Великолепный двухэтажный дворец имел свыше 100 комнат, каждая из которых носила название – египетская, русская, французская, красная, белая и др., богатую библиотеку, картинную галерею, смотровые башенные площадки, парк раскинулся на площади 15 га, имелась большая оранжерея с экзотическими цветами из Франции... [21, с. 121]. Вся эта красота начала рушиться в 1917 г. «Разруха в помещичьих хозяйствах заметна еще больше, чем в крестьянских: там каким-то странным образом исчезает скот...», – писала в декабре 1917 г. газета «Псковский набат». – Взамен исчезнувшего сельскохозяйственного инвентаря в старых помещичьих гнездах совершенно неожиданно был найден «инвентарь военный», не имеющий ничего общего с нуждами сельского хозяйства. Так, у владельца богатейшего поместья «Старые липы» (оно же «Гора»)... в старом доме, состоявшем из 120 комнат, нашли беспроволочный телеграф и проволочный, нашли пулеметы и винтовки. Беспроволочный телеграф имеет связь с Петроградом» [11, 3 декабря]. Имение было признано «очагом контрреволюции», имущество усадьбы конфисковано, и в ней разместился санаторий для красноармейцев и рабочих, а затем был организован и совхоз. В 1922 г. один из авторов «Псковского набата» писал о бесхозяйственности в этом некогда процветающем имении: «Одно из лучших имений губернии – Старые липы Михайловской волости отведено под курорт и находится в ведении губздравотдела. Совхоз богатый, один многодесятичный фруктовый сад чего стоит, да только распоряжаются хозяйством неумелые руки, и на совхоз не глядели бы крестьянские глаза... Хозяйство ползет по швам и из здравницы тащут все, почем зря... Земля четвертый год навозу не видит» [14, 1 июня].

Такова была участь почти всех дворянских усадеб, лишившихся в 1917 г. хозяев и попавших в неумелые руки, для которых они представляли безликую «общественную собственность». В целом, подводя итоги ликвидации помещичьей собственности, член Коллегии Наркомзема А. Х. Митрофанов писал: «Ликвидация крестьянством помещичьего землевладения стоила государству громадных издержек в виде разгромленных имений, раздела культурных земель и инвентаря» [22, с. 13].

Тема дворянских усадеб и усадебной культуры в последние два десятилетия привлекает повышенное внимание исследователей, неизбежно касающихся и событий 1917 г. При этом наряду с глубоко научными работами появляется и немало поверхностных «поделок», как и эмоционально окрашенных спекуляций, ничего общего не имеющих с действительным положением дел. Так, «великий знаток» усадебной культуры Псковского края Н. Г. Розов, без зазрения совести, да к тому же и с многочисленными ошибками переписывающий изыскания других авторов, в течение 2004-2015 гг. четырьмя изданиями выпустил справочник «Ожерелье Псковской земли». Из одной книги в другую без всяких изменений кочует одна и та же мысль: «Взрыв страшной силы грянул вслед за октябрьским переворотом 1917 г. – началось планомерное и целенаправленное уничтожение усадебных комплексов, продолжающееся до наших дней. Поместья разоряли под лозунгом «Грабь награбленное!». Владельцы усадеб гибли, становились жертвами самосуда. Бунтующие крестьяне уничтожали то небольшое.., что напоминало о том, что Россия когда-то могла называться «культурной». В общем костре гибло все, что поддавалось разрушению, – рвали, резали, били, ломали мебель, толкли в ступе фарфор... Причем помещичьи усадьбы бросились жечь и громить уже полвека спустя после отмены крепостного права, когда никакой эксплуатации крепостных и в помине не было, а многие крестьяне стали богаче помещиков» [23, с. 11].

При этом серьезных доказательств этим выводам автор не приводит, ограничившись лишь упоминанием о сожжении Пушкинских усадеб. Но как вытекает из цитируемых выше государственных документов, цели разрушения дворянских «гнезд» Советская власть не ставила, и плана их разрушения не имела, а что касается «толчения фарфора в ступе», то ни одного примера такого варварства «исследователь» опять же не назвал. Возможно, и было какое-то количество крестьян, живших «богаче помещиков» (что, впрочем, тоже сомнительно), но это отнюдь не заслоняет почти поголовной бедности основной массы крестьянства, что и вынуждало его брать помещичьи земли и имущество силой неорганизованного приказа. Усадьбы грабились и разорялись, как правило, в тех случаях, когда обеспечение их охраны и проведение описи по каким-либо причинам запаздывало, и тогда в действие вступала неорганизованная крестьянская стихия. Но при этом организованный учет и конфискация имений все же преобладали над случаями стихийного разгрома их крестьянами. Например, в целом по Новгородской губернии от разгромов пострадали всего около 6% имений, – с учетом и тех, которые имели место и в предоктябрьский период [24, с. 103]. По Псковской губернии эта доля, очевидно, была несколько большей, т.к. Новгородская губерния из всех северо-западных губерний была единственной, которая в годы Гражданской войны избежала вторжения извне, в то время как Псковская была полем ожесточенных сражений и в 1918-м, и в 1919 гг.

Вся драма заключалась в том, что в 1917 г. процесс разорения дворянских усадеб только начинался. За первыми «аграрными преобразованиями» последовало выселение в 1924-1927 гг. бывших владельцев и управляющих, естественное старение и обветшание усадебных построек, снос одних и постройка новых «хо-

зяевами» в лице колхозов, совхозов, МТС и др., Великая Отечественная война... Сегодня на просторах Псковщины, как и всей страны, можно видеть лишь «островки» и «осколки» исчезнувшей красоты.

Источники и литература

1. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин /. – Т. 31.
2. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин /. – Т. 35.
3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 1. 1917 – 1927 гг. – М. : Госполитиздат, 1957.
4. Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии. 1917 – 1918 гг.: Сборник документов. – Псков: Изд. газ. «Псковская правда», 1957.
5. Иванов, С. А. Красный Октябрь на Псковщине / С. А. Иванов. – Л.: Лениздат, 1984.
6. Космачев, К. Н. Коммунистическая партия – руководитель социалистической революции в деревне (1918 г.) / К. Н. Космачев. – Смоленск, 1970.
7. 1917 год в деревне: Воспоминания крестьян. – М.: Политиздат, 1967.
8. 1917 год в деревне. – Л.: Госиздат, 1929.
9. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. Р-1284. Оп. 1. Д. 14.
10. Газета «Псковский вестник». – 1918.
11. Газета «Псковский набат». – 1917.
12. Газета «Псковский набат». – 1919.
13. Газета «Псковский набат». – 1920.
14. Газета «Псковский набат». – 1922.
15. Волков, Ф. Г. Луначарский в Пушкинском заповеднике / Ф. Г. Волков // Луначарский А. В. Материалы и исследования. – Л., 1968.
16. Хозяйственный план на 1920/21 г.: Землеустройство и сельскохозяйственные мероприятия. – Псков, 1920.
17. Лацис, М. И. Советские хозяйства / М. И. Лацис. – М.-Л., 1926.
18. ГАПО. – Ф. Р-609. Оп. 1. Д. 481.
19. ГАПО. – Ф. Р-381. Оп. 2. Д. 3.
20. ГАПО. – Ф. Р-381. Оп. 2. Д. 8.
21. Орлов, В. В. Исчезнувшая красота / В. В. Орлов // Материалы исторических чтений Великолукского городского краеведческого общества. – Великие Луки, 1995.
22. Митрофанов, А. Х. Революционное земельное законодательство 1917 – 1920 гг. / А. Х. Митрофанов // Сельскохозяйственная жизнь. – 1922. – № 7.
23. Розов, Н. Г. Ожерелье Псковской земли: Дворянские усадьбы. Изд. 2-е. – Михайловское-Псков, 2008.
24. Государственный архив Новгородской области (ГАНО). – Ф. 482. Оп.2. Д. 105.

1917 ГОД В СУДЬБЕ ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ РОМАНОВОЙ-КУЛИКОВСКОЙ: ВОЗМОЖНО ЛИ ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ В ПЕРИОД КРУШЕНИЯ ДИНАСТИИ?

О.В. Чуракова

Архангельск, САФУ им. М.В. Ломоносова

Тема крушения монархии в России достаточно хорошо представлена в современной отечественной и зарубежной историографии, однако, и в ней немало исследовательских лакун. Так, до конца не изученными являются судьбы членов дома Романовых в роковом для них 1917 году (на начало года в семье было 32 представителя династии). Кроме того, даже в столь трагический для Романовых период в персональной истории венценосных особ были исторические казусы:

например, некоторые из них обрели личное счастье именно в тот год. Одним из подобных персонажей являлась великая княгиня Ольга Александровна (1882-1960) – сестра Николая II.

Прежде всего, следует отметить, что Ольга была порфирородной (единственная из детей Александра III и Марии Федоровны) – она родилась, когда её отец уже занимал российский престол. Следовательно, статус великой княгини Ольги был несравненно выше, нежели большинства её родственников. К 1917 году Ольга была уже второй раз замужем. Первый брак княгини Ольги не был не только счастливым, но и «реальным»: супруг великой княгини принц Петр Ольденбургский был «нетрадиционной ориентации». Великую княгиню выдали замуж, исходя из династических интересов: «старшие» Ольденбургские стремились укрепить узы с домом Романовых [1, с. 360], а Мария Федоровна (мать Ольги) намеревалась подобным браком оставить дочь в России, «при себе». Семейные отношения в этом союзе не сложились и каждый из супругов жил своей собственной жизнью [2, л. 31-70]. Долгие годы у Ольги был «друг сердца» (ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка Николай Александрович Куликовский), однако, разрешение на расторжение брака с принцем Ольденбургским она получила от августейшего брата только в 1916 году. В ноябре 1916 года Ольга вышла замуж вторично – за Николая Куликовского. Таким образом, накануне 1917 года Ольга Александровна смогла соединить свою судьбу с любимым человеком.

Вступив во второй брак, Ольга рассталась со многими атрибутами «золотой клетки»: у нее сократился двор, она изменила личный герб. Как раз с решения вопроса о гербе и начался для Ольги новый 1917 год. По праву рождения Ольга Романова была обладательницей личной геральдики: в силу учреждения об Императорской фамилии дочерям и сестрам императора были предоставлены особые гербы, Большой и Малый. Когда Ольга сочеталась браком с принцем Петром Ольденбургским в 1902 году, рядом с российским гербом появилась гербовая символика принцев Ольденбургских. В 1916 году этот брак распался, и «ввиду состоявшегося расторжения брака В. К. Ольги Александровны и Его В. Пр. П. А. Ольденбургского» канцелярия двора Ольги обратилась «с просьбой об изменении большого и малого герба её императорского Высочества» [3, л. 7]. На высочайшее одобрение были представлены проекты преобразования гербов. Переписка затянулась на полгода, и лишь 7 января 1917 года разрешение на изменение дизайна герба было получено. «Камнем преткновения» служили всего лишь небольшие детали, например, наличие пальмовых ветвей в гербе великой княгини. Герольдмейстеры пытались выяснить у Ольги Александровны «не будет ли она настаивать на желании уничтожить пальмовые ветви» [3, л. 8-10]. Ольга (теперь уже Куликовская), вне сомнения, не противилась уничтожению пальмовых ветвей. Однако, обсуждение этого вопроса заняло много времени. 17 марта 1917 года на бланке МИД мы видим автограф Ольги на полях очередного эскиза герба: «Мне, конечно, все равно» [3, л. 9]. Таким образом, завершение этой истории пришлось на время, когда уже власти Романовых не существовало. Несколько ранее, 4 февраля 1917 года рисунок герба был высочайше утвержден российским государем [4, с. 153]. Это было одно из последних распоряжений императора Николая Александровича.

В дневниковых записях Ольги и ее ближайшего окружения (матери -Марии Федоровны, мужа ее сестры Ксении – Михаила Александровича) можно найти описание атмосферы тех дней, когда Николай Александрович отрекся от власти российского самодержца. Как справедливо отмечают исследователи данной темы, «1917 год отложился в представлениях и памяти членов семьи Романовых как ро-

ковой, а Февральская революция с ее социально-политическими последствиями ассоциировались в их сознании с «проклятьем», «ужасом», «катастрофой» [5]. Как писала в своих воспоминаниях двоюродная сестра экс-императора Николая Александровича Мария Павловна (младшая), Романовы в 1917 году ощущали, что «стояли на краю пропасти», «жили в ожидании несчастья», «в неизвестности и страхе», осознавали, что жизни членов семьи «балансируют между капризами и здравым смыслом соперничавших группировок» [6, с. 245-271]. Кстати, Мария Павловна также обрела личное счастье в 1917 году: она вышла замуж в августе, в дни так называемого «корниловского мятежа». «На руинах нашего старого мира мы рискнули попытаться счастья, начать новую жизнь.... Впервые в жизни я была ... очень счастлива», – признавалась Мария Павловна [6, с. 270].

Что касается событий конца февраля – начала марта 1917 года, то они были расценены всеми членами семьи как коллапс, катастрофа. Известие об отречении Николая Александровича в пользу брата Михаила поразило более всего вдовствующую императрицу. Мария Федоровна записала в своем дневнике 3/16 марта 1917 года: «Я в полном отчаянии! Подумать только, стоило ли жить, чтобы когда-нибудь пережить этот кошмар!» [7, с. 175]. Так же восприняла новость Ольга Александровна: «Известие об отречении Ники прозвучало для нас, как гром среди ясного неба. Мы были ошеломлены» [8, с. 163].

В феврале 1917 года Ольга находилась вместе с матерью в Киеве. Великая княгиня Ольга служила в Киеве медицинской сестрой в госпитале. До этого она работала в прифронтовом госпитале в Ковно. Приближенный императрицы Марии Федоровны, её денщик Тимофей Ксенофонович Ящик свидетельствовал: «В ...семье не было никого, кто бы в своей жизни сталкивался с горем и несчастьем в такой степени, как и простые русские люди, кроме ...великой княгини Ольги». И он же вспоминает, что солдаты в госпиталях называли сестру императора «сестра Ольга» [9, с. 60]. Ольга, «натура незаурядная, романтическая», «обладала независимым характером, держалась особняком» [1, с. 358-359] от остальных членов большой семьи Романовых и всегда предпочитала общение с простыми людьми. В своем имении Ольгино, великая княгиня поддерживала вкладыми сельскую школу и созданный её попечением деревенский госпиталь, в котором работала и сама вместе с местным доктором. В период Первой мировой в своих письмах сестре Ксении Ольга пишет о страданиях больных и раненых солдат. Например, описывает глаза умирающего солдатики «Гришки – ангела»: «Я никогда не забуду ... его полные агонии и ужаса, широко распахнутые серые глаза... он так молод» [10, л. 25]. Ольга Александровна изредка сетует на бытовые условия госпитальной жизни, усталость, а в письмах к сестре в начале марта 1917 года раскрывает свой секрет: она ждет ребенка. Ассистировать на операциях ей становится все сложнее: «я чуть не упала во время операции и покинула мой пост ...ушла в тихое местечко и легла», «все утро чувствовала тошноту и слабость» [11, л.57-83]. Тем не менее, несмотря на уговоры мужа уехать в деревню, она не оставляет своей службы, не желая «бросить дорогих солдат»: «один из них, только что прооперированный, просил меня все утро побыть с ним», «мне надо делать перевязки» [11, л.83].

Однако, в начале марта 1917 года было то, что тревожило Ольгу и ее окружение более всего, – это судьба брата и его семьи: «How you been Nicky and Alix?» – звучало рефреном в ее письмах [11, л. 88, 90-91]. Ольге Александровне пришлось все же покинуть Киев и вместе с близкими перебраться в более безопасное место – в Крым. Причина тому – изменившееся отношение к Романовым со стороны служащих госпиталей и «народных масс»: солдат, матросов. «Сознание того, что

они теперь стали врагами, потрясло меня», – признавалась Ольга Александровна»[8, л.167]. Антидинастические настроения и психологическая природа их проявлений хорошо проанализирована историками»[12].

Дальнейшее пребывание бывшей императрицы Марии Федоровны и ее дочерей – Ольги и Ксении с семьями, а так же некоторых других членов семьи Романовых в Крыму описано достаточно подробно в исторической литературе и источниках. Ольга Александровна родила в Крыму своего первенца, названного Тихоном в память о погибшем сослуживце мужа. Будучи не Романовой, а Куликовской по документам, она имела большую свободу передвижения, нежели другие представители династии, находящиеся буквально в заточении в своих Таврических имениях. Позднее (в 1919 году) Куликовские покинули Крым и переехали в станицу Новоминскую (в 1917 году – Екатеринодарский край), на родину деда Марии Федоровны Тимофея Ящика. В 1919 году у четы Куликовских родился еще один сын, названный Гурием. Именно в этот период, вдали от политических катаклизмов, вне рамок строго табуированной (конвенциональной) дворцовой культуры, порфирородная великая княгиня Ольга чувствовала себя поистине счастливой. Это подтверждают ее рисунки: всю оставшуюся жизнь княгиня с удовольствием рисовала цветущие сады и жителей южнорусской станицы.

После убийства царской семьи и великих князей, а также отъезда оставшихся в живых членов семьи за границу, великая княгиня Ольга Александровна оставалась единственной представительницей дома Романовых в России. Ее письма матери и дневники показывают, что она не хотела покинуть родину, считала это предательством по отношению к отчизне. Вынужденная все же покинуть Россию в 1920 году, она вторую половину жизни прожила в Дании и Канаде. В эмиграции Ольга Александровна шефствовала над образовательными и богоугодными учреждениями и организациями (детскими домами, больницами, богадельнями, женскими курсами). В годы Второй мировой войны семья Ольги помогала русским беженцам и эмигрантам. Вероятно, страдания, перенесенные Ольгой в годы революций 1917 года и последующей гражданской войны, не позволяли великой княгине остаться равнодушной к тем, кто оказался волею судеб в гуще событий в «минуты роковые».

Источники и литература

1. Анненкова Э.А., Голикова Ю.П. Принцы Ольденбургские в Петербурге/ Э.А. Анненкова, Ю.П. Голикова. – СПб.: Изд-во «Росток», 2004. – 480. с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 662. Оп. 1. Д. 203.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 552. Оп. 1. Д. 6.
4. Рисунок Большого герба Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, утвержденного 4 февраля 1917 года // Вилинбахов Г.В. Государственный герб России. 500 лет. СПб., – 1997. – 345 с.
5. Андреева Т. А. Образ революций 1917 года в сознании Романовых (по мемуарам и дневникам представителей династии) // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сборник научных статей / Редколлегия: М.Н. Барышников, А.В. Голубев и др.; отв. ред. М. В. Друзин. – СПб.; К; Мн.: Санкт-Петербургский институт истории РАН; Институт истории Украины НАНУ Украины; Белорусский гос. ун-т, 2008. – 682 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru>. – Дата доступа: 01.01.2017.
6. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. – М: Захаров, 2004. – 512 с.
7. Дневники императрицы Марии Федоровны (1914-1920, 1923 годы) / Пер. с датского Ю.В. Кудриной, О. Н. Дудочкиной-Крог, А.Н. Чеканского; предисловие и комментарии Ю.В.Кудриной. – М.: Вагриус, 2006. – 704 с.

8. Мемуары великой княгини Ольги Александровны / Запись Я. Ворреса. – М.: Захаров, 2003. – 272 с.
9. Ящик Т. К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор – История», 2004. – 252 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).- Ф. 662. Оп.1. Д. 202.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 662. Оп.1. Д. 212.
12. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б.И. Колоницкий. – М: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЛОСТНОГО И СЕЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Н.П. Никитина

Псков, Псковский государственный университет

События Великой российской революции, в том числе и касающиеся изменений в системе крестьянского управления привлекали внимание историков. В последние годы особое внимание уделяется региональному аспекту указанной проблематики [14; 11].

Крестьянское самоуправление в Псковской губернии получило своё законодательное оформление в ходе реформы 1861 г.: был сформирован сельский и волостной уровни. В Псковской губернии община, как поземельная организация, не совпадала с общинной, как административной единицей, т.е. сельским обществом. Сельское общество являлось более крупной единицей и включало в себя несколько общин. В среднем на одно сельское общество приходилось 1,5 общины. Кроме того, община в Псковской губернии также не совпадала в своих рамках с населенным пунктом. В среднем на одну общину приходилось по 3,6 населенных пунктов [12]. Накануне 1917 года крестьянское самоуправление на данной территории имело сложную структуру: 1) деревенский уровень самоуправления (селенные сходы и деревенские старосты); 2) сельское общество (сельские сходы и сельские старосты); 3) волостной уровень (волостные сходы, волостной старшина, волостное правление).

Последующая пореформенная эпоха в развитии России характеризовалась переходом от традиционного общества к индустриальному. В этих условиях происходил процесс трансформации сельского самоуправления. Он проявлялся в следующих моментах: укрепления значения деревенского уровня управления, большой значимости неформальных лидеров – деревенских старост; падением в глазах крестьян авторитета сельского старосты, который иногда воспринимается как проводник интересов государства и возрастанием роли зажиточных крестьян – кулаков. Роль «капиталистских» крестьян в принятии решений «миром» значительно возрастает и именно они в крестьянском сознании являются главными хозяевами сельского общества. Возрастает роль женщин в сельском самоуправлении они начинают принимать участие в сходах, активно выступают за передел земли по едокам, данная тенденция особенно усилилась в годы Первой мировой войны.

Революционные события февраля 1917 года отразились на деятельности крестьянского самоуправления. Уже 6 марта 1917 года Псковский губернатор Б.Д. Кашкаров разослал уездным исправникам, а те в свою очередь в волостные правления документ о необходимости снятия в учреждениях портрета Государя, отрекшегося от престола. Любопытно, что еще 4 марта Временное правительство

разослало на места телеграммы, в которые объявляло об отставке всех губернаторов и вице-губернаторов. В Псковской же губернии еще 6 марта губернатор продолжал исполнять свои обязанности. В условиях ликвидации самодержавия и созданием Временного правительства происходят изменения в местном управлении, в том числе и на уровне крестьянского самоуправления. Именно в ходе революции реализуется давно вынашиваемая многими общественными деятелями идея всесословного самоуправления в сельской местности. 19 марта 1917 года было подписано постановление Временного правительства о ликвидации института земских начальников и передаче их обязанностей уездным комиссарам.[13, с. 330]. В связи с этими событиями интересный документ сохранился в Государственном архиве Псковской области. Это личное письмо земского начальника 5-го участка Торопецкого уезда (подпись не разборчива – фамилия на Ч) Ломовскому волостному правлению, датированное 4 апреля 1917 г. Удивляет достаточно вежливый и дружелюбный стиль письма («искренняя и глубокая благодарность» и подпись «бывший Ваш начальник – сослуживиц», «поклон и привет сельским старостам», благодарит крестьян за доброе к нему отношение). Письмо информировало волостное правление о скорой ликвидации должности земского начальника. Кроме того автор ставил в известность правление о распределении функций бывшего земского начальника. Так административные дела передавались уездному комиссару (в качестве таковых Временное правительство определило председателей уездных земских управ), а судебные – временному судье. Бывший земский начальник благодарил волостное правление за «самоотверженную и тяжелую работу в последние годы; за усердное исполнение всех непосильных обязанностей при скудном вознаграждении» [3, л. 28 – 28 об.]. Земский начальник просил довести содержание письма до волостного схода, а далее он намекал на возможность выдвижения его на какую-либо государственную должность волостным сходом. «Если на сходе выяснится благожелательное ко мне отношение и большинство крестьян не будут ничего иметь против меня и моей службы в Торопецком уезде на какой-либо новой государственной должности, которую установит Временное правительство и которую не могут пока занять крестьянские представители, по недостатку образования, например, мирового судьи, то прошу оформить это приговором. Такой приговор послужил бы очень большим моральным удовлетворением» [3, л. 28 – 28 об.].

Временное правительство занялось переустройством волостного управления 19 марта 1917 г. было объявлено о создании волостных исполнительных комитетов, которые рассматривались как временный орган на период «...до завершения работы по устройству волостных земств...» [7, л. 4]. При создании таких комитетов Временное правительство ориентировалось на структуры, имеющие поддержку у местного населения. В ходе совещания комиссаров Временного правительства 5 и 6 апреля 1917 г. в Пскове был утвержден состав временной волостной земской управы: председатель волостного милиционного комитета, председатель волостного продовольственного комитета, председатель волостного попечительства по призрению семей призванных на войну, председатель волостного суда и волостной старшина [8, л. 2]. Фактически состав управы повторял волостное правление, и не соответствовал идеи Временного правительства о создании всесословного органа управления в сельской местности. Волостной писарь автоматически переводился на должность секретаря временной волостной управы. Такие управы начали создаваться в Псковской губернии в апреле-мае, в архиве сохранилась информация об Оршанской управе Новоржевского уезда. Временные волостные управы просуществовали недолго. 21 мая 1917 года Временным правительством было принято По-

ложение о волостном земстве, которое должно было выражать интересы всего населения волости, а не только крестьян. Высшим распорядительным органом волостного земства являлось волостное земское собрание, которое формировалось на основе выборного начала, избирательное право получили все жители волости мужчины и женщины в возрасте старше 20 лет. Структура волостного земства повторяла структуру уездного и губернского земства и соответствовала «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г.

Избирательная компания в волостные земства проходила в конце лета 1917 г. Уездные земские управы создавали волостные избирательные комиссии, а те в свою очередь формировали сельские избирательные комиссии. Волостной сход утверждал состав волостной избирательной комиссии. В большинстве случаев он являлся компромиссным и включал в себя как представителей волостного правления и его структур, а так же новые органы власти в лице Советов крестьянских депутатов, сельской милиции. Иногда в состав избирательных комиссий включались и представители русской православной [4, л. 3]. Временное правительство рекомендовало привлекать к работе в избирательной комиссии интеллигенцию. В основном это были сельские учителя, которые в основном выполняли функции секретарей. Земцы Псковской губернии возлагали большие надежды на волостное земство, считая его истинным демократическим, свободным от чиновников органом местного самоуправления. Временное правительство рассчитывало на активность со стороны крестьян, однако явка их к избирательным урнам оказалась невелика, например, в Новоржевском уезде она составила 25 % [10, с. 4].

Кроме того крестьяне насторожено относились к созданию волостной земской единицы, воспринимая ее как очередное бюрократическое и налоговое ярмо: «...земских служащих выбирать не надо их давно надо сбросить с крестьянской шеи» [4, л. 15]. Недоверие вызывала у крестьян и рекомендация со стороны властей о выборе представителей интеллигенции в число гласных. Так после избирательной компании, крестьяне-гласные Посадниковского волостного земства требовали снять с должности и удалить с территории волости учительницу Елену Власьеву Иванову с формулировкой «...не пользуется доверием народа, за выступление ее подачею прошения и протестуя выборы гласных в волостное земство» [1, л. 14]. Несмотря на скандальную и не очень активную, с точки зрения явки, избирательную компанию волостные земства Псковской губернии начали свою работу в конце сентября – начале октября 1917 г. Активность их была разнообразной за время работы (до декабря 1917 г.) прошло от 2 до 4 заседаний. В то же время волостные собрания были продолжительными и порой завершались за полночь. Такая продолжительность объясняется насыщенной повесткой дня и актуальностью вопросов (денежное положение волости, выборы сборщика податей, организация суда и др.). Все темы требовали не просто обсуждения, но принятия желательного компромиссного решения. Волостное земство путем голосования (в ряде волостей оно было тайными) сформировало управу. Избрание председателя проходило на альтернативной основе. Особенно отличилось в этом Аксеновское волостное земство, где на пост председателя управы были выдвинуты все члены собрания – 27 человек [6, л. 21]. Данный факт свидетельствует о несерьезном отношении крестьян к волостному земству. В ходе выборов в волостное земство проявилась тенденция демократизации в контексте не только вовлеченности женщин в избирательный процесс, но и с точки зрения непосредственного их участия в работе органа местного самоуправления, так в состав ряда волостных земских управ были избраны женщины. Этим новое волостное управление существенным

образом отличалось от сословного крестьянского, где женщины если и принимали участие в сходах, то от имени своих мужей, ушедших на войну. В своей деятельности волостное земство подчас следовало традиции крестьянского волостного управления, в частности избирая волостной суд, но при этом гласные осознали, что в новых условиях неясной ситуации с властью, волостному суду, действовавшему когда-то на основе обычного права, придется сложно и указывали: «Суд не производить до организации твердой народной власти» [5, л.16].

Наиболее актуальным вопросом для нового местного управления являлась охрана правопорядка, борьба с самогоноварением. Еще в феврале 1917 года в волостные крестьянские правления были разосланы телеграммы информирующие, что «полиция подлежит переформированию в милицию, к чему необходимо приступить местному самоуправлению» [2, Л. 1]. Указывалось, что уездные земские управы должны были организовать уездную милицию, которая формировалась на выборной основе «волостными и сельскими сходами из числа пользующихся общественным доверием честных и неподкупных лиц, преданных новому правительству» [9, с.14]. Уездными управами была разработана инструкция для временной уездной милиции. Инструкция определяла обязанности милиции: исполнение распоряжений Временного правительства, обеспечение правопорядка, расследование преступлений, уголовное преследование по преступлениям, борьба с дезертирством, тайным винокурением, содействие работе Продовольственных комитетов, исполнение поручений правительственных учреждений и судебных властей [2]. Инструкция определяла структуру добровольной милиции. Низовым уровнем становилась сельская милиция во главе с сельским милиционным комитетом, возглавлял который начальник сельской милиции. Второй уровень был представлен волостным милиционным комитетом во главе с начальником волостной милиции. Милиция комплектовалась по принципу 1 милиционер от 10 дворов или 1 от 10 хуторов, при этом усадьбы считались за хутора. Сельский милиционный комитет избирался сельским обществом и состоял из 3-х членов. При избрании комитета учитывался принцип фактического проживания человека, а не его прописки на территории волости. Волостной милиционный комитет формировался волостным собранием, которое состояло из представителей сельских милиционных комитетов (1 человек от каждого комитета). Численный состав волостного комитета – 3 человека. Указывалось, что волостные старшины и сельские старосты должны подчиняться начальникам милиции. Таким образом, местное управление ставилось под контроль правоохранительных органов. К середине марта 1917 крестьянское самоуправление избрало милицию. В эпоху Временного правительства идет серьезная перестройка местного самоуправления, на волостном уровне создаются различные комитеты и комиссии, представители милиции входят в их состав. Например, бывший Посадниковский волостной старшина Федот Никитин одновременно являлся председателем волостной земской управы, членом Посадниковского Совета крестьянских депутатов, членом Новоржевского уездного милиционного комитета, членом губернского исполнительного комитета. Обилие различных властных структур привело к тому, что «в глухих деревенских углах многовластие создало много безтолочи и мутной воды, в которой ловкие люди ловят рыбку» [10, с.4].

Не на выборных должностях оказывались лица, желавшие служить интересам новой власти, подчас на ряд должностей шли люди, желающие получить какие-то блага, например, отсрочку от призыва. Так Захонское волостное земство рассмотрело вопрос о работе начальника волостной милиции Василия Семенова Богданова, который, по мнению гласных «...находиться не на высоте своего поло-

жения, никогда на сход не является, никаких мер как начальник милиции к наведению порядка в районе волости не принимает. Повсеместно идет сильное пьянство, картежная игра и кроме того в волостную управу на дежурство он не является. Вообще он старается не водворять порядка, а наоборот развращает, говоря народу, что теперь судов нет и можно что угодно делать» [5, л. 13– 13 об.].

Деятельность любых органов власти может осуществляться при наличии финансовой составляющей. Доходная часть бюджета волостного земства формировалась за счет налогообложения земель, торговли, использовались косвенные налоги за выдачу паспорта, свидетельства на охоту. Кроме того волостное земство наследовало денежные суммы бывших крестьянских волостных правлений [5, л. 43 об.]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в восприятии крестьян новый орган самоуправления ничем не отличался от их сословного крестьянского. Расходная часть бюджета волостного земства шла в большей степени на содержание волостной земской управы, с формированием на уровне волости большого количества комитетов и комиссий увеличились затраты на найм дополнительных писцов, а так же канцелярские расходы. Гласные волостного земского собрания, как впрочем в свое время и волостного схода, жалования не получали, в то же время волостные земские собрания приняли решение о возмещение расходов связанных с проездом и проживанием гласных [5, л. 44].

На наш взгляд, новое самоуправление оказалось непонятно крестьянам и не решало их актуальные проблемы, существовавшая в течение многих веков общинная система была для них более привычной и защищала их в кризисных ситуациях. Кроме того в крестьяне и небезосновательно боялись, что введение нового органа власти увеличит бремя налогов. В итоге крестьяне «ногами» голосовали за сохранение общины. В то же время можно говорить о демократизации в сфере волостного и сельского управления путем включения в их состав женщин. Одновременно с этим стоит отметить, что в ряде местностей одни и те же люди оказывались на руководящих должностях сразу в нескольких органах власти, т.е. политически активные люди могли проявить себя в новых условиях меняющейся государственности.

Источники и литература

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО). –Ф. 159. Оп. 1. Д. 37.
2. ГАПО. –Ф. 159. Оп. 1. Д. 38.
3. ГАПО. –Ф. 773. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАПО. –Ф.р.-745. Оп.1. Д. 41.
5. ГАПО. –Ф.р.-745. Оп.1. Д. 43.
6. ГАПО. –Ф.р.-745. Оп. 1. Д. 45.
7. ГАПО.–Ф.р.-745. Оп.1. Д. 49.
8. ГАПО. –Ф.р.-745. Оп. 1. Д. 50.
9. Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. –1917. –№ 7–8. – С.14 – 15.
10. Вестник Псковского губернского земства и Губернского продовольственного комитета. –1917. –№ 13– 14. –С.4 – 5.
11. Абитов, Р.З. Взаимоотношение крестьянского самоуправления и власти в Симбирской губернии в период изменения социально-экономического уклада в революционное и послереволюционное время (февраль 1917-1928 гг.). Дисс. на соиск. степ. канд. ист. наук / Р.З. Арбитов. –Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Ульяновск, 2010. – 234 с.
12. Никитина, Н.П. Источники по истории крестьянского самоуправления на Северо-Западе России второй половины XIX – начала XX в. / Н.П. Никитина // Актуальные

- проблемы источниковедения: материалы международной научно-практической конференции к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты (9 – 11 октября 2013, Минск-Витебск) – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова. – С. 181 – 185.
13. Россия. Хроника основных событий. IX-XX века. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 896 с.
 14. Шиловский, М.В. Крестьянское общественное самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны и социального катаклизма (1914 – 1919 гг.) / М.В. Шиловский // Сословные и социальнокультурные трансформации населения Азиатской Института истории СО РАН / Ответ. редактор М.В. Шиловский. – 2014. – С. 284 – 292.

АДВОКАТУРА РОССИИ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

И.В. Борисенко

Псков, Псковский государственный университет

Адвокатура в России образовалась во второй половине XIX века, предшественником которой в Древней Руси был институт судебного представительства. Первоначальной формой которого у славянских народов было родственное представительство. Первые упоминания о судебном представительстве можно найти в законодательных сборниках XV в. В частности по Псковской судной грамоте иметь поверенных лиц могли не все, а только женщины, дети, монахи и монахини, дряхлые старики и глухие.[1, с.321]. Наоборот, Новгородская судная грамота позволяет иметь доверенных лиц всем. Позднее стали появляться наемные поверенные, о чем так же упоминается в Псковской судной грамоте и позднейших правовых памятниках а именно в судебниках и Соборном уложении 1649 года.

Русское право вплоть до издания Свода законов 1832 года не содержало правовых норм, относящихся к организации института поверенных Свод законов впервые предоставил право всякому, кто может по закону быть истцом и ответчиком, производить тяжбу и иск через поверенного, определил, что «поверенный, действуя в суде вместо верителя, представляет его лицо». [2, л.184-191].

До издания судебных уставов 1864 года судебное представительство было свободной профессией, не связанной организационно – корпоративными обязательствами. Российские цари были настроены против создания в России адвокатской корпорации западного образца. Отрицательное отношение к идее учреждения адвокатуры по западному образцу сохранилось практически до отмены крепостного права. Одним из характерных было высказывание Николая I: «Кто, кто погубил Францию, как не адвокаты? Кто были Мирабо, Марат, Робеспьер?! Нет...пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, без них проживем». [3, л.172].

Поэтому можно считать, что классическая русская адвокатура появилась после судебной реформы 1864 года, когда законодателем были введены состязательные начала в процессе, уравнены права сторон и судебная власть была отделена от административной.

Судебную реформу 1864 года разрабатывали образованнейшие юристы того времени: С.И. Зарудный, Д.А. Ровинский, Н.И. Стояновский. Учитывая традиции страны и опыт западноевропейских держав, они восприняли отчасти немецко – австрийский тип адвокатуры, особенности которого состояли в соединении в одних руках функций правозащитничества и судебного представительства. Организационное же устройство адвокатуры в России во многом напоминало французское по характеру внутреннего самоуправления, системе дисциплинарных взы-

сканий и порядку дисциплинарного производства. [7, л.30].

Адвокатура на основании Судебных уставов 1864 года была выражена в двух формах: присяжных поверенных и частных поверенных. Русским законодательством были определены условия допущения к работе в присяжной адвокатуре (ст. 354 Учреждения Судебных установлений от 20 ноября 1864 года). Присяжные поверенные приписывались к судебным палатам (ст. 356), образовывали при каждой палате особую коллегия и при составе коллегии не менее 20 человек входили в палату с просьбой о разрешении им избрать совет (ст. 357, 360). Помимо советов, закон предусматривал создание отделений совета (ст. 366). Компетенция совета определялась в ст. 367 Учреждения Судебных установлений. [4, л.144].

Так как советы, как и само сословие присяжных поверенных были учреждениями новыми, то им пришлось вырабатывать одновременно и приемы адвокатской техники и правила адвокатской этики.

К 1886 году присяжных поверенных в России насчитывалось немногим более 1600 человек и группировались они в основном в трех судебных округах: Петербургском, Московской, Харьковском.

Согласно своим функциональным обязанностям присяжные поверенные могли принимать на себя ведение гражданских и уголовных дел. Наряду с присяжными поверенными ведением таких дел могли заниматься частные поверенные, институт которых возник как временная мера в результате контрреформ в декабре 1874 года. Деятельность частных поверенных была строго локализована: они могли ходатайствовать только в том судебном месте, в котором им выдано свидетельство.

Введение института адвокатуры в России стало важным шагом на пути формирования гражданского общества и правового статуса личности. Роль адвоката в тот период времени способствовала соблюдению принципа законности и формированию основ правового государства.

Однако в деятельности адвокатуры того времени были определенные недостатки, которые возникали в результате совмещения функций правозаступничества с судебным представительством; двойственным принципе внутренней организации адвокатуры (с одной стороны адвокаты находились в подчинении судебных округов, с другой – были организованы в адвокатские сословия с подчинением совету присяжных); введение наряду с институтом присяжных поверенных института частных поверенных, организация которых была крайне несовершенна и не гарантировала ни юридической квалификации, ни нравственных качеств, ни независимости частных поверенных.

Кроме того, существенным образом на дискредитацию института адвокатуры повлияла так называемая уличная или подпольная адвокатура. [5, №31].

В 1894 году была создана высочайше учрежденная Комиссия по пересмотру положений судебных уставов под председательством министра юстиции Н.В. Муравьева, которая должна была разработать и принять изменения судебных уставов, в том числе и в части деятельности адвокатуры. Однако после проведения огромной работы в течении 10 лет положения Комиссии так и не были реализованы в силу объективных и субъективных причин (отставки в 1904 году Н.В. Муравьева и начало революции 1905г.).

В целом организационно-правовые и функциональные основы деятельности адвокатуры оставались неизменными и просуществовали вплоть до осени 1917 года.

Октябрьская революция 1917 года привела не только к смене общественного и государственного строя в России, но и уничтожила судебную реформу и присяжную адвокатуру.

Пришедшее к власти правительство В.И. Ленина декретом от 22 ноября 1917 г. №1 «О суде» упразднило институты частной и присяжной адвокатуры без какой либо замены. В соответствии с терминологией, употреблявшейся в тот период, в роли защитников по уголовным делам или поверенными по гражданским делам мог выступить любой человек, пользовавшийся гражданскими правами. Адвокатура стала свободной профессией, как и была до судебной реформы 1864 г.

Первой попыткой воссоздать адвокатуру была инструкция о революционных трибуналах от 19 ноября 1917 г. В соответствии с ней при революционных трибуналах должны были быть созданы коллегии защитников, куда принимали лиц по рекомендации местных советов. Декрет от 15 февраля 1918 г. № 2 «О судах» гласил, что при советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создавались коллегии правозаступников, т.е. лиц, посвященных себя правозаступничеству в форме как общественного обвинения, так и общественной защиты. [6, ст. 420].

По Положению о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. стали учреждаться коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе. Адвокатура была фактически инструментом нового государства ни о какой самостоятельности речи быть не могло. Но даже в таком усеченном виде она не устраивала новую власть, так как по своей сути не подходила для тоталитарного государства.

После Гражданской войны с началом процесса стабилизации Советского государства возникла объективная необходимость вернуться к кодифицированному законодательству. В ходе работы встал вопрос о восстановлении адвокатуры и прокуратуры как основных институтов юстиции. В ходе заседаний 25-26 мая 1922г. ВЦИК принял Положение об адвокатуре, определившей общие черты корпорации, и функции коллегий защитников. В соответствии с Положением о коллегии защитников 1922. г. коллегия защитников создавались в каждой губернии при губернских судах. Коллегия защитников являлась общественной организацией.

Руководство коллегией должно было осуществляться президиумом, избираемым общим собранием. Президиум имел широкий круг полномочий по приему и исключению членов коллегия, рассмотрению дисциплинарных дел, организации юридических консультаций. Надзор за деятельностью коллегии осуществлялся судами, прокуратурой и исполкомами местных советов.

Постановлением ВЦИК от 7 июня 1923 г. Положение о коллегии защитников было внесено в Положение о судостроительстве отдельной главой. Решением Наркомюста РСФСР от 20 июня 1928 г. губернским и окружным судом было дано право устанавливать предельное количество членов коллегий защитников. Решением центральных партийных органов в 1927 г. адвокатам – членам ВКП(б) запрещалась частная практика.

В проектах Положения об адвокатуре 1934г. и 1937 г. частная практика то разрешалась, то запрещалась, она рассматривалась как альтернатива деятельности адвокатов в коллегиях. Период закончился принятием 16 августа 1939 г. Положения об адвокатуре СССР. Организация коллегии адвокатов и общее руководство их деятельностью осуществлялось Наркомюстом СССР через народные комиссариаты юстиции союзных и автономных республик и управления Наркомюста союзных республик при областях и краевых советах депутатов трудящихся.

Прием в адвокатуру находился под постоянным контролем властей и постоянно усиливался. Так, Наркомюст СССР издал приказ от 22 апреля 1941 г. № 63 «О контроле за приемом в адвокатуру СССР», и подобные приказы издавались неоднократно. Особенно следили за политической подготовленностью адвокатов.

Положение об адвокатуре в СССР 1939 г. действовало до 1962 г., т.е. более 20 лет. Но в тот период существовали изъятия нормального судопроизводства.

Во-первых, это период репрессий. Было принято постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г., установившее особый порядок судопроизводства по делам о террористических организациях и террористических актах. Постановлением ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. был определен особый порядок судопроизводства по делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях. Этим постановлением адвокаты не допускались к участию в процессах.

Во-вторых, Великая Отечественная война наложила свой отпечаток на работу адвокатов. Так, в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» всем военным трибуналам было предоставлено право рассматривать дела по истечении 24 ч после вручения обвиняемому обвинительного заключения. Президиумы коллегий адвокатов и юридические консультации согласно письму Наркомюста СССР от 25 декабря 1941 г. № 16-А должны были выделять адвокатов при условии получения от суда извещения накануне дня слушания дела.

Одной из важных задач для коллегий адвокатов в период военного времени было оказание юридической помощи военным служащим, членам их семей и инвалидам Отечественной войны. Юридическая помощь этим лицам по определенным категориям дел оказывалась бесплатно.

После смерти И.В. Сталина и окончания периода репрессий, с наступлением Хрущевской оттепели стала меняться позиция законодателя по отношению к законам, дискриминировавшим права адвокатов как участников уголовного процесса. Так, указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1956 г. были отменены постановления Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. и от 14 сентября 1937 г. Адвокатура стала меняться, и был необходим новый закон адвокатуре.

Источники и литература

1. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т.1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 321.
1. 2.Свод законов Российской империи. 1857. Т.Х.Ч.2.Ст. 184-191.
2. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 969. С.172.
3. Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М., 1978. Т.5. С.144.
4. Судебная газета.1888. №31.
5. СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
6. Черкасов Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60-80-е годы XIX в. М., 1987. С.30.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД КАК РЕЗУЛЬТАТ СВЕРШЕНИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

В.С. Зверев

Псков, Псковский государственный университет

В истории Российской Федерации на считается пять конституции – соответственно 1918, 1925, 1937, 1978 годов и ныне действующая Конституция 1993 г.

Вступая в новое столетие, после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., Россия должна была в кратчайший срок решить комплекс проблем, касавшихся всех основных сфер общественной жизни: в политической сфере – использовать достижения демократии на основе конституции, законов, открыть доступ к управлению общественными делами всем слоям населения; в экономи-

ческой сфере – осуществить индустриализацию всех отраслей, превратить деревню в источник капитала, продовольствия и сырья, необходимых для индустриализации и урбанизации страны; в сфере национальных отношений – не допустить раскола империи по национальному признаку, удовлетворив интересы народов в области самоопределения, способствуя подъему национальной культуры и самосознания; в сфере внешних экономических связей – из поставщика сырья и продовольствия превратиться в равноправного партнера в индустриальном производстве; в сфере религии и церкви – покончить с отношениями зависимости между самодержавным государством и церковью обогатить философию и трудовую этику православия; в сфере обороны – модернизировать армию, обеспечить ее боеготовность благодаря использованию передовых средств и теории ведения войны.

На решение этих первоочередных задач отводилось мало времени. В условиях жесточайшей конкуренции на международной арене, Россия не закрепившись в ряду великих держав, могла быть отброшена далеко назад.

Огромную, положительную роль в укреплении позиции молодого советского государства сыграли тоталитарное конституционное (государственное) право и принятая первая Конституция РСФСР 1918 г.

Тоталитарное конституционное право начало складываться с 25 октября 1917 г., когда II Всероссийским съездом Советов был принят Декрет о власти, оформивший государственный переворот в России. Как исходные принципы, так и последующее событие тоталитарного государственного права обуславливались учением марксизма-ленинизма, которое рассматривало государство, как главное орудие перестройки всех общественных отношений в соответствии с целями коммунизма.

Развитие нового конституционного права началось с утверждения Республики Советов – В.И. Ленин объявил, что парламентская республика была бы «шагом назад». Но через непродолжительное время, было разогнано Учредительное собрание и началось свертывание свободной деятельности местных Советов. В сущности, с января 1918 года не осталось никаких надежд на демократическое государственное устройство. Принятая в 1918 г. Конституция РСФСР это подтвердила.

Создатели Конституции отбросили почти все выработанные к тому времени демократические принципы представительной системы. Ни о каких парламентских учреждениях, ответственном правительстве, признании прав оппозиции, подчинении государства праву не было и речи. Проблемы превышения власти или злоупотреблений ею не вставало, а потому оказался не нужным принцип разделения властей.

В.И. Ленин прямо обосновал единство исполнительной и законодательной власти в пику буржуазному парламентаризму – его не заботили опасность злоупотребления властью и необходимость взаимно уравнивания властей. Взамен свободного парламента появился эрзац – ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет), который избирался громоздским, формальным Съездом Советов. Хотя ВЦИК был наделен большими полномочиями, он так и не стал высшим органом государственной власти.

Неограниченная исполнительная власть стала самой характерной чертой нового государственного устройства. При полном отрицании прав и свобод человека, это власть сразу стала самой главной. Нестесненная судебным или парламентским контролем она рождала чудовищные злоупотребления. На основе негласных указаний расстреливались сотни тысяч людей, тысячи были арестованы, выселены из домов, вынуждены эмигрировать.

Новая структура конституционной (государственной) власти практически исключила свободу выборов. Глава 13 Конституции РСФСР 1918 г. установила откоро-

венную дискриминацию, предоставив право избирать и быть избранными только тем, кто «добывает средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом», а так же солдатам и нетрудоспособным. Этого права лишались лица, прибегающие к наемному труду, живущие на проценты с капитала, частные торговцы, священнослужители, служащие и агенты бывшей полиции. Даже классы, составлявшие основу «рабоче-крестьянского» государства, оказались не равны между собой.

Вся система Советов, постепенно выстраиваясь в централизованную, являла собой олицетворение диктатуры верхов требовавших со все большей настойчивостью выполнения своих приказов и уходивших от ответственности за беззаконие на местах. Это была безраздельная, бесконтрольная и абсолютная власть.

Большевики быстро разделились с политическими партиями: они были запрещены, а их лидеры репрессированы или расстреляны.

Все назначения в советский (государственный) аппарат, как и во все общественные организации, прессу осуществлялись только через партийные решения. Тем самым, партийный аппарат становился главным механизмом выдвижения политического руководства страны на всех уровнях, люди «со стороны» в расчет не принимались. Партийные лидеры откровенно присвоили себе титул вождей народа. Диктатура пролетариата таким образом, вырождалась в диктатуру партии, а через нее – в диктатуру вождей, но конституционное (государственное) право об этом молчало.

Говоря о тоталитарном конституционном праве России необходимо отметить отношение государства к Русской православной церкви в период Великой Российской революции 1917 г. и принятие Конституции РСФСР 1918 г.

Позиция Русской православной церкви имело большое значение при утверждении новой власти и новых общественных отношений в России.

Февральская революция 1917 г. и принятие новой Конституции 1918 г. в различных слоях православной церкви были встречены неоднозначно. Высшая иерархия, тесно связанная со старым режимом реагировала довольно сдержанно, так как опасалась за свое будущее. Рядовое духовенство, в своем подавляющем большинстве встретила революцию с энтузиазмом, увидев в ней возможность освобождения от гражданского и церковного режимов. В губернских центрах съезды духовенства и мирян принимали резолюции, приветствовавшие свержение царизма и установление новой власти. Эти настроения нашли свое наиболее яркое выражение в Декларации принятой Всероссийским съездом духовенства и мирян, проходившим в Москве, в июне 1917 г. Церковь утверждала, что христианство не может быть равнодушным к социальному злу и христиане должны посвятить себя в послереволюционном периоде установлению справедливых отношений.

Декрет от 23 января 1918 г. и принята Конституция ввели свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды в РСФСР и драконовский государственный над церковью. Созданный Совет по делам православной церкви контролировал все движения, без его разрешения церковь не могла ступить ни шагу, так же она была подконтрольна органам государственной безопасности. Началось уничтожение и закрытие храмов и монастырей, о церковном образовании и издательской деятельности не могло быть и речи.

Подводя итог необходимо отметить, что в XX века в России сменилось два типа конституционного права: 1. Дореволюционное конституционное право, отражающее переход страны от абсолютной к конституционной монархии (1905 – февраль 1917 г.), а затем к парламентской республике (февраль – октябрь 1917 г.); 2. Тоталитарное конституционное право, появившееся в результате

свершения Октябрьской революции и просуществовавшее в разных модификациях вплоть до периода перестройки (2 пол. 1980-х гг.).

Сегодня в России благодаря Великой Российской революции 1917 г. сложился новый тип конституционного (государственного) права, который соответствует переходу общества к демократии и учреждает правовое государство с признанием высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина. В этом его главная функция.

Источники и литература

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации, Москва, Норма-Инфра-М, 2011 г., с. 48-175.
2. Гессен В.М. Основы конституционного права, Пг, 1917.
3. Ковалевский М.М. Конституционное право, СПб, 1909, с. 29-31.
4. Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право, М., 1908, Вып. 2.
5. Коркунов Н.М. Русское государственное право, СПб, 1908, т. 1, с. 131-145.
6. Лауревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву., СПб, 1910, т. 1.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 44 с. 498-500
8. Титлинов Б.В. Церковь во время революции, ПГ, 1924. С. 63-75.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И ЭВОЛЮЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ (СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ) ЗАКОННОСТИ

Е.В. Мишина

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

Отечественный революционный период начала XX столетия по концентрации политических событий, накалу борьбы за обладание властью в стране, по характеру преобразований и по глобальности последовавших за этими событиями последствий, затронувших абсолютно все сферы жизни общества и государства, является одним из интереснейших и важнейших в российской истории.

Предусмотренная в программных документах РСДРП(б) ликвидация буржуазного государства, влекла за собой искоренение буржуазного права с последующим провозглашением основ новой правовой системы.

Становление «социалистической законности» представляло собой уход от классических шаблонов восприятия данного понятия. Формирование советского законодательства получило свое начало со вступления в действие первых декретов, постановлений и инструкций Советской власти. Декрет о суде № 1 отменил царское законодательство, противоречащее «революционному правосознанию», ставшему в первые годы советской власти одним из основополагающих источников права. На местах в качестве источника суды продолжали использовать нормы обычного права. Активно формирующаяся новая судебная практика дополнялась революционным правотворчеством не только самих судебных органов, но и высших органов власти, руководящих органов политических партий, а также советов на местах. Широкое участие в нормотворческой деятельности принимали трудящиеся и их общественные организации. С момента провозглашения советской власти открыто подчеркивался классовый характер права и неприемлемость принципа равенства всех перед законом.

Ликвидация классового врага являлась одной из основных задач нового строя. Вновь создаваемые законодательные акты содержали, в том числе нормы, позволяющие применять санкции к «классовым врагам» используя администра-

тивный и судебный потенциал. В своей практике суды руководствовались постановлениями и декретами Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, советского правительства, политическими догмами партий большевиков и левых эсеров, «революционным правосознанием», а также царским законодательством, не опровергающим обозначенные принципы и нормы.

В 1917–1918 гг. действовали не только новые законодательные акты, но и те из старых законодательных установок, которые не противоречили политическим программным требованиям новой власти, а также революционному правосознанию. Такая ситуация продолжалась до ноября 1918 года, когда было запрещено использование старого законодательства.

Создание советского государства началось с истребления существовавшего государственного аппарата. Декретом СНК РСФСР о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. [1] были упразднены все суды, кроме местных, которым были переданы дела мировой подсудности, институты судебных следователей, прокурорского надзора. Прекратил свое существование также институт адвокатуры. В рамках борьбы с классовыми врагами учреждались рабочие и крестьянские революционные трибуналы.

7 марта 1918 г. ВЦИК принял Декрет о суде № 2 [2], согласно которому в коллегии правозащитников выступали «все непорочные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами», избираемые и отзывающиеся Советами рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

Положение о народном суде РСФСР [3], утвержденное Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г. предусматривало создание при Советах специальных коллегий защитников, обвинителей, а также представителей сторон в гражданском процессе. На должность судей могли претендовать лица, прошедшие строгий партийный отбор и зарекомендовавшие себя, как ревностные сторонники нового режима, а также беднейшие представители крестьянства, как правило, обладающие высоким уровнем «революционного правосознания и социалистической совести», навыками элементарной грамотности и не владеющие юридическими знаниями. Так, в 1921 г. 66% народных судей обладали начальным образованием, 10% – средним, у 6% – отсутствовало вообще образование и только 18% судей имели высшее образование [4, с. 54]. По другим данным, образовательный ценз судейского корпуса был еще более низким: 83% судей революционных трибуналов имели лишь начальное образование, и только 4% имели высшее образование. Данный подход к профессиональной судейской компетенции объяснялся их политической лояльностью, когда 99 % судей являлись членами коммунистической партии [5, с. 6], а «революционная природа» социалистической законности предполагала возможность успешно решать «боевые задачи правосудия».

Восприятие права, как продолжения политической власти, означало, что формула «революционная целесообразность равняется революционной законности» отражала признание только законов, служивших во благо революции.

Характеризуя систему «революционной законности», стоит согласиться с позицией ряда авторов, согласно которой праву была отведена чисто служебная и временная роль; вопрос о законности, как о специфическом правовом режиме, в основу которого был бы положен принцип юридического верховенства нормативных актов – законов, вообще не ставился; подчеркивалась свобода администраторов и судей отступать от требований нормативных правовых актов по мотивам целесообразности; допускалась децентрализация правотворчества, когда судьи на местах решали, кого и за что судить; и, наконец, главное – государственной властью был признан абсолютный приоритет политической точки зрения над юридической [6].

Опираясь на политические принципы революционная законность не смогла обеспечить в период «военного коммунизма» стабильную правовую действительность, обозначилась насущная потребность в установлении качественно иного правового порядка, который все же вынужден был опираться на традиционные правовые элементы – общеобязательность, общезначимость, обеспеченность государством и т.д. Данный процесс хронологически совпал с окончанием гражданской войны, переходом к мирному строительству и с провозглашением новой экономической политики в 1921 году, а также с частичной реабилитацией классических правовых концепций, принципов, институтов, в том числе и института законности.

О целесообразности упрочнения советской законности впервые публично было отмечено на IX Всероссийском съезде Советов, проходившем в Москве с 23 по 28 декабря 1921 года: «укрепление Советской власти вовне и внутри позволяет сузить круг деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и ее органов, возложив борьбу с нарушением законов Советских Республик на судебные органы» [7].

Следующим этапом процесса формирования социалистической законности стало утверждение правового централизма, связанного с необходимостью создания единого правового поля на территории всего государства. Отныне за нарушение Декретов или за неточное исполнение предусмотренных ими директив следовали юридические санкции, нормативным правовым актам центральной власти придавался общеобязательный характер, местное правотворчество признавалось недопустимым.

Новая политическая и экономическая реальность явилась предпосылкой не только для более четкой регламентации всех сфер жизнедеятельности общества и государства, но и для образования специализированных органов надзора в сфере соблюдения законности. Необходимости в таких органах в предшествующий период «военного коммунизма» не было.

Положение о прокурорском надзоре 28 мая 1922 года было утверждено ВЦИК РСФСР [8]. Новый курс советского государства стал некой отправной точкой в изменении подхода к пониманию сущности и структуры права, а преобладающее большинство документов предшествующего периода потеряло свое значение.

1920-е годы явились периодом активной систематизации и кодификации права, когда, несмотря на отказ от принципов буржуазного права и провозглашение перехода к новой экономической формации с новым правовым наполнением, все же сохранились черты, присущие континентальной правовой системе.

Кодификация права способствовала оформлению прочной законодательной основы НЭПа, становлению единообразного законодательства и неукоснительного исполнения законов. Последующие общесоюзные кодификации права отразили процессы централизации власти, управления и регулирования, происходившие в СССР.

Законодатель ориентировался на относительный и временный характер права переходного этапа. Правовая форма казалась преходящей, ожидалось ее скорое исчезновение и замена правовых норм техническими и организационными. Принципу законности был противопоставлен принцип целесообразности, что не могло не приводить к правовому нигилизму [9, с. 186].

В апреле 1925 года в Москве на XIV всесоюзной партийной конференции РКП(б) проблеме «революционной законности» было уделено также особое внимание и отмечалось, что «торжество революционной законности является важнейшей задачей партийной деятельности». Законность рассматривалась как «единообразное понимание и обязательное выполнение всех законов советской власти, недопущение самостоятельного толкования законов местными волостными и районными исполнительными комитетами» [10, с. 69]. Данное высказывание, однако, зачастую противоречило действительности, когда «революцион-

ная необходимость» преобладала над здравым смыслом, действующим законодательством и имеющимися доказательствами.

Провозглашение в СССР системы социалистической законности, основанной на незыблемом государственном авторитете, отраженном в советских законах, предопределило завершение эпохи превалирования революционного правосознания как базиса для принятия судебных решений. В сложившейся ситуации советское государство не представляло возможным мириться со стихийным судебным самоуправством, типичным для первых лет Советской республики.

Новый партийный курс, ориентированный на диктатуру законности, подразумевал акцент законодателя на усиление правовой системы, использование ее в качестве «школы обучения и переобучения ненадежных элементов» и имел целью восстановить среди населения авторитет правовых процедур [11, с. 2].

Источники и литература

1. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 г. «О суде» // Собрание Узаконений РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 50.
2. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 г. № 2 «О суде» // Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 420.
3. Декрет ВЦИК от 30.11.1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 85. – Ст. 889.
4. Чельцов-Бебутов, М.А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции / М.А. Чельцов-Бебутов. – Харьков: Юридическое издательство НКЮ, 1924. – 92 с.
5. Тарновский, Е.Н. Личный состав и репрессия ревтрибуналов / Е.Н. Тарновский // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 11. – С. 6-7.
6. Романовская, В.Б. Репрессивные органы в советской России / В.Б. Романовская. – Н. Новгород: НВЗРКУ ПВО, 1996. – 278 с.
7. Постановление IX Всероссийского съезда Советов от 28.12.1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – №4. – Ст. 42.
8. Постановление ВЦИК от 28.05.1922 г. «Положение о прокурорском надзоре» // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – №36. – Ст. 424.
9. Исаев, И.А. История государства и права России в вопросах и ответах: учебное пособие / И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2012. – 240 с.
10. Сольц, А.А. Революционная законность и наша карательная политика / А.А. Сольц. – М.: «Московский рабочий», 1925. – 126 с.
11. Вышинский, А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты / А.Я. Вышинский. – М.: Редакционно-издательский сектор Мособлисполкома, 1934. – 42 с.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБ БОРЬБЫ С УГРОЗОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Е.Н. Козинникова

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

Революционная ситуация, неоднократно складывавшаяся в Российской империи в конце XIX – начале XX в., потребовала поиска средств сохранения государственного строя. Одним из основных способов, позволяющих нормализовать чрезвычайную обстановку, выходящую из-под контроля органов государственной власти, руководство страны рассматривало правовой режим чрезвычайного положения.

Установлению чрезвычайных правовых режимов всегда предшествует возникновение и негативное, нередко бурное, разрушительное, опасное для личности,

общества и государства, развитие чрезвычайных (исключительных) обстоятельств социально-политического, криминального, революционного или военного характера, а также чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, требующих незамедлительного вмешательства государственности власти [5, с. 152]. Характерными признаками чрезвычайных обстоятельств и чрезвычайных ситуаций, являющихся основаниями для установления различных видов чрезвычайных правовых режимов, являются: масштабность, динамизм развития, общественная опасность, тяжкие последствия для личности, общества и государства, реальные внутренние и внешние угрозы национальной и военной безопасности государства.

Наращение революционной напряженности в начале 1917 г., открытые массовые выступления населения по поводу неудовлетворенности своим социальным положением, активизация противоправной деятельности радикально настроенных политических партий, наращение революционного движения и обострение криминальной обстановки вынуждали государственные органы власти использовать весь арсенал чрезвычайных правовых мер, находившийся в их распоряжении [6, с. 53].

Такая ситуация в Российской империи объективно обусловила использование института исключительного положения, получившего свое закрепление в «Положении об особых мерах к ограждению общественного спокойствия» от 1 сентября 1878 г. и «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. [1].

В тот период общественно-политическая ситуация в Российской империи была крайне напряженной: спустя несколько дней после убийства Александра II, исполнительный комитет «Народной воли» опубликовал письмо, в котором, наряду с констатацией приведения в исполнение приговора императору, содержался ультиматум Александру III об изменении политики правительства, под угрозой революции. Традиционные способы регулирования общественных отношений оказались неспособными стабилизировать положение в стране и ликвидировать социальную напряженность в российском обществе [7, с. 14]. Именно поэтому Александр III предписал «подвергнуть совокупному пересмотру все временные законы, изданные в последнее время, и начертать, взамен сих узаконений, особое «Положение» – Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», указ об издании которого был принят 4 сентября 1881 г. [2].

В этом нормативном правовом акте получил закрепление институт исключительного положения. Первый отдел акта (общие правила) изменял статус министра внутренних дел: теперь он не только мог объявлять требования, подлежащие немедленному исполнению всеми местными органами, но и получил право на отмену распоряжений руководителей местных органов, вплоть до распоряжений генерал-губернаторов и градоначальников [1, с. 261–266].

В тех случаях, когда деятельность против государственного порядка и общественного спокойствия в отдельных местностях принимала угрожающий характер, такие местности могли быть объявлены находящимися в исключительном положении, которое предполагало предоставление власти исключительных полномочий, направленных на ликвидацию обстоятельств, угрожающих изнутри или извне существованию государства [3, с. 74]. Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» закрепило две формы исключительного положения: положение усиленной охраны и положение чрезвычайной охраны. «Преступные посягательства против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ» [1, с. 262] влекли за собой объявление положения усиленной охраны; приведение же «населения известной местности в тревожное настроение» [1, с. 262] соответствовало положению чрезвычайной охраны.

Объявить положение усиленной охраны имели право министр внутренних дел и генерал-губернатор, решение которого согласовывалось с министром внутренних дел. В Положении «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» были зафиксированы сроки действия исключительно-го положения: положение усиленной охраны могло действовать один год, после чего требовало либо продления, либо полной отмены с прекращением действия временных актов, изданных в этот период. Положение чрезвычайной охраны действовало в течение 6 месяцев, после чего либо прекращало свое действие, либо в случае необходимости продлевалось.

При объявлении местности в состоянии усиленной охраны административная власть получала особые права по наведению порядка на подчиненной ей территории. Основные права концентрировались в руках генерал-губернаторов, а в неподведомственных им губерниях – в руках губернаторов и градоначальников. Должностные лица, по сути, получали право чрезвычайного нормотворчества. Так, согласно ст. 14–16 Положения они могли «издавать обязательные постановления» и устанавливать за их нарушения взыскания, «не превышающие трехмесячного ареста или денежного штрафа в 500 рублей» [1, с. 263–264]. Кроме того, им было позволено: разрешать в административном порядке дела о нарушениях изданных ими постановлений; запрещать любые собрания (народные, общественные и частные); закрывать на определенный срок или на все время действия состояния усиленной охраны любые торговые и промышленные предприятия; запрещать отдельным личностям пребывание на территории, находящейся в состоянии усиленной охраны, с возможностью их высылки. Генерал-губернаторы, а в не подчиненных им местностях – министр внутренних дел, имели право передать любое уголовное дело на рассмотрение военного суда и требовать его рассмотрения при закрытых дверях. Военный суд по таким делам получал право назначить наказание в виде смертной казни. Утверждение приговора осуществляли генерал-губернаторы, а в не подчиненных им местностях – командующие войсками округа (ст. 17, 18, 19).

Значительно были расширены полномочия местных начальников полиции, начальников жандармских управлений и их помощников: они получили право производить предварительное задержание на срок до двух недель лиц, «внушающих основательное подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним, а равно в принадлежности к противозаконным сообществам», а также производить в любое время обыски «во всех без исключения» помещениях, накладывать арест «на всякого рода имущество» (ст. 21).

Объявление местности в состоянии чрезвычайной охраны еще более расширяло полномочия местных органов государственной власти. Но процедура объявления местности в состоянии чрезвычайной охраны была чрезвычайно сложной: министр внутренних дел обращался с представлением в Комитет министров, который должен был выпустить по этому поводу особое положение, требующее утверждения императора. Состояние чрезвычайной охраны вводилось на срок, не более шести месяцев.

Введение в местности состояния чрезвычайной охраны позволяло властям, по сути, полностью обходить судебный порядок рассмотрения дел, а также игнорировать большинство гражданских прав и свобод, которые имелись у населения на тот момент. Идейным обоснованием такой политики являлась доктрина «*raison d'état*», в соответствии с которой государственная необходимость ставилась выше индивидуальной свободы: если в нормальных условиях государственной и общественной жизни государство признавало и гарантировало индивидуальную свободу, то в условиях чрезвычайных оно жертвовало ею ради интересов безопасности и существования государства.

Видный российский правовед и государственный деятель В. М. Гессен, будучи противником доктрины «*raison d'état*», отмечал, что в истории человечества данная доктрина сыграла печальную роль: она всегда и везде являлась не более чем теоретическим оправданием необузданного произвола, отрицающего не только право на свободу, но и самое право на существование индивида. Уделяя огромное внимание проблеме правового государства, Гессен подчеркивал, что законодательство правового государства, регулирующее исключительные полномочия власти, должно отвечать двум необходимым условиям: во-первых, оно должно обеспечить действительную исключительность исключительных полномочий, – обеспечить применение этих полномочий только при наличии обстоятельств, действительно чрезвычайных; во-вторых, оно должно ограничить пределом безусловной необходимости объем исключительных полномочий, предоставить правительству столько власти, сколько, действительно, необходимо для спасения государства от угрожающей ему серьезной опасности [4, с. 34].

Нормативные акты, которые регламентировали исключительное положение в России в конце XIX – начале XX в., имели временный и исключительный характер, но по обширности пространств и по долговременности своего применения они получили совершенно непредвиденный характер постоянного законоположения.

Исторический опыт России показал, что длительное использование исключительного режима как способа нейтрализации чрезвычайной общественно-политической ситуации и средства политической профилактики эффективным не является, а в условиях нарастания революционной напряженности объявление территорий находящимися в исключительном положении не может предотвратить трансформаций политико-правовой системы, если при этом не осуществляется серьезного реформирования социально-экономической и политической сфер общественной жизни.

Источники и литература

1. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // Полное собрание Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание 3-е. Т. I. СПб., 1885. Ст. 350.
2. Об издании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявления некоторых местностей Империи в состоянии усиленной охраны от 4 сентября 1881 г. // ПСЗ РИ. Собрание 3-е. Т. I. Ст. 382.
3. Гессен, В. М. Исключительное положение / В. М. Гессен. СПб., 1908.
4. Гессен, В. М. О правовом государстве / В. М. Гессен. СПб., 1906.
5. Нижник, Н. С. Национальная безопасность как социоюридический феномен / Н. С. Нижник // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15 февраля 2013 года. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский Военный институт внутренних войск МВД России, 2013. С. 150–159.
6. Нижник Н. С. Российская полицистика о дискурсивном и институциональном наследии эпохи полицейского государства / Н. С. Нижник // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 сентября 2015 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издат. дом – Юг, 2015. С. 41–55.
7. Нижник Н. С., Министерство внутренних дел и проблемы институционализации полицейской деятельности в Российской империи / Н. С. Нижник, Е. С. Гугасари // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 53. С. 10–18.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА ПЕТРОГРАДА В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

А.А. Удальцов, С.Е. Байкеева

Санкт Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

Революция 1917 года привела к падению царского режима, образованное временное правительство оказалось высшим законодательным органом государства, под началом которого продолжали функционировать государственные учреждения империи. Революционные события не могли не повлиять на их деятельность, так как практически сразу под давлением революционеров стартовал процесс реорганизации всего государственного аппарата.

Не могло не подвергнуться реорганизации и практически главное ведомство страны – Министерство внутренних дел. Из 14 учреждений МВД осталось только 4. Для ликвидации и расследования деятельности упраздненного Департамента полиции была создана специальная комиссия. Министерство внутренних дел не могло работать без перебоев в нестабильной обстановке [1. С. 101].

Накануне февральской революции министр внутренних дел А. Д. Протопопов, как и многие другие царские чиновники, не понимал всей серьезности положения, в котором оказались органы власти, и посылал царю успокоительные телеграммы, однако, в последние дни царизма ему было предложено уйти в отставку, а после революции он был заключен в петропавловскую крепость [2, С. 295].

Неконтролируемое упразднение царской полиции и жандармерии началось в первые дни февральской революции. Были разгромлены не только органы политической полиции, которые вызывали ненависть революционеров, но и сыскные отделения, которые занимались противодействием общеуголовной преступности.

Служащих полиции избивали и отбирали у них оружие и боеприпасы. Новые власти не могли этому препятствовать. Им представлялось, что как только старый царский режим падёт, так сразу сами собой организуются и органы охраны правопорядка, а впоследствии надобность в них отпадет, так как в новом государстве преступность самоустранилась.

Деятельность полицейских учреждений в городах и на местах была серьезно затруднена, а то и вовсе прекращена. По всей стране происходил разгром полицейских учреждений. Это вызвало небывалый рост преступности и вызвало острую необходимость создания качественно новых органов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью.

Первыми такие органы стали создаваться в Петрограде – колыбели революции. 3 марта 1917 г. была подписана Декларация Временного правительства, которая провозглашала создание милиции вместо упраздняемой полиции, а так же регламентировала ее состав и задачи. В первые дни революции милиция в Петрограде создавалась не только по распоряжению Временного правительства, но и по инициативе других организаций.

При комплектовании кадрового состава новых органов милиции особо подчеркивалось, что бывшие служащие полиции и жандармерии не могут поступить на службу в народную милицию, что, конечно, не являлось удачей вновь создаваемого органа. Опытные сотрудники уголовного сыска ушли со службы, а их место заняли лица, не обладающие достаточной квалификацией и опытом, что не могло не сказаться на росте преступности.

В соответствии с коренным изменением всего политического уклада и всего направления государственной деятельности, МВД Временного правительства, призванное руководить всей политикой внутреннего управления, свою роль в этом процессе видело в том, чтобы «...с одной стороны самым решительным образом сломать и уничтожить пережитки и навыки прежнего приказно-полицейского режима, а с другой – направлять все силы к тому, чтобы водворить, без промедления на место отпадающих учреждений и распорядков новые, соответствующие требованиям правового строя и правосознанию широких масс населения, институты и приемы управления» [2, С. 311].

После создания нового государства – Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) началось формирование советских правоохранительных органов. 28 октября (10 ноября) 1917 г. вышло Постановление НКВД РСФСР «О рабочей милиции» [3], которое учредило рабочую милицию от лица Советов рабочих и солдатских депутатов и определяло милицию в их ведение, а так же обязывало гражданские и военные власти содействовать рабочей милиции в осуществлении ее обязанностей, и, при необходимости, обеспечивать сотрудников милиции вооружением и боеприпасами.

В этот же день вышло Постановление Петроградского Военно-Революционного комитета «О борьбе с хищениями и спекуляцией», которое объявляло мародеров и спекулянтов врагами народа и обращалось ко всем гражданам с призывом доводить до сведения Военно-Революционного комитета любые случаи хищения, мародерства и спекуляции с целью их ареста и препровождения в тюрьмы г. Кронштадта с последующим преданием военно-революционному суду.

В январе 1918 г. вышли Постановление и Инструкция Кронштадтского Совета Рабочих и солдатских депутатов «О всеобщей милиционной повинности» [4, С. 14-15.]. Согласно этим документам, на основании решения рабочего и крестьянского правительства в г. Кронштадте была учреждена всенародная милиция, которая предусматривала введение обязательной милиционной повинности для жителей города не младше 18 и не старше 50 лет.

24 июля 1918 г. была принята Инструкция дружиннику Петроградской революционной охраны «О несении патрульно-постовой службы» [5, С. 27.], которая регламентировала привлечение рабочих масс для охраны правопорядка в Петрограде. Дружинник выступал, как исполнительный орган Советской власти и защитник революционного порядка. Он был должен защищать любых лиц от беззакония и насилия, задерживать и доставлять в районные пункты всех лиц, заподозренных в контрреволюционной деятельности, в совершении уголовных преступлений, а так же находящихся в нетрезвом состоянии.

Как мы видим, в рассматриваемый период действовало не одна организация рабочих и крестьян, осуществляющее охрану правопорядка в Петрограде, бандитские формирования и уголовный элемент пользовались неразберихой и революционной обстановкой, выдавая себя за официально действующие органы по охране правопорядка и борьбе с преступностью, что зачастую вводило в заблуждение население города. Для идентификации дружинников вводились опознавательные признаки.

Дружинник, находящийся на посту, должен был иметь при себе установленные, в законном порядке ему присвоенные знаки отличия: повязку с соответствующими буквами и печатью, удостоверение от Совдепа (Совдеп – совет депутатов. Согласно положению, закрепленному Конституцией 1918 г., Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика декларировалась как федерация Советов разных уровней. Местные советы депутатов (городские и сельские) формировались прямым голо-

сованием, а Съезды Советов (уездные, губернские и т. д.) состояли из депутатов местных советов. Местные советы депутатов именовались «Совдепами») [6] и металлический номер, одинаковый с номером удостоверения.

Таким образом, органы охраны правопорядка в первые дни революции создавались без определенного порядка и структуры, основой их организации была общественная инициатива. Не до конца ясным оставалось территориальное деление Петрограда, они и назывались по-разному: то милиционными пунктами, то комиссариатами, то штабами милиции, а то и комитетами по охране общественной безопасности. Так же существовала и путаница с названием самих правоохранителей. Применялись названия комиссары, уполномоченные, начальниками, председателями, дружинники.

Таким образом, в период образования новых органов охраны правопорядка и борьбы с преступностью сам процесс их создания не был четко регламентирован органами государственной власти. Он строился зачастую на основании решений местных органов власти и общественных организаций. Особой чертой органов охраны правопорядка рассматриваемого периода являлись разобщенность органов милиции, не присущая им ныне выборность на должности всех уровней, отсутствие опытных сотрудников вследствие запрещения использования для несения службы бывших служащих царской полиции, а так же узость практической направленности милиции, которая предусматривала выполнение ею только функций по охране общественного порядка.

Источники и литература

1. История органов внутренних дел. курс лекций. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2012. 888 с.
2. Борисов А. В. Министры внутренних дел России. 1802-октябрь 1917. СПб, 2002. 350 с.
3. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 1. Ст. 15.
4. Вестник Народного комиссариата внутренних дел. 1918. № 5.
5. Милиция России. Документы и материалы 1917-1999 г. Т. 1 (1917-1934). Саратовский юридический институт МВД России, 2001. 376 с.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1917 г.) В ДЕЛЕ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЗА СОВЕРШЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В.П. Сидоров, Ю.Н. Грицкевич

Псков, Псковский государственный университет

Изменения в сфере государственно-правового строительства в России после октябрьского переворота 1917 года не обошли стороной и тюремные заведения. В основу таких изменений был положен идеологизированный классовый подход (но эта тема отдельного другого исследования) – деление преступников на классовых врагов и «социально близких» преступников, что и предопределило в организации исправительного процесса осужденных к уголовным наказаниям особенности формирования нового подхода, базой которого были труд и «прогрессивная система отбывания наказания».

Поиск путей и средств повышения эффективности исполнения уголовных наказаний – самая сложная и трудная проблема в деле совершенствования применяемых уголовно-правовых мер и организации исправительного процесса в отношении лиц, совершивших преступления.

Идеологи Октябрьской революции 1917 года, основываясь на идеях марксизма, поставили перед обществом задачу слома старого буржуазного антинародного государственного аппарата и на его развалинах построить новый, отвечающий интересам пролетариата и всех трудящихся, основанный на принципах «свободы», «равенства» и «братства», социалистический государственный механизм. В связи с этим были ликвидированы не только «старый» государственный аппарат, но и «старое» буржуазное право, замененное на социалистическое правосознание.

Однако брать за точку отсчета этой проблемы октябрь 1917 года было бы не только некорректно, но и исторически неверно. Так, уже в феврале 1917 года Главное тюремное управление было переименовано в Главное управление по делам мест заключения, а Совет по тюремным делам преобразован в Совет по делам мест заключения. Но главное была сделана теоретическая попытка внедрения «прогрессивной системы отбывания наказания» в местах лишения свободы, хотя дальше теоретических установок дело не пошло.

Нужно заметить, что в самых общих чертах под «прогрессивной системой отбывания наказания» понимаются изменения условий отбывания наказания осужденных в зависимости от их исправления. Если осужденный ведет себя хорошо, то его переводят в лучшие условия, если плохо, то в худшие. То есть условия отбывания наказания зависят от поведения самого осужденного. Поэтому задача администраций, исполняющих уголовные наказания, – это строгое и неукоснительное соблюдение принципов и оснований «прогрессивной системы отбывания наказания».

Необходимо не только провозгласить, но и законодательно закрепить «прогрессивную систему отбывания наказания». Что и было сделано летом 1918 года.

Так, «23 июля 1918 года Народный комиссариат юстиции РСФСР закрепил Временную инструкцию «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такого». В соответствии с этим актом суд не выносил решения, в какое учреждение следовало направлять осужденного, и не определял разряда в соответствии с объявленной прогрессивной системой – этим занимались распределительные комиссии. Дальнейшее развитие прогрессивная система получила в Положении об общих местах заключения РСФСР, принятых НКЮ РСФСР 15 ноября 1920 года. Этим актом закреплялась прогрессивная система отбывания наказания на основе классификации заключенных посредством деления их на категории и разряды. И уже на более высоком уровне «прогрессивная система» была закреплена в ст. ст. 7, 21 ИТК РСФСР 1924 года, под которой понималось изменение условий содержания в зависимости от их исправления и перевоспитания» [1, с.47].

К сожалению, из-за экономических трудностей данная «прогрессивная система» не получила своего практического воплощения, соответственно и дальнейшего законодательного закрепления она также не получила.

И уже в ИТК РСФСР 1933 г. и 1970 г. о «прогрессивной системе» ничего не говорится, хотя элементы этой системы – перевод осужденного на улучшенные условия содержания в зависимости от его поведения были.

Но поиск методов, средств, а также эффективной организации условий отбывания наказания идут постоянно и продолжают в настоящее время.

И как один из вариантов – это классификация учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, которая должна опираться на дифференциацию осуж-

денных. «Именно правильная дифференциация осужденных предопределяет весь дальнейший ход исполнения приговора суда и является необходимым условием выбора программ и средств обращения сосужденными, обеспечения безопасности и эффективной управляемости учреждений, оптимального распределения имеющихся на сегодня сил и ресурсов, а также четкого и ясного понимания целей и задач в обращении с осужденными. Разделение осужденных по различным категориям, т.е. дифференциация, осуществляется на основе научно разработанной классификации.

Раздельное содержание осужденных преследует следующие цели:

1) изоляция различных категорий и предотвращение негативного влияния более "криминально зараженных" осужденных на менее опасных;

2) обеспечение дифференцированного применения мер принуждения и воспитательного воздействия;

3) построение системы мест лишения свободы, оптимально соответствующей достижению целей наказания» [2, с. 219].

«Основывая дифференциацию осужденных на хорошо известных и в теории, и в практике основаниях: видах, характере и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, отягчающих и смягчающих наказание обстоятельствах, наличии или отсутствии рецидива, то есть совокупности данных, характеризующих личность, предлагается акцентировать внимание на конкретных задачах и реальных возможностях позитивной коррекции личности посредством уголовного наказания, а соответственно – на объеме и содержании методов и средств воспитательного воздействия (ведь объем и характер средств исправления зависят от содержания исполняемого наказания, на это прямо указывает ч.3 ст.9 УИК РФ, согласно которой эти средства применяются с учетом вида наказания» [3, с. 86].

«На основании вышеизложенного осужденные дифференцируются на три категории последующим основаниям:

Первая категория.

К этой категории относятся осужденные, совершившие небольшой тяжести или, во всяком случае, не представляющие большой общественной опасности преступления. Принудительные меры к таким осужденным применяются минимальные. Само наказание здесь носит воспитательный характер, и законодатель считает, что этого вполне достаточно. В этом случае исполняется только "само наказание" и, соответственно, такие наказания, как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, исправительные работы, обязательные работы, ограничение по военной службе, то есть наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, исполняют суды, служба судебных приставов, командование воинских частей, уголовно-исполнительные инспекции.

Вторая категория.

Это более запущенные в психологическом, педагогическом и социальном плане, но еще поддающиеся воспитательному воздействию осужденные, исправление которых требует применения комплексных, в том числе режимных мер. Эта категория осужденных отбывает наказания в виде лишения свободы. Соответственно, этот вид наказания исполняют исправительные и воспитательные колонии, колонии-поселения, дисциплинарные воинские части.

В этот перечень предлагаемая модель системы вносит определенные изменения. Это относится и к учреждениям, которые должны будут исполнять наказания в отношении осужденных третьей категории.

Третья категория.

Осужденные, отнесенные к этой категории, характеризуются "глобальной" или близкой к ней криминогенностью. Они требуют строгой изоляции от общества, а для пробуждения у них чувства раскаяния, вины и веры в свое исправление, изменения установок и, в целом, к лучшему личностной направленности, предупреждения рецидива необходимы целенаправленные, последовательные, комплексные, сочетающие убеждение и принуждение, меры исправительного воздействия, в значительной степени реализующие объективно присущее наказанию свойство лишения или ограничения прав и свобод. Эти осужденные отбывают наказания в исправительных колониях особого режима, тюрьмах, арестных домах, гарнизонных гауптвахтах» [2, с 220].

В настоящее время система учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, не в полной мере ориентирована на дифференцированный подход реализации исполнения и отбывания наказания в отношении указанных категорий осужденных. Поэтому необходимо провести ее (систему) модернизацию, взяв за основу объем и характер мер исправительного воздействия на осужденных, которые должны реализовывать соответствующие учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания.

«Предлагаемая в качестве концептуальной модель системы учреждений и органов, исполняющих наказания, включает несколько новых по названиям и содержанию деятельности учреждений, объединенных в два основных блока:

1. Уголовно-исполнительные учреждения, исполняющие наказания, не связанные с изоляцией осужденных. К ним относятся: уголовно-исполнительные инспекции; суды; судебные приставы-исполнители; командование воинских частей. Исправительное воздействие рассчитано на осужденных первой категории.

2. Пенитенциарные учреждения, исполняющие наказания, связанные с изоляцией осужденных. В зависимости от степени изоляции они подразделяются на:

2.1. Уголовно-исправительные учреждения, исполняющие наказания, связанные с изоляцией осужденных. К ним относятся: исправительные колонии; воспитательные колонии; исправительные поселения (вместо колоний-поселений); дисциплинарные воинские части. Исправительное воздействие рассчитано на осужденных второй категории.

2.2. Уголовно-исправительные учреждения, исполняющие наказания, связанные со строгой изоляцией осужденных. К ним относятся: тюрьмы общего режима; арестные дома; гарнизонные гауптвахты. Исправительное воздействие рассчитано на осужденных третьей категории.

2.3. Уголовно-исправительные учреждения, исполняющие наказания, связанные с особострогой изоляцией осужденных. Это тюрьмы особого режима для лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы или которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы.

Они должны заменить соответствующие исправительные колонии особого режима. Исправительное воздействие рассчитано на осужденных третьей категории, характеризующихся "глобальной" криминогенностью» [2, с.221].

Предлагаемая концептуальная модель уголовно-исполнительной системы, состоящая из двух блоков: уголовно-исполнительные учреждения, исполняющие наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, и пенитенциарные учреждения, исполняющие наказания, связанные с изоляцией осужденных от общества, несомненно, должна повлечь за собой не только пересмотр уголовно-исполнительной политики, перераспределение сил и средств, но и внесение

изменений и дополнений в ныне действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

«Так, ст. 58 Уголовного Кодекса РФ "Назначения осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения" необходимо изложить в следующей редакции:

Отбывание лишения свободы назначается:

А) лицам, осужденным за преступления, совершенным по неосторожности, а также лицам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы – в исправительных поселениях.

Б) мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим наказание в виде лишения свободы, а также женщинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива – в исправительных колониях общего режима;

В) мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее отбывавшим наказание лишение свободы, а также при рецидиве и опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее отбывал наказание в виде лишения свободы, – в исправительных колониях строгого режима;

Г) мужчинам, осужденным при особо опасном рецидиве и совершении особо тяжких преступлений, – в исправительных колониях особого режима;

Д) лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, а также лицам, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы – в тюрьмах особого режима.

Лицам, осужденным к лишению свободы на срок свыше пяти лет за совершение особо тяжких преступлений, а также при особо опасном рецидиве преступлений может быть назначено отбывание части срока наказания в тюрьме» [2, с.222].

Классификация учреждений и органов, исполняющих наказания, дифференциация осужденных по различным основаниям, а также прогрессивная система должны быть эффективными и гуманными как в теории, так и на практике.

Мы уверены, что внедрение данной концептуальной модели окажет самое положительное влияние как на ситуацию в местах лишения свободы, так и на самих осужденных.

Источники и литература

1. Сидоров В.П. Прогрессивная система в исправительных учреждениях. Дис. канд. юрид. наук. С-Пб, 1999 г. – 182 с.
2. Сидоров В. П. Проблемы определения путей и средств исправления осужденных, отбывающих уголовные наказания // Вестник Псковского государственного университета, Выпуск 13. Псков: ПсковГУ, 2011., С.218–224.
3. З.Мищенко П.Г., Мелентьев М.П., Пономарев С.Н. Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными. М.: Экспертное бюро, 1997. – 796 с.

ИЗМЕНЕНИЯ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 ГОДУ

Н.В. Патраш

Псков, Псковский государственный университет

В истории Российского государства 1917 г. ознаменовал себя временем преобразований и реформ. Революционные и военные события, а также установление двоевластия (Временное правительство и Петроградский Совет) в результате свержения династии Романовых с престола, вызывали необходимость проведения реорганизации в системе государственного управления как на высшем, так и местном уровнях.

Преобразования в системе местного самоуправления Псковской губернии касались, прежде всего, земского и городского управлений, а также функционирования судебных учреждений. В связи с тем, что правительство до момента созыва Учредительного собрания, на котором должен быть и решен вопрос о выборе формы правления в государстве, а значит и исход дальнейших преобразований в нем, не стремилось кардинально трансформировать систему управления, все его преобразования, которые были продиктованы временем, носили вынужденный характер. На основании этого необходимо и оценивать все изменения в государстве.

Судебная система Псковской губернии с февраля по октябрь 1917 г. сохранила свою прежнюю основу, заложенную еще судебной реформой 1864 г.: судебные палаты, окружные суды, мировые суды и съезд мировых судей. Судебно-территориальное деление Псковской губернии на протяжении 1917 г. сохранялось прежнее: два судебных округа – Псковский и Великолукский, которые, в свою очередь, имели внутреннее деление в соответствии с типом судебных учреждений (следственные, прокурорские, мировые участки). Даже несмотря на возникшую необходимость переустройства деления судебно-следственных участков, изменения в котором уже были предприняты в начале XX в., решения данного вопроса было отсрочено высшими инстанциями до окончания войны [2, л. 2 об.].

Процесс трансформации судебной части правительство начало с преобразования высших органов, а именно: с упразднения Верховного уголовного суда, Особых присутствий Правительствующего Сената, особых судов с участием сословных представителей судебных палат и окружных судов [1, с. 252]. Функции были переданы окружному суду с участием присяжных заседателей согласно постановлению Временного правительства от 30 марта 1917 года «О подсудности дел суду присяжных заседателей» [3, с. 378]. По постановлению Временного правительства от 25 марта 1917 г. был учрежден Временный Высший дисциплинарный суд Сената, который рассматривал дела о должностных лицах судебных ведомств. Однако эти меры не оказали существенного влияния на деятельность системы судебных учреждений Псковской губернии.

Изменению судебной системы губернии были подвержены две ее подсистемы: общие судебные установления и местные суды. Преобразования общих судов, а именно: Псковского и Великолукского окружных судов, не носили кардинальный характер. Функции окружных судов были несколько расширены. Как известно, в обоих окружных судах существовало деление на отделения: уголовное и гражданское, т.е. по специфике рассматриваемых судебных дел. В связи с вступлением в силу постановления Временного правительства от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзов» [4, ст. 414], с 1 мая 1917 г. при Псковском окружном суде в гражданском отделении был образован отдел для регистрации данных товариществ и союзов, учрежденных в округе данного суда [5, с.

99]. Таким образом, окружной суд превращался в орган регистрации обществ, союзов, товариществ. Данный отдел имел определенную структуру, он состоял из заведующего, секретаря и канцелярских чиновников. Обязанности заведующего, согласно постановлению, возлагались на одного из членов окружного суда, по избранию общего собрания суда, а обязанности секретаря – на одного из секретарей окружного суда по усмотрению председателя [6, л. 17 об.]. В свою очередь, заведующий отдела мог освобождаться от участия в производстве судебных дел по решению общего собрания отделений. В связи с тем, что штатными единицами для нового структурного элемента служили члены гражданского отделения окружного суда [7, л. 142], в регистрационном отделе с 1 мая 1917 г. в дополнение к действующим штатам судебных установлений были утверждены следующие должности: товарища председателя окружного суда – одна в Псковском окружном суде, членов окружного суда – по две в обоих окружных судах, секретаря и помощника секретаря – по одной в обоих судах [6, л. 8 об.]. С 1 июля 1917 г. было увеличено количество членов окружного суда – по одному в каждом окружном суде, по одному секретарю и один помощник секретаря, но только в Псковском суде [6, л. 24 об.]. Еще одним нововведением в структуре окружных судов было образование административного отделения. Согласно положению «О судах по административным делам» от 30 мая 1917 г. [8, ст. 655] для рассмотрения дел, подлежащих юрисдикции административного суда, были учреждены должности единоличных административных судей, по одному в каждом уезде, в качестве судов первой инстанции, судами же второй инстанции являлся окружной суд губернских городов. При этих судах были образованы особые отделения, состоящие из товарища председателя и членов суда, «определенных при самом назначении к присутствию именно в административном отделении окружного суда» [9, л. 21 об.]. В служебном отношении уездные административные судьи приравнивались к членам окружного суда [10, л. 4]. Согласно постановлению общего собрания отделений суда от 13 июня 1917 г. до образования особого отдела окружного суда по административным делам подведомственные ему дела по всей Псковской губернии с 1 июня 1917 г. рассматривались гражданским отделением Псковского окружного суда [11, с. 131]. В связи с образованием такого отделения, административные дела по всей губернии, включая и уезды, входящие в округ Великолукского окружного суда, были подведомственны Псковскому окружному суду, в составе которого и было образовано особое административное отделение [10, л. 4]. На основании положения Временным Правительством от 30 мая 1917 г. в Псковской губернии был назначен следующий состав административных судей: по Великолукскому уезду – А.А. Морозов (и.д. судебного следователя 2 у. Великолукского уезда); Новоржевскому – Н.Ф. Соколов (уездный член по Новоржевскому уезду); Холмскому – А.Н. Гоерц (уездный член по Холмскому уезду); Псковскому – О.А. Нильсен (уездный член по Опочецкому уезду) [10, л. 21; 12, л. 179 об.]; Порховскому – А.В. Беляев (городской судья г. Сольцы) [13, л. 11 об.]; Островскому – Н.М. Шредер (и.д. судебного следователя 3 уч. Поневежского уезда Ковенской губернии, прикомандированный в Псковский окружной суд) [12, л. 179 об.]; Опочецкому – В.П. Ольшевский (присяжный поверенный) [12, л. 179 об.], по Торопецкому – вакансия. В связи с увеличением количества отделений возникла острая необходимость усиления штатов суда, поэтому в административном отделении были учреждены должности товарища председателя по административным делам Псковского окружного суда, два члена, один секретарь, один помощник секретаря [14, л. 28 об.].

Некоторые преобразования были осуществлены и в местных судах. В первую очередь правительство стремилось окончательно восстановить мировой суд, который был заменен в ходе контрреформы Александра III институтом земских участковых начальников (1889 г.). Временное правительство в марте 1917 г. ставило на обсуждение вопрос восстановления мирового суда в местностях, где он не был еще воссоздан в ходе реформы 1912 г. С целью обеспечения правильного правосудия, учитывая нестабильную ситуацию в стране, особо остро созрела необходимость восстановления данного института по закону от 15 июня 1912 г. о преобразовании местного суда. Согласно изданному правительством постановлению от 4 мая 1917 г. «О временном устройстве местного суда» [15, сс. 1-2] в Псковской губернии предполагалось, согласно имеющему расписанию, восстановить мировой суд с довольно внушительным штатом судей в количестве 79 человек [15, с. 2]. Однако в силу того, что уездные земские собрания на момент принятия решения о восстановлении мирового суда не были еще преобразованы на «широких демократических началах» [16, л. 132], как того требовало время, вопрос воссоздания суда был отложен, а его судебные функции были возложены на институт временных мировых судей, которые на тот момент заменили ликвидированных земских участковых начальников (судебные функции) и еще неизбранных мировых судей. Однако ситуация с временными мировыми судьями складывалась тоже довольно сложно. Существовали трудности обеспечения каждого уезда необходимым количеством таких судей для отправления правосудия. Некоторые из уездов находились в затруднительной ситуации в отношении обеспечения вакантных мест, т.к. там находилось катастрофически недостаточное число судей или вообще отсутствовали (Порховский уезд). Нельзя не учитывать и фактор военного времени, который оказывал отрицательное влияние на формирование штатов государственных учреждений, если иметь в виду, что его составляло именно мужское население, женщины лишь единично вводились на службу и то, чаще всего на вспомогательные должности. Также временные мировые судьи и их штат секретарей находились в тяжелом финансовом положении, которое так и не было улучшено на протяжении их деятельности. Несмотря на стремление правительства обновить кадровый состав и избавить его от царских чиновников, состав временных мировых судей, в большинстве своем, состоял из бывших земских участковых начальников, присяжных поверенных, городских судей и др., т.к. согласно постановлению от 4 мая 1917 г. должности уездного члена суда и городского судьи упразднены (ст. IX) [15, с. 1]. Ликвидация института земских начальников, уездных членов и городских судей демонстрировало возобновление разделения судебных и административных функций органов (уездные комиссары Временного правительства были наделены административными обязанностями, мировые судьи или, в нашем случае, временные мировые судьи – судебными), что еще раз подтверждало политику возврата Временного правительства к Судебным уставам 1864 г., которую оно провозгласило, придя к власти в марте 1917 г.

Еще одной стороной изменений, которые были осуществлены в Псковской губернии, это связь преобразования земского и городского самоуправлений и волостных судов. Как известно, Временное правительство в ходе реализации своей внутренней политики взяло курс на демократизацию местного самоуправления. 21 мая 1917 г. правительством было издано постановление «О волостном земском управлении» и «Временное положение о волостном земском управлении» [17, с. 1-2], по которому были упразднены «...волостные сходы и волостные правления, должности волостных старшин и их помощников, заседателей волостных правлений

и волостных писарей, волостных попечителей по презрению семейств солдат и матросов, а также и волостные продовольственные комитеты...» (ст. VII) [17, с. 1], что свидетельствовало о прекращении функционирования волостного суда.

В целом, судебная система Псковской губернии на протяжении одного из судьбоносного для Российского государства года претерпела некоторые изменения, однако полной ее трансформации не последовало. Оценивая преобразования как царского, так и Временного правительства на начало XX в., можно сделать выводы, что наиболее ощутимые и существенные из них приходились именно на 1917 г. Несомненно, смена правительства и его курс изменений не мог не затронуть одну из важнейших систем в государственном управлении как судебную. Следует отметить, что характер внесенных изменений на разных уровнях судебной системы различен, если наиболее ощутимые попытки преобразований были предприняты в подсистеме местного суда – мирового, который был заменен неким переходным элементом системы – временным мировым судом, то общие судебные установления подверглись несколько именным преобразованиям – расширение функций окружного суда путем включения новых структурных элементов (регистрационный отдел, административное отделение). Отсюда становится видно, что необходимость реорганизации судебной системы Псковской губернии была скорее продиктована перестановками во властных структурах, нежели несостоятельностью самой системы.

Источники и литература

1. Абдулин, Р.С. Формирование и развитие судебного управления в России с 1917 до середины 1990 годов: монография / Р.С. Абдулин. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2013. – 282 с.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1405. Оп. 511. Д. 68.
3. Постановление Временного правительства «О подсудности дел суду присяжных заседателей» от 30 марта 1917 года // Вестник права. – 1917. – № 18.
4. Постановление Временного правительства «О кооперативных товариществах и их союзов» от 20 марта 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. – 1917. – Отдел 1. – № 72.
5. Служебные перемены // Псковские губернские ведомости. – 1917. – № 18 (6 мая).
6. РГИА. – Ф. 1405. Оп. 513. Д. 1146.
7. Государственный архив Псковской области (ГАПО) – Ф. 624. Оп. 1. Д. 107.
8. Положение «О судах по административным делам» от 30 мая 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. – 1917. – Отдел 1. – № 122.
9. РГИА. – Ф. 1405. Оп. 513. Д. 1146.
10. ГАПО. – Ф. 624. Оп. 1. Д. 93.
11. Служебные перемены // Псковские губернские ведомости. – 1917. – № 24 (17 июня).
12. РГИА. – Ф. 1405. Оп. 545. Д. 18540.
13. РГИА. – Ф. 1405. Оп. 543. Д. 1025.
14. РГИА. – Ф. 1405. Оп. 513. Д. 1146.
15. Постановление Временного правительства «О временном устройстве местного суда» от 4 мая 1917 г. // Вестник Временного правительства. – 1917. – № 51 (97) (9 (22) мая).
16. ГАПО. – Ф. 78. Оп. 11. Д. 1.
17. Постановление Временного правительства «О волостном земском управлении» от 21 мая 1917 г. // Вестник Временного правительства. – 1917. – № 62 (108) (25 мая (7 июня)).

1918 ГОД. БОРЬБА С ГОЛОДОМ В СЕБЕЖСКОМ УЕЗДЕ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО ДОКУМЕНТАМ ОТДЕЛЕНИЯ ГКУ ПО «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ» В Г. ВЕЛИКИЕ ЛУКИ)

Г.Т. Трофимова

*Великие Луки, Великолукская государственная академия физической культуры
и спорта*

Современный Себежский район Псковской области до очередного территориального деления 1924 г. в СССР входил в состав Витебской губернии бывшей Российской империи. С образованием Великолукской области 22 августа 1944 г. и организацией Государственного архива Великолукской области с его последующими реорганизациями [1, с.144 – 145] документы бывшего Себежского уезда 20-х годов прошлого столетия были переданы в Великие Луки. В настоящее время в Отделении ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области в г. Великие Луки» хранятся два уникальных фонда, где находятся документы Себежского уездного совдепа 1917-1924 гг. и Себежской таможни.

Данная статья посвящается некоторым страницам истории тех далёких трагических дней, которые выпали на долю себежан.

Самый ужасный год в России, – писал Михаил Булгаков, – 1918. Такими же ужасными были дни этого года и для жителей Себежского уезда, который в то время входил в состав Витебской губернии. С конца февраля – начала марта 1918 г. уезд оказался в зоне боевых действий. Окопы и проволочные заграждения разделили уезд на две части: советскую и часть, оккупированную кайзеровскими войсками после срыва Брестского мира. Фронт и тыл разделила демаркационная линия. В уезде было объявлено военное положение [2, л. 237]. До ноября 1918 г. население уезда находилось под угрозой продвижения кайзеровских войск на советскую территорию. Продолжающаяся война на германском фронте, декреты советской власти о национализации, продовольственной развёрстке, политике военного коммунизма привели к полному развалу экономики. Население Себежского уезда оказалось между двух огней: с одной стороны, демаркационная линия, которая прошла по крестьянским полям окопами, проволочными заграждениями, с другой – тяжелейшая угроза голода. Бедняки оказались вообще без какого-либо продовольствия, а у середняка оставленное для посева зерно было изъято. Особенно страдала деревня. Себежские крестьяне теперь уже не могли прокормить не только огромную массу беженцев, возвращающихся по домам солдат старой царской армии и военнопленных, скапливающихся на ст. Себеж, красноармейские части и партизанские отряды, но и самих себя. Голод стал тяжелейшей угрозой жизни сотен и сотен жителей уезда, угрозой и существованию новой власти. В Себеже и уезде расцвела контрабанда хлебом; продукты и товары первой необходимости заполонили чёрного рынка.

«Продовольственный вопрос в Себежском уезде находится в самом критическом положении», – отмечалось в протоколе заседания Себежского уисполкома 21 января 1918 г. [3, л.1-1об.]. На одном из заседаний уисполкома отмечалось, «...что Себеж является пограничным пунктом... На станции Себеж ежедневно находится тысячная толпа голодных военнопленных и беженцев, а потому...необходимо устроить при ст. Себеж питательный пункт и просить губернскую продовольственную управу при разверстке продовольствия на уезды выделять таковое и на беженский продовольственный пункт...» [4, л. 61]. На протяжении всего 1918 г. продовольственная проблема поднималась практически на каждом заседании уездного совдепа. Вот заявление председателя продовольственной секции К. Никоненка: «Продо-

вольственный вопрос у нас самый животрепещущий, от которого зависит и наше будущее, и наша революция. Для нашей Витебской губернии продовольственный вопрос с каждым днём обостряется...В нашем Себежском уезде своего хлеба очень мало, да и те скудные запасы поедаются красноармейскими частями и пограничной охраной» [5, л.127-127 об.]. Осознавая сложность создавшейся ситуации, 28 января 1918 г. на очередном заседании Себежского уездного съезда совдепа отмечалось, что продовольственный вопрос в уезде «находится в самом критическом положении, и что если не принять решительных мер к заботе о продовольствии, то голодная смерть неизбежна в скором времени» [6, л. 1-1 об.].

Выступающие на съезде делегаты предлагали принять самые решительные меры по борьбе с надвигающейся угрозой голода в уезде: учесть весь хлеб и картофель, который ещё оставался в крестьянских хозяйствах и разделить его среди нуждающихся; направить в Губернскую продовольственную секцию представителя от уезда и потребовать справедливой разверстки на продовольствие и хлеб; просить волостные советы взять от каждого едока...по 2 фунта хлеба в месяц, кто имеет таковой, с расчётом, чтобы один фунт хлеба оставался в волости для неимущего населения, а другой вносить в уездную продовольственную секцию для неимущего населения города; отменить монополию на хлеб и предоставить право свободной торговли хлебом и продовольствием. Обсуждался вопрос и о доставке хлеба с юга [7, л. 2-2об.]. Продовольственная проблема осложнялась ещё топливным кризисом и безработицей среди возвращавшихся с германского фронта солдат [8, л. 31об.]. Почуев лёгкую добычу, в уезд устремились разного рода аферисты, предлагавшие «вагоны» хлеба и продовольствия, что заставило уисполком обратиться к населению волостей «...с воззванием не верить шантажистам и всяким тёмным лицам, шатающимся в пределах волости, арестовывать и передавать в руки власти» [9, л. 59-59об.].

К весне 1918 г. в уезде на борьбу с голодом были использованы и семена. Засеять поля было нечем. На просьбы, обращенные к властям на всех уровнях, себежане получали один ответ: «Хлеба нет, изыскивайте его своими силами».

Получив в очередной раз отказ от всех вышестоящих организаций о помощи, себежани решили самостоятельно закупать хлеб в других губерниях. С этой целью члены Себежского уездного исполнительного комитета тт. Трусов, Загачин и Шмарыго были командированы в Витебский губернский продовольственный отдел, чтобы выяснить, где это можно сделать. Естественно, губернский продовольственный отдел ничем не смог помочь нуждающимся в хлебе землякам. Южные районы республики, в которые себежанам были выделены наряды на получение семенного зерна, были охвачены Гражданской войной и бесчинствующими бандами, и тогда члены Себежского уисполкома получили совет направиться в Сибирь, богатую хлебом, и закупить его там. С этого момента начинается невероятная сибирская одиссея наших земляков, которая представлена в уникальных архивных документах, к счастью, сохранившихся до нашего времени. В трёх документах, которые недавно введены нами в научный оборот, описывается вся трагическая и героическая командировка себежских членов уездного исполкома.

Получив информацию о возможности закупить хлеб в Сибири, 13 марта 1918 г. себежане письменно извещают об этом руководство уезда. Приведём полностью содержания письма (при цитировании сохраняем стиль документа): «Товарищи! После долгих мытарств в губернском продовольственном отделе мы, наконец, получили нужные документы и завтра уезжаем в далёкую Сибирь, в Тобольск. По приезде в Витебск, когда выяснилось, что в отдалённые губернии ехать нельзя, т.к. немецко-украинские банды обложили Харьков, перед нами, как перед

всеми голодающими местностями Великоруссии, предстал вопрос: «Что делать?» Мы после немногих размышлений решили ехать хоть на край света, но лишь бы не с пустыми руками. Из бесед с ответственными руководителями губернского продовольственного отдела выяснили, что надежда всей советской республики – это Сибирь и преимущественно отдалённые её губернии Тобольск, Енисейск и др. В Тобольске согласно полученной телеграммы из Комиссариата продовольствия имеется для Витебской губернии 150 вагонов зернового хлеба. Вот почему, невзирая на дальность и трудность пути, мы все же едем туда. Всё то количество хлеба, которое нам удастся закупить там для Витебска, попадет и нам. Тов. Трусов получил от тов. Гуленко 49750 руб., что вместе с имевшимися деньгами составляет сумму в 89750 руб. Если по прибытии в Тобольск денег недостаточно, чтобы вывести весь хлеб, который сможет нам принадлежать, мы срочно телеграфируем и сообщим вам об этом, и мы надеемся, что сейчас же вышлите людей с деньгами к нам. Всё, зависящее от нас, безусловно, сделаем, чтобы успешно завершить нашу поездку. Вам же придётся принять самые решительные меры, чтобы весь хлеб, который будет нами вывезен, доставили бы вам. Мы видели случаи, когда из 10 вагонов, привезённых на ст. Витебск действительно хозяевами его, губернский продовольственный отдел уступает лишь 2 вагона. По нашим скромным подсчётам хлеб или зерно его, который нам удастся вывести из Тобольска, попадёт в Себеж не раньше 15 марта. В надежде на то, что семена безусловно будут получены, обратитесь к той части крестьянства, которой нечем засеять свои поля, с просьбой приготовить их для принятия зерна» [10, л. 176]. Одновременно с письмом депутатам Себежского уисполкома Л. Трусов и Н. Загачин направляют обращение к себежским крестьянам, которое уездные власти должны были опубликовать в местной газете «Себежские ведомости». В обращении писалось: «Товарищи крестьяне! Мы уезжаем в далёкую Сибирь, чтобы достать для нашего голодающего Себежского уезда семена и хлеб, обращаемся к вам с горячим призывом: Не падайте духом! Мы, ваши братья, не жалея сил, уезжаем за много тысяч вёрст от родного своего угла, чтобы только привести вам, своим братьям, хлеб и семена. Мы бросились в ближайшие губернии, как Харьковская, Полтавская, но проклятый враг наш, немецкий и украинский буржуй, перегородил нам дорогу. Измученные, голодные, но мы не падаем духом, едем в Сибирь, где ещё всего много, хлеба, ржи, ячменя, овса. Если враги нам не помешают, из одной Тобольской губернии мы сможем вывести 150 вагонов разного хлеба. Вам придется, быть может, засеять поля наименее обыкновенного. Но в этом горя мало. Лучше, чем всегда, вспашите и не тяните с обработкой, пока семена прибудут. Пусть семена застанут уже готовые поля. Не верьте злой молве, распространяемой врагами, что о ваших нуждах забыли, что о вас не думают. Верьте, товарищи, что [все силы] отдадим мы на то, чтобы сделать вас довольными. Наш вековой враг не дремлет. Со всех сторон лезут к нам звериные лапы, чтобы ущемить нас, раздавить, а для этого не брезгуют и обманом. Везде слышны злые шипения, что вот теперь голодаете. Не верьте никому, знайте, что всякий говорящий так, ваш заклятый враг, которому нет пощады. Пережить только эти несколько тяжёлых месяцев, лучше всегдашнего вспахать и засеять поля и нивы, а там никто не будет нам страшен. Никто не посмеет посягнуть на завоёванную нами свободу!» [11, л. 177-178]. Под этим документом стоят две подписи: Леон Трусов и Николай Загачин, но в Сибирь по неизвестным нам причинам Загачин не поехал, вместо него Витебский продовольственный отдел посылает своего товарища Пчельникова.

К сожалению, к весеннему севу ни в Себеже, ни в Витебске сибирского зерна и хлеба не получили. В начале августа 1918 г. домой вернулся один Леон Трусов,

которому пришлось выступить с подробнейшим докладом о результатах этой весьма рискованной авантюры. В архиве г. Великие Луки хранится протокол заседания Себежского уездного исполнительного комитета рабочих, крестьянских, красноармейских и батрацких депутатов, на котором было заслушано сообщение т. Л. Трусова о том, что пришлось пережить нашим землякам в той далекой поездке. Эта протокольная запись настолько интересна, что передадим ход происходящих событий в хронологической последовательности.

Итак, себежанам и представителю Витебского губернского исполкома не удалось добраться до Тобольска, т.к. там уже хозяйничали колчаковцы. Доехали они только до Омска, который встретил посланцев далекой Витебской губернии весьма неприветливо. Сибирский краевой Совдеп отказался отпускать хлеб по удостоверениям Себежского уездного совдепа, т.к. последний не был включен в плановый наряд. Хлеб стали добывать неофициальным путём. О такой возможности себежанам сообщил представитель Тверского губкома. Их человек согласился помочь через известных ему лиц, за что потребовал 15000 руб. В ожидании нарядов себежане прожили в Омске несколько дней, а затем выехали на ст. Ново-Николаевскую, где должны были встретиться с агентами по продаже и отгрузке хлеба, а окончательный расчёт должен был произведен в Омске. Но агенты, которые обещали провозвести отгрузку хлеба, так и не появились на станции. Вместо них явился новый агент, который пообещал отгрузить хлеб 10 мая, но и он вскоре исчез. Себежане оказались жертвами аферистов. Им не оставалось ничего кроме, как вновь вернуться в Омск и потребовать от так называемого «помощника» свои 15000 руб. Но и тут они ничего не добились и решили обратиться в Тверской губком с требованием привлечь к ответственности всех, кто был причастен к этой афере. Но пока тянулось это дело, и Омск оказался в руках колчаковцев. Начались обыски и аресты. У всех так называемых командированных изымали документы. Чтобы спасти свои деньги, Трусов спрятал их в обшивку стула, который находился в комнате, где остановились горе командированные из далёкого Себежа. Сами же себежане были арестованы и доставлены в здание Омского кадетского корпуса, где их передали в руки пьяного казацкого есаула. На вопрос: «Кто они такие?» – себежане ответили: «Простые крестьяне». Есаул, сам из крестьян, отпустил наших горемык. Вернувшись на квартиру, где останавливались, они достали свои деньги, уничтожили советские документы и подали объявление в газету о том, что их документы пропали. Таков был порядок. Только после опубликования в газете Трусов и Шмарыго получили новые паспортные книжки и покинули Омск. Во избежание лишних неприятностей они перебрались в деревню, где закупили и отгрузили 16 вагонов хлеба от имени какой-то большой организации для западных губерний. Сопровождать закупленный хлеб остался Шмарыго. Выехать сразу он не смог, т.к. надо было ждать, когда откроется граница на Запад. Но был ли доставлен хлеб в Себеж, неизвестно. Архив не располагает подтверждающими этот факт документами. Трусов же 25 июля 1918 г. вновь возвращается в Омск, откуда выезжает на родину. Судьба третьего члена этой группы оказалась трагической. Тов. Пчельников, депутат Витебского совдепа, был арестован за революционную пропаганду против белогвардейцев Колчака и предан суду. Скорее всего, суд приговорил его к смертной казни. В докладе Трусова об этом ничего не говорится, т.к. себежанам не было известно решение суда.

На заседании Себежского уисполкома, которое состоялось 10 августа 1918 года, доклад т. Трусова был заслушан с большим вниманием. Депутаты приняли решение оплатить Трусову все расходы, которые он понес, а сам докладчик обратился с заявлением «о сложении с себя полномочий члена Исполкома» [12, л. 117-117об.], что и было принято. Причины такого шага докладчик не объяснял, но скорее

всего это было связано или с теми переживаниями и трудностями, которые пришлось ему перенести в столь далёком и рискованном путешествии, или с тем, что себежские крестьяне так и не дождались обещанного для посева зерна, что подрывало авторитет новой власти в глазах местного населения. Как бы то ни было, Первая мировая война подходила к концу. В один прекрасный день себежские пограничники и командование красноармейских частей в районе демаркационной линии обнаружили, что противник в полной тишине, скрытно покинул линию фронта, оставив после себя вконец разоренную территорию. На очередном заседании Себежского уисполкома рабочих, крестьянский, солдатских и батрацких депутатов было объявлено, что 15 ноября 1918 г. с 12 часов дня в Себеже и Себежском уезде снимается военное положение [13, л. 142], но «продовольственный вопрос – вопрос самый жгучий и самый трудный остается и необходимо все имеющиеся силы бросить на это дело» [14, л. 121]. В связи с этим в уезде вводится монополия на хлеб, предпринимаются самые крайние меры против кулаков. Вводится учёт всего оставшегося в уезде хлеба и распределение его между всеми, не эксплуатирующими чужой труд. Большие надежды на преодоление голода на селе возлагаются на комитеты деревенской бедноты. Неимоверными усилиями всех сторон, заинтересованных в преодолении продовольственного кризиса в Витебской губернии и её уездах, к 1921 г. голод отступает, продовольственная проблем несколько смягчается.

Источники и литература

1. Псковская энциклопедия. – Псков, 2007. – С. 144-145.
2. Отделение ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области» в г. Великие Луки (ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки). Ф. Р. -111. Декреты Совета народных комиссаров, циркуляры, инструкции Витебского губисполкома, постановления и резолюции 2-го съезда и переписка с ним. 11 января 1918 г. – 17 января 1918 г. Оп. 1. Д. 1 Л. 237
3. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки. Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-1об.
4. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 5. Л. 61.
5. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 5. Л. 127-127об.
6. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-1об.
7. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 8. Л. 2-2об.
8. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 8. Л. 31об.
9. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. 1. Д. 8. Л. 59-59об.
10. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. Ф. Р. – 111. Оп. 1. Д.1 Л. 176.
11. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. Ф. Р. – 111. Оп. 1. Д. 1. Л. 177 – 178.
12. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. Ф. Р. – 111. Оп. 1. Д. 5. Л. 117-117об.
13. ОГКУ ПО ГАПО в г. Великие Луки Ф. Р.-111. Оп. Ф. Р. – 111. Оп. 1. Д. 5. Л. 142.

ПРАФСАЮЗЫ ВІЦЕБСКА Ў РЭВАЛЮЦЫІ 1917-ГА

В.У. Акуневіч

Віцебск, УА ФПБ «Міжнародны ўніверсітэт “МІТСО”», Віцебскі філіял

Лютаяўская буржуазна-дэмакратычная рэвалюцыя, якая адбылася ва ўмовах усегульнага крызісу і першай сусветнай вайны аказалася няздольнай вырашыць наспеўшыя сацыяльна-эканамічныя, палітычныя і нацыянальныя праблемы. Наадварот, пагаршалася становішча з харчаваннем, раслі цэны на жыццёва неабходныя прадукты, узмацнялася разруха на транспарце, у прамысловасці і сельскай гаспадарцы. Фабрыканты і заводчыкі намагаліся пераадолець крызіс за кошт рабочых. На фабрыках табачнай Калбаноўскіх і “Дзвіна”, сапожных майстэрнях і іншых прадпры-

емствах працяглась рабочага дня была 11-12 гадзін і больш. А рабочыя шчацінна-шчотачнай фабрыкі купца Сабалевіча ўвогуле не мелі нарміраванага рабочага дня. Жажлівымі былі ўмовы працырабочых, асабліва ў пральных і фарбавальных май-стэрнях, дзе рабочыя працавалі ў паўпадвальных памяшканнях без вентыляцыі, з выкарыстаннем хімічных рэчываў, у антысанітарных умовах. Нярэдка прымяняла-ся праца жанчын і дзяцей. Заработная плата не паспявала за ростам дарагоўлі на прадукты харчавання і асноўныя прадметы спажывання [4, 16 июня]. Такім чынам становішча рабочых не толькі не змянілася ў параўнанні з дарэвалюцыйным перыя-дам, а нават пагоршылася ва ўмовах крызісу.

Працоўныя чакалі, што Часовы ўрад вырашыць пытанні аб устанаўленні 8-гадзіннага рабочага дня, паляпшэння ўмоў працы і павышэння заробтнай пла-ты. Аднак ён нічога не прадпрымаў для паляпшэння становішча рабочых, адмаўляўся уводзіць 8-гадзінны рабочы дзень, падтрымліваў прыватных уладальнікаў, падаўляў усялякія спробы рабочых змагацца за свае правы.

Ва ўмовах фактычна ўстанавіўшыхся ў краіне дэмакратычных свабод прафесійныя саюзы становіліся рэальнай сілай абароны правоў рабочых. У сакавіку-красавіку былі створаны прафсаюзы рабочых шчаціннікаў і шчотачнікаў, будаўнічых рабочых, рабочых па апрацоўцы скур, трамвайных рабочых, металістаў, хатняй і рэста-раннай прыслугі, фабрыкі “Дзвіна”, ігольнага цэха, цырульнікаў, гандлёва-прамысловых служачых, рабочых і развозчыкаў піўных і мінеральных вод, фармацэўтаў, ніжэйшых служачых урадавых, грамадскіх і прыватных устаноў, служачых губернскіх земстваў. Аднавіў сваю работу адзін са старэйшых прафсаюзаў (дзейнічаў з 1906 г.) работнікаў друкарскай справы [4, 31 мая]. Як бачна прафсаюзы ствараліся па вузкапрафесіянальнаму прынцыпу, былі колькасна невялікімі, ад некалькіх дзесяткаў да некалькіх соцён чалавек, аб’ядноўвалі ад чвэрці да паловы пра-цуючых у галіне. У чэрвені 1917 г. па сведчанні віцебскага павятовага камісара іх налічвалася 20 і аб’ядноўвалі яны больш 7 тыс. чалавек. Найбольш буйнымі былі прафсаюзы гандлёва-прамысловых служачых, 1300 членаў, хатняй і рэстараннай прыслугі – 1200, рабочых па апрацоўцы скур -1100 [1, 102; 2, 21 июня].

20 красавіка для каардынацыі дзейнасці асобных прафсаюзаў і прадстаўніцтва іх агульных інтарэсаў арганізацыяна аформілася Цэнтральнае Бюро прафсаюзаў Віцебска. На аб’яднаным пасяджэнні праўленняў усіх арганізаваных у Віцебску прафсаюзаў быў зацверджаны статут гэтага органа. Цэнтральнае Бюро узяло на сябе функцыі прадстаўляць агульныя, палітычныя і эканамічныя інтарэсы прафсаюзаў перад грамадскімі і заканадаўчымі ўстановамі. Як установа, якая валодала правамі юрыдычнай асобы, ЦБ магло аб’яўляць аб па-чатку і завяршэнні забастовак, арганізоўваць стачачны фонд, фонд на выпадак беспрацоўя, кааператывы, крэдытныя і спажывецкія таварыствы і г.д. Яго фінансавыя сродкі складаліся з 10% адлічэнняў ад уступных членскіх узносаў, чыстага даходу ад прадпрыемстваў асобных прафсаюзаў, ахвяраванняў [4, 25 мая]. У склад Цэнтральнага бюро ўвайшло па 2 прадстаўнікі ад праўленняў прафсаюзаў, а таксама 3 прадстаўнікі ад Выканкома Савета Рабочых Дэпутатаў і па 1 прадстаўніку ад сацыялістычных партый [4, 20 мая]. Такі прынцып фарміравання Цэнтральнага бюро выявіў адзінства рабочага і рэвалюцыйнага ру-ху, сувязь рэвалюцыйных партый з прафсаюзным рухам.

25 красавіка адбылося першае пасяджэнне Цэнтральнага бюро, на якім быў выбраны прэзідыўм. Старшынёй стаў Г.Я. Арансан, прыкметная асоба ў рэвалю-цыйным Віцебску, які адначасова ўзначальваў Віцебскі Савет рабочых дэпутатаў і арганізацыю Бунда. Цэнтральнае Бюро размяшчалася па Вакзальнай вуліцы.

Стварэнне агульнагарадскога кіруючага органа актывізавала дзейнасць галіновых прафсаюзаў. Ствараліся бальнічныя касы, абмяркоўваліся праекты страхавання рабочых ад беспрацоўя, сацыяльна-эканамічнае становішча ў горадзе, ішоў пошук шляхоў вырашэння наспеўшых праблем. Так, 20 красавіка і 4 мая адбыліся на-рады праўленняў прафсаюзаў, Выканаўчага камітэта Савета рабочых дэпутатаў, прадстаўнікоў Савета салдацкіх дэпутатаў і дэлегатаў сацыялістычных партый, прысвечаныя формам эканамічнай барацьбы ў Віцебску. На іх было прызнана цяжкае становішча рабочых, выкліканае вайной і разрухай, выпрацаваны меры барацьбы з беспрацоўем: увядзенне 8-гадзіннага рабочага дня, арганізацыя грамадскіх работ, забеспячэнне харчаваннем беспрацоўных, арганізацыя бірж працы [4, 20 мая].

Прафсаюзы фарміравалі і прад'яўлялі канкрэтныя патрабаванні да ўладальнікаў прадпрыемстваў. Сярод якіх: устанаўленне 8-гадзіннага рабочага дня, стварэнне спрыяльных умоў працы, павышэнне заробтнай платы, недапушчэнне звышурочных работ і прыёму на работу асоб маладзей 16 год, штотыднёвая аплата працы. Актыўны пазіцыя прафсаюзаў спрыяла таму, што гэтыя патрабаванні часта задавальняліся мірным шляхам, як гэта было на фармацэўтычных і шчотачных прадпрыемствах, у парыкмахерскіх і булачных [4, 26, 31 мая].

Аднак не заўсёды мірным шляхам удавалася дабіцца сваіх патрабаванняў рабочым. У чэрвені адбыліся стачкі панчошніц і краўцоў прафсаюза ігольнага цэха [4, 7 июня]. Для дапамогі бастуючым Цэнтральнае Бюро выдзеліла 300 руб., бо ў панчошніц адсутнічалі сродкі каб працягваць забастоўку. А вось двухтыднёвая забастоўка краўцоў завяршылася поўнай перамогай.

Нарастанне стачачнай барацьбы, процістаянне пад час забастовак прыносілі страты абодвум бакам, таму прафсаюзы, якія кіраваліся сацыял-дэмакратычнымі партыямі, шукалі мірных шляхоў вырашэння складаных праблем сацыяльных адносін. 3 мая 1917 г. у Віцебску адбылося аб'яднанае пасяджэнне праўленняў прафесійных саюзаў, на якім пасля абмеркавання быў прыняты праект заснавання прымірыцельных камер для вырашэння канфліктаў, якія ўзнікалі паміж рабочымі і прадпрымальнікамі. Аналагічныя прымірыцельныя камеры былі створаны і ў іншых гарадах Віцебскай губерні.

Цэнтральнае Бюро прафсаюзаў распрацавала статут прымірыцельных камер, які быў зацверджаны агульным сходам праўленняў усіх саюзаў. Згодна са статутам прымірыцельныя камеры ствараліся пры прафсаюзах і іх секцыях, пры буйных прамысловых прадпрыемствах для садзейнічання рабочым і прадпрымальнікам у вырашэнні канфлікта шляхам узаемнага пагаднення. Іх рашэнне было абавязковым для спрачаючыхся бакоў. У склад гэтых камер павінна было ўваходзіць не менш чым па 2 прадстаўнікі ад рабочых і гаспадароў. Для выпрацоўкі пагаднення агульнага характару паміж прадпрымальнікамі і рабочымі Віцебска, для вырашэння асабліва складаных спрэчак, якія не маглі вырашыць заводскія прымірыцельныя камеры, стваралася Цэнтральная прымірыцельная камера [4, 26 мая].

На пасяджэнні Цэнтральнага Бюро прафсаюзаў Віцебска 17 мая былі праведзены выбары ад рабочых у Цэнтральную прымірыцельную камеру. Былі выбраны 4 члены і 4 кандыдаты: Рыўкін, Х. Селюцін, З. Гурэвіч, Шумелішскі, Діпольт, Б.Х. Гінзбург, Ваўчок і Бароўскі [4, 20 мая].

На 15 чэрвеня прымірыцельныя камеры былі адкрыты пры наступных прадпрыемствах і прафсаюзах: фабрыцы “Дзвіна”, акцыянернае таварыства “Віцебскі трамвай”, саюзе ігольнага цэха, гандлёва-прамысловых служачых, металістаў, хатняй і рэстараннай прыслугі. Так пачалі стварацца органы для разбору працоўных канфліктаў і спрэчак.

Аднак, калі ў красавіку-маі 1917 г. рабочы рух яшчэ не насіў масавага характару, забастоўкі адбываліся толькі на асобных прадпрыемствах, то ў чэрвені-ліпені стачачны рух набыў масавы характар. Патрабаванні рабочых насілі пераважна эканамічны характар.

5 чэрвеня прафсаюз “Ігла” прыняў рашэнне арганізаваць забастоўку на фабрыцы Мастоўіча і Фінкельштэйна, а таксама стачку шапачнікаў [4, 10 июня]. Да 16 чэрвеня патрабаванні краўцоў фабрыкі Мастоўіча былі задаволены, акрамя аплаты за дні забастоўкі. А патрабаванні шапачнікоў былі задаволены поўнасьцю [4, 16 июня]. 13 чэрвеня была аб’яўлена забастоўка ва ўсіх абутковых майстэрнях горада з патрабаваннямі павышэння заробтнай платы [4, 15 июня]. З 16 па 22 чэрвеня адбылася паўторная забастоўка прачачнікаў і фарбавальшчыкаў, бо патрабаванні першай забастоўкі былі задаволены толькі на паперы. Становішча іх было непараўнальна цяжкім. Працавалі ў падвальных памяшканнях, дзе адсутнічала вентыляцыя, з высокай вільготнасцю і насычанасцю шкоднымі парамі фарбаў і хімікатаў. Гэта ніяк не ўлічвалася пры аплаце працы. Яна наадварот была адной з нізкіх у горадзе. Прафсаюз сфарміраваў цэлы пакет патрабаванняў: павышэнне зарплат, устанаўленне 8-гадзіннага рабочага дня, звальненне рабочых толькі са згоды саюза, аплата прастояў, святочных дзён і дзён забастоўкі [4, 7 июня].

З аналагічнымі патрабаваннямі баставалі рабочыя табачнай фабрыкі Калбаноўскага [4, 17 июня], рабочыя і служачыя “Віцебскага трамвая” [4, 26 июня], пераплётчыкі [4, 29 июня], прафсаюз шчаціннікаў і шчотачнікаў [4, 20 июня], рабочыя фабрык “Энергас” і “Дзвіна”, шчацінна-шчотачных майстэрняў, рабочыя гарадскога вадаправода [5, 12 июля], рабочыя параходства Гіндзіна і г.д. На працягу месяца баставалі работнікі хатняй і рэстараннай прыслугі, шчаціннікаў фабрыках Сабалевіча і Трубека [5, 13 июля]. Усяго за два летнія месяцы, чэрвень-ліпень, забастоўкі прайшлі, па няпоўных дадзеных, больш чым на 20 прадпрыемствах горада, а на некаторых з іх двойчы. Не спыніліся забастоўкі і ў канцы лета – восенню 1917 г.

У сувязі з узмацніўшайся эканамічнай барацьбой у горадзе 5 ліпеня адбылася канферэнцыя прафсаюзаў, якая абмеркавала склаўшаеся становішча. Пры некаторых адрозненнях патрабаванняў бастуючых, усе яны мелі адно агульнае – павышэнне заробтнай платы, ад 30% да 80% [5, 6 июля]. А павышэнне зарплаты цягнула за сабой рост цэн, падхлэставала інфляцыю, якая і так раскручвалася ва ўмовах эканамічнага крызісу. Так, патрабаванні рабочых і служачых акцыянерных таварыстваў “Віцебскага трамвая” і вадаправода павышэння заробтнай платы адразу паставілі пытанне перад гарадской Думай пытанне аб павышэнні тарыфаў на электрычнасць, водазабеспячэнне і праезд у трамваі. На што Дума не жадала ісці [1, 203]. Рост цэнзводзіў на ніштозаваяванае ваўпартай і цяжкай стачачнай барацьбе.

Не апраўдалі надзей на вырашэнне працоўных спрэчак паміж прадпрымальнікамі і рабочымі прымірыцельныя камеры. Пры такіх накале і колькасці канфліктаў летам 1917 г. вядомы толькі два выпадкі ўдзелу прымірыцельных камер у вырашэнні працоўных спрэчак. Гэта ўдзел прымірыцельнай камеры пры прафсаюзе металістаў у вырашэнні канфлікта паміж рабочымі завода Грынберга і яго ўладальнікам, а таксама дзейнасць Цэнтральнай прымірыцельнай камеры па ўладжванню канфлікта паміж рабочымі і адміністрацыяй акцыянернага таварыства “Віцебскі трамвай” у ліпені 1917 г. [3, 17; 5, 1 августа]. Думаецца, што адсутнасць прававой базы, культуры працоўных спрэчак, умовы рэвалюцыі не дазволілі новай і арыгінальнай форме сацыяльнага партнёрства рэалізавацца ў поўнай меры.

У ходе стачачнай барацьбы рабочыя пераходзілі да ўстанаўлення кантролю над прадпрыемствамі. Так, у ліпені на заводзе сельскагаспадарчых прылад А.Берліна быў выбраны заводскі камітэт. Рабочыя завода поўнасьцю падпарадкаваліся рашэнням заводскага камітэта і перадавалі яму ўсе скаргі і заявы. Без рашэння камітэта адміністрацыя завода не мела права наймаць і звальняць работнікаў [5, 30 июля].

Фабрычны камітэт фабрыкі “Дзвіна”, дзе працавала 1400 чалавек, устанавіў кантроль над адміністрацыяй па пытанні працы дзяцей [5, 5 августа].

У канцы ліпеня 1917 г. адбыліся змены ў кіруючым органе прафсаюзаў Віцебска. Цэнтральнае Бюро было перайменавана ў Цэнтральны Савет. Стары прэзідыўм адмовіўся працаваць і адкрытым галасаваннем выбраны новы яго склад. Старшынёй застаўся Г.Я. Арансан, сакратаром Э.Цэтлін [5, 2 августа].

Рэвалюцыйныя падзеі кастрычніка 1917 г. змянілі растаноўку палітычных сіл у прафсаюзах. Лідэры сацыялістычных партый адмоўна ўспрынялі Кастрычніцкую рэвалюцыю ў Петраградзе. Таму пасля ўзяцця большавікамі ўлады ў Віцебску адбыліся перавыбары як Саветаў, так і прафсаюзаў. У выніку палітычную перавагу ў прафсаюзах атрымалі большавікі.

Крыніцы і літаратура

1. Документы и материалы по истории Белоруссии / Ин-т истории АН БССР; под ред. В. Н. Перцев. – Минск : АН БССР, 1954. -Т.IV. – 515 с.
2. Витебский листок. – 1917.
3. Профсоюзное движение на Витебщине: история, опыт, уроки / ред., И.В. Мандрик, В.Г. Стаценко, В.М. Шорец. – Витебск, 2000. – 102 с.
4. Известий Витебского Совета солдатских и рабочих депутатов.– 1917.
5. Известия Витебских Советов Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов.– 1917.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКИХ БОЁВ 1917 ГОДА (ПО ДНЕВНИКАМ Ю.В. АРСЕНЬЕВА)

Н.К. Миско, А.И. Свинаренко

Москва, Исторический музей

В фонде 43 ОПИ ГИМ [1], среди прочих документов Арсеньевых – представителей древнейшего дворянского рода России – хранятся дневники Юрия Васильевича Арсеньева – историка, профессора Московского Археологического Института, специалиста по геральдике и генеалогии, действительного статского советника, участника Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг., который был хранителем Оружейной палаты с 1898 г. до своей смерти в феврале 1919 г. Дневники охватывают период с 1 января 1914 г. по 11 августа 1918 г. В нашем докладе мы рассмотрим, какой предстаёт повседневная жизнь кремлёвских обывателей в период октябрьских боёв в дневниках одного из непосредственных свидетелей этих событий. Временные рамки работы – канун октябрьского переворота в Петрограде (24 октября), заканчиваем же рассмотрение дневников первой неделей ноября, когда в Москве окончательно победили большевики и когда только-только начинается процесс осознания произошедшего и новой реальности, в которой теперь приходится существовать жителям Москвы. Все даты даются по старому стилю.

Будучи хранителем Оружейной палаты, Арсеньев занимал служебную квартиру в Кремле на Дворцовой улице, идущей вдоль западной стены Кремля, в одном из Ка-

валерских корпусов (не дошедших до наших дней). Благодаря скрупулезности, с которой автор записывал всё происходящее и услышанное им за день, в дневниках нашли отражение не только его личное отношение ко всему переживаемому и хронология событий, он также подробно описывает разрушения кремлёвских сооружений, тщательно записывает все слухи о происходившем в Москве и Петрограде, доходившие до обитателей Кремля. Кроме этого, по дневникам вырисовывается картина повседневной жизни гражданского населения Кремля в это непростое время.

С тех пор как в Петрограде победила революция и в Кремле обосновались солдаты 56-го полка, то есть с 26 октября, Кремль практически находился на осадном положении: туда почти никого не пускали и не выпускали, в том числе – жителей Кремля. Арсеньев записывает, что утром 26 октября с большим трудом удалось вернуться в Кремль гувернантке его дочери, которая ночевала у родных. Арсеньеву пришлось самому *«выйти к Троицким воротам и вести переговоры с грубыми солдатами, не впускавшими никого, не исключая даже и офицеров и членов судебных учреждений»*. 27 октября *«в Кремль и из Кремля впуск и выпуск были свободнее»*, а 30 октября в Кремль удалось проникнуть жене племянника Ю.В. Арсеньева, юнкера Василия – Ольге, попавшей туда будучи в одеянии сестры милосердия. Но 31 октября, в связи с усилением обстрелов Кремля, жителям было предписано не только не выходить из Кремля после 7 часов вечера, но и вообще не покидать свои дома. Трудности с проходом в Кремль продолжались и после окончания боёв и перехода Кремля в руки большевиков: сам Арсеньев смог выйти из Кремля только 6 ноября.

Первое время единственным средством связи были местные телефоны, так как почта не функционировала с 27 октября. В частности, Арсеньев упоминает, что за 28 октября, когда на смену большевикам пришли юнкера, в его доме побывало большое количество юнкеров и офицеров, которые пользовались его телефоном для связи с родственниками. Сам Арсеньев также получал информацию о происходившем от родных и друзей по телефону. Телефонная связь работала до вечера 31 октября, когда аппараты принудительно демонтировали по всему Кремлю, так как, по слухам, *«большевики завладели телефонной станцией и главным телеграфом на Мясницкой»* – записывает Арсеньев. Всё это время жители не могли посылать и получать любую корреспонденцию: Арсеньеву удалось послать письма родным лишь 6 ноября, когда он впервые смог выйти из Кремля, а все адресованные ему за полторы недели письма он начал получать 5 ноября, основная масса была получена лишь 7-го числа.

С вечера 28 октября Кремль пребывал практически в полной темноте, так как ради безопасности, в связи с начавшейся стрельбой из Замоскворечья, было решено погасить свет в окнах, выходивших на улицу, а также все газовые уличные фонари. На следующий день свет не включали *«по случаю недостатка нефти»*, а затем, как пишет Арсеньев 30 октября, уже по причине того, что *«электрическая станция в Кремлёвском саду – под обстрелом большевиков, и все стёкла выбиты»*. Всё это время Арсеньевы *«освещались тремя керосиновыми лампами»*. 31 октября было предписано *«завешивать все окна в домах, освещенные по вечерам»*. Электрическим освещением в Кремле не пользовались 8 дней – вплоть до 4 ноября.

С 27 октября прекратились регулярные службы в кремлёвских соборах, и таким образом жители были лишены посещения церковных служб. Лишь 5 ноября Арсеньев наконец попал на всенощную в подземном храме-подвале Чудова монастыря.

Что касается вопроса продуктового обеспечения Кремля, то никаких проблем, судя по дневникам Арсеньева, с этим не возникало. Очевидно, старых запасов было достаточно, другое дело – неизвестно было, сколько будет продолжаться такое

«осадное положение», и 1 ноября он записывает, что «в Кремле организуется снабжение жителей хлебом и другими продуктами, для чего составляются списки. Наши дворцовые подписаны князем Одоевским, и поступили на распоряжение интендантского полковника Мартынова – неизвестно ещё, когда начнётся эта раздача».

По-видимому, не было трудностей и с обеспечением провизией военных. 31 октября Арсеньев записывает, что «Всю ночь возили мясо в Кремль, реквизированное из складов Охотного ряда», а «Во 2-м часу прибыл в Кремль опять большой транспорт муки».

Самое ужасное и беспокойное время, пережитое обитателями Кремля – это дни обстрела Кремля большевиками. Редкие выстрелы в сторону Кремля начались ещё 29 октября, но самое страшное происходило начиная с середины дня 1 ноября и закончилось только утром 3-го. Жителям квартиры Арсеньева (в их числе – его дочь Линочка, её кузина Бабаха, их гувернантка Аманда Августовна и их прислуга) приходилось прятаться то в подвалах своего Кавалерского корпуса, то в квартире князя Одоевского-Маслова (главы Дворцового управления), которая была более безопасной.

Насколько тревожными были эти переживаемые дни, можно судить по тому, что события этих двух дней Арсеньев записывает в дневнике задним числом – только 3-го ноября вечером. Про первый день самых опасных обстрелов, 1 ноября, Арсеньев пишет, что, узнав о серьёзных повреждениях Кремлёвского дворца, понял, что нужно срочно бежать прятаться в нижние этажи Кавалерских корпусов: «Под грохот пальбы и щёлканья частых оружейных выстрелов, мы пробрались к подвалу: по пути была давка в коридорах, бежавших сюда служащих с их семьями. В подвале собралось нас всего 12 человек: кроме нас и нашей прислуги и семьи Архипа ещё какая-то женщина с грудным младенцем, захватили с собой и наших двух собачек. Просидели мы в подвале около 1 ½ часа, когда нас разыскал лакей Одоевских с их приглашением прийти к ним в квартиру, где казалось безопасно».

2 ноября, когда юнкерами и офицерами было принято решение оставить Кремль, «Во Дворцовых помещениях, при усилившейся стрельбе, началась настоящая паника между обывателями». Вскоре открылась возможность бежать из Кремля по специальным «паспортам», однако Арсеньев быстро понял, «что выход из Кремля теперь немыслим, так как, спасаясь от артиллерийского обстрела, неминуемо попадёшь под не смолкавший ружейный, и вообще нечего и думать уходить куда-либо из Кремля».

Днём, «около ½ 12», -записывает Арсеньев, «пальба достигла своего апогея... Грохот орудийных выстрелов стал ещё оглушительнее. Пробравшись с трудом через переполненные народом коридоры в наш подвал, мы пробыли в нём с ½ 12 почти до 3-х часов, после чего пошли к Одоевским...». Позже выяснилось, что Кавалерский корпус, в котором проживали Арсеньевы, был частично повреждён, и была немного задета их квартира. К вечеру 2 ноября юнкера и офицеры покинули Кремль, и с минуты на минуту ожидалось прибытие большевиков. Арсеньевы снова остались ночевать у Одоевских, так как обстрелы закончились только к утру 3-го числа, тогда же бесшумно проникли в Кремль большевики. С 3 ноября начинается другой этап жизни кремлёвских обитателей уже в новой, большевистской реальности.

Ещё одна важная часть аспекта повседневности в дневниках Ю.В. Арсеньева связана с упоминанием огромного количества слухов, которыми живёт Кремль в дни боёв. С учётом того, что доступа к какой-либо информации у Арсеньева не было, так как, по его словам от 26-го, «газеты сегодня не вышли, кроме крайних левых...», а все последующие дни единственными источниками новостей были

юнкера и офицеры, оборонявшие Кремль и сами жившие слухами, а также переговоры по телефону с родственниками и знакомыми, заблокированными в своих жилищах, можно говорить, что Арсеньевы, как и подавляющее количество жителей Москвы, оказались в некотором информационном вакууме. Можно сразу отметить, что слухи были абсолютно разного характера, обнадеживающие и не очень, имеющие разное отношение к действительности, а печатные источники информации, получаемые Арсеньевым от того же племянника Васи, не проясняли ситуацию, а только, наоборот, её запутывали. Сами по себе слухи весьма репрезентативны и отображают ту ситуацию растерянности, непонимания реальной ситуации и практически полного отсутствия единого командования у белых, которые царили в Москве в те дни, и привели к тому, что само поражение контрреволюционных сил оказалось для их участников неожиданностью, и послужила поводом для возникновения версии о предательской сдаче всего дела.

Можно условно выделить несколько основных мотивов циркулирующих слухов. Первый слух – это очевидный и неминуемый успех антибольшевистских сил. Судя по записанным в дневнике Арсеньевым слухам, получалась довольно нелепая ситуация, когда многие жители Кремля в дни революционных боёв не имели представления о реальном положении дел и были скорее уверены, что большевики проигрывают не только в Москве, но и в Петрограде. Например, 26 октября читаем: *«из Петрограда есть будто бы известия, что большевики потерпели полное поражение от правительственных войск, а в Москве тоже большая часть войск против большевиков, а также и население городское, требующее изгнание большевиков-солдат из Кремля»*. Особенно интересно наблюдать, когда одни слухи Арсеньев буквально через несколько строк подтверждает другими, но также не имеющими никакой связи с реальным положением дел, так, в этот же день, 26-го, читаем: *«У нас были вечером Бартеневы и сообщили, что известие о разгроме большевиков в Петрограде, по-видимому, подтверждается телеграммой, полученной в военных кругах от министра Никитина»*. Иногда в один день Арсеньев записывает противоречивые сведения. 28 октября он пишет: *«Петроград, как слышно, окончательно взят правительственными войсками. Троцкий – злодей, уже повешен, Ленин – арестован»*. И вот другая запись, сделанная в этот же день, но ниже: *«Петроградские известия ограничиваются подробностями о взятии и разграблении Зимнего Дворца большевистскими войсками и об аресте министров»*. Одновременно частой темой для слухов была информация о неминуемом прибытии подкреплений сражающимся белым отрядам. Такие слухи появлялись каждый день и описывали прибытие армий и дивизий, разгружающихся уже на вокзале, что ничуть не мешало циркуляции слухов о том, что все вокзалы в руках большевиков. Другие слухи касались противоречивого поведения полковника Рябцева – на тот момент командующего Московским военным округом – в записанных Арсеньевым слухах, он предстаёт двуличной фигурой, разъезжает на белых конях, а за время боёв его умудрились отставить 2 раза, но после каждой «отставки» он продолжает отдавать распоряжения. Наконец, многочисленными были слухи о бесчинствах большевиков, на стороне которых обязательно были немцы, без которых столь умелая стрельба из орудий была бы невозможна. Так, Арсеньев записывает, что «большевики где-то захватили юнкера и плясали на нём», в Лёвшинском переулке большевики, прикинувшись мирными жителями, подпустили к себе юнкеров и забросали их ручными гранатами; кроме этого, они якобы разгромили Третьяковскую галерею.

В заключение отметим, что дневник Ю.В. Арсеньева является репрезентативным источником по изучению повседневности в условиях революционного

времени в Москве. В дневнике содержится ценная информация не только о лично переживаемых им событиях и их оценка, но также воспроизводится атмосфера панического и одновременно порой обречённого состояния, в котором находились жители Кремля в период октябрьских боёв, что усиливается в условиях циркуляции разнообразных, часто противоречивых слухов, благодаря чему особенно явно видится контраст между большими историческими событиями, коими они скоро станут, и жизнью простого обывателя.

Источники и литература

1. ОПИ ГИМ. Ф.43. Ед.хр. 101.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В МОСКВЕ В 1918 Г.

К.Б. Жучков

Псков, Псковский государственный университет

Наши обыденные представления о жизни в Советской России в первый год после Октябрьской революции во многом основываются или на личных документах об этом времени – дневниках и воспоминаниях, часто беллетризованных, на основе художественной прозы, или, что намного чаще, на основании документальных и художественных фильмов. Между тем в 1918 г. повседневная жизнь в Москве, да и в большинстве центральных губерний Республики, еще была далека от тех мрачных картин, которые традиционно рисуются в нашем воображении при мысли о Гражданской войне в Советской России. Художественные образы советского кинематографа рисуют темные сцены жизни новоиспеченных советских граждан, находящихся в кольце вражеских фронтов, господствующие повсеместно разруха и нищета, всепроникающая партийная и классовая сегрегация. Такое представление о повседневной жизни центральных губерний Советской России в 1918 г. неверно, антиисторично, оно продуцировано поздними явлениями, протекавшими в стране частично в 1919, а наиболее ярким образом в 1920-1922 гг.

В действительности, несмотря на тяжелую войну, продолжавшуюся с 1914 г., на две революции и последовавший за ними «демократический» хаос в жизни общества и государства, в России оставалось еще достаточно ресурсов для поддержания приемлемого уровня жизни в городах. Конечно, по сравнению с довоенным временем, падение уровня жизни граждан было налицо, галопировала, как тогда казалось, инфляция, дефицит простейших товаров заставлял вспоминать с грустью о счастливых довоенных временах. Повсеместно закрывались предприятия, не хватало топлива. Тем не менее, как показали дальнейшие события 1919-1921 гг., и прежде всего расширявшаяся Гражданская война, 1918 г. был относительно благополучным в жизни простых людей, когда деньги были еще в цене, а наличие работы или службы решало практически все обыденные проблемы насущного бытия.

Роль в жизни простых людей ВЧК сильно преувеличена впоследствии, так же как и проникновение в гущу общества партийно-классовых предрассудков и, тем более, репрессивных практик. По этому поводу можно привести многозначительный пример. Осенью 1918 г., когда Московское библиотечное отделение переехало из здания Наркомпроса (бывш. Катковский лицей на Знаменке) в особняк Гегариных на Новинском бульваре, в нем стали предоставлять служебное жилье сотрудникам отдела. Среди квартиросъемщиков оказался сотрудник Аристарх Пет-

рович Савватеев, который, в 1918 г. прослужив в отделе месяц, оттуда уволился. Руководство отдела предписало ему выселиться «с казенной площади», что Савватеев делать категорически отказался, напротив, заняв своими вещами, в том числе велосипедом, еще и общий коридор. Никакие уговоры, предписания и угрозы в течение почти года на Савватеева не действовали, пока, наконец, Московский библиотечный отдел 28 августа 1919 г. не обратился в Народный суд Арбатского района г. Москва, который 12 сентября 1919 г. вынес справедливое решение выселить Савватеева. Несколько раз для его выселения приходил местный уполномоченный, который, однако, так и не смог добиться выполнения решения народного суда [1, лл. 155, 237]. Ситуация с Савватеевым ярко характеризует демократическую сущность Советской власти в первый-второй год ее существования, характер которой, однако, претерпел сильные изменения в последующие ближайшие годы в результате многочисленных антисоветских заговоров, мятежей, восстаний, террора, саботажа и проч.

К истории с «сотрудником» Савватеевым можно прибавить несколько подтверждающих ее наблюдений, сделанных над дневниковыми записями Ю. В. Готье 1918 г. Маститый историк постоянно, мягко сказать, зло иронизирует над «товарищами», с которыми ему приходилось иметь дело, или которых он наблюдал на различных заседаниях, совещаниях, или приемах. Называл он их неизменно жидами, русскими жидами, гориллами и прочими нелестными терминами, тем не менее, при обращении к ним, при личных переговорах, он описывает их прямо противоположно, в том числе и касаясь роли ЧК в обычной жизни. В августе 1918 г. его брат был арестован в Новгороде местной ЧК за игнорирование регистрации бывших офицеров. Однако, уже в начале сентября Готье, приехав в Новгород, просто посетив руководство ЧК, добился освобождения брата. В середине октября 1918 г. брата опять арестовали, уже в Москве, за уклонение от мобилизации, однако уже через день он был освобожден [2, с. 174, 182, 189].

Наконец, из провинции, из волости в Новгородской губернии, где находилась дача Готье, в конце сентября 1918 г. был написан на него донос «за контрреволюционную пропаганду», и прислан этот донос был прямо Л. Д. Троцкому. За помощью Готье, конечно, обратился к Н. И. Троцкой, которая была в то время заведующей Музейным отделом Наркомпроса, а сам Готье, заметим, был заведующим библиотекой Румянцевского музея (ныне – РГБ). Как пишет Готье, Троцкая «была со мной любезна и обещала оказать нужное содействие» [2, с. 185]. Дело было улеглось, но вновь проявилось вследствие, видимо, того, что его переслали из Наркомата по военным делам обратно в провинцию. 15 (28) октября 1918 г. Готье пошел на прием к начальнику следственного отдела ВЧК т. Романову, резиденция которой тогда располагалась в гостинице «Националь». Вот что пишет об этом визите Готье: «Это очень любезный молодой человек с университетским образованием; говорят, что он идейный коммунист; но говорили мы с ним, как старые добрые знакомые прежнего времени; выслушав меня, он посоветовал мне «плюнуть и не волноваться», но вперед не забегать, так как иначе «можно на себя насплетничать», «мало ли бывает наветов». Его мнение оказалось таким же, как и мнение Н. И. Троцкой, – из этого дела не выйдет ничего особенного; вероятно, оно где-нибудь замрет, а если не замрет и меня побеспокоят помимо его, т. Романова, то тогда нужно сослаться на него и на других видных «коммунистов». По его мнению, если дело не замрет, то оно дойдет до его рук, а что касается его, то он это дело распорядится погасить» [2, 190].

Дало о доносе на Готье, конечно, заглохло само собой, как и предсказывали Троцкая с Романовым, однако вскоре Готье пришлось снова побывать в ЧК. На

этот раз он был туда вызван в качестве свидетеля по делу Ю. Д. Урусова, который дома у себя скрывал «государственные документы». На этот раз Готье посетил 15 февраля (10 марта) 1919 г. особняк Московской ЧК в бывшем доме М. М. Петрово-Соколово. Придя туда, Готье нашел «грязный вертеп, наполненный мальчишками-латышами и девками-латышками». Тем не менее, Готье нашел, что «следователь Фельдман, с золотыми волосами и безупречным русским языком, более похожий на старого народовольца, чем на современного латышско-еврейского деятеля, допросил меня вежливо и толково» [2, 268].

Приведенные примеры показывают, что фактические сведения, приводимые Готье, о конкретных людях и житейских обстоятельствах прямо противоположно отличаются от того негативного «общего фона», который создается в его дневниках о характере и сущности новой власти. Вот этот-то негативный «общий фон», или, как его называл А. Г. Тартаковский [3, с. 29-30], «стертое», «общее» мнение, и становится главным в описании жизни в 1918 г., тогда как конкретные «положительные» факты и обстоятельства жизни простых людей и новой власти практически не используются ни в популярной литературе, ни, тем более, в художественных произведениях, ни, что совсем плохо, в профессиональных работах. Проще говоря, субъективность и объективность дневника (или дневников и мемуаров) неправомочно поменяны местами.

Не случайно эта заметка начата цитированием документов Московского библиотечного отделения о «выселении» сотрудника Савватеева. Многие годы разыскивая в Государственном архиве Российской Федерации материалы по вывозу в 1918-1919 гг. дворянских усадебных библиотек, удалось найти уникальное для описания этого процесса дело, представляющее собой бухгалтерский отчет отдела за 1918 г. [4]. В нем подшиты финансовые, как тогда говорили, «оправдательные», документы, Московского библиотечного отделения за 1918 г., которыми отчитывались за выдаваемые Наркомпросом ассигновки, т. е. отчеты о расходовании денег. Документы эти состоят из авансовых отчетов эмиссаров отдела, накладных на покупки, ведомости на зарплату («жалование», как тогда еще говорили), счета ломовых, магазинов, лавок, типографий, гостиниц, грузовые железнодорожные накладные и т. д. и т. п. Все первичные отчеты эмиссаров сводились делопроизводителем отдела А. А. Дешкиным в месячные ведомости, где фактически дублировались все финансовые расходы. Сведения, отраженные в этих документах, дают большой материал для наблюдений за повседневной жизнью в Москве и провинции во второй половине 1918 г.

Наблюдения эти говорят, что, несмотря на инфляцию и существенную разницу цен в сравнении с довоенным временем, общий уровень цен в сравнении с заработной платой во второй половине 1918 г. был не просто приемлемым, а, можно сказать, достаточно-разумным. Из отчетов эмиссаров Московского библиотечного отдела и ведомостей финансовых расходов отдела в августе-декабре 1918 г., видно, что общественная и хозяйственная жизнь в Москве и провинции еще повсеместно бурлит, работают частные магазины, ателье, книгопечатни, склады, промышленные предприятия, школы, музеи, библиотеки, правильно функционируют железные дороги, гужевого транспорт, извозчики, трамваи, церковные иерархи занимаются охраной культурных ценностей и работают в связке с новыми властями, общественный правопорядок соблюдается, в какой-то мере новой власти в течение всего одного года удалось вогнать в русло кипучую инициативу масс, остановить «демократическую» шумиху. Несмотря на повсеместную реорганизацию и «оптимизацию» учреждений, их деятельность не прекращается,

а, наоборот, усиливается. Советское правительство, в конце концов, платит все пенсии, начисленные при старой власти.

Что же касается условий повседневной жизни, можно заметить только первые, еще единичные и не постоянные, признаки надвигающегося кризиса, который, безусловно, был в большой степени спровоцирован Гражданской войной. Это, в первую очередь, начинавшийся дефицит и, как следствие, чрезвычайная дороговизна топлива, точнее, дров. Квадратная сажень дров стоила осенью 1918 г. 500 руб., то есть две трети месячной заработной платы сотрудника отдела. Но и эта цена не была критичной, поскольку кв. сажени, то есть восьми кубометров дров, хватит для отопления одного голландского стояка или кухонной печи в течение всего отопительного сезона. Больше тревожил дефицит, то есть труднодоступность дров. Помимо них, ощущается нехватка писчей бумаги и лент для пишущих машинок. Дорого стоит чай. Однако, в свободной продаже библиотечные карточки, ящики, проволока, чернила, мыло, веревка, шпагат, клей, оконное стекло, гвозди, тес, фанера, книги всех сортов, географические карты, учебники, учебнические тетради, почтовые и гербовые марки, спички, свечи, керосин, цветы. Киловатт-час электроэнергии стоит 2,20 руб., и пока ее не отключают. Стоимость поездки в трамвае в Москве составляет 1,20 руб., хотя по вечерам трамваи не ходят ввиду экономии электроэнергии. Дороги извозчики, поездка на них по городу на среднее расстояние обходится 20-25 руб. В деревне извозчики дешевы на порядок, а крестьянские телеги для пассажирского проезда стоят копейки. Ночевка в гостинице, меблированных комнатах или на частной квартире обходится в 5 руб., то есть в четыре поездки на трамвае. И самое примечательное, московские ломовые извозчики монополизированы Отделом гужевого транспорта Московского совдепа, который образовал картель с единой монопольной ценой – 120 руб. за один рейс по городу. Единственный недостаток рассматриваемых нами здесь документов, то, что они служебные и не отражают цен, ассортимента и доступности продуктов питания в Москве и провинции, а так же алкогольных напитков и табачных изделий. Именно по ним можно было бы достоверно сравнить покупательную способность денег 1918 г. с нынешними. Чтобы наглядно представить соотношение цен и зарплат осенью 1918 г., основные показатели мы свели в таблицы, составленные по материалам документов ГА РФ, которые освещают зарплату и цены в Москве и провинции в 1918 г. [4].

Приведенные материалы свидетельствуют о еще вполне мирной и достаточной, хотя и не комфортной как ранее до войны, жизни простых людей в Москве в 1918 г. и находятся в противоречии с нашими обыденными представлениями о жизни новой Советской столицы в первый послереволюционный год. Эти данные можно, да и нужно, соотнести со сведениями, достаточно широко представленными в мемуарно-дневниковой и художественной литературе о повседневной жизни в начальное Советское время, чтобы научно охарактеризовать жизнь Советского государства и его граждан в трудное время его становления. Как кажется, такая работа может принести много неожиданных открытий.

ТАБЛИЦА 1. ЗАРПЛАТЫ В МОСКВЕ (НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)

№ п/п	Должность	Оклад (руб.)
1.	Заведующий отделом	1480
2.	Эмиссар 1 разряда	940
3.	Эмиссар 2 разряда	830
4.	Библиотекарь	775-830

5.	Сотрудник по разбору библиотек	730-830
6.	Служитель (уборщица, сторож, дворник, истопник)	400-450
7.	Суточные в командировке	25
8.	З/п в день разовых эмиссаров	27.66
9.	З/п в час	5.53

ТАБЛИЦА 2. ЗАРПЛАТЫ В ОРЛЕ (НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)

№ п/п	Должность	Оклад (руб.)
1.	Заведующий музеем	850
2.	Помощник заведующего	600
3.	Служитель	250
4.	Дворник	300

ТАБЛИЦА 3. ЦЕНЫ В МОСКВЕ (ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)

№ п/п	Наименование	Ед. изм.	Цена (руб.)
1.	Трамвай	поездка	1.20
2.	Извозчик	поездка	15.00-30.00
3.	Ж/д билет (Подольск, Орел)		1.65, 31.10
4.	Ж/д билет Москва-Петроград	2 конца	48.30
5.	Комната в гостинице (с освещением)	сутки	4.50
6.	Носильщик		3.50
7.	Охранная грамота на библиотеку		10.00
8.	Чай	¼ фунта	10.00
9.	Спички	коробок	0.50
10.	Мыльный порошок	1 фунт	2.50
11.	Свечи	1 шт.	1.00
12.	Подписка на газету «Известия Сов. Деп.»	1 месяц	15.00
13.	Гербовая марка		0.05

ТАБЛИЦА 4. ЦЕНЫ В ОРЛЕ (ДЕКАБРЬ)

№ п/п	Наименование	Ед. изм.	Цена (руб.)
1.	Извозчик	поездка	20.00
2.	Электроэнергия	кВт/час	2.20
3.	Чернила	1 фунт	6.50
4.	Трамвай	поездка	1.00
5.	Оконное стекло	1 шт.	20.00
6.	Ремонт плиты и голландской печи		30.00
7.	Дрова	кв. саж.	500.00
8.	Хризантема	шт.	15.00
9.	Тетрадь	шт.	0.50

ТАБЛИЦА 5. СТОИМОСТЬ МАТЕРИАЛОВ И УСЛУГ ДЛЯ ВЫВОЗА БИБЛИОТЕК
В МОСКВЕ И ПОДМОСКОВЬЕ (НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)

№ п/п	Наименование	Ед. изм.	Цена (руб.)
1.	Английский шпагат	вязка	3.00
2.	Вязка (веревки)	клубок	5.00
3.	Веревка	клубок	10.00
4.	Веревка	фунт	11.00
5.	Куль из рогожи	шт.	0.75
6.	Ящик для книг (большой)	шт.	50.00
7.	Ящик для книг (маленький)	шт.	25.00
8.	Ящик у граждан с рук	шт.	3.00

9.	Гвозди 3-дюйм.	фунт	2.35
10.	Гвозди	дюжина	1.75
11.	Тес (доски)	шт.	5.50
12.	Фанера	лист	4.00
13.	Крестьянская подвода (с пассажиром)	поездка	5.00
14.	Крестьянская подвода (с грузом)	поездка	20.00
15.	Одноконная подвода (ломовой)	поездка	120.00
16.	Переноска ящиков с книгами	1 человек	5.00
17.	Столяр поденный	день	20.00
18.	Ж/д тариф Дорохово-Москва	234 пуд.	191.95

Источники и литература

1. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 28.
2. Готье Ю. В. Мои заметки. М.: Терра, 1997.
3. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика (Опыт источниковедческого изучения). М.: Наука, 1980.
4. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11.

ВЛАДИСЛАВ ФРАНЦЕВИЧ ГАЛЛЕ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦМЕЙСТЕРА ПЕТЕРБУРГА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ

А.П. Стоцкий

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

Интерес к биографике [1] и особенностям сохранения памяти об историческом прошлом [6, с. 80–82] в последние десятилетия стал устойчивым и в России, и за рубежом [15, с. 16–19]. Традиции рассматривать исторические события через призму биографических описаний в российской публицистике и исторической науке имеют давнюю историю. Еще в начале XX в. развитие биографики в России нашло выражение и в проведении исследований, и в подготовке публикаций [2, с. 56–57; 3, с. 13–14], и в попытке директора Педологического института Н. А. Рыбникова создать в 1919 г. Биографический институт [18, с. 421–424]. Исследование революционных событий 1917 г. в России через призму человеческих судеб во многом позволяет объективировать картину отечественной истории.

Одним из ярких персонажей российской истории конца XIX – начала XX в. был полицмейстер Петербурга, генерал-майор Владислав Францевич Галле (1862–?). Конная полиция и кинологическая служба, специальная школа для чинов полиции и первый в Российской империи музей полиции, бронезилет для сотрудников полиции, издания по вопросам обеспечения деятельности полиции и правопорядка в имперской столице – вот неполный перечень проектов, над которыми работал и успешно реализовал В. Ф. Галле.

О его личной жизни известно немного. Родился 28 октября 1862 г. в семье католических верующих в г. Санкт-Петербурге. В 1881 г. окончил 2-ю военную гимназию и поступил юнкером в 6-й Клястицкий гусарский полк. Прошел курсы саперного и телеграфного дела и в 1884 г. был командирован в Офицерскую кавалерийскую школу [12, с. 97]. Любовь к лошадям и кавалерийскому делу во многом определила его дальнейшую судьбу.

В 1886 г. В. Ф. Галле начал службу в МВД в должности помощника пристава и пристава на окраине города. На усердие молодого служащего обратил внимание вступивший в 1895 г. в должность столичного градоначальника Николай Васильевич Клейгельс (в прошлом тоже кавалерист). Клейгельс способствовал карьерному росту Галле и поддерживал его проекты по улучшению работы столичной полиции [11, с. 103].

Одним из первых проектов, предложенных В. Ф. Галле и реализованных на базе Резерва Санкт-Петербургской столичной полиции, была специальная школа для чинов полиции [14, с. 18–19]. Ее создание было обусловлено тем, что на рубеже XIX–XX вв. на службу в полицию, как правило, привлекались отставные военные, которые многих навыков для осуществления такой работы не имели. Руководство МВД Российской империи и Санкт-Петербурга эту проблему понимало, поэтому программу по подготовке кадров поддержало. В здании полиции Александро-Невской части (ныне Невский пр., 91 и ул. Гончарная, 6) были оборудованы «классы для городских, околоточных надзирателей и офицеров наружной полиции, для городских речной полиции и для полицейский служителей» [8, с. 3–4], а также молельная комната, спальни, кухня и пекарня, столовая и буфет, бильярдная и пр.

В. Ф. Галле принимал деятельное участие в создании более комфортных условий службы. Благодаря его усердию выросли оклады стражей правопорядка, у полицейских появились различные льготы. В связи с чем многие военные начали переходить в органы МВД: если в конце XIX в. в резерве полиции служило 40–50 городских вместо 150 по штату, то в начале 1900-х годов службу проходили уже свыше 300 городских и 40 околоточных надзирателей [7, с. 134].

Специальная школа стала местом профессиональной подготовки и переподготовки различных чинов полиции. В 1900 г. при школе был открыт Музей столичной полиции [10, с. 70–71]. Несколько комнат съезжего дома, отведенных под Музей, в буквальном смысле были заставлены экспонатами и артефактами из истории МВД. Здесь находились коллекции головных уборов, формы одежды, вооружения, фотографий и картин, процессуальных и личных документов, макетов зданий и транспортных средств, поддельных и фальшивых монет и многого другого [4]. Все это богатство использовалось преподавателями для обучения будущих стражей порядка, в том числе и сотрудников конной полиции.

К решению о создании конной полиции В. Ф. Галле подтолкнули казаки, которые жаловались, что их используют в полицейских целях. В этой связи, ротмистр Галле предложил научить стражей порядка ездить верхом. В конную полицию были приглашены офицеры из гусарских, уланских и драгунских полков. Для подготовки конной полиции были построены манеж и казармы. Форму для этого подразделения шили по моделям, разработанным самим В. Ф. Галле. В итоге были сформированы три отделения, в каждое из которых вошло по 50 полицейских (офицеров и нижних чинов), 10 конюхов и 1 писарь [9, с. 245–325]. Конная полиция успешно проявила себя, особенно во время беспорядков 1905–1907 гг.

В 1903 г. В. Ф. Галле был назначен на должность полицмейстера столичной полиции. Его усилиями в этом же году был построен приют для отставных полицейских и членов их семей [16, с. 13]. А спустя еще четыре года при его участии в Сестро-реке была создана колония для оздоровления семей (прежде всего многодетных) городских. На Успенском кладбище В. Ф. Галле с разрешения городской управы зарезервировал участок земли, на котором хоронили исключительно сотрудников полиции. Похороны и установка памятников осуществлялись за казенный счет, а семьи умерших получали пенсии и единовременные выплаты [17, с. 24].

В. Ф. Галле инициировал создание новых подразделений столичной полиции – команд фотографов, велосипедистов и фонарщиков. Для обеспечения личной безопасности полицейских на основе борьбы джиу-джитсу разработал несколько простых, но эффективных, приемов, при помощи которых полицейский мог обезоружить преступника [5].

Совместно с ротмистром К. К. Задарновским В. Ф. Галле разработал конструкцию бронежилета, состоящего из шести частей и рассчитанного на людей разного роста и разных размеров. Заказы на изготовление защитного вооружения для полицейских В. Ф. Галле разместил в одном из Домов трудолюбия (Обводный канал, 145), что позволило добиться невысокой себестоимости бронежилетов.

Но успехи не спасли В. Ф. Галле от интриг. В 1907 г. во главе столичной полиции встал Д. В. Драчевский. В. Ф. Галле пришлось отправиться в отставку. Сведений о его судьбе после 1917 г. обнаружить не удалось.

В 1917 г., в период разгона царской полиции, Музей полиции был разграблен, его коллекции разорены и утеряны. Хотя отдельные артефакты появились позднее в других музейных коллекциях России [13, с. 18–19].

Профессиональная деятельность полицмейстера Петербурга, генерал-майора Владислава Францевича Галле сыграла важную роль в подготовке кадров столичной полиции, в совершенствовании профессиональной деятельности органов полиции. Февраль и Октябрь 1917 г., устранив с политической карты мира Российскую империю, лишили перспектив существования и царскую полицию. Но лучшие традиции организации полицейской деятельности и профессиональной подготовки полицейских чинов нашли свое продолжение и в годы советской власти, и в постсоветской России.

Источники и литература

1. Биографика – специальная историческая дисциплина, в центре исследования которой находится человеческая личность.
2. Винокур, Г. О. Биография и культуры / Г. О. Винокур. М., 1927. С. 56–57.
3. Кареев, Н. И. Историка (Теория исторического знания) / Н. И. Карев. СПб., 1913. С. 13–14.
4. Каталог музея Санкт-Петербургской столичной полиции, основанного в 1900 году в СПб. СПб.: Тип. СПб. Градоначальства, 1903. 104 с.
5. Лебедев, И. В. Самооборона и арест / Сост. проф. атлетики И. В. Лебедев; под ред. ген.-майора В. Ф. Галле. Пг.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1914. 66 с.
6. Нижник Н. С. «Современная история»: оксюморон или направление научных исследований? / Н. С. Нижник // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3(37). С. 80–82.
7. Положения о штатах Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции. СПб.: Тип. СПб. Градоначальства, 1903. С. 134.
8. Резерв С.-Петербургской столичной полиции. Специальная школа и музей столичной полиции. СПб.: Типография СПб. Градоначальства, 1901. С. 3–4.
9. Санкт-Петербургская столичная полиция и Градоначальство. Краткий исторический очерк. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 245–325.
10. Смирнова, А. В. Хранитель музея – книга / А. В. Смирнова // Антикварное обозрение. 2008. № 2. С. 70–71.
11. Список генералам по старшинству: Исправлено по 10 июля 1916 года. Пг.: Военная типография императрицы Екатерины Великой, 1916. С. 103.
12. Список генералам по старшинству: Составлен по 15 апреля 1914 года. Пг.: Военная типография императрицы Екатерины Великой, 1914. С. 97.
13. Стоцкий, А. Музей столичной полиции на Офицерской / А. Стоцкий // На страже закона. 2016. № 3. С. 18–19.

14. Стоцкий, А. Сыскная полиция Санкт-Петербурга на Офицерской / А. Стоцкий // На страже закона. 2016. № 2. С. 18–19.
15. Стоцкий, А. П. Великая Отечественная война как предмет российской биографики / А. П. Стоцкий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4. С. 16–19.
16. Стоцкий, А. П. Приют отставных полицейских / А. П. Стоцкий // На страже закона. 2014. № 10 (164). С. 13.
17. Этика сотрудников правоохранительных органов: Учебник / Под ред. Г. В. Дубова. М.: Щит-М, 2002. С. 24.
18. Эткинд, А. М. Биографический институт: Неосуществлённый замысел Н. А. Рыбникова // Лица: Биографический альманах. М.; СПб, 1996. № 7. С. 421–424.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ТЮРКО-ТАТАР (1917–1918 ГГ.)

Д.Р. Зайнутдинов

Казань, ЧОУ ВО «Институт социальных и гуманитарных знаний»

Идеологии социализма характерно множеством вариаций, направлений, учений. В связи с этим нередко отдельные течения социализма сталкиваются при интерпретации его доктринальных основ. Данные столкновения в своем абсолютном большинстве носят полемический характер. Тем не менее, история знает и вооруженные столкновения сторонников разных социалистических течений. Однако не было более масштабного, радикального и кровопролитного столкновения, чем период Гражданской войны в России. Начиная с 1918 года российский народ не только раскололся на два крупных лагеря антибольшевистский и большевистский, но и первый в мире познал содержание двух разных политических режимов, исходящих из одной корневой идеологии социализма – социально-демократический режим, установленный Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания (далее – Комуч), и коммунистический режим, установленный Советом народных комиссаров. Именно в период 1918 года на территории Волго-Уральского региона в яром противостоянии идеология коммунизма сошлась с социальной демократией, доказав последней полное превосходство в способности мобилизации народных масс, политикой агитации и пропаганды.

Социалисты антибольшевистского лагеря были приверженцами социальной демократии, однако их понимание данной идеологии было отличным от воззрений социалистов, большевистского лагеря. Социальная демократия в рамках антибольшевизма – это, прежде всего, идеология реформаторства, а не революционизма. Первоначально термин «социальная демократия» «имел хождение главным образом в рамках марксизма. Одновременно он все шире употреблялся по отношению к немарксистским левым реформаторским партиям»[1, с. 226]. Социальная демократия своему возникновению во многом обязана революционному периоду 1917 года в России, когда правыми эсерами и меньшевиками была осознана необходимость недопущения углубления кризиса в российском обществе. Образование Всероссийского Учредительного собрания правые социалисты считали конечной целью революционного периода 1917 года, а, соответственно, и отправной точкой построения социально-демократического режима в стране путем реформ государственного устройства и управления, правовой системы, экономики и других сфер жизни. Как считали правые социалисты антибольшевист-

ского лагеря, утверждение социализма в стране могло быть достигнуто только в перспективе.

Подобная трансформация идеологии позволила правым эсерам не только оформиться в самостоятельную часть антибольшевистского движения, но также в период кризиса власти в России в 1918-1920 годы начать строительство уникального государственного образования на территории Волго-Уральского региона, в основе которого лежали именно социально-демократические ценности. Так, к основополагающим ценностям социальной демократии можно отнести: в политическом спектре – политический и идеологический плюрализм, мультикультурализм; в государственной области – децентрализация власти, система общественного контроля, равноправие и защита всех форм собственности; в экономической сфере – многоукладная экономика, прогрессивная система налогообложения, национализация стратегически важных предприятий и промышленных комплексов; в трудовой сфере – партнерство между работниками и работодателями, широкая и эффективная защита прав рабочих, улучшение условий труда; в социальном спектре – всеобщее бесплатное образование, система бесплатного здравоохранения, широкая система государственной поддержки (пособий). Важно и то, что отсутствие в идеологической базе социальной демократии крайностей социализма, которые присущи учениям марксизма-ленинизма, позволило правым эсерам на первоначальных этапах становления «белой» государственности (начало 1918 – начало 1919 годов) взаимодействовать с «белыми» органами власти. Например, историк С.П. Мельгунов отмечал: «Конференция семи народных-социалистических комитетов Омске 13-15 ноября признала, что Российское правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком, стоит на уровне требований исторического момента. Отсюда вытекал вывод – создание широкого общественного объединения для поддержки этого Правительства»[2, с. 252]. Следует выделить, что правые социалисты, имевшие в идеологическом фундаменте социальной демократии плюралистические начала, совершенно не стремились к абсолютному доминированию во всех аспектах жизни общества. Поэтому можно констатировать, что идеология социальной демократии, учрежденная правыми эсерами, представляла как «центризм в социализме».

Безусловно, что нерусские народы России в преддверии Гражданской войны выразили поддержку большевикам, объясняющуюся изданием широко известного документа декларативно-учредительного характера – «Декларация прав народов России»[3, с. 39-41] от 15 ноября 1917 года. В лице тюрко-татар России большевики первоначально также нашли поддержку. 26 октября 1917 года Мусульманское военное шуро (военный совет) большинством голосов приняло резолюцию, в которой приветствовало «революционный переворот и постановило поддерживать всеми силами Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов в достижении ими провозглашенных лозунгов, уверенное, что все национальные чаяния угнетенных народов России будут осуществлены»[4, с. 83]. Однако не все лидеры Мусульманского военного шуро отнеслись к большевикам положительно. Например, открыто выступил против переворота И.С. Алкин. При этом особо выделим, что выраженную поддержку следует понимать в качестве солидарности с большевиками по вопросу выбора социалистического пути развития государственности, а вовсе не большевистского программного пути развития с его ярким интернациональным характером.

Как и общероссийский лагерь в целом, так и тюрко-татары в частности, в идеологических воззрениях были разделены на сторонников либерализма, либе-

ральной демократии, социальной демократии, коммунизма. В то же время вариации социализма имели большее влияние на умы тюрко-татар нежели иные идеологические течения. В связи с чем столкновение большевизма с социальной демократией на территории Поволжья, центра тюрко-татарской политической мысли, приобрело ключевое значение в истории Гражданской войны в России.

Партия эсеров всегда отличалась чрезвычайной организованностью и мобильностью, что способствовало выполнению различных тактических задач в короткие сроки. Подобные характерные особенности партии позволили 8 июня 1918 года взять руководящую роль в антибольшевистском движении на территории Волго-Уральского региона и основать социал-демократическую государственность или «государственность Комуча». «Формирование антибольшевистского сопротивления в Поволжье, так же как и в других регионах России, происходило на основе активизации подпольных групп, среди которых наибольшей организованностью отличались эсерские боевые структуры и ячейки офицерских организаций бывшего Казанского военного округа. С конца апреля 1918 г. под руководством Военной организации эсеровской партии были созданы подпольные структуры в Самаре, Уфе, Челябинске, Казани и Симбирске»[5, с. 327]. Значимую роль в образовании подпольных эсеровских структур сыграло тюрко-татарское офицерство и интеллигенция.

Взятие 7 августа 1918 года Казани Народной армией Комуча весьма ярко и подробно описывал В.И. Лебедев: «В Казани мы увидели, как энтузиазм населения, как горячо новая власть приветствовалась всем народом ... Достаточно сказать, что одновременно со взятием Казани восстали города и уезды Чистопольский, Спасский, Царевококшайский, Уржумский, Налимский и несколько южных уездов Вятской губернии. Громадная территория была охвачена стихийным крестьянским восстанием против большевиков ... В течении 34 дней, которые мы там оставались, во всех церквях служились молебствия, в мечетях то же самое. Железнодорожные рабочие образовали дружины против большевиков; университет целиком примкнул к нам, городское и земское самоуправление приняли самое деятельное участие в работе по защите города, по организации всего движения и по пропаганде в пользу формирования Народной армии»[6, с. 193-194]. После установления власти Комуча на территории Волго-Уральского региона тюрко-татары приняли активное участие не только в организации власти на местах, но и в формировании вооруженных частей. Немалую роль в формировании Народной армии Комуча сыграл В.О. Каппель. Его авторитет и выдающиеся способности вызывали восхищение среди населения и народов России. «Каппель прогремел по всей Волге как неустрашимый, храбрейший Вождь. Офицеры и рабочие, студенты и учащиеся, инженеры и техники, крестьяне и купцы, русские и татары шли в его отряд»[7]. Народная армия – это образцовая армия социально-демократического государства. Бойцы-ветераны волжских частей, среди которых много представителей мусульманских народов, в том числе тюрко-татар, башкир, казахов и других, на протяжении всего периода Гражданской войны вплоть до 1922 года с гордостью носили звание «каппелевцы». «Каппелевцы» были сформированы на идеях социального, национального и религиозного равенства, что придавало им особую сплоченность, дисциплинированность, стойкость в бою. Основанные в духе братства и многонационального единства, «каппелевцы» представляли собой уникальный пример среди антибольшевистских армий.

В Казани власть Комуча была недолгой, чуть более месяца – с 7 августа по 10 сентября 1918 года. Тем не менее, Комуч оказал вполне определенное политико-

правовое влияние на воззрения тюрко-татарских социалистов. Национальное движение тюрко-татарского народа развивалось весьма специфично. Режим социальной демократии, установленный Комучем, дал возможность осознать населению Волго-Уральского региона то, что концепцию федерализма невозможно реализовать в одночасье, к ней надо идти поэтапно. Примечательными здесь являются слова И.С. Алкина о том, что среди тюрко-татар (Казанской губернии) отсутствует стремление создания собственного суверенного государства, в большей степени им близка идея создания автономного субъекта в составе федеративной Российской республики.[8]

Острая необходимость формирования лояльной общественности, разорванной вследствие борьбы разнополярных идеологических течений на группы, классы, нации, подтолкнула умеренных социалистов (эсеров и энесов) к поиску путей большего взаимодействия с представителями несоциалистических течений, в частности либералами, либерал-демократами, конституционными монархистами. Предпринятые умеренными социалистами попытки поиска путей коалиционного взаимодействия прослеживаются в период существования Временного Сибирского правительства и Уфимской Директории. В целом действия умеренных социалистов говорят об активной реализации принципа политического и идеологического плюрализма в деле преодоления кризиса российского общества. Готовность к коалиционному взаимодействию Комуч обозначил законодательно в Декларации от 2 августа 1918 года, в которой подчеркивалось: «Самые ответственные посты, Комитет готов поручать лицам, пригодным к делу управления и могущим принести пользу национальному возрождению России, независимо от их связи с той или иной партией, лишь бы последняя разделяла основные положения политики, проводимой Комитетом»[9]. Поиск путей коалиционного взаимодействия можно объяснить и тем, что умеренные социалисты антибольшевистского лагеря столкнулись с колоссальными трудностями в практической реализации доктрин социальной демократии в период Гражданской войны.

Важность взаимодействия с национальными движениями, в том числе и тюрко-татарским, как социалистами антибольшевистского лагеря, так и самим Комучем, оценивалась достаточно высоко. В.М. Чернов изучая «конструктивный социализм», выделял: «Нация распадается на известное число автономных союзов, имеющих свои кодексы справедливости и полноту власти, и обязанные своим существованием подчинению и почтительному уважению к себе собственных сочленов»[10, с. 353]. Распространив государственную власть Комуча на территории Казанской губернии правые эсеры динамично приступили к идеологической борьбе через агитационно-пропагандистскую деятельность. Так, в прокламациях делался упор на многонациональный состав Поволжья. Важную роль в установлении власти Комуча на территории Казанской губернии сыграла национальная тюрко-татарская интеллигенция, благодаря которой в среде мусульман возобновилась политическая жизнь, подавленная большевиками после ликвидации Штата «Идель-Урал». Вновь были открыты печатные издания разной идеологической направленности. На протяжении августа – сентября 1918 года возрождались и появлялись новые газеты на татарском, чувашском и латышском языках. Был возобновлен выпуск татарской газеты «Корылтай» (Съезд) под первоначальным названием, которая была закрыта 4 апреля 1918 года по приказу мусульманского комиссариата Казанского совета. Также выходили в печать и иные периодические издания [11, с. 28-43].

Необходимо подчеркнуть, что в период власти Комуча в Казани произошло единение разгромленных большевиками разных татарских политических групп

на платформе общетатарского национального движения. Именно поэтому можно увидеть сотрудничество представителей разных идейных течений И. Алкина, Дж. Алиева, Дж. Валиди, Г. Газиза, С. Максуди, Н. Мухтарова, Ф. Туктарова, Н. Хальфина и других. Видные деятели национального движения (Г. Баруди, Р. Фахретдин, С. Урманов, К. Тарджемани, Г. Сулеймани)[12, с. 230] выразили свою поддержку власти Комуча. Национальные политические группы делегировали своих представителей в органы государственной и местной власти. Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что после занятия Народной армией Комуча части территории Казанской губернии национальная интеллигенция оживилась с той же энергией, что и при реализации проекта Штата «Идель-Урал». События августа 1918 года позитивно оценивал участник тех событий Г. Исхаки.[13, с. 43]

Подводя итоги необходимо отметить, что в большей степени приемлемой для свободного национального развития народов России и становления федеративной формы территориального устройства являлась идеология социальной демократии, не стирающая национальных и культурных различий, а приветствующая их. В среде тюрко-татарской общественности социально-демократические воззрения с начала революционного периода 1917 года преобладали над коммунистическими. «Наибольший процент национальных деятелей составляли выходцы из семей сельского духовенства. Поэтому наиболее распространенной идеологией оставался аграрный социализм, а наиболее популярной из российских партий была партия эсеров. ... Социал-демократических убеждений придерживались, как правило, выходцы из семей светской интеллигенции и частично буржуазии, уроженцы больших городов. Выходцы непосредственно из семей крестьянства и пролетариата не сыграли сколь либо значимой роли» [14]. Также важно, что тюрко-татары намного больше были заинтересованы в обеспечении национального равноправия нежели социального. Вопросы развития национального образования, культуры органов самоуправления всегда стояли выше, чем классовая борьба. В этом аспекте единственным политическим субъектом способным начать демократическое государственно-правовое строительство выступало правое крыло партии эсеров и прочих умеренных социалистов, в период Гражданской войны организовавшиеся в Комуч. Основопологающие ценности социальной демократии отвечали интересам абсолютного большинства классовых групп, а также всему национальному составу России. Однако молодой власти Комуча было отведено крайне мало времени для реализации всех доктринальных основ социальной демократии.

Источники и литература

1. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П-Я): пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1999. – 528 с.
2. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. – М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2005. – Кн. вторая: Ч. III. – 496 с.
3. Декларация прав народов России. // Декреты Советской власти. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Москва: Гос. изд. полит. лит-ры, 1958. – 626 с.
4. Гиззатуллин И.Г. Мусульманские военные организации (1917 – 1921 гг.). – Казань: Фэн, 2002. – 205 с.
5. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1917-1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). – М., 2008. – 520 с.
6. Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков. // 1918 год на Востоке России / Сост., науч. ред., пред. и ком. д-ра ист. Наук С.В. Волкова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 463 с.

7. Главнокомандующий Сибирской армии генерал В.О. Каппель. // Первопроходник. – 1974. – №17.
8. Доклад И. Алкина. «Национальное движение среди мусульманских народностей России и мусульмане-воины». // Известия Всероссийского мусульманского военного Шуро (ВМВШ). 1918, – 17 февраля.
9. Государственный архив Самарской области (ГА СО). – Ф. 4142. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
10. Чернов В.М. Конструктивный социализм. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 670 с.
11. Насыров Т.М. Пресса комучевской Казани // Научно-документальный журнал «Эхо веков», 2007. – № 2. – С. 28-43.
12. Хабутдинов А. Органы национальной автономии татар 1917-1919 гг. // История татар. Том VII. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. – 1007 с.
13. Исхаки Г. Идель-Урал. Париж, 1933. – 54 с.
14. Хабутдинов А. Политические и правовые идеи левых мусульманских социалистов-татар в 1917–1918 гг. // Журнал «Минарет». – № 1(34). – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.idmedina.ru>. – Дата доступа: 25.12.2016.

РОССИЙСКАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Д.С. Лозовская

*Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого*

Одной из черт отсталости России в начале XX века была недооценка важности подготовки технических специалистов не только высшей, но и средней и низшей квалификации. Несмотря на появление множества частных курсов и школ – политехнических, строительных, электротехнических, железнодорожных, телеграфных и т. п., этих кадров для нужд страны было недостаточно.

Русские ученые крайне болезненно переживали отсталость своей родины. Несмотря на все сложности и проблемы именно в России было открыто явление радиосвязи, усовершенствована электротехника, зародилась теория ракетной авиации, достигнуты крупные успехи в области кристаллографии, физиологии, биохимии и т. д. За три года до начала революции, в 1902 году, при участии Д.И. Менделеева, Д. К. Чернова, А. Н. Крылова, А. С. Попова и других крупнейших представителей русской научно-технической мысли был создан Петербургский политехнический институт. Задачи этого учебного заведения создавшие его русские ученые понимали достаточно широко: не как узкопрофессиональные, а как общенациональные. По их профессиональному мнению, институт должен был стать сосредоточием выдающихся исследователей новейших отраслей прикладных знаний, выпускать «инженеров широкого профиля, всесторонне развитых, обладающих глубокими знаниями в области общенаучных и общетехнических дисциплин, отлично знающих технику и умеющих применять свои знания в народном хозяйстве» [1, с. 2].

Экономический кризис 1900 – 1903 гг. негативно отразился на их общем материальном благополучии населения Российской империи. Кроме общего повышения цен, наметился и заметный рост безработицы, в том числе, и среди специалистов высшей квалификации. Это способствовало развитию среди них оппозиционных настроений.

Будущие инженеры также вовлекались и в политическую борьбу. Нелегальные общестуденческие съезды приняли лозунг «Долой самодержавие». Второй студенческий съезд еще в 1903 г. отверг тактику забастовок и обструкций в ака-

демическом масштабе и признал необходимым участие студенчества в жизни политических партий в самых разнообразных формах. В ноябре 1904 г. эта тактика вылилась в политические сходки петербургских и московских студентов с лозунгом созыва Учредительного собрания и всеобщего избирательного права и в уличные демонстрации [2, с. 30].

Идея создания различных профессионально-политических союзов, профессиональных по форме и либеральных по своим политическим позициям организаций интеллигенции, была выдвинута еще осенью 1904 года «Союзом освобождения». Однако подлинно широкий размах кампания по созданию различных либеральных союзов интеллигенции приняла в первые месяцы после 9 января 1905 года. Так на собраниях Петербургского союза инженеров 12 и 15 января была принята резолюция, получившая (по числу первоначально подписавших ее лиц) название «Записка 198 инженеров» [3, с. 97 – 102.].

Авторы этой «записки» попытались дать объективную оценку событий, происходивших в стране. Они пришли к однозначному выводу: начавшиеся революционные события спровоцированы действиями властей, которые своими «постоянными колебаниями то в направлении односторонней защиты предпринимателя, то в сторону показной поддержки рабочих порождают во всех слоях промышленного населения неуверенность и раздражение».

В этой «записке» прямо указывалось, что такая ошибочная и вредная политика не может дать нашей стране «необходимого успокоения», а это ставит всю русскую промышленность «в безвыходное положение, при которой участие в ней капитала и интеллигентного труда делается совершенно невозможным».

Выходом из сложившейся сложной ситуации авторы «записки» видели «дарование широкой свободы союзов и собраний», «проведение в жизнь начал общегосударственной политической свободы» [3, с. 101].

В условиях начавшейся революции перед радикально настроенной частью технической интеллигенции России встал следующий выбор: добиваться мирного или вооруженного изменения существующего общественного порядка. В отличие от представителей гуманитарных профессий люди, имевшие высшее техническое образование, могли реально оказать содействие революционерам как в изготовлении взрывчатых веществ, так и самого оружия. В конце 1905 года талантливый инженер Лев Красин возглавил Боевую техническую группу при ЦК РСДРП, отвечал за финансовую деятельность партии. При этом, он вёл работу по организации боевых дружин и снабжению их всякого рода оружием. Его товарищ по РСДРП(б) Г.М.Кржижановский в 1894 г. окончил с отличием Санкт-Петербургский технологический институт. В 1905 – 1906 он, находясь в столице, жил в подполье, изготавливал бомбы для боевой организации большевиков. В начале 1905 г. боевая техническая группа при ЦК РСДРП привлекла к изготовлению бомб инженеров, работавших в военно-морском ведомстве [4, с.190].

6 августа 1905 г. был опубликован манифест Николая II о законосовещательной Государственной думе и положение о выборах в нее. Ее назвали «Булыгинская», по фамилии министра внутренних дел А.Г.Булыгина, который возглавлял комиссию по разработке положения о выборах. По законам 6 августа 1906 г. Государственная дума не имела абсолютно никаких законодательных прав. Решения, принимаемые ею, имели только совещательный характер. Вопрос об отношении к булыгинским законопроектам весной и летом 1905 года был одним из самых острых вопросов политической борьбы в Российской Империи.

Осенью ситуация в стране еще больше обострилась. Началась октябрьская политическая стачка. Во Всероссийском союзе инженеров одними из первых на-

чали стачку инженеры Москвы. Вопрос о присоединении союза инженеров и техников Петербурга к стачке был решен на собрании 14 октября. Лозунгом стачки был объявлен немедленный созыв Учредительного собрания. Собрание избрало стачечный комитет, получивший права общего собрания. Создается особый фонд, в который каждый бастующий инженер должен был внести свой трехдневный заработок. Непосредственно с собрания группа инженеров отправилась на электростанцию Первого электрического общества для того, чтобы прекратить ее работу и оставить столицу без света. Делегация была арестована полицией. Другая группа инженеров с той же целью поехала на электростанцию «Гелиос», где работа этого предприятия была остановлена.

На ряде крупных предприятий столицы инженеры вступили в активный конфликт с администрацией и за это подверглись репрессиям. Так инженеры судостроительного завода в Колпино присоединились к стачке 16 октября. 17 октября начальник завода генерал Гросс, воспользовавшись тем, что некоторые инженеры находились в запасе армии, потребовал их выхода на работу. Инженеры отказались. Тогда 26 октября он уволил не только отказавшихся приступить к работе военнообязанных, но и всех остальных инженеров, которые с ними солидаризировались – всего 16 человек. Дирекцией Путиловского завода были уволены 8 инженеров – членов забастовочного комитета, избранного на митинге служащих завода 14 октября. Ряд инженеров, принимавших участие в стачке, были уволены на Невском судостроительном заводе [5, с. 157].

В условиях, когда недовольство действующей властью охватило практически все слои населения, стало понятно, что одними репрессиями ход революции остановить невозможно. В этих условиях Николай II 17 октября 1905 г. был вынужден опубликовать манифест, в котором провозглашались основные гражданские свободы, а также обещание законодательной Государственной думы.

Вопрос об участии в выборах в I Думу Российской империи вызвал определенные противоречия между различными представителями технической интеллигенции. В середине января 1906 г. состоялся IV съезд Союза союзов. Основным вопросом повестки дня на нем было отношение к выборам в Думу. Съезд решил принять тактику ее активного бойкота, отказаться «от участия как в Государственной думе, так и в выборах в нее во всех стадиях» [5, с. 304].

Русская техническая интеллигенция во время первой русской революции в значительной степени изменилась, как и все общество. Нужно признать, что несмотря на то, что инженеры и техники относились к достаточно обеспеченным слоям населения, немалая часть из них весьма положительно восприняла революционные события в стране. Те люди, которые считали, что реально изменить Россию сможет только радикальная ломка старого государственного аппарата, оказывали содействие левым партиям: социал-демократам и эсерам. Некоторые из технических специалистов также оказывали квалифицированную помощь террористам. Так группа профессора М.М.Смирнова выработала рецепт изготовления взрывчатого вещества и сконструировала несколько типов оболочек и ударников для бомб. Насколько квалифицированно велась эта работа, свидетельствует следующий факт. Когда одна из этих разработок попала при обыске в руки полиции, она была передана на экспертизу в Главное артиллерийское управление. При ее изучении эксперт отметил ее высочайшее качество и относительную простоту изготовления: «Сколько дало бы правительство за изобретение такого простого и, безусловно, верно действующего прибора!» [4, с. 146].

При этом, значительная часть либеральной интеллигенции была явно напугана событиями конца 1905 года, и, в частности, вооруженным восстанием в Мо-

скве. Либералы искренне рассчитывали на то, что с этого времени начинается период мирного эволюционного парламентского развития страны. Представители технической интеллигенции рассчитывали на то, что новый законодательный орган обратит особое внимание на модернизацию экономики страны, что при принятии решений будет учитываться мнение профессионалов. Но далеко не все эти надежды на практике были воплощены в жизнь.

Русская техническая интеллигенция, в большинстве своем весьма положительно воспринявшая перемены, оказалась не готова пойти на серьезный конфликт с властью, особенно в условиях спада революции. Этому в значительной степени способствовала ее профессиональная загруженность, наличие устойчивого материального положения и достаточно высокий социальный статус.

Спад революции заставил искать решение проблем страны в стенах Государственной Думы Российской империи. Кроме политических вопросов там активно обсуждались и экономические. Опыт войн второй половины XIX века убедительно доказал, что достичь победы без хорошо развитой промышленности практически невозможно. Еще больше это показала начавшаяся в 1914 году Первая мировая война.

В условиях Первой мировой войны роль техники и технической интеллигенции возросла многократно. Для ведения боевых действий требовалось все больше оружия и боеприпасов. Но с этим были очень большие проблемы. Как заявлял депутат Владимир Милютин: «мы не можем сами изготавливать для поддержания промышленной и хозяйственной жизни страны хотя бы в прежнем размере ни в достаточном количестве товаров, ни орудий производства, ни средств для передвижения, – за отсутствием достаточной добычи топлива, металлов, соответствующих фабрик, заводов, специальных станков и инструментов, знающих техников и рабочих» [6].

Хорошо развитая промышленность, сельское хозяйство и единство общества – вот основные факторы стабильности государства. Российская техническая интеллигенция в начале XX века была больше озабочена политическими изменениями, а не вопросами промышленно-экономического развития страны. Это стало одной из причин, которые способствовали революции 1917 года.

Источники и литература

1. Из истории Ленинградского политехнического института. Л., 1975. – 48 с.
2. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900 – 1917 годах. М., 1981. – 287 с.
3. Известия общества гражданских инженеров. 1905. № 1 – 2.
4. Драбкина Ф.И. Моя работа в боевой организации при ЦК РСДРП // Молодежи о первой русской революции. Под редакцией Панкратовой А.М.М., 1955. – 294 с.
5. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. – 374 с.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА), Ф. 975, Оп. 1, Д. 8628, Л. 134.

НАСТРОЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1917 Г.

И.В. Купцова

Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова

Революционные события 1917 г. принесли изменения не только в художественную культуру, но и в повседневную жизнь художественной интеллигенции, оказали влияние на ее менталитет, стереотипы представлений, психические реакции.

Непосредственно революционные события февраля 1917 г. художественная интеллигенция встретила с тревогой, а ее победу – с воодушевлением. А.А. Блок писал: «Все происшедшее меня радует. Произошло то, чего еще никто оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала» [12, с. 387]. В.Я. Брюсов в письме к А.М. Горькому отмечал: «Не начинаю письмо поздравлениями, потому что это само собой разумеется. Искренне кажется порой, что все это сон, магическое наваждение. Все мы ждали и верили» [20, с. 115].

Одной из причин такого отношения была непопулярность императорской власти в среде интеллигенции. Вяч. Иванов отмечал: «Падение царской власти закономерно и необходимо, ибо ветхое самодержавие давно превратилось в династическую диктатуру» [7, с. 179]. Многие увидели в революции возможность политического обновления России. Можно говорить о том, что принятие революции художественной интеллигенцией было на эмоциональном уровне. В своем большинстве она выступила как свидетель революции, а не как ее активный участник.

Несмотря на воодушевление и энтузиазм по поводу свершившегося многие представители художественной интеллигенции отмечали тревожные настроения. У одних они были связаны с опасением стремительности происходящих событий. Так, З.Н. Гиппиус отмечала: «Грозная, страшная сказка... И какая невиданная, молниеносная революция» [4, с. 458].

Тревогу вызывала продолжавшаяся война. Несмотря на усталость и непопулярность войны в среде художественной интеллигенции большинство ее представителей выступало за ее продолжение, с победой связывали утверждение завоеваний революции. В статье «Родина в опасности» В.Г. Короленко писал: «Сейчас защита родины вдвойне нужнее. С нею мы защищаем новую свободу, которой внешнее нашествие грозит смертельной опасностью.... Нужно не только радоваться и пользоваться свободой, но и заслужить ее до конца, а заслужить можно одним – последним усилием для отражения противника, работа на фронте и в тылу, на всяком месте для отражения опасности, до конца великой войны...» [8].

Часть деятелей литературы и искусства под руководством А.М. Горького высказывали озабоченность сохранности культурных ценностей. Они выступили инициаторами создания особого органа власти, который бы занимался этими вопросами. Такой орган был учрежден Временным правительством – Особое совещание по делам искусств, в его состав вошли А.М. Горький (председатель), А.Н. Бенуа, Н.К. Рерих (товарищи председателя), М.В. Добужинский, З.И. Гржебин (секретари), В.А. Аргутинский – Долгоруков, И.Я. Билибин, В.Г. Каратыгин, А.В. Карташев, Н.Е. Лансере, Г.К. Лукомский, П.М. Макаров, Е.И. Нарбут, П.А. Неклюдов, К.С. Петров – Водкин, А.Н. Тихонов, Ф.И. Шаляпин, И.А. Фомин, Н.Д. Соколов, В.А. Шуко, М.П. Неведомский (Миклашевский), С.В. Завадский, В.Ф. Нувель [9, с. 171-172]. Особое совещание включало комиссии: музеев и охраны памятников, строительную, государственных торжеств и художественной пропаганды, государственных заводов художественного порядка и государственного художественного издательства, музыкальную, театральную, художественного образования и комиссию, составляющую законопроект о будущем ведомстве изящных искусств. За время своего существования (до конца апреля 1917 г.) силами Особого совещания была проделана огромная практическая работа по сохранению культурного наследия.

У части художественной интеллигенции тревоги были связаны с нестабильностью материального положения. Артист Р.Б. Аполлонский вспоминал: «Помимо общей тревоги, проступала еще очень мучительная мысль о чисто материальном вопросе, о дальнейших средствах к жизни. Думаю, что всякий из нас, в большей

или в меньшей степени, пережил те же мучительные часы. Потому что за спиной каждого стоят близкие сердцу, за которых он в ответе» [18, с.7]. М.М. Пришвин писал: «Было похоже на кораблекрушение, после которого мы попали на землю необитаемую и стали придумывать средства жизни на этой новой земле» [14, с. 81].

Летом 1917 г. тревожные настроения усилились. Многие представители художественной интеллигенции с особой остротой поднимали вопрос об отношениях интеллигенции и народа. М.М. Пришвин записал в дневнике: «Трагические дни июня – июля разрушили одну из самых стойких иллюзий русской интеллигенции – легенду о «святой Руси», о народе – богоносце... Русская интеллигенция уже прошла путь от веры к безверию, от надежд к безнадежности, от чувства единения со своим народом до чувства отчуждения, чуть ли не ненависти к народу, обманувшему ее ожидания, представшему во всем «циничном безобразии» [19, с. 35-36]. В.Г. Короленко считал, что «народ – толпа, народ не развит политически, его мнения детски неустойчивы и изменчивы. Пока эти политические мнения нельзя уважать» [15]. Близкие идеи высказывал А.М. Горький, который считал, что Россия не готова к решительным социальным изменениям. Прежде, чем осуществлять социальную революцию, «народ должен много трудиться, чтобы приобрести сознание своей личности, своего человеческого достоинства. Этот народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем, медленным огнем культуры» [16, с.656]. То есть опасения вызывал низкий культурный уровень народа, его неготовность к социальным преобразованиям. Только культура, по мнению А.М. Горького, могла спасти страну от гибели, а роль интеллигенции – культурное строительство.

Поводом для тревоги в летние месяцы были сообщения о грабежах и разгромах музеев, неконтролируемой распродаже произведений искусства [10, с. 173]. Характеризуя поведение интеллигенции летом 1917 г. О.Н. Знаменский замечал ослабление политической активности, бегство от действительности [6, с. 243-244].

Осенью настроение художественной интеллигенции делалось все более тревожным. Безнадежная военная ситуация, грозное положение продовольственного вопроса, полная неуправляемость страной – все это не могло не дать людям почувствовать: «гроза еще впереди» [10, с. 176]. К.А. Сомов вспоминал: «Живется нам тяжело и не от голоду и лишений каких-нибудь пока, а от постоянного нервного состояния за ближайшее будущее, которое рисуется воображению очень мрачным. Все время у нас говорят о голоде и об эвакуации, и в связи с ней приходится думать, куда ехать» [19, с. 40]. К власти доверия не было. В этой тревожной обстановке все чаще звучали предчувствия новых потрясений. С.Н. Василенко писал: «Политическая атмосфера делалась все сгущеннее. Чувствовалось приближение грозы, и ее ждали с нетерпением, без боязни. Слишком прогнал весь наш государственный строй, слишком накалилась атмосфера, чтобы ожидать легкого разрешения событий. Мы, мирные обыватели, не знали еще, куда повернет колесо истории, но ясно чувствовали, что находимся накануне величайших мировых событий» [3, с. 358]. В.Г. Короленко отмечал: «Я мало пишу и мало участвую в борьбе, потому что пришел в отчаяние и решил только смотреть на неизбежное крушение» [13, с. 30].

По образному выражению Е.Г. Лундберга: «Октябрь упал, как раскаленный болид, и прошел по вертикали от поверхности до дна... Разделила, жестоко разделила русских людей Октябрьская революция» [11, с. 293]. Равнодушных к этому событию не было и не могло быть, особенно в среде интеллигенции.

У многих деятелей литературы и искусства тревогу вызывала сама революция, в огне разрушений которой могли погибнуть художественные ценности. Си-

лами этой группы интеллигенции был создан ряд комиссий: комиссия по охране и учету музейных ценностей, комиссия по охране памятников искусства и старины, художественно-историческая комиссия и др. Основной задачей всех их было не допустить разграбления и уничтожения богатейшего культурного фонда, которым обладала Россия. Один из энтузиастов этого начинания И.Э. Грабарь писал: «Думаю, что в настоящий момент это самое нужное и важное дело. Я не очень люблю говорить с народной аудиторией, но что делать, это абсолютно необходимо, чтобы сохранить хоть что-нибудь из нашего культурного наследства. При помощи кооперативных ячеек на местах я думаю создать целую сеть охранно-культурных гнезд» [5, с. 18].

У части деятелей литературы и искусства причиной тревоги была не революция вообще, а приход большевиков к власти. Восторженно приняв Февральскую революцию, многие представители художественной интеллигенции посчитали Октябрь контрреволюцией, изменой. «Большевизм, – утверждал В.Г. Короленко, – это последняя страница революции, отрешившейся от государственности, признающей верховенство классового интереса над высшими началами справедливости, человечности, права. С большевизмом наша революция сходит на мрачные бездорожья, с которых нет выхода» [13, с. 133], И.А. Бунин отмечал: «Русская революция – конец истории России, ее культуры, веками установленных традиций, ее духовного облика» [2, с. 9]. Многие опасались подавления личности, индивидуальности («Большевики – разрушительное начало, подавляющее личность», – сделал вывод К.Д. Бальмонт [17, с. 152]), отказа от ценности свободы (основная ошибка большевиков, по мнению В.Г. Короленко, состояла в том, что «это попытка ввести социализм без свободы. На мой взгляд, социализм придет вместе со свободой или не придет вовсе. Отсюда – огромная ошибка – классовая диктатура» [13, с. 111]).

Вызывали тревогу хаос, насилие, непрекращающиеся беспорядки, самосуды, вседозволенность, которые стали неотъемлемыми атрибутами революционной действительности. «К числу благодетелей революции нельзя отнести, конечно, ни развращение нашего войска, ни ежедневную низость самосуда, ни предательство и дезертирство, ни разгром нашей промышленности, ни полный развал народного хозяйства, ни бесстыдную корысть отдельных разрядов населения, ни надменную наглость в общении человека с человеком, ни беззастенчивое разгильдяйство и лентяйничанье, ни лживость, которая овладела всеми», – считал К.Д. Бальмонт [1, с. 34].

Таким образом, настроения художественной интеллигенции в течение всего 1917 года были сопряжены с постоянной тревогой. Оттенки тревожности в разное время, у разных людей не совпадали. Проживание революции было процессом индивидуальным, зависящим от внешних и внутренних факторов. Поводы для тревоги были связаны как с текущими событиями, так и с опасениями за будущее.

Источники и литература

1. Бальмонт К.Д. Революционер я или нет. М.: Верфь, 1918.
2. Борис Михайлович Кустодиев: письма, статьи, заметки. Л.: Художник РСФСР, 1967.
3. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Молодая гвардия, 1991.
4. Василенко С.Н. Страницы воспоминаний. М., 1948.
5. Гиппиус З.Н. Дневники. М.: НПК «Интелвак», 1999. Т. 1.
6. Грабарь И.Э. Письма, 1917 – 1941 гг. М.: Наука, 1977.
7. Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль – октябрь 1917 г.)/ О.Н. Знаменский. – Л.: Наука, 1988.

8. Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1917.
9. Короленко В. Г. Родина в опасности // Биржевые ведомости. Утр. вып. 15 марта. № 35.
10. Купцова И.В. Художественная интеллигенция России в годы Первой мировой войны. М., 2007. С. 171-172.
11. Лапшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983.
12. Лундберг Е.Г. Записки писателя. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930. Т. 1.
13. Мочульский К.В. Александр Блок / К.В. Мочульский. – Париж, 1948.
14. Негретов П.И. В.Г. Короленко: Летопись жизни и творчества. 1917-1921 / Под ред. А.В. Храбровицкого. М., 1990.
15. Пришвин М.М. Дневники. М., 1990.
16. Русские ведомости. 1917. 17 мая. № 151.
17. Русские писатели, 1800 – 1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 1. С. 656.
18. Русские писатели. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 1. С. 152.
19. Театральная газета. 1917. № 10 – 11. С. 7.
20. Чегодаева М.А. России черный год. М., 1991.
21. Шаповалов М.А. В. Брюсов / М.А. Шаповалов. – М.: Просвещение, 1992.

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ – «ВТОРАЯ ВОЛНА»: ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЕКЦИИ

Т.В. Котович

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Исследование посвящено сопоставлению идей Элвина Тоффлера («Третья волна») и художественной практики Казимира Малевича в Витебске. В 1913 году состоялся проект футуристической оперы «Победа над Солнцем» в предполагаемом театре «Будетлянин». Первое соположение – социальное. 1913 год это – самый канун Первой мировой войны и счастливый экономический год. 1913-й год воплотил в себе объективную социально-историческую ситуацию и субъективное ощущение художниками этой ситуации. Высшая точка взлета империи, по которой весь двадцатый век будут ориентировать экономические достижения советской страны, с одной стороны, и уже предчувствие срыва с этой точки, с другой. Предчувствие войны и ее предуготовление обозначило приближение всей социальной системы в точке бифуркации. Неравновесность и неустойчивость подвигали всю ее к зоне хаоса, и она была уже готова свергнуться в хаос, который будет длиться, как минимум, до середины 1920-х гг., или, как максимум, весь XX век.

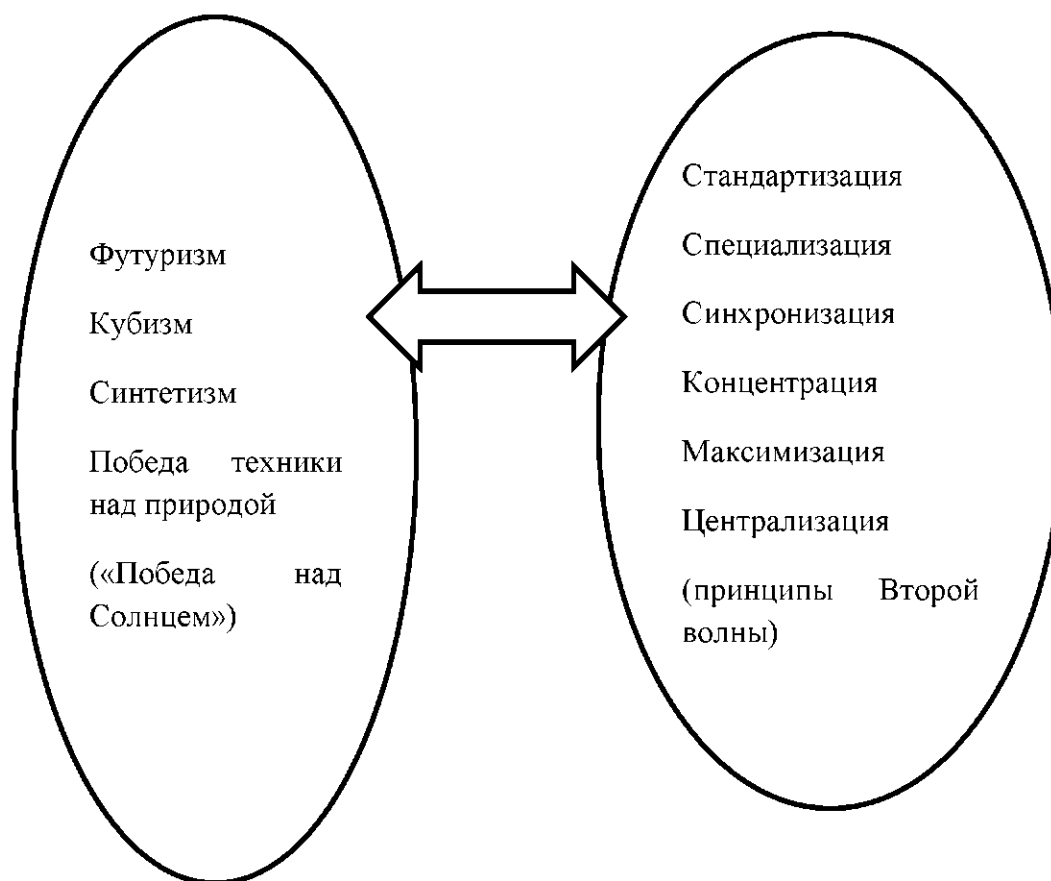
Таким образом, проект «Победы над Солнцем» является художественным тестером, зеркалом, метафорой скачка всей социальной системы во «вторую волну». По мнению Э. Тоффлера, революция 1917 года «была направлена не на построение коммунизма, как это казалось, а <...> индустриализацию. Когда большевики стерли с лица земли последние, сохранявшиеся так долго остатки крепостничества и феодальной монархии, они отодвинули на задний план сельское хозяйство и совершенно преднамеренно стали ускорять развитие индустриализации. Они оказались партией Второй волны» [1, с. 56].

Технологический прорыв индустриальной цивилизации заключался в том, что она создала машины, которые, в отличие от механизмов первой (аграрной) волны, не просто усиливали мускульную силу, а становились все более самостоятельной силой, т.к. сами создавали новые машины. Массовое производство – мар-

кер индустриальной цивилизации, как и массовая дистрибуция и массовая розница, а также человек-масса.

Второе соположение – собственно художественное, т.е. соотносящееся с эстетическими процессами 1910-1920-х гг., где присутствовали эпатажные акции, дискуссии, скандальные выступления, алогизм в искусстве, тяготение к беспредметности, – все те сегменты, которые провоцировали хаос, отражение переходаскачка из Первой волны во Вторую волну.

Этот малевичский проект целиком принадлежит XX веку и отражает все принципы индустриальной цивилизации.

Проект футуристической оперы «Победа над Солнцем» представляет собой пучок смыслов, от которого начинается целое ветвление новых проектов, которые развивают первоначальный, «расшифровывают», переводят на новые уровни смыслов, но оставляют их в рамках пространства Второй волны. В феврале (6) 1920 года в Витебске были представлены «Победа над Солнцем» и Супрематический балет. И с этого вечера открывается путь УНОВИСа, Утвердителей нового искусства, ядра Витебской школы, возглавляемого Казимиром Малевичем (14 февраля 1920 года).

«Победа над Солнцем» и Супрематический балет, показанные совместно единовременно, представляли собой целостное действо, развивающееся друг в друге. К этому времени концепция супрематизма уже обрела свою целостность и художественное проявление в работах К. Малевича, объединения Супремус, сподвижников и единомышленников. Мы рассматриваем малевичский УНОВИС как проект, представляющий собой наиболее развернутую концепцию среды как тестера Второй волны.

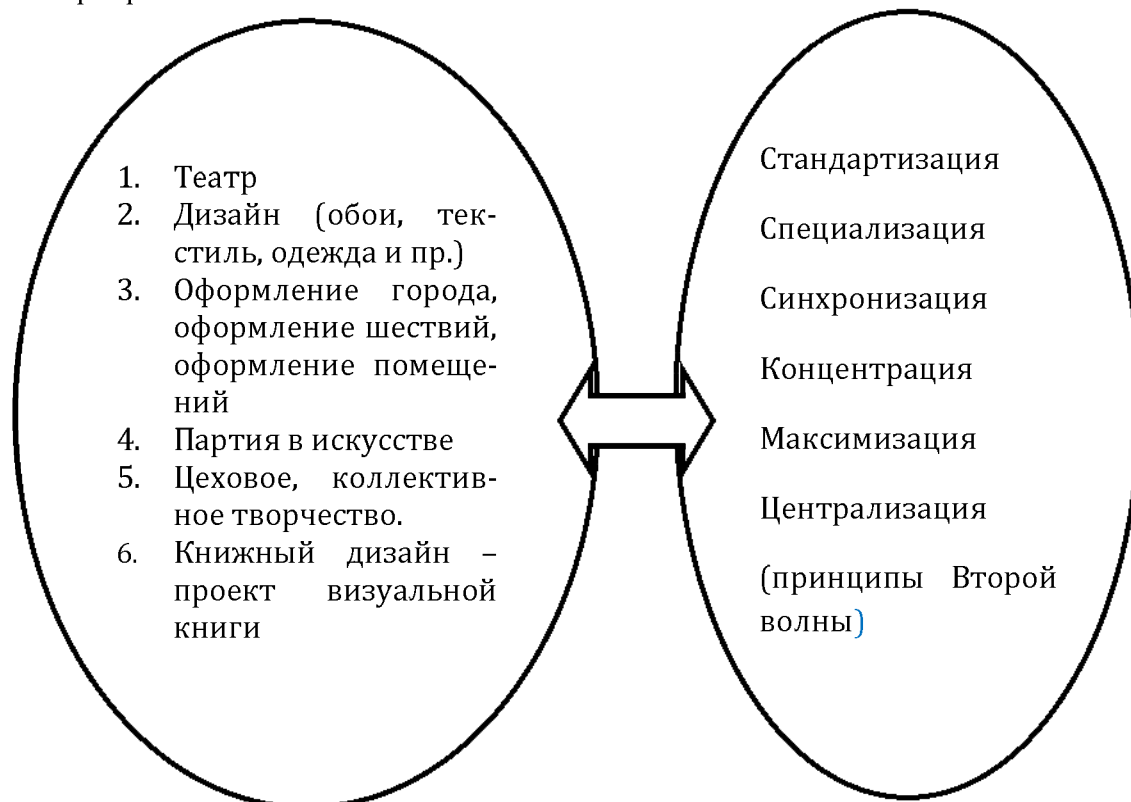
К моменту витебского спектакля, как и всех витебских художественных поисков К. Малевича актуальным становится выход супрематизма в объем, в реальное пространство, в арт-среду и вообще в проект глобальной среды. Предварительным этапом этой суперидеи стало празднование годовщины Комитета по борьбе с безработицей в декабре 1919 года (работа над оформлением здания, зрительного зала, занавеса и всего заседания как единого комплекса в супрематическом духе). Затем в феврале 1920 года – в виде субстрата объемного и динамического супрематизма с включением фигур-плоскостей и фигур-тел (актеров). Затем в течение последующих витебских малевичско-уновисовских лет – это было оформление города, акции, действия и другие сценические произведения, выход в дизайн и развоплощение искусства путем поглощения среды искусством.

Однако в Витебске не успели просеять и тем более за два с небольшим года изменить профанное жизненное пространство, превратив его в эстетически облагороженную сферу. Но на уровне проекта, плана и вектора развития витебские арт-пространственные эксперименты и открытия оказались актуальными и перспективными в культуре XX века в общем.

УНОВИС – модель организации, группа для манифестирования идеи, партия в искусстве, проводящая радикальные принципы в осмыслении и освоении мира. А. Шатских подчеркивает: «энтузиазм утвердителей нового искусства выплеснулся на стены домов, вывески магазинов и лавок, борта трамваев броскими геометрическими композициями <...>» [2, с. 78].

Цель – утверждение новых форм искусств, под каковыми разумеются кубизм, футуризм и супрематизм. Для достижения указанной цели

УНОВИС стремится выполнить все работы и задания по особо выработанной им программе.

Оформление супрематического трамвая.

Когда отмечался юбилей Комитета по борьбе с безработицей (17 декабря 1919 года), К. Малевич с Л. Лисицким создали эскизы панно, сцены и здания) началось формирование проекта выхода искусства в среду и сегментирование среды по законам искусства. Проект начинает формироваться в *закрытом* пространстве, в кубе помещения, т.е. в ближайшей среде, в которую помещен человек. Принципиальной позицией является *среда*, ее формирование.

Следующий шаг – сценический: представление «Победы над Солнцем» и Супрематического балета. Это уже не просто закрытое помещение вокруг человека, а закрытое помещение с действующим в нем человеком и сквозь человека. Пространство – в колбе. К этому проекту примыкает оформление трамваев, вывесок и пр.

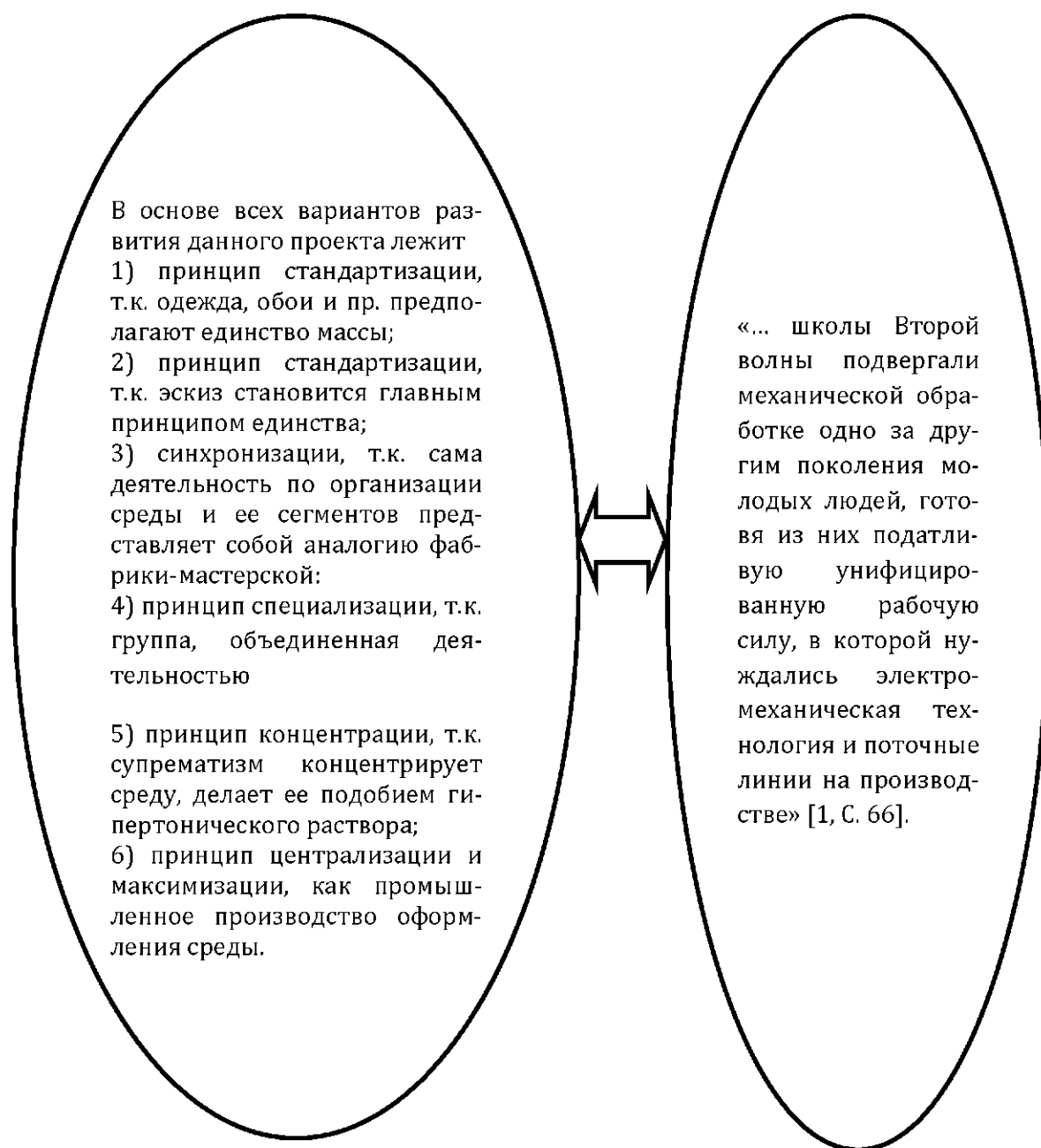
И, наконец, оформление города к праздникам. По записям С. Эйзенштейна: «Станный провинциальный город. Как многие города Западного края – из красного кирпича. Закоптелого и унылого. Но этот город особенно странный. Здесь улицы покрыты белой краской по красным кирпичам, а по белому фону разбежались зеленые круги. Оранжевые квадраты. Синие прямоугольники. Это Витебск 1920 года. По кирпичным его стенам прошла кисть Казимира Малевича. Супрематические конфетти, разбросанные по улицам ошарашенного города» [3].

Далее – выход в утилитарную среду, в повседневность (обои, одежда, посуда и пр.), в собственно дизайн среды, где формируются ее отдельные участки, сегменты, организующие не только саму ближайшую среду вокруг человека, но и самого человека, его взгляды, вкусы, представления.

Как замечает А. Шатских, К. Малевичу еще никогда «не доводилось видеть

столь всеохватного проникновения своей художественной системы в действительность <...>» [2, с. 61].

А. Шатских, однако, утверждает, что далеко идущие проекты УНОВИСа и их идеалы утопичны. Однако в сопоставлении с принципами Второй волны становится очевидным, что всё то, что осуществил К. Малевич в Витебске через свой проект-школу УНОВИС соотносится с характеристикой Э. Тоффлером Второй волны, для которой принципиальным является опыт организации пространства, что связано «с процессом его линеаризации, происходившем одновременно с линеаризацией времени.<...>архитектурная организация пространства, составление подробных карт, использование единых, точных единиц измерения и прежде всего прямая линия стали культурной константой, составившей основу новой индуст-реальности» [1, С. 191].

Зеркальное подобие УНОВИСовской структуры и сущностных принципов Второй волны очевидно и в утверждении Э. Тоффлера: «... структурам и другим организациям присущи многие черты фабрично-заводского производства с его разделением труда, с иерархической структурой и полной безликостью. И даже в искусстве мы находим некоторые принципы, свойственные фабричному производству.<...>все больше зависят от милости рыночной площади. <...> Меняется сама структура артистической деятельности.<...>происходит сдвиг от камерных к симфоническим формам» [1, С. 69–70].

Таким образом, проект К. Малевича – не утопия, а программа реального, прагматического действия в индустриальной цивилизации. Реализована она была в Витебске, и осуществление ее стало возможным только в короткий промежуток сразу после событий Октябрьской революции до утверждения тоталитаризма в СССР.

Источники и литература

1. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО АКТ, 2002. – 776 с.
2. Шатских А. Витебск. Жизнь искусства. 1917 – 1922. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 74.
3. Эйзенштейн С. Избранные произведения в 6 тт., Т. 5. – М., 1971. – С. 432.

РЕАКЦИЯ ВОСПИТАННИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.Н. Гребенкин

Орел, Академия ФСО России

До 1914 года русская армия была максимально деполитизирована. Слова «офицер» и «политика» являлись взаимоисключающими. Офицер, желавший заняться политической деятельностью, должен был расстаться с мундиром. В соответствии с данной установкой подготовка русского офицерского корпуса в кадетских корпусах и военных училищах осуществлялась в строгом соответствии с официальной государственной идеологией, патриотическими и религиозными ценностями.

Отгороженность офицеров от политики была, по мнению А.И. Деникина, не столько благом, сколько злом: «Недостаточная осведомленность в области политических течений и особенно социальных вопросов русского офицерства сказалась уже в дни первой революции и перехода страны к представительному строю. А в годы второй революции большинство офицерства оказалось безоружным и беспомощным перед безудержной революционной пропагандой, спасовав даже перед солдатской полуинтеллигенцией, натасканной в революционном подполье» [1, с. 50].

Состав русского офицерского корпуса к 1917 г. существенно изменился: подавляющее большинство офицеров «военного времени» и по своему социокультурному облику, и по мировоззрению кардинально отличалось от представителей кадрового офицерства. Военная школа также была затронута деструктивным влиянием событий 1914-1917 гг., однако принципы обучения и воспитания не претерпели существенных изменений. Таким образом, к марту 1917 г. военная школа являлась реликтом, единственным не изуродованным войной до неузнаваемости фрагментом почти ушедшей в небытие русской императорской армии.

Революционный шквал конца февраля – начала марта 1917 г. оказал на воспитанников военно-учебных заведений (особенно кадет) шоковое воздействие. Откровенное и циничное поправление того, что составляло основу подготовки будущих офицеров и было для кадет и юнкеров сакральным и неприкосновенным, приводило к невыносимым, почти физическим, страданиям. Поэтому их поведение в условиях событий первых постреволюционных недель отличалось максимализмом, нетерпимостью и бескомпромиссностью. Воспитанники были крайне возмущены «диким», по их мнению, приказом № 1 Петросовета, резко диссонирующим с желанием кадет и юнкеров «умереть за веру, царя и Отечество» [2, с. 206]. Приказ был началом новой, еще смутно ощущаемой, жизни, понять и принять которую будущие офицеры не могли: «Как возможно, рассуждали мы, проходить церемониальным маршем перед президентом республики и лихо салютовать ему шашкой. Президент, презренный шпак, представлялся нам в куцем пиджаке, с перхотью на воротнике и в брюках в полосу. И вывод напрашивался один, хотя никто его не высказывал, что без Царя Россия тоже будет куцей, неудобной и нескладной» [3, с. 25].

Поэтому кадеты и юнкера показали себя самыми решительными и самоотверженными защитниками старого режима. В этом была и их сила, и их слабость. Стремясь сохранить прежнюю Россию, величие ее армии и флота, воспитанники военно-учебных заведений одновременно пытались вернуться во вчерашний день, яростно отстаивая уже де-факто рухнувшее самодержавие. Питомцы Морского училища вечером 27 февраля с энтузиазмом восприняли призыв своего начальника вице-адмирала В.А. Карцова не следовать примеру предателей, изменивших императору, и исполнить свой долг и присягу до конца с оружием в руках: «Громкое «ура» под звуки «Боже, царя храни» покатилося по залу» [4, с. 362]. Слова начальника оказали колоссальное влияние на гардемарин и кадет: «...как живой влагой, упивались все его словами, поднятое настроение наэлектризовало всех» [5, с. 199]. Гардемарины, юнкера и кадеты старших классов, которым были розданы винтовки и патроны, находились в приподнятом настроении, спали в обнимку с оружием, с радостью ходили на дежурства и просили у начальства разрешения открыть огонь по толпам митингующих, которые периодически ломались в двери военно-учебных заведений, требуя впустить их внутрь. Общее оживление передалось и кадетам младших классов. Военная молодежь была настроена весьма решительно. Только растерянность офицеров не позволила гардемаринам Морского училища предотвратить арест В.А. Карцова революционной толпой. Один из очевидцев разграбления училищного арсенала и корпусного музея матросами, солдатами и рабочими с горечью отмечал: «Если бы нас организованно бросили для защиты чести корпуса, это было бы понятно, чем такая пассивная, жалкая, неясно по чьему распоряжению навязанная нам роль» [6, с. 192].

«Демократизация» отношений в армии кадетами, юнкерами и выпускниками военных училищ воспринималась крайне негативно. Приказ Петросовета № 1 в военно-учебном ведомстве игнорировался: воспитанники продолжали следовать установленным правилам, отдавая честь офицерам. Молодые офицеры стремились в меру своих сил навести порядок в действующей армии. С. Мамонтов, окончивший Константиновское артиллерийское училище в августе 1917 г., выбрал вакансию в запасную артиллерийскую бригаду, размещавшуюся в Москве. 19-летний прапорщик был неприятно поражен внешним видом части: «Тут (в батарее) революция чувствова-

лась гораздо больше, чем в училище, где был порядок. Солдаты слонялись расхлябанные, луща подсолнухи, не отдавали чести и видимо ничего не делали» [7, л. 1]. Желая навести порядок среди подчиненных ему солдат, молодой офицер избил нескольких человек, отказавшихся идти на построение, и был сразу же отправлен на фронт. Стремительная большевизация и разложение армии вызывали у питомцев русской военной школы ярость и отчаяние. Неудивительно, в октябрьских событиях 1917 г. и в Петрограде, и в Москве юнкера (как и кадеты старших классов) показали себя наиболее непримиримыми противниками большевиков.

Культ императорской семьи в кадетских корпусах после Февральской революции достиг апогея. В 3-м Московском корпусе воспитанники самовольно взяли оружие и три дня (!), не сходя с места, стояли у портретов императорской семьи, не позволяя их снять [8, л. 4]. Большое внимание уделялось и имперской атрибутике. Двуглавые орлы и императорские короны стали прикрепляться к портупеям и ножнам штыков, воспитанники Морского училища отказывались снять со своих погон вензеля наследника цесаревича – бывшего шефа заведения.

Замена старых святынь и символов новыми вызвала резкую реакцию отторжения. Кадеты-хабаровцы, встретившие революцию «со злобным чувством негодования», в отличие от солдат гарнизона, воспротивились замене триколов на красные полотнища и пришли на революционный парад со старыми знаменами [9, с. 77; 10, л. 1]. В Морском училище в апреле 1917 г. несколько гардемарин сорвали ночью с фасада заведения красный флаг и спрятали его в печи (согласно другой версии – разрезали на куски и утопили в ватерклозете), за что были отданы под суд, который их оправдал, и исключены из заведения. Если кадет выводили на «революционные» парады, то они умышленно шли кое-как, нарушая равнение и сбиваясь с ноги, роняли и топтали ногами красные флаги и цветы, которые им выдавали организаторы, огрызались на студентов и курсисток, пытавшихся заговорить с ними, и даже грозили им оружием. Во время прохождения демонстрантов мимо кадетских корпусов из раскрытых окон часто доносилось пение «Боже, царя храни!» Когда оркестр полочан заставили играть «Марсельезу», воспитанники отказались это делать, «отговорившись тем, что не успели ее разучить» [11, с. 65].

Позиция начальства военно-учебных заведений, сознательно или вынужденно выступавшего в защиту революции, не разделялась воспитанниками. 6 марта 1917 г. вновь назначенный начальник Морского училища генерал-лейтенант А.М. Бригер призвал гардемарин, кадет и их родителей к тому, чтобы «...не только забыть старые формы взаимоотношений, но и вытекавшие из них недоразумения и столкновения, как бы они ни были сложны и резки» [12, л. 17]. Бригер отмечал, что «старый режим со всеми его частными сторонами и особенностями безвозвратно пал», и предлагал своим подопечным идти нога в ногу со временем, не обращая внимания на служебное, общественное и сословное положение своих сограждан, не задевая их человеческое достоинство и личное самолюбие, обращаясь к окружающим вежливо и корректно. Однако воспитанники были чужды демократических настроений и подчеркивали свою преданность монархическим идеалам. В результате через несколько месяцев по распоряжению А.Ф. Керенского прием в Морское училище – «осиное гнездо контрреволюции» – был прекращен, а воспитанники третьей роты были переведены в Отдельные гардемаринские классы. Однако попытки «демократизации» бывших воспитан-

ников Морского корпуса не увенчались успехом. Мичман А. Рахманинов вспоминал, что воспитанники Морского училища, «преданные всей душой родному флоту и старому Морскому корпусу, были, как один, настроены ультрамонархически и «республик» не уважали» [13, с. 29]. Столь же «ультрамонархически» были настроены и кадеты, которые, будучи назначенными, вопреки их желанию, в общешкольные комитеты, решительно выступали против организации забастовок и отвечали на призывы включиться в революционную деятельность угрозами расправиться с не в меру активными агитаторами из числа гимназистов.

Подавляющее большинство питомцев военно-учебных заведений в силу своих твердых монархических убеждений, неприязненному отношению к политике в целом и в особенности к тем диким, разгульным формам, в которые она была облечена в 1917 г., не могло вписаться в новые реалии общественной жизни. Им оставалось либо героически погибнуть, либо покинуть Россию. Те, кому удалось остаться в живых, унесли с собой на чужбину, законсервировали и сохранили те традиции, правила и заветы, которые в течение десятилетий формировали профессиональный и культурный облик русского офицерства. Их возрождение в России было лишь вопросом времени.

Источники и литература

1. Деникин, А. И. Путь русского офицера / А. И. Деникин. – М.: Современник, 1991. – 300 с.
2. Калкин, О. А. Выпускники Псковского кадетского корпуса на белых фронтах Гражданской войны 1918-1922 гг. / О. А. Калкин, Е. М. Калкина // Михайлов день 1-й. Журнал исторической России. – Ямбург, 2005. – С. 204-216.
3. Айзов, Вл. Последние дни корпуса во Пскове / Вл. Айзов // Досуг кадета-псковича. – Февраль 1957. – Париж. – На правах рукописи. – С. 25-31.
4. Зуев, Г. И. Историческая хроника Морского корпуса. 1701-1925 гг. / Г. И. Зуев. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 447 с.
5. Фус, Г. Г. Последние дни корпуса / Г. Г. Фус // Морской кадетский корпус. В воспоминаниях воспитанников / Сост. А.Ю. Емелин. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»», 2003. – С. 197-203.
6. Шульц, С. С. Из воспоминаний / С. С. Шульц // Морской кадетский корпус. В воспоминаниях воспитанников / Сост. А.Ю. Емелин. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»», 2003. – С. 170-196.
7. Мамонтов, С. Воспоминания / С. Мамонтов // Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» им. А.И. Солженицына (далее – Архив БФРЗ). – Ф. 1. – Е-80.
8. Горская (Переверзева), Н. С. Воспоминания / Н. С. Горская (Переверзева) // Архив БФРЗ. – Ф. 1. – А-64.
9. Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. 1888-1978. – Сан-Франциско: Глобус, 1978. – 292 с.
10. Сейфуллин, В. В. Отношение к революции кадетов Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса / В. В. Сейфуллин // Архив БФРЗ. – Ф-1. – А-115.
11. Таболина, Т. В. Кадеты: рассеяны, но не расторгнуты / Т. В. Таболина // Русская история. – 2009. – № 3. – С. 64-67.
12. Переписка о выдаче документов; списки выпускников учебных заведений России. 1917 // Российский государственный архив военно-морского флота. – Ф. 432. – Оп. 1. – Д. 8158.
13. Крицкий, Н. Н. Владивостокские гардемаринки (Обеспечение Сибирской флотилией корабельной практики гардемарин учебных заведений Морского ведомства в 1915-1917 гг. Владивостокское Морское училище 1918-1920 гг.) / Н. Н. Крицкий, А. М. Буяков. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2000. – 194 с.

ЦЕРКОВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ЕНИСЕЙСКАЯ ЕПАРХИЯ ЗИМОЙ – ЛЕТОМ 1917 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕЧАТИ)

И.Е. Бобрик

Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева

События, охватившие Российскую Империю в 1917 г., для истории Русской Православной церкви стали границей между старым, синодальным, периодом истории РПЦ и новым, советским (или т.н. «вторым патриаршим»). Наряду с этим между двумя указанными формами взаимоотношения государства и церкви находится промежуток, нередко именуемый «церковной революцией», связанный с поисками новых типов государственно-конфессиональных отношений. Исходя из общего тезиса о том, что предпосылки январского декрета 1918 г. были заложены событиями 1917 г., предположим, что некоторые стороны государственно-церковных отношений в Енисейской губернии можно понять, апеллируя к февралю – октябрю 1917 г. К примеру, низкая сопротивляемость населения по вопросу отделения церкви от государства – следствие деятельности приходских собраний в апреле 1917 г. (как одна из причин).

Общей чертой повседневности России в 1917 г. стал «дух» свободы, которым были пронизаны все структуры российского общества. Религиозные организации с падением монархии также ощутили веяние «свободы».

Енисейская епархия, как, никакая другая, недовольная деятельностью епископа Никона (Бессонова), ощутила все возможности от предоставленных прав и свобод. Данный вопрос уже поднимался в работах М.А. Бабкина [1], П.Г. Rogozного [10, с. 212], красноярского исследователя Г.В. Малашина [8, с. 261], поэтому не будем останавливаться на проблеме взаимоотношения епископата и приходского духовенства. В данной работе попытаемся определить те тенденции в умах духовенства после февральского переворота, проблемы, внутриепархиальные кризисные явления, которые, по мнению духовенства 1917 г., необходимо было устранить.

Обобщая предшествующий исследовательский опыт, материалы печати, опубликованные данные, можно привести несколько «волн» повседневной жизни Енисейской епархии после февраля:

– первая «волна» (март – первая половина апреля): деятельность епископа Никона от первых телеграмм правительству до апрельского съезда духовенства и мирян. Восторженное приветствие революции владыкой, политизация, неумышленная «подготовка» енисейского духовенства к свержению правящего архиерея.

– вторая «волна» (вторая половина апреля): деятельность Енисейского епархиального съезда духовенства и мирян. Подмена енисейским духовенством целей съезда, требуя отстранения Никона. Первый «опыт политической борьбы» енисейского духовенства. Создание выборного епархиального органа, отъезд владыки. Оживление и демократизация церковной жизни.

– третья «волна» (апрель – август): «двоевластие» выборного (Епархиальный наблюдательный совет) и поставленного (епископ Гавриил (Воеводин)) начал. «Реакция» епископа Гавриила. Замирание епархиальной жизни.

Итак, исходя из общего для всей страны в 1917 г. критерия повседневности – свободы, Енисейская епархия весной – летом 1917 г. пережила три состояния «свободы»:

1. Свобода, стесненная епископом Никоном;

2. Свобода, выведшая на суд епископа Никона;
3. Свобода, ограниченная последствиями отстранения епископа Никона.

Енисейская епархия, вступая в 1917 г., ощутила ряд острых проблем в церковной жизни. С января 1917 г. эти проблемы стали обсуждаться на страницах нового епархиального журнала – «Енисейская церковная нива». Название журнала выбрано, скорее всего, не случайно. В буквальном смысле, нива – это поле, возделанное для посева, в переносном значении – поле деятельности. В христианском разуме церковной нивой нередко именуют всю паству, главным «сеятелем» такой «нивы», как гласит библейская притча, выступает сам Христос: «И стал сеять семя свое – Слово» [Лк, 8:5]. Иными словами, «Енисейская церковная нива» стала площадкой для обсуждения актуальных тем из жизни епархии, став, тем самым, «публичной сферой», где енисейские пастыри смогли бы создать интеллектуальное пространство.

«Анамнез» Енисейской епархии, судя по первым номерам «Енисейской церковной нивы» следующий. В некоторых уездах губернии церковно-приходские школы полностью пришли в упадок, потому как крестьяне не стали отправлять туда своих детей [5, с. 35], семинаристы уклоняются от пастырства [3, с. 42–43], священники занимаются больше мирскими делами, нежели церковными, перестают посещать своих прихожан, уклоняются от религиозных норм [4, с.15]. Мнение духовенства относительно народа разделилось: первая группа пастырей считает, что народ становится менее религиозным [3, с. 52], вторая группа – народ по-прежнему религиозен, но берет «дурной» пример со своих пастырей [4, с. 15], третья группа – сибирский народ есть «уроды в христианском разуме» (И. Парышев) [6, с. 18].

Таким образом, ненавязчиво, по совокупности мнений, енисейское духовенство в кризисном состоянии церкви склонно обвинять в происходящем не столько паству, сколько самих пастырей.

«Народ видит, что мы только говорим, а на деле не делаем» – писал «Пастырь» [4, с. 14]. О похожем явлении говорил и И. Фигуровский: «Теперь, когда мы горячо говорим о высоте пастырского служения, а сами также энергично уклоняемся от пастырства» [3, с. 43].

Енисейское духовенство, создавая новый журнал, осознавало важность момента: «Если же не пойдем сейчас, мы потеряем последний свой авторитет, утратим последнее свое влияние и вместо нас придут «волки хищные, которые распусят и расхитят «овец» нашего богоданного словесного стада» [3, с. 25].

Таким образом, осознание того, что многие церковные проблемы исходят из деятельности самих пастырей, уже пришло в передовые умы духовенства, но спустя некоторое время, «волной» реформаторских тенденций эту проблему «смыло» желанием «соборности», т.е. выборности в епархиальных структурах.

Итак, вступая в революцию, духовенство Енисейской епархии осознало необходимость укрепления церковного и политического авторитета священника. «Правильное» соотношение «слова и дела» в пастырской среде, многими перед революцией понималось как один из выходов в кризисной ситуации.

После февральского переворота и отречения императора, по-нашему мнению, наступает первая «волна» нахлынувшей «свободы» в епархию, с головой скрывшая епископа Никона. 3 марта, возвращаясь с мужского скита, владыка узнал о произошедших в столице событиях. Как известно, енисейский архиерей крайне восторженно встретил эти события, о чем уже не раз писалось исследователями [8; 10]. Разослав телеграммы правительству, отыскав поддержку революции в рядах енисейского духовенства, епископ Никон стал вести активную политическую жизнь в регионе. С церковного амвона после богослужений владыка вы-

ступил с речами 3, 5, 10, 12, 18 марта, чем, конечно же, изрядно «приелся» красноярскому духовенству. «В дни переворота», – говорил владыка, «я молчать не хочу, не могу и не буду» [5, с. 15]. Владыка всячески старался вызвать в регионе максимальную поддержку Временному правительству.

Первому воскресенью после переворота (5 марта) епископ Никон придал большую значимость, поэтому, отслужив службу в Кафедральном соборе и выступив с политической речью, владыка совершил торжественный молебен с участием всего городского духовенства.

«На нас, отцы, лежит важный долг разъяснить пасомым всю важность исторического момента» – говорил епископ Никон [5, с. 13]. Подобную схему, как 5 марта, архиерей провел и 10 марта, в пасхальный день. При этом, епископ Никон сравнил произошедший переворот с Воскресением Христовым, определив февральский переворот как «гражданскую Пасху» [№3. С. 16]. Кроме этого, в своей речи оратор призывал в пасхальный день отказаться от политической борьбы и раздоров, напоминая некогда французское «всеобщее братание». После молебна состоялось массовое шествие, охватившее до 40 тысяч человек. 12 марта в Архиерейской церкви владыка вновь выступил с речью, высказал «боязнь за Святую Русь», говоря о проблеме незавершенности войны [5, с. 17].

Таким образом, весь март 1917 г. в регионе характеризовался гиперактивной деятельностью епископа Никона, который постепенно политически «взрачивал» енисейское духовенство.

Вторая «волна», по-нашему мнению, начинается тогда, когда енисейское духовенство смогло «объединиться» и составить оппозицию своему архиерею. Созванный самим епископом Никоном, съезд стал местом для осуждения деятельности владыки. За несколько дней до открытия съезда газеты питали надежды на предстоящий съезд. Особо отмечались «соборность», «общепархиальность» съезда, обозначались текущие проблемы епархии (чуждость пастырей по отношению к прихожанам, отсутствие всякой духовной связи, высокая мобильность духовенства). «Этот местный «соборик» должен освежить воздух» – писал «Прихожанин» в «Свободной Сибири» [11]. В конечном итоге, спустя два дня после открытия съезда, был поставлен вопрос об отношении епархии к Епископу Никону. Примечательно, что материалы данного съезда никак не отражены в «Енисейской церковной ниве», а в большей степени в городских газетах.

Идея выборности в рядах духовенства некоторым образом влияла на цели будущего съезда. Хотя, по мнению священника Петра Скрынченко, такие настроения были лишь данью моде, а енисейское духовенство вообще было не готово воспринять принцип выборности [6, с. 25].

Давно назревший и малорешаемый «приходской вопрос» вообще имел неоднозначную оценку в рядах духовенства: одни видели решение проблем в материальном обеспечении духовенства (П. Скрынченко, А. Веселовский, М. Скрынченко), другие в выборности пастырей, их духовном воспитании (И. Фигуровский). Интересным вариантом разрешения «приходского вопроса» предлагалось пчеловодство, на страницах енисейской печати стали появляться статьи на эту тему [4, с. 43; 5, с. 53]. Еще в середине XIX в. ученый-пчеловод Н. Витвицкий писал, что «повсюду в просвещенной Европе священники пекутся и об улучшении пчельного хозяйства», являющегося прибыльной «и вместе приличной для их сана промышленностью» [2, с. 86]. Кроме того, пчеловодство выступает в качестве поднятия авторитета среди прихожан, а также как богослужебный ресурс (воск для свечей). В Енисейской губернии, после массовых сокращений поставок воска, на фоне раз-

ногласий между прихожанами и пастырей, возникла идея популяризовать занятие пчеловодством. Сама необходимость популяризации наталкивает на мысль о низком проценте «церковников-пчеляков» в Енисейской губернии.

С отъездом епископа Никона наступила третья «волна», когда выбранные епархиальные органы не могли функционировать в полной мере, из-за существования двух источников власти. Исходным тезисом о новой «волне» является заметка о «замирании епархиальной жизни» [6, с. 35].

Таким образом, с января по август 1917 г. енисейское духовенство пережило три «волны» и минимум три тенденции в сознании пастырей: «перевоспитание» священников, демократизация епархиальной жизни, устранение «больной головы» (епископа Никона). Многие обсуждаемые вопросы к августу так и остались не разрешены, однако копившийся «пар» был выпущен.

Источники и литература

1. Бабкин, М.А. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / сост., автор предисловия и комментариев М.А. Бабкин. – М.: Индрик, 2006. – 504 с.
2. Витвицкий, Н.М. Практическое пчеловодство. Часть I / Н.М. Витвицкий. – СПб: типография Эдуарда Веймара, 1861. – 153 с.
3. Енисейская церковная нива. – 1917. – №1.
4. Енисейская церковная нива. – 1917. – №2.
5. Енисейская церковная нива. – 1917. – №3.
6. Енисейская церковная нива. – 1917. – №4-5.
7. Енисейская церковная нива. – 1917. – №6-8.
8. Малашин, Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861-2011 гг. / Г.В. Малашин. – Красноярск: ИД «Восточная Сибирь», 2011. – 480 с.
9. Rogoznyy, P.G. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции) / П.Г. Rogoznyy. – СПб.: Лики России, 2008. – 224 с.
10. Свободная Сибирь. – 1917. – №9. – 13 апреля.

СУДЬБА СВЯЩЕННИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

В.С. Жукова

Вологда, Вологодский государственный университет

1917 г. многое изменил в судьбе народов и регионов бывшей Российской империи. Сломал привычный уклад жизни. Несмотря на смену траектории развития, мировоззренческий уклад изменялся довольно медленно. Я хочу обратить внимание на судьбу одной семьи – Турундаевских. По стечению обстоятельств жили они как раз на этапе смены исторических эпох. При написании статьи я буду пользоваться воспоминаниями Александра Анатольевича Турундаевского [1, с. 191 – 155], а так же архивными материалами [2, л. 6 – 7].

Род Турундаевских известен с 1755 г. На фотографии Протоиерей Василий Турундаевский (1840 – 1916 гг.) в центре фотографии, за ним сыновья (слева направо): Николай, Анатолий, Александр, Константин, на полу – Афанасий. Сидят (слева направо): жена Анатолия Анна, жена Александра Антонина, дочь Людмила, жена Константина Елизавета. Дата съемки неизвестна [3]. Из этой большой семьи главное внимание я уделю Афанасию Васильевичу Турундаевскому.

Василий Николаевич Турундаевский (отец Афанасия) имел много детей семь сыновей и две дочери: Николай, Афиногор, Александр, Анатолий, Екатерина, Феодосий, Константин, Людмила и Афанасий. Афанасий был младшим [4]. Отец Василий был священником Крестовоздвиженской Закубенской церкви [1, 192]. Афанасий (1878 – 1977 гг.) в начале XX в. окончил Духовную семинарию.

До I первой мировой войны служил в Зосимо-Савватиевской церкви Тотемского уезда Вологодской губернии. Добровольцем ушел на фронт в 1915 г. и стал «полковым батюшкой». Служил в Устюжской бригаде, честно исполняя свой долг духовного наставника. Однажды во время боя батюшка выступил вперед, держа в руках крест, своим воодушевлением увлекая бойцов вперед, и попал во вражеский плен. В плену отец Афанасий пробыл 7 месяцев, где наряду с другими военнопленными терпел нужду, оскорбления и издевательства. 16 ноября 1915 г. он возвратился из плена [5, с. 5].

В российской печати описывался подвиг священника Афанасия Турундаевского. Вологодские епархиальные ведомости писали о возвращении из плена А. Турундаевского [6], об издевательствах немцев над пленным священником [7], был напечатан рассказ свидетеля событий прапорщика М.И. Сиротина о подвиге священнослужителя [8].

Вскоре отец Афанасий был удостоен награды Золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, а позже – грамотой от Государя Николая II [9]. Не долго отец Афанасий пробыл с семьей вскоре, осенью 1916 г. он вновь отправился на фронт и находился там до февраля 1918 г. [4].

После войны возвратился в село Грибцово (Вологодская губерния) к своей семье и служил в Ильинской церкви. Отношения с местным населением складывались доброжелательные. Его считали человеком высокообразованным, с широким кругозором. Он оказывал медицинскую помощь, был наставником, слыл «великим проповедником слова Божия» [1, с. 339]. После установления советской власти были неоднократные аресты, много еще испытаний выпало на долю данного человека. Первый арест отца Афанасия длился около 2-х месяцев.

Среди архивных материалов встретился акт, составленный при аресте Афанасия Турундаевского в феврале 1919 г. При подготовке публикации за основу были взяты следующие положения: текст печатается полностью, пунктуация приближена к современной [2, л. 6 – 7].

АКТ

1919 февраля 22 дня помощник начальника советской милиции первого района прибыл, в село Грибцово, по предписанию начальника №3 особого отдела 6-й армии для ареста и доставления священника Грибцовской Ильинской церкви Афанасия Турундаевского. Прибыв в погост Поповку, для ареста Турундаевского, но такового дома не оказалось. Спросив у него родственников, где находится, получил объяснение, что он уехал в деревню Медведево в гости на свадьбу. Явившись в означенную деревню с нижеподписавшемся милиционером. Вызвал священника Турундаевского и пригласил его в другой дом. Объявил его арестованным, постановление об аресте было ему объявлено под расписку.

Об этом узнали граждане деревни Медведево. По аресте Турундаевского мною был сдан для отправления в Грибцовский исполком с милиционером тов. Свешниковым в деревни Афонасово и Анофренскую для ареста граждан Малышева и Чебакова. По отъезде моем за арестованным Турундаевским и сопровождавшим его милиционером тов. Хватовым, бросилась толпа из мужчин и женщин в количестве человек 30 с криками: «Мы не отдадим и не отпустим священника». И вслед за священником пришли в Грибцовский исполком с требованием выдачи его, затем все время толпа прибывала и более настойчиво требовала выдачи Турундаевского.

На попытки председателя Грибцовского волостного исполкома тов. Денисова, инструктора Вологодского губернского отдела управления тов. Ковылина и мои успокоить толпу и воздействовать на нее внушением были слышны выкрики: «Долой совет, нужно выкидать их за окно». К женщинам присоединились, и мужчины и требовали выдачи и освобождение попа. Настроение у толпы было буйного характера, и толпа с минуты на минуту все увеличивалась, набралось человек 200 и уже не помещались в здании исполкома и таковые оставались около Исполнительного комитета.

Масса разжигалась черным элементом, скрывающимся в задних рядах, из которых были замечены более сильно разжигающими толпу граждане села Ильинского: Николай Никонов, Головяшкин и Александр Николаев. Как зачинщики и руководители, которые, предводительствуя толпой, первые ворвались в исполнительный комитет. Так же были замечены следующие лица, агитирующими и подрывающими толпу к восстанию и освобождению контрреволюционного попа гр. дер. Медведево: Анна Согласнова, Евдокия Коморина, Елизавета Коморина, Александра Коморина, Анатолий Хмелев, Александр Согласнов, Екатерина Анатольевна Хмелева, Павел Александров, Согласнов; дер. Исаева: председатель районного совета Александр Панкратов, Кабанов, Иван Ершов; села Ильинского: Анна Никонова, Румянцева; дер. Сонихи: Лариза Сонинская, Василий Ареев, Смирнов; дер. Трепарева: Павла Александровна Макарова. Толпа, возбуждаемая означенными лицами, настойчиво требовала освобождения попа.

Попытки мои, также председателя Грибцовского исполкома тов. Денисова и инструктора Вологодского губернского отдела управления тов. Ковылина успокоить и объяснить толпе о не возможности освобождения попа. Продолжались выкрики, что не выйдем из Исполкома, пока не освободите попа, хотя нас всех расстреляйте.

Видя бурное настроение толпы и увеличивающиеся их ряды съезжающимися гражданами из окрестных деревень, и в виду наступающего праздника, а так же и назначенного митинга на 23-е февраля, опасаясь, что восстание может вылиться в острой форме, Исполнительным комитетом было сообщено телеграммой в Кадниковский уездный отдел управления, о высылке вооруженного отряда для ликвидации восстания. Так же телеграммой было сообщено в Устьянский комитет партии, а инструкторам Вологодского губернского отдела управления тов. Ковылиным, было сообщено в Губернский отдел управления. Затем нами опять были приняты меры к восстановлению порядка воздействием на сознательный элемент. После чего, более сознательные массы оставили зал, но большая часть осталась и требовала освобождения контрреволюционного попа. На мое объяснение, что я не имею власти освободить попа, т.к. арестовал его по распоряжению высшей власти и предложение успокоиться и разойтись, в противном случае будет вызван мною отряд Красной Армии, стоящая около меня гр. дер. Шурихи Александра Федоровна Смирнова, закричала, что пусть едут эти хулиганы, а батюшку не отдадим. За что и была тотчас же мною арестована, как оскорбляющая советскую власть в лице Красной Армии.

По аресте означенной Смирновой, толпа из Исполкома стала спешно выходить, крича, что мы завтра соберем всю волость, но не отдадим священника. Около 2-х или 3-х часов утра 23 февраля прибыл из Устьянского комитета партии отряд из 3-х человек вооруженных винтовками, но в это время уже толпа разошлась. Оставалось в помещении церковной сторожки, человек 20, и по приезде их вышли на улицу, но оставались спокойными и попыток к освобождению попа не делали.

Утром 23 февраля около 8 часов поп и арестованные с ним, были направлены под конвоем милиционеров и в сопровождении членов Устьянского комитета партии в город Кадников в распоряжение начальника пункта №3 особого отдела 6-й армии.

При отправке и следовании арестованных селом Грибцовым из церкви выпала толпа народа, но близко не подошла и выступлений не делала. Назначенный на 23 февраля «Митинг» прошел благополучно без всяких эксцессов. На митинге выступали тов. Ковылин и говорилось на тему праздника годовщины Красной Армии с призывом пожертвовать на подарки Красной Армии. По аресте попа 23 февраля в его доме был произведен обыск. При обыске обнаружена бомба «разряженная», которая приложена к протоколу, как вещественное доказательство. О ликвидации восстания телеграфно сообщено в Кадниковский уездный отдел управления, а также и в Губернский.

Выше изложенное постановление записать в настоящий акт и представить начальнику Кадниковкой уездной советской милиции, а по делу восстания произвести расследование.

Помощник начальника
советской милиции 1 района Белов.

В 1930-х гг. о. Афанасий был сослан в концлагерь на постройку Пинежской дороги. Известно, что в годы странствий он принял постриг с именем Александра, но сейчас нельзя сказать точно, где и когда это случилось. Переехав в Омск, о. Александр уже никогда не имел при себе документов и никому не говорил своей фамилии. По некоторым сведениям, А. Турундаевский стал главой катакомбной церкви

[10]. Есть сведения, что в 1960-е гг. Афанасий жил в Загорске, что к нему приходили паломники. Состояние его здоровья соответствовало возрасту [1, с. 340]. Так сложилась судьба отдельно взятого человека, который не искал славу, но о нем писали в периодической печати. Выбрав однажды путь служения Богу и людям, он не отступил от данного выбора даже в период преследований и гонений.

Источники и литература

1. Турундаевский А.А. Наша семья. // История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей. Архангельск – М.: TCM, 2011. – 360 с.: ил.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 54. Оп. 1. Д. 8.
3. Ульянова Е. Атака захлебнулась, и тут батюшка пошел вперед // Православная Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://orthodoxmoscow.ru/ataka-zaxlebnulas-i-tut-batyushka-poshel-vpered/> – Дата доступа: 14. 01. 2017 г.
4. Матонин В.Н. Записки Александра Анатольевича Турундаевского: вологодские священники на германском фронте (1914 – 1918 гг.) [Электронный ресурс].
5. Демидова Е.Л. Вологодские священники – герои [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://idaal.livejournal.com/287511.html>. Дата доступа: 14. 01. 2017 г.
6. Возвращение из плена свящ. А. Турундаевского // Вологодские епархиальные ведомости. – 1915. – № 23. – С. 611 – 612. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/war1914/person-162.html>. – Дата доступа: 14. 01. 2017 г.
7. Издевательства немцев над пленным священником // Вологодский листок. – 1915. – 1 дек. – С. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/war1914/person-162.html>. – Дата доступа: 14. 01. 2017 г.
8. Пастырь добрый. Из письма прапорщика М.Е. Сироткина о подвиге о. Афанасия, опубликованное в «Русских ведомостях». // Вологодский листок. – 1915. – 5 июля. – С. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/war1914/person-162.html>. – Дата доступа: 14. 01. 2017 г.
9. Сивкова А. С крестом и штыком. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta-respublika.ru/_test1/article.php/73593. – Дата доступа: 14. 01. 2017 г.

АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ 1917–1921 ГОДОВ

В.А. Саблин

Вологда, Вологодский государственный университет

Из множества концептуальных моделей осмысление развития крестьянского социума России в последнем столетии возможно с позиций теории модернизации, в широком смысле слова понимаемой как переход от традиционного общества к современному, открытому обществу, как в общемировом, так и в региональном масштабе. В XX в. российская история знала три стадии кардинальных реформ, каждая из которых имела свою специфику, но подчинялась общей логике модернизационных процессов.

Модернизация конца XIX – начала XX в. преследовала цель ускоренным образом преодолеть многоукладность российской экономики и выйти на передовые рубежи мирового и европейского индустриализма, но в конечном итоге привела к дальнейшему социальному расслоению российского общества, увеличению доли малоимущих и неимущих слоев, что объективно способствовало нарастанию антибуржуазных тенденций в сознании деревенских и городских «низов», так и не сумевших в своей основной массе адаптироваться к модернизационному процессу.

Оказавшись выбитыми из своей привычной «социальной колеи», традиционных устоев и представлений, деревенские и городские «низы» стали питательной средой, как для правого, так и для левого радикализма и экстремизма.

Революция 1905–1907 гг. была первой в истории страны революцией, которая представляла собой реакцию общества на издержки самодержавной модернизации, бросала вызов всей европоцентричной, западной модели развития, сложившейся в предшествующее столетие. Великая русская революция 1917–1921 гг., крестьянская по своей основе, служила еще более наглядным примером неприятия традиционным российским социумом форсированных, искусственно насаждавших «вестернизацию» преобразований [1, с. 51, 57].

Начиная с 1990-х гг. отечественная историография аграрно-крестьянского вопроса, пережив, как и вся историческая наука, по выражению В.П. Булдакова, перестроечную моду на умозрительные новшества и игру в альтернативы, пытается возвыситься до концептуального осмысления проблем. Прежде всего, это касается кардинального пересмотра роли крестьянства в событиях 1917–1921 гг. Взамен несостоятельных посылок о пассивном объекте, ведомом классе, попутчике или «союзнике пролетариата» крестьянину возвращается его статус активного субъекта исторического процесса.

Под этим углом зрения В.П. Данилов и Т. Шанин были склонны оценивать роль крестьянства и крестьянской революции в социальных и экономических потрясениях в России 1902–1922 гг. По их мнению, все другие политические и социальные революции в России совершались на фоне крестьянской революции [2, с. 6]. Само понятие «крестьянской революции» постепенно приобретает концептуальное оформление: выделяется ее начальная фаза «общинная революция», которая определяется как война крестьянства против всех – государства, помещиков, хуторян, города [3, с. 156], с конца 1918 г. – стадия аграрной (собственно крестьянской), или земельной революции [4, с. 39], которая в свою очередь постепенно трансформировалась в крестьянскую войну против большевистского режима [2, с. 6].

При фактическом отсутствии слоя помещиков преобладание в северной деревне мелких, не затронутых модернизацией, полунатуральных крестьянских дворов, экономические интересы которых, входили в противоречие с интересами казны и удела – основных собственников земли, определяло своеобразие крестьянских представлений северных губерний о путях справедливого решения аграрного вопроса в начале XX в., которое выражалось в требовании ликвидации всех форм частной собственности на землю, включая крестьянскую, передачи лесов в заведование крестьянскими сообществами или их организациями, наконец, расширения землепользования за счет государственного финансирования и возможности переселения. В свою очередь это придавало аграрной революции на Севере (Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии и, созданные за время революции Северо-Двинская губерния и Карельская Трудовая Коммуна) весьма специфические формы [5].

Следует признать, что в аграрной революции крестьянский социум действовал вполне осознанно. Его безусловное требование «черного передела» было мотивировано, с одной стороны, желанием ликвидировать неупорядоченность землепользования и избавиться от малоземелья, с другой стороны, приумножить свой доход, обеспечить благополучие и стабильность своего хозяйства. «Землевладельцу-барину в «черном переделе» противостоял крестьянин-собственник, а не люмпен-пролетарий» [6, с. 18]. Национализация земли, выразившаяся в основном в конфискации «владельческих земель», отличавшаяся наибольшим напряжением в 1918 г., завершилась на Севере в 1919 г., а в ряде районов и к началу

1920 г. К концу Гражданской войны фонд конфискованных и взятых на учет частновладельческих земель составлял в регионе 300068,66 дес., из которого было распределено 223713,3 дес. земли. Из этой площади 208286,5 дес. (69,4%), было передано в единоличное пользование крестьянам, 8027,81 дес. (2,7%) – совхозам, 7398,99 дес. (2,5%) – первым коммуна и артелям, в запасном фонде было оставлено 76355,36 дес. (25,4%). Прирост крестьянского землепользования оказался незначительным и составил около 3,8%. Параллельно силами самого крестьянства, при неизменной поддержке властей, был проведен «черный передел» земли. Было достигнуто максимальное соответствие размера полевого участка и размера семьи (основной разверточной единицей на Севере оставался «едок»).

Противоположные цели в области перераспределения основного средства производства – земли преследовал аграрно-крестьянский курс северного антибольшевистского правительства в Архангельске, – Верховного Управления Северной области и сменившего его Временного правительства Северной области. Аграрное законодательство белой власти (1918–1920 гг.), при условии его претворения в жизнь, преследовало цель насаждения в деревне «крепкого» крестьянского хозяйства, основанного на применении для обработки земли в основном сил владельца земельного участка и членов его семьи, свободных от принудительной опеки общины. С этой целью правительство, отменив земельное законодательство большевиков, пошло на установление «трудовой» нормы пользования внаемной (расчистки, распашки, новины) землей, определив ее в размере 11 дес. на двор. Все, что превышало норму, подлежало отчуждению и передаче в особый арендный фонд земства. Устанавливался особый порядок бессрочной аренды с правом наследования. Крестьянство, однако, воспротивилось пересмотру результатов «черного передела», и белая власть под влиянием политической конъюнктуры лета–осени 1919 г. фактически капитулировала перед крестьянами, отложив до неопределенных времен реализацию своего аграрного курса [7, с. 66–67].

Эгалитарная идея одержала верх над всякой другой идеей, так или иначе связанной с институтом частной собственности. Восстановление Советской власти в Архангельской губернии сопровождалось возобновлением процесса нивелировки аграрных отношений.

Важнейшим следствием аграрной революции стало изменение социального облика крестьянства. В 1920/21 г. крестьянское хозяйство было наиболее однородным за всю свою историю. Глобальная нивелировка социально-экономической структуры деревни, происходившая на основе натурального, по существу присваивающего хозяйства приводила к своеобразной самоизоляции аграрной сферы.

Обратной стороной этого процесса стала усиливающаяся деградация взаимоотношений с промышленным производством, с городом, если вести речь о широком понимании первооснов этих взаимоотношений. Беззащитность горожанина в продовольственном отношении, дефицит средств и сырья провоцировала особую агрессивность в способах и методах проведения фискальной политики в деревне, которая со временем все более приобретала репрессивный характер. До осени 1918 г. налоговая система в деревне в целом сочетала в себе дореволюционные платежи (государственный поземельный налог и земские сборы) и стихийную советскую налоговую практику, идущую снизу и закрепленную в соответствующих декретах.

С 1919 г. вмешательство государства в деревенское хозяйство становится более энергичным и выливается в наиболее радикальный способ получения продуктов крестьянского труда – продовольственную разверстку. Введение продраз-

верстки послужило отправной точкой для формирования системы натуральных общегражданских повинностей, завершившегося окончательно к 1921 г.

Продразверстка, накладывавшаяся на такие факторы, как снижение поставок хлеба из центра, разруха, аграрное перенаселение, находившее свое выражение в росте численности крестьянских дворов (в 1920 г. на 10,9 % по сравнению с 1917 г.), сокращение размеров семьи, недостаток рабочих рук и обремененность деревни нетрудоспособными членами, падение экономической мощности и слабая производственная база, оказывали значительное влияние на развитие крестьянского хозяйства. Под их воздействием в хозяйстве сокращаются размеры посевных площадей до минимальной потребительской нормы (с 2,0 дес. в 1917 г. до 1,2 дес. в 1920 г.), изменяется их структура в пользу продовольственных культур. Развитие данной тенденции ускоряла политика по уничтожению рынка, который если и сохранялся, то существовал полулегально в формах натурального обмена и не выходил за пределы внутридеревенского оборота. Важнейшей чертой крестьянской «торговли» в силу указанных выше причин явилось увеличение числа приобретающих и резкое сокращение числа продающих дворов.

Таким образом, аграрная революция изменила систему поземельных и экономических отношений в стране. Государство превратилось в абсолютного собственника земли, предоставив хозяйствующим субъектам права землепользователей. Выдвинув крестьянский двор на роль основного производителя сельскохозяйственной продукции, революция одновременно архаизировала его производственные связи, раздробила и измельчила его структуру. В условиях «военного коммунизма» стремление власти направить деревенское производство в нужное ей и регулируемое русло, извлечь при этом максимум продукции, и складывающаяся система управления деревенским производством постепенно приобретали характер глобального принуждения. Мелкое, ослабленное хозяйство пыталось противостоять этому натиску путем дальнейшего сворачивания производства и замыкания в потребительских рамках.

В конечном итоге, важнейшим итогом революции явилась масштабная архаизация и возврат государства к традиционному (аграрному) обществу [8, с. 4]. Специфика исторического развития России в 1920-е гг. (установление диктаторского правления одной политической партии, переросшей в диктатуру вождя), конечно же, придавала этим процессам своеобразие, но не меняла, а скорее укрепляла каркас из несущих конструкций аграрного общества.

Источники и литература

1. Красильщиков, В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций / В.А. Красильщиков – М.: РОССПЭН, 1998. – 148 с.
2. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы / Интерцентр, Гос. архив Тамбовской обл. – Тамбов, 1994. – 334 с.
3. Бухараев, В.М., Люкшин, Д.И. Российская смута начала XX века как общинная революция / В.М. Бухараев, Д.И. Люкшин // Историческая наука в изменяющемся мире. – Вып. 2. – Казань, 1994. – С.154–157.
4. Кабанов, В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке / В.В. Кабанов // Отечественная история. – 1993. – № 2. – С. 34–46.
5. Саблин, В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921. (Социальные и экономические результаты). / В.А. Саблин – Вологда, 2002. – 344 с.
6. Гордон, А.В. Типология семейного хозяйствования в крестьянноведении (90-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.) / А.В. Гордон // Крестьяноведение. Теория. История. Сове-

- менность. Ученые записки. 1999 / А.В. Гордон, Теодор Шанин, Н.Е. Хитрина и др.; Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. – Вып. 3. – М., 1999. – С. 5–25.
7. Саблин, В.А. Аграрная политика белых правительств на Европейском Севере России и в Сибири во второй половине 1918 – 1919 гг. (проблема выработки общего курса) / В.А. Саблин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 2. – Новосибирск: изд-во СО РАН. – С. 59–67.
 8. Безнин, М.А. Аграрный строй России в 1930 – 1980-е годы /М.А. Безнин // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. – Вып. 3. – Вологда: «Легия», 2002. – С. 3–9.

ОСОБАЯ ОХРАНА ПОЧВ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА В СВЕТЕ ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, СОЗДАННОЙ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

Е.Д. Никитин, Е.П. Сабодина

Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Актуальность исследования заключается в том, что охрана почв вышла на первое место в деле защиты среды обитания человека и нуждается в создании, адекватной угрозе исчезновения почв, защите.

Целью исследования является выявление единой линии в защите почв нашего Отечества, определяемой природными и геополитическими предпосылками.

Материал и методы. Материалом исследования являются нормативно-правовые акты, регламентирующие взаимодействие человека и природы, отношения между людьми по поводу земли как средства производства, исторический процесс сохранения плодородия почв в зависимости от этапа развития социума. Метод исследования: структурно-функциональный подход.

Результаты и обсуждение: выявлена необходимость существования общественной собственности на землю как средства производства, в организации особой охраны почв Отечества в условиях сокращения почвенного покрова и истощения плодородия почв планеты на современном этапе. Особо следует отметить позитивный опыт России в деле создания Красной Книги почв и Беларуси в деле исторической преемственности организации особой охраны природы.

В октябре 1917 года на втором Всероссийском Съезде советов был законодательно решён земельный вопрос в русле собранного эсерами, так называемого, «крестьянского наказа о земле». Правотворческая деятельность высшего законодательного органа при принятии данного нормативно-правового акта основывалась на сложившейся веками трудовой деятельности крестьян. Общинный характер земледелия и землепользования определён в нашем Отечестве, как исторической традицией, так и природными и геополитическими условиями, которые являются практически не меняющейся в течение всего исторического периода существования народов восточных славян константой. Ранимость и уязвимость почв зоны экстремального земледелия, суровый климат, долгая зима и короткое лето определяют и, по видимому, ещё долго будут определять, несмотря на успехи НТР, необходимость коллективного взаимодействия земледельцев. Два коротких периода, во время которых произошли серьёзные изменения в пользу частной собственности на землю, а именно период Столыпинской реформы и период рыночных реформ конца XX – начала XXI века, убедительно показывают незащищённость почвы в этих условиях. Наличие помещичьего землевладения в царской

России, обусловившее малоземелье крестьян, создало чудовищную ситуацию, волновавшую лучшие умы России. Хроническое недоедание, регулярный голод в неурожайные годы являются неизменными спутниками российской истории в конце девятнадцатого – начале двадцатого века. В фундаментальной работе «Наши степи прежде и теперь» (1892) В.В. Докучаев на основании своих многочисленных исследований наметил обширный план комплексных мероприятий для борьбы с засухой и повышения производительности почв степных районов: восстановление зернистой структуры чернозёма, лесные полезащитные полосы, снегозадержание и регулирование стока талых вод, правильная обработка почвы с целью накопления и сохранения влаги, строительство прудов и мелких водоёмов, охрана лесов, вод и борьба с эрозией почв [5]. Однако намеченные мероприятия принципиально не осуществимы в условиях ориентации производства на получение прибыли за счёт эксплуатации природы и человека. Следует отметить одно бесспорное положение: факт крупных продовольственных проблем, постоянного недоедания большей части крестьян и частого регулярного голода в царской России конца XIX – начала XX вв. не вызывает сомнений. Систематическое недоедание большей части крестьянства и частые вспышки голода повально обсуждались в публицистике тех лет, причём большинство авторов подчёркивало системный характер продовольственной проблемы в Российской Империи. В конце концов, это и привело к трём революциям в течение 12 лет. В границах нашего исследования необходимо отметить, что наряду с научными исследованиями В.В. Докучаева существовало фундаментальное знание о рациональном землепользовании на уровне народной мудрости и народного опыта, выраженное в итоге в форме закона о земле, принятого II съездом Советов. Из Декрета о земле: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т.д., – отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней» [3].

Основу Декрета о земле, написанного В.И. Лениным, составили 242 наказа местных Советов крестьянских депутатов, опубликованные 19 августа 1917 года в № 88 газеты «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов». Подавляющее большинство российского крестьянства, прошедшее школу тяжелейшего труда в условиях экстремального земледелия России, понимало невозможность использования земли в частном обороте предпринимательской деятельности без голода, разорений и массовой гибели населения. Вышеуказанным обстоятельством и объясняется стремление крестьян, составляющих около 80 процентов населения, к социализации земли.

Однако социализация земли принесёт не только благополучие для населения, но и окажется гарантией защиты природы. Если население сопротивляется беспощадной эксплуатации и выжиманию всех жизненных сил работника в условиях жёсткой конкуренции, обусловленной частной собственностью на землю, то беззащитная природа безропотно угасает, исчезает разнообразие биологических видов, катастрофически сокращается шагреновая кожа почвенной оболочки планеты. И только разумная организация социальных отношений, закреплённая соответствующим ей правовым обоснованием защиты природы в целом и особой охраны почв, способна реально сохранять и развивать биосферу.

Анализ проблемы охраны почв показывает, что это весьма многоплановая задача (Г.В. Добровольский, Е.Д. Никитин 1990, 2000, 2006), в которой выделяется несколько взаимосвязанных уровней (Е.Д. Никитин, 1990, 1997, 2005). Среди них в качестве самостоятельного обособляется восстановление естественных почв и сохранение почвенного разнообразия, что является стержнем особой охраны почв. Осознание необходимости устремления пристального внимания природоохранных структур именно к почвам приходит со значительным запозданием.

Отставание развития особой охраны почв связано с рядом причин, среди которых одно из важных мест занимает преобладающая утилитарная, главным образом агрономическая трактовка почвы как объекта сельскохозяйственного производства, основное назначение которого – выращивание урожая за счёт обеспечения растений почвенными элементами питания. Начиная с 70-х годов, такая трактовка почвы уже не могла удовлетворить ни учёных, ни практиков. Почва, как выяснилось, более многогранна в структурно-функциональном отношении. Это нашло отражение в работах, посвящённых роли почвенного покрова в биосфере и экологическим функциям почв (Г.В. Добровольский, Е.Д. Никитин, 1986, 1990, 1996, 2006; Структурно-функциональная роль почв..., 1999, 2003 и др.). Организованные государством системные мероприятия по защите природы, реализации замыслов В.В. Докучаева потребовали длительного, в несколько десятилетий, трудового процесса, соединившего усилия миллионов людей. Преобразование природы даст свои ощутимые результаты только к семидесятым годам прошлого столетия. К концу XX столетия будет внесён новый фундаментальный вклад в генетическое почвоведение отечественными учёными, такими как Г.В. Добровольский, Е.Д. Никитин, В.А. Ковда и др.

По представлениям современных учёных особое место в охране почв занимает подготовка и издание Красной книги почв России. Подготовка и правовое утверждение Красной книги и кадастра особо ценных почв России имеют исключительно принципиальное значение для реализации особой охраны почв и биосферы. Данный документ не только создаёт юридическую основу для практических работ по сбережению почвенного разнообразия, но и приводит в целостную систему сам процесс борьбы за сохранение почвенного царства природы. Без такого правового документа попытки сберечь естественноисторические почвенные тела не дадут нужного эффекта и окажутся тщетными [6].

Практическая реализация работ по подготовке и изданию Красной книги почв России убедительно показала необходимость целостного подхода к особой охране и сохранению почв, который трудно реализуем или почти нереализуем в условиях господства частной собственности на землю как средства производства. Трудный исторический путь нашего народа эмпирическим способом посредством различной правовой практики со всей очевидностью приводит нас к необходимости здорового традиционализма, то есть возвращения к тем формам бытия, которые наиболее благоприятно сказывались на сохранении окружающей среды. Огорчение и страх перед негативными процессами сокращения жизненных ресурсов планеты, угрозы войн за воду, землю и продовольствие должны смениться взвешенным научным анализом сохранившихся возможностей восстановления биосферы, в котором опыт природоохранного землепользования и рационального земледелия, накопленный за предыдущее столетие нашим Отечеством, будет востребован в полной мере. Историческое значение тенденции развития, заложенной Великим Октябрем, в том числе и в деле сохранения почвенного покрова планеты, ещё не осмыслено в должной мере.

Нам не удастся сохранить природу и выжить на этой планете, основываясь на принципе максимизации прибыли, сверх эксплуатации природных ресурсов и рабочей силы, которые и предполагает господство частной собственности на землю. Но если иначе строить свои отношения с природой и друг другом, то как они будут выстроены? Мы осмелимся высказать некоторые предположения. Вероятно, в случае позитивной тенденции существования человеческой цивилизации, прежде всего, будут выстроены человеческие отношения, основанные на следующих принципах:

1. Активное преобразование окружающего мира, основанное на законах гармонии и красоты (чем, собственно, и занимались наши предки в наиболее позитивные периоды своей жизни, что и составило лучший опыт землепользования и земледения в период существования нашего Отечества с 1917 по 1991 гг., и во многом в передовых достижениях природоохранного движения, таких как создание Красной книги и кадастра особо ценных почв в России на современном этапе).

2. Создание этических кодексов, основанных на правдивости, честности как по отношению к людям, так и по отношению к природе. С политикой двойных стандартов и низменными поступками придётся расстаться.

3. Организация обучения и трудовой деятельности на основе обмена глубокими фундаментальными идеями, – глупый шум лживых СМИ будет прекращён.

4. Осознание могущества человека как причины происходящих в природе событий, т.е. признание роли антропогенного фактора в почвообразовании и в других природных процессах.

5. Способность объединяться в группы для поддержания вышеуказанных принципов поведения как важнейший фактор биосферного бытия.

6. «Вся геобиосфера, находящаяся на территории России, все её природные ресурсы и земли, независимо от форм собственности, рассматриваются как национальное достояние единой страны» [4, 336].

При кажущейся утопичности подобной организации общественных отношений нам следует понимать, что существующие сегодня тенденции, определяющие отношение человека к природе, неразумны и опасны. Когда 100 лет назад наши предки совершали революционные преобразования, социальная действительность была весьма далека от идеальной. Однако это не пугало тех, кто хотел преобразовывать мир по законам гармонии и красоты. Не пугает и сегодня. Создатели Краснокнижного движения в России определили задачи дальнейшего развития охраны почв. Кратко остановимся на первоочередных задачах, которые предстоит решать при разработке Красной книги почв различных уровней. Прежде всего, необходимо точно установить, какие почвы к настоящему времени включены в уже существующую в стране систему заповедников и заказников. К сожалению, пока нет ни одной полной сводки по данному вопросу. Это во многом связано с тем, что далеко не все почвы заповедников и заказников изучены с необходимой полнотой, далеко не всем из них даны надежная диагностика и классификационное определение. Так, анализ материалов, изложенных в книгах «Заповедники СССР» (1983) и «Заповедники России» (1994), показал, что сведения о почвах имеются примерно лишь для 25 % заповедников [6]. Для остальных заповедников такие сведения просто отсутствуют. Следовательно, первейшая необходимость – создание общей сводки и списка уже заповеданных почв. Для этого, конечно, потребуются дополнительные исследования, и их необходимо срочно проводить, так как иначе дальнейшее продвижение в разработке Красной книги почв невозможно.

Другая задача первостепенной важности связана с выявлением всех редких и исчезающих в силу различных причин (эрозии, застройки промышленными и городскими объектами, загрязнения, глубокого преобразования техническими мероприятиями и др.) естественных почвенных разностей. Одновременно необходимо выявление эталонных почвенных профилей, наиболее полно характеризующих различные систематические категории почв (виды, роды, подтипы и др.).

Успешная подготовка Красной книги почв, конечно, прямо зависит от всесторонней разработки общей теории охраны и рационального использования почв, объективных исходных положений, определяющих данную проблему и пути её решения. В данной области, несмотря на значительные достижения последних лет, остаётся ещё много неясного и слабо разработанного, не позволяющего в полной мере оценить разностороннюю пользу от практической реализации Красной книги почв.

«Для подлинного понимания значения сбережения и особой охраны мира почв особенно важно учение о незаменимости почвенного покрова в биосфере и экологической полифункциональности почв. В свете данного учения создание Красной книги почв, всесторонняя охрана и рациональное использование почв выходят за рамки просто почвозащитных вопросов. Они поднимаются до уровня проблемы сохранения благополучия биосферы и планеты в целом, поскольку биогеоценотические и глобальные функции почв (прежде всего естественных) являются обязательным условием сохранения исторически сложившихся круговоротов вещества и энергии на Земле, без чего жизнь на ней невозможна» [6].

Возвращаясь к правовым и социальным условиям успеха охраны почв, следует обратить внимание на конституционные основы государств России и Беларуси, касающиеся отношения к земле. В соответствии с Конституцией РФ ст. 9 п. 1 «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» [1]. Основной закон чётко указывает на принцип связи между народом и землёй, как основой жизни. Подготовку природоохранного законодательства и Краснокнижное движение в большинстве субъектов РФ следует рассматривать как последовательную реализацию указанного конституционного положения.

Следует отметить высокую степень государственной и конституционной защиты земли в Республике Беларусь: «Недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства. Земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства» – из ст. 13 Конституции Республики Беларусь [2].

Подводя итоги нашей небольшой работы, укажем на актуальность и вечность темы защиты почвы, формирования единства биосферы и ноосферы, непреходящее значение свершений Великой Октябрьской революции в жизни народов нашего Отечества.

Источники и литература:

1. Конституция РФ // М. 2016.
2. Конституция Республики Беларусь // Минск 2016.
3. Декрет о Земле // Орлов А.С. и др. Хрестоматия по истории России. М. 2016.
4. Добровольский Г.В., Никитин Е.Д. Экология почв // М. Изд-во МГУ, 2012. 410 с.
5. Докучаев В.В. Наши степи прежде и теперь // Под ред. и с предисловием В.Р. Вильямса и З.С. Филипповича. М. – Л.: Сельхозгиз, 1936.
6. Красная книга почв России // Науч. ред. Г.В. Добровольский, Е.Д. Никитин М. МАКС Пресс, 2009, 576 с.

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ – ВЕНГЕРСКАЯ И СЛОВАЦКАЯ СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ (1919 Г.)

Михал Шмигель

Банска-Быстрица (Словакия), Университет им. Матеев Бела

К концу октября 1918 г. многонациональная Австро-Венгерская монархия рухнула под тяжестью внутренних противоречий и неудач в Первой Мировой войне. 30 октября 1918 г. в Вене состоялась массовая демонстрация рабочих и солдат с требованием установления республики (была установлена 12 ноября 1918 г.). В ночь на 31 октября в Будапеште началась революция, которая привела к власти либерального графа Михая Каройи, ставленника Антанты, ставшего новым премьер-министром Венгрии. 16 ноября 1918 г. венгерский парламент расторг унию с Австрией и провозгласил независимую народную республику (Каройи стал её президентом). При этом, 13 ноября 1918 г. в Белграде правительство Венгрии подписало перемирие с Антантой, установившее территории, которые оставались под контролем венгров до момента окончательного установления границ. По условиям перемирия сербские и французские войска продвинулись с юга и взяли под свой контроль Банати Хорватию. В то же время Чехословакия (ЧСР) оккупировала Верхнюю Венгрию (большую часть современной Словакии) и частично Подкарпатскую Русь. Румынские войска захватили Трансильванию [1, с. 74]. Вопрос новых границ в регионе должен был окончательно решиться на Парижской мирной конференции, которая начала свою деятельность в январе 1919 г.

В это время в Венгрии обострились противоречия между революционными силами и правительством. По всей стране возникали советы. Пролетарские настроенные военнопленные, прибывшие в это время в страну из России, образовали Коммунистическую партию Венгрии во главе с Бела Куном.

Сложной оставалась экономическая ситуация. Блокада Венгрии со стороны Чехословакии (Антанта обещала снять её только после подписания мирного договора) лишила страну германского угля и зимой 1918-1919 г. в городах почти прекратилось отопление домов, не функционировали железные дороги, что вызвало промышленный спад и рост безработицы. Из-за нехватки продовольствия начался голод. Ситуация усугублялась массовым притоком венгерских беженцев из Трансильвании, Галиции и Словакии. Ошибочная финансовая политика правительства, прибегшего к денежной эмиссии, обернулась масштабной инфляцией. С каждым днем росла опасность экономического хаоса и социального взрыва [2, с. 166-176]. Популярность Каройи, который не сумел стабилизировать положение ни внутри страны, ни на фронте, заметно упала.

20 марта 1919 г. уполномоченный Антанты французский полковник Фернанд Викс предъявил ультиматум Будапешту. Нота Вика заключала в себе требование (в соответствии с решениями Парижской мирной конференции) эвакуации венгерских войск из ряда пограничных территорий, и их передачи Румынии и Чехословакии. Это вызвало волну возмущения в стране. Сопrotивляться этому требованию правительство Венгрии не могло и было не в силах отвергнуть его. Ответным шагом Будапешта стала отставка правительственного кабинета Д. Беринкеи.

21 марта 1919 г. президент М. Каройи объявил о том, что поручает формирование нового правительства социалистам (при помощи которых Венгрия могла бы получить поддержку от большевистской России). Социал-демократы, стремясь к формированию устойчивого коалиционного правительства, уже вели переговоры с венгерскими коммунистами и было достигнуто соглашение об объединении

обеих партий в Социалистическую партию Венгрии. Было образовано коалиционное правительство – «Революционный Правящий Совет» во главе с социал-демократом Шандором Гарбаи. Лидер коммунистов Б. Кун официально занял пост комиссара по иностранным делам, но, реально, он играл главную роль в правительстве, которое оперативно – 21 марта 1919 г. – провозгласило Венгерскую Советскую республику (президент Каройи сложил полномочия). Однако спустя несколько дней коммунисты вытеснили социал-демократов из правительства и установило в стране «диктатуру пролетариата». Для обеспечения защиты республики от контрреволюции коммунисты начали формирование Красной гвардии, позднее реорганизованную в Красную Армию (КА) [3, с. 309; 4, с. 56-63, 80-90].

В стране начали осуществляться коренные социально-экономические, политические и культурные преобразования. Новая власть провозгласила отмену аристократических титулов и связанных с ними привилегий, отделение церкви от государства, гарантировала свободу слова и собраний (ввиду классового характера республики), ввела всеобщее избирательное право для всех граждан (кроме тех, кто эксплуатировал чужой труд), распустила старые суды, полицию и создала пролетарские революционные трибуналы. Национализировались банки, крупные и средние предприятия, транспорт, торговля. В государственную собственность переходили помещичьи земли. Повышалась зарплата рабочих и служащих. Вводился 8-часовой рабочий день, общее социальное страхование, бесплатное обучение и медицинское обслуживание [1, с. 142 и посл.]. Провозглашение советской республики в Венгрии и последовавшие преобразования получили полную поддержку руководителей Советской России.

Одобрение в обществе получила деятельность правительства по восстановлению старых венгерских границ. Но, с другой стороны, национализация земли и образование государственных хозяйств (вместо раздела помещичьих земель между земледельцами), а также реквизиции продовольствия для рабочих и армии восстановили против правительства большую часть венгерского крестьянства. Результатом этого были регулярные конфликты, нередко приводившие к вооружённым столкновениям красноармейцев с крестьянами [5]. Ещё одним фактором, который снизил популярность коммунистического правительства, было то, что почти все его члены (Б. Кун, Д. Лукач, М. Ракоши, Т. Самуэли, В. Бём, Е. Варга и др.) были евреями, а в стране сохранялись антисемитские настроения. Непрочность позиций новой власти усиливалась и вследствие действий внешних сил.

Нужно подчеркнуть, что режим Б. Куна ориентировался на революционную войну в ожидании помощи со стороны Советской России и пролетариата соседних стран, надеясь с их помощью противостоять давлению Антанты. Будапешт решительно отверг ноту Викса. Предполагается, что Б. Кун надеялся на организацию совместных операций наскоро создаваемой венгерской Красной Армии и Советской России против Румынии и Чехословакии. Однако правительство В. Ленина не имело возможности отправить в Венгрию войска и ограничилось выражением моральной поддержки [6, с. 63].

Государства Антанты не ожидали такого поворота событий и на первых порах не находила адекватного решения венгерской проблемы. В начале апреля 1919 г. в Будапешт была даже направлена ее военная миссия, но переговоры зашли в тупик. Однако под влиянием опасения распространения большевистских революции в Европе (6 апреля 1919 г. была провозглашена Баварская Советская республика, 15 апреля Советский Лимерика в Вене вспыхнуло анархистское восстание) и благодаря усилиям Франции, начинается подготовка к ликвидации Венгерской Советской рес-

публики (ВСР). В то же время в Трансильвании а затем в Сегеде было образовано венгерское контрреволюционное правительство Дьюлы Каройи, при котором была сформирована Национальная армия Миклоша Хорти [7, с. 25-26].

16 апреля 1919 г. началась румынская интервенция в Венгрию с целью продвижение на линию реки Тиса. Армия ЧСР присоединилась к интервенции 27 апреля 1919 г. Она двинулись на Мишкольц и проникла на юг Подкарпатской Руси к Чопу и Мукачеву. Второй демаркационной линии (установленной в Париже 16 февраля 1918 г.) ей всё же не удалось достичь. 10 мая 1919 г. венгерские войска начали боевые действия против румын. 21 мая 1919 г. 100-тысячная венгерская Красная Армия – усиленная мобилизацией и хорошо вооруженная (с большим количеством артиллерии) – перешла в контратаку против чехословацких войск. Так называемый «Северный поход» проходил успешно иразвернулся в трех направлениях: на Мишкольц-Кошице, на Лученец и на Левице. Досередины июня 1919 г. венгры захватила значительную часть южной и восточной Словакии (от Новые Замки до Михаловце) и проникли дословацко-польской границы возле Бардеёва [8, с. 163-189; 9, с. 70-72].

Этому успеху способствовали, помимо военного превосходства, *неукомплектованность* и плохое моральное состояние армии ЧСР, а также поддержка части населения (в частности местного венгерского населения), которое первоначально приветствовало приход венгерской КА как социальных и национальных освободителей [10, с. 35]. Параллельно в структурах венгерских коммунистов, в соответствии с поступившими из Москвы рекомендациями, начал разрабатываться план создания советского режима в Словакии [11, с. 376-378].

Территориальное продвижение большевистской армии в Словакии требовало быстрого вмешательства со стороны великих держав. Антанта, однако, не имела в регионе достаточно сильной армии, и борьба между армиями ЧСР и ВСР продолжались (с применением артиллерии, авиации и бронепоездов) [10, с. 31-35].

На территории Словакии, занятой венгерской КА, сразу же создавались рабоче-крестьянские советы, бравшие власть в свои руки. 16 июня 1919 г. в Прешове на массовом митинге была провозглашена Словацкая Советская республика (ССР) и был избранвременный Революционный исполнительный комитет (верховный орган Советской власти в Словакии), утвердивший 20 июня 1919 г. состав Словацкого революционного правительственного совета (с местопребыванием в Кошице), председателем которого стал чешский революционер Антонин Яноушек. Советская Словакия примкнула к Коминтерну и выразила солидарность с Советской Россией, ВСР и революционной борьбой чешского пролетариата.

По примеру Советской Венгрии и в Словацкой Советской республике были начаты кардинальные преобразования. Первыми актами Словацкого революционного совета явились решения о национализации крупнейших промышленных и торговых предприятий, банков, транспорта и о безвозмездной экспроприации помещичьих и церковных имений размером более 50 га. Однако земля не была поделена между крестьянами, а на ней создавались государственные хозяйства и производственные товарищества сельскохозяйственных рабочих и беднейших крестьян. Были изданы декреты о 8-часовом рабочем дне, увеличении заработной платы, пенсиях, освобождении крестьян от налогов и т. п. [12;4] Советское правительство Словакии провело мобилизацию и приступило к созданию словацкой Красной армии, которая к концу июня 1919 г. – согласно некоторым источникам – насчитывала около 50 тыс. человек [13, с. 353-357].

Вначале июня 1919 г. премьер-министр Франции Жорж Клемансо направил советскому правительству Венгрии ноты, в которых содержалось ультимативное требование остановить наступление, вывести войска из ССР и отвести части венгерской КА за установленную Антантой демаркационную линию, обещая, что румынские войска также отойдут за демаркационную линию. В противном случае Антантагрозила скоординированной атакой французов и сербов с юга, румын с востока и чехословацких войск с севера.

Чехословацкая дипломатия попыталась использовать венгерское наступление в Словакии для оправдания новых территориальных претензий. Тем не менее, Великие державы, желая скорейшей стабилизации Центральной Европы, частично их удовлетворили. 12 июня 1919 г. Верховный Совет Парижской мирной конференции принял решение о дефинитивной границе между Словакией и Венгрией [6, с. 64]. Об этом правительствам ЧСР и ВСРсообщили по телеграфу 14-15 июня 1919 г. Тем не менее боевые действия продолжались.

Практически уже в моменте провозглашена Словацкой Советской республики (16 июня 1919 г.) румынская и чехословацкая армии перешла в наступления. Это, а также понимание, что Советская Россия (связанная гражданской войной и войной с Польшей) «не протянет руку помощи», и заставило Венгрию приступить к переговорам. Её представители согласились вывести войска из невенгерских территорий, но требовали адекватного вывода румынских войск от Тисы на восток. 24 июня 1919 г. между ВСР и ЧСР было объявлено перемирие. 1 июля 1919 г. в Братиславе была достигнута договоренность о выводе венгерской КА из Словакии. К 4 июля Будапешт выполнил это требование, в результате чего Советская Словакия была занята чехословацкими войсками [6, с. 64; 9, с. 70-72; 14, с. 93].

Хотя правительство ССР выступало в качестве представителя независимого государства и устанавливало «дипломатические» отношения с другими советскими республиками, ССР была зависимой от ВСР. Советская Словакия как марионеточное государство в полной мере следовало венгерскому образцу – начиная со структуры судов, органов государственной власти, армии, и заканчивая уровнем заработной платы. После отступления венгерской КА этот марионеточный режим де-факто рухнул. Хотя некоторые лица заявили о своей решимости продолжать сопротивление, но лидеры ССР 1 июля 1919 г. сами покинули Словакию, какое-то время еще действуя в венгерском Мишкольце. Последние остатки советской республики были ликвидированы чехословацкими подразделениями 7 июля 1919 г. [14, с. 93].

В конце июля 1919 г. Румыния возобновила свое наступление на Венгрию. Румынская армия пересекла Тису, быстро продвигалась по стране, вскоре отрезав все пути к столице, и в начале августа 1919 г. её практически оккупировала (над западной Венгрией захватила контроль Национальная армия адмирала Хорти) [15, с. 612]. В результате политического кризиса 1 августа 1919 г. ВСР прекратила свое существование (просуществовав 133 дня). Бела Кун бежал в Австрию и в конце концов перебрался в Советскую Россию. В то же время и венгерская КА фактически перестала существовать. Будапештским Советом рабочих депутатов было избрано новое социалистическое правительство Д. Пеидла, однако оно долго не просуществовало. 6 августа 1919 г. вошедшие в Будапешт румынские войска окончательно ликвидировали власть социалистов и поставили точку в истории Венгерской Советской республики. Последующий период ознаменовался ликвидацией главных достижений революции и началом беспощадного «белого» террора против её участников [3, с. 312-314].

Венгерский и сателлитный словацкий «советский эксперимент», вдохновленный Октябрьским переворотом в России, потерпел крушение. Также как и дру-

гие западноевропейские советские республики «первой волны» с экзотическими названиями: Бременская Советская республика, Баварская Советская республика, Советский Лимерик, Эльзасская Советская республика. Правда – пока говорить о Центральной Европе – ненадолго...

Источники и литература

1. Нежинский, Л. Н. 133 дня 1919 года: Советская Россия и Венгерская Советская Республика / Л. Н. Нежинский. – Москва, 1989 – 301 с.
2. Айрапетов, А. Г. «Красный граф» Каройи – первый президент Венгрии / А. Г. Айрапетов // Новая и новейшая история. – 2013. – № 3. – С. 166-176.
3. Kontler, L. Dějiny Maďarska / L. Kontler. – Praha, 2001. – 603 s.
4. Slovensko a Maďarsko v rokoch 1918 – 1920. Zborník referátov z konferencie v Michalovciach 14. – 15. 6. 1994. Zost. Ladislav Deák. – Martin, 1995. – 181 s.
5. Лебов, М. Ф. Венгерская Советская Республика 1919 года / М. Ф. Лебов. – Москва, 1959. – 273 с.
6. Пеганов, А. Чехословацкое направление внешней политики Венгрии в 1918-1920 годах / А. Пеганов // Палітычная сфера. – 2013 – № 20 (1). – С. 54-75.
7. Zeidler, M. A revíziógondolat / M. Zeidler. – Pozsony, 2009. – 390 p.
8. Hronský, M. Boj o Slovensko a Trianon 1918-1920. – Bratislava, 1998. – 326 s.
9. Rychlík, J. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914 – 1945 / J. Rychlík. – Bratislava, 1997. – 360 s.
10. Michela, M. Pod heslom integrity. Slovenska otázka v politike Maďarska 1918–1921 / M. Michela. – Bratislava, 2009. – 272 s.
11. Ďurišin, M. K otázke štátoprávneho postavenia Slovenskej Republiky Rad v roku 1919 / M. Ďurišin // Annales Historici Presovienses. – 2010. – № 9. – С. 371–385.
12. Slovenska Republika rad. Dokumenty. – Bratislava, 1970. – 117 s.
13. Марьина, В. В. Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие революционного движения в Словакии в 1918-20 гг. / В. В. Марьина // Из истории революционного движения народов Чехословакии: сборник статей. – Москва, 1959 – 386 с.
14. Slovensko. Vojenská kronika / V. Segeš a kol. – Bratislava, 2007. – 204 s.
15. Kirițescu, C. Istoria războiului pentru întregirea României 1916 – 1919. Vol. II. / C. Kirițescu. – București, 1923. – 1118 p.

ФОТОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК О ХОДЕ И ХАРАКТЕРЕ РЕВОЛЮЦИИ: НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 ГОДА В ФОТОГРАФИЯХ ФЕДЕРАЛЬНОГО АРХИВА ГЕРМАНИИ И НЕМЕЦКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (Г. БЕРЛИН)

Т.Г. Хришкевич

Псков, Псковский государственный университет

Одной из отличительных черт историографии новейшего времени можно считать стремление к расширению источниковой базы, в том числе за счет использования визуальных источников. С ростом достижений научно-технического прогресса стремление подкрепить вербальную политическую историю фото- и кинохроникой, аудио- и видео материалами вполне оправдано.

Февральская и Октябрьская революции в России 1917 г. и Ноябрьская революция в Германии 1918 гг. оставили богатое фото-наследие. Это не только авторские фотографии участников или событий, сохранившиеся как в негативе, так и позитиве. Нередко это почтовые карточки с фотографиями политических лидеров, а так же простых солдат и матросов. Сравнительный анализ фотографий революционных событий России и Германии может являться предметом значи-

тельного научного исследования. В нашем обзоре мы обратимся к фотонаследию революционных событий в основных германских городах в 1918-1919 гг.

Современная германская историография выделяет две фазы Ноябрьской революции: революционную – ноябрь 1918 – январь 1919 г. и парламентскую – январь – май 1919 г. [25] Исследователи сходятся в оценке характера Ноябрьской революции как умеренном и мирном. Её мирный республиканский характер нашел своё отображение в визуальных источниках.

Значительную коллекцию фотографий и фотодокументов хранят Федеральный архив Германии [6] и Германский исторический музей в Берлине [8]. В их коллекции содержатся как фотографии, так и почтовые карточки, отпечатанные в ноябре 1918 г. – январе 1919 г. Федеральный архив хранит несколько коллекций фотографий, посвященных событиям Ноябрьской революции. Одна из самых заметных принадлежит немецкому фото-корреспонденту Роберту Вильгельму Зеннеке (1885-1940). Его фотоархив составляет 61 карточку, из них 38 иллюстрируют события ноября 1918 г. – августа 1919 г. [23]

В сентябре 1918 г. постепенно подходит к концу Великая война. Страдания мировой войны обернулись революционными потрясениями во многих европейских странах. Голод, лишения, разочарования привели к подъёму демократических и социалистических устремлений. В ноябре 1918 г. почти без особого сопротивления рухнул Кайзеррейх. Провозглашенная 9 ноября республика соответствовала политическим желаниям многих немцев. Однако стремление левых сил установить советскую власть по образцу русской революции привела к кровавым событиям декабря 1918 г. – января 1919 г. До весны – лета 1919 г. продолжалась борьба, которая после убийства лидеров группы «Спартак» приняла парламентский характер и привела к установлению Веймарской республики.

Революция открылась мятежом моряков в Вильгельмсхафене и Киле, которые вышли на массовые акции протеста из-за арестов товарищей, отказавшихся вступить в «почетный» бой против превосходящих британских сил. Расстрел 3 ноября 1918 г. военным патрулем в Киле семи демонстрантов дал сигнал к вооруженному восстанию. На фотографиях и почтовых карточках мы видим сотни безоружных матросов, которые мирно проходят по Вильгельмсхафену, а так же выпущенных из тюрьмы мятежников [17], [9] (Приложение, фото 1, 2). Демонстрации без оружия в эти дни являются результатом не только мирной инициативы, но и последствием разоружения армии проигравшей Германии.

Несмотря на то, правительственному агенту Густаву Носке (СДПГ) удалось успешно обуздать мятеж в Киле обещанием амнистии, остановить революцию было уже невозможно. В течение нескольких дней почти во всех немецких городах создаются революционные советы [21], [12] (Приложение, фото 3,4). Их преимущественный состав – рабочие, солдаты, матросы сохранился на фотографиях, сделанных в первых числах ноября 1918 г.

Падению трона Гогенцоллернов предшествовало падение монархий в отдельных частях рейха. Первый немецкий трон упал в Баварии. 7 ноября в Мюнхене Совет провозгласил Баварскую республику. 9 ноября последовало отречение кайзера Вильгельма II. В течении нескольких часов отпечатанная прокламация была широко распространена по всей стране [2] (Приложение, фото 5). 10 ноября в Вильгельмсхафене под лозунгом «Мы тоже народ» состоялся очередной митинг, на котором было объявлено о необходимости добиваться «часа освобождения народов». Совет объявил о свержении великого князя Ольденбургского и провозглашении Социалистической Республикой Ольденбургской [7] (Приложение, фото

6). Фотографии запечатлели сотни матросов без оружия с красными флагами, которые в очередной раз прошли по улицам города.

Утром 9 ноября, революционные, анти-монархические настроения в Берлине достигли пика. Рабочие вышли на забастовку [22] (Приложение, фото 7.) Тысячи объединились в демонстрацию перед зданием рейхстага [11], [5]. (Приложение, фото 8, 9). В эти часы руководство СДПГ стремится встать во главе революционного движения и предотвратить кровопролитие. 9 ноября в 14.00 Филипп Шейдеманн без консультации с Фридрихом Эбертом провозглашает с балкона рейхстага Республику [14], [3] (Приложение, фото 10, 11).

Улицы Берлина были наводнены восставшими под красными флагами [18] (Приложение, фото 12). На фотографиях вооруженные люди по-прежнему редкость. Фотографии сохранили и особенности повседневной жизни горожан. Это были первые дни после войны. Немцы жили впроголодь, свидетельство мы находим на фотографии, на которой запечатлена раздача хлеба в рейхстаге [18] (Приложение, фото 13).

10 ноября, СДПГ и НСДПГ формируют на паритетных началах Совет Народных Уполномоченных под председательством Фридриха Эберта и Гуго Гаазе. По этому поводу были выпущены почтовые карточки, на которых изображены портреты шести членов Совета – Вильгельм Дитман (НСДПГ), Отто Ландсберг (СДПГ), Гуго Гаазе (НСДПГ), Фридрих Эберт (СДПГ), Эмиль Барт (НСДПГ), Филипп Шейдеманн (СДПГ) [16] (Приложение, фото 14). В декабре 1918 г. и январе 1919 г. члены совета были запечатлены в Веймаре фотографом Робертом Зеннеке. На них второй состав СНУ – Отто Ландсберг, Филипп Шейдеманн, Густав Носке, Фридрих Эберт, Рудольф Виссель [1] (Приложение, фото 15).

Почти мирно развивающаяся революция приняла кровавый оборот на Рождество, что оставило свой след на фотопластинках. 23 декабря 1918 г. Совет народных депутатов Народной морской дивизии приказал вывести войска из Берлина. В Народной морской дивизии эти требования были отклонены. В ответ на это в канун Рождества в Берлине развернулись кровавые бои между регулярными войсками и моряками в штаб-квартире Народной морской дивизии в Берлинском дворце [10], [15] (Приложение, фото 16, 17). На фотографиях хорошо видны вооруженные винтовками матросы, выступающие против регулярных войск, при поддержке бронетехники.

5 января 1919 г. группа Спартак и КПГ развязали в Берлине вооруженное восстание. Георг Ледебур и Карл Либкнехт объявили о низложении Совета Народных Уполномоченных. С 5 по 12 января революционные рабочие заняли части центра города. Спонтанное и стратегически недостаточно хорошо спланированное Январское восстание было последней попыткой крайне левых построить советскую власть и не допустить выборы в Учредительное собрание. Кровопролитные сражения января 1919 г. на некоторое время изменили характер революции [24], [19], [4], [20] (Приложение, фото 18-21).

19 января 1919 г. революция вернулась в русло парламентаризма. В Веймаре было открыто Учредительное собрание. Оно приняло Веймарскую конституцию и при большом стечении народа провозгласило президентом Фридриха Эберта. (Приложение, фото 22).

Начало XX века это время, когда фотоаппараты ещё не были массовым явлением, они были громоздки, а проявка фотопластин требовала значительных усилий. Несмотря на это, революционные потрясения оказались достаточно задокументированы как в России, так и в Германии. Фотографии атрибутированы, описаны и хра-

няться в архивах и исторических музеях. Следует отметить, что сохранившийся объем фотографий недостаточен, для того чтобы делать однозначные выводы без опоры на письменные источники. В данном случае фотография только подкрепляет вербальные документы по истории революции. Не закрывая вопрос о необходимости критического анализа фотографии и верной методологии работы с фотоисточниками, можно утверждать, что фотохроника это один из ярких и достоверных источников, отображающих ход и характер революционных событий.

Источники и литература

1. Rat der Volksbeauftragten. Volksbeauftragte Landsberg, Scheidemann, Noske, Ebert, Wissell. Picture archive. Bild 146-1977-074-08. URL: [http://www.bild.bundesarchiv.de/cross-search/search/_1484036003/?search\[view\]=detail&search\[focus\]=1](http://www.bild.bundesarchiv.de/cross-search/search/_1484036003/?search[view]=detail&search[focus]=1) (дата обращения: 10.01.2017).
2. Abdankung des Kaisers. Schlagzeile des Berliner Tageblatts und Handels-Zeitung, Jg. 47 (1918) / Nr. 575. Berlin, 9. November 1918/ Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv.-Nr.: Do 58/330. URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/19181109> (дата обращения: 10.01.2017).
3. Arbeiter- und Soldatenräte in Berlin. Picture archive. Bild 146-1972-038-34. URL: [https://www.bild.bundesarchiv.de/cross-search/search/_1484034432/?search\[view\]=detail&search\[focus\]=1](https://www.bild.bundesarchiv.de/cross-search/search/_1484034432/?search[view]=detail&search[focus]=1) (дата обращения: 10.01.2017).
4. Besetzung des Berliner Zeitungsviertels – Lindenstraße. Berlin, 5. Januar 1919 / Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv. Nr.: F 51/27. URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/ba112647> (дата обращения: 10.01.2017).
5. Extra-Ausgabe des Vorwärts, 9. November 1918. Herausgeber: SPD. Berlin / Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv. Nr.: 1989/2044.101. URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/d2b04161> (дата обращения: 10.01.2017).
6. Das Digitale Bildarchiv des Bundesarchivs. URL: <http://www.bild.bundesarchiv.de/> (дата обращения: 10.01.2017).
7. Demonstration revolutionärer Matrosen. Wilhelmshaven, 10. November 1918/ Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv. Nr.: F 53/1779 . URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/demonstration-revolutionaerer-matrosen-1918.html> (дата обращения: 10.01.2017).
8. Die Weimarer Republik. URL: <https://www.dhm.de/lemo/kapitel/weimarer-republik> (дата обращения: 10.01.2017).
9. Im Anschluss an eine Demonstration befreite Matrosen vor dem Untersuchungsgefängnis in Wilhelmshaven, 6. November 1918/ Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv. Nr.: Do 76/331.25. URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/ju004334> (дата обращения: 10.01.2017).
10. Kampf um das Berliner Schloss. Berlin, Dezember 1918 / Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv.-Nr.: BA 98/106.2. URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/ba112637> (дата обращения: 10.01.2017).
11. Menschenmenge vor dem Reichstagsgebäude . Photographie. Berlin, 9. November 1918/ Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv.-Nr.: BA 90/5382. URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/ba103392> (дата обращения: 10.01.2017).
12. Mitteilungsblatt des Stuttgarter Arbeiter- und Soldatenrates. Stuttgart, 5. November 1918. 24 x 16,6 cm. /Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv. Nr.: Do 55/54.1. URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/d2a10557> (дата обращения: 10.01.2017).
13. Nach der Vereidigung des ersten Reichspräsidenten in Weimar. Picture archive. Bild 146-1978-042-11. URL: [http://www.bild.bundesarchiv.de/archives/barchpic/search/_1484041429/?search\[view\]=detail&search\[focus\]=46](http://www.bild.bundesarchiv.de/archives/barchpic/search/_1484041429/?search[view]=detail&search[focus]=46) (дата обращения: 10.01.2017).
14. Philipp Scheidemann spricht aus einem Fenster der Reichskanzlei/. URL: <http://www.br.de/nachrichten/hintergrund-gedenken-9-november-100.html> (дата обра-

- щения: 10.01.2017).
15. Postkarte. Angehörige der Volksmarinedivision im Schlosshof. Berlin, Dezember 1918 / Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv. Nr.: Do 81/57. URL: https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/ju000692_1 (дата обращения: 10.01.2017).
 16. Postkarte mit dem «Rat der Volksbeauftragten». Berlin, 1918. 8,8 x 13,8 cm. / Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv. Nr.: 1989/2046.18. URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/89-2046> (дата обращения: 10.01.2017).
 17. Postkarte. Revoltierende Matrosen bei einer Demonstration in Wilhelmshaven. Wilhelmshaven, 6. November 1918 / Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv. Nr.: Do 76/33I.1 URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/ju001335> (дата обращения: 10.01.2017).
 18. Revolution in Berlin. Picture archive. Bild 146-1970-051-41. URL: [https://www.bild.bundesarchiv.de/cross-search/search/_1484035049/?search\[view\]=detail&search\[focus\]=1](https://www.bild.bundesarchiv.de/cross-search/search/_1484035049/?search[view]=detail&search[focus]=1) (дата обращения: 10.01.2017).
 19. Revolution in Berlin, Straßenbarrikaden. Picture archive. Bild 146-1981-126-31. URL: [https://www.bild.bundesarchiv.de/cross-search/search/_1484034224/?search\[view\]=detail&search\[focus\]=1](https://www.bild.bundesarchiv.de/cross-search/search/_1484034224/?search[view]=detail&search[focus]=1) (дата обращения: 10.01.2017).
 20. Revolutionskämpfe in Berlin, Januar 1919. Picture archive. Bild 146-1972-033-13. URL: [http://www.bild.bundesarchiv.de/archives/barchpic/search/_1484041429/?search\[view\]=detail&search\[focus\]=44](http://www.bild.bundesarchiv.de/archives/barchpic/search/_1484041429/?search[view]=detail&search[focus]=44) (дата обращения: 10.01.2017).
 21. Revolutionäre Matrosen auf Kriegsschiffen im Hamburger Hafen. November 1918 / Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv. Nr.: F 53/1821. URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/revolutionaere-matrosen-1918.html> (дата обращения: 10.01.2017).
 22. Revolutionäre Unter den Linden. Gebrüder Haackel. Berlin, 9. November 1918 / Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv. Nr.: BA 97/2913. URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/ba112684> (дата обращения: 10.01.2017).
 23. Sennecke, Robert. URL: [http://www.bild.bundesarchiv.de/archives/barchpic/search/_1484041429/?search\[form\]\[fulltext\]=%7BSennecke%2C+Robert%7D+within+FOTOGRAF&search\[form\]\[sortorder\]=DCDATA_CREDATE+ASC](http://www.bild.bundesarchiv.de/archives/barchpic/search/_1484041429/?search[form][fulltext]=%7BSennecke%2C+Robert%7D+within+FOTOGRAF&search[form][sortorder]=DCDATA_CREDATE+ASC) (дата обращения: 10.01.2017).
 24. Spartakisten hinter Barrikaden aus Papierrollen vor dem Gebäude des Berliner Tageblatts (Mossehaus) in der Schützenstraße. Berlin, 11. Januar 1919 / Deutsches Historisches Museum, Berlin. Inv. Nr.: 95/2405. URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/ba005975> (дата обращения: 10.01.2017).
 25. Винклер Г. А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М., 2013.

Приложение

Фото 1. Почтовая карточка. Революционные матросы на демонстрации в Вильгельмсхафене, 6 ноября 1918 г.

Фото 2. Моряки, освобожденные из тюрьмы после демонстрации в Вильгельмсхафене, 6 ноября 1918 г.

Фото 3. Революционные матросы на военном корабле в Гамбургской гавани.

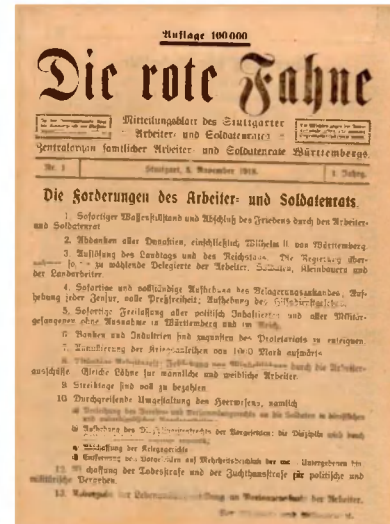

Фото 4. «Красное знамя». Бюллетень Совета рабочих и солдатских депутатов г. Штуттгарта.

Фото 5. Прокламация об отречении кайзера Вильгельма II.

Фото 6. Демонстрация революционных матросов в Вильгельмсхафене.

Фото 7. Революционеры на Унтер ден Линден. Берлин, 9 ноября 1918 г.

Фото 8. Манифестация перед зданием рейхстага. Берлин, 9 ноября 1918 г.

Фото 9. Экстренный выпуск «Форвертс» об отречении кайзера Вильгельма II.

Фото 10. Филипп Шейдеманн провозглашает республику из окна рейхстага, 9 ноября 1918 г.

Фото 11. Выступление члена Совета рабочих и солдатских депутатов перед Рейхстагом, ноябрь 1918 г.

Фото 12. Революционеры перед Бранденбургскими воротами. Берлин, ноябрь 1918 г.

Фото 13. Раздача хлеба в рейхстаге. Берлин, ноябрь 1918 г.

Фото 14. Почтовая карточка. Совет народных уполномоченных, ноябрь, 1918 г.

Фото 15. Совет народных уполномоченных. Второй состав. Декабрь 1918 г.

Фото 16. Бои перед Берлинским дворцом. Декабрь, 1918 г.

Фото 17. Члены народной морской дивизии во дворе Берлинского дворца.

Фото 18. Спартаковцы на баррикадах.
Берлин, 11 января 1919 г.

Фото 19. Баррикады на улицах Берлина,
декабрь 1918 г.

Фото 20. Восставшие на улицах Берлина,
5 января 1919 г.

Фото 21. Революционная борьба в Берлине,
январь 1919 г.

Фото 22. Провозглашение президентом Фридриха Эберта. Веймар, 21 августа 1919 г.

ФАКТОРЫ, ОКАЗАВШИЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОТДЕЛЕНИЙ ПО БОРЬБЕ СО ШПИОНАЖЕМ В АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1917–1918 ГГ.

М.А. Анисяев

Минск, ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь»

7 ноября 1917г. Президиум минского совета издал Приказ № 1, в котором объявлялось о переходе в его руки всей власти в городе [1, с. 11]. Реакционное офицерство бывшей царской армии, крупные чиновники и антисоветски настроенная интеллигенция, концентрировавшиеся вокруг штаба Западного фронта, городской думы, меньшевистско-эсеровского Фронтowego комитета, сделали попытку воспрепятствовать установлению власти Совета. Для борьбы с контрреволюцией и наведения революционного порядка 9 ноября 1917 г. был сформирован Военно-революционный комитет Западного фронта (ВРК). Серьезную опасность представляла Ставка верховного главнокомандования бывшей царской армии во главе с генералом Н.Н. Духониным в Могилёве, ставшая центром всероссийской контрреволюции. В этих условиях главной задачей советской власти стало подавление сопротивления всеми средствами, в том числе и военными. С помощью боевых отрядов, прибывших из других городов в Могилев, 18 ноября 1917г. Могилевский ВРК установил контроль над Ставкой. По распоряжению ВРК ряд генералов во главе с Н.Н. Духониным были арестованы. Таким образом, главный очаг контрреволюции на фронте находился на территории Беларуси, от которого исходили многочисленные попытки задушить Октябрьскую революцию.

К 20 ноября на всей не оккупированной территории Беларуси была установлена советская власть. Новый общественный строй утверждался в ожесточенной борьбе противоборствующих классовых сил. В изменившейся политической обстановке лидеры «национально-освободительного движения» в декабре 1917 г. созвали съезд, который не признал советской власти не только в Беларуси, но и в России. Совет народных комиссаров Западной области 17 декабря 1917 г., исходя из того, что съезд пытался решать судьбу белорусского народа без его воли и согласия, запретил его работу и распустил делегатов.

На следующий день члены президиума съезда на подпольном заседании создали исполнительный комитет съезда, который стал политическим центром антисоветских сил в Беларуси.

В результате срыва в декабре 1917г. мирных переговоров с представителями германского блока Германия возобновила военные действия. Под натиском германских войск остатки старой армии бежали с позиций, бросая оружие и боеприпасы. Первые недели и месяцы борьбы с контрреволюцией показали необходимость создания армии нового типа, способной отстоять молодое социалистическое государство от натиска внешней и внутренней контрреволюции. 28 января 1918г. СНК (Совет Народных Комиссаров) принял декрет об образовании Красной Армии. После его принятия в Беларуси начали создаваться первые красноармейские части. В это время сопротивление противнику оказывали отдельные красноармейские отряды партизанского типа. В результате чего 21 февраля кайзеровские войска захватили большую часть территории Беларуси. Встретившись с возросшим сопротивлением отрядов Красной Армии, красногвардейцев, рабочих и крестьянской бедноты прифронтовой полосы, германское командование возобновило мирные переговоры. 3 марта 1918г. в Брест-Литовске был подписан мирный договор с Германией. Советское правительство предприняло меры по созда-

нию единого организационного и координирующего центра военными операциями на западном направлении. 4 марта 1918г. Ставка была заменена Высшим военным советом (ВВС) для организации обороны государства и формирования кадровой Красной Армии.

20 февраля 1918 г. лидеры белорусского национального движения от имени Всебелорусского съезда организовали «правительство» – Народный секретариат Белоруссии. Его образование было преподнесено немецкому командованию как рождение «краевой республиканской власти». Однако оккупанты не намеревались делить власть с лидерами белорусского национального движения и не допускали существование даже марионеточного белорусского «правительства». Белорусские политические оппоненты советских органов власти в сложившейся ситуации не представляли для оккупантов фактора, с которым следует считаться. На роль хозяев белорусской земли в то время претендовало польское руководство. 9 марта 1918 г. Народный секретариат опубликовал вторую «уставную грамоту», в которой уже официально провозглашалась Белорусская народная республика. Она была лишена многих атрибутов реальной государственности, а в большей мере являлась лишь символическим воплощением стремления белорусского народа к созданию собственного государства.

Советское правительство придавало большое значение, с одной стороны, выработке и осуществлению внешней политики, призванной максимально отдалить момент возможной войны и продлить передышку, а с другой – созданию крепкой армии. Из находившихся вдоль демаркационной линии красноармейских, красногвардейских и партизанских отрядов в марте 1918 г. ВВС организовал два оперативных объединения так называемых участка завесы – Северный и Западный [2, с. 10]. Формирование Западного участка завесы проходило в сложной обстановке и тем не менее к середине апреля 1918г. самые неотложные мероприятия по организации отрядов завесы были завершены. Однако, несмотря на все перечисленные трудности и изменения в стратегической обстановке, в июле 1918 г. на западном направлении были образованы первые регулярные соединения Красной Армии.

Вопрос о контрразведывательном обеспечении первых частей Красной Армии, которые представляли собой отряды добровольцев из наиболее сознательных и организованных представителей трудящихся, практически не стоял. Случаи предательства, измены, саботажа, злостного нарушения дисциплины были редкими, а главное, они не разрастались до таких размеров, которые бы требовали специального органа в армии для их пресечения и искоренения. Противники советской власти пытались влиять на моральное и техническое состояние подразделений Красной Армии с помощью различных подрывных акций. Лица, недовольные новой властью, проникали в армейские органы снабжения, «саботажничали и вносили определенный хаос и вред» [3], рассчитанный на срыв снабжения армии продовольствием. Они пытались использовать часть военных специалистов, а также других неустойчивых или явно антисоветских элементов для ведения подрывной работы.

В свою очередь, немецкие оккупационные власти были заинтересованы в дезорганизации управления войсками, в получении шпионских сведений о расположении частей Красной Армии, их снабжении, моральном духе личного состава. В этих целях германская разведка широко использовали сохранившуюся агентурную сеть, созданную в России и на территории Беларуси еще до начала войны. Вербовали агентуру из числа австро-германских военнопленных, осевших в близлежащих от демаркационной линии городах и населенных пунктах, а также из антисоветски настроенных местных жителей и военнослужащих. Переход к обязательной воинской повинности и создание массовой регулярной Красной Армии, сопровождавшиеся

мобилизацией бывших офицеров и унтер-офицеров старой армии, расширили вербовочную базу иностранных разведок. Следствием этого явился рост таких опасных преступлений в армии, как измена, шпионаж и антисоветская агитация.

Правительства стран Антанты всячески подталкивали Польшу к агрессии против России. США дали на эти цели Польше заём в 50 млн. долларов и вооружение на сумму 1,7 млрд. долларов, французский генштаб направил в Польшу 9 генералов, 29 полковников, около 3 тысяч офицеров-инструкторов. Подготовка правительства Польши к агрессии сопровождалась усилением шпионско-диверсионной деятельности польской агентуры на территории Беларуси и Украины [4, с. 200]. Основную роль в добывании необходимой информации польские спецслужбы отводили резидентурам, которые создавались на железнодорожных узлах и в местах дислокации советских воинских соединений. При этом польская диаспора, католическое духовенство и лица, враждебно относившиеся к советской власти, рассматривались в качестве основной вербовочной базы.

Первое же знакомство с оперативной обстановкой убедило военных руководителей завесы в необходимости срочной организации контрразведывательной службы. Так, бывший генерал А. А. Свечин обратился к своему непосредственному начальнику военному руководителю Западного участка завесы В. Н. Егорьеву с просьбой организовать при штабе военную контрразведку. Свое предложение он обосновал тем, что среди местного населения орудуют «враждебные нам агенты» [5], подстрекающие массы против организации новой армии. Так, встал вопрос о необходимости создания военной контрразведки.

Руководство ВВС 13 апреля своим распоряжением вменило в обязанность военному руководителю Западного участка завесы впредь до выработки общей организации военной контрразведки установить тщательный контроль в отрядах и в пограничной полосе с целью выявления агентуры противника. В начале мая 1918 г. телефонограммой № 1492/р ВВС с согласия советского правительства в категорической форме потребовал от военных руководителей участков и отрядов завесы срочно организовать отделения по борьбе со шпионажем. Это был первый документ, в котором содержались важнейшие отправные положения по организации военной контрразведки в частях Красной Армии.

К середине лета 1918 г. отделения по борьбе со шпионажем были созданы в подавляющем большинстве войсковых формирований завесы. По своей структуре они мало чем отличались от соответствующих подразделений старой армии, в основе которых лежали уже испытанные на опыте империалистической войны принципы построения контрразведывательных подразделений. Руководство ВВС продолжало направлять усилия на создание стройной системы контрразведывательных органов. Они отлично понимали, что создаваемая ими контрразведывательная система локальна и решает лишь частные задачи на своей территории. Первым шагом, имевшим далеко идущие последствия, явилось переименование отделений по борьбе со шпионажем в регистрационные отделения, о чем ВВС сообщил на места 10 июля 1918 г. Это означало признание контрразведывательной службы завесы составной частью Регистрационной службы Всероглавштаба, которой было поручено руководство борьбой с иностранным шпионажем в масштабе всего государства. В практической деятельности это означало регулярный и систематический обмен оперативной информацией.

Однако добиться единства действий органов, составляющих этот организм, из-за отсутствия общей инструкции, регламентирующей важнейшие стороны их работы, не удалось. Их многочисленные указания на места ограничивались в основном лишь вопросами по организации отделений и порядку взаимоотношений

между собой. Что же касается решения задач оперативного плана, форм и направлений оперативной деятельности, то ВВС полностью положился на опыт руководителей отделений, которые в принятии решений были независимы от центра. Их деятельностью руководили соответствующие военные советы. Созданные контрразведывательные отделения свое острие направляли на противодействие шпионажу, а также на борьбу с контрабандой в районе демаркационной зоны. В связи с этим оперативно-розыскная работа велась путем установления внутреннего и наружного наблюдения среди австро-германских военнопленных, осевших вблизи лежащих от демаркационной линии городах и населенных пунктах, а также среди той части местного населения, которая попадала в поле зрения военной контрразведки благодаря своим частым переходам через демаркационную зону. Выявлением же фактов контрреволюционных проявлений привлеченных в войска военных специалистов занимались контрразведчики местных чрезвычайных комиссий. Таким образом, летом и осенью 1918 г. наряду с военной контрразведкой оперативную работу в армии проводили также и территориальные подразделения ВЧК [6, с. 10]. Успех в работе отделений во многом зависел также от того, насколько их руководителям удавалось правильно установить взаимодействия с местными органами управления, включая местные Советы, чрезвычайные комиссии и милицию.

Таким образом, Красная Армия, с первых дней существования стали объектом разведывательно-подрывных устремлений иностранных разведок и внутренней контрреволюции, так как являлись главной силой укрепления новой власти и защиты западных рубежей страны. В этих условиях руководство страны, Красной Армии вынуждено было создавать и развивать военную контрразведку как эффективное средство борьбы с разведывательно-подрывной деятельностью противника.

Источники и литература

1. Анисяев, М.А. Военная контрразведка в Беларуси (1918–1920 гг.) / М.А. Анисяев.- Минск : Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь. - 2001. - 134с.
2. Бобылев, П.Н. На защите Советской республики / П.Н. Бобылев. - М.: Наука, 1981.- 152с.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). - Ф. 200. Оп. 1. Д. 174. Л. 1.
4. Маймескулов, Л.Н. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918–1922) / Л.Н. Маймескулов, А.И. Рогожин, В.В. Сташис; под. ред. Н.М. Голушко. - 2-е изд., перераб. и доп. - Х.: «Основа».- 1990. - 345с.
5. РГВА.- Ф. 3. Оп. 1. Д. 16. Л. 65.
6. Анисяев, М.А. Создание органов военной контрразведки на территории Беларуси / М.А. Анисяев // Вест. КГБ Респ. Беларусь.- 2001.- № 4(38).- с.10.

«ВЫ ПОТЕСНИТЕСЬ, ГРАЖДАНЕ»: РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЖИЛИЩНЫЙ ПЕРЕДЕЛ ВИТЕБСКА В 1917–1921 ГОДАХ

Т.В. Буевич

Витебск, учреждение «Государственный архив Витебской области»

Основной целью Октябрьской (1917 г.) революции было провозглашено построение справедливого общества, основанного на равноправии всех его членов и на отрицании любого вида эксплуатации. Одним из методов достижения поставленной цели явилось полное искоренение частной собственности, в том числе и в социальной сфере, составляющей частью которой является удовлетворение потребности индивидуума в благоустроенном жилье.

В городах Российской империи конца XIX – начала XX века жилищное строительство было сосредоточено в руках состоятельных частных владельцев. Дома строились для одной семьи, а количество в них комнат и их размеры определялись произвольно, исходя из пожелания заказчика. Муниципального жилья не было. В отдельных случаях казенное ведомство могло выделять сотрудникам жилую площадь на период их работы. Для неимущих граждан на частные пожертвования строились ножлежки, приюты, богадельни и т.п., в которых помещения предоставлялись бесплатно. Многоквартирными обычно были частные «доходные» дома, строившиеся с целью сдачи в аренду. Но массово они возникали только в крупных городах. В провинции чаще сдавались в наем комнаты. А активно расширявший свои ряды городской пролетариат и другое малоимущее городское население, перебивавшееся временными заработками, вообще жило либо в приспособленных под жилье помещениях, построенных рядом с предприятиями, либо снимало «угол» – часть комнаты в частном доме (квартире). В результате к началу революции основная масса тех, чьи интересы защищало советское государство, своего постоянного жилья не имело.

Что касается Витебска, то в конце XIX века по результатам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в городе[1] постоянно проживало 65 871 человек, из них 21 513 (~ 33%) семейных, и наибольший процент составляли семьи в составе 6-10 человек[2]. Из них 29 772 это были лица, «имеющие самостоятельные занятия», в том числе 8403 (28%) занятых в промышленности, строительстве и занимавшихся извозом. По сведениям Витебского губернского статического бюро в 1917 году в г. Витебске насчитывалось по одним данным 99 404 жителя (без учета военнослужащих), по другим – 100 591 человек (из них 45 132, т.е. ~ 45%, в возрасте до 19 лет)[3, л.4; 4, л. 30; 5, л.13]. Иными словами, к началу октябрьских революционных событий население Витебска возросло более чем на 50%. А уже в октябре 1918 года отдел городского хозяйства Витебского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее – горкомхоз) на основе учетных сведений карточного стола Витебского городского продовольственного комитета сообщал, что в городе проживает 112 000 едоков, а также, дополнительно, около 6 000 железнодорожников и неучтенное количество военнослужащих. Таким образом, прирост населения к 1918 году составил свыше 80%.

Установить процент «пролетарского элемента» в городе накануне революции пока не удалось, но вряд ли он серьезно уменьшился в сравнении с 1897 годом. Население с постоянным стабильно высоким и средним заработками чаще снимало жилье. Но анализ документов фондов коммунальных предприятий и жилищных кооперативов совершенно очевидно позволяет сделать вывод, что они проживали в бараках, основная масса которых находилась на окраинах.

Часть витеблян имела собственные частные дома с приусадебными участками. В первую очередь, это касалось тех, кто имел высокий доход. На каждый отдельный дом (квартиру), построенные до 1917 года, приходилось 3, 53 комнаты, т.е. преобладающее количество квартир (домов) были трех- или четырехкомнатные. Средняя площадь одной комнаты составляла 3½ квадратных (далее – кв.) сажени[6]. Такие сведения о жилом фонде Витебска в 1917 году отражены в документах, составленных в 1920 году горкомхозом и отделом коммунального хозяйства Витебского губисполкома (далее – губкоммунотдел)[7, л. 78]. Но данных об общем количестве жилой площади города накануне Октябрьской революции обнаружить пока не удалось. Зав.отделом губкоммунотдела в своей информации дополнительно указывал, что основным типом жилья в Витебске были одноэтажные деревянные и двухэтажные каменные постройки [7, л. 86]. При этом не сле-

дует забывать, что нередко на первых этажах домов, в особенности тех, что строились в центре города, располагались магазины (лавки) и(или) мастерские, а в помещениях-пристройках – склады.

По данным 1920 года в городе имелось 6504 частных домовладений с числом квартир – 13 643 и числом комнат в них – 48 475 [8]. Таким образом, если брать за основу эти сведения и учитывать данные о количестве населения в 1918 году, то можно предположить, что в 1917–1922 годах на каждого витеблянина в среднем приходилось 0,1 (изолированной) квартиры и 0,4 комнаты. Иными словами, если допустить, что среди витеблян по-прежнему не менее трети населения составляли семейные люди и доминировали семьи из 6-10 человек, то в 1918 году благоустроенных квартир (домов) в Витебске вряд ли бы хватило, что бы обеспечить ими каждую отдельную семью.

В революционном 1917 году некоторое количество богатых владельцев квартир и домов безвозвратно уехало из города, и пустующие жилые помещения стихийно занимались гражданами, до этого собственного жилья не имевшими. Такой «захват» частного жилого фонда особенно после революционных событий октября 1917 года не только не осуждался, но и активно поддерживался советской властью. «Справедливое распределение» жилой площади, при котором квартира рассматривалась не как составляющая неприкосновенной частной жизни, а как один из способов улучшения бытовых условий населения на основе социализации приватного пространства в рамках одной благоустроенной квартиры (создания коммуны), было провозглашено основой советской государственной жилищной политики. Впервые такой подход к использованию жилого фонда был описан В.И. Лениным в работе «Удержат ли большевики государственную власть?» (в сентябре – октябре 1917 г.). Затем вопрос об ограничении размера жилой площади количеством членов семьи был поднят Лениным в письме, составленном, вероятно, в ноябре 1917 года, с замечаниями к готовящемуся Декрету Петроградского совдепа о реквизиции теплых вещей для солдат на фронте[9]. В конечном итоге предложенные Лениным принципы распределения частного жилья среди граждан нашли широкое отражение в нормативно-правовых актах советского правительства, и в период с 1917 по 1921 год государство максимально сконцентрировало в своих руках право на владение и распоряжение жилым фондом.

Так уже 30(12).10(11).1917, т.е. практически сразу после победы Октябрьской революции, Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) принимает постановление «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса». С этого момента Советы депутатов (совдепы) имели право не только секвестровать все пустующие помещения, но и вселять по своему усмотрению граждан в любые частные квартиры[10]. 14(28).12.1917 вышел Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) «О запрещении сделок с недвижимостью», в соответствии с которым с 14(18).12.1917, ввиду предстоящего обобществления городской земли, были приостановлены какие бы то ни было сделки по продаже, покупке, залогу и т.п. любой недвижимости и земельных участков в городах. Но наиболее важный документ был утвержден СНК еще ранее, 23(6).11(12).1917. Это – «Проект Декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости» (далее – Проект). И хотя сам Декрет «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» принят Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК) только 20.08.1918, но основы жилищной политики, заложенные в Проекте стали широко применяться на практике местными совдепами уже с конца 1917 года[11, л. 27].

Так, 12(24).12.1917 Витебский городской Совет рабочих и солдатских депутатов (совдеп) принял «Обязательное постановление» об отмене частной собственности на недвижимость» (далее – Обязательное постановление) [11, л. 21]. В его развитие 09.03.1918 исполнительный комитет Витебского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (горисполком) принял постановление, согласно которому в пределах витебской городской черты с 1 января 1918 года была отменена частная собственность на земельные участки и на строения, общая стоимость которых превышала 1200 руб. Следует отметить, что «Обязательным постановлением» в этот период при определенных условиях бывшим хозяевам жилья еще разрешалось оставлять за собой его часть. Как свидетельствуют архивные документы, 57% частных домов муниципализировано именно в 1918 году. Об этом можно судить по итогам подворной переписи, проведенной в августе 1920 года в рамках Всероссийской переписи населения. Так в Витебске имелось 7044 владения (земельных), из них только 44 не имели застроек. При этом 227 владений целиком были заняты учреждениями, остальные либо полностью, либо частично заселены частными лицами. Из всех учтенных застроек к 1920 году в общественную собственность перешло 266, из них 212 составлял жилой фонд [13]. В целом картина выглядит следующим образом: в 1917 году муниципализировано 24 дома, в 1918 год – 155 домов, в 1919 году – 63 домов, в 1920 году – 24 дома [14, л.1]. Здесь все же следует учитывать, что с большой долей вероятности данная статистика отражает итоги не фактической муниципализации домов, а сведения о ее юридическом оформлении.

Позднее в августе 1920 года прошла вторая волна «уплотнения» в связи с установлением Витебским губернским военно-революционным комитетом, который на период военного времени заменил Витебский губисполком, новой нормы жилой площади на взрослого человека: 2 кв. сажени (при высоте помещения в 4 аршина) или 3 кв. сажени (при высоте помещения ниже 4 аршина) [15, л. 351]. Губкоммунотдел сообщал, что на человека в городе приходится приблизительно 1,9 кв. саженей муниципализированного жилья [7, л. 78]. В документах указывалось [7, л. 76], что в этот период общая площадь квартир муниципализированных домов составляла 23 954 кв. саженей (с учетом площадей под магазины) [16].

В 1922 году «уплотнение» и «самоуплотнение» проводились вновь [7, л. 528]. Но на данном этапе активнее всего «уплотнялись» дома, занятые государственными учреждениями [7, л.152, 287].

Жилой фонд после конфискации переходил в ведение горкомхоза, при котором в 1918 году был создан комитет по социализации имущества. Жилая площадь в муниципализированных домах распределялась только среди определенных групп населения: прежде всего, среди рабочих, руководителей и сотрудников советских органов, а также членов их семей. Для этого функционировали специальные «ордерные» комиссии [17, л. 2].

Комитет по социализации имущества стал заниматься взиманием платы за проживание [18]. После подселения в конфискованные квартиры (комнаты) новых жильцов издержки на содержание дома делились между всеми жильцами поровну. В фондах архива обнаружен ряд документов, где указывалось, что город сдает гражданам жилье «без воды и очистки» [19, л. 79], и именно поэтому за них плата взималась отдельно, а не в рамках платы за жилье [7, л. 95]. Выявлено также письмо-разъяснение горкомхоза от 02.08.1919 о том, что и ремонт водопроводных сооружений в конфискованных домах должен осуществляться за счет квартирантов, но силами горкомхоза [19, л. 55]. Но имеются свидетельства тому, что, например, в 1922 году в целях соблюдения санитарно-

гигиенического режима и хронической нехваткой финансов воду населению некоторое время отпускали бесплатно [7, л. 87]. Что касается платы за электричество, то жильцы-рабочие были освобождены от нее [7, л. 87].

Документы свидетельствуют о том, что не только новое жилищное строительство в 1918–1921 годах не производилось. Практически не осуществлялись ни капитальный, ни текущий ремонты муниципализированных зданий. Не выполнялся комплекс работ, призванный поддерживать инженерные сооружения в исправном состоянии. Например, согласно статистическим данным в 1920 г. только 321 муниципализированных и национализированных жилых построек имели исправный водопровод и 186 – исправную канализацию. И это при том, что изначально во всех конфискованных домах водопроводы и канализационные коммуникации были в исправном состоянии [20, л. 2]. Данных о плохой работе систем отопления также имеется не мало. Горкомхоз объяснял недостатки работы по содержанию жилого фонда малой штатной численностью, отсутствием сети подсобных предприятий и большими объемами работ по распределению жилья, которые не позволяли вовремя брать (а чаще – требовать) квартплату с жильцов и вести учет технического состояния жилого фонда [17; 21, л. 65, 111]. Отдел государственных сооружений (с 12.10.1920 – комитет государственных сооружений Витебского губернского Совета народного хозяйства, *сокращ.* – губкомгоссоор), которому было поручено заниматься ремонтом помещений в муниципализированных домах, также ссылаясь на недостаток денежных средств и материалов для удовлетворения всех заявлений на ремонт квартир. Так в 1920-1921 гг. жильцами было заявлено к ремонту 534 квартир, а губкомгоссоором произведен ремонт в 321 квартире (60%) [22, л. 14–15]. Ремонты домов проводились только в случаях крайней необходимости: например, протечки крыш, разрушение фундамента. Не следует забывать о чрезвычайных обстоятельствах приводивших к сокращению городского жилого фонда: например, только с января по июнь 1921 года в Витебске произошло 45 пожаров в жилых домах [23, л. 11], которые из-за нехватки средств не были восстановлены. На заседании Витебского городского Совета 13.06.1922 был озвучен тот факт, что за период после Октябрьской революции жилая площадь «без всякого присмотра и необходимого ремонта» сократилась на 30% [7, л. 151].

Таким образом, советская жилищная политика 1917 – 1921 годов, основной постулат которой заключался в «справедливом» распределении среди населения частного жилья, построенного до Октябрьской революции, потерпела фиаско. Более того, к 1922 году ситуация с предоставлением благоустроенного жилья еще более ухудшилась, поскольку муниципализированное жилье, заселенное максимально возможным количеством жильцов и лишенное финансов для надлежащего содержания, стало быстро разрушаться: в Витебске за пять послереволюционных лет жилой фонд сократился почти на треть.

Одним из итогов жилищной политики этого периода можно назвать закрепление на практике явления, при котором одна изолированная квартира или жилой дом заселялись несколькими семьями. Был заложен прообраз того социального института, который в советском государстве в течение 1920-х гг. получил название «коммунальной квартиры»: жилого помещения, где осуществлялось под контролем государства вынужденное сожительство чужих и социально отдаленных индивидов и семей.

Источники и литература

1. С учетом 952 жителей пригородов Песковатики, Гуторовщина, Новомонастырская и Городокская слободы; а также Пресмушек (местность в северной части исторического

- района Витебска – Задвинья, на правом берегу Западной Двины, на территории северных отрезков современных улиц Ильинского и Революционной).
2. Здесь и далее статистические данные переписи 1897 г. приводятся на основе издания: Тройницкий, Николай Александрович. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г.; Населенные места Российской империи в пятьсот и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. Издание 1905 г.; Сведения о населении, занятом в промышленности, строительстве и на извозничьем промысле взяты в таблице XXI (п.22-40, 43). Стр. 12, 72-73, 164-165; Электронный вариант издания размещен на сайте «Президентская библиотека имени Б.Н.Ельцина». 3. Учреждение «Государственный архив Витебской области» (ГАВО). – Ф. 476. – Оп. 1. – Д.25.
 - Учитывались жители пригородов: поселков при железных дорогах и обеих Марковщин.
 4. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. Д. 28.
 5. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 160.
 5. 1 сажень (казённая) $\approx 2,1336$ м (213,36 см); 1 кв. сажень $\approx 4,55225$ м².
 5. ГАВО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 54.
 7. В документах со ссылкой на информацию из статистического бюро по г.Витебску даются и другие данные: в 1917 году (без учета территории Юрьевой Горки, полосы отчуждения железных дорог и обоих пригородов Марковщин) – 100 591 витеблянин (без учета военных), 6709 домовладений и 14 073 квартиры с 49 663 комнатами; в 1920 году (с учетом Юрьевой Горки, полосы отчуждения железных дорог и обеих Марковщин) – 86 428 человек населения (без учета военных), 7 043 домовладения и 13 390 квартир (*прим.автора* – комнаты не указывались) (см. подробнее ГАВО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 54. – Л.78).
 8. Сайт «В.И.Ленин. Полное собрание сочинений». Том 54. Октябрь 1917г. – Июль 1918 г. Стр. 380. Режим доступа: <http://uaio.ru/vil/54.htm>. Дата доступа: 04.01.2017.
 9. В настоящей статье (если специально не указывается иной источник) нормативно-правовые акты анализируются на основе текстов, размещенных на сайте «Некоммерческая интернет-версия Консультант-плюс».
 10. ГАВО. – Ф. 67. – Оп.1. – Д. 439.
 11. ГАВО. – Ф. 1001. – Оп. 1. – Д. 21.
 12. Данная цифра указана на основании подворной переписи. В то же время в статистической таблице «Распределение владений по характеру построек и элементам благоустройства» общее количество муниципализированных и национализированных владений указано как 204, в которых имеется 418 жилых помещений (см. подробнее ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 39. – Л.1; Д.40. – Л.2).
 13. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 43.
Приведенные в статистической таблице сведения расходятся с итогами подворной переписи и сведениями о состоянии коммуникаций в муниципализированных домах (см. подробнее ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 39. – Л.1; Д.40. – Л.2). Вероятно, это связано с тем, что процесс юридического оформления муниципализированного жилого фонда происходил еще и в 1921 – 1922 годах (см. подробнее ГАВО. – Ф. 1001. – Оп. 1. – Д.394, 399). Например, еще в 1922 году указывается для Витебска 200 «не оформленных ни в чью собственность» домов (ГАВО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 54. – Л.151; Д. 27. – Л. 112)
 14. ГАВО. – Ф. 2268. – Оп. 1. – Д. 29.
На общегосударственном уровне нормы жилой площади были установлены только 17 июля 1919 года, когда Народный комиссариат здравоохранения (НКЗ) РСФСР утвердил «Временные правила устройства в содержании жилых помещений», а Декрет СНК РСФСР от 25.05.1920 «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения»¹ окончательно узаконил данные нормы для вселения новых жильцов: на

- взрослого человека выделялось 18 кв.аршин ($\approx 1,99$ кв.саженей или $8,25\text{м}^2$) жилой площади.
15. Цифру следует все же считать ориентировочной, т.к. она применяется к 160 домам, а статистические данные к началу 1920 года дают 266 домов.
16. ГАВО. – Ф. 1001. – Оп. 1. – Д.399.
17. Ориентировочная стоимость содержания муниципализированных домов см. подробнее ГАВО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 54. – Л.86; Д. – 27. Л. – 282.
18. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 40.
19. ГАВО. – Ф.67. – Оп.1. – Д. 27.
20. ГАВО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 156.
21. ГАВО. – Ф. 1001. – Оп. 1. – Д.394.

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЕ ПСКОВСКОЙ И ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

А.М. Егоров

Псков, Псковский филиал Академии ФСИН России

Революция 1917 года и последовавшая за ней гражданская война привели к образованию многочисленных вооруженных формирований, в т.ч. на стыке Псковской и Витебской губерний. Разгром и отступление в Прибалтику и Польшу белогвардейских сил еще не означали немедленного установления здесь общественного порядка и спокойствия. В начале 1920-х гг. здесь активно действовали различные нелегальные группы, мешавшие окончательному установлению советской власти. В борьбе с ними большевики активно использовали как силовые методы, так и контрпропаганду. В этой связи Северо-Западный Просветснаб тех лет чаще других получал от местных властей заявки на агитационные материалы по трем темам: «Балаховщина», «Савинковские банды» и, наконец, «Банды Оберона»¹.

Фигуранты первых двух советских контрлистовок – Булак-Булахович и Борис Савинков – были хорошо известны широкой публике. Меньше известна личность третьего фигуранта, использовавшего для прикрытия псевдоним «Оберон», как нельзя лучше отражавший конспиративный характер его действий. Между тем возглавляемое им вооруженное формирование серьезно осложняло оперативную обстановку на стыке Псковской, Смоленской и Витебской губерний, т.е. на современном российско-белорусском пограничье.

Начало активности т.н. Оберона связано с эсерами в 1918 году. После подавления эсеровского мятежа в Москве, последние решили перенести свою борьбу с большевиками на места. По заданию ЦК ПСР в Витебской губернии ими была начата подготовка к восстанию пограничных частей Красной Армии, дислоцировавшихся в Орше и Сенно. Выступление провалилось, а его участники рассеялись по окрестным лесам, добывая средства к существованию грабежами. Некоторые из них позднее стали активными участниками движения «зеленых», придерживавшихся принципа «ни с белыми, ни с красными».

Одновременно с этими событиями эсеры планировали крестьянское восстание в тыловых уездах Витебской, Смоленской и частично Псковской губерний. Центрами волнений должны были стать Поречье (Демидов), Велиж и, по возможности, Торопец. Но для подобного выступления требовались лидеры, в качестве

¹ Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 394. Л. 85.

которых попытались выступить бывшие офицеры, местные уроженцы, Михаил Анущенко, братья Жигаловы и Воронов-Богданов, а также школьный друг М. Анущенко – Игнатий Кулешов.

В августе 1918 года, еще до начала общего выступления, группа Жигаловых совершила налет на Косплянский волисполком, убив его председателя Прохорова и находившегося там в командировке члена Велижского уисполкома Красницева. Затем заговорщики провели еще несколько терактов против советских работников.

После объявленных большевиками учета и мобилизации бывших унтер-офицеров осенью 1918 года в лагерь Жигаловых прибыли первые 20 дезертиров, имевших достаточный уровень военной подготовки. Братья выдали им винтовки, захваченные в Косплянском волисполкоме, разбили на «пятерки» и поручили вербовать отряды местных крестьян. По схожей схеме создавал свое вооруженное формирование и Михаил Анущенко. В итоге вокруг каждого из главарей собралось от 200 до 1000 человек¹.

Сколоченные таким образом отряды обладали относительно четкой организацией и делились на роты, взвода и отделения. До назначенного времени восстания участники данных формирований находились дома. Их главными лозунгами являлись следующие требования: прекращение грабежа продотрядами, свержение большевиков и созыв нового Учредительного собрания.

Начало открытого выступления было обставлено с известной степенью традиционной официозности, призванной придать ему легитимности в глазах населения. Священники Сретенской и Чепельской церковью отслужили молебен, после чего отряд Жигаловых двинулся на Поречье, где к ним присоединилась группа милиционеров с тремя пулеметами и несколько сотен крестьян. Однако вскоре под давлением красноармейцев они были вынуждены изменить свой первоначальный маршрут и начали пробиваться в направлении Велижа, уже захваченного отрядом Анущенко.

Вскоре обе группировки были разбиты регулярными частями Красной Армии, после чего все крестьяне разбежались, а их руководители на время потеряли связь друг с другом. Подобие сопротивления попытались оказать лишь Кулешов и Воронов, которым удалось сохранить под своим началом 96 человек. На Усменском большаке они столкнулись с красноармейским отрядом и даже сумели его на время отбросить, но сохранить внутреннее единство не смогли. Рядовые участники последнего боя также разошлись по домам.

Инициаторам крестьянского бунта пришлось перейти на нелегальное положение. Жигаловы и Воронов скрывались у родных на севере Витебской губернии. Кулешов уехал в Торопецкий уезд тогда еще Псковской губернии, а оттуда перебрался в Новгородскую губернию. Дальше всех бежал Анущенко. Зимой 1918/19 года он объявился в Вологде, являвшейся в то время центром агентурной сети Антанты на севере Советской России, а затем добрался до Перми (как раз в период ее захвата Сибирской армией адмирала Колчака).

Казалось, что брожение в тыловых уездах Витебской губернии пошло на спад. Однако затишье оказалось обманчивым. В 1925 году следствие по делу Оберона отметило: «Ликвидация неудавшегося восстания и есть начало Велижского и Демидовского бандитизма»².

Начало советско-польского конфликта вызвало у бывших повстанцев наде-

¹ Егоров А. Мятёж // Российский исторический журнал «Родина». 2006. № 1. С. 84.

² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 394. Л. 73.

жду на ослабление позиций большевиков по обеим берегам Западной Двины. К весне 1919 года в окрестности Велижа тайно возвратился Михаил Анущенко. Вслед за ним подтянулись и другие руководители прошлогоднего восстания. За короткое время заговорщики смогли объединить вокруг себя около полутора тысяч человек – в основном дезертиров, скрывавшихся от мобилизации в Красную Армию. Вожаки решили изменить тактику и перейти от открытых вооруженных выступлений к террору и диверсиям. Именно в это время Михаил Анущенко и скрылся под конспиративным псевдонимом Оберон.

После гибели старшего и младшего братьев Жигаловых, примкнувших к восстанию дезертиров Смоленской губернии, в руках Анущенко/Оберона оказалось общее руководство всей подпольной сетью. Территория вдоль Западной Двины была поделена боевиками на два оперативных района – Велижский и Суражский. Обособленное положение занимал Невельский боевой район, с которым поддерживались лишь эпизодические контакты. При руководителях районов находились небольшие штабы, которые координировали действия еще более мелких банд.

К середине 1919 года активность бандподполья приобрела серьезные масштабы. Они совершали нападения на совработников и коммунаров, грабили кооперативы, устраивали еврейские погромы. Обероновские боевики, как следовало из донесений компетентных источников, чувствовали себя хозяевами близлежащей округи, «окончательно терроризировав местную власть, вследствие чего все мероприятия власти не могли быть в достаточной степени проведены, что играло на руку кулакам, которые охотно поддерживали бандитов»¹.

Однако осенью 1919 года, после объявления очередной амнистии, произошел «сезонный» отток дезертиров из незаконных вооруженных формирований. Вокруг Оберона осталось не более двухсот сторонников. Подступала зима, и следовало подумать об убежище. Кое-кто из «зеленых» надеялся скрыться за кордоном, но большинство предпочло просто затаиться в лесах. Первых не выдержал и ушел в Польшу некто Фульгур, отряд которого занимал Будницкую, Вяменскую и Чепельскую волости. От него о существовании Оберона узнали польская разведка и савинковцы.

Весной 1920 года к Оберону со специальным поручением от Бориса Савинкова и 2-го (разведывательного) отдела Польского генштаба вернулся Фульгур. Поляки предложили поднять в Велиже очередное крестьянское восстание и помочь тем самым их наступлению на прилегающем участке фронта. Для уточнения позиций сторон было решено отправить к полякам трех парламентариев. В качестве посредника на переговорах выступил бывший офицер Булак-Булаховича Прудников, действовавший южнее сферы Оберона и имевший прямой канал связи через линию фронта. Около деревни Дубровно в Городецком уезде Смоленской губернии делегаты встретились с польским офицером Лешук-Комаровским, которого они проводили к штабу среднего Жигалова в Канищево.

У резидента имелось с собой полторы тысячи патронов и семнадцать ручных гранат. Этим иностранная помощь местным «партизанам» и ограничилась. При этом поляк пытался руководить отдельными вооруженными вылазками. Лешук-Комаровский лично организовал неудачное нападение на коммуну «Вашейка», а затем отправил с пакетом в Польшу жигаловского подручного Ордына. Но вскоре линия фронта стала отодвигаться на запад. Интерес к «партизанам» со стороны поляков автоматически упал. Лешук-Комаровский начал собираться в обратный

¹ Там же. Л. 74.

путь, предложив, правда, всем желающим следовать за ним. Желающих набралось десять человек, включая Александра Жигалова. Около деревни Пятинки все они попали в засаду красноармейцев и были убиты.

Из наиболее влиятельных фигур подпольного движения в строю остались только сам Оберон и его друг Кулешов, которые продолжали маневрировать в пределах Велижского и Демидовского уездов. Кольцо вокруг боевиков продолжало сжиматься. Фактически распалась суражская группировка. Ее главарь Волков пытался найти убежище в Литве и, в конце концов, перебрался в Польшу, где с помощью савинковцев получил денежное содержание для продолжения подрывной деятельности.

Летом 1921 года в Варшаве под руководством Бориса Савинкова прошел съезд Всероссийского союза защиты родины и свободы. На нем было принято решение об активизации диверсионной деятельности против большевистского режима. Среди вовлеченных в его подготовку оказались и эмигрировавшие обероновцы. В августе группа Волкова перешла советско-польскую границу, где произошло ее соединение с отрядами савинковской организации под командованием полковника Павлова, капитана Ярошевича и поручика Золина. Общая численность диверсантов достигла 500 человек. На территории Полоцкого уезда Витебской губернии они разгромили Воронический волисполком и устроили крушение поезда у станции Горяны. Но затем их дороги разошлись. Волков повернул в сторону Велижского уезда, куда вскоре прибыл и произведенный Савинковым в прапорщики Ордын.

Осенью 1921 года на ярмарке в селе Усмынь обероновцы обезоружили около 40 красноармейцев. На дороге из Усвят в Сураж они сожгли три автомобиля с хлебом, расстреляв всех находившихся в них пассажиров. В начале зимы ими был разгромлен Яновицкий винный склад. Перечень их акций можно продолжать довольно долго¹.

Помимо грабежей и убийств, сторонники Оберона пытались вести политическую агитацию. Летом 1922 года они связались со студентами Витебского сельхозинститута, пытаясь получить через них доступ к типографскому оборудованию. Последние передали в распоряжение Оберону шапирографную ленту и литографский камень. С их помощью Оберон даже печатал прокламации (например, воззвание «К соратникам-повстанцам»)².

По мере распыления подпольного движения действия его участников начали приобретать откровенно криминальный характер. Участились грабежи рядовых служащих (например, лесопромышленников «Двинлеса»), кооператоров и простых граждан.

В 1924 году Себежский, Невельский и Велижский уезды были переданы из Витебской в состав Псковской губернии. С этого момента проблемой Оберона вплотную занялся псковский отряд ПГО ОГПУ, имевший большой практический опыт борьбы с нелегальными вооруженными формированиями на северо-западном участке государственной границы. Одновременно ОГПУ был арестован Борис Савинков, что вполне могло подорвать моральный дух и окончательно дезорганизовать мятежников.

Осознав бессмысленность дальнейшего сопротивления Оберон начал запутывать следы. Он отступил в демидовские леса и выпал из поля зрения наблюдателей, подтверждая репутацию своего шекспировского тезки. Меньше повезло его

¹ Егоров А. Указ соч. С. 86.

² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 21.

школьному приятелю Кулешову, мечтавшему уехать подальше от Псковской губернии. 15 января 1925 года он был арестован в деревне Синяково Торопецкого уезда. Вскоре чекистам попался его поделщик Чижев, возглавлявший с 1922 года одну из обероновских шаек. Последний намеревался бежать вообще в Ташкент. Предварительно он послал на разведку в Среднюю Азию свою любовницу Клавдию Емельянову, через которую его и задержали.

В мае 1925 года состоялся суд, проходивший в условиях повышенных мер безопасности. Это объяснялось тем, что по словам самих участников процесса «бандитизм в Велижском, Демидовском и других районах еще не совсем ликвидирован»¹. На скамье подсудимых оказались 56 мужчин и 5 женщин, большинство из которых обвинялись в пособничестве «зеленым». Среди пособников находились несколько членов РКП(б), сотрудник военкомата, народный следователь, заведующий земельным отделом, председатель волисполкома и некоторые другие должностные лица. Отсутствовал только сам Оберон.

ОТРАЖЕНИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ИСТОРИЮ ЛАТВИЙСКОГО РЕГИОНА – ЛАТГАЛИИ

Валда Чакша, Инесе Бривере

Резекне, Резекненская академия технологий (Латвия)

Корни современных латгальцев начинаются с древних балтов, культурный ареал которых в эпоху раннего железного века занимал территорию между Вислой (запад), Балтийским морем (север), левым берегом Даугавы (северо-восток), верхней частью Оки и Десны (на востоке) и средним Приднепровьем (юг) [1, с. 56]. В период с 2-го по 8-ое столетие, когда славянские племена стали проникать на территорию балтов и отодвинули их на северо-запад, одна из групп вошла в нынешнюю территорию Латгалии с верховьев Днепра через Литву, и со временем создала про-государства латгалов Ерсикю, Талаву и Кокнесе, которые экономически и политически были связаны с Псковским, Новгородским и Полоцким княжествами. Как видно из старейших письменных источников (Повесть прошедших лет, Ливонская хроника и др.), в 11–12 в. латгалы населяли нынешнюю часть Латвийского государства в Латгале и восточную часть Видземе, а также часть территории современной Беларуси.

Тем не менее, о регионе Латгале в целом можно говорить только с 17-го века, когда, в результате войн между великими державами Швеции, России и Польши Латгале была отделена от остальной части латышских территорий как Inflantija (Ksiestwo Inflanckie), а после первого раздела Польши (1772) вошла в состав Российской империи в пределах Псковской губернии. Чуть позже Латгалию административно прикрепили к Полоцку (1796), а после внесли в Белорусскую губернию. В ходе дальнейших реформ Латгале стала частью Витебской (1802–1917) губернии. Таким образом, победители определили сепаратное развитие латгальцев и остальных латышей на несколько сотен лет, а католическая религия, которая укоренилась в Латгалии, углубила отличие с течениями лютеранской культуры остальной части Латвии. Поскольку деятельность иезуитов способствовала появлению Латгальской письменности, это стало одним из наиболее важных факторов

¹ Там же. Д. 394. Л. 83.

культурного и этнического смысла латышей Латгалии. Латгальцы в эти века не имели свою собственную политику в области культуры, не проводилась и идентификация и сохранение традиционных культурных ценностей. Исторические процессы способствовали не только укреплению роста воздействия католицизма и православия, но и способствовали заметному влиянию славянских народов (русских, белорусов, поляков) на характер и менталитет латгальцев. Только после отмены крепостного права (1861), бедные и необразованные Витебские латгальцы в поисках заработков, начали батрачить в Видземе и Курземе, где познакомились с прибалтийским образом жизни, познали культурные традиции других латышей. После открытия железной дороги Петроград-Варшава (1869), латгальцы стали отправляться на заработки в Петроград¹, где было сформировано довольно крупное сообщество «своих». Большая часть членов общины работали на заводах и фабриках, но небольшая часть поступили учиться в высшие учебные заведения, в которых не надо было платить за учебу (духовный семинарий, военная медицина). Таким образом, далеко от Латгалии концентрировались первые образованные латгальцы (в основном священники), которые в начале 20 века способствовали национальному возрождению Латгале. Основные активисты создали первую общественную организацию – Музыкальное общество Петербургских латышей (1903), цели которой были связаны с сохранением традиционной культуры латгальцев. Наиболее важными задачами для членов общества стало создание школ в Латгалии, организация курсов учителей, сохранения латгальского языка и традиций письменности, выпуск газет и учебников Латгалии. Общество, в сотрудничестве с латышскими музыкантами, которые учились или работали в Петербургской консерватории, сосредоточились на продвижении духовной культуры латгальцев: были созданы первые хоры, оркестры, театры, ряд детских творческих коллективов, а также начато собирание духовного наследия Латгале [2, с. 8–9]. Название общества символически указано на единство двух исторически разделенных частей латышского народа.

В период Первой мировой войны продолжалось создание общественных организаций латгальцев, так в 1916 г. Ф. Кемп создал Демократическую партию труда латгальских трудящихся, которая 1917 году в Петрограде издавала в газету «Ļaužu Bolss». В годы войны было основано Латгальское общество помощи жертвам войны, Латгальский комитет народа, Оргкомитет латгальцев, Союз латгальских учителей, Секция латгальских стрелков [3, с.399] и др. Это был время выбора, поэтому в течение переходного периода и в прессе латгальцев тоже наблюдается резко поляризованные идеологические противостояния. После Февральской революции в Петрограде резко возрос диапазон латгальских периодических изданий. В 1917 году вышли газеты «Dryva», «Latgolas Pagaidu Zemes Padumes Ziniojums» и др., но объём статьи ставит ограничения на анализ этих изданий. Большинство из названных периодических изданий свидетельствует о формировании латгальского самосознания и подходит для исследования. Кроме того, в Национальном Архиве Латвии имеется только один фонд и одно дело с материалами в виде фотокопий документов Резекненского съезда 1917 года. В Латвийской Национальной библиотеке доступны рукописи отдельных участников съезда. Свидетельские показания, память о событиях 1917 года в Петрограде и в Латгале также доступны в прессе латгальской эмиграции и в некоторых работах краеведческого характера. Но латгальская пресса, в том числе газета «Dryva» (1908–1917), которая приветствовала Февральскую революцию и представляе-

¹На повседневном латгальском – Питер; на латышском – Pēterburga (Петербург)

мые ею свободы, ярче чем другие источники отражает дух латгальцев. Именно в газете «Dryva» впервые была опубликована идея об отделении Латгалии от Витебской губернии и выражено желание объединиться с другими латвийскими краями. Содержание газеты показывает, что для реализации этих идей Петербургские латгальцы вступили в переговоры с представителями Видземе и Курземе. В то же время небольшая часть латгальцев представляли будущее Латгалии как автономию в России, усматривая в таком варианте более выгодную ситуацию для сохранения традиционной культуры латгальцев. Газета отмечает столкновение двух точек зрения, которые впоследствии находят резонанс в Резекненском конгрессе. Приверженцев национального единства с балтийцами вдохновлял Латгальский политик, католический священник, общественный деятель и писатель Францис Трасун (1864–1926). Однако, издатель и редактор самых первых газет на латгальском языке «Zvaigzne» (1902–1903) «Gaisma» (1905–1906) и журнала «Ау-стра» (1908), автор исследований истории Латгалии «Латгальцы» (1910) и «Судьбы Латгалии» (1938) Францис Кемп (1876–1952) и его последователи сопротивлялись поспешному слиянию, считая, что существуют исторические различия в культуре балтийцев и латгальцев, и невозможно объединить «два диалекта и две веры» [4, с. 1]. По мнению Ф. Кемпа, в рамках одной страны разные языки и веры «не могут поместиться в одном муниципалитете, в едином школьном совете, в едином литературном языке, в единой проблематике народной жизни» [4, с. 1]. Ф. Трасун и приверженцы слияния латвийцев со стороны балтийцев, в свою очередь, давали благоприятный прогноз для сохранения специфики латгальской культуры после объединения. Такого же мнения был один из многих видных прибалтов, политик и историк Эрнест Бланк, который развеял опасения по поводу возможной угрозы сохранения латгальской письменности и языка после объединения. Э. Бланк заверил балтийцев, что историческая ценность латгальского языка является гарантией сохранения его как в речи, так и в письменности: «Ведь именно на латгальском диалекте прозвучали первобытные волшебные народные звуки латышских крестьян, которые сложно найти в латышской литературе, измученной немецкими пасторами. В процессе слияния будут преодолены предрассудки с обеих сторон, будет жить язык, традиции и обычаи» [5, с. 2]. Несмотря на разногласия и споры, вскоре после Февральской революции – 12 марта (25 марта по новому стилю) 1917 года было принято решение о созыве в Петрограде латгальской интеллигенции, рабочих и солдат для консультации с целью выяснения мнения большинства и переговоров о возможностях отделения Даугавпилской, Лудзенской и Резекненской волостей от Витебской губернии. Это собрание и дебаты можно рассматривать как первый политический форум латгальцев, в ходе которого 66 участников собрания приняли решение созвать конгресс в Резекне с целью дальнейшего развития процесса отделения [3, с. 399]. Поскольку большинство присутствующих проголосовало в пользу слияния (за – 43, против – 23), на заседании был избран организационный комитет конгресса объединения. До съезда в Резекне 6, 7 апреля 1917 года проводилось собрание общественных деятелей, которые подавляющим большинством поддержали идею о слиянии Латгалии с остальной частью Латвии, и об этом решении была отправлена телеграмма депутату Государственной Думы, Российскому государственному советнику Янису Голдманису, требуя объединения латвийских земель в единую автономную область. На совещании также было решено созвать Народный конгресс в Резекне, заявив, что делегаты будут выбраны по два от каждого прихода или волости Латгалии, по 2–4 от батальонов латышских стрелков и по одному из латгальских обществен-

ных организаций. Выбор и численность делегатов из среды общественных деятелей было решено оставить на усмотрение организационной комиссии съезда. Председателем организационной комиссии съезда был избран один из самых значимых деятелей национального пробуждения Латгалии – Никодем Ранцан (1870–1933), который в 1906 году в Петрограде начал издавать латгальскую газету «Sākla». Переехав жить в Резекне, он при костеле, где служил деканом, в 1907 году основал приходскую школу, где дети впервые смогли учиться на латышском языке, также основал Резекненскую школу торговли (1907) и Грейшканскую сельскохозяйственную школу (1910). Исторический Резекненский конгресс проходил с 26 по 27 апреля (9 по 10 мая по новому стилю) 1917 года, в нем приняли участие 183 делегата. Первый день работы прошел в Резекненском кинотеатре «Диана», но на второй день делегаты собрались в Торговой школе. Председателем конгресса были выбраны Ф. Трасун и Ф. Кемп, для охраны работы конгресса в Резекне было доставлено около 40 латышских стрелков под командованием Яниса Рубулиса [6, 20232–20239]. Перед началом конгресса Никодемс Ранцанс провел торжественное богослужение, после чего началось торжественное народное шествие, в котором участвовало около 30 тысяч человек. Участники конгресса получили поздравления от представителей прибалтийцев, после поздравлений следовал доклад Я. Ранцана о ситуации латгальцев в Российской империи и отношениях латгальцев с Видземскими и Курземскими латышами. В ходе обсуждения большинство делегированных представителей поддержали мнение о необходимости объединения латышского народа. Ф. Кемп и 38 его сторонников покинули заседание конгресса. Есть несколько версий того, почему Ф. Кемп так поступил. Одной из версий является то, что он не мог согласиться с определенным во вступительной части съезда решением, что выступать можно один раз. Рукопись Ф. Кемпа показывает, что он покинул конгресс, потому что председательствующий отказался включить в протокол четко определенные и подписями скрепленные гарантии в пользу будущего Латгалии, т.е. условия земельных и административных реформ, судебной системы и системы гражданского права, а также процедуры наследования земли, которые до этого были существенно разные в Прибалтике и Витебской губернии [7, № RxA 96 241.v]. Полностью полагаясь на лояльность балтийцев, большинство участников конгресса также отклонило предложение Ф. Кемпа о подписании документов, гарантирующих невмешательство балтийцев в вопросы языка, религии и школьных дел Латгалии. На второй день Резекненского конгресса, работа которого проходила в помещении школы торговли, после продолжительных дискуссий были приняты следующие решения:

- 1) в совместной Латвии Латгале является автономной;
- 2) латгальцы сохраняют свой язык в церквях, школах и во всех учреждениях Латгалии;
- 3) католическое духовенство в вопросах веры имеет право поддерживать прямой контакт с Папой Римским [8, л. 6].

Так как Временное правительство России не спешило выполнять эти требования, дальнейшее осуществление решения конгресса принял на себя Временный земельный совет Латгалии во главе с Ф. Трасуном. Подтверждая этническое разнообразие Латгалии, из 60 членов совета 24 места занимали представители польских, русских и еврейских меньшинств [8, л. 6]. После большевистского переворота от имени Земельного совета в г. Резекне 3 декабря 1917 г. был создан еще один съезд. В нем приняли участие 343 делегата из 41 Латгальского прихода (не явились представители из 6 муниципальных образований). Из общего числа депута-

тов 297 были латышами (242 из Латгалии, 55 из других местностей), 27 русских (16 православных и 11 старообрядцев), 5 поляков, 2 еврея и 2 белоруса. Конгрессом был избран Временный исполнительный комитет Латгале, которому депутаты делегировали обеспечить завершение отделения Латгалии от Витебской губернии. Совет Народных Комиссаров ССФР приказом № 93, утвердил полное отделение Даугавпилского, Резекненского и Лудзенского краев от Витебской губернии и присоединение Латгалии к Видземе [6, 20229–20230]. Таким образом, русская революция 1917 года открыла для латгальцев не только возможность приобретения опыта политической деятельности, но и проложила путь к демократии – к свободе прессы, организованной деятельности, и самое главное – к свободе самим решать судьбу своего будущего. Принятые решения демократически избранным представителем народа изменили не только жизнь латгальцев, но и дальнейшую судьбу двух частей латышского народа, которые по воле воюющих великих стран и политических изменений нового времени были административно разделены. Несмотря на то, что на Резекненском конгрессе не было предложено бороться за латвийскую национальную независимость, именно там впервые прозвучало политическое проявление – зов единства латышского народа и территориальной целостности, т.е. учреждения независимого Латвийского государства.

Источники и литература:

1. Sedovs, V. Baltisenatnē. Rīga: Zinātne, 1992.
2. Čakša, V. Latgalesceļš uzgarīgo kultūru un mūziku sīglītību. Rēzekne: RA, 2001.
3. Zeile, P. Latgales kultūras vēsture. Rēzekne: LKCI, 2006.
4. Kemps, F. «Sapņi par vīneibu» // Dryva – 1917. – 25.janv.–C.1
5. Blanks, E. «Latvija vīnojās» // Dryva – 1917. – 23. janv.–C.2
6. Kemps, F. Latgalieš u kongress. Rokraksts. LNB, Nr. RxA 96, 241.v.
7. Национальный архив Латвии (ЛНА).– Ф. 2298. Оп. 1.Д. 99.
8. Švābe, A. (galv.red. 1933–1934) *Latvieši u konversācijas vārdnīca*. 10. sējums. Rīga: A. Gulbjaizdevniecība.
9. Национальная библиотека Латвии (НБЛ). № RxA 96, 241.v [Рукопись Ф. Кемпа].

ИСТОРИЯ ОДНОГО АТАМАНА. БАТЬКА ТАРАС СЕРГУЧЕНКО И ЕГО ВРЕМЯ

М.В. Васильев

Псков, Псковский государственный университет

Гражданская война в России породила большое количество различного рода авантюристов, пользующихся ситуацией развала государственности в собственных целях. Именно с этим историческим периодом связано такое уникальное явление как батьковщина и атаманщина, существующая как в тылу Белой, так и Красной армии. Практически повсеместно в годы гражданского вооруженного конфликта появлялись местные атаманы и батьки, создававшие свои отряды и контролировавшие определенную территорию. Численность подобных отрядов была различной и колебалась пары десятков человек до нескольких тысяч. Эти атаманы официально придерживались различных политических течений и вступали в союзы с различными военно-политическими силами, действовали по ситуации, зачастую искусно приспосабливаясь к динамично меняющимся условиям. Такая ситуативная тактика действий заставляет исследователей изучать каждый «зеленый» отряд в отдельности, рассматривая его как специфическое явление эпохи. Однако была у

«зеленых» атаманов одна общая черта – все они не признавали верховной власти над собой и позиционировали как абсолютные правители на подконтрольной им территории. Зачастую прикрываясь благообразными лозунгами свободы и защиты революции, подобные отряды не многим отличались от обыкновенных бандитских группировок, использующих соответствующие жестокие методы борьбы.

Одним из таких авантюристов Гражданской войны в Себежском уезде Витебской губернии стал Тарас Иванович Сергученко. О довоенной биографии этого человека известно немного. Происходил Тарас Сергученко из среды зажиточных белорусских крестьян, по всей видимости до революции 1917 г. пользовался значительным авторитетом в крестьянской среде. Известно, что в рамках осуществления политики «военного коммунизма» имущество Т. Сергученко подпало под национализацию, что сделало Тараса непримиримым врагом Советской власти. Борьбе с Советами он посвятил всю свою оставшуюся жизнь. С конца 1918 г. Тарас Сергученко совместно со своими братьями Семеном и Иваном приступил к формированию вооруженного отряда из числа местных крестьян и дезертиров. Уже к началу 1919 г. в его отряде насчитывалось 200 вооруженных человек [1, с. 64]. Столь быстрое формирование отряда определяется целым рядом причин, главными из которых являются крайне тяжелое продовольственное положение в ряде волостей Себежского уезда. Периодическая печать того времени следующим образом описывала продовольственную ситуацию на селе: «Обезумевшие от голода люди и поступают безумно. В этом нет ни чего удивительного», «Крестьяне начинают бродить по полям как волки. Всюду толпы годных», «Настроение масс настолько неустойчиво, что какие угодно нелепые слухи находят ответный отклик и благодатную почву», «И все больше растет это настроение отчаяния и холодного ужаса перед грозным призраком голодной смерти» [2, с. 42 – 43]. Но даже в условиях тяжелейшего продовольственного кризиса 1918 г. в деревне продолжали активно действовать продовольственные отряды, отбиравшие иногда последние запасы хлеба из крестьянского хозяйства. К весне 1919 г. Витебские деревни наполнились огромным количеством дезертиров из Красной армии. Мобилизованные в армию крестьяне не желали принимать участие в Гражданской войне и использовали любой удобный случай, чтобы покинуть ее ряды. Так, например в соседней Псковской губернии только с февраля по март 1919 г. через комиссию по борьбе с дезертирством прошли 68457 человек [3]. Крестьяне бежали из призывных пунктов, железнодорожных эшелонов и воинских частей и обходными тропами возвращались в родные места, но опасаясь наказания были вынуждены скрываться в сараях, амбарах и лесах. Периодическая печать того времени отмечала: «по деревням молодежь прячется от мобилизации, и в редкой деревне нет такого бегуна» [4]. Именно дезертиры становились питательной средой для различного рода крестьянских «зеленых» отрядов.

Первоначально отряд Сергученко действовал на территории Непоротовской волости, не представляя серьезной опасности для местных властей. Но к весне 1919 г. отряд новоиспеченного атамана численно увеличился и в достаточной мере был вооружен. Уже 26 мая им был совершен дерзкий налет на железнодорожную станцию Идрица и захвачены два паровоза, один из которых оказался почтовым. В течение нескольких дней власть на станции Идрица была в руках повстанцев. В материалах следствия отмечалось, что отряд Сергученко не производил никаких грабежей на станции кроме железнодорожной кассы. Не было совершено и расправ над пленными советскими работниками и красноармейцами, хотя отдельные призывы расстрелять комиссара железнодорожной ЧК ст. Идрица звуча-

ли из толпы. В своем докладе член комитета партии Ново-Сокольнической организации К. Отс, руководивший ликвидацией выступления «зеленых» отмечал: «Заняв станцию, зеленые вели себя весьма спокойно и самоуверенно, во всем был виден продуманный план. Начальник зеленых, по всей видимости, лицо, обладающее достаточным авторитетом, хладнокровный, настойчивый с административным навыком и талантом. Согласно показаниям завали его Иван Иванович Сергученко. Приказания его выполнялись точно и беспрекословно» [5]. На станции были распространены заранее заготовленные объявления, содержание которых сводилось к следующему: «Долой войну, да здравствует свобода дезертиров, частная собственность, долой жидов и кровопийц коммунистов». В своем объявлении «зеленые» призывали «всех любящих свободу», вступать в зеленую армию, создавать волостные ячейки и всячески организовываться. Наличие подобных прокламаций доказательно подтверждает высокий уровень организации операции. По некоторым сведениям Сергученко планировал захват железнодорожных станций Полоцка, и Опочки для дальнейшего соединения с белогвардейскими частями в направлении Пскова. На захваченных паровозах отряд Т. Сергученко контролировал часть Полоцкой железной дороги, патрулируя станцию Нащекينو и Галузино. В районе Пустошки «зелеными» был разобран мост и испорчено телеграфное сообщение [6].

На следующий день 27 мая в Ново-Сокольниках был сформирован сводный отряд для ликвидации «зеленых». В него вошли: 1-я Великолукская крестьянская рота (маршевая) 85 чел., 5-я и 6-я роты 44-го Невельского железной дороги оборонного полка 55 штыков, отряд из Ново-Сокольницкого взвода продармейцев 14 штыков, один взвод Ново-Сокольницкой караульной команды в 18 штыков при одном пулемете и командированных Ново-Сокольницкой организацией 3 коммуниста из ответственных работников, всего 110 штыков. Патроны были розданы в Ново-Сокольниках от 30 – 60 штук на винтовку [5]. В первом часу ночи на 28 мая сводный красноармейский отряд был погружен в эшелоны и отправился в направлении ст. Пустошка (47 верст от Ново-Сокольник). Именно там действовало последнее телеграфное сообщение. К 9 час. 30 мин. Советский отряд вошел на ст. Нащекينو в которой повстанцев не оказалось. Пребывая на станции, командир сводного отряда К. Отс. вступил в своеобразную радио-игру с повстанческой Идрицей, в результате которой «зеленые» полагали, что Нащекينو подконтрольно им. К 10 часам утра Идрица вторично вышла на связь с требованием открыть semaфор для прибытия паровоза и встречать надсмотрщика. Командиром сводного красноармейского отряда было принято решение организовать засаду в одной версте от ст. Нащекينو. Пять отделений отряда были расположены цепью по правой стороне выемки для обстрела поезда. Три отделения заняли выход из выемки со стороны ст. Нащекينو и расположены были по левой стороне. Пулемет закрывал вход в выемку на случай отступления зеленых. Разведке дано было боевое приказание – отойти вперед главных сил на полторы версты к Идрице и при первых же выстрелах испортить полотно железной дороги, что бы отрезать зеленым путь отступления, даже если они в выемку не въедут. Около 10 час. 30 мин. паровоз повстанцев с 2-мя вагонами показался на закруглении и подходил с соблюдением всех предосторожностей – без каких либо сигналов. Однако заподозрив засаду состав остановился за речкой, рядом не доходя 1,5 версты до выемки, из вагонов вышло 50 человек и рассыпались в цепь у паровоза. Получив эти сведения, красными был отдан приказ левому флангу из трех отделений соединиться с разведкой, выйти в тыл зеленым и отрезать паровозу пути отступления. В этот момент сказался сводный характер красного отряда и несогласованность действий.

Разведка, не выполнив боевого приказа, не вышла в тыл к зеленым с целью отрезать пути отступления, главные силы с пулеметом были отделены от зеленых высоким господствующим холмом, который предстояло брать. Пулеметчик открыл огонь по гребню холма, полагая, что зеленые засели на гребне во ржи, но пехота повстанцев уже в спешности отступала в направлении Идрицы. В это время второй поезд повстанцев попал в засаду, следуя в Опочечком направлении. На ст. Енисейки 5 «зеленых» были убиты и тяжело ранены, поезд был отбит, а Наступление красных на ст. Идрица велось по трем направлениям, со стороны Сокольников, Опочки и Себежа. В сложившейся ситуации, отряд Т. Сергученко не принимая боя, сдал захваченную станцию Идрица и по 4-му железнодорожному пути ушел на оставшемся у него паровозе в Полоцк [5]. К 15 час. 45 мин. отряд К. Отса занял Идрицу, а к вечеру из Ново-Сокольник туда подошел отряд латышских стрелков с пулеметами и 3-х дюймовой батареей. Железнодорожная и телеграфная связь была восстановлена. В результате подавления зеленого мятежа, попал в плен сам Тарас Сергученко, но вскоре был отбит членами своего отряда. К 29 мая 1919 г. отряд Сергученко был уничтожен и распался, сам батька с небольшой группой доверенных лиц перешел на территорию Латвии. Но гражданская война для Сергученко не закончилась, а лишь приобрела иную форму. Практически сразу он вступил в формирующиеся белогвардейские диверсионно-террористические отряды, находящиеся под общим командованием полковника Архангельского.

Подготовленные боевые отряды планировалось направлять через советскую границу для организации диверсий, уничтожения коммуникаций и средств связи, уничтожения советских работников и антисоветской агитации в среде крестьянства. Вдоль границы рассредоточивались небольшие отряды численностью от 50 до 200 человек. Каждый из этих отрядов имел свою четко поставленную задачу, при выполнении которой они имели приказ действовать по ситуации. В числе задач, выдвигаемых перед диверсионными отрядами, были организация «повстанческих отрядов», которые должны стать опорными базами в дальнейшей борьбе, проведение разведывательной и вербовочной деятельности в советском тылу. Также предписывалось создавать разведывательно-подрывную сеть в приграничных районах Советской республики. Установив контакты с латвийской разведкой, Тарас Сергученко реформировал свои отряды, разделив их на ряд небольших групп, расположенных у Латвийско-Советской границы [7, с. 133]. Брат Тараса – Семен Сергученко поступил на службу польской контрразведки и выполнял такого же характера задания.

Успешному передвижению различного рода банд и диверсионных групп через Советскую границу способствовала малочисленность и слабая обустроенность пограничной службы РСФСР. Так, в 1920 г. на четыре версты Псковской границы приходилось всего по одному человеку. Более того, пограничники, не располагая специальными заставами и постами, были вынуждены располагаться в крестьянских домах или землянках, создавая бандитам широкие возможности для маневра [8, с. 342]. Если в самом начале 1920-х гг. главная цель подобных отрядов заключалась в поднятии крестьянства на восстание против Советов, то в дальнейшем эта идея становилась все более неосуществимой. К концу 1921 г. крестьянское сопротивление в России потеряло свою силу. Были разгромлены отряды Нестора Махно и Антонова. Уставшее от войны крестьянство переходило к мирному НЭПу. На смену террористическим формированиям все чаще приходил «частичный бандитизм, отличающийся типичным грабежом» [9]. Одной из последних крупных банд, действовавших на границе, как раз и стала банда Тараса Сергученко. Помимо диверсионной деятельности на Латвийской границе, Тарас Сергученко активно сотрудничал с

контрабандистами и сам промышлял этим делом. Чаще всего опытные контрабандисты сотрудничали с диверсионными отрядами и военными разведками соседних стран и в обмен на их поддержку выполняли разведывательные функции.

В конце августа 1924 г. батька Сергученко в очередной раз перешел границу и намеревался развернуть бандитскую деятельность на территории Себежского уезда, в то время уже присоединенного к Псковской губернии. По следу бандитов был отправлен отряд пограничников. Предупрежденный местными крестьянами о погоне, Сергученко переодевшись в форму погранвойск, сумел избежать засады и благополучно ушел в Латвию. Интересен тот факт, что в обзоре политического состояния СССР за ноябрь 1924 г. заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода отмечал, что при поддержке финских белогвардейцев в районе Себежской границы неоднократно оперировала группа Сергученко, попутно распространяя прокламации на финском языке [10]. Вполне возможно, что батька Сергученко сотрудничая с латвийской разведкой, одновременно имел контакты и с финской стороной, получая от последних поддержку.

В 1925 г. Тарас Сергученко сделал передышку, мобилизуя силы и ведя сбор информации о положении дел на советской стороне. А с весны 1926 г. он вновь предпринял ряд прорывов границы, лично возглавляя отряды. Так, в апреле он сумел благополучно перейти границу, и занимался грабежами у станции Силково, на хуторе Вертюхи и в районе населенного пункта Юховичи. При подходе превосходящих сил красноармейцев и отрядов ЧОНа батька со своими людьми вновь ушел за границу. Финальная точка в жизни Тараса Сергученко была поставлена в августе 1926 г. Когда 1 августа он со своим отрядом в количестве 15 человек перешел границу на участке заставы д. Калинково. Своевременно оповещенные об этом пограничники успели окружить неприятельскую группу, не позволив ей рассредоточиться. В результате боя, часть диверсионного отряда была уничтожена, а часть отошла на латвийскую территорию. Новое столкновение произошло 12 августа 1926 г. когда отряд Т. Сергученко при очередном переходе границы был окружен и в результате боя был полностью уничтожен [1, с. 67]. В этом бою погиб и сам атаман. Отряд батьки Тараса Сергученко был последней серьезной силой на Себежской границе, после уничтожения которого, прорывы бандитских и диверсионных отрядов на этом участке фактические прекратились.

Источники и литература

1. Везовитов, С. М. Себежский уезд в первое послереволюционное десятилетие. 1917 – 1927 гг. / С. М. Везовитов. – Saarbrücken, 2012.
2. Орлов, Н. Продовольственная работа Советской власти / Н. Орлов. – М., 1918.
3. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 482. Л. 11; Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 34. Л. 19.
4. Деревенская коммуна. – 1919. – 12 июля.
5. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 52. Л. 170 – 174.
6. Везовитов, С. М. Банда Сергученко / С. М. Везовитов // Островок. – 2011. – № 28.
7. Васильев, М. В. Крестьянский фронт. Очерки о Гражданской войне / М.В. Васильев. – Saarbrücken, 2012.
8. Пограничные войска СССР 1918 – 1928 гг. Сборник документов и материалов. – М., 1973.
9. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). – Ф. 6078. Оп. 1. Д. 38. Л. 48.
10. «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922 – 1934 гг.). – Т. 2. – Ч. 1. – М., 2001.

РЕВОЛЮЦИЯ, КОМСОМОЛ В ЖИЗНИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ 1920-Х ГОДОВ

Н.Е. Мусина

Витебск, УО «Витебский государственный медицинский университет»

Революционные потрясения октября 1917 г., радикальным образом перевернули все общественные сферы, вовлекли в водоворот событий все социальные слои и группы. Значимость произошедшего проявилась не только в самих преобразованиях, изменениях вполитической, социально-экономической жизни общества, но и в том, что все, связанное с этим, приобрело ореол «славного революционного прошлого», и поколения молодых людей воспитывались в духе его героизации и романтизации. Молодежь была той частью общества, с которой связывались надежды на воплощение революционных замыслов, именно она представлялась гарантом их реализации. Энергия, энтузиазм, оптимизм, бунтарство – это те качества, с которыми ассоциировалась молодежь, и которые, как считалось, «так необходимы дляковки революционного государства» [1, р. 16]. Неотъемлемой частью социалистических преобразований партии большевиков стало формирование человека нового типа. Так что, практически изначально задавалась определенная система ценностей с соответствующими формами социализации подрастающих поколений.

Начало советского периода истории нашего общества непосредственно связано и с деятельной молодежной организацией – КСМ. Тема истории комсомола, в том числе и КСМБ, занимает достаточно большое место в советской историографии. Однако, отдавая должное той работе, которую проделали историки ранее, следует отметить ее односторонность. Это проявилось, во-первых, в подборе фактов и оценке событий, а во-вторых, – история комсомола представлялась именно как история организации. Основное внимание уделялось ее участию и роли в послереволюционных общественных преобразованиях, связанных со строительством социализма, под руководством коммунистической партии. В исследованиях, публикациях прошлых лет, посвященных КСМ, в большей степени отражалась событийно-фактологическая сторона деятельности данной молодежной организации. При этом недостаточно изученной оказалась проблема места и роли комсомола в жизни самих молодых людей, мотивам их вступления, характеру участия (или неучастия) в организации и т.п., одним словом, всему тому, что отражало бы представителя молодого поколения в переломную эпоху. Анализируя место и роль комсомольской организации в жизни молодых людей в условиях Беларуси 1920-х годов, вовсе не ставится задача переписывания этой истории заново.

Опубликованные воспоминания первых комсомольцев, в том числе комсомольцев Беларуси[2], не дают полной картины места и роли КСМ в жизни широких слоев молодежи. Их тенденциозность вполне понятна. Происходящие события отражались в духе революционной романтики, героизма в справедливой борьбе и непримиримости к врагам революции. Впрочем, часть молодых людей действительно воспринимала происходящее подобным образом и выражала готовность пожертвовать своим благополучием и даже жизнью во имя революционных идеалов. Более широкую картину происходящего представляют такие источники, как заметки в периодической печати, протоколы и материалы проводимых в 1920-е годы (и довольно активно) исследований производственных ячеек комсомольской организации, то есть те документы, которые позволили бы взглянуть на все глазами обычного молодого человека изучаемого времени. Так, ре-

зультаты одного из «обследований», организованных комиссией ЦК ЛКСМБ совместно с редакцией газеты «Чырвоная змена» в 1928 г. в г. Борисове и представленных на 233 листах, содержат немало интересного о жизни молодых людей, мотивах их поведения, ментальных установках и пр.[3].

Особое положение, политический характер деятельности КСМ с самого начала обеспечивали ему значительные ресурсы и позволяли использовать разнообразные методы воздействия на широкие слои молодежи в процессе их социализации. Обозначена была идеологическая установка, связанная с классовым пролетарским воспитанием и вполне определенно сформулированной системой ценностей и идеалов. По отношению к другим молодежным течениям (даже социалистическим) утверждалась установка на нетерпимость и бескомпромиссность.

С момента возникновения КСМ без преувеличения можно было назвать «боевым отрядом», «верным помощником и резервом партии». Помимо непосредственного участия на фронтах боевых действий (о чем написано немало), 15-18-летние члены первых комсомольских ячеек обращались с просьбой прислать винтовки для обучения военному делу. В последующие – мирные 1920-е годы вопросы военизации населения, особенно молодежи, постоянно находились в центре внимания КП(б)Б и ЛКСМБ. Подобная политика проводилась практически во всей Советской России, однако в Беларуси, учитывая ее пограничное положение, эти вопросы приобретали особое значение. Таким образом, одной из задач КСМ стала задача военизации молодежи через военно-патриотическое воспитание и обучение.

В условиях коренной ломки мировоззренческих установок, ценностей, отчуждения от традиционных нравственных норм, в ситуации, когда прежние регуляторы поведения утрачивали свое значение, а новые только формировались, а также в силу сложившегося тяжелого материального положения в республике, подростки, молодежь становились особенно уязвимыми группами (группой риска). Серьезные социальные проблемы того времени, в числе которых, например, занятость, получение работы, зачастую были связаны с выживанием, а вместе с этим – вопросом серьезного морального и идеологического выбора. Для молодых людей тех лет первостепенным был не столько выбор профессии, а наличие самой работы, к тому же на иждивении многих работающих молодых людей были и другие члены семьи. КСМ участвовал в решении социальных проблем молодежи, получении ею профессии и работы.

Выбор профессиональный, ценностный, моральный, идеологический – как чисто возрастная (и при этом вовсе непростая) задача для молодого человека в условиях трансформации общества, революционных преобразований приобретал особый драматизм. Он был связан с разрывом с традиционными установками, конфликтом поколений, с решением проблем социально-экономического благополучия, а то и просто выживания. Членство в КСМ в повседневной жизни в тех условиях могло провоцировать глубокий внутренний конфликт, проблема выбора представлялась как острая жизненно важная задача, требующая серьезного психологического напряжения. В то же время членство в КСМ давало определенные шансы на обустройство, на определенный статус, поддержку. Потому и разрыв с организацией, исключение из нее частью молодых людей переживалось очень тяжело (вплоть до самоубийств).

С первых лет существования для значительной части молодежи КСМ начинал играть существенную роль. При том, что какие бы собственные мотивы при этом не преследовали молодые люди, в союзе они видели не просто организацию, способную удовлетворять их потребности и запросы, с ней связывали представления

об определенном этическом идеале. Исходя из такого идеала «вырисовывались» типы – «активист», «отсталый», «рядовой», «отрицательный». Членство в КСМ связывалось с определенными обязанностями, активностью, поведенческими формами, приверженностью к коммунистической идеологии. При этом членство в организации налагало обязательства на молодого человека во всех сферах жизни и во взаимоотношениях с различными людьми, включая членов семьи.

Итак, в исследуемый период КСМ, помимо партии и государства, становился важнейшим институтом социализации молодежи. В этом общем процессе значительное место стала занимать политическая социализация, характерными атрибутами которой становились борьба, революция, диктатура, непримиримость и нетерпимость. Классовый подход, «предлагаемый» учет социального происхождения во взаимоотношениях молодых людей – все это являлось факторами социализации конфликтного типа. Заняв особое место в политической системе общества, Коммунистический Союз Молодежи получил большие возможности для воздействия на молодых людей, на процесс воспитания, их ценностный, идеологический, морально-этический выбор. При этом использовались различные методы.

КСМ в молодежном движении (которое никак не следует сводить только к деятельности комсомола) – это утверждение коммунистического, революционного *направления* в нем. Комсомол становился самой массовой и практически единственной молодежной организацией. При этом в нем закладывались и проявлялись некоторые противоречия [4, с. 34]. При всех сложностях и противоречиях становления молодежного движения полученный опыт является весьма ценным.

КСМ как молодежная организация, как институт – явление было довольно новым для белорусского общества 1920-х годов. Ее создание вряд ли можно объяснить одной политизацией общества. Как институту КСМ бесконфликтное включение в систему общественных отношений в тех условиях обеспечило сочетание интересов государства, коммунистической партии с одной стороны и интересов самой молодежи – с другой. Это – во-первых. А во-вторых, отстраняя, вытесняя из процесса социализации подрастающего поколения прежние институты – семью, церковь – частично их функции КСМ брал на себя. При этом эффективно были использованы, задействованы *прежние* – традиционные механизмы социализации, но в *новой* форме. Это проявилось, например, в осуществлении социальной помощи, поддержании коллективности, формировании идентичности (на противопоставлении «свой-чужие», «друзья-враги»).

Выполняя такие функции, как организация, мобилизация, воспитание молодежи, КСМ становился, с одной стороны, объектом и орудием партийного воздействия на молодежь, с другой стороны, позволял удовлетворять потребности молодых людей в решении их возрастных задач, связанных с образованием, трудоустройством, реализацией активности и т.д. При этом КСМ выполнял как функции социального, так и политического контроля во всех сферах – в политической, социальной, духовной, семейно-бытовой. Для молодого человека членство в КСМ становилось значимым статусным фактором в реализации своих жизненных планов. Правда, иногда – ценой серьезного внутреннего напряжения и конфликта.

В целом исторический опыт, связанный с деятельностью КСМ первых лет существования, является очень важным в понимании места и роли молодежи в общественных преобразованиях, ответственности самого общества и его структур за раскрытие потенциала, самых лучших качеств и способностей молодежи. Прошедшее столетие заставляет вновь обратиться к событиям тех лет. Вряд ли мож-

но дать им однозначную оценку, но время позволяет более глубоко и объективно их проанализировать.

Источники и литература

1. Anne E. Gorsuch. Youth in Revolutionary Russia: enthusiasts, bogemians, delinquents / Anne E. Gorsuch. P.cm. – (Indiana – Michigan series in Russian and East European studies)/ – 274 p.
2. Сквозь вихри грозовые /Анапчук И.Д. [и др.]; ред. А. Кукевич. – Минск : Беларусь, 1968. – 152 с.
3. Материалы комиссии ЦК ЛКСМБ и редакции газеты «Чырвоная змена» по обследованию производственных ячеек Борисовской организации ЛКСМБ (октябрь-ноябрь 1928 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 1-М. – Оп. 23. – Д. 830.
4. Мусина, Н.Е. Комсомол и молодежное движение в Беларуси (начало XX века) / Н.Е. Мусина //Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» :сб-к науч. трудов. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2015. –Т. 20. – 232с.

«МНОГО СМУТЫ, РАЗДОРА И РАЗДЕЛЕНИЯ»: ПРОВЕДЕНИЕ КАЛЕНДАРНОЙ РЕФОРМЫ «ОБНОВЛЕНЦАМИ» НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ В 1923–1925 ГГ.

В.В. Бараненко

Полоцк, Полоцкий государственный университет

Приход к власти партии большевиков в октябре 1917 года повлиял не только на политическую, экономическую и социальную сферы, но оказал влияние и на процессы церковной жизни. Российская православная церковь на протяжении многих веков удерживала за собой абсолютное влияние на духовную жизнь общества. Новая же власть не нуждалась в сакральной санкции со стороны церкви, а расценивала ее как препятствие на пути собственного утверждения.

24 января 1918 г. был издан декрет СНК РСФСР «О введении в Российской республике западноевропейского календаря». Одной из причин перехода на григорианский календарь, которую преследовала советская власть, было стремление подорвать традиционные устои Российской православной церкви, ослабить влияние церкви на массовое сознание и сформировать систему революционных праздников [1, с. 404-405].

Вопрос о переходе на григорианский календарь рассматривался и на заседаниях Всероссийского Православного Собора 1917–1918 гг. Несмотря на расхождения мнения присутствующих по этому вопросу, большинство делегатов держалось на стороне непринятия реформы. В результате была принята резолюция по которой введение григорианского календаря в церковную жизнь было отвергнуто, при этом не исключая перехода на новый стиль в дальнейшем [2, с. 186-188].

Новый политический режим повел решительную борьбу с конфессиональными организациями с целью искоренения религиозных убеждений и замены их на социалистическую идеологию. На практике это проявилось в закрытии храмов, преследовании и репрессиях духовенства, притеснении и гонении верующих. Основной удар был нанесен по Российской православной церкви как наиболее многочисленной конфессии на землях бывшей Российской империи.

В начале 1922 г. советским руководством была сделана ставка не на разгром, как в период Гражданской войны, а на всестороннее ослабление Церкви посредством организации раскола и отстранения от власти патриарха Тихона [3, с. 95-96].

За основу будущей церковной организации, которая должна была противостоять патриаршей церкви большевиками было взято т.н. «прогрессивное» духовенство, выступавшее за «обновление» церкви и в последствии получившее данное название.

«Обновленцы» выступали за объединение духовенства и мирян путем реформ, они ратовали за соборное управление церковью, допущение женатого епископа, второбрачие священников, введение в богослужение русского языка вместо церковнославянского. Относительно церковно-приходской жизни «обновленцы» выступали за широкий в ней демократизм вплоть до выбора мирянами клира, свободного доступа мирян к пастырскому служению, в том числе и женщин – к должности дьяконисс, и равного участия мирян в высшем церковном управлении. Кроме того, реформа требовала ликвидации «епископского деспотизма», свободного доступа к епископскому званию даже женатых священников [4, с. 17-18]. Среди многочисленных реформ также планировалось перевести богослужение с юлианского календаря на григорианский.

Чтобы канонически узаконить церковные реформы и укрепить свое положение «обновленцами» был созван Второй Всероссийский Поместный Церковный Собор, который проходил 29 апреля – 9 мая 1923 г. в Москве. По решению данного Собора была принята резолюция: «перейти на Григорианский стиль с 12-го Июня 1923 года. Причём для этого в воскресенье 21-го Мая соединить два последующих воскресенья и кроме того, 10 Июня уплотнить два воскресенья в одно» [5, с. 19].

Реформа календаря на территории Восточной Беларуси в среде верующих была встречена наиболее радикальна. Верующие негативно отнеслись к введению нового стиля в церковную жизнь [6, л. 12об., 22]. Многие прихожане, которые распределяли свои хозяйственные работы с учетом церковных праздников, противостояли разрушению привычного для них церковного и хозяйственного быта. Между тем, новый календарь коренным образом затрагивал этот быт верующих, что в особой степени проявлялось в сельской местности. Тех священников, которые отстаивали новый календарь, крестьяне начали попросту выгонять из приходов [7, с. 87].

Протоиерей г. Дубровно Е. Лавранович, относительно перехода на новый стиль во время богослужения, вспоминал: “в моем деревенском приходе были такие случаи, что венец был и по новому на праздник и по старому, а моя просвирня постилась и по новым началам Петровок и продолжала этот пост и по старому стилю – эта уважаемая женщина была в приходе – её брат Священник села Нерейши Стефан Феодорович Шафрановский – и она Надежда Федоровна Шафрановская строили церковь и после смерти в 1917-м году своего брата священника Ситеурана, прослужившего на одном месте более двадцать лет – и она все время живши около него за его вдовством, – безусловно, как говорят и тогда и после, “задавала тон в приходе”, и, вот, и старый и новый стиль поста и праздников службу соблюдала и просила бывало служить и по новому и по старому” [8, л. 3]. Священники, чтобы не быть отстраненными от храма, переходили на старый стиль [9, л. 57].

Описывая положение обновленчества благочинный 2 округа Чаусского уезда А. Тужов отмечал: «отношение членов причта к обновленческому движению в церкви сознательно-сочувственное, но не одобряется только стремления к быстрому, без подготовки верующих, изменению внешних норм и обрядов в церковной жизни не имеющих никакого значения в деле спасения человека. Между тем, эти изменения вызывая в темной верующей массе подозрения в измене православию, создают тяжелые условия для пастырей в их делании на Ниве Христовой. Нажим со стороны темной верующей массы, материальная необеспеченность и

зависимость от прихожан – заставляют некоторые причты поколебаться в своих отношениях к обновленчеству” [10, л. 2об.].

В конце июня 1923 г. на свободу выходит патриарх Тихон. После освобождения патриарх выдает обращение всему духовенству и верующим, в котором осуждает представителей обновленчества и продает анафеме членов ВЦУ [11, с. 288-292]. Начинается массовый переход приходов из обновленчества в патриаршую церковь.

Патриарх Тихон о внедрении нового стиля в церковную жизнь писал: “против него [нового стиля] единодушно восстал почти весь народ. Везде повторилась одна и та же картина: в праздники по новому стилю не приходил в церковь народ, в праздники по старому стилю, несмотря на требования народа, не решалось отпраздновать богослужение духовенство. Иногда народ заставлял насильно священников совершать богослужение по старому стилю” [11, с. 334].

Над обновленчеством нависла угроза краха. С целью его предотвращения был взят курс на свертывание реформаторства.

В мае 1924 г. в Могилеве был созван Белорусский областной церковный Собор. Одним из вопросов, что затрагивались на заседаниях Собора был и вопрос касательно нового календарного стиля в церковной жизни. По результатам обсуждения белорусскими «обновленцами» была вынесена следующая резолюция: “... принимая во внимание то обстоятельство, что верующие массы в большинстве своем далеко не осознали еще превосходства и правоты нового стиля и потому всячески до упорства отстаивают старый Собор, признавая не отвечающим духу времени и церкви принудительное проведение в жизнь нового стиля и нисходя малосознательности верующих, приглашает пастырей церковных со всей полнотой освещать все значение и превосходство нового стиля, что облегчит в ближайшее время безболезненное повсеместное принятие его всей церковью” [12, л. 60].

Такой взгляд на данный вопрос Собор поручил своим делегатам отстаивать на предстоящем Всероссийском Предсоборном Совещении в Москве 10 июня 1924 г.

В результате резкого негативного отношения к календарной реформе верующими и с целью остановить их отток в лоно Российской православной (патриаршей) церкви, на Всероссийском Поместном Соборе 1925 г. было принято решение проводить данную реформу только в тех местах, где это представлялось возможным [13, с. 18].

Таким образом, проведение в церковную жизнь календарную реформы «обновленцы», встретив неприятия нового стиля в богослужении большей части верующего населения, пришлось отказаться от этого. Это объясняется тем, что прихожане хранили консервативность, прежде всего в обрядовой составляющей. Неприятие обновленческих идей в общей народной массе констатировало о сохранение традиционности в Церкви.

Источники и литература

1. Декреты Советской власти: в 18 т. – М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957. – Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – 626 с.
2. Деяния Священного Собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. – М.: Новоспас. монастырь, 1996. – Т. 6: Деяния LXVI-LXXXII. – 284 с.
3. Одинцов, М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / М. Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с.
4. Программа церковных реформ, намеченных группой духовенства и мирян «Живая Церковь», в развитии своих основных положений, принятых на учредительном собрании группы 16/29 мая 1922 года // Живая Церковь. – 1922. – № 10. – С. 17-18.
5. Деяния II-Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви (Бюллетени). –

- Москва: Высш. совет Рос. православ. Церкви, 1923. – 20 с.
6. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 332. Оп. 1. Д. 3.
 7. Шиленок, Д. Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939) / Д. Шиленок. – Москва: Крутицкое подворье, 2006. – 218 с.
 8. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 562.
 9. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 158.
 10. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 97.
 11. Акты Святейшего патриарха Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917 – 1943 гг. / Сост. М. Е. Губонин. – Москва: ПСТБИ, 1994. – 1063 с.
 12. ГАВт. – Ф. 332. Оп. 1. Д. 9.
 13. О деятельности Священного Синода и о мероприятиях к примирению церковного разделения (Доклад Протопресвитера П.Н. Красотина) // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. – 1926. – № 6. – С. 14–18.

МОБИЛИЗАЦИЯ СОЮЗОМ БЕЗБОЖНИКОВ СССР МОЛОДЕЖИ НА БОРЬБУ С РЕЛИГИЕЙ И ЦЕРКОВЬЮ (1926–1936 ГГ.)

И.И. Янушевич

Минск, Белорусский государственный университет

В середине 1920-х гг. в СССР было организационно оформлено движение борцов с религией и церковью. Союз воинственных безбожников (СВБ) задумывался как центральный механизм антирелигиозного движения встроенный в государственную политическую систему на всех ее уровнях [1, л. 23-97]. Устав организации так и предполагал: «Всю работу Союз Безбожников проводит в полном контакте и согласованности с местными партийными и комсомольскими организациями, политпросветами и культотделами профсоюзов» [2, с. 3]. Предстояла задача мобилизовать население, и в первую очередь молодежь, на реализацию комплекса мер по уничтожению религиозности населения. Однако руководитель и идейный вождь все безбожников Ем. Ярославский же со своим ближайшим окружением даже на высшем межведомственном уровне не смогли наладить взаимоотношение с заинтересованными сторонами. Главным союзником должен был стать комсомол. Однако вместо тесного сотрудничества возникает многолетний конфликт с Коммунистическим союзом молодежи (КСМ). Наиболее тесно и активно организации сотрудничали в 1926-1932 гг. СВБ беспардонно выдвигает претензии на средства иных структур. При этом никаких прорывных идей предполагаемым союзникам не выдвигает. При, скорее всего, невысоком интеллектуальном и организаторском потенциале самого лидера это было и невозможно, а компенсировалось все расположением вождя [3, с. 88].

КСМ, определенный ранее главным исполнителем большевистской программы по борьбе с религией и церковью с поставленной задачей не справился. К середине 1920-х гг. это стало совершенно очевидным. Реальных успехов и достижений в БССР не было. Ситуацию необходимо было исправлять. Вместо КСМ партийным руководством было принято решение сделать ставку на Союз безбожников, как на специализированную организацию. Комсомол же должен был стать исполнителем одного из направлений деятельности, а он в 1926-1927 г. практически прекратил системную антирелигиозную работу [4, л. 61]. Даже ЦК ВЛКСМ на протяжении нескольких лет затянул разработку положения о секции молоде-

жи при Союзе безбожников, что не могло не сказаться и на работе республиканских организаций [5, л. 8]. В тоже время руководство союза молодежи, не смотря на состояние дел, претендовало на лидерство и самостоятельность в данном вопросе. Центральный совет (ЦС) СББ СССР нуждался в структуре работающей со всей молодежью и в соответствии со своим видением возложил эту задачу на ВЛКСМ. Но организация объединявшая незначительное число молодых людей, особенно в деревне, и имевшая проблемы с проявлением религиозности и в своих рядах не могла взять на себя такие обязательства. Это было заведомо провальное задание, которое не могло быть нормально воспринято ЦК ВЛКСМ. И. Сталину легко удалось обострить конкуренцию в безбожном деле в 1928-1929 гг. Выдвигаемые ЦС СББ СССР и ЦК ВЛКСМ взаимные обвинения в слабой организации работы, незначительном количестве членов СБ-СББ, нежелании комсомольцев вести активную борьбу с религиозностью молодежи были абсолютно справедливы [6, л. 73-74]. И в этом были виновны обе стороны. СБ-СББ не мог создать организационную структуру и обеспечить ее информационно-методическое сопровождение [7, л. 19-21], а комсомол только 3% процента своих членов направил в ряды безбожников [3, с. 88]. Взаимные упреки, обвинения и даже оскорбления [8, л. 5] были прекращены ЦК ВКП(б), затребовавшим конструктивного сотрудничества перед лицом общего врага [7, л. 1-2;]. ЦК ВЛКСМ совместно ЦС СББ СССР был разработан целый комплекс мероприятий антирелигиозной направленности [9, л. 5]. В западной области и БССР развернуть работу в достаточной степени не удалось [6, л. 70]. Следует отметить, что в принимаемых по этому вопросу решениях ЦК ВЛКСМ о совместной с СББ и требованиях ЦК ВКП(б) четко указывалось на необходимость активизации деятельности именно в области пропагандистской и разъяснительной работы. Комсомольцами Беларуси она была подменена «практикой административного закрытия церквей, снятия колоколов, насильственного снятия икон и т.п.» [6, л. 70]. Подобная ситуация имела место и в других регионах СССР.

Важным сегментом работы ВЛКСМ было шефство над пионерской организацией. Именно пионеры и октябрята являлись наиболее перспективными, а при правильной постановке вопроса и убежденными безбожниками. Здесь должна была организовываться и работа СББ в значительной степени пересекающаяся с деятельностью наркомата просвещения. Система образования была наиболее зависима от государства, в то же время и консервативна, с критическим взглядом на всякого рода неадаптированные к реальной действительности нововведения. Педагогический состав в значительной степени был религиозен, в том числе до определенного момента это не скрывал, а то и фактически преднамеренно демонстрировал, как и иные представители интеллигенции. Постановления Наркомата просвещения некоторыми трактовались как не требующее проведения антирелигиозной работы в рамках учебного процесса в силу того, что это место по представлению знаний, навыков и умений. Это не были сочувствующие СББ люди. Вовлечение же школьников в ряды юных безбожников должно было сформировать своеобразный резерв и завершить своеобразную вертикаль по аналогии с звеньями партия-комсомол-пионерия-октябрята. Желая вытравить у подрастающего поколения религиозность власть готова была пойти на любые эксперименты. Это был уже не 1917 или 1918 гг., а 1929-1930 гг., когда большинство блефовых идей уже было отброшено, а на II Всесоюзном конференции юных воинствующих безбожников и друзей МОПР Е. Ярославский заявлял: «Мы требуем от каждого ребенка, что б он был борцом против всякой религии везде – в школе, в семье» Ярославский [11, с. 270]. Каковы были перспективы массового воспроизводства монстриков от СББ

предположить трудно. В конце 1920-х гг. в дни религиозных праздников менее 30% школьников посещали занятия. Совпадала ли цифра юных воинствующих безбожников и цифра неверующих сказать достаточно проблематично. Родители с учетом перспективы жить в атеистическом государстве могли как подтолкнуть чадо к безбожии, так и научить его внешне демонстрировать, оставаясь человеком верующим и принимая необходимость двуличия как неизбежной данности.

В 1929 г. работа наркомата образования БССР в сфере антирелигиозной работы среди учащихся значительно активизировалась. Это было прямым следствием рассмотрения вопроса об участии педсостава в антирелигиозном воспитании на Оргбюро ЦК ВКП(б) в декабре 1928 г. [12, л. 3] и закрытого письма ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. в котором однозначно предписывалось [8, л. 1-2] Кроме методического сопровождения на систему образования возлагались функции по созданию и поддержанию на достаточном уровне структур СВБ, в том числе и «юных безбожников». [13, л. 56 об]. Оснований для какого то серьезного прорыва в распространении атеизма среди тех же школьников у педагогов и функционеров наркомата просвещения не имелось, однако общественно-политическая ситуация с максимальной радикализацией способов достижения поставленных руководством страны целей не оставляла выбора иных форм и средств как чрезвычайные меры. Первым и главным критерием оценки работы в области распространения атеистического мировоззрения ответственным антирелигиозникам было выгодно считать рост численности организации, наличие ячеек, подписку на соответствующие периодические издания и уплату членских взносов. В создаваемых в тех же школах структурах СВБ оказались сотрудники и школьники старших классов, а в рядах ЮВБ ребята 8-14 лет, что сбивало общую статистику. При фактическом отсутствии в 1929-1930-м гг. нормально функционирующих организационных отделов это была явно двойная бухгалтерия. Четко отследить не позволяли даже взносы и личные карточки, что в свою очередь позволяло в указанный период демонстрировать требуемую численность [10, л. 12].

В это же время меняются условия для организации антирелигиозной работы в целом. И новая редакция конституции, и законодательство о религиозных организациях, и циркуляры ЦК ВКП(б), наркомата просвещения требовали внедрения в учебно-воспитательный процесс комплекса мер по формированию материалистического мировоззрения у обучающихся и обучающихся. Возникал в безбожной работе параллелизм, который был не на пользу СВБ-ЮВБ. Организация ничего кроме дополнительной неоплачиваемой нагрузки в учебное заведение не приносила. Все для нее необходимое приходилось выкупать, выбивать, выпрашивать у вышестоящих структур СВБ, одновременно неся перед ними ответственность. Как только давление партийных структур по данному вопросу ослабло представительство СВБ-ЮВБ в школе начало активно сворачиваться. В 1934 г. Центральный совет СВБ СССР пытался реанимировать структуру под лозунгом, что «под видом религии к ребятам попадает классовый враг» [14, л. 13]. Однако предпринимавшиеся меры уже были не актуальны. Создание ЮВБ при пионерских отрядах и так состоящих из передовой части советских школьников не имело смысла. Взрослая структура уже практически была разрушена. Преемственность поколений отсутствовала, что нарушало уже установившуюся традицию и с пропагандистской точки зрения было нецелесообразно. В феврале 1933 г. на заседании фракции ВКП(б) ЦС СВБ СССР обсуждался вопрос о ликвидации профильного отдела [15, л. 13-14]. В 1936 структура ЮВБ была упразднена.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что СВБ не сумел организовать эффективное взаимодействие со структурами ответственными за идеологическую работу с молодежью. ЦС СВБ неправоммерно пытался подчинить себе более весомые организации и заставить их выполнять свои уставные задачи. Союз молодежи не располагал ресурсом для проведения антирелигиозной работы среди всей молодежи. Принужденный к резкой атаке на церковь комсомол предпочел применение наиболее радикальных форм, негативно отразившихся на пропаганде атеизма. Выстраиваемая в системе образования модель антирелигиозной работы не ощущала потребности наличия специализированной структуры не располагающей соответствующий ресурсной базой.

Источники и литература

1. Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 60. Д. 793.
2. Устав Союза Воинствующих Безбожников – М.: 1931.– 13 с.
3. *Алексеев, В. А.* Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М. : Россия молодая, 1992. – 246 с.
4. РГАСПИ. – Ф. М-1. Оп. 3. Д. 24.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 39.
6. РГАСПИ. – Ф. М-1. Оп. 4. Д. 43.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 4-п. Оп. 1 Д. 3508.
8. ГА РФ. – Ф. 5263. Оп. 2. Д. 7.
9. РГАСПИ. – Ф. М-1. Оп. 4. Д. 47.
10. РГАСПИ. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 140.
11. Ярославский, Е. Против религии и церкви / Е. Ярославский. – М. : ГАИЗ, 1935. – 344 с.
12. РГАСПИ. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 26.
13. НА РБ– Ф. 261. Оп. 1. Д. 6.
14. ГА РФ. – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 104.
15. ГА РФ. – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 96.

РУССКАЯ ШКОЛА В КОРОЛЕВСТВЕ СХС

М.С. Довгялло

Минск, Белорусский государственный университет

Поражение, понесенное антибольшевистскими силами в ходе братоубийственной гражданской войны, вынудило значительную часть населения России искать убежище от преследования советской власти в других странах мира. Российская эмиграция первой половины 1920-х гг. являлась уникальным историческим явлением, обусловленным особенностями развития государства в предшествующие годы. Основной поток русской эмиграции в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС, с 1929 г. – Королевство Югославия) начался весной 1919 г. и завершился к 1922 г. Являлась одной из самых крупных в мире российского зарубежья. Русские расселились по всей стране и образовали около 300 колоний, самые крупные из которых были в Белграде, Загребе и Нови-Саде [1, с. 46]. За пределами родины оказалось и большое количество детей школьного возраста, остро нуждавшихся в образовании на родном языке, а также адаптации и новым условиям. Сохранить национальное самосознание и культуру, приучить любить детей все русское, воспитать подрастающее поколение для будущей России, с та-

ким настроением, оказавшись на чужбине, преодолевая многие трудности, представители русской эмиграции приступили к созданию русской школы за границей. Общее количество беженцев насчитывало в 1921-1922 гг. около 33500 человек. В 1923-1924 гг. их число уменьшилось до 30000 [2, с. 11]. Состав эмигрантов был своеобразен: значительную (если не большую) его часть составляли военные кадры. В 1922 г. из общего числа русских эмигрантов до 62% лиц было со средним, а 13% с высшим образованием [3, с. 24].

В Королевстве СХС эмигранты из России находились в привилегированном положении. Россия до октября 1917 г. предоставляла сербам всю совокупность прав, вплоть до поступления на военную службу. Русские эмигранты в Сербии пользовались широкими правами. В отличие от западноевропейских стран свидетельства и дипломы об образовании, воинские звания, полученные в России до Февральской революции, а также научные степени считались имеющими законную силу. До конца 1920 г. они имели право свободного выбора места жительства (с лета 1920 г. – за исключением нескольких городов), свободы передвижения по стране, занятия предпринимательством (вплоть до валютных операций), занятия должностей в армии и государственном аппарате [4, с. 11]. Правительство Королевства СХС в январе 1920 г. сформировало Государственную (Державную) комиссию по приему и размещению русских беженцев (ГК), которая должна была координировать деятельность государственных учреждений и российских эмигрантских организаций [5, с. 116]. Комиссию возглавлял один из лидеров Сербской радикальной партии Л. Йованович. В составе ее правления входили 2 серба – академик А. Белич и С. Кукич, а также 3 русских – М. Челноков, С. Палеолог и директор Первой русско-сербской гимназии В. Плетнев. Первоочередной задачей была постановка русского школьного дела, дошкольного воспитания и среднего профессионального образования для молодежи в эмиграции. Комиссия являлась сербско-русским учреждением. Вопросы образования в ГК находились в ведении нескольких советов. В 1922 г. был создан Совет по делам русских студентов в высших учебных заведениях в Королевстве СХС. Затем он был преобразован в Учебный отдел и при нем в 1925 г. был создан Школьный совет. Учебный отдел и Школьный совет тесно сотрудничали с Министерством образования Королевства СХС. В то время в Королевстве СХС, согласно переписи населения 1921 г., было 50,5% неграмотных старше 12 лет [6, с. 144]. Правительство страны, исходя из объективных национально-государственных интересов, активно содействовало обустройству россиян.

Королевство СХС стала первой европейской страной, которая широко приняла к себе русских беженцев и пришла им материально и морально на помощь. При оказании материальной помощи русским эмигрантам особое внимание ГК уделяла детям и подросткам. В местах проживания эмигрантов создавались сиротские приюты, детские сады, школы. Решая вопросы школьного образования, органы просвещения старались разместить русские школы главным образом на территории, населенной православными жителями. В 1920 г. действовала русская зарубежная школа. Власти позволили создать свою автономную школьную систему (в 20-х годах работало около 30 школ). В октябре была открыта Первая русско-сербская гимназия в Белграде на 160 учащихся [7, с. 84], учебный план которой предполагал освоение дисциплин русской классической гимназии и языка, литературы, истории и географии Королевства СХС. Более 120 русских и небольшая группа сербских преподавателей вели занятия. Под непосредственным руководством А. Белича открывались детские дома (почти 30% русских детей осталось без родителей), школы, научные и культурные учреждения. Всего в Королевстве СХС русские учебные заведения посещало 2916 человек,

из них 2157 проживало в интернатах при них [2, с. 12]. Начальное образование было обязательным для детей семилетнего возраста. Все образовательные русские средние учебные заведения имели 8 классов.

С осени 1922 г. начались практические шаги по сближению русских учебных заведений со школьной системой Королевства СХС. Вносились соответствующие изменения в учебный план: увеличилось число уроков по «сербским» предметам – языку, литературе, истории и географии, причем преподавание велось на сербском языке [3, с. 29]. В 1922-1923 гг. русским средним учебным заведениям (корпусам, институтам, гимназиям и части детских домов) были предоставлены права государственных гимназий. В 1923/1924 учебном году на территории Королевства СХС действовали 24 русских учебных заведения. К 1924 г. в стране насчитывалось 4025 детей школьного возраста [2, с. 11]. На протяжении 1921-1924 гг. правительство Королевства постоянно увеличивало долю расходов на школьные нужды, предоставляя на определенное время денежную помощь за счет казны. В 1921 г. из 5 500 000 общих ассигнований на помощь русским школам в месяц шло 500 тысяч, в 1922 г. – 1595 тысяч, в 1923 г. – 2504 тысячи, в 1924 г. – 2904 тысяч динаров в месяц [8, с. 301; 3, с. 25]. Директор или начальник учебного заведения полностью распоряжался средствами и отвечал за их использование по утвержденной ГК смете. Эта самостоятельность действий обеспечивала ему свободу в направлении школьной (особенно интернатской) жизни, ее регулировании, в осуществлении своих планов и идей. В 1924 г., когда количество эмигрантов из России достигло своей высшей точки, в Королевстве СХС проживало более 5 тыс. детей школьного и дошкольного возраста, в том числе лишившихся родителей в годы гражданской войны [9, с. 52]. Среди всех стран, где находились русские эмигранты, Королевство СХС занимало первое место, как по числу обучающихся и содержащихся за счет правительства детей, так и по размерам отпускаемых на это дело средств.

Благодаря регулярному учету русских эмигрантов, имелась наиболее полная и разработанная детская статистика. Из 5317 русских детей и подростков, проживавших в Королевстве СХС, из них 3005 мальчиков и 2312 девочки, а по возрасту – 1292 дошкольного возраста, а школьного (от 6 до 18 лет включительно) – 4025. Кроме этого, 28,7% от общего числа детей школьного возраста были круглыми сиротами. Представители данной возрастной группы составляли 8,4%. [10, с. 46–47; 11, с. 325]. 2916 человек обучались в русских школах, около 200 человек – сербских, около 1 тыс. детей и подростков в возрасте от 6 до 18 лет оставались вне школы. Однако число последних в течение 1921/22 – 1923/24 учебных годов сократилось с 58,1% до 22,6% [3, с. 46].

Русские школы действовали с одобрения местных министерств образования и под их контролем. В Королевстве СХС все русские школы, которым было разрешено сохранить свою старую организацию, традиции и программу, были, согласно решению Совета министров Королевства от 28 октября 1922 г., напрямую подчинены Министру народного просвещения (МНП) Королевства СХС. На основании этого решения Министерство просвещения уже в начале ноября 1922 г. сформировало при Отделении средних школ временный Сектор русских школ. В самом министерстве – Главный школьный совет по вопросам русских школ в Королевстве СХС, который отвечал за все реформы и все вопросы, касающиеся преподавания в русских начальных и средних школах. Правительство Сербии присвоило русским учебным учреждениям статус правительственных средних школ [12, с. 262–263] и предоставило им одинаковые права с сербскими школами и полную автономию русской школе, сохранив за собой высшее руководство учебно-воспитательным делом в лице МНП и финансово-хозяйственным в лице ГК.

Благодаря позитивным решениям правительства Королевства СХС русские школы могли действовать на основании дореволюционных планов и программ. Крупным единственным отличием по сравнению с дореволюционными планами было уменьшение количества учебных часов по естественным наукам, рисованию и французскому языку и увеличение учебных часов по латинскому языку и истории. Изменения в учебных планах допускались лишь в том случае, если менялся соответствующий закон в стране, как это случилось в Югославии в 1929 г. Наряду с изучением в школах естественных (арифметика, алгебра, геометрия, физика, химия) и гуманитарных (история общая и русская, география, русская литература) наук преподавался сербский язык, история и география Королевства СХС и др. предметы. В основу преподавания была положена русская школьная традиция, дополненная необходимыми требованиями эмигрантской жизни. Подавляющее большинство учителей обладало опытом преподавательской деятельности. Лишь 14,3% бывших учителей в эмиграции работали по специальности, 4,8% стали служащими, 9,5% – стали учащимися различных курсов [11, с. 342]. Педагоги оказались в наименее благоприятных условиях среди представителей интеллигентных профессий. Их материальное положение не было благополучным. Зарабатывали они в основном от 500 до 1100 динаров в месяц [13, с. 132].

Школьный план и программа для детей с первого по четвертый класс были достаточно простыми. Кроме обязательного сербского языка изучался Закон Божий, русский и французский языки, математика, рисование, пение и гимнастика. Помимо этого в план входили ручной труд и физическая работа во дворе школы, танцы, беседы, чтение и т.д. В гимназии принимали исключительно детей русских эмигрантов, прием в школу был неограничен, официальным языком преподавания был русский. В первый класс брали детей семи или восьми лет. В гимназию поступали в десять или одиннадцать лет, а заканчивали ее примерно в восемнадцать лет экзаменами на аттестат зрелости. Основная цель такой системы образования состояла в сохранении русского самосознания. Все усилия, предпринимавшиеся эмигрантами в области образования, были нацелены на сохранение у детей знания традиционной русской культуры и прививание навыков, которые позволили бы им сыграть созидательную роль в будущей освобожденной России [14, с. 66].

Существовали заведения трех ступеней: начальные, средние, высшие. Образцом средних школ оставалась старая русская гимназия, предпочтение отдавалось гуманитарным наукам, религиозному воспитанию, основанному на духовных и исторических аспектах православия. Восемилетний цикл обучения делился на два этапа. С пятого класса проводилось раздельное обучение на отделениях: классическом (с обязательным изучением латыни) и реальном [15, с. 23]. Экзамены на аттестат зрелости проходили в присутствии представителя королевского Министерства просвещения. Аттестаты, выдаваемые русскими школами, признавались властями Королевства СХС. Поэтому в учебные планы русских школ включались основные предметы соответствующих национальных школьных программ. Все закончившие русские средние учебные заведения могли поступать в высшие учебные заведения, включая, военные и духовные [9, с. 52]. Вместе с тем, не хватало средств на приобретение инвентаря, необходимого для оборудования кабинетов, на покупку книг и учебных пособий, ощущалась нехватка учебников и пособий на русском и сербском языках. Практически все учебные пособия дети делали сами.

Учебный год был разделен на три части, по три месяца каждый. Дети получали оценки по шестибальной системе (от 1 до 6 или от 4 до 10). Праздничными и свободными от занятий днями в Королевстве СХС были отмечены: Св. Савва (святой покровитель сербских школ, 27 января), Видовдан (день Косовской бит-

вы, 28 июня), Объединение Королевства СХС (1 декабря) и день рождения короля Александра (17 декабря). На государственном содержании были три русских кадетских корпуса (позже объединившиеся в один). Таким образом, за первые 10 лет работы русской школы (1920–1930 гг.) в ней прошли обучение и воспитание в русских традициях старой дореволюционной школы, приобрели необходимые знания, сформировали мировоззрение 22558 детей [16, с. 155]. Русским студентам выдавались стипендии [17, с. 32].

В заключении следует сказать, что оказавшись за пределами Родины, русская интеллигенция предприняла гигантские усилия по созданию условий для продолжения образования своих детей. Живя первое время иллюзией на скорое возвращение, стремясь сохранить и умножить русскую культуру, сохранить «русскость» детей, эмигранты, создавая учебные заведения по образу и подобию русских дореволюционных традиций, школ, стремились подготовить молодежь к будущему служению Родине. Тем самым, воспитывая в них самостоятельность, отвагу и энергию, необходимые для того, чтобы справиться с трудностями пребывания в эмиграции [14, с. 74]. В Королевстве СХС количество русских детей было наибольшим по сравнению с другими странами, и правительство отпускало наибольшие кредиты на начальное и среднее образование. Правительство сделало все, чтобы нашедшие приют русские дети сохранили свою национальную школу.

Источники и литература

1. Русская диаспора в Югославии: сб. ст. / редкол.: А. Арсеньев [и др.]. – М.: Индрик, 1996. – 350 с.
2. Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанные / сост. Л.И. Петрушева; под ред. С.Г. Блинова, М.Д. Филина. – М.: ТЕРРА, 1997. – 496 с.
3. Руднев, В.В. Зарубежная русская школа, 1920–1924 / В.В. Руднев. – Париж, 1924. – 278 с.
4. Козлитин, В.Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) / В.Д. Козлитин // Славяноведение. – 1992. – №4. – С. 7–19.
5. Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. – М.: ИВИ РАН; СПб.: Алетейя, 2005. – Вып. 2. – 328 с.
6. Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940 / М. Йованович. – М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2005. – 488 с.
7. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов / Е.И. Пивовар, Н.П. Герасимова, С.И. Глотик [и др.]. – М., 1994. – 117 с.
8. Ипполитов, С.С. Российская эмиграция в Европе: несостоявшийся альянс / С.С. Ипполитов. – М.: Изд-во Ипполитова, 2004. – 376 с.
9. Антропов, О.К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.) / О.К. Антропов. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008. – 326 с.
10. Ковалевский, П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) / П.Е. Ковалевский. – Париж, 1971. – 347 с.
11. Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 458 с.
12. Бочарова, З.С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории / З.С. Бочарова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
13. Тесемников, В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) / В.А. Тесемников // Вопросы истории. – 1988. – №10. – С. 128–137.
14. Раев, М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / М. Раев. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 292 с.
15. Алексеева, Е.В. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (по документам Архива Югославии). – 1995. – №6. – С. 20–26.
16. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – XX вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 330 с.
17. Назаров, М.В. Миссия русской эмиграции / М.В. Назаров. – М.: Родник, 1994. – Т. 1. – 416 с.

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ ОБСТАНОВКИ В СССР: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦСЛУЖБ

Г.Г. Краско

Минск, ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь»

События 1917 года привели не только к коренным изменениям на территории бывшей Российской империи, но и стали отправной точкой начала нового глобального противостояния, которое разворачивалось на уровне уже не отдельных государств, а общественно-экономических формаций. На протяжении последующих более чем 70 лет шла бескомпромиссная борьба между странами коммунистического и капиталистического мира. После революции это противостояние набирало обороты и к окончанию Второй мировой войны пришло к своей наиболее известной форме – «холодной войне».

В это время во внешнеполитической деятельности западных стран отчетливо проявилась тенденция к использованию сил и средств своих спецслужб для оказания влияния на внутрисполитическую обстановку в Советском Союзе [1, с. 188]. По мнению автора, масштабы проводимой иностранными спецслужбами работы, ее деструктивный характер наиболее показательно проявились в информационно-пропагандистской работе, а также поддержке очагов вооруженной борьбы внутри СССР, которые оказывали негативное влияние на обстановку в стране на протяжении первого послевоенного десятилетия. С целью организации эффективной работы в новых геополитических условиях в первые послевоенные годы стадию глубокой трансформации пережили разведывательные и контрразведывательные органы ведущих мировых держав, которые ранее являлись союзниками по антигитлеровской коалиции (Великобритании, США, Франции, ФРГ) [2; 3; 4; 5]. Еще одним трендом послевоенного периода стало доминирование США в вопросах развития спецслужб западных европейских стран. Их силы и средства задействовались американскими партнерами в интересах обеспечения национальных интересов США.

Для дестабилизации обстановки в Советском Союзе страны Запада использовали широкий арсенал доступных им сил и средств. В исследуемый период их выбор был обусловлен рядом факторов. По мнению автора, среди наиболее важных из них возможно выделить следующие:

1. Вариантность развития геополитической обстановки в мире на завершающем этапе Второй мировой войны и в первые годы после ее окончания.
2. Рост военного потенциала и авторитета советского государства.
3. Наличие в Советском Союзе достаточно эффективной системы обеспечения государственной безопасности, в частности жесткого контрразведывательного и пограничного режимов.
4. Сохранение в СССР внутренних противоречий, вызванных недостатками существовавшей политической системы, а также тяжелыми экономическими последствиями войны.

С учетом изложенного, основные силы специальных служб западных государств и организаций по дестабилизации внутрисполитической обстановки в СССР в исследуемый период были в значительной мере сконцентрированы на участии в информационно-пропагандистской работе, направленной на дискредитацию советской политической системы, а также поддержке и инспирировании очагов вооруженной борьбы внутри Советского Союза.

К активизации информационного противоборства между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, закономерно, привели различия между их идеологическими установками и рост напряженности во взаимоотношениях. Специальные службы иностранных государств и подконтрольные им организации практически сразу после окончания войны активизировали это направление своей работы. В рамках реализации доктрины директора ЦРУ А. Даллеса западные специалисты интенсивно разрабатывали формы и методы информационно-пропагандистской работы, совершенствовали практику деструктивного информационного воздействия и целенаправленного информационного давления на граждан и государственные институты Советского Союза и стран народной демократии. Однако в первые послевоенные годы у США и их союзников выбор вариантов информационно-психологического воздействия на своего главного противника – СССР на его же территории был ограничен. В качестве наиболее доступных и эффективных методов информационного противоборства зарекомендовали себя распространение в социалистических странах печатных пропагандистских материалов и транслирование на их территорию радиопередач.

В частности, в послевоенные годы западные центры широко применяли для преодоления «железного занавеса» полученный еще в период Первой мировой войны опыт по использованию в информационно-пропагандистской работе аэростатов. СССР и страны народной демократии в 50-ых годах прошлого столетия столкнулись с нашествием воздушных шаров, доставлявших на их территорию пропагандистскую печатную продукцию. В рамках национальных программ вооружений их разрабатывали США, Франция, ФРГ, Финляндия, Норвегия, Швеция, Турция. Типовой аэростат, используемый для заброски агитационных материалов, был способен доставить в пункт назначения около 2,5 тысяч экземпляров листовок, газет или брошюр [7]. Этот способ транспортировки пропагандистских материалов настолько хорошо себя зарекомендовал, что с помощью воздушных шаров функционеры западных государств пытались переправлять через границу радиоприемники, средства полиграфической печати (наборы шрифтов, печатные станки и др.), а также проводить разведку местности на углублении на территорию противника до нескольких сотен километров.

Для оказания деструктивного влияния на население СССР специальные службы и организации иностранных государств активно использовали возможности радиовещания. Это направление активно развивалось в 50-х годах прошлого столетия. Например, в городах Витебск и Орша можно было слушать такие радиостанции, как «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Освобождение», «Наша Россия». В нескольких километрах от центра столицы БССР г. Минска к названным выше добавлялись «Свободная Россия», «Мадрид», «Ватикан».

В качестве еще одного важного аспекта в организации работы иностранных спецслужб по оказанию информационно-пропагандистского воздействия на население Советского Союза представляется возможным рассматривать использование в этой деятельности эмигрантов и советских граждан, которые по различным причинам оказались за пределами СССР в годы войны (военнослужащие, попавшие в плен; лица, принудительно угнанные и выехавшие в добровольном порядке на работы в Германию и другие страны; узники концентрационных лагерей и иные категории). Их счет шел на миллионы. Перемещенные лица и эмигранты, проживавшие на территории ФРГ, Франции, Великобритании, Канады, США и других западных стран, активно использовались спецслужбами и подконтрольными им организациями иностранных государств для подготовки пропагандистских материалов.

С учетом массового характера перемещений, происходивших после окончания войны, иностранные спецслужбы принимали непосредственное участие в создании антисоветских организационных структур эмигрантов из СССР и стран народной демократии, а также использовались каналы репатриации и реэмиграции для направления на территорию Советского Союза своей агентуры [5, с. 214].

Деструктивный характер пропагандистской деятельности государственных и специальных органов западных стран не ограничивался подготовкой тенденциозных материалов. В случае необходимости силы и средства информационно-пропагандистской деятельности использовались для доведения прямых указаний внутренним противникам советской политической системы, в том числе сторонникам силовых сценариев борьбы с советской властью.

Однако появление самого феномена антисоветского вооруженного подполья не следует рассматривать как результат инспирированного исключительно иностранными государствами вмешательства во внутренние дела СССР. Представляется очевидным, что спецслужбы иностранных государств своевременно реагировали на обострение отдельных внутренних противоречий в Советском Союзе. Например, на территории Полоцкой области БССР, пораженной деятельностью структур антисоветского вооруженного подполья, на протяжении первых послевоенных лет отмечался рост преступности, а на руках у населения оставалось большое количество оружия [8, л. 10]. Названные обстоятельства, как представляется, объективно содействовали росту недовольства социалистической действительностью и расширению социальной базы вооруженного подполья. Автор полагает, что в первые послевоенные годы на все элементы внутривнутриполитической обстановки в Советском Союзе в большей степени влияли процессы и события, происходившие в самой стране. В частности, после окончания войны внутривнутриполитическая жизнь не претерпела существенных изменений: сохранилась, сформированная в 20-30-е гг. политическая система, а также прежние методы борьбы с инакомыслием. В самом советском обществе, уставшем от тягот и лишений военного времени, нарастала социально-психологическая напряженность, обусловленная предельным напряжением сил, которое было вызвано интенсивным восстановлением разрушенного хозяйства, низким уровнем жизни и отсутствием ожидаемых перемен в общественно-политической жизни. В свою очередь, все это не осталось вне поля зрения иностранных разведывательных органов.

Необходимо отметить и то, что западные спецслужбы использовали конкретные наработки нацистов. Так, в годы Великой Отечественной войны немецкое командование неоднократно предпринимало попытки создания единого антибольшевистского фронта на оккупированной советской территории, активно вовлекая в его ряды местное население. Предпринятые в период оккупации германским военно-политическим руководством пропагандистские мероприятия по созданию всевозможных политических организаций, национальных воинских формирований в составе вермахта и войск СС преследовали целью сплотить все антисоветские силы, деморализовать военнотружущих Красной Армии, стимулировать дезертирство ее солдат и офицеров, а также спровоцировать в советском тылу братоубийственную войну [9, с. 10].

Это обстоятельство, как представляется, в значительной мере способствовало тому, что, например, на территории западных районов БССР сразу же после их освобождения от немецко-фашистских захватчиков появилось большое количество антисоветских вооруженных групп и формирований. Отдельные структуры антисоветского вооруженного подполья открыто или под прикрытием легенд ор-

ганизовывались и укомплектовывались немецкой агентурой, которая позже использовалась и другими западными странами, материально обеспечивались. Отдельные их организаторы и участники были непосредственно связаны с немецкими спецслужбами (состояли в штате либо, как правило, являлись агентами разведывательных и контрразведывательных органов противника) [10, с. 4].

Таким образом, во внешнеполитической деятельности США и других западных стран в течение первых послевоенных лет проявилась тенденция к использованию сил и средств национальных спецслужб для оказания влияния на внутриполитическую обстановку в СССР. При организации своей деятельности, направленной на причинение ущерба интересам Советского Союза, они учитывали нерешенные внутренние противоречия советского государства и общества. Масштабы проводимой спецслужбами и организациями иностранных государств работы, ее деструктивный характер наиболее показательно проявились в их информационно-пропагандистской работе, а также деятельности по поддержке очагов вооруженной борьбы внутри Советского Союза, которые оказывали негативное влияние на обстановку в западных регионах страны на протяжении первого послевоенного десятилетия.

Источники и литература

1. Щит и меч Отечества / КГБ Респ. Беларусь, М-во информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. С.Н. Сухоренко. – Минск : Междунар. центр интеграц. информ. : Обществ. пресс-центр Дома прессы, 2006. – 340 с.
2. БНД // Agentura.ru [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.agentura.ru/dossier/german/bnd/>. – Дата доступа : 17.03.2013.
3. Отдел 85. О том, как немецкая разведка боролась с нацистами в своих рядах // Lenta.ru [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://lenta.ru/articles/2010/03/22/bnd>. – Дата доступа : 28.01.2016.
4. Центральное разведывательное управление США // Энциклопедия разведки и шпионажа [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : <http://spy.hwworld.ru/usa.html>. – Дата доступа : 24.02.2010.
5. Faligot, R. La Piscine: les services secrets français, 1944–1984 / R. Faligot, P. Krop. – Paris : Seuil, 1985. – 426 p.
6. Применение аэростатов в интересах информационно-психологического воздействия на противника // Военные материалы [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://warfiles.ru/show-64354-primenenie-aerostatov-v-interesah-informacionno-psihologicheskogo-vozdeystviya-na-protivnika.html>. – Дата доступа : 30.10.2015.
7. Краско, Г. Г. О некоторых вопросах организации информационно-психологического воздействия в период «холодной войны» / Г. Г. Краско // Социально-психологические аспекты обеспечения национальной безопасности : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3-4 декабря 2015 г.: в 2 т. / Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; редкол. : С.Н. Князев (гл. ред.) [и др.] – Минск, 2016. – Т. 1. – С. 212-215.
8. Государственный архив Витебской области. – Фонд 1. Оп.2. Д. 281.
9. Зверев, Ю.В. «Русские» формирования вермахта и войск СС на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1944 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю.В. Зверев; БГУ. – Минск, 2002. – 19 с.
10. Валаханович, И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. / И.А. Валаханович. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2002. – 146 с.

ПОДХОДЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРГ К ВОПРОСУ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СООБЩЕСТВ В 1980-е ГГ.

И.И. Ковяко

Минск, УО «БГПУ им. Максима Танка»

1980-е годы стали временем активного поиска новых путей развития западноевропейских интеграционных структур. Некоторые государства видели будущее Европы в формировании политического и валютного союза, другие выступали в защиту принципов свободной торговли и сохранения суверенитета в вопросах национальной финансовой политики. Данная статья посвящена анализу британского и западногерманского подходов к вопросу реформирования структур и принципов деятельности Европейских Сообществ в 1980-е гг.

Наиболее актуальными вопросами ЕС в данный период являлись пересмотр системы формирования бюджета ЕЭС и создание Европейского Союза. В соответствии с правилами формирования бюджета ЕЭС Великобритания финансировала почти 20% расходов Сообщества. Столь высокая доля объяснялась, во-первых, принципами формирования бюджета, которые учитывали не столько объем национального дохода, сколько уровень внешней торговли страны-участницы, а во-вторых, высоким уровнем расходов Сообщества на компенсацию производителям сельскохозяйственной продукции. Заняв пост премьер-министра в мае 1979 г., М. Тэтчер не только заявила о необходимости снизить для Британии взносы в кассу ЕЭС, но также поставила вопрос о компенсации за «переплату» в предыдущие годы [19, с. 187].

М. Тэтчер назвала Г. Шмидта политиком, «наиболее понимающим» проблемы Великобритании с ЕЭС. В ходе двусторонней встречи 28 марта 1980 г. Г. Шмидт выступил с предложением реформирования системы формирования бюджета ЕЭС. По его мнению, доля каждого члена ЕЭС должна определяться в соответствии с его показателями ВВП, что поможет Великобритании решить свои проблемы с Общим рынком [13]. На переговорах в Бонне 16–17 ноября 1980 г. ФРГ сообщила о намерении увеличить свой взнос в кассу ЕЭС, что привело к «ощутимому улучшению англо-западногерманских отношений» [10]. М. Тэтчер убеждала немцев в преданности консервативного правительства европейским ценностям, заявив о «неограниченной приверженности» Великобритании Европе и ЕЭС не только по политическим, но и по экономическим причинам [2, л. 81]. Министр иностранных дел лорд П. Каррингтон заверил немецкую сторону, что Англия сможет полностью реализовать свой потенциал только в рамках ЕЭС, ведь «сильная Европа – лучший путь для усиления Великобритании» [9].

На протяжении 1979 – 1982 гг. именно ФРГ содействовала принятию решения о компенсации Великобритании убытков в пользу ЕЭС в размере 2,4 млрд. марок. Западногерманский обозреватель «Франкфуртер Рундschau» констатировал: «Было бы неправильно вытолкнуть англичан из Сообщества, но было бы правильно не считать их незаменимыми и не предоставлять им впоследствии долговременных личных привилегий» [1, л. 83].

1 октября 1982 г. новым канцлером ФРГ был избран лидер партии ХДС Гельмут Коля. Во внутриполитических подходах к развитию своих стран у М. Тэтчер и Г. Коля было много общего. Они ориентировались на рыночное хозяйство, предоставление широких возможностей крупному капиталу, развитие инновационного сектора. Однако между ними нередко возникали разногласия по европейской политике. У Великобритании и ФРГ были совершенно разные взгляды на бу-

дущее Европы в целом. В Лондоне считали краеугольным камнем Европейских Сообществ свободный рынок, в Бонне выступали за углубление европейской политической и валютной интеграции.

В ходе саммита стран ЕЭС в Штутгарте 17-19 июня 1983 г. М. Тэтчер потребовала предоставления Великобритании компенсации за чрезмерные расходы в пользу Сообщества начиная с 1973 г., т.е. с момента вступления страны в ЕС. Благодаря дипломатическим усилиям немцев требования М. Тэтчер удалось удовлетворить компенсацией в размере 1,7 млрд. марок (450 млн. ф. ст.), хотя изначально британская сторона называла сумму 4,5 млрд. марок [16]. Встреча в Штутгарте, помимо противоречий, обнаружила и общие интересы ФРГ и Великобритании в ЕЭС. Великобритания и ФРГ в силу относительно невысокой доли аграрного сектора в национальных экономиках были крайне незаинтересованы в увеличении субсидирования сельского хозяйства стран Сообщества. В результате того, что на Единую сельскохозяйственную политику направлялось до 67% бюджета ЕЭС (1985 г.), ФРГ и Великобритания получали от Сообщества меньше выплат, чем туда направляли.

Разногласия между двумя государствами нарастали в ходе саммитов ЕС в Афинах (декабрь 1983 г.) и в Брюсселе (март 1984 г.). М. Тэтчер, отклонив все альтернативные предложения, требовала выплаты очередной компенсации Великобритании в размере 1,3 млрд. экю (около 3 млрд. западногерманских марок). При этом М. Тэтчер требовала от Г. Коля безусловной поддержки, ссылаясь на то, что британские войска охраняют свободу и демократию в ФРГ [15, с. 283].

В середине 1980-х гг. Британия начала препятствовать ввозу продуктов питания из стран Сообщества под предлогом их несоответствия санитарным нормам, не допускала рыболовные суда партнеров по ЕЭС в свои территориальные воды и т. п. М. Тэтчер использовала все возможные рычаги давления на Сообщество: торможение интеграционных проектов, угрозу не выплачивать бюджетные взносы, бойкот сельскохозяйственных закупочных цен, отказ от увеличения «собственных ресурсов» ЕС. Несмотря на это, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер в своем выступлении в марте 1984 г., когда дебаты в Брюсселе достигли своего апогея, заявил, что у ФРГ «особый интерес к тому, чтобы Великобритания оставалась в ЕЭС... Великобритания так же нужна Европе, как и Европа Великобритании» [8].

Г. Коль призывал всех членов Сообщества бороться с «национальной близорукостью» и следовать «по пути политического объединения с перспективой создания Соединенных штатов Европы» [12]. Следует отметить, что увязывание процессов европейской интеграции с актуализацией германского вопроса не являлось изобретением кабинета Г. Коля. Еще К. Адэнауэр также указывал на то, что «германский вопрос можно решить только под европейской крышей» [5, с. 109]. Однако в Великобритании критично восприняли совмещение германского вопроса с общеевропейской политикой. Британский историк Г. Крейг, автор «Оксфордской истории Германии», считал, что за европейской риторикой канцлера кроется только одна цель – достижение полного суверенитета и независимости объединенной Германии [11]. Британский публицист Т. ГартонЭш также полагал, что немцы развивают европейскую и восточную политику, преследуя, в первую очередь, свои национальные интересы [7, с. 166]. В европейской политике правительство Великобритании всегда ставило суверенитет своего государства превыше всего. В. Брандт в своих «Воспоминаниях», указывая на этот неизменный принцип политики Форин офиса, связывал его с тем, что Великобритании в силу своих исторических традиций была чужда идея слияния национальной политики с общеевропейской [4, с. 454].

На саммите ЕС в Милане (июнь 1985 г.) позиция Великобритании по вопросу

углубления политической и валютной интеграции Европы и создания Европейского Союза осталась отрицательной. Британская газета «Таймс» назвала западногерманские идеи федерализма относительно Западной Европы далекими от реальности [18]. Лично М. Тэтчер выразила уверенность в том, что «Европа способна очаровать только своими контрастами и противоречиями, а не связностью и единством». «Трудно представить себе что-нибудь менее подходящее для создания успешного политического блока» – заметила она [6, с. 51].

Лондонские переговоры Г. Коля и М. Тэтчер в ноябре 1985 г. не принесли ощутимых результатов в согласовании политики по вопросам созданию Европейского Союза, углублении политической интеграции и образовании единой валютной системы. М. Тэтчер сообщила по итогам встречи, что главной проблемой создания Европейского Союза стало различное понимание сущности и задач этого объединения двумя государствами. Г. Коль также не стал скрывать, что у Великобритании и ФРГ разные подходы к идее образования Европейского Союза [14].

Во второй половине 1980-х гг. стало окончательно ясно, что в деле европейской интеграции ФРГ видит своим главным союзником Францию, а не Великобританию. Западная Германия считала европейские интеграционные процессы залогом успешного разрешения германского вопроса, поэтому была согласна терпеть расходы на сельскохозяйственный сектор ЕЭС взамен на поддержку Франции в европейских делах. Великобритания же проявила себя во второй половине 1980-х гг. как противник углубления интеграционных процессов в Европе. Переговоры М. Тэтчер и Г. Коля 2 февраля 1988 г. показали, что обе стороны зашли в тупик и по вопросу реформирования бюджета ЕЭС. Оба лидера вынуждены были констатировать, что они отстаивают в политике ЕЭС собственные национальные интересы, которые отличаются друг от друга.

В такой напряженной ситуации выступление председателя Комиссии ЕС Ж. Делора на съезде британского конгресса тред-юнионов в Брайтоне в сентябре 1988 г. произвело эффект разорвавшейся бомбы. Ж. Делор взял на себя смелость заявить, что к началу 1992 г. 80% вопросов, которые решались на тот момент британским парламентом, окажутся в компетенции Брюсселя. В ответ на это 20 сентября 1988 г. премьер-министр Великобритании выступила с речью в Европейском колледже в Брюгге. М. Тэтчер подвергла резкой критике «Европейский проект» Ж. Делора и предложила свой вариант будущей объединенной Европы. Европа Тэтчер предполагает сохранение власти в руках суверенных национальных правительств и усиление Союза не за счет формирования из европейских народов и государств некой однородной массы, а как раз за счет политического, национального и культурного разнообразия своих членов. Она призвала ЕС не замыкаться на себе, а оставаться открытыми для стран Центральной и Восточной Европы [17]. Речь оказала большой эффект на общественное мнение Великобритании по вопросу европейской интеграции, в первую очередь на тех, кто по-другому представлял себе будущую Европу. Ряд политиков, академиков, экономистов, журналистов, разделявшие идеи М. Тэтчер, высказанные в Брюгге, создали в феврале 1989 г. группу Брюгге, с деятельностью которой было связано возрождение евроскептицизма в Великобритании.

На сегодняшний день ФРГ, успешно реализовав проект создания европейского политического и валютного союза, является центральным звеном ЕС. Великобритания же, в связи с результатами референдума 2016 г., всерьез рассматривает возможность выхода из состава Европейского Союза.

Істочнікі і літаратура

1. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 757. – Оп. 27. – П. 155. – Д. 38
2. АВП РФ. – Ф. 757. – Оп. 25. – П. 143. – Д. 43
3. АВП РФ. – Ф. 757. – Оп. 24. – П. 136. – Д. 47
4. Брандт, В. Воспоминания / В. Брандт. – М.: Новости, 1991. – 526 с.
5. Горбачев, М.С. Как это было: Объединение Германии / М.С. Горбачев. – М.: Вагриус, 1999. – 238 с.
6. Тэтчер, М. Искусство управления государством. / Пер. с англ. / Маргарет Тэтчер. – М.: Альпина паблишер, 2003. – 502 с.
7. Bewegung in der deutschen Frage? Die ausländische Besorgnis über die Entwicklung in den beiden deutschen Staaten / E. Schultz, P. Danylow. – Bonn: EU Verlag, 1985. – 224 S.
8. Bonn rejects British criticism of Kohl // The Times. – 1984. – March, 27. – P. 8
9. Clough, P. Thatcher assures Bonn of British commitment to Europe / P. Clough // The Times. – 1980. – November, 18. – P. 1,6
10. Farr, M. Thatcher in Bonn talks / M. Farr // Daily Telegraph. – 1980. – November, 17. – P. 1
11. Garton Ash, T. Europa ueber alles / Timothy Garton Ash // The Spectator. – 1984. – May, 12. – P. 9.
12. Herr Schmidt in the middle // The Times. – 1981. – November, 23. – P. 9
13. Joint Press Conference with West German Chancellor (Helmut Schmidt), March 28, 1980 [Electronic resource] / Thatcher Archive. – Mode of access: www.margaretthatcher.org/document/104338. – Date of access: 15.11.2010
14. Joint Press Conference with German Chancellor (Helmut Kohl), November 27, 1985 [Electronic resource] / Thatcher Archive. – Mode of access: www.margaretthatcher.org/document.asp?docid=106183 – Date of access: 18. 11. 2010
15. Kohl, H. Erinnerungen 1982 – 1990 / Helmut Kohl. – München, Droemer, 2005. – 1134 S.
16. Thatcher gets £450m back from Europe // The Sunday Times. – 1983. – June, 19. – P. 1
17. The text of the speech delivered in Bruges by The Rt. Hon. Mrs Margaret Thatcher, FRS, on 20th September 1988 [Electronic resource]. – Mode of access: www.brugesgroup.com/mediacentre/index.live?article=92#britain – Date of access: 1. 11. 2007
18. West Germany and France give substance to the dream // The Times. – 1985. – June, 28. – P. 7
19. Young, H. One of us. A biography of M. Thatcher / Hugo Young. – London: Macmillan, 1989. – 570 p.

ВЫТОКІ РАСПАДУ САЦЫЯЛІСТЫЧНАЙ СІСТЭМЫ І САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ ПЕРАЎТВАРЭННІ ПЕРАБУДОВЫ (ГІСТАРЫЯ ГРАФІЧНЫ АГЛЯД ПРАБЛЕМЫ)

П.А. Жылінскі

Мінск, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Часы палітыкі перабудовы і наступныя 1990-ыя гг. сталі для Беларусі часам фарміравання новай сацыяльнай, эканамічнай, і палітычнай рэчаіснасці. Як калісьці 1917 г. стаў часам пачатку рэвалюцыйных змен, так і ў канцы XX ст. Беларусь зноў апынулася ў кропцы біфуркацыі з якой выйшла ў новым, якасна іншым становішчы.

Яшчэ ў савецкія часы і першыя гады пасля распаду СССР пачалося вывучэнне праблемы разбурэння сацыялістычнай сістэмы. Трэба адзначыць, што тагачасныя даследаванні характэрызаваліся тым, што нягледзячы на палітыку галоснасці і дэмакратызацыю, нярэдка насілі дастакова заідэалагізаваны характар, у іх часта адсутнічаў крытычны падыход да працэсаў рэфармавання сацыяльна-эканамічнай сістэмы. Большая частка работ прысвечаных аналізу сацыяльна-

эканамічных пераўтварэнняў былі напісаны пераважна партыйнымі работнікамі, савецкімі эканамістамі, філосафамі, сацыёлагамі ці гісторыкамі партыі, якія да апошняга моманту не бачылі і не хацелі бачыць дэградацыі і непазбежнага разбурэння сістэмы дзяржаўнага сацыялізму. У сваю чаргу іх ідэалагічныя праціўнікі, якія ва ўмовах галоснасці атрымалі доступ да рэтрансляцыі сваіх поглядаў засяродзіліся на павярхоўнай крытыцы сістэмы

Ужо ў канцы 1980-ых – 1990-ых гг. вывучэннем эканамічных супярэчнасцяў сацыялізму напярэдадні перабудовы займаліся такія даследчыкі як Н. Калесаў, В. Кулікоў, А. Шохін [1, 2, 3]. Ва ўмовах нарастучага крызісу сацыялістычнай сістэмы да праблемы яго вытокаў і неабходнасці трансфармацыі сацыяльна-эканамічнага ладу звярнуліся вядучыя савецкія эканамісты А. Аганбегян, Л. Абалкін, Я. Гайдар [4, 5, 6, 7]. Пэўны ўнесак у вывучэнне прычын рэформ у гады перабудовы зрабілі вядомыя грамадскія і палітычныя дзеячы таго часу М. Рыжкоў, А. Якаўлеў, Г. Папоў [8, 9, 10].

У гэты час даследаваннямі дэфармацыі савецкай эканамічнай мадэлі, нават больш актыўна, чым айчыннымі займаліся замежныя аўтары, нарыклад вядомы крытык сацыялізма Я. Карнаі [11]. Прычыны і праблемы гарбачоўскіх рэформ на аснове матэрыялаў перыядычных выданняў разглядаў у сваёй працы саветолаг Ф. Том [12]. А адным з першых яшчэ ў 1980-ых гг. прадказаў крушэнне сацыялізму ў СССР і Еўропе амерыканскі аналітык З.Бжэзінскі [13].

Ужо з сярэдзіны 1990-х гг. пачынаецца новы перыяд у даследаванні прычын сацыяльна-эканамічнай трансфармацыі савецкай сістэмы. У гэтыя часы ў грамадскіх навуках выкрасцізоўваецца больш грунтоўны, аб'ектыўны і навуковы падыход па дадзенай праблеме. Але ў сучаснай гістарыяграфіі гэта тэма так і не стала прывілейнай. Менавіта ў другой палове 1990-ых гг. пачынаецца яўна вылучацца два асноўных падыходы да вызначэння вытокаў сістэмных пераўтварэнняў.

Першы выводзіць прычыны рэформ і распада савецкай дзяржавы з сукупнасці суб'ектыўных фактараў. У рамках дадзенага падыхода вылучаюцца “канспіралагічныя тэорыі”, для якіх характэрны вялікі разброс версій і гіпотэз ад радыкальна-дэмакратычных (калі палітыка перабудовы яшчэ за доўга да яе пачатку была распарцавана, а сістэмныя трансфармацыі ставілі на мэце захаваць уладу партыі-менклатуры ва ўмовах наступаючага крызісу [14]), да артадаксальна-камуністычных (калі пераўтварэнні ставілі на мэце развал савецкай сістэмы і былі інспіраваны агентамі ўплыву Захаду не без дапамогі замежных спецслужбаў, а вышэйшае кіраўніцтва краіны здрадзіла ідэалам сацыялізма. Але дадзеныя тэорыі не заўсёды адрозніваюцца навуковай якасцю. Галоўнай хібай іх з'яўляецца абсалютызацыя суб'ектыўных чыннікаў замоўчванне ці адмаўленне наяўнасці аб'ектыўных сацыяльна-эканамічных фактараў уплываўшых на пачатак рэформ.

Другі падыход бачыць у палітыке перабудовы шмат у чым заканамерны працэс, на развіццё якога ўплываў цэлы шэраг аб'ектыўных прадумоў. Такое ўяўленне падзей не адмаўляла наяўнасці варыянтаў трансфармацыі савецкай сістэмы. У рамках дадзенага падыходу найбольшае распаўсюджанне атрымала тэорыя “мадэрнізацыі” згодна з якой савецкая сістэма эпохі застою апынулася тупіковай галіной развіцця, бо перастала суадносіцца з патрабаваннямі часу. Так, гісторыкі У. Сагрын, Д. Валкагонаў і І. Земцоў [15, 16, 17] лічылі, што савецкая сістэма ізжыла сябе і прадухіліць яе калапс было не магчыма. На думку У.Сагрына камандна-адміністрацыйная мадэль рэфармавання правадзілася ўжо на пачатковым этапе рэфармавання, а ліберальна-дэмакратычная мадэль была несумяшчальнай з асновамі сацыялізма [17, с. 101]. Крызіс улады і эканомікі які прывёў да краха са-

веккай дзяржавы адзначаў ў сваіх працах і гісторык Р. Піхоя [18]. Я.Гайдар раскрываў шэраг сістэмных чыннікаў, якія прывялі да непазбежнасці трансфармацыі спачатку савецкай эканамічнай, а потым і палітычнай сістэмы [19]. На думку шэрагу ліберальных эканамістаў (А. Улюкаеў, У. Мау) [19, 20, 21] савецкая гаспадарка наблізілася да фазы самаразбурэння, а таму галоўнай мэтай эканамічнай перабудовы становіўся паступовы паварот краіны на рынкавы шлях развіцця. На думку гэтай групы аўтараў пераўтварэнні перабудовы апынуліся палавіністымі: яны значана змянілі сістэму, але не стварылі працуючых рынкавых механізмаў. У большасці гэтых даследчыкі сыходзяцца на меркаванні аб нерэфармуемасці савецкай сістэмы і непазбежнасці перахода да паўнаважнага рынку.

Таксама ў блізкім рэчышчы да тэорыі “мадэрнізацыі” знаходзяцца работы С. Глазьева, А. Барсенкова, В. Красільчыкава [22, 23, 24]. Гэтыя даследчыкі лічылі рэформы аб’ектыўнай і неабходнай з’явай, якая павінна была вырашыць мэту пераходу савецкай краіны ў постіндустрыяльную стадыю развіцця. Крах жа палітыкі перабудовы адбыўся ў выніку шэрагу негатыўных фактараў, сярод якіх вылучаюцца адсутнасць структурнай трансфармацыі эканомікі, залішняя дэцэнтралізацыя і інш. Гэты накірунак у ацэнках рэформ не адмаўляў паспяховага варыянта мадэрнізацыі па шляху рынкавага сацыялізма і пазітыўна ацэньваў магчымасць захавання СССР.

Наступная група аўтараў (А. Зіноўеў, С. Кара-Мурза) [25, 26], як і вышэй азначаныя даследчыкі, таксама прызнавала, што да 1980-х гг. савецкае грамадства ў выніку ўнутраных заканамернасцяў падышло да крызіснай стадыі, якая ў перспектыве прадугледжвала якасныя змены. Але на іх думку крызіс мог быць паспяхова пераадолены толькі пры захаванні фундаментальных элементаў савецкай эканамічнай сістэмы. Тое што адбылося ў другой палове 1980-ых гг. паказала, што палітыка перабудовы пераўтварыла патэнцыйны крызіс у рэальны, а галоўнае здзейсніла зыход з савецкай цывілізацыйнай траекторыі, што мела катастрофічныя наступствы.

Асабліва можна вылучыць погляды расійскага гісторыка Р. Мядзведзева [27, 28], які прызнаваў няўнасць сістэмнага крызісу і лічыў, што дзяржаўны сацыялізм веў краіну ў тупік, выхад з якога быў немагчымы без выкрыстання метадаў рынкавай эканомікі. У гэтым плане эканамічныя крокі перабудовы вызначаліся рухам ў правільным накірунку, але ў камандзе М. Гарбачова не было яснай канцэпцыі рынкавых пераўтварэнняў, што прывяло да балючых сацыяльных наступстваў. Гісторык таксама звярнуў увагу на сур’ёзныя дыспрапорцыі, якія існавалі ў савецкай эканоміцы і паслужылі прычынамі пачатку сістэмнай трансфармацыі.

Апшнія дзесяцігоддзі выйшла шмат прац, якія толькі падцвярджаюць наяўнасці сістэмнага крызісу савецкай мадэлі развіцця і заканамернасць рэформ. Сучасныя, пераважна расійскія, даследчыкі (Г. Цімафееў, А. Чынякоў, Я. Мухін, А. Ніясаў, Р. Кірсанаў, А. Сяменка, М. Собалеў) [29, 30, 31, 32, 33, 34, 35] разглядаюць канцэпцыі рэфармавання савецкай гаспадаркі, сацыяльна-эканамічныя пераўтварэнні, іх прававую аснову, крызісныя з’явы напярэдадні рэформ на матэрыялах расійскіх рэгіёнаў і асобных сфер гаспадаркі. Апошнім часам працэсы пераўтварэнняў даследуюцца не толькі на агульнасюзным узроўні. Даследчык Б. Сапараў, напрыклад, паспрабаваў у сваёй дысертацыі прааналізаваць сацыяльна-эканамічныя пераўтварэнні ў рэчышчы асобнай савецкай рэспублікі – Казахстана [36].

Сярод заходніх аўтараў праблемы краха СССР і калапс савецкай эканамічнай сістэмы вывучалі Д. Лэйн і С. Коткін [37, 38]. Савецкі дзяржаўны сацыялізм, як і большасць заходніх даследчыкаў, яны ацэньвалі як тупіковы шлях развіцця і

лічылі яго разбурэнне заканамерным. У сваю чаргу як капіталістычную рэстаўрацыю ацэньвалі рэформы навукоўцы левых поглядаў Р.Кіран і Т.Кені [39]. Яны бачылі прычыну краха савецкай сістэмы ва ўзнікненні “ценывой” эканомікі і адмове ад сацыялістычных прынцыпаў, якую здзейсніла савецкая наменклатура з мэтай уласнага ўзбагачэння.

Прадстаўнікі грамадскіх навук Беларусі радзей, чым расійскія ці заходнія навукоўцы, звярталіся да праблем крызісу савецкай сістэмы і перабудовачных пераўтварэнняў. Тым не менш да сённяшняга часу назапашана шэраг работ, якія закранаюць дадзеную праблематыку. Так, пытанні крызісу ўлады былі раскрыты ў грунтоўнай манаграфіі акадэміка М. Касцюка [40]. Крызісныя з’явы ў развіцці аграрнага сектара эканомікі Беларусі і першыя спробы яго рэфармавання адзначылі ў сваіх работах гісторыкі М.Смяховіч і В.Саковіч [41, 42]. Асабныя аспекты працэсаў перабудовы і нарастання крызісу ў Беларусі закарнае ў сваіх “Нарысах гісторыі Беларусі...” З. Шыбека [43].

Апошнія дасягненні айчынай гістарычнай навукі знайшлі адлюстраванне ў фундаментальным выданні “Гісторыя беларускай дзяржаўнасці” пад галоўнай рэдакцыяй А.Кавалені, дзе перабудове і нарастанню эканамічных складанасцяў у перыяд развіцця сацыялізму прысвечаны асобны раздзел [44].

Сярод даследчыкаў працэсаў рэформ і станаўлення рынкавай гаспадаркі ў Беларусі можна назваць і вядомых беларускіх эканамістаў Г.Лыча, М.Мясніковіча [45, 46], у работах якіх знайшлі адлюстраванне прычыны і праявы крызісу, а таксама шляхі зараджэння і развіцця рынкавых адносін у апошнія гады існавання савецкай дзяржавы.

Такім чынам, большасць даследчыкаў звярталі ўвагу на наяўнасць шырokaга кола аб’ектыўных фактараў і перадумоў, якія паўплывалі на пачатак сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў 1980-ых – 1990-ых гг. У сваю чаргу у адносінах да метадаў ажыццяўлення палітыкі перабудовы, накірункаў рэформ існуюць розныя, нярэдка палярныя погляды. Тым не менш у айчынай гістрыяграфіі, як і ў астаніх градазнаўчых навук дадзеная праблематыка недастакова распрацавана, што пакідае шырокае поле для даследчыцкай дзейнасці. У прыватнасці пытанні прычын, хода, вынікаў і наступстваў рэформ палітыкі перабудовы і 1990-ых гг. да сённяшняга часу грунтоўна не распрацаваны айчынай гістарычнай наукай. Між тым, прыклад Беларусі можа быць карысным, таму што гэта была адна з найбольш развітых саюзных рэспублік і дасягненні савецкага сацыяльна-эканамічнага развіцця папярэдніх дзесяцігоддзяў тут былі найбольш выразнымі.

Літаратура і крыніцы

1. Колесов, Н. Д. Разрешение экономических противоречий социализма / Н. Д. Колесов. – М. : Экономика, 1988. – 255 с.
2. Куликов, В. В. Экономические противоречия социализма: характер и формы разрешения / В. В. Куликов. – М. : Экономика, 1986. – 141 с.
3. Шохин, А. Н. Социальные проблемы перестройки / А. Н. Шохин. – М. : Экономика, 1989. – 253 с.
4. Абалкин, Л. И. Зачем нам нужен рынок, что такое рынок, и каков оптимальный путь перехода к рыночным отношениям / Л. И. Абалкин. – М.: [Б. и.], 1990. – 40 с.
5. Абалкин, Л. И. Избранные труды: В 4 т. / Л. И. Абалкин. – М.: НПО “Экономика”: Вольное экон. о-во России, 2000. – (Труды Вольного экономического общества России). – Т. 3: Абалкин, Л. И. Работа в правительстве. – 638 с.
6. Аганбегян, А. Г. В первом эшелоне перестройки / А.Г. Аганбегян. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. – 75 с.

7. Гайдар, Е. Т. Экономическая политика и хозяйственная реформа. Проблемы взаимосвязи: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра экон. наук: (05.13.10) / АН СССР, ВНИИ системных исслед. – М., 1989. – 45 с.
8. Попов, Г. Х. Корень проблем: О концепции экон. Перестройки / Г.Х. Попов. – М.: Политиздат, 1989. – 92 с.
9. Рыжков, Н. И. Управление качеством промышленной продукции в новых условиях хозяйствования: (08.00.05): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук / Н. И. Рыжков / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, Каф. управления соц.-экон. процессами. – М., 1988. – 22 с.
10. Яковлев, А. Н. Горькая чаша: Большевизм и Реформация России. / А. Н. Яковлев – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1994. – 462 с.
11. Корнаи Я. Дефицит / Я. Корнаи. – М.: Наука, 1990 – 607 с.
12. Thom, F. The Gorbachev phenomenon: a history of perestroika / Francoise Thom. – London; New York: Pinter Publishers, 1989. – 141 p.
13. Бжезинский, З. Посткоммунистический национализм. – М., 1991. – 15 с.
14. Буртин, Ю. Г. Новый строй: О номенклатур. капитализме: статьи, диалог, интервью / Ю. Г. Буртин. – М.: ЭПИцентрХарьков: Фолио, 1995. – 191 с.
15. Волкогонов, Д. А. Семь вождей: Галерея лидеров СССР: В 2 кн. – М.: Новости, 1995. – Кн. 2: Волкогонов, Д.А. Леонид Брежнев. Юрий Андропов. Константин Черненко. Михаил Горбачев. – 479 с.
16. Земцов, И. Г. Крах эпохи: [В 2 кн.]. – М.: Наука, 1999. // Кн. 2: Горбачев... бросок через пропасть. – 284 с.
17. Согрин, В. В. Политическая история современной России, 1985-2001: от Горбачева до Путина / В.В.Согрин. – М.: Изд. дом "Инфра-М": Весь мир, 2001. – 260 с.
18. Пихоя, Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945-1991 / Р. Г. Пихоя. – Новосибирск: Науч.-изд. центр "Сиб. хронограф", 2000. – 678 с.
19. Гайдар, Е. Т. Гибель империи: уроки для современной России / Егор Гайдар. – 2-е изд., исправленное и дополненное. – Москва: РОССПЭН, 2007. – 447 с.
20. Мау, В.А. Экономика и власть: Полит. история экон. реформы в России, 1985-1994 / В.А. Мау. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ: Дело Лтд, 1995. – 111 с.
21. Улюкаев, А. Либерализм и политика переходного периода в современной России / А. Улюкаев. – М.: Евразия, 1995. – 78 с.
22. Барсенков, А. С. Введение в современную российскую историю, 1985-1991: Курс лекций: Учеб. пособие для вузов по специальности "История" / А.С.Барсенков. – М.: Аспект пресс, 2002. – 367 с.
23. Глазьев, С. Ю. Белая книга: Экон. реформы в России 1991 – 2002 гг. / С.Ю.Глазьев, С.Г.Кара-Мурза, С.А.Батчиков. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. – 375 с.
24. Красильщиков, В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций / В.А.Красильщиков. – М.: Росспэн, 1998. – 263 с.
25. Зиновьев, А. А. (1922–2006). Гибель русского коммунизма: Сборник / А. А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 2001. – 430 с.
26. Кара-Мурза, С. Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. – 766 с.
27. Медведев, Р. А. Как начиналась перестройка / Р. А. Медведев. – М.: Права человека, 2006. – 515 с.
28. Медведев, Р. А. Советский Союз. Последние годы жизни: конец советской империи / Р. А. Медведев. – М.: АСТ: АСТ Москва: полиграфиздат, печ. 2009. – 637 с.
29. Кирсанов, Р. Г. Реформирования банковской системы СССР в период "Перестройки" (1985–1991 гг.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Р. Г. Кирсанов. – М., 2010. – 25 с.
30. Мухин Е. В. Системные социально-экономические преобразования 1985-1991 гг.: ин-

- дустриальный ракурс: (на материалах Ярославской области): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Е.В. Мухин. – М., 2008. – 21 с.
31. Ниясов, А. Г. Концепции реформирования советской экономики в период перестройки (1985-1991 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук: 08.00.01 / А. Г. Ниясов. – СПб., 2001. – 20 с.
 32. Семенко, А. Б. Организационно-правовые основы преобразований плановой экономики советского государства в период "перестройки" (1985-1991 гг.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / А. Б. Семенко. – Краснодар, 2012. – 25 с.
 33. Соболев, М. В. Формирование общественного мнения по вопросам социально-экономического развития СССР в 1985 – 1991 годах: на материалах период. изд.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02 / М. В. Соболев. – М., 2004. – 26 с.
 34. Чиняков, О. Е. Деструктивные проявления в экономической системе советского общества накануне перестройки: (на материалах Мордовской АССР): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / О. Е. Чиняков. – Саранск, 2008. – 19 с.
 35. Тимофеев, Г. А. Социально-экономические реформы 1985 – 1991 гг. в СССР: предпосылки, динамика, результаты: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Г. А. Тимофеев. – Чебоксары, 2007. – 23 с.
 36. Сапаров, Б. Т. Политика "перестройки": попытки социально-экономической трансформации казахстанского общества: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Б. Т. Сапаров. – Алматы, 2009. – 24 с.
 37. Kotkin, S. Armageddon averted: the Soviet collapse, 1970-2000 / S. Kotkin. – New York: Oxford University Press, 2001. – 165 p.
 38. Lane, D. The rise and fall of state socialism: industrial society and the socialist state / D. Lane. – Cambridge: Polity Press, 1996. – 543 p.
 39. Киран, Р. Продавшие социализм: теневая экономика в СССР / Р. Киран, Т. Кенни. – М. : Алгоритм, 2009. – 301 с.
 40. Касцюк, М. П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. П. Касцюк. – Мн.: ВП "Экаперспектыва", 2000. – 307 с.
 41. Смяховіч, М. У. "Новая аграрная палітыка" ў СССР і яе асаблівасці ў БССР: асноўныя напрамкі (1986-1991 гг.) [Тэкст] / М. У. Смяховіч // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2014. – № 4. – С. 51-64.
 42. Сакович, В. С. Сельское хозяйство Республики Беларусь в 1980-2007 гг.: тенденции развития [Текст] / В. С. Сакович ; рец. Л. М. Лыч, И. В. Полуян ; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – Мн. : Белорусская наука, 2008. – 499 с.
 43. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі, 1795-2002 / З. Шыбека. – Мн. : Энцыклапедыкс, 2003. – 489 с.
 44. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст.: у 2 кн. / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2011–2012. // Кн. 2 / М. У. Смяховіч і інш. – 2012. – 652 с.
 45. Лыч, Г. М. Рыночное реформирование экономики Беларуси: итоги и перспективы / Г. М. Лыч. – Мн. : Ин-т экономики, 2000. – 79 с.
 46. Мясникович, М. В. Становление рыночной экономики в Республике Беларусь / М. В. Мясникович. – Мн. : БГЭУ, 1995. – 112 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ (1917–1991)

С.Д. Лысых

Псков, Псковский государственный университет

Институт соучастия в преступлении является важнейшим уголовно-правовым средством противодействия организованной преступности. Ему посвящена обширная литература, однако проблема соучастия продолжает оставаться остро дискуссионной, относится к числу наиболее запутанных теоретических и практических вопросов уголовного права. Перечисленные обстоятельства обуславливают неослабевающий интерес исследователей к этому феномену.

Историю развития советского уголовного законодательства и науки, в том числе и института соучастия, большинство исследователей подразделяет на два этапа: 1) 1917 – 1957 гг. и 2) 1958 – 1996 гг.¹ Некоторые учёные в рамках этой хронологии обосновывают возможность выделения большего количества этапов.² Каждый такой этап имеет свои отличительные особенности, обусловленные конкретно – историческими условиями, потребностями общества и государства, степенью развития права.

В отечественной науке утвердилась точка зрения, что взрывные преобразования в российском государстве в начале XX в. вместе со старым строем смели и старое законодательство, почти все достижения дореволюционного уголовного права после октября 1917 г. были отринуты.³ Наряду с этим встречаются аргументированные положения о том, что развитие некоторых институтов уголовного права в советский период пошло по пути, выработанному дореволюционной теорией и практикой, и что такое положение было характерно именно для института соучастия.⁴

¹ Черепанова, Е.В. Становление и развитие института уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп [Текст]: Автореф. дисс... канд. юрид. наук /Е.В. Черепанова. – М., 2009. – С. 10; Клименко, Н.Ю. Уголовно-правовые и криминологические признаки форм соучастия [Текст]: Автореф. дисс... канд. юрид. наук /Н.Ю. Клименко. – Саратов, 2002. – С. 11,12; Епифанова, Е.В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России [Текст]: Автореф. дисс... канд. юрид. наук /Е.В. Епифанова. – Краснодар, 2002. – С. 13-14.

² О.В. Малахов, например, выделяет первоначальный период развития советского законодательства 1917 – 1919 гг., а также период 1919 – 1926 гг. (Малахов, О.В. Институт соучастия в уголовном праве России, 1917 – 1926 гг. [Текст]: Автореф. дисс... канд. юрид. наук /О.В. Малахов; Марийский гос. университет. – М., 2006.); Е.Г. Быкова рассматривает три периода: 1) революционное уголовное законодательство, то есть декреты Совета Народных Комиссаров, 2) советское уголовное законодательство 1919 – 1958 гг., 3) советское уголовное законодательство 1958 – 1996 гг. (Быкова, Е.Г. Уголовно – правовые проблемы группового способа совершения преступления [Текст]: Автореф. дисс... канд. юрид. наук /Е.Г. Быкова. – Екатеринбург, 2010. – С. 16.).

³ См., например: Галактионов, Е.А. Соучастие в преступлении: Монография [Текст] / Е.А. Галактионов. – СПб.: Санкт – Петербургский университет МВД России, 2001. – С. 18; Безбородов, Д.А. Методологические основы учения об уголовной ответственности за совместное преступное деяние [Текст]: Автореф. дисс... докт. юрид. наук / Д.А. Безбородов. – СПб., 2007. – С. 22.

⁴ О.В. Малахов, например, рассматривая развитие законодательных норм о соучастии в преступлении в советском уголовном праве 1917 – 1926 гг., приходит к следующим выводам: 1). В основе теоретических положений советского уголовного права о попустительстве преступлению как виду соучастия лежали выводы дореволюционной уголовно-правовой науки о наказуемости «упущения обязанностей доноса», впервые сформулированные в труде О. Горегляда; 2). В советской уголовно-правовой науке и законодательной практике получила своё дальнейшее развитие выдвинутая впервые П.Д. Лодием дореволюционная позиция об определении ответственности соучастников, исходя не из их конкретной роли в совершении преступления, а из опасности преступления и

С самого начала существования Советской республики вопросы соучастия были чрезвычайно актуальны и представляли практический интерес для новой власти. Первые положения о соучастии закреплялись в декретах, обращениях, постановлениях, которые определяли линию борьбы с контрреволюционными преступлениями, спекуляцией, должностными преступлениями, некоторыми видами воинских преступлений.

Содержавшиеся в декретах и постановлениях 1917 – 1919 гг. нормы не давали общего определения понятия соучастия и видов соучастников, а затрагивали лишь некоторые вопросы этого института применительно к конкретным преступлениям. В этот период понятие соучастия толковалось весьма широко и охватывало также и виды прикосновенности.

Из числа соучастников выделялись главные виновники, которыми считались руководители контрреволюционных партий и организаций, зачинщики и руководители заговоров, мятежей, банд, шаяк и других преступных сообществ, а также исполнители преступлений. Соучастниками признавались пособники, подстрекатели и все прикосновенные к преступлению лица. Все соучастники несли равную с главными виновниками ответственность. Постановление СНК от 19 сентября 1918 г. «Об усилении уголовной репрессии за перевозку помимо почтового ведомства писем, денег и маловесных посылок», например, устанавливало, что «пособники, соучастники, подстрекатели и прикосновенные лица отвечают наравне с главными виновниками».¹

Существовавший в первые годы советской власти в уголовном праве декретный принцип регулирования был обусловлен закономерностями исторического процесса, сложившейся социально-политической ситуацией.² Однако необходимость совершенствования правоприменительной практики и накопленный к 1919 г. опыт деятельности судов и трибуналов настоятельно требовали систематизации законодательства. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР»,³ принятые 12 декабря 1919 г. как постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР, явились первой попыткой создания Общей части уголовного законодательства.

«Руководящие начала» состоят из введения и восьми разделов, пятый из которых называется «О соучастии». В них впервые в советском уголовном праве пред-

опасности преступника; 3). В советской уголовно-правовой доктрине специально указывалось, что соучастием может быть признано не всякое совершение преступления двумя или более лицами, а лишь такая совместная деятельность, по которой состоялось соглашение. Это утверждение основывается на дореволюционной концепции А. Жиряева о «внутренней связи между преступниками» при соучастии в преступлении; 4). Получившая своё развитие и законодательное закрепление в дореволюционной России теория равной ответственности соучастников «успешно» нашла применение в советском уголовном законодательстве; 5). Понимание организованной группы (шайки), которое было выработано доктринально в науке XIX – начала XX вв., достаточно долго оставалось базовым и в советской науке уголовного права; 6). Ст. 924 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. послужила фундаментом к обоснованию в советский период т.н. теории «общей преступной деятельности», суть которой состояла в том, что простое участие в группе может влечь за собой ответственность участника этой группы даже в том случае, если сам он к этим преступным действиям непосредственного отношения не имел согласия на их совершение не давал; 7). Советский законодатель, как и дореволюционный, ограничился определением соучастия посредством перечня общественно опасных деяний, которые включались в это понятие (Малахов, О.В. Указ. соч. – С. 9-10.).

¹ Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – №70. – Ст. 759.

² Сулейманов, А.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика [Текст]: Автореф. дисс... канд. юрид. наук /А.А. Сулейманов. – М., 2007. – С. 17.

³ Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 66. – Ст. 590; Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917 – 1991 гг. – М.: Зерцало, 1997. – С. 63 – 71.

принята попытка дать определение соучастия: за деяния, совершаемые сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники (ст.21). Эта формулировка отражала не все признаки, присущие данному институту. Недостатком определения было то, что оно не охватывало случаи соучастия без предварительного сговора лицами, ещё не образовавшими толпу, а также с предварительным соглашением, не достигшим уровня шайки или банды.¹ Мера наказания не индивидуализировалась: она определялась не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершённого им деяния (ст.21).

В «Руководящих началах» дано определение исполнителя, подстрекателя и пособника. Исполнителями считаются те, кто принимает участие в выполнении преступного действия, в чём бы оно ни заключалось (ст.22). Подстрекателями считаются лица, склоняющие к совершению преступления (ст. 23). Пособниками считаются те, кто, не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния, содействует выполнению его словом или делом, советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления или попустительством, т.е. непрепятствованием совершению преступления (ст. 24).

Хотя «Руководящие начала» довольно широко определяют круг соучастников, относя к ним помимо исполнителей, подстрекателей и пособников также укрывателей и попустителей, однако, по сравнению с предшествующими законодательными актами, сужают этот круг, справедливо исключив из числа соучастников недоносителей. Наряду с этим в постановлении НКЮ не были учтены положения ряда декретов, где речь шла о такой опасной фигуре, как организатор преступления: фигура организатора в «Руководящих началах» отражения не получила.²

«Руководящие начала» сформулировали исходные юридические нормы Общей части уголовного права и послужили базой для будущего уголовного кодекса, начало работы над которым определяется принятием 9 октября 1918 г. постановления коллегии НКЮ РСФСР.³

С окончанием гражданской войны возникла острая необходимость в кодификации уголовного законодательства. Государство, обретшее некоторую стабильность и централизацию власти, не могло больше мириться с тем, что преступность и наказуемость деяний устанавливались множеством нормативных правовых актов разного уровня, принимаемых к тому же различными субъектами правотворчества, вплоть до местных органов власти. Создание нового права в указанных условиях выступало объективной необходимостью и обуславливалось логикой исторического процесса.

Постановлением ВЦИК от 26 мая 1922 г. был введён в действие с 1 июня того же года Уголовный кодекс РСФСР.⁴ В УК РСФСР 1922 г. понятия соучастия не давалось, но по сравнению с «Руководящими началами» норма о соучастии была сконструирована более совершенно. Ст. 15 устанавливала, что за преступление наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Мера наказания каждому из этих соучастников преступления определяется как степенью участия, так и степенью опасности преступника и совершённого им преступления.

¹ Галактионов, Е.А. Указ. соч. – С. 22.

² Шишов, О. Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года - памятник советской уголовно-правовой мысли /О. Ф. Шишов // Правоведение. –1980. – № 3. – С. 87.

³ Сулейманов, А.А. Указ. соч. – С. 21.

⁴ Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153; Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917 – 1991 гг. – М.: Зерцало, 1997. – С. 72 – 110.

УК РСФСР 1922 г. в основном воспроизводил сформулированные в «Руководящих началах» понятия видов соучастников, к которым относил подстрекателей, пособников, исполнителей, укрывателей (ст.16). Из числа пособников были исключены попустители, что продолжило тенденцию к дальнейшему сужению круга соучастников. Кодекс произвёл отграничение от соучастия недоносительства и попустительства, оформив последние в преступления особого рода, тем самым, выделив прикосновенность в самостоятельный уголовно – правовой институт.¹ Ряд статей Особенной части Кодекса предусматривал уголовную ответственность организаторов преступлений (ст.ст. 75, 77, 78, 80). Однако в Общей части об организаторе преступления и признаках, характеризующих его деятельность, даже не упоминалось, что являлось пробелом уголовного законодательства.

В Особенной части УК РСФСР 1922 г. был сформулирован состав бандитизма. Ст. 76 предусматривала ответственность за организацию и участие в бандах (вооружённых шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налётах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождалась ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась. УК РСФСР 1922 г. значительно расширил и конкретизировал понятие «бандитизм», признал оконченным преступлением не только участие в банде и в совершаемых ею нападениях, но и сам факт организации банды, что диктовалось необходимостью превентивной борьбы с бандитизмом на самых ранних этапах его зарождения. Таким образом, УК РСФСР 1922 г. впервые отнес бандитизм к разряду так называемых усеченных составов преступлений.² Участие в шайке или банде считалось отягчающим обстоятельством (ст. 25).

Серьезные разногласия при проведении кодификационных работ наложили отпечаток на окончательную редакцию Уголовного кодекса 1922 г. и обусловили его известные концептуальные и технические недостатки, в том числе касающиеся и института соучастия. Вместе с тем Кодекс явился итогом не только сложнейших работ по кодификации уголовного законодательства и обобщения судебной и следственной практики первых лет после установления советской власти, но и научного осмысления специфики уголовной политики, ее задач, методов и средств осуществления, обусловленных сменой политического строя, системы ценностей, в охране которых было заинтересовано государство. Он закреплял фундаментальные основы уголовного законодательства и имел принципиальное значение для становления и развития советского уголовного законодательства.³

С образованием СССР были приняты Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года,⁴ представлявшие собой Общую часть уголовного законодательства. Они не содержали принципиально новых положений по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Совершение преступления группой или бандой являлось отягчающим обстоятельством (п. «в» ст. 31). Наказание всем соучастникам – подстрекателям, исполнителям и пособникам – устанавливалось в зависимости как от степени их социальной опасности, так и от степени их участия в преступлении (ст. 12). Основные начала не давали определения

¹ Малахов, О.В. Указ. соч. – С.29.

² Таймасов, Р.Н. Правовое регулирование борьбы с бандитизмом в советском государстве, 1917 - 1958 гг. [Текст]: Автореф. дисс... канд. юрид. наук / Р.Н. Таймасов. – М., 2011. – С. 12.

³ Сулейманов, А.А. Указ. соч. – С. 20 – 21.

⁴ Уголовное законодательство СССР и союзных республик. – М., 1957.

видов соучастников, законодатель ограничился простым приведением перечня таковых. В результате принятые в соответствии с Основными началами уголовные кодексы союзных республик сами определяли перечень признаков, характеризующих деятельность отдельных соучастников. Поэтому в уголовных кодексах союзных республик имели место известные различия в определении соучастников, как в количественных, так и в качественных их характеристиках.¹

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года² не внёс существенных изменений в институт соучастия. Понятия соучастия не давалось. Ст. 17 Общей части устанавливала, что меры социальной защиты судебно – исправительного характера подлежат применению одинаково как в отношении лиц, совершивших преступление – исполнителей, так и их соучастников – подстрекателей и пособников. В этой же статье раскрывались понятия подстрекателя и пособника.

Ст. 18 определяла общий принцип применения наказания для каждого из соучастников в зависимости как от степени их участия в данном преступлении, так и от степени опасности этого преступления и участвовавшего в нём лица. Совершение преступления группой или бандой являлось отягчающим обстоятельством (п. «г» ст. 47).

Нормы Особенной части УК РСФСР 1926 г. в известной мере дифференцировали ответственность соучастников, наиболее строгое наказание предусматривалось для подстрекателей, руководителей и организаторов (ст.ст. 59-2, 59-3, 59-5, 62), фактически же ответственность организатора приравнивалась к ответственности исполнителя. Как и в предшествующих нормативных правовых актах, в Общей части УК РСФСР 1926 г. об организаторе преступления не упоминалось, понятие этого вида соучастников не раскрывалось.

В ряде статей Особенной части предусматривались такие квалифицирующие признаки как совершение преступления бандой, преступной организацией, в соучастии с предварительным соглашением. Ст. 59-4 Особенной части УК РСФСР 1926 г. воспроизводила формулировку состава бандитизма, содержащуюся ранее в УК РСФСР 1922 г. Новая трактовка понятия «бандитизм» была предпринята советским законодателем в 1927 г., когда на основании ст. 17 Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления) в УК РСФСР 1926 г. была включена ст. 59-3. С введением в действие этих изменений борьба с бандитизмом стала осуществляться на всей территории СССР на основе единой нормы. Сформулированное в УК РСФСР 1926 г. понятие бандитизма (в ред. ст. 17 Положения 1927 г.) не подвергалось каким-либо законодательным изменениям вплоть до принятия в 1958 г. Закона об уголовной ответственности за государственные преступления.³

Некоторые исследователи дают достаточно высокую оценку значению УК РСФСР 1926 г. в развитии советского уголовного законодательства, отмечают глубину и точность разработок многих содержащихся в нём норм и институтов.⁴ Вместе с тем он не стал значимой вехой в разработке института соучастия. Наоборот, некоторые его положения допускали весьма широкое судебное усмотрение в отношении определения наказания соучастникам преступления, а вносимые в кодекс изменения обозначили тенденцию к расширению границ соучастия, что

¹ Малахов, О.В. Указ. соч. – С. 23.

² Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

³ Таймасов, Р.Н. Указ. соч. – С. 12 – 13.

⁴ Калашникова, А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные основы и общая характеристика [Текст]: Автореф. дисс... канд. юрид. наук /А.И. Калашникова. – Казань, 2009. – С. 3.

привело в 1930 – 1950 годах к массовым нарушениям законности.¹

Определённый вклад в толкование уголовного законодательства рассматриваемого периода внесли разъяснения Пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР, имевших общеобязательное значение. Так, несмотря на то, что Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. оперировали такими понятиями как «группа лиц», «банда», «шайка», их содержание раскрывалось именно в этих постановлениях.²

Преобразования в общественно – политической жизни СССР во второй половине 50-х годов и государственная политика, направленная на восстановление законности, обусловили необходимость разработки нового уголовного законодательства. В 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР.³ Это был качественно новый нормативный акт, и по форме, и по содержанию существенно усовершенствованный институт соучастия, в котором прослеживались черты преемственности с дореволюционным правом. Основы закрепили понятие соучастия; дополнили круг соучастников фигурой организатора; дали определение всем видам соучастников; указали на новый принцип ответственности, по которому наказание каждому соучастнику определялось с учётом характера действий и степени участия в совершении преступления; решили спорный вопрос о прикосновенности к преступлению; подтвердили невозможность неосторожного соучастия в преступлении и соучастия в неосторожном преступлении.⁴

Основные понятия были сформулированы в ст. 17 «Соучастие». Соучастием признавалось умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Соучастниками преступления, наряду с исполнителями, признавались организаторы, подстрекатели и пособники. Исполнителем считалось лицо, непосредственно совершившее преступление. Организатором признавалось лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением. Подстрекателем признавалось лицо, склонившее к совершению преступления. Пособником признавалось лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем.

Ст. 17 определяла, что степень и характер участия каждого из соучастников в совершении преступления должны быть учтены судом при назначении наказания.

На базе Основ был принят Уголовный кодекс 1960 года,⁵ который в ст. 17 «Соучастие» воспроизвёл закреплённые в Основах понятия и впоследствии неоднократно изменялся и дополнялся.

УК РСФСР 1960 г. выделял такие разновидности групповой преступной деятельности, как заговор (ст. 64), антисоветская организация (ст. 72), банда (ст. 77), преступная группировка (ст. 77-1), незаконное вооружённое формирование (ст. 77-2), объединение (ст. 143-1), группа (ст.ст. 117, 238, 240, 244 и др.), организованная группа (ст.ст. 70, 78, 87, 125-1, 132, 144 и др.), группа по предварительному сговору (ст.ст. 67-2, 83, 83-1, 86-1, 102, 144, 224 и др.). Таким образом, УК РСФСР 1960 г. значительно расширил перечень форм совместной преступной дея-

¹ Малахов, О.В. Указ. соч. – С. 27; Галактионов, Е.А. Указ. соч. – С. 24.

² Черепанова, Е.В. Указ. соч. – С. 18.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 6.

⁴ Епифанова, Е.В. Указ. соч. – С. 14.

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

тельности, и наряду с бандой, преступной группировкой, группой лиц по предварительному сговору, впервые закрепил понятие организованной группы.

Первоначально организованная группа рассматривалась лишь в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность (ст. 39). Однако Федеральным законом от 1 июля 1994 г. №10-ФЗ¹ в УК РСФСР 1960 г. были внесены изменения и дополнения, направленные на активизацию борьбы с организованной преступной деятельностью. Результатом стало закрепление в ст. 17¹ понятия организованная группа. Согласно ч. 2 этой статьи преступление признавалось совершённым организованной группой, если оно совершалось устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. В ч. 3 ст. 17¹ определялось, что лицо, создавшее организованную группу либо руководившее ею, несло ответственность за организацию и руководство организованной группой, а также за все совершённые указанной группой преступления, если они охватывались его умыслом.

Эти установления явились важной вехой в закреплении на законодательном уровне определённых пределов ответственности руководителей, лидеров преступных формирований.²

Несмотря на то, что указанные изменения и дополнения были внесены в УК РСФСР уже после распада СССР и окончания советского периода в развитии отечественного уголовного права, их следует относить именно к этому периоду. По инициативе учёных уже в начале 80-х годов XX века была предпринята разработка теоретической модели Уголовного кодекса (Общей части). Результаты этой деятельности нашли воплощение в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик, принятых постановлением Верховного Совета СССР от 2 июля 1991 года, но так и не вступивших в силу вследствие распада СССР.

В ст. 19. «Соучастие в преступлении» Основы уточнили понятие соучастия: соучастием в преступлении признавалось умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Важным является включение в Основы статьи 20 «Совершение преступления организованной группой», которая была попыткой отреагировать на реалии времени и законодательно закрепить понятие и признаки организованной группы.

Согласно ст. 20 преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено двумя или более лицами, предварительно объединившимися с этой целью в устойчивую группу. Ответственность за совершение преступления организованной группой наступает лишь в случаях, предусмотренных уголовным законом. Лицо, организовавшее группу либо руководившее ею, несет ответственность за все совершенные группой преступления, если они охватывались его умыслом. Другие участники организованной группы несут ответственность за преступления, в подготовке или совершении которых они принимали участие.

Вскоре 19 октября 1992 г. был опубликован и проект нового УК РСФСР³, но он так и не был представлен на обсуждение в Верховный Совет.

Соучастие как комплексный институт уголовного права подвергся всесторонней научной разработке в исследованиях учёных советского периода. Наука после октября 1917 г. начала складываться как противоположность дореволюционной науки. Понятие соучастия трансформировалось в зависимости от требований времени, и каждый вновь принятый нормативный акт, регулировавший, в том числе, и во-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 10. – Ст. 1109.

² Черепанова, Е.В. Указ. соч. – С. 20.

³ Юридический вестник. – 1992. – № 20.

просы соучастия, вызывал бурные теоретические дискуссии. В 30 – 60 годы появились учебники по уголовному праву, исследования по вопросу соучастия в преступлении. От этапа к этапу происходило критическое переосмысление достижений русской дооктябрьской науки и зарубежного законодательства по вопросу соучастия.

С принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в 1958 г. был подведён определённый итог интенсивному, хотя и не всегда последовательному развитию теории соучастия. Анализ основ показывает, что авторы, не ссылаясь напрямую на источники, исследовали и учли опыт законодательной регламентации соучастия в российском уголовном праве и ряде других современных государств.¹

Длительное время единственным обстоятельным исследованием института соучастия в советском уголовном праве являлась опубликованная в 1941 г. книга А.Н. Трайнина «Учение о соучастии»², отразившая общий уровень развития теории уголовного права 30-х годов. Начиная с 60-х годов, проблемы соучастия активно разрабатывались наукой, им посвящена обширная литература. Значительная сложность института соучастия породила разногласия в теории советского уголовного права по целому ряду вопросов: понятия соучастия, классификации его форм и видов, определения видов соучастников, назначения института соучастия в общей системе норм и институтов уголовного права³.

Формулируя понятие соучастия, большинство исследователей предлагали включить в его определение указание на умышленный характер совершаемого преступления. А.А. Пионтковский, например, отмечал, что соучастие по советскому уголовному праву есть умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.⁴

На протяжении всего советского периода среди специалистов уголовного права дискутировался вопрос о социальной опасности преступлений, совершённых в соучастии. Большинство исследователей придерживались позиции признания повышенной общественной опасности соучастия⁵. Ряд учёных отстаивал противоположную точку зрения⁶. Остальные признавали повышенную общественную опасность соучастия только в случаях, когда соучастие является конституитивным признаком состава преступления или квалифицирующим обстоятельством⁷.

В рассматриваемый период среди учёных не было и единого понимания формы и вида соучастия. Зачастую одно и то же содержание один автор вкладывал в понятие «форма соучастия», другой в понятие «вид». Некоторые исследователи выделяли только формы, другие только виды соучастия, либо вообще назы-

¹ Епифанова, Е.В. Указ. соч. – С. 15 – 16.

² Трайнин, А.Н. Учение о соучастии [Текст] / А.Н. Трайнин. – М.: Госюриздат, 1941.

³ См.: Епифанова, Е.В. Теоретические разработки соучастия в преступлении в России в 40-60-е гг. XX века [Текст] / Е.В. Епифанова. // Журнал российского права. – 2003. – № 12. – С. 110 – 114.

⁴ Курс советского уголовного права. В шести томах [Текст] / А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. – М.: Наука, 1970. – Т. 2. – С. 452.

⁵ Трайнин, А.Н. Указ. соч. – С. 68; Шнейдер, М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву [Текст] / М.А. Шнейдер. – М.: ВЮЗИ, 1958. – С. 7; Гришаев, П.И., Кригер, Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву [Текст] / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. – М.: Госюриздат, 1959. – С. 3; Иванов, Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Онтологический аспект [Текст] / Н.Г. Иванов. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1991. – С. 52.

⁶ Шаргородский, М.Д. Некоторые общие вопросы учения о соучастии [Текст] / М.Д. Шаргородский. // Правоведение. – 1960. – №1. – С. 85.

⁷ Пионтковский, А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть [Текст] / А.А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 547, 551.

вали одну и ту же разновидность соучастия по-разному¹.

Одним из наиболее дискуссионных в теории советского уголовного права явился вопрос о формах соучастия и критериях их классификации. Первым из советских учёных обратился к анализу проблемы форм соучастия А.Н. Трайнин. Он отмечал, что классификация форм соучастия призвана определить различную степень общественной опасности соучастников и общего деяния, исходя из характера и степени субъективной связи между ними. В связи с этим он различал соучастие простое, соучастие с предварительным соглашением, преступное объединение, организованную группу². П.И. Гришаев и Г.А. Кригер выделяли два вида соучастия – простое и сложное – и в зависимости от характера существующей объективной связи четыре его формы: 1) соучастие без предварительного сговора, 2) соучастие с предварительным сговором, 3) организованную группу, 4) соучастие особого рода – преступную организацию³. Ф.Г. Бурчак за основу классификации брал конструкцию состава преступления, определяющего ответственность отдельных соучастников. Он выделял три формы соучастия: 1) соисполнительство, 2) соучастие в тесном смысле слова (с распределением ролей), 3) соучастие особого рода, предусмотренное в Особенной части Уголовного кодекса⁴. П.Ф. Тельнов различал 1) соисполнительство (простое соучастие), 2) соучастие с распределением ролей (сложное соучастие), 3) преступную группу и 4) преступную организацию⁵. И.П. Малахов предложил формами соучастия считать роли соучастников (исполнительство, подстрекательство, пособничество)⁶. Н.Г. Иванов пришёл к выводу, что единственной формой соучастия является группа, которая может иметь сколько угодно разновидностей⁷ (группа без предварительного сговора, группа по предварительному сговору, банда, преступная организация).

В качестве критериев классификации форм соучастия исследователи предлагали различные основания: степень сплочённости участников преступления, характер их деятельности, способ взаимодействия между соучастниками, характер существующей между соучастниками субъективной связи, индивидуальную роль каждого соучастника. Всего получалось три варианта: субъективные критерии (А.Н. Трайнин, П.И. Гришаев, Г.А. Кригер и др.), объективные (Ф.Г. Бурчак, Н.Г. Иванов) и смешанные (П.Ф. Тельнов). Фактически отрицал формы соучастия в подобном понимании И.П. Малахов⁸.

В этот период учёные детально разработали проблемы группового преступления, многосубъектных преступлений без признаков соучастия, квалификации и разграничения групповых преступлений.

¹ См.: Белокуров, О.В., Востров, М.А. Формы и виды соучастия в российском уголовном праве [Текст] / О.В. Белокуров, М.А. Востров. // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2009. – № 2. – С. 197; Галактионов, Е.А. Соучастие в преступлении: Монография. – С. 91.

² Трайнин, А.Н. Указ. соч. – С. 79.

³ Гришаев, П.И., Кригер, Г.А. Указ. соч. – С. 53 – 63.

⁴ Бурчак, Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву [Текст] / Ф.Г. Бурчак. – Киев, 1969. – С. 63.

⁵ Тельнов, П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении [Текст] / П.Ф. Тельнов. – М.: Юрид. лит-ра, 1974. – С. 112.

⁶ Малахов, И.П. Некоторые вопросы учения о соучастии по советскому уголовному праву [Текст] / И.П. Малахов. // Труды Военно – политической академии. – М.: Военно – политич. академия, 1957. – Вып. 17. – С. 168.

⁷ Иванов, Н.Г. Указ соч. – С. 94 – 128.

⁸ Галактионов, Е.А. Формы и виды соучастия: теоретико – правовые аспекты [Текст] / Е.А. Галактионов. // Российский следователь. – 2002. – №8. – С. 31.

Вместе с тем вопросы об организованных преступных группах, преступных сообществах до начала 70-х годов практически не анализировались в теории, хотя организованные формы совершения преступления группами после принятия Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. стали все чаще проявлять себя в реальной жизни. Указанные проблемы стали разрабатываться наукой в последние два десятилетия советского периода с известным отставанием от происходивших в преступности изменений.

Таким образом, формирование института соучастия в преступлении в советский период прошло тернистый путь активного законотворчества, бурных дискуссий в теории и серьезных разногласий при проведении кодификационных работ, преодоления политизированности и оторванности от предшествующего опыта. В результате были созданы необходимые предпосылки для качественного совершенствования уголовного законодательства на следующем этапе. Был сделан уверенный шаг вперед по углубленному пониманию проблем соучастия, наука обогатилась новыми решениями. Среди них осмысление содержания соучастия, его объективных и субъективных признаков, форм соучастия, групповых проявлений соучастия, отличия соучастия от иных многосубъектных преступлений, выделение самостоятельного правового явления неосторожное сопричинение, обоснование построения групповых признаков в статьях Особенной части, решение проблемы криминализации наиболее тяжких групповых проявлений соучастия и другие¹.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Б.Б. Казак, Н.И. Петренко

Псков, Псковский государственный университет

Проведен анализ предупреждения имущественных преступлений, рассмотрено понятие имущественные преступления, представлена классификация имущественных преступлений, подробно рассмотрен один из видов имущественных преступлений - кража, охарактеризовано понятие латентность имущественных преступлений, рассмотрены основные факторы латентности, рассмотрены меры предупреждения имущественных преступлений.

Ключевые слова: *имущественные преступления, кражи, латентность, факторы латентности.*

Имущественные преступления включают корыстные уголовно наказуемые посягательства на чужую собственность, совершаемые путем кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, вымогательства. Ведущее место в борьбе с ними отводится правоохранительным органам.

Эффективность этой борьбы во многом зависит от знания состояния и основных тенденций этих преступлений, понимания их причин, учета особенностей личности корыстного преступника. Понятие «имущественная преступность», наряду с такими понятиями, как «организованная преступность» и «легализация (отмывание) преступниками криминальных доходов», прочно вошли в понятийный аппарат криминологов и практических работников правоохранительных органов.

Отечественные криминологи отмечают, что имущественная преступность – это совокупность корыстных посягательств на используемую для хозяйственной

¹ Епифанова, Е.В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России. – С. 17 – 18.

деятельности собственность, установленный порядок управления экономическими процессами и экономические права граждан со стороны лиц, выполняющих определенные функции в системе экономических отношений¹.

По мнению ряда авторов, широта понятия «имущественная преступность» проявляется в том, что ущерб, наносимый ею, сказывается на отношениях управления и товарно-денежных отношениях. Экономическая преступность охватывает такие составы преступлений, как умышленные посягательства на экономические интересы общества в случаях, когда деяние связано либо с конкретным положением преступника в сфере общественного хозяйства, с характером экономических отношений, участником которых он является, либо с его социальной ролью, социальной позицией и ситуацией, характерными для функционирования конкретных элементов экономического механизма.

Практически имущественная преступность – это сложная совокупность нескольких десятков составов преступлений, предусмотренных уголовным законом (хищения, незаконные сделки с валютными ценностями, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, сокрытие доходов от налогообложения, обман потребителей, сокрытие средств в иностранной валюте, незаконное предпринимательство в торговле, контрабанда, выпуск, продажа товара, не отвечающего требованиям безопасности, и др.) Некоторые авторы относят к экономической преступности и корыстные должностные преступления, особенно взяточничество.

Таким образом, повышенная социальная опасность имущественной преступности заключается в негативном влиянии на институты общества, нарушении установленного порядка функционирования материальной основы государстваэкономики.

Имущественные преступления (к такому наименованию деяний, предусмотренных главой 21 УК РФ, склоняются сейчас многие исследователи) представляют собой обособленную, компактную группу посягательств. Их классификация, с одной стороны, обуславливается требованием внутренней стройности данной группы, с другой стороны, как операция, связанная с выявлением общих свойств явлений, она способствует обнаружению отличий данных преступлений от иных, сходных с ними в каких-либо признаках. Классификация выполняет научно-познавательную функцию и служит опорой для систематизации законодательного материала².

Попытки выделить виды имущественных преступлений предпринимались в отечественной науке уголовного права издавна. Современные классификации продолжают и развивают идеи И.Я. Фойницкого, А.Н. Круглевского и других ученых, в свою очередь, бравшие истоки в зарубежных уголовно-правовых доктринах.

Для классификации имущественных преступлений характерна многоступенчатость. Это связано с невозможностью их полного деления на виды по одному основанию. В вопросе об основаниях – критериях классификации среди специалистов нет единства.

Распространено в науке деление имущественных преступлений на корыстные и не имеющие корыстной направленности. К первой группе относят обычно хищения, вымогательство, причинение ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Ко второй – угон транспортного средства, уничтожение или повреждение чужого имущества. В противоположность данному субъективному

¹Бойцов А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. СПб.: Питер, 2012.

²Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России. Автореф. дисс....докт. юрид. Наук / С.М. Кочои. М., 2013. С. 25.

критерию выдвигается критерий, связанный с объектом преступления – одни виды посягательств (группа «корыстных») нарушают имущественные интересы в полном объеме, другие («некорыстные») – только какую-то их часть. По-видимому, вторая позиция более предпочтительна. «Именно свойства объекта, а не способ посягательства или цель, поставленная субъектом, положены в основу формирования как системы Особенной части уголовного законодательства, так и классификации преступлений, объединенных родовым объектом».

Второй этап классификации предполагает выделение хищений в качестве самостоятельного вида посягательств и определение преступлений, предусмотренных ст.ст.163 и 165 УК РФ как вида, отличного от хищений. При этом за основу берется объективный критерий – способ совершения преступления. Хищение как видовое посягательство совершается посредством изъятия имущества и обращения его в пользу виновного или иных лиц. Вымогательство и причинение имущественного ущерба в силу отсутствия у них общих специфических черт именуются обычно иными преступлениями, направленными на обогащение, не содержащими признаков хищения.

В дальнейшем хищения в зависимости от собственных способов разделяются по формам: кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж, разбой. Здесь также возможно выделение группы похищений – так обозначаются кража, грабеж и разбой, в объективной стороне которых четко усматривается изъятие имущества из законного владения. В главе 21 УК статьи о похищениях ныне разобщены, что вряд ли можно считать правильным.

Кроме рассмотренной классификации, известно объединение разбоя, насильственного грабежа и вымогательства в группу корыстно-насильственных преступлений. Г.В. Верина также предлагает разделять все имущественные преступления на преступления, причинившие фактический ущерб собственности и преступления, ставящие собственность в опасность причинения вреда. К последним относятся разбой и вымогательство¹.

Классификация имущественных преступлений не является, как видим, стройной и четкой, но, думается, причина этого в том, что преступления, как явления социальной жизни, в принципе не могут быть уложены в идеальную научную схему.

Рассмотрим более подробно один из видов имущественных преступлений – кража. В Уголовном кодексе РФ 1996 года законодатель в ст. 158 определил кражу как «тайное хищение чужого имущества». При этом в примечании 1 к статье 158 УК РФ дается дефиниция хищения. Понятие «хищение» употребляется в диспозициях других составов: мошенничества (ст. 159 УК РФ), присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ), грабежа (ст. 161 УК РФ), разбоя (ст. 162 УК РФ), хищения предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), хищения либо вымогательства ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ), хищения либо вымогательства оружия либо боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ), хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ (ст. 229 УК РФ).

Согласно статистическим данным, в 2015 году половину всех зарегистрированных преступлений (50,0%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 1326,3 тыс. (-15,4%), грабежа – 244,0 тыс. (-17,3%), разбоя – 35,4 тыс. (-22,0%). Почти каждая третья кража (31,2%), каждый двадцать пятый грабеж (3,93%), и каждое четырнадцатое разбойное нападение (7,1%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Кража – наиболее распространенное преступление из совершаемых в России.

¹Завидов Б.Д. Кража: уголовно-правовой анализ / Б.Д. Завидов. М., 2012.

Родовым объектом кражи, как, впрочем, всех преступлений, содержащихся в главе 21 Особенной части УК РФ следует признать собственность. В самом общем виде собственность можно определить как отношение индивида (коллектива) к принадлежащей ему вещи как к собственной. Соответственно, все другие относятся к этой вещи как к чужой, им не принадлежащей. Таким образом, на одном полюсе этого отношения выступает собственник, который относится к вещи как к своей, на другом – не собственники, которые обязаны относиться к этой вещи как к чужой и, следовательно, воздерживаться от каких бы то ни было посягательств на волю собственника.

Разумеется, понятие собственности нельзя рассматривать с чисто экономических позиций. Закрепленные в нормах права экономические отношения собственности облекаются в правовую форму, представляя собой явление не только экономического, но и юридического характера.

Совершая кражу чужого имущества, виновный прежде всего посягает на отношение собственности. Право собственности нарушается как бы «попутно». Видовой объект как обязательный элемент состава кражи по своей природе и содержанию совпадает с родовым объектом этого преступления. Непосредственным же объектом кражи признается собственность конкретного лица (частная, государственная, муниципальная и др.), на которую осуществлено преступное посягательство.

Сущностное содержание кражи, как объективно, так и субъективно, заключается в том, что виновный стремится избежать какого-то ни было контакта с лицами, в собственности или под охраной которых находится похищаемое имущество, или с посторонними лицами, которые, обнаружив факт хищения, могли бы как-то воспрепятствовать ему, оказав противодействие, или способны были бы как очевидцы изобличить преступника. В ряду всех форм хищения кража имущества собственника может быть признана наименее опасной: она не сопровождается применением физического или психического насилия, что характерно для насильственного грабежа или разбоя; виновный не использует для хищения, имеющиеся у него полномочия в отношении имущества или свое должностное положение; не применяет и обмана как способа завладения имуществом¹.

Кража всегда состоит в извлечении предмета хищения из сферы хозяйственной власти собственника, в разрыве связи имущества с его законным владельцем, когда последний лишается реальной возможности распоряжаться этим имуществом. Изъятые ценности перемещаются в незаконное владение вора. Путем кражи виновный стремится присвоить изъятые ценности и заместить собой законного собственника. Однако очевидно, что совершенные им противоправные действия не порождают правовых оснований личной собственности на стороне вора и владение захваченным им имуществом не охраняется законом, а субъект права, из владения которого имущество похищено, продолжает, по закону, оставаться единственным его собственником.

На основании вышеизложенного, можно выделить следующие признаки кражи:

- 1) противозаконное изъятие чужого имущества из чужого владения и завладение им;
- 2) тайный и ненасильственный способ перехода имущества от потерпевшего к похитителю;
- 3) умышленный характер действий и специальная корыстная цель - присвоение.

¹Исмагилов Р. Объект и предмет кражи / Р. Исмагилов // Законность. 2014. № 8. С. 49-52.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что под кражей имеется в виду умышленное противоправное тайное и ненасильственное завладение чужим движимым имуществом путем изъятия его из чужого владения с целью присвоения.

В криминологической характеристике краж очень важное значение имеют детерминанты, способствующие совершению данного вида преступлений. Среди них были отмечены имущественное расслоение общества, существующие в обществе противоречия между социальными нормами поведения и фактическим поведением части населения, увеличение числа неблагополучных семей, где дети остаются без надлежащего присмотра и как следствие попадают в криминальную среду, нарушение правил хранения, перевозки, передачи имущества и другие¹.

Учитывая вышесказанное, а также современное состояние борьбы с преступлениями против имущества, проблема криминологической характеристики краж остается актуальной и по сей день, что обязывает как теоретических, так и практических специалистов объединить свои усилия в целях совершенствования законодательства и практики борьбы с преступлениями данной группы.

В имущественных преступлениях уровень латентности связан с размерами материального ущерба: низкую латентность имеют преступления против личной собственности граждан, причинившие большой ущерб, но экономические преступления с большим материальным ущербом, наоборот, имеют очень высокую латентность.

Латентная преступность всегда существует за счет несовершенства законодательства, малозначительных преступлений, дел так называемого частного обвинения, когда преступление не может быть учтено без обращения потерпевшего; преступлений, по которым решения приняты товарищескими судами и комиссиями по делам несовершеннолетних; за счет необоснованных отказов в возбуждении уголовных дел, такого же прекращения уголовных дел, необоснованных оправдательных приговоров и т.д. Поэтому отдельные параметры преступности могут искажаться латентной преступностью. Это необходимо принять в расчет, изучая преступность.

Наиболее существенными факторами, обуславливающими существование естественной латентной преступности, являются:

- нежелание огласки интимных сторон жизни (особенно это характерно для такого вида преступлений, как изнасилование);
- малозначительность причиненного преступлением ущерба (мелкие хищения, кражи личного имущества граждан, когда потерпевшему причиняется не столь значительный для него ущерб; причинение легкого вреда здоровью и ряд других преступлений);
- отсутствие времени у потерпевшего для подачи заявления и разбирательства случившегося;
- неуверенность в неизбежности наказания преступника (такая неуверенность возникает потому, что у некоторой части граждан сложилось ложное представление о "всесильности" преступников и ограниченных возможностях милиции и других правоохранительных органов);
- особые взаимоотношения потерпевшего либо свидетелей с преступником (родственные связи, зависимость по службе, боязнь разглашения преступником компрометирующих потерпевшего сведений);
- боязнь угроз преступника совершить в отношении потерпевшего racket, похищение детей, насилие;
- дефекты правосознания (некоторые потерпевшие рассматривают преступ-

¹Исмаилов Р.Г. Кража чужого имущества: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Автореф. ... канд. юрид. Наук / Р.Г. Исмаилов. М., 2011.

ление только как нарушение их личных интересов, никак не связывая его с опасностью для общества и принципом неотвратимости наказания за совершенное противоправное деяние);

- неблагоприятное поведение потерпевшего (связи с преступником, при которых со стороны потерпевшего допускались отступления от норм нравственности и морали, а иногда и прямые нарушения закона, что в большей степени характерно для жертв мошенничества и вымогательства);

- сложный, замаскированный характер преступных деяний (хищений путем присвоения, растраты, взяточничества, мошенничества и т.п.), затрудняющий установление правоохрнительными органами самого факта совершения преступления.

Предупреждение имущественных преступлений прежде всего состоит в совершенствовании существующих общественных отношений, главным образом в сфере производства и распределения, в повышении материального благосостояния населения. В обществе с рыночной экономикой имущественное неравенство как одно из основных противоречий в детерминации корыстной преступности является неизбежным и неустранимым. Однако и в этих условиях возможно определенное сглаживание, нейтрализация неравенства.

Деятельность государства при этом должна заключаться в создании условий для многообразия и широкой доступности легальных способов достижения материального благополучия, в воспитании такой личности, для которой правомерный путь достижения своих целей является предпочтительным, в создании и охране таких общественных отношений, при которых каждый человек способен позаботиться о себе самостоятельно, создать условия для собственной и своих детей жизнедеятельности¹.

Государство должно оказывать более интенсивную помощь лишь тем лицам, которые в силу определенных причин оказались в затруднительном положении, например инвалидам, детям-сиротам, многодетным и малообеспеченным семьям, безработным и т. д.

При разработке конкретных профилактических мероприятий по предупреждению имущественных преступлений следует отказаться от «приказных методов». Необходимо шире использовать экономические стимулы, материальную заинтересованность, что послужит определенной гарантией для их исполнения, а не будет просто декларированным правом.

Основная тяжесть по осуществлению специальных мер по предупреждению имущественных преступлений ложится на органы полиции.

Специализированные подразделения полиции осуществляют сбор, обобщение и анализ информации о состоянии оперативной обстановки на обслуживаемой территории и объектах, а также о структуре, динамике и уровне преступности, тенденциях ее развития. Анализ статистических данных, дел и материалов о кражах и других преступлениях рассматриваемой группы позволяет определить наиболее распространенные способы их совершения и сокрытия, используемые технические средства, предметы преступных посягательств, каналы сбыта краденого, условия, способствующие совершению преступлений.

Подобная информация необходима как для разработки и осуществления конкретных профилактических мероприятий, так и для более быстрой и полной раскрываемости этих преступлений. Освещение материалов в средствах массовой

¹Кропачев Н.М. Уголовно-правовая защита имущественных прав неособственника / Н.М. Кропачев, И.И. Николаева // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 6. Вып. 3. С 130-136.

информации помогает сокращению виктимологических условий рассматриваемых преступлений. Специализированные подразделения готовят также обобщенную информацию в органы местного самоуправления о необходимости устранения причин и условий совершения преступлений, в том числе в связи с незащищенностью, неудовлетворительной укрепленностью вероятных объектов преступного посягательства.

Подразделения вневедомственной охраны производят установку средств сигнализации и несут охрану на договорной основе квартир и других мест хранения имущества собственников; проводят обследование состояния технической укрепленности охраняемых объектов, осуществляют на охраняемых объектах установленный пропускной режим, контроль за ввозом и вывозом материальных ценностей; устанавливают на контрольно-пропускных пунктах приборы и приспособления для обнаружения похищаемой продукции; взаимодействуют с жилищно-коммунальными службами по защите подъездов жилых домов от проникновения посторонних лиц (домофоны, кодовые замки и иные технические устройства); осуществляют оперативное реагирование на срабатывание охранной сигнализации на объектах собственности, пресечение краж и задержание лиц, их совершающих.

С учетом интересов профилактики краж, грабежей и разбойных нападений как наиболее распространенных видов преступлений определяется дислокация постов и маршрутов патрулирования сотрудников патрульно-постовой службы; проверяются наиболее вероятные места совершения преступлений, укрытия и места концентрации лиц с устойчивым противоправным поведением.

Профилактическое значение имеет возвращение административного надзора. Он состоит в осуществлении участковыми инспекторами контроля за соблюдением лицами, имеющими судимость, установленных в отношении них в соответствии с действующим законодательством ограничений, например обязанность находиться дома в определенное время, запрещение пребывания в определенных местах, ограничение времени выезда по личным делам за пределы района или города. Эти ограничения в определенной мере сужают возможность совершения вновь имущественных преступлений, а также препятствуют восстановлению преступных связей. Определенное профилактическое значение, особенно для разбойных нападений, имеет осуществляемый органами полиции контроль за соблюдением гражданами и должностными лицами установленных правил хранения огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых материалов, а также пресечение попыток самовольного изготовления оружия, что сужает возможность их нелегального приобретения¹.

В связи с тем, что значительная часть посягательств на имущество совершается подростками, особое значение приобретает профилактическая работа с ними. Подразделения по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в необходимых случаях оказывают им помощь в социально-бытовом устройстве; направляют в органы здравоохранения для оказания медицинской помощи подростков, употребляющих спиртные напитки, наркотические, психотропные и другие средства, вызывающие одурманивание; посещают несовершеннолетних правонарушителей по месту их жительства, учебы, работы, проводят воспитательные беседы с ними, родителями и иными лицами, отвечающими за воспитание и поведение подростков; контролируют поведение несовершеннолетних, осужденных условно или с отсрочкой исполнения приговора.

¹Курс уголовного право. Особенная часть. Т. 3. Учебник для вузов / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Проспект, 2015. С. 435.

Проведение профилактических мероприятий, конечно, всегда связано со значительными материальными затратами. Однако ущерб от преступности (как материальный, так и моральный) несоизмерим с затратами на профилактику преступлений.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 21.07.2014) // Российская газета. № 7. 21.01.2009.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.07.2016).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016).
6. Бойцов А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. СПб.: Питер, 2012.
7. Бокова И.Н. Ответственность за кражу по уголовному законодательству стран дальнего зарубежья / И.Н. Бокова, С.А. Рудаков // Следователь. 2014. № 8 (76). С. 57-64.
8. Гаухман Л.Д. Объект преступления / Л.Д. Гаухман. М.: Академия МВД РФ, 2012.
9. Завидов Б.Д. Уголовно-правовой анализ кражи / Б.Д. Завидов // Адвокат. 2012. № 5.
10. Завидов Б.Д. Кража: уголовно-правовой анализ / Б.Д. Завидов. М., 2012.
11. Исмагилов Р. Объект и предмет кражи / Р. Исмагилов // Законность. 2014. № 8. С. 49-52.
12. Исмагилов Р.Г. Кража чужого имущества: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Автореф. ... канд. юрид. Наук / Р.Г. Исмагилов. М., 2011.
13. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России. Автореф. дисс....докт. юрид. Наук / С.М. Кочои. М., 2013. С. 25.
14. Кропачев Н.М. Уголовно-правовая защита имущественных прав не собственника / Н.М. Кропачев, И.И. Николаева // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 6. Вып. 3. С 130-136.
15. Курс уголовного право. Особенная часть. Т. 3. Учебник для вузов / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Проспект, 2015. С. 435.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВЕНСТВА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РОССИИ

С.В. Васильев

Псков, Псковский государственный университет

Необходимо определить пределы действия таких понятий как «равенство» и «равноправие».

Гендер воспринимается в большинстве случаев как пол мужчины и женщины в комплексе с их социальной и культурной ролью (функцией). [6] Одновременно с этим гендер определяется в обществе в качестве наиболее часто употребляемых конструкций связи биологического пола человека и выполняемой человеком работы, занимаемой должности, профессии.

Необходимо раскрыть соотношение гендерного равенства (неравенства) и равноправия. По мнению Н.А. Шведовой «гендерное равенство – это равная оценка обществом схожести и различия между женщинами и мужчинами, различных социальных ролей, которые они играют».[10]

Гендерное равноправие непосредственно связано с институтом правового статуса личности. Основные принципы правового статуса личности закреплены в основном законе любого государства – конституции.

На протяжении веков женщины были ограничены в своих правах, что породило дисбаланс гендерного равенства, так как по факту мужчины и женщины по своей природной сущности являются равными.

Периодизация развития гендерного равноправия в России:

- 1) период монархического тендерного традиционализма (1890 – 1917 гг.);
- 2) период революционного реформирования (1917 – 1924 гг.);
- 3) период советской мобилизации женщин (1924 – 1955 гг.);
- 4) период условного советского матриархата (1955 – 1993 гг.);
- 5) современный период тендерного равноправия (с 1993 г.).[7]

Государственная политика Советского Союза предполагала разрушение патриархальной семьи и формирование новой категории женщины – одновременно и работницы, и матери [9].

В области политических прав граждан присутствует нейтральность мужчин и женщин в реализации права на обращения, права на объединение, права собраний [8].

В избирательных правах граждане России никак не ограничены, в том числе и в зависимости от пола. В свою очередь, с точки зрения практической реализации имеет место неравенство пассивных избирательных прав между мужчинами и женщинами – преобладает мужское представительство.

Существует неравенство мужчин и женщин, касающееся равного доступа к военной службе. Конституция в ч. 1 ст. 19 устанавливает всеобщее равенство перед законом [1], однако действие Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» прямо указывает о несении срочной военной службы исключительно мужчинами [5].

Женское представительство на государственной и муниципальной службе превышает мужское в разы, однако основная масса женщин сосредоточена на низших должностях данных видов служб, что говорит о слабом и медленном их продвижении по карьерной лестнице по сравнению с мужчинами [11].

Исследование показало, что обеспечение экономических прав мужчинами и женщинами гендерно сбалансировано, поскольку практическая реализация мужчинами и женщинами прав в области экономики является равномерной [12].

Существует и равноправие мужчин и женщин в части трудовых прав и гарантий, связанных с воспитанием детей.

В сфере социальных прав определено, что право на охрану здоровья и медицинскую помощь с точки зрения соблюдения принципа равноправия полов является всеобщим, так как предоставлено Конституцией каждому (ч. 1 ст. 41).

В рамках анализа культурных прав установлено, что право на участие в культурной жизни и пользования учреждениями культуры, творческие и академические свободы личности, а также право на образование являются одинаковыми как для мужчин, так и для женщин.

Внутригосударственный механизм защиты гендерного равноправия: правовое обеспечение соблюдения равноправия граждан, независимо от пола; юрисдикционное (административное) обеспечение;

Уголовный Кодекс РФ выделен в качестве основного нормативного правового акта, обеспечивающего реализацию прав человека.

Государственный механизм обеспечения равенства прав полов в России достаточно развитый и многоплановый. Наравне со структурными подразделениями органов исполнительной власти, отвечающих за аспекты равноправия полов, парламентской комиссии по обеспечению государственной политики защиты семьи, материнства и детства, существуют внутри- и межведомственные комиссии,

деятельность которых направлена на обеспечение равенства прав полов и содействие его развитию в России.

Для решения проблем равноправия полов во всех сферах общества рекомендуется повсеместно вводить в обиход понятие «гендер», «гендерные права» и т. д., расширять рамки по обеспечению равенства мужчин и женщин.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 04.11.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165345/
1. 3.Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 31.12.2014) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165886/?frame=13#p1720
3. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 08.03.2015) (13 июня 1996 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176257/
2. 4. Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе" от 28.03.1998 N53-ФЗ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<http://www.consultant.ru/popular/military/>
5. Воронина О. А. Глоссарий. [Электронный ресурс] // Московский центр гендерных исследований:официальный сайт. URL:<http://www.gender.ru/russian/glossary/#H0411>
6. Здравомыслова Е. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т.1(3/4). С. 299-321.
7. Козлова Е. И. Конституционное право России / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – М.: Юристъ, 2012.-587 с.
8. Коллонтай А. М. Женщина-работница в современном обществе // Русские женщины в лабиринте равноправия. С 247-255.
9. Шведова Н. А. Гендерное просвещение: просто о сложном. – М.: Алекс, 2012. С.4.
10. Состав работников, замещавших государственные (муниципальные) должности и должности государственной гражданской (муниципальной) службы по полу, возрасту, стажу работы, образованию на 25.02.2014 г. [Электронный ресурс]. // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_201
11. Женщины и мужчины России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. С. 107.

УПРОЩЕННОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИИ И ДОКАЗЫВАНИЕ В НЕМ

О.А. Берзинь

Псков, Псковский государственный университет

Особенной чертой Уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации является дифференциация судебного производства. Это заключается в том, что помимо производств со сложной процессуальной формой, существуют производства, которые отличаются простотой и более полной реализацией принципа диспозитивности. Потребность в упрощении процедур рассмотрения уголовных дел возникла еще в древности и до сих пор не потеряла своей актуальности. С объективной стороны причинами данного упрощения являются увеличение объема информации и недостаток времени на её восприятие, а также усиление борьбы с преступностью. Большинство ученых разделяется мнение о необходи-

мости устранения излишеств из процессуальной формы, реализации принципа процессуальной экономии. Главы 40-41 УПК РФ раскрывают упрощенное уголовное судопроизводство в Российской Федерации.

Упрощение судебного разбирательства должно соответствовать двум критериям. Во-первых, сокращение объема гарантий допускается в том случае, если это не препятствует осуществлению основных принципов процесса. Во-вторых, эффективность упрощенной формы зависит от непротиворечивости её регламентации. Процесс доказывания в упрощенном судопроизводстве имеет свои отличительные черты. Так, в соответствии с главой 40 УПК РФ процесс доказывания исключается. Суд не проводит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом исследуются обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. В связи с тем, что отсутствует процесс доказывания по делам, рассматриваемым в порядке, который установлен главой 40 УПК РФ, некоторые принципы, такие как презумпция невиновности, работает не в полную силу. Решение основывается только на признании вины обвиняемым. Также принцип состязательности сторон не реализуется в связи с тем, что выясняется мнение сторон о возможности применения особого порядка судебного разбирательства. К процессу доказывания по данным делам можно отнести допрос подсудимого. Допрос подсудимого является необходимым в первую очередь для того, чтобы исключить вероятность осуждения невиновного и для того, чтобы суд смог лучше понять, что признание вины подсудимым является добровольным. Однако, процесс доказывания по данным делам включает в себя и дачу показаний потерпевшим. Суд должен убедиться, что показания потерпевшего носят добровольный характер.

Относительно гл.40.1 УПК РФ процедура доказывания имеет также свои особенности. В первую очередь это обуславливается тем, что материалы, подтверждающие соблюдение подсудимым условий соглашения о сотрудничестве, имеют две категории. Первая из них – материалы, которые подтверждают соблюдение обязанностей, указанных в ст. 61 УК РФ обвиняемым. Ко второй категории можно отнести материалы, относящиеся к уголовным делам, возбужденным, согласно данным, предоставленным лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве. Также можно сказать о том, что к определенным материалам могут предъявляться различные требования, применяться различающиеся правила их получения, оформления, проверки, оценки и использования. Наиболее важная особенность доказывания – на суд не возлагается обязанность самостоятельно негласно изучить все обстоятельства, закрепленные в ст. 73 УПК РФ.

Из положений гл. 41 УПК РФ следует, что частный обвинитель в судебном разбирательстве должен обосновать лишь данные, приведенные в его заявлении, определяющие предмет судебного разбирательства.

В полной мере предмет доказывания, предусмотренный ст. 73 УПК РФ, в рассматриваемом производстве обращен только к суду, который оказывается здесь единственным субъектом, имеющим возможность собирать доказательства, относящиеся к не охватываемым заявлением потерпевшего обстоятельствам предмета доказывания, и потому должен быть более активным, нежели при общем порядке производства по уголовному делу.

Источники и литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 26.02.2016) // Консультант Плюс: справочная правовая система.

2. Татьяна Л.Г. Некоторые вопросы уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке судебного разбирательства // Вестник ОГУ, № 3, 2004. С.38-40.
3. Азаров В.А., Боярская А.В. Упрощенные судебные производства уголовного процесса России и специфика их процессуальной формы//Вестник Томского государственного университета № 353, 2011.

ДОСУДЕБНЫЕ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

И.А. Антонов

Псков, Псковский государственный университет

Ежегодно каждый десятый житель России становится потерпевшим от какого-либо правонарушения, а общий ущерб исчисляется миллиардами рублей. Скорейшее и полное восстановление прав людей, против которых были совершены те или иные преступления, обеспечение их беспрепятственного доступа к правосудию и компенсация причиненного им вреда являются главной задачей государства, которая решается на конституционном и законодательном уровнях.

Досудебные стадии уголовного судопроизводства – это возбуждение уголовного дела и предварительное расследование.

Под «возбуждением уголовного дела» необходимо понимать обязательную первую стадию, заключающуюся в правоотношениях и деятельности ее участников при определяющей роли органа дознания, следователя и прокурора при наличии или отсутствии подлинных и юридических оснований для начала предварительного досудебного производства.

Быстрое выявление преступлений и изобличение виновных подразумевают в предусмотренные законом сроки установить обстоятельства произошедшего преступления, выявить лицо, его совершившее, собрать и проверить доказательства виновности обвиняемого и тем самым назначить виновному наказание, максимально приближенное по времени к моменту совершения преступления.

Обеспечение правильного применения закона заключается в строжайшем соблюдении применения норм закона. Лишь при соблюдении этого условия существует возможность подвергнуть виновного справедливому наказанию, которое соответствует характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного, оградить невиновного от неосновательного привлечения к уголовной ответственности и осуждения.

Любые права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, права и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства [1].

Признаки, характеризующие возбуждение уголовного дела:

1. Первоначальная, обязательная стадия уголовного судопроизводства. Для того чтобы досудебное производство осуществлялось надлежащим образом, необходимо, чтобы перед этим уголовное дело было возбуждено. Особенно актуален этот признак для случаев, когда в рамках уже расследуемого уголовного дела требуется возбудить уголовное дело по новому факту.

2. Осуществлять проверочные действия и принимать процессуальные решения на данной стадии вправе лишь государственные органы, должностные лица,

наделенные соответствующими полномочиями. Такой возможностью обладают следующие участники уголовного судопроизводства: следователь; руководитель следственного органа, осуществляющий полномочия следователя или руководителя следственной группы; орган дознания; начальник подразделения дознания; дознаватель. [2]

3. Данная деятельность осуществляется в соответствии с законом. В УПК РФ имеется раздел VII «Возбуждение уголовного дела» [2], из которого видно, что органы и должностные лица не вправе совершать действия, не прописанные в указанных нормах.

4. Содержание стадии – обнаружение деяния, его проверка на предмет наличия или отсутствия признаков преступления.

5. В результате проверочных действий на данной стадии принимается решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела. Такие решения оформляются соответствующими закону постановлениями.

6. На стадии возбуждения уголовного дела возникают характерные уголовно-процессуальные отношения, в рамках которых вовлеченные в них лица приобретают определенные права и обязанности (заявитель имеет право обращаться с информацией в правоохранительный орган, при этом у него возникает обязанность сообщать правдивые сведения, а в случае заведомо ложного доноса он несет ответственность за заведомо ложный донос).

Предварительное расследование – его производят по возбужденному делу органы дознания для исследования доказательств с целью установить наличие либо отсутствие событий преступления, круг лиц, вовлеченных в преступление, размер и характер нанесенного ущерба и иные обстоятельства. Иногда, стадия предварительного расследования отсутствует. В случае ее наличия она может закончиться либо прекращением дела, либо направлением его в суд.

В качестве процессуальной гарантии скорейшего создания предпосылок для окончательного разрешения дела и выполнения назначения уголовного судопроизводства законодательством и предусмотрены сроки, в течение которых расследование по делу должно быть окончено.

Как отмечает А.Б. Соловьев: «данные сроки установлены для обеспечения быстрого и полного расследования преступлений, неотвратимости наказания за совершенное преступление и создания гарантий против волокиты расследования» [4].

На наш взгляд, сокращение сроков расследования не решат данную проблему. Охрана права законных интересов участников процесса, предупреждение преступлений и других положений – это вопрос всего уголовно-процессуального законодательства.

И.В. Маслов в своей работе указывает, что на сроки расследования возлагается задача:

1. Стимулировать следователей и дознавателей к скорейшему завершению расследования;

2. Гарантировать участникам уголовного процесса, что ограничение их прав, связанное с расследованием, не будет неоправданно продолжительным [3].

Предварительное расследование в отличие от судебного разбирательства является тайным и негласным. Данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком они будут признаны допустимыми, и если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [2].

При рассмотрении жалоб на нарушение разумных сроков в ходе досудебного производства необходимо учитывать обстоятельства:

- сложность квалификации преступных действий;
- установление обстоятельств совершения преступлений;
- сбор доказательств по уголовному делу;
- поведение участников уголовного судопроизводства;
- ритмичность, достаточность, эффективность действий должностных лиц органов предварительного расследования, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования.

В срок предварительного следствия также включается время ознакомления сторонами с материалами уголовного дела.

Досудебное производство создает предпосылки для уголовно-процессуальной деятельности на последующих судебных стадиях. Каждая из досудебных стадий обладает независимым от других значением и занимает свое, достойное место в концепции уголовного процесса. Уголовный процесс не перестает быть процессом, если уголовное дело пройдет лишь часть его стадий, найдя окончательное на законных основаниях разрешение в досудебном производстве – в стадиях возбуждения уголовного дела или предварительного расследования.

Источники и литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Консультант Плюс: справочная правовая система.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.03.2016) // Консультант Плюс: справочная правовая система.
3. Маслов И. Реформа досудебного производства // Законность. 2012. N 7. – С. 15.
4. Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.studmed.ru/solovev-ab-dokazyvanie-v-dosudebnyh-stadiyah-ugolovnogo-processa-rossii_89796447454.html (дата обращения: 18.03.2016).

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УИС

О.П. Александрова

Псков, Псковский государственный университет

Рассматривается оперативно-розыскная деятельность в УИС, Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России), ее основные функции, задачи.

Ключевые слова: *оперативные подразделения уголовно-исполнительной системы, функции оперативных подразделений, центральный аппарат ФСИН России, оперативное управление, управление собственной безопасности ФСИН России, территориальные органы ФСИН России, оперативные подразделения исправительных учреждений и следственных изоляторов.*

Преступность является одним из наиболее дестабилизирующих факторов, влияющих на формирование правового государства. На сегодняшний день сохраняются тенденции к росту количества тяжких и особо тяжких преступлений. Так, в г.Пскове за 6 месяцев 2015 года количество зарегистрированных преступлений увеличилось на 7,1% (1304), по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, и составило 1397 преступлений, произошел рост числа тяжких и особо

тяжких преступлений на 8,1% (с 283 до 306). Увеличилось количество поставленных на учет в отчетном периоде тяжких и особо тяжких преступлений (ст. ст.105, ч.4 ст.111 УК РФ), совершенных на бытовой почве на 66,7% (с 3 до 5).

По данным ИЦ УМВД России по городу Пскову, за 6 месяцев 2015 года произошел рост на 13,3% количества несовершеннолетних, совершивших преступления в группе по предварительному сговору – 17 лиц (2014 год – 15); произошел рост на 300% количества несовершеннолетних, совершивших преступления в группе по предварительному сговору вместе со взрослыми лицами – 4 (АППГ – 1); произошел рост на 133,3% количества несовершеннолетних совершивших повторные преступления – 14 (АППГ – 6); рост количества ранее судимых несовершеннолетних, совершивших преступления (с 1 до 4); увеличилось на 69,2 % число несовершеннолетних участников преступлений (с 26 до 44)[1]. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность вопросов усиления борьбы с различными негативными явлениями, отклонениями от норм права.

В любом обществе эффективность борьбы с преступностью определяется уровнем раскрываемости преступлений и способностью правоохранительных органов выявлять виновных лиц, а также вести профилактику преступности как в местах изоляции от общества, так и на свободе. При этом одну из ключевых ролей играют оперативно-розыскные подразделения.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года раскрывается понятие национальной безопасности как состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

В целях реализации названной Стратегии в Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН) России образованы и функционируют специально уполномоченные оперативно-розыскные органы, на которые ложится серьезная нагрузка по раскрытию и выявлению преступлений.

Согласно ст.1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» №144-ФЗ от 12.08.1995г., «оперативно-розыскная деятельность – это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом (далее – органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность), в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.»[1].

Правом на производство оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших, обладают лишь оперативные аппараты органов, перечень которых определен в ст.13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», среди которых: Оперативные подразделения органов внутренних дел Российской Федерации, Оперативные подразделения органов федеральной службы безопасности, Оперативные подразделения федеральных органов государственной охраны, Оперативные подразделения таможенных органов Российской Федерации, Оперативные подразделения службы внешней разведки Российской Федерации, Оперативные подразделения федеральной службы исполнения наказаний, Оперативные подразделения органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Под функциями оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе России, следует понимать обусловленные социальной сущностью российской уголовно-исполнительной системы и предусмотренные федеральным законодательством отдельные направления оперативно-розыскной деятельности, осуществляемые оперативными подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний РФ, реализуемые при соответствующих условиях в целях решения задач, стоящих перед ней [3].

Функциями оперативно-розыскной деятельности в УИС РФ являются:

1) выявление, предупреждение, пресечение раскрытие преступлений, подготовка и совершаемых в местах лишения свободы, на иных объектах и в органах уголовно-исполнительной системы России, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;

2) выявление, предупреждение и пресечение готовящихся и совершаемых в местах лишения свободы нарушений установленного порядка содержания и отбывания наказания;

3) розыск в установленном порядке лиц, совершивших побег из учреждений уголовно-исполнительной системы, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы;

4) выявление в период содержания и отбывания наказания в местах лишения свободы лиц, намеревающихся после освобождения продолжить противоправную деятельность.

5) обеспечение в пределах своей компетенции личной безопасности сотрудников и персонала уголовно-исполнительной системы и членов их семей, осужденных, иных лиц, находящихся на территории учреждений уголовно-исполнительной системы, а также лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы, членов их семей и близких, на жизнь, здоровье и имущество которых совершаются преступные посягательства;

6) обеспечение собственной безопасности, а также сохранности собственности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы;

7) оказание помощи органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в выявлении, пресечении, предупреждении и раскрытии преступлений, подготавливаемых и совершенных осужденными и лицами, содержащимися под стражей, до прибытия в учреждения уголовно-исполнительной системы, а также преступлений, подготавливаемых и совершенных иными лицами, оставшихся нераскрытыми;

8) добывание информации о событиях, действиях и лицах, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

9) обеспечение собственной безопасности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, личной безопасности осужденных и иных лиц, находящихся на территории исправительных учреждений, персонала уголовно-исполнительной системы и членов их семей в настоящее время следует относить к числу приоритетных функций оперативно-розыскной деятельности подразделений УИС.

Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России) – федеральный орган исполнительной власти, подведомственный Министерству юстиции РФ, который осуществляет правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении

преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, а также функции по контролю за поведением условно осуждённых и осуждённых, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания[1].

В центральный аппарат ФСИН России на сегодняшний день входит 19 управлений, которые исполняют свои полномочия согласно основным направлениям службы. Среди них основные функции оперативных подразделений выполняют оперативное управление и управление собственной безопасности.

Оперативное управление – это подразделение, которое обеспечивает и осуществляет в пределах своей компетенции задачи и функции ФСИН России по обеспечению личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявлению, предупреждению и раскрытию готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыску в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействию в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение.

К основным задачам управления относятся:

- организация и участие в формировании основных направлений государственной политики в установленной области деятельности.
- обеспечение совершенствования нормативно-правового регулирования в установленной области деятельности.

- организационно-методическое руководство оперативными аппаратами исправительных учреждений и территориальных органов ФСИН России.

В настоящее время, в соответствии с приказом директора ФСИН России от 06.11.2009 г. № 440, в Федеральной службе исполнения наказаний образовано управление собственной безопасности.

Приказом ФСИН России от 02.03.2010 г. № 72 «О внесении изменений в штатные расписания территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний» во всех территориальных органах ФСИН России созданы подразделения собственной безопасности, на которые возложены функции по борьбе с коррупцией.

В настоящее время значительно возросла нагрузка на работников уголовно-исполнительной системы, участились связанные со служебной деятельностью случаи угроз в их адрес и нападения на них[4].

К основным задачам управления относятся:

- 1) обеспечение государственной защиты работников УИС и федеральных государственных гражданских служащих ФСИН России, а также членов их семей;

- 2) выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений, подготавливаемых, совершаемых или совершенных работниками УИС и федеральными государственными гражданскими служащими ФСИН России;

- 3) выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений коррупционной направленности, подготавливаемых, совершаемых или совершенных работниками УИС и федеральными государственными гражданскими служащими ФСИН России;

- 4) предотвращение проникновения на службу и работу в УИС лиц, преследующих противоправные цели;

- 5) выявление в учреждениях и органах УИС причин и условий невыполнения требований собственной безопасности, нарушения режима секретности, спо-

собных привести к утечке информации, возникновению угроз безопасности работников и объектов УИС, расшифровке и срыву проводимых оперативно-розыскных мероприятий;

6) выявление, предупреждение и пресечение, в пределах своей компетенции, деятельности организованных преступных сообществ, коммерческих структур, а также отдельных лиц, направленной на агентурное, физическое или техническое проникновение в УИС с целью нанесения ущерба собственной безопасности;

7) выявление и устранение условий, способствующих совершению преступлений и иных правонарушений работниками УИС и федеральными государственными гражданскими служащими ФСИН России.

Территориальные органы уголовно-исполнительной системы создаются федеральным органом уголовно-исполнительной системы на территориях субъектов Российской Федерации.

Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Псковской области является территориальным органом Федеральной службы исполнения наказаний, созданным федеральным органом уголовно-исполнительной системы на территории субъекта Российской Федерации для осуществления задач и функций в сфере исполнения Уголовных наказаний, содержания лиц, находящихся под стражей, руководства учреждениями, исполняющими уголовные наказания, следственными изоляторами, специальными подразделениями по конвоированию, другими подведомственными предприятиями, учреждениями и организациями, входящими в УИС.

Основными задачами Управления являются:

1) организация исполнения уголовных наказаний, мер уголовно-правового характера, а также содержания лиц, находящихся под стражей;

2) обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих наказания;

3) охрана и конвоирование осужденных и лиц, содержащихся под стражей;

4) обеспечение охраны и безопасности, объектов УИС;

5) обеспечение режима в учреждениях, исполняющих наказания, и следственных изоляторах;

6) охрана прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей;

7) обеспечение воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными и лицами, содержащимися под стражей;

8) организация и осуществление оперативно-розыскной деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации, взаимодействие с оперативными, следственными и иными аппаратами органов внутренних дел и других правоохранительных органов;

9) финансовое и материально-техническое обеспечение Управления, учреждений, исполняющих наказания, следственных изоляторов, других подведомственных учреждений;

10) организация правовой, социальной защиты и личной безопасности сотрудников (работников) УИС, членов их семей;

11) подбор и расстановка кадров Управления, руководящего состава учреждений, исполняющих наказания, следственных изоляторов и других подведомственных учреждений.

В соответствии с законодательством Российской Федерации, в исправительных учреждениях осуществляется оперативно-розыскная деятельность. В каждом исправительном учреждении имеется оперативный отдел со специальным шта-

том сотрудников и соответствующей технической оснащённостью. Работников оперативных отделов осуждённые знают в лицо, поэтому свою профессиональную деятельность им приходится выполнять в довольно сложных условиях всеобщего наблюдения со стороны осуждённых [5].

Они имеют право проводить гласно и негласно оперативно-розыскные мероприятия, производить при их проведении изъятие предметов, материалов и сообщений, а также прерывать предоставление услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, экологической безопасности Российской Федерации. Могут сотрудничать с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

В целях конспирации своей работы они используют документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе.

Следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы (далее – СИЗО) предназначены для содержания подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу [3].

В настоящее время СИЗО предназначены для того, чтобы исключить возможность лицам, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, скрыться от следствия и суда, а осуждённым к лишению свободы – уклониться от отбывания наказания; осуществлять меры, препятствующие попыткам подозреваемых и обвиняемых помешать установлению истины по уголовному делу; обеспечить безопасность подозреваемых, обвиняемых и осуждённых, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на их территории.

Указанные задачи стоят перед всеми отделами и службами СИЗО, однако основная нагрузка по их выполнению ложится на оперативные подразделения, так как только они, в большей степени посредством ОРД, выявляют, предупреждают и раскрывают преступления и нарушения режима содержания, которые готовят и совершают подозреваемые, обвиняемые и осуждённые; обеспечивают правопорядок и законность; содействуют органам, осуществляющим ОРД, в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных лицами, содержащимися под стражей, до их ареста [5].

Положения ФЗ «Об ОРД», относящиеся к уголовно-исполнительной системе в общем и к СИЗО, в частности, сводятся к следующему: оперативные подразделения ФСИН России в пределах своей компетенции пользуются всеми правами и несут все обязанности, которые предусмотрены данным Законом (ст. 14 и 15). При реализации задач ОРД они вправе проводить все предусмотренные оперативно-розыскные мероприятия (ст. 6), регламентировать и определять организацию и тактику их проведения; собирать данные, необходимые для принятия предусмотренных ФЗ «Об ОРД» решений (ч. 2 ст. 7); заводить дела оперативного учета (ст. 10); привлекать к работе граждан и должностных лиц на началах добровольности, на контрактной и бесконтрактной, возмездной и безвозмездной основе, гласно и конспиративно (ст. 6, 15, 17).

Кроме того, оперативными подразделениями в СИЗО осуществляется и профилактическая деятельность, для которой характерны следующие особенности:

1) основными субъектами предупредительной деятельности выступают оперативные подразделения;

2) подавляющая часть предупредительных мер осуществляется в отношении заключенных, содержащихся в камерах, не имеющих свободного перемещения по территории учреждения, а также в отношении осужденных отряда по хозяйственному обслуживанию;

3) проведение мероприятий в отношении профилактируемых лиц ограничено сроками их содержания под стражей;

4) действия предупредительного характера проводятся в отношении различных категорий заключенных (мужчины, женщины, несовершеннолетние) с учетом их психологических особенностей;

5) возможность предупредительного воздействия со стороны конкретных негласных сотрудников на определенных профилактируемых лиц зависит от времени нахождения конфиденентов в СИЗО;

6) большинство предупредительных действий осуществляется негласно или в комплексе с гласными;

7) предупредительные меры оперативного подразделения направлены на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений; установление лиц, от которых можно ожидать совершения общественно опасных деяний, и оказание на них предупредительного воздействия; предотвращение замышляемых и подготавливаемых преступлений, пресечение преступлений на стадии покушения[6].

Таким образом, оперативно-розыскная деятельность в УИС осуществляется оперативными подразделениями Федеральной службы исполнения наказания России, к основным задачам которых относятся: обеспечение безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц, выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушении установленного порядка отбывания наказания; розыск осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение.

Зачастую противоправные деяния осужденных тщательно подготавливаются, совершаются тайно, а действующие нормы криминальной субкультуры способствуют уничтожению следов, сокрытию доказательств и нейтрализации свидетелей. В таких условиях выявление, предупреждение и раскрытие пенитенциарных преступлений одними уголовно-процессуальными средствами становится практически невозможным. Поэтому значительная нагрузка ложится на оперативные подразделения ФСИН РФ, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности в полном объеме.

Источники и литература

1. ФЗ от 12 августа 1995г. «Об оперативно-розыскной деятельности» с изм. от 29.06.2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL://ivo.garant.ru /#/document/10104229/paragraph/1073840281. (дата обращения 19.02.2016г.)
2. ФЗ от 21 июля 1993 г. N 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». (с изменениями и дополнениями). Ст.7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:base.garant.ru/ 1305321/2/#block_200 (дата обращения 18.02.2016 г.)
3. ФЗ от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:base.garant.ru/1305540 (дата обращения 19.02.2016г.)

4. Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314. «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний». «Российская газета.» Федеральный выпуск №3607. 2004. С.10
5. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р //Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544, С.12
6. Кутковский В.В. Функции ОРД в системе УИС России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. НИИ ФСИН России. Москва.2006. С.12
7. Чайковский А.А. ОРД в СИЗО: теоретические и организационно-тактические аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Владимир. ВЮИ ФСИН России.2012.С.19
8. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации. Под ред. Зубкова А.И.4-е изд., перераб. – М.: 2008. С.181
9. Отчет начальника УМВД России по городу Пскову Сорокина С.Е. перед Псковской городской Думой за 1 полугодие 2015 года. Информационно-аналитические материалы к отчету. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL://60.mvd.ru/activity/reports/nachal/pskov.(дата обращения 18.02.2016г.)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

С.И. Захарцев

Псков, Псковский государственный университет

Один из важнейших принципов уголовного процесса – презумпция невиновности. Его формулировка содержится в ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

В отечественной истории презумпция невиновности в уголовном процессе прошла путь от декларативного закрепления в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, полного забвения после революции 1917 года, до закрепления на конституционном уровне в 1977 году, а затем – и в 1993 году. Но только с принятием в 2001 году УПК РФ, содержащего развернутую формулировку презумпции невиновности, можно утверждать об окончательном нормативном оформлении данного положения в уголовном судопроизводстве.

Данный принцип провозглашен в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, в ч. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, в ч.2 ст.6 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека и непосредственно в ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), что лишний раз подчеркивает высокую значимость данных положений в уголовном судопроизводстве.

Несмотря на закрепление презумпции невиновности в отечественном законодательстве в течение более чем 50 лет и высокой значимости этого правового положения для уголовного процесса, что неоднократно отмечалось Президентом Российской Федерации, продолжают появляться высказывания об отмене действия презумпции невиновности в отношении отдельных категорий граждан, суда-

ми выносятся обвинительные приговоры вопреки требованиям, вытекающим из этого правового положения, достаточно часто должностные лица и средства массовой информации утверждают о виновности лица до вынесения в отношении него обвинительного приговора суда и вступления его в законную силу.

За период действия УПК РФ по данной проблематике выполнены ряд монографических исследований, среди которых диссертации М.А. Дрягина(2004 г.); Л.М. Васильева (2005 г.); Ф.Г. Шахкелдова (2006 г.); В.А. Морквина (2008 г.); С.В. Крашенинникова (2010 г.) и др.

Высоко оценивая труды указанных авторов, следует отметить, что в этих работах не нашли отражения проблемы реализации принципа презумпции невиновности при согласии подозреваемого, обвиняемого с предъявленным ему обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, не изучен вопрос о соотношении принципа презумпции невиновности и преюдиции, не исследован вопрос о реализации принципа презумпции невиновности в случае смерти подозреваемого или обвиняемого. Кроме того, в условиях реформирования уголовно-процессуального закона имеется необходимость детального изучения реализации презумпции невиновности в практике доказывания на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что вопрос о реализации принципа презумпции невиновности в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства сохраняет актуальность, а действующая редакция ст. 14 УПК РФ требует дальнейшего совершенствования, в связи с чем предлагается:

1) изложить ч. 1 ст. 14 УПК РФ в редакции: «Подозреваемый, обвиняемый считаются невиновными, пока их виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»;

2) из ч. 3 ст. 14 УПК РФ исключить словосочетание «в виновности обвиняемого» и изложить ее в следующей редакции: «Все сомнения, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого»;

3) дополнить ст. 14 УПК РФ частью 5 в следующей редакции: «Органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, не имеют права высказываться о виновности подозреваемого и обвиняемого, до вступления в отношении лица в законную силу обвинительного приговора суда».

На стадии возбуждения уголовного дела обязательным правилом соблюдения принципа презумпции невиновности является то, что возбуждения уголовного дела может производиться только при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК). Наделяя подозреваемого широкими процессуальными правами, действующее законодательство тем самым в значительной мере устанавливает определенные гарантии презумпции невиновности. В числе предложений по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства, связанных с реализацией принципа презумпции невиновности в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства следует отметить следующие:

1) дополнить ст. 24 УПК РФ частью 5, закрепляющей право близких родственников, а также иных заинтересованных лиц возражать против прекращения уголовного дела на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого). Тем самым, в уголовном процессе будут исключены ситуации, когда уголовные дела прекращаются в отношении умерших подозре-

ваемых или обвиняемых, которые в действительности не совершали того или иного преступления;

2) в ч. 1 ст. 90 УПК РФ указать, что «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, признаются дознавателем, следователем, прокурором, судом без дополнительной проверки, за исключением случаев, когда эти обстоятельства вызывают сомнения и опровергаются доказательствами, собранными в ходе производства по уголовному делу и проверенными в порядке, предусмотренном УПК РФ».

Обязательным условием выполнения принципа презумпции невиновности является участие защитника в уголовном деле. Так как при задержании ограничивается личная свобода лица, виновность которого еще не установлена, закон предусматривает сокращенный срок задержания. При этом обвинение должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу – в тот же срок с момента задержания (ч. 1 ст. 100 УПК). Таково категорическое требование закона.

Наряду с рассмотренными возможностями реализации в действующем уголовно-процессуальном законодательстве принципа презумпции невиновности, в стадии расследования применяется и ряд других норм, в которых он находит свое выражение. К ним можно отнести ст. 161 УПК, которая, требуя неразглашения данных предварительного следствия, с одной стороны обеспечивает нормальный ход раскрытия преступления, с другой – не разрешает преждевременно разглашать данные, порочащие обвиняемого, поскольку его виновность еще не доказана в установленном законом порядке.

В ч. 2 ст. 77 УПК говорится: "Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств". Принцип состязательности сторон, предусмотренный ст. 15 УПК РФ, частично нашел отражение в законодательно закрепленном праве адвоката собирать доказательства. На основании вышеизложенного представляется целесообразным внести в ст. 74 УПК РФ дополнения относительно того, что перечисленные в ч. 3 ст. 86 Кодекса доказательства, полученные адвокатом, рассматриваются наравне с доказательствами, которые собраны по уголовному делу органом преследования.

Источники и литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 02.03.2016) //2016. Консультант плюс: справочная правовая система.
2. Федеральный закон от 30.12.2015 N 437-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации"// Консультант плюс: справочная правовая система.
3. Уголовный процесс. Общая часть: Учебник / Под ред. докт. юрид. наук, проф. А. В. Гриненко. М.: ЦОКР МВД России, 2014. – 408 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://gcpz.ru/2016/pravo-na-zvonok.html> (дата обращения 22.03.2016).
4. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета от 10 декабря 2013 г. URL: <http://www.kurganprosc.ru> (дата обращения 22.03.2016).
5. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 6 декабря 2011 г. N 4-ФКЗ.) // Российская газета от 6 января 2014 г. № 3.

О ПРОБЛЕМАХ ВНЕШНЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ В ОБЛАСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

И.Н. Смирнова

Псков, Псковский государственный университет

Рассматривается состояние внешнего взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций в сфере предупреждения повторных преступлений осужденных без изоляции от общества. Формулируются предложения по ее совершенствованию.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная инспекция, осужденные без изоляции от общества, уровень повторной преступности, причины повторных преступлений, взаимодействие, предупреждение повторных преступлений.*

Анализ практики функционирования уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) показывает, что нередко низкий уровень их внешнего взаимодействия является одной из основных причин недостаточной эффективности деятельности [1]. Вместе с тем в литературе отмечается, что структура, динамика и география распространения преступности предполагает комплексное планирование предупредительной деятельности в целом и применительно к решению ее субъектами отдельных задач, организационные меры по взаимодействию, субординацию их задач как единого механизма целостной системы [2, с. 103–104].

Реализация основной задачи УИИ – предупреждение преступлений и иных правонарушений лиц, состоящих на их учете, предполагает комплекс мероприятий, в том числе оказание социальной помощи осужденным без изоляции от общества, поскольку, как верно отмечается, именно предупредительные, а не карательные меры позволяют добиться предупреждения со стороны осужденных повторных преступлений [3, с. 16–19].

Основа эффективного функционирования УИИ – объединение возможностей и усилий каждого сотрудника на достижение общих целей. Именно по этой причине организацию взаимодействия можно считать одной из основных функций управления.

Взаимодействие как функция управления с точки зрения структурно-логического анализа включает в себя:

- субъекты взаимодействия (выбираются в зависимости от тех задач (целей), решить которые необходимо в процессе его осуществления, а также в зависимости от роли, отводимой в этом процессе оппоненту);

- цели взаимодействия;

- механизм реализации функций.

Суть взаимодействия заключается в совместной деятельности (направленной на решение общих задач [целей]) конкретных органов, должностных лиц, занимающих при этом равноправное положение. Во взаимодействии должны участвовать, как минимум, два субъекта, каждый из которых должен ясно осознавать, что он является субъектом взаимодействия и выполняет возложенные функции совместно с другим субъектом. Из этого положения вытекает следующее условие – общность целей и задач для всех участников взаимодействия, в противном случае теряется смысл взаимодействия, поскольку в этом случае каждый из участников выполняет иные по отношению к другому задачи или достигает иные цели, делает это самостоятельно, следовательно, ни о каком взаимодействии не может быть и речи.

Основой для решения проблем, связанных с взаимодействием УИИ и других органов, выступают принципы – основные положения, в соответствии с которыми осуществляется конкретный вид деятельности.

Так, принцип законности закреплен в Конституции Российской Федерации. Так, в п. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации указано, что «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». В своей деятельности УИИ руководствуются Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами и Положением об уголовно-исполнительных инспекциях.

Принцип компетенции означает, что в пределах своей компетенции любая из взаимодействующих сторон самостоятельна и имеет возможность принимать по своему усмотрению любые решения, связанные с использованием собственных сил и средств и на каких угодно условиях. Однако в процессе взаимодействия они не должны ущемлять инициативу друг друга. Попытки одного из субъектов заимствовать те или иные приемы и методы, не характерные для них, а также решать возникающие вопросы лишь собственными силами, выходящими за рамки компетенции, не только не дадут положительного результата, но и приведут к нарушению законности. Соблюдение этого принципа в деятельности УИИ создает необходимые условия для ее объективной оценки, позволяет выделить лиц, ответственных за решение конкретных задач, способствует результативности функционирования УИИ по исполнению наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции осужденного от общества, а также меры пресечения в виде домашнего ареста.

Принцип научности находит свое отражение в содержании различных аспектов функционирования УИИ, то есть он не является специфическим только для рассматриваемого вида деятельности (однако он имеет свои особенности, свою сферу применения – организацию деятельности УИИ). Он предусматривает использование в совместной деятельности последних достижений науки, научной организации труда сотрудников, активное внедрение инновационных технологий.

Принцип максимального использования возможностей взаимодействующих субъектов предусматривает предварительное изучение, учет сил и средств, имеющихся в распоряжении взаимодействующих субъектов, а также ожидаемого результата их деятельности. Реализация этого принципа связана с прогнозированием, которое рассматривают как процесс или результат предсказания тех или иных фактов, событий, явлений, величин, которые станут известны лишь в будущем по отношению к моменту времени, в котором создается прогноз.

В зависимости от того, организуется совместная деятельность сторон, относящихся к одной службе, органу, учреждению или разным, выделяют организацию внутреннего и внешнего взаимодействия. В своей работе УИИ взаимодействуют с подразделениями ОВД, администрацией предприятий, учреждений и организаций, в которых работают осужденные, органами местного самоуправления, прокуратуры, судами и общественными объединениями.

При организации внешнего взаимодействия УИИ следует исходить из ряда факторов.

1. Практические работники в регионах в числе причин повторных преступлений подучетных лиц в первую очередь называют отсутствие работы у осужденных, ведь повторные преступления совершают в основном лица, не имеющие длительное время постоянного места работы и соответственно стабильного источника средств к существованию, злоупотребляющие спиртными напитками. Практика показывает, что у осужденных слабая мотивация трудиться и одновре-

менно с этим достаточно большие запросы к материальной оценке своего труда, завышенная самооценка личного профессионального потенциала, нежелание брать ответственность как за себя, так и за других лиц.

Различные исследования подтверждают, что «...высокому уровню имущественного благосостояния и экономической свободы обычно сопутствуют и наиболее интеллектуальные и изощренные формы преступных посягательств на собственность...» [4, с. 134].

2. Отмечается достаточно сложный криминогенный состав осужденных без изоляции от общества, несмотря на снижение уровня повторных преступлений подучетных лиц с 1,8 % в 2014 г. до 1,49 % – в 2015 г. Так, в 2015 году в отношении 12,9 тыс. осужденных были возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления после постановки на учет УИИ, в 2014 г. – в отношении 16,7 тыс. [5].

3. Недостаточно эффективная работа в сфере профилактики со стороны органов внутренних дел (ОВД), УИИ, недостаточное взаимодействие между ними. В регионах отмечается, что взаимодействие органов и учреждений УИС и ОВД организовано недостаточно эффективно: нередки случаи представления фиктивных сведений о проведении мероприятий по контролю за условно осужденными; продолжают иметь место факты несвоевременной постановки несовершеннолетних на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних ОВД, в результате чего с такими подростками не в полной мере осуществляется работа по предотвращению совершения общественно опасных деяний; имеются случаи проверок по месту жительства умерших и лиц, которые на момент проверки отбывали наказание в местах лишения свободы либо содержались под стражей; в нарушение требований федерального законодательства при постановке на учет и снятии с учета названных граждан, не всегда направляются соответствующие уведомления в территориальные органы Федеральной миграционной службы; сотрудниками УИИ не обеспечивается должный контроль за соблюдением осужденными условий отбывания наказания, их поведением, исполнением возложенных судом обязанностей и запретов, не проводятся проверки в течение длительного времени по месту жительства, имеют место нарушения, связанные с учетом осужденных, отсутствуют сведения в личных делах осужденных, связанные с трудоустройством, сведения обо всех периодах работы осужденных и произведенных удержаниях, справки о совместных с ОВД проверках.

4. Сотрудники УИИ обращают внимание на отсутствие у человека социальных знаний, умений и навыков, что приводит к негативным последствиям. В случаях возникновения трудной жизненной ситуации важным является своевременное оказание социальной помощи, в первую очередь несовершеннолетним как особо уязвимой категории осужденных, имеющих в силу переходного возраста неустойчивую психику и неразвитую способность критически оценивать сложившуюся ситуацию. Исходя из анализа практики функционирования УИИ, можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время принятие действенных мер по социальной реабилитации осужденных, систематизация базы реабилитационной работы с такими лицами, совершенствование материально-технической базы филиалов ФКУ УИИ позволят повысить эффективность исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, улучшить результативность контроля за поведением осужденных, будут способствовать их исправлению и в конечном счете – предупреждению преступлений с их стороны. Требуется совершенствования правовое обеспечение в сфере социальной реабилитации осужденных без изоляции от общества, обеспечения трудовой занятости осужденных,

развития материально-технической базы филиалов ФКУ УИИ, оказания мер социальной поддержки и социальной помощи осужденным, создания современного механизма оказания помощи в социальной адаптации осужденным без лишения свободы, обеспечения мер по соблюдению конституционных прав осужденных.

Анализ исполнения приговоров к исправительным работам показывает, что достаточно большая часть осужденных имеет иски о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, поэтому своевременное трудоустройство осужденного позволяет сократить долг и возместить вред, причиненный преступлением, пострадавшему. Для решения этих задач сотрудниками УИИ в соответствии с документами, регламентирующими эту деятельность, при фактическом трудоустройстве осужденных и месте их работы незамедлительно информируется служба судебных приставов. С учетом проведенного нами анализа практики взаимодействия УИИ решению проблемных вопросов, возникающих при исполнении наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в регионах могли бы способствовать, как считают сотрудники УИИ, проведение совещаний с представителями службы судебных приставов по вопросу повышения эффективности взаимодействия, как например, в Саратовской области было принято решение продолжить проведение ежеквартальных сверок по лицам, осужденным без изоляции от общества и являющихся должниками по исполнительным листам; активизировать работу по взысканию с осужденных денежных средств за причиненный ущерб в результате повреждений/утраты оборудования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц, а также административных штрафов, назначенных постановлением суда по материалам, составленным сотрудниками филиалов ФКУ УИИ.

5. Большое значение имеет социально-психологическое сопровождение осужденных без изоляции от общества, которое имеет своей основной задачей прогноз поведения осужденных, оказание им социально-психологической помощи в решении возникающих проблем.

Совершенствование деятельности УИИ с учетом расширения решаемых ими задач и возложенных на них функций предусматривает активное внедрение инновационных технологий в сферосоциальной, психологической и воспитательной работы с осужденными. Так, в регионах вместо традиционного для российской социальной помощи планирования по направлениям работы (диагностика, коррекционно-развивающая работа, профилактика, консультирование) происходит планирование работы в соответствии с запросом клиента. Основанием для организации социальной работы служит CASE (случай), который отрабатывается с помощью комплекса мероприятий, проводимых в тесном взаимодействии единой командой специалистов различных дисциплин, органов, учреждений для достижения общих целей по улучшению качества жизни клиента, защиты его интересов и прав. Подобная практика имеет ряд положительных моментов в организации социально-психологической работы с несовершеннолетними осужденными, характеризующих уровень взаимодействия УИИ с институтами гражданского общества.

Безусловно, при проведении предупредительно-профилактической работы особое внимание следует уделять несовершеннолетним осужденным, состоящим на учете УИИ. Например, с целью сокращения рецидива преступлений, повышения эффективности социальной и психологической работы с лицами, осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, сотрудникам УИИ следует активно взаимодействовать со школами, в которых обучаются несовершеннолетние осужденные, состоящие на учете УИИ, проводить совместные профилак-

тические беседы с несовершеннолетними, формулировать с помощью психолога педагогам школы рекомендации по индивидуально-воспитательной работе с учетом особенностей подучетных, что позволит повысить результативность предупредительно-профилактической работы с ними.

Однако, как показывает анализ практики, совместные мероприятия должны организовываться на постоянной основе; нельзя допускать формального подхода к организации совместной работы, поскольку каждый из субъектов взаимодействия (орган, ведомство, организация) решает в первую очередь собственные задачи; сотрудники филиалов ФКУ УИИ должны иметь соответствующую профессиональную подготовку и практический опыт; планы совместных мероприятий территориальных органов ФСИН России, МВД России, ФМС России, ФССП России по осуществлению контроля за поведением лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, должны носить более конкретный характер, отвечать реалиям дня.

Как показывает практика, большой вклад в снижение уровня повторных преступлений осужденных, состоящих на учете УИИ, может внести принятие программ, направленных на оказание помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, и лицам, осужденным к мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, и содействие их социальной реабилитации. Необходимость разработки и реализации подобных программ обусловлена также следующими причинами: обеспечение общественной безопасности населения; социально-экономическая острота проблемы; межотраслевой и межведомственный характер проблемы; необходимость привлечения к решению проблемы областных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, религиозных и общественных организаций.

В числе мероприятий таких программ следует отметить следующие:

индивидуальное прогнозирование поведения осужденных без лишения свободы;

взаимодействие с администрациями поселений по оказанию помощи осужденным, осуществление контроля и поддержки;

проведение групповых психологических диагностик среди осужденной молодежи, составление социально-психологического образа человека, предрасположенного к совершению преступления;

оказание бесплатной психологической помощи осужденным без изоляции для общества;

квотирование рабочих мест для осужденных к исправительным работам;

оказание помощи несовершеннолетним осужденным без изоляции от общества: обучение, приобретение профессии, трудоустройство, организация отдыха;

проведение совместных рейдов по месту жительства осужденных, выезды в отдаленные населенные пункты;

оказание нуждающимся осужденным, имеющим детей (устройство в детские сады, оздоровительные лагеря, оказание медицинской и материальной помощи;

оказание помощи осужденным, нуждающимся в решении жилищных проблем, восстановлении документов;

предоставление бесплатного лечения осужденным, состоящим на учете в УИИ, возложенными судом обязанностями пройти курс лечения от алкогольной (наркотической) зависимости;

оказание содействия осужденным с туберкулезным заболеванием;

посещение осужденных по месту жительства, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;

посещение осужденных, которым судом отсрочено наказание до достижения ребенком 14-летнего возраста по месту жительства, составление акта о жилищно-бытовых условиях;

проведение организациям воспитательную работу, где отбывают наказание осужденные к исправительным, обязательным работам и контролирование за поведением на производстве;

проведение лекций организациям и предприятиям, учебным заведениям на тему «Профилактика правонарушений»;

выпуск материалов по профилактике правонарушений;

изготовление социальной рекламы, пропагандирующий здоровый образ жизни, законопослушное поведение, духовно-нравственные ценности.

Реализация мероприятий, предусмотренных программами, будет способствовать [6]:

снижению роста рецидивной преступности;

расширению сферы оказания социальной помощи лицам, отбывшим наказание в исправительных учреждениях, и лицам, осужденным к мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества;

созданию условий, исключающих распространение в обществе криминальной субкультуры;

созданию системы регламентированных стимулов правопослушного поведения осужденных;

разработке системы новых исправительных технологий работы с осужденными, основанных на достижениях в области психологии и медицины, педагогики и права;

созданию условий учреждениям УИС в регионе для профилактики и предупреждения совершения повторных преступлений лицами, осужденными к наказаниям и мерам уголовно-правового характера.

С учетом изложенного вопрос состояния взаимодействия УИИ с правоохранительными органами в работе по профилактике повторных преступлений осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, целесообразно рассматривать на координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов регионов, на заседании межведомственной комиссии по профилактике правонарушений. Не менее значимым является составление единой карты социального сопровождения осужденных, которую следует согласовывать со всеми заинтересованными субъектами системы профилактики правонарушений.

Таким образом, решение задачи совершенствования деятельности УИИ по оказанию социальной поддержки и помощи осужденным без изоляции от общества должно обеспечиваться наличием соответствующих социально-экономических ресурсов, нормативно-правовой базы и организационного механизма и качественного кадрового обеспечения.

Источники и литература

1. О взаимодействии уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел: обзор ФСИН России.
2. Казак Б. Б., Валеев Т. А. Функциональный механизм противодействия преступности в новых условиях // Закон и право. – 2012. – № 2. – С. 103–104.
3. Смирнова Г. Н. О некоторых проблемах внешнего взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций в целях предупреждения совершения осужденными без

- изоляции от общества повторных преступлений // Безопасность уголовно-исполнительной системы. – 2013. – № 1. – С. 16–19.
4. Балаян А. Р. Причины и условия, способствующие совершению мошенничества в сфере оборота коммерческого недвижимого имущества // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 2(50). – С. 134.
 5. Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2015 году : обзор ФСИН России.
 6. Областная целевая программа «Об оказании помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, и лицам, осужденным к мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, и содействию их социальной реабилитации» на 2012–2016 годы. [Электронный ресурс] . Режим доступа: URL: // www.dob.samregion.ru.

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

И.С. Федотов

Псков, Псковский государственный университет

В последнее время произошли значительные изменения и дополнения в Уголовно-процессуальном кодексе. В частности, Федеральным законом от 30 декабря 2015 года № 437-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

В данной работе будет рассмотрено правовое положение подозреваемого как участника уголовного судопроизводства.

Правовое положение подозреваемого УПК определил достаточно четко и конкретно, подробно регламентировав его права на стадиях досудебной подготовки. Вместе с тем закон ввел ряд новелл относительно правового положения подозреваемого как участника уголовного судопроизводства.

В соответствии с частью 1 ст. 46 УПК подозреваемым является лицо: либо в отношении которого возбуждено уголовное дело, либо которое задержано в соответствии со статьями 91 и 92 УПК, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения, либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления [1].

Изменения произошли в части 3 ст. 46 УПК. Теперь часть 3 предусматривает право подозреваемого на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, а дознаватель, следователь должен исполнить обязанности по уведомлению о задержании в соответствии со статьей 96 УПК РФ. Ранее такого права закон не предусматривал. Возможность такого звонка теперь предусмотрена ч.1 ст.96 УПК РФ.

Новеллой является и часть 1.1, внесенная в ст. 92 УПК РФ, согласно которой в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно.

Изменена ст. 96 УПК РФ, регулирующая вопросы уведомления о задержании подозреваемого.

Новой редакцией уголовно-процессуального закона установлено, что подозреваемый вправе в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю, произвести один телефонный звонок на русском языке с целью уведомления родственников, либо других близких лиц о

своем задержании и месте нахождения. Указанное действие подозреваемый вправе произвести только в присутствии дознавателя, следователя, о чем делается соответствующая отметка в протоколе. В случае, если подозреваемый отказывается от этого права или не имеет возможности осуществить звонок в силу физических или психических недостатков, обязанность на уведомление родственников либо других близких лиц задержанного посредством телефонной связи возлагается на должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование [2].

Отступление от этого правила возможно только при необходимости сохранения в интересах предварительного расследования в тайне факта задержания по мотивированному постановлению дознавателя, следователя с согласия прокурора, за исключением случаев, если подозреваемый является несовершеннолетним.

Ранее действовало правило согласно которому дознаватель, следователь не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого уведомляет кого-либо из близких родственников, а при их отсутствии – других родственников или предоставляет возможность такого уведомления самому подозреваемому. В случае необходимости оставления факта задержания в тайне мотивированного постановления не требовалось.

Таким образом в старой редакции УПК РФ на дознавателя, следователя возлагалась обязанность извещения родственников, в то время как новой редакцией на дознавателя, следователя возложена обязанность только предоставить телефонный разговор. [3]

При этом дознаватель, следователь, как и ранее, обязаны не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого уведомить об этом иных лиц, указанных в частях 2, 2.1, 2.2. и 3 ст. 96 УПК РФ (в зависимости от категории лица, задержанного по подозреваемого в совершении преступного деяния).

К примеру, в случае задержания подозреваемого, являющегося адвокатом, об этом уведомляется адвокатская палата, членом которой он является, или если подозреваемый является гражданином или подданным другого государства, уведомляется посольство или консульство этого государства.

Вместе с тем, уведомление родственников о задержании подозреваемого может и не производиться, но только в случае необходимости сохранения в интересах предварительного расследования в тайне этого факта и при наличии мотивированного постановления дознавателя, следователя, с прокурором.

В связи с указанными изменениями, ч. 2 ст. 131 УПК РФ дополнена пунктом 10, в соответствии с положениями которого к процессуальным издержкам отнесены суммы, связанные с уведомлением родственников или близких лиц подозреваемого о его задержании и местонахождении. [4]

Проблемы обеспечения прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого, совершенствования деятельности органов дознания, прокуратуры, суда и адвокатуры являются актуальными. Нельзя бороться с преступностью, не уделяя должного внимания правам личности, и, в частности, правам лиц подозреваемых, либо обвиняемых в совершении преступления.

Таким образом, вопрос о процессуальном положении подозреваемого имеет большое практическое и теоретическое значение.

Источники и литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.03.2016) // Консультант плюс: справочная правовая система.
2. Федеральный закон от 30.12.2015 N 437-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-

- процессуальный кодекс Российской Федерации"// Консультант плюс: справочная правовая система.
3. Адвокаты Санкт-Петербургской коллегии адвокатов Егоров С.В., Сопилов А.Н.Право на звонок при задержании.URL:<http://gcpz.ru/2016/pravo-na-zvonok.html> (дата обращения 14.03.2016).
 4. Прокуратура Курганской области. URL: <http://www.kurganproc.ru> (дата обращения 14.03.2016).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

В.Б. Шабанов

Псков, Псковский государственный университет

Меры пресечения являются древнейшим уголовно – процессуальным институтом государственного принуждения.

Домашний арест является одной из мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

В истории нашего государства институт домашнего ареста известен достаточно давно. Данная мера пресечения была закреплена в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, УПК РСФСР 1922 года, УПК РСФСР 1923 года, однако, с принятием УПК РСФСР 1960 года данная мера пресечения перестала существовать и была возвращена в систему мер пресечения с принятием УПК РФ, введенным в действие 1 июля 2002 года и закреплена законодателем в статье 107 УПК РФ.

При этом, хочется отметить, что более подробное изложение порядка применения данной меры пресечения появилось после принятия Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», изложившего статью 107 Уголовно-процессуального закона в новой редакции.

Однако сразу же следует отметить, что и в данном виде эта норма нуждается в совершенствовании.

В первое десятилетие домашний арест после введения применялся на практике редко, однако в последнее время домашний арест избирается все чаще. Так, в 2002 году (июль – декабрь) домашний арест был избран в отношении 17 лиц, в 2003 году – 129 лиц [3].

В 2004 году – 838 лиц, в 2005 году – 518 лиц, 2006 году – 829 лиц [4].

В 2007 году – 205 лиц, 2008 году – 88 лиц, 2009 году – 146 лиц, 2010 году – 668 лиц, 2011 году – 1346 лиц, в 2012 году – 2714 лиц, в 2013 году – 3086 лиц, в 2014 году – 3333 лиц [5].

В соответствии с действующей редакцией ч.1 ст. 107 УПК РФ домашний арест заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля [1].

В ходе правоприменения дискуссионным является вопрос о необходимости при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста выяснять согласие собственника жилья.

В связи с этим, по нашему мнению, необходимо в ст. 107 указанного выше закона внести дополнение о том, что при решении судом вопроса об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста суду необходимо привлекать к участию в деле собственника жилого помещения, в котором предполагается нахождение подозреваемого или обвиняемого на весь срок домашнего ареста.

Новым положением закона является также то, что с учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено не только жилое помещение, но и лечебное учреждение, в котором лицо находится на излечении. В связи с этим закон следует дополнить указанием на необходимость привлекать к участию в деле руководителя или представителя лечебного учреждения, в котором проходит лечение подозреваемый или обвиняемый, для получения согласия на нахождение подозреваемого или обвиняемого в лечебном учреждении на весь срок ареста.

Проблемным также является вопрос, связанный с контролем за исполнением данной меры пресечения, а именно контролем за соблюдением подозреваемыми или обвиняемыми запретов и (или) ограничений на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернета.

Контроль за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 года № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» возложен на уголовно – исполнительные инспекции [2].

Однако, уголовно-исполнительные инспекции не наделены полномочиями получать сведения о почтово-телеграфных отправлениях, осуществлять контроль и запись телефонных и иных переговоров, получать информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, включая Интернет.

Также уголовно-процессуальный закон предусматривает наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в целях обеспечения контроля за исполнением домашнего ареста. В соответствии с действующим УПК РФ эти функции можно осуществлять только при проведении следственных действий.

Нерешенным остается вопрос, связанный с пребыванием на свежем воздухе, обеспечением продуктами питания, лекарствами лиц, находящихся под домашним арестом. Полагаем, что эти вопросы должны быть решены на законодательном уровне.

Таким образом, нормы, регулирующие применение меры пресечения в виде домашнего ареста, нуждаются в совершенствовании, в целях законного и обоснованного ограничения прав граждан, гарантированных Конституцией РФ.

Источники и литература

1. «Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 02 марта 2016 г.). Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».
2. Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности [Электронный ресурс]: постановление Правительства Доступ из справ. -правовой системы «Консультант Плюс».

3. Овчинников Ю.Г., Артемов В.А. Первые шаги домашнего ареста как меры пресечения // Законность. 2005. № 7. С. 41-43.
4. Соловьев И.Н. Проблемные вопросы исполнения домашнего ареста // Российский следователь. 2010. N 13. С. 11 -14.
5. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.URL: <http://www.cdep.ru>(дата обращения: 25.03.2016).

КООРДИНАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРАТУРОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В.И. Огородников, И.В. Годунов, И.В. Борисенко
Псков, Псковский государственный университет

С момента создания прокуратуры на нее наряду с надзорной деятельностью возлагались и другие функции, среди которых следует выделить координацию правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Наделение прокуроров координационными полномочиями обусловлено наличием у них обширной и объективной информации о совершенных преступлениях, их раскрываемости, качестве расследования, условиях и причинах, которые способствовали совершению этих преступлений, а так же результатов рассмотрения этих дел в судах.

Так как основной деятельностью прокуратуры все таки является надзорная деятельность, в частности надзор за соблюдением законов органами осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, то она имеет возможность выявлять недостатки в деятельности этих органов и принимать меры, направленные на их устранение.

В нашей стране все правоохранительные органы имеют общие цели и задачи в сфере борьбы с преступностью, но осуществляют свою деятельность независимо друг от друга. Для действенной борьбы с преступными появлениями требуется объединение усилий, согласованных действий всех правоохранительных органов, что и достигается посредством осуществления координационной деятельности.

Ст. 8 Закона о прокуратуре отводит роль координатора деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью Генеральному прокурору РФ и подчиненным ему прокурорам, которые вырабатывают и реализуют совместные согласованные с другими правоохранительными органами меры по выявлению, раскрытию, расследованию, пресечению и предупреждению преступлений, принимаю меры по устранению причин и условий, способствующих их решению.

Направления и формы координационной деятельности определены Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденным Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567.

Координация осуществляется в строгом соответствии с определенными принципами: законности, равенства всех участников деятельности при постановке вопросов, внесении предложений разработке рекомендаций и мероприятий, самостоятельности каждого правоохранительного органа. В пределах предоставленных ему действующим законодательством полномочий. Кроме того координационная деятельность осуществляется гласно. К числу других требований следует так же отнести непрерывность и постоянность, осуществление по наиболее важным направлениям борьбы с преступностью, с обеспечение конспирации при проведении совместных специальных операций. [1, л. 157].

В соответствии с федеральным централизованным построением прокуратуры Российской Федерации Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры осуществляют полномочия по координированию деятельности правоохранительных органов на федеральном, региональном и местном уровнях.

Организация координации, как и любого направления деятельности органов прокуратуры, предполагает систему действий, взаимосвязанных и взаимообусловленных между собой. Значимость таких действий достаточно высока, так как носит сугубо организационный характер.

Необходимыми условиями организации координации являются информационно-аналитическая работа, прогнозирование, планирование координационных мероприятий, осуществление контроля ведения делопроизводства и учета координационной деятельности.

В целях координации правоохранительные органы используют различные формы совместных действий.

Одной из организационных форм координации является проведение координационного совещания, в состав которого входят прокуроры и руководители соответствующих правоохранительных органов. Совещание созывается председателем по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал, а также по инициативе одного из членов координационного совещания.

На координационные совещания могут быть приглашены руководители федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их подразделений, органов местного самоуправления. Органов военного управления, общественных объединений научных и педагогических работников, представители средства массовой информации.

Анализ состояния дел по реализации прокурорами координационных полномочий свидетельствует, с одной стороны, о формировании определенной системы координационных отношений, начиная с местного и до федерального уровня; выработки в ряде регионов комплексного подхода по решению вопросов стратегии и тактики согласованных действий правоохранительных органов по борьбе с преступностью, основанного на глубоком изучении состояния преступности, ее структуры, динамики и тенденций развития; совершенствовании правоприменительной практики выявления, пресечения, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

С другой стороны, криминогенная ситуация показывает, что действия органов государственной власти, органов местного самоуправления, правоохранительной системы по борьбе с преступными проявлениями, в том числе и координационная деятельность, недостаточно эффективна. К числу причин этого, необходимо отнести отсутствие концепции основ государственной политики в области борьбы с преступностью, а также эффективной системы взаимодействий всех ветвей власти по предупреждению преступлений. Кроме этого, сказывается недостаточность правового регулирования, нечеткость круга участников координационных отношений.

Не имеет однозначного решения и вопрос о необходимости наделения полномочиями прокурора по постановке вопроса перед вышестоящими руководителями правоохранительных органов об ответственности членов координационного совещания за ненадлежащее исполнение обязанностей по выполнению решений координационных совещаний. [2, с.197].

В связи с этим правомерно принятие федерального закона в этой сфере деятельности, с указанием уровней, участников координационной деятельности, их обязанности и ответственности.

Для того, чтобы усилить влияние органов прокуратуры в координационной деятельности, необходимо применять новые формы координации.

В процессе координации прокурор наряду с координационными полномочиями в полной мере сохраняет за собой надзорные полномочия, задачей которых является осуществление надзора за законностью ведения борьбы с преступностью всеми участниками координационной деятельности.

Источники и литература

1. Актуальные проблемы прокурорской деятельности / [В.Г. Бессарабов и др.; под ред. О.С. Капинус; рук. авт. кол. Б.В. Коробейников]; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2016. С.157
1. 2.Зинуров Р.Н. Координационная деятельность российской прокуратуры: тенденции и закономерности.Уфа: Гилем. 2002.С.197.
2. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 969. С.172.
3. Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М., 1978. Т.5. С.144.
4. Судебная газета.1888. №31.
5. СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
6. Черкасов Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России. 60-80-е годы XIX в. М., 1987. С. 30.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОВ СУДЕБНЫМИ ПРИСТАВАМИ

Б.Б. Казак, И.В. Борисенко

Псков, Псковский государственный университет

Необходимость совершенствования работы органов прокуратуры по поддержанию должного состояния законности в деятельности судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов и важностью роли прокурорского надзора за исполнением законов этими должностными лицами является одной из значимых.

Вопрос о потребности в осуществлении прокурорского надзора за деятельностью судебных приставов возник с момента вступления в силу Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах», в пункте 4 ст. 19 которого закреплено, что «надзор за исполнением законов при осуществлении судебными приставами своих функций в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» осуществляют Генеральный прокурор Российской Федерации и подчинённые ему прокуроры» [1].

Выделение на законодательном уровне надзора за исполнением законов судебными приставами как самостоятельной отрасли (направления) прокурорского надзора произошло в связи с принятием Федерального закона 10.02.1999 № 31-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», которым п. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» был дополнен словами «надзор за исполнением законов судебными приставами» [2].

Деятельность судебных приставов по ОУПДС не менее значима по сравнению с деятельностью судебных приставов-исполнителей, так как она напрямую связана с соблюдением прав и свобод, обеспечением безопасности различных субъектов судопроизводства, нередко направлена на ограничение конституционных прав граждан.

В настоящее время основными направлениями прокурорского надзора за исполнением законов судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов являются:

- надзор за исполнением законов при обеспечении безопасности судов, судей, присяжных заседателей и иных участников судопроизводства;
- надзор за исполнением законов при осуществлении приводов граждан и должностных лиц в суд, к судебным приставам-исполнителям и дознавателям службы судебных приставов;
- надзор за исполнением законов при оказании содействия судебным приставам-исполнителям при проведении исполнительных действий;
- надзор за исполнением законов при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия;
- надзор за исполнением законов при обеспечении сохранности огнестрельного оружия и специальных средств;
- надзор за исполнением законов при реализации административно-юрисдикционных полномочий;
- надзор за исполнением законов при осуществлении принудительного выдворения за пределы Российской Федерации иностранцев и лиц без гражданства.

Повышенное внимание осуществлению прокурорского надзора за судебными приставами по ОУПДС обуславливается рядом факторов:

- судебные приставы по ОУПДС при выполнении своих обязанностей по осуществлению приводов, оказанию содействия судебным приставам-исполнителям и дознавателям непосредственно участвуют в применении мер процессуального и иного принуждения к гражданам и юридическим лицам, допуская при этом нарушения закона;
- судебные приставы по ОУПДС при осуществлении своих обязанностей систематически применяют физическую силу и специальные средства по отношению к гражданам, попадающим в сферу судебного и исполнительного производства;
- судебные приставы по ОУПДС в соответствии с Федеральным законом «О судебных приставах» и КоАП РФ обладают широкими административно-юрисдикционными полномочиями по отношению к гражданам, попадающим в сферу их деятельности;
- ненадлежащее исполнение или неисполнение судебными приставами по ОУПДС возложенных на них обязанностей препятствует реализации гражданами и иными лицами права на рассмотрение судами дел в разумные сроки, а также ставит под угрозу безопасность судей, лиц, участвующих в деле, в том числе и прокуроров, и иных субъектов, присутствующих в судебных заседаниях;
- в настоящее время численность судебных приставов по ОУПДС в Федеральной службе судебных приставов превышает 22 тыс. человек, на вооружении которых находится современное боевое оружие, что обуславливает необходимость проверок правомерности его приобретения, хранения, ношения и использования.

Кроме того, в процессе своей деятельности судебные приставы по ОУПДС нередко допускают нарушения закона, ограничивающие конституционные права граждан: на свободу и личную неприкосновенность, на неприкосновенность жилища, на свободу передвижения (соответственно ст. ст. 22, 25 и 27 Конституции РФ). Зачастую данные нарушения допускаются из-за несовершенства правового регулирования деятельности судебных приставов по ОУПДС, в силу отсутствия надлежащего ведомственного контроля, а также в результате умышленных противоправных действий отдельных приставов.

Грубые нарушения закона нередко допускаются в вопросах, касающихся правового статуса судебных приставов по ОУПДС и соблюдения требований и ограничений, предъявляемых к государственным гражданским служащим: приставы не проходят специальной обязательной подготовки, назначения на должность судебных приставов допускаются не на конкурсной основе, приставы не проходят обязательную государственную дактилоскопию, нарушают требования о предоставлении сведений о доходах.

Не меньшее количество нарушений допускается в органах ФССП России в вопросах, связанных с обеспечением безопасности судей, присяжных заседателей и других участников судопроизводства.

Типичные нарушения, которые допускаются должностными лицами ФССП России при осуществлении приводов можно сгруппировать следующим образом: 1) вынесение постановлений о приводе без достаточных оснований; 2) ненадлежащее оформление и учёт постановлений о приводе, а также результатов исполнения постановлений; 3) нарушения, допущенные непосредственно при осуществлении приводов.

В сфере исполнения законов об оружии имеются многочисленные нарушения, связанные с учётом, хранением и выдачей оружия и специальных средств: не проводятся обязательные сверки огнестрельного оружия и специальных средств; предоставляется право на ношение огнестрельного оружия лицам, не имеющим такого права; судебные приставы по ОУПДС допускаются к ношению специальных средств без специальной подготовки и без обязательных ежегодных медицинских осмотров.

Многочисленные случаи нарушения закона судебными приставами по ОУПДС в сфере административной юрисдикции. Это возбуждение дела об административном правонарушении при отсутствии события или состава административного проступка; заведомо незаконное привлечение лица к административной ответственности; порочная практика «палочной» системы отчётности с подачи руководства ФССП России и, как следствие, искажение отчётности.

Вопросы надзора за законностью деятельности судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов, как правило, остаются вне поля зрения надзирающих прокуроров всех уровней.

Одной из основных причин такого положения дел является отсутствие требований осуществлять надзор за исполнением законов судебными приставами по ОУПДС со стороны Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в то время как анализ реального состояния законности, показывает, что со стороны судебных приставов по ОУПДС систематически допускаются нарушения законов в различных сферах. Состояние надзора за исполнением законов судебными приставами по ОУПДС находится на низком уровне, так как надзор за их деятельностью осуществляется поверхностно либо не осуществляется вообще.

Отсутствие постоянно поступающей информации о нарушениях закона со стороны судебных приставов по ОУПДС существенно ослабляет такие важные стороны организации прокурорского надзора, как информационно-аналитическая работа и планирование работы в зависимости от состояния законности. зависимость реализации надзорных полномочий от наличия или отсутствия информации о нарушениях закона судебными приставами по ОУПДС не оправдана, так как правонарушения, допускаемые судебными приставами по ОУПДС, имеют высокую степень естественной и искусственной латентности.

Для решения данной проблемы необходимо взаимодействие органов прокуратуры с поднадзорными органами вообще и органами Федеральной службы судебных приставов, в частности. Данное взаимодействие органов прокуратуры с

ФССП России в сфере обеспечения установленного порядка деятельности судов может осуществляться в следующих формах:

- участие в заседаниях постоянно действующих рабочих групп, возглавляемых руководящими работниками структурных подразделений ФССП России, судов разного уровня и органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации для выявления и аналитической проработки проблемных вопросов, внесения по ним соответствующих предложений;

- получение от руководителей структурных подразделений ФССП России результатов сверок данных о работе судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов с данными арбитражных судов, органов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации;

- активное привлечение органов ФССП России к координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. При этом дано аргументированное обоснование того, что ФССП России относится к правоохранительным органам, а потому является полноправным участником координационной деятельности в борьбе с преступностью.

направления надзора за судебными приставами по ОУПДС напрямую зависят от многообразия задач, возложенных на данную категорию судебных приставов и их правового статуса.

Кроме этого эффективным и значительным шагом по совершенствованию надзора за исполнением законов судебными приставами, в том числе и судебными приставами по ОУПДС, было бы внесение в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» самостоятельной главы, определяющей предмет этой отрасли прокурорского надзора и полномочия прокурора в ней.

Существуют и иные пути, которые позволят совершенствовать прокурорский надзор в данной сфере деятельности, не дожидаясь внесения изменений в федеральный закон. Одним из таких путей является принятие соответствующего организационно-распорядительного документа Генерального прокурора Российской Федерации, которым могли бы быть определены ключевые задачи прокуроров при осуществлении надзора за исполнением законов судебными приставами по ОУПДС.

В целях выработки единообразного подхода к обеспечению безопасности судов, судей, присяжных заседателей и иных участников судебного процесса, необходимо законодательно предусмотреть издание Типовых правил поведения в суде, а также Правил проведения досмотра граждан в зданиях и помещениях судов, утверждение которых возложить либо на Правительство Российской Федерации, либо на Министерство юстиции Российской Федерации и Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации (совместный приказ).

Для более эффективного решения вопросов прокурорского надзора за законностью осуществления приводов граждан необходимо внесение изменений в п. 1 ст. 11 Закона «О судебных приставах» и в ч. 7 ст. 113 УПК РФ.

Источники и литература

1. О судебных приставах: федер. закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – ст. 3590.
2. О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 10.02.1999 № 31-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – №7, –ст. 878.

ПОДСЛЕДСТВЕННОСТЬ ДОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРАКТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

И.Н. Кондрат

Псков, Псковский государственный университет

Основополагающим признаком разграничения досудебного производства материально-правовой критерий, тяжесть наказания, законом за совершенное, а также критерий опасности и сложности в установлении обстоятельств их совершения.

По мнению В.И. Дьяченко, «применение той или иной формы досудебного производства ставиться в зависимость, прежде всего, от предусмотренной нормой уголовного закона строгости наказания, а затем уже принимается во внимание сложность установления обстоятельств преступления»¹.

С целью разгрузить следственный аппарат от расследования дел небольшой и средней тяжести, а вместе с тем не воспрепятствовать осуществлению нововведенных демократических принципов, регламентированных ч. 2 ст. 6, ст. 9, ст. 10 УПК РФ, законодатель взял за основу степень общественной опасности. Разграничивая компетенцию органов предварительного расследования, законодатель перевел некоторые составы преступлений из категории тяжких в категорию преступлений средней тяжести.

Формально в п. 3 ч. 1 ст. 150 и ч. 3 ст. 151 УПК РФ определен исчерпывающий перечень преступлений, расследуемых в той или иной форме, позволяющий безошибочно определить четкие границы подследственности и отнести одни виды преступлений к компетенции органов предварительного следствия, а другие – к органам дознания. Однако, как показывает практика, условия реализации указанных статей не достаточно сбалансированы. Вопросы разграничения подследственности являются сложными, их решение зависит от многих факторов, в том числе и от умения анализировать и правильно применять отечественный опыт прошлых лет.

О несовершенстве ст. 126 УПК РСФСР, в соответствии, с которой устанавливалась подследственность уголовных дел между органами предварительного следствия и дознания, учеными-процессуалистами было написано немало работ².

Аналогичный вопрос поднимали ученые и практики: о несовершенстве ч. 2 и ч. 3 ст. 223 теперь уже в УПК РФ, которые, казалось бы, прямого отношения к подследственности не имели, но положения названных статей, непосредственным образом, оказывали влияние на реализацию условий ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Как указано выше, проблемы, связанные с применением ч. 2 и ч. 3 ст. 223 УПК РФ, остались в прошлом.

В 2015 году несовершеннолетними и при их соучастии совершено 59,2 тыс. уголовно наказуемых деяний (-11,9%; Крымский федеральный округ: 309). Уменьшение количества правонарушений, совершенных подростками, зафиксировано на территории всех федеральных округов, а также в 70 субъектах страны. Вместе с тем отмечено увеличение до 23,3% доли тяжких и особо тяжких составов в общем массиве подростковой преступности (2013 год – 21,8%)³.

¹ Дьяченко В.И. О дальнейшей дифференциации формы досудебного производства // Формы досудебного производства и их совершенствование. Волгоград, 1989. С. 16-17.

² Сергеев А.Б. Проблемы процессуальной деятельности органов дознания. Екатеринбург, 1999. С. 23; Павлов Н.Е. Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон (соотношение и проблемы применения). М., 1999. С. 48-54; Соловьев Н.Г. Реформа следственного аппарата: от перераспределения подследственности до модернизации УК // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 2-5.

³ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2015 г. // <https://мвд.рф> (дата обращения: 20.11.2016).

Международно-правовые документы предусматривают необходимость обеспечить профессиональную компетентность лиц, осуществляющих производство по делам несовершеннолетних, путем их обучения и повышения квалификации по вопросам права, педагогики, криминологии, наук о поведении¹.

Для выяснения условий жизни и воспитания несовершеннолетнего необходимо собрать сведения относительно:

- родителей (заменяющих их лиц) – образования, профессии, места работы; моральных качеств; отношения друг к другу и детям; выполнения обязанностей по их воспитанию отношения детей к родителям;

- материально-бытовых условий семьи, наличия у несовершеннолетнего имущества, заработка и его размера (эти обстоятельства существенны и при разрешении гражданского иска); учебы (работы) несовершеннолетнего – где учится; если работает, то в качестве кого; успеваемость, отношение к работе или учебе; поведения – отношение к старшим, к товарищам, участие в жизни коллектива; внимания образовательного учреждения к его воспитанию, поддержанию связей с семьей и т.д.; связей, время препровождения и круга интересов несовершеннолетнего; участия в различных формах организованного досуга, поведения дома и в бытовом окружении.

Выясняется, не имели ли место до совершения преступления иные правонарушения несовершеннолетнего. Если имеются данные, подтверждающие это, то какие меры применялись, и почему они не привели к желаемому результату.

В УПК РСФСР статьей 392 детализировались отдельные положения статьи 68. Так, Пленум Верховного Суда РФ обратил внимание судов на обязательность полного, всестороннего и объективного выяснения данных о личности обвиняемого, условиях его жизни и воспитания, мотивах преступления (в надзорной судебной практике в этой же связи особо выделяется вопрос о наличии или отсутствии «детской мотивации»), причинах и условиях, способствовавших его совершению, в том числе о действиях взрослых, вовлекавших подростков в совершение преступлений, либо создававших условия для этого. Верховный Суд РФ признал обязательным при рассмотрении в кассационном и надзорном порядке жалоб и протестов по делам несовершеннолетних оценивать соблюдение при собирании и проверке доказательств на предшествующих стадиях судопроизводства всей совокупности прав и гарантий, установленных для защиты законных интересов несовершеннолетних.

Такие результаты стали возможны скорее в силу государственной политики, направленной на повышение социальных мер в отношении несовершеннолетних, но не уголовно-процессуальной деятельности.

Направленные прокурору материалы для утверждения постановления о возбуждении уголовного дела последним, как правило, передаются по подследственности следователю для проведения предварительного следствия и в дознание уже не возвращаются. Это связано с тем, что несовершеннолетние в редких случаях совершают преступления в одиночку, чаще всего они совершаются групповым способом. Данные обстоятельства могут быть установлены уже в ходе расследования, в связи с этим уголовные дела подпадают под квалифицированные составы, отнесенные УПК РФ по подследственности к производству предварительного следствия. Таким образом, прокурор принимает ре-

¹ Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Ст. 22.

шение о передаче дела следователю уже на начальных стадиях расследования.

Такая практика объективна, очевидные сложности расследования преступлений с участием несовершеннолетних должны были учитываться законодателем при разграничении подследственности на этапе законотворчества, но этого сделано не было, поэтому трудности расследования данной категории уголовных дел были созданы уже тогда.

По результатам опроса следователей, дознавателей и прокуроров, осуществляющих процессуальную деятельность, передача дел данной категории по подследственности в органы предварительного следствия на сегодняшний день скорее является нормой, так как в основном квалифицируется группой лиц. Однако вряд ли это является решением проблемы в целом.

Систематическая передача уголовных дел одной и той же категории из одного органа в другой уже должна заставить законодателя задуматься о нецелесообразности сохранения за органами дознания полномочий по расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними либо с их участием.

Результаты проведенного опроса сотрудников дознания и следствия по вопросу об определении подследственности преступлений, совершенных несовершеннолетними либо с их участием, показали, что свыше 80 % опрошенных считают, что расследование преступлений данной категории должно проводиться в форме предварительного следствия, из них 18,5 % допускают расследование в форме дознания.

Этим еще раз подтверждается, что следует обратиться к опыту развития советского уголовного судопроизводства. Как указано выше, дела данной категории обладают определенными сложностями и требуют более квалифицированного производства расследования со стороны правоохранительных структур.

С.И. Гирько справедливо отметил, что «дискуссия, ведущаяся вокруг этой проблемы, постоянно переводится в область распределения нагрузки между следственным аппаратом и специализированными подразделениями дознания, входящими в систему органов внутренних дел. Споры здесь не окончены, но в их основу положены не правовые критерии, а ресурсные. И следователи, и дознаватели работают в условиях избыточных нагрузок. Передача группы преступлений от одних органов к другим неизбежно повлечет за собой усиление таковых»¹.

Исходя из того, что нагрузка на дознавателя сегодня вдвое превышает нормативную, необходимо решать эти проблемы комплексно: не только передавать отдельные преступления от одних органов к другим, но и научно разрабатывать современные способы и методы раскрытия преступлений небольшой и средней тяжести; способствовать наращиванию ресурсного потенциала органов дознания; усиливать меры тактического воздействия государства в направлении надлежащей реализации уголовно- процессуальных норм.

Источники и литература

1. Дьяченко В.И. О дальнейшей дифференциации формы досудебного производства // *Формы досудебного производства и их совершенствование*. Волгоград, 1989. С. 16-17.
2. Сергеев А.Б. Проблемы процессуальной деятельности органов дознания. Екатеринбург, 1999. С. 23; Павлов Н.Е. Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон (соотношение и проблемы применения). М., 1999. С. 48-54; Соловьев Н.Г.

¹Гирько С.И. О научных подходах к проблеме дальнейшего развития дознания в органах внутренних дел // *Материалы Всероссийского совещания-семинара руководителей подразделений дознания органов внутренних дел Российской Федерации*. Москва, 25-28 октября 2010 года. С. 35-36.

- Реформа следственного аппарата: от перераспределения подследственности до модернизации УК // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 2-5.
3. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2015 г. // <https://мвдрф> (дата обращения: 20.11.2016).
 4. ¹ Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Ст. 22.
 5. Гирько С.И. О научных подходах к проблеме дальнейшего развития дознания в органах внутренних дел // Материалы Всероссийского совещания-семинара руководителей подразделений дознания органов внутренних дел Российской Федерации. Москва, 25-28 октября 2010 года. С. 35-36.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ТЕРРОРИЗМУ

М.А. Громов

Псков, Псковский государственный университет

Терроризм представляет угрозу международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, сохранению территориальной целостности государств, их политической, экономической и социальной стабильности, а также осуществлению основных прав и свобод человека и гражданина, включая право на жизнь [2].

Религиозный терроризм – одно из наиболее ранних в человеческой истории направлений терроризма, которое уже на протяжении весьма длительного времени используется в противоборстве различных по характеру и организации социально-политических сил, в том числе религиозно-фанатических группировок разного масштаба и направленности организаций, политических и этнических элит, общественно-политических объединений, отдельных государств. Речь идет о государствах, главной религией в которых является Ислам.

Религиозные террористы используют насилие в целях, которые, по их мнению, определены Господом – Аллахом. При этом объекты их нападений размыты и географически, и этнически, и социально. Таким образом, они хотят добиться немедленных и кардинальных перемен, часто на глобальном уровне. Поскольку «религиозники» не озабочены восстановлением прав на какой-то определенной территории или реализацией каких-либо политических принципов, масштаб их нападений часто гораздо больше, чем у «националистов» или идеологических экстремистов. Их враги – все, кто не является членом их религиозной секты или конфессии [3].

Аллах говорит в Коране: «Не убивайте душу, которую Аллах запретил убивать, если только у вас нет на это права. Это заповедал вам Аллах, – быть может, вы уразумаете» [4].

В этом аяте, слово душа, не означает лишь душу мусульманина, говорится о всякой душе, не зависимо к какой конфессии она себя относит. Аллах запрещает убийство как таковое, не делая исключений для верующих или неверующих в Него.

В следующем аяте мы читаем: «По этой причине Мы предписали сынам Исраила (Израиля): кто убьет человека не за убийство или распространение нечестия на земле (фасад фил арз), тот словно убил всех людей, а кто сохранит жизнь человеку, тот словно сохранит жизнь всем людям. Наши посланники уже явились к ним с ясными знаме-

ниями, но многие из них после этого преступили границы дозволенного на земле» [5].

Как видно из аята, Коран разрешает убийство двух категорий людей:

1. Тех, кто совершает убийства.

2. И тех, кто творит нечестие на земле – фасад филарз. Под нечестием следует понимать перечень преступлений, попадающих в разряд «особо тяжких».

Кроме этих двух случаев убивать человека по закону шариата строго запрещается. Поэтому утверждения некоторых террористических групп, что их якобы «священная цель» оправдывает их преступные средства, опровергаются Кораном и очевидно противоречат логике исламского права.

Современным примером такой организации является Исламское Государство Ирака и Леванта (ИГИЛ, ДАИШ). Возникла в 2003 году в Ираке как террористическая группировка «Аль-Каида в Ираке» (основатель Ахмед ФадильХалейла). В октябре 2006 года, после слияния с другими радикальными исламистскими группировками, была провозглашена как «Исламское государство Ирак».

В начале февраля 2014 года главное командование «Аль-Каиды» сообщило, что отказывает в поддержке «Исламскому государству Ирака и Леванта».

В 2015 году ИГИЛ совершал террористические действия как самостоятельное государство.

Боевики ИГ совершают на территории Ирака следующие преступления: массовые казни, этнические чистки, использование несовершеннолетних в боевых действиях, принудительное обращение в ислам. Также боевики ИГ склоняют девочек и женщин иноверцев к занятию проституцией, разрушают исторические памятники и религиозные святыни, совершают нападения на объекты инфраструктуры [6].

Действия организации также затронули Россию, что привело к активной борьбе с ИГИЛ.

К таким печально-известным примерам относятся:

31 октября 2015 г. Катастрофа А321 над Синайским полуостровом. В результате взрыва заложенной в самолёт бомбы потерпел крушение Airbus A320. Все 217 пассажиров и 7 членов экипажа погибли. Ответственность за теракт взяло на себя руководство «ИГИЛ».

29 декабря 2015 г. Обстрел Дербентской крепости. В результате обстрела туристов из автоматического оружия группой террористов погиб один человек и ещё 11 получили ранения. Ответственность за теракт взяло на себя руководство «ИГИЛ» [6].

В международных документах указывается, что терроризм ни при каких обстоятельствах не может быть оправдан соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного характера, а лица, виновные в совершении актов терроризма и других предусмотренных указанными конвенциями преступлений, должны привлекаться к ответственности в соответствии с законом и им следует назначать наказание с учетом тяжести совершенных преступлений [2].

Правовое обеспечение антитеррористической деятельности является важнейшей предпосылкой успешного противодействия как внутригосударственному, так и международному терроризму.

Основным российским нормативным актом в этой области является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму», ко-

торый устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом.

Главными принципами борьбы с терроризмом признаются: обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; законность; приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности; неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности; системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму; сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму; приоритет мер предупреждения терроризма и другие [1].

Существенным условием, которое могло бы препятствовать росту терроризма и способствовать более успешной борьбе с ним – это проведение национальной политики, в соответствии с международными стандартами и с учетом особенностей каждой религии.

Источники и литература

1. Федеральный закон от 6 марта 2006г. N35-ФЗ «О противодействии терроризму».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. N 1 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности".
3. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России: Курс лекций. В 3-х ч. СПб: БГТУ, 2004.
4. Священный Коран Саура 6 (Скот) – Аят: 151.
5. Священный Коран Саура 5 (Трапеза) – Аят: 32.
6. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Исламское_государство (дата обращения: 20.03.2016).

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В ГОСУДАРСТВЕ ИНКВИЗИЦИОННОГО ПРОЦЕССА

П.В. Дихтиевский

Псков, Псковский государственный университет

Средневековая христианская Церковь воплощала концепцию неделимости светской собственности под владычеством Римского Епископа. Основопологающим положением директивной роли Церкви в судьбе европейских народов многие столетия являлось каноническое право. «Каноническое право содержало не только совокупность религиозно-правовых предписаний, регулирующих отношения внутри церковной организации, но и регламентировало отношения между церковью и светскими лицами в феодальном государстве и даже в семье» [4]. Канонический судебный процесс имел чёткий порядок, гарантировавший правовую защищенность духовных лиц. Инквизиция – общее название ряда учреждений

Римско-католической церкви, предназначенных для борьбы с инакомыслием. Самым опасным преступлением являлась ересь – религиозные учения, отличавшиеся от общепринятых. До учреждения инквизиции духовные суды находились в ведении епископов [3]. Однако их деятельность была единоличной, носила непостоянный характер. Они дожидались обвинения кого-то в ереси. После катарского крестового похода (1209–1229 гг.) найти причастных к ереси было очень трудно. Для этого церкви нужны были специальные люди.

У историков есть мнение, что Инквизиция возникла 20 апреля 1233 г., когда папа Григорий IX подписал две буллы. Первая – обращение к епископам, с «просьбой» передать преследование ереси ордену Святого Доминика, но из «уважения и любви к Святому Престолу» содействовать в выполнении данной задачи. Вторая – обращение к провинциальным «приорам и братьям ордена проповедников, инквизиторам» с прямым предписанием начать поиск, наказанию еретиков «призывая на помощь светскую власть, если в этом встретится надобность» [3].

Особым являлся инквизиционный судебный процесс. Главным был папа римский, ему подчинялись все остальные. Инквизитор рассматривался как духовник. Чаще всего розыск и являлся первой ступенью начала инквизиционного процесса. Процесс включал несколько стадий: розыск, арест, допрос, следствие, приговор, исполнение приговора – наказание.

Розыск являлся объездом подведомственных территорий. Объявлялся «срок милосердия» (от 15 до 30 дней), во время которого каждый еретик мог признаться, получить снисхождение. После этого срока начинался сам розыск. Учитывались слухи, выдвигались требования указать на подозрительных. Инквизиция делила доносчиков на две категории: на тех, кто выдвигал конкретные обвинения в ереси, и тех, кто указывал на подозреваемых в ереси. Доносчиками, как и обвиняемыми, могли стать юноши с 14 лет и девушки с 12 лет, принимались показания и малолетних детей, которые могли быть обвиненными в ереси. К ответственности могли привлечь беременную женщину, глубокую старуху, подвергнуть их пыткам, так же, как и детей [1]. Еретик, признавшийся в своих деяниях, должен был выдать своих сподвижников. Людей, которых подозревали, тайно обязывали явиться в суд.

Следующая стадия – допрос и следствие, где начиналось применение пыток (физических и психологических), шантажа [2]. Допрос начинался с присяги обвиняемого, дающего обязательство повиноваться церкви и правдиво отвечать на вопросы инквизиторов, выдать все, что знает о еретиках и ереси, и выполнить любое наложенное на него наказание [1]. Цель допроса – признание, выдача единомышленников. Инквизитор тщательно готовился к допросу арестованного, предварительно знакомился с его биографией, выискивая в ней места, за которые можно «зацепиться» [1]. Ошибочно считать, что главная задача инквизитора – оправка еретика на костер. Инквизитор стремился вырвать у еретика раскаяние, отречение от еретических верований, заставить примириться с церковью. Основание следствия – донос или показания подследственного, выдвинутые против третьего лица. Церковь рассматривала каждого верующего как потенциального еретика. Имена доносчиков и свидетелей держались в тайне не только от квалификаторов, но и от подсудимых и их защитников, если таковые имелись [1]. Единственная причина для отвода свидетеля – личная вражда. Инквизиторы могли держать обвиняемого в тюрьме до вынесения приговора и год, и два, и десять лет, и всю его жизнь. Арестованный оплачивал пребывание в тюрьме из своих средств,

секвестр на которые накладывался инквизицией при его аресте[1]. Если инквизиторы считали, что уговорами, угрозами, хитростью сломить обвиняемого не удастся, прибегали к насилию, к пыткам. Считалось, что обвиняемого можно пытаться до тех пор, пока не получат нужные показания. Обвиняемого запугивали – знакомили с инструментами пытки. Инструменты в камере пыток: дыба, кобыла, плети. Применялась пытка водой, жаждой, голодом. После пытки врач залечивал раны – возводить еретика на костер надлежало невредимым[1].

Приговоры инквизиции отличались суровостью и жестокостью. Наказания: епитимья – от «легкой» до «унизительной», тюремное заключение, обычное или строгое, приговор к галерам, отлучение от церкви и передача осужденного светским властям для сожжения. Виды наказаний сопровождалось бичеванием осужденных и конфискацией их имущества. В XIII в. было популярно наказанием принудительным участием в крестовых походах. В числе «показательных» наказаний – публичное бичевание. Осужденного, обнаженного по пояс, бичевал священник при народе в церкви во время богослужения; его бичевали во время религиозных процессий; раз в месяц он должен был ходить после обедни полуобнаженным в дома, где встречался с еретиками, и получать там удары розгой. Следующим наказанием – тюрьма. Тюремное заключение было трех видов: каторжная тюрьма (содержание в одиночной камере в ручных и ножных кандалах); строгое тюремное заключение (содержание в одиночной камере в ножных кандалах, иногда прикованным к стене); простое тюремное заключение (содержание в общих камерах без кандалов). Во всех случаях заключенные получали в качестве еды только хлеб и воду, постель – охапка соломы. Костру предшествовало аутодафе, устраиваемое на празднично убранной центральной площади города, где в присутствии церковных и светских властей и народа совершалось торжественное богослужение, а затем оглашался приговор инквизиции осужденным вероотступникам. Аутодафе устраивалось несколько раз в год, и на нем иногда подвергались экзекуции десятки жертв инквизиции. Если осужденный на костер умирал до казни, то сжигали его труп. Сожжению подвергались и останки тех, кто был посмертно осужден. Костер использовался инквизицией и для другой цели – уничтожения сочинений вероотступников, иноверцев и неугодных церкви писателей.

Подводя итоги можно сказать, что инквизиция была страшным оружием церкви. Она породила страх отступить от учений Церкви. Важно не повторить чудовищных ошибок предков и оценить по достоинству уже имеющийся прогресс в деле построения правового государства и общества.

Источники и литература

1. Григулевич И. Р. Инквизиция. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1985. – 448 с.
2. Данилов В.А. Заметки о средневековой инквизиции / священник В.А.Данилов. Сайт Российского Гуманитарного Университета. URL: www.i-u.ru/biblio/ (дата обращения: 19.03.2016).
3. Ли Г.Ч. История инквизиции в Средние века / Пер. с франц. А.В. Башкирова. – Смоленск: Русич, 2002. – 640 с.
4. Осокин Н.А. История средних веков / Н.А. Осокин. – Минск: Харвест, 2003. – 672 с.

РАСШИРЕНИЕ НАТО НА ВОСТОК: ПОЗИЦИЯ БЕЛАРУСИ¹

А.П. Косов

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

С.В. Старкин

Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Как известно, окончание «холодной войны» не привело к самороспуску НАТО – одного из основных военно-политических инструментов Запада времен советско-американского противостояния. Более того в постбиполярный период произошло расширение альянса за счет бывших участников канувшей в Лету ОВД и в настоящее время его численность насчитывает 28 членов. Тем самым, имевшие место, в том числе и в Беларуси, прогнозы относительно кризиса альянса в связи с исчезновением угрозы с востока Европы, что объясняло рациональный смысл его существования, не оправдались [9, с. 8].

Крайне отрицательно расширение НАТО на восток было воспринято подавляющим большинством представителей политико-академического сообщества и общественности Российской Федерации. Подобное восприятие действий Запада оказалось характерным и для Беларуси. Правда, в первой половине 1990-х гг. отношения Минска с Североатлантическим альянсом в целом развивались нормально. Часть тогдашнего белорусского руководства стремилась сделать республику нейтральным государством в Европе, но реально оценивала роль НАТО в системе международной безопасности. Поэтому в 1992 г. Беларусь была принята в Совет Североатлантического сотрудничества, а также стала ассоциированным членом Североатлантической ассамблеи. Впоследствии республика приняла участие в реализации программы НАТО «Партнерство ради мира», которая являлась одним из наиболее важных механизмов взаимодействия не только с данным блоком, но и с отдельными государствами, входящими в него. В январе 1995 г. Беларусь подписала рамочный документ этой программы, а в июле 1997 г. Совет НАТО одобрил программу партнерства для Республики Беларусь, которая предусматривала сотрудничество страны с альянсом по 17 направлениям. В апреле 1998 г. было открыто постоянное представительство Беларуси при НАТО [14, с. 144].

Однако во второй половине 1990-х гг. отношения Беларуси с Западом существенно ухудшились. Официальный Минск был крайне недоволен вмешательством во внутренние дела страны. Западное давление на белорусское руководство способствовало сближению официального Минска с Москвой, критикующей планы НАТО по расширению на восток, и развитию российско-белорусского военно-политического сотрудничества [см.: 7]. Тем самым власти Беларуси солидаризировались с Кремлем в оценках данной проблемы. Так, на протяжении второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. довольно часто из уст белорусского руководства и в государственных СМИ звучали заявления о том, что расширение Североатлантического альянса на восток – это угроза для безопасности страны. Процесс расширения НАТО рассматривался ими как настоящая угроза региональной безопасности [5, с. 2]. Были и иные причины

¹Исследование выполнено в рамках ГПНИ 1.1.04 «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А. А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В. В. Данилович) по заданию «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – к.и.н., доц. А. П. Косов)

критически воспринимать действия Североатлантического альянса. Как справедливо отмечал известный белорусский международник А. Шарапо, настороженное и неоднозначное отношение руководства и населения республики к НАТО объясняется стереотипами периода «холодной войны» в умах многих о том, что Североатлантический альянс – это военный агрессивный блок [15, с. 12].

Официальная позиция Беларуси относительно планов НАТО по расширению была предельно ясно озвучена рядом высших должностных лиц республики. Так, 20 мая 1997 г. на брифинге для дипломатического корпуса, аккредитованного в Минске, министр иностранных дел И. Антонович отметил, что «Минск считает ошибочным продвижением НАТО на восток» [14, с. 156]. Госсекретарь Совета безопасности Республики Беларусь В. Шейман на заседании Совета евроатлантического партнерства в Мадриде 9 июля 1997 г. также подчеркнул, что «решение о расширении НАТО на Восток является ошибочным», поскольку механическое расширение военных союзов не решит проблем взаимной безопасности и потому является контрпродуктивным [13, с. 41–42]. Белорусскую позицию в отношении планов и действий НАТО в конце XX в. характеризовало и высказывание Президента страны А. Лукашенко о том, что несмотря на то, «что НАТО является одной из ключевых организаций в Европе, Беларусь тем не менее считает ошибочной концепцию «натоцентризма», в частности, такое ее проявление, как расширение Североатлантического альянса» [1, с. 3].

Несмотря на несогласие Беларуси и России с расширением НАТО, этот процесс в конце XX – начале XXI в. довольно успешно развивался. В течении нескольких лет в альянс вступили 12 новых государств – Венгрия, Польша, Чехия, Латвия, Литва, Эстония, Болгария, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия и Албания. В сложившейся ситуации, не имея возможностей воспрепятствовать расширению НАТО, официальный Минск тем не менее высказал свое мнение о том, что «расширение НАТО должно сопровождаться ее внутренней трансформацией с военно-политической в политико-военную сторону и более широким вовлечением в диалог с альянсом тех стран, чьи интересы в наибольшей степени затрагиваются его расширением» [13, с. 44].

В целом, Беларусь оказалась в авангарде на линии противостояния с НАТО на постсоветском пространстве, поскольку многие в руководстве страны по-прежнему рассматривали Североатлантический альянс в качестве основного потенциального противника. Это нашло свое отражение и в ряде основополагающих документов того времени, в которых учитывался фактор расширения альянса на восток и его агрессивные действия против Югославии в 1999 г. Так, в принятой в 2001 г. Концепции национальной безопасности Республики Беларусь обращалось внимание на то, что «в силу независимой внешней и внутренней политики Республика Беларусь является объектом необоснованного политического и иного давления со стороны США и других государств-членов НАТО» [6]. Далее в разделе «Безопасность Республики Беларусь в военной сфере» вновь подчеркивались агрессивные замыслы НАТО. «Расширение НАТО на Восток, провозглашение Североатлантическим альянсом новой стратегической концепции, предусматривающей применение военной силы без санкции ООН и ОБСЕ, создание европейских сил быстрого развертывания, формирование сопредельными государствами группировок войск в непосредственной близости от Государственной границы, а

также увеличение этими странами расходов на военные нужды существенно осложняют военно-политическое положение Республики Беларусь» [6]. Правда, в еще одном документе – Военной доктрине Республики Беларусь, – принятом в новой редакции в том же 2001 г., было указано, что республика «исходит из того, что ни одно из государств в настоящее время не является для нее потенциальным противником» [3]. Тем не менее для многих расширение НАТО на восток ассоциировалось с потенциальной угрозой для страны. Принципиальная позиция Республики Беларусь не изменилась и в дальнейшем. По мнению белорусского МИДа, объективной необходимости для дальнейшего расширения организации нет [4, с. 13]. Правда, при этом обращалось внимание на то, что в качестве одного из приоритетов по-прежнему является сотрудничество с НАТО и участие в Совете Евроатлантического партнерства «в целях построения новой архитектуры европейской безопасности, учитывающей национальные интересы Республики Беларусь» [11, с. 77–78]. Таким образом, просматривалась некая двойственная позиция, которая в основном объяснялась ограниченными возможностями влияния белорусского руководства на не желаемые для Минска действия Североатлантического альянса. Во многом по этой причине, называя НАТО своим противником, Беларусь уже много лет участвует в натовской программе «Партнерство ради мира». К тому же, в отличие от властей страны белорусская общественность отнеслась к действиям НАТО более сдержанно и в своем большинстве не выказала в отличие от россиян особых признаков обеспокоенности и тревоги соседством с этой структурой после уже состоявшегося расширения альянса на восток за счет стран, имеющих общие границы с республикой [8, с. 195].

Таким образом, можно отметить, что расширение НАТО на восток не устраивало официальный Минск. Однако, не имея возможностей воспрепятствовать этому процессу, руководство республики было вынуждено принять этот факт как данность и попытаться подстроиться под новые реалии европейской безопасности путем ограниченного сотрудничества с НАТО. В этом плане характерным являются заявления высших должностных лиц Беларуси относительно взаимодействия республики с Североатлантическим альянсом. Так, в марте 2011 г. министр иностранных дел Беларуси С. Мартынов отметил, что республика открыта к плодотворному взаимодействию и взаимовыгодному партнерству с НАТО «в области охраны границ, обеспечения транзита, борьбы с нелегальной миграцией, контрабандой оружия и ядерных, химических и биологических материалов», что является важным шагом «на пути достижения стратегической цели – предотвращения создания новых разделительных линий в Европе и дальнейшей интеграции Республики Беларусь в общеевропейскую структуру безопасности» [10, с. 15]. Его преемник в МИДе – В. Макей также указал на стремление Минска к конструктивному сотрудничеству с НАТО в целом и с отдельными членами данной организации в качестве важного элемента обеспечения национальной, региональной и общеевропейской безопасности [2]. Ну, и наконец, в феврале 2015 г. Президент Беларуси А. Лукашенко заявил о том, что «будучи суверенным государством, мы открыты в том числе к конструктивному диалогу с НАТО на принципах паритета и прозрачности. У нас есть много общих вопросов, совместная работа над которыми в полной мере отвечает интересам Беларуси» [12]. Видим, что Беларусь, не принимая многие действия альянса в мире, вынуждена сотрудничать с ним,

отстаивая свои национальные интересы, в целях обеспечения международной безопасности в Европе в условиях современных вызовов и угроз.

Источники и литература

1. В Беларуси имеются все предпосылки, чтобы обеспечить подъем благосостояния народа и гармоничное развитие нации // Советская Белоруссия. – 1998. – 18 апр. – С. 1–4.
2. Взаимодействие Беларуси с НАТО, тезисы выступления В. В. Макея (Министерство иностранных дел Республики Беларусь) [Электронный ресурс] // Центр изучения внешней политики и безопасности. – 15.01.2012. – Режим доступа: <http://ru.forsecurity.org/vzaimodeystvie-belarusi-s-nato-tezisy-vystupleniya-v-makeya-ministerstvo-inostrannyh-del-respubliki>. – Дата доступа: 15.01.2017.
3. Военная доктрина Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Военно-политическое обозрение. – 03.01.2012. – Режим доступа: <http://www.belvro.com/en/8730.html>. – Дата доступа: 25.12.2015.
4. Вонсяк, О. М. Вопросы сотрудничества Беларуси и НАТО / О. М. Вонсяк // НАТО: вызовы настоящего и будущего : материалы междунар. семинара, Минска, 10 дек. 2009 г. / редкол.: А. В. Русакович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Тесей, 2010. – С. 12–13.
5. Денисенко, Е. На рейде Паланги боевые катера / Е. Денисенко // Советская Белоруссия. – 1998. – 4 авг. – С. 2.
6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Naviny. Информационный портал Республики Беларусь. – 17.07.2001. – Режим доступа: <http://naviny.org/2001/07/17/by56040.htm>. – Дата доступа: 25.12.2015.
7. Косов, А. П. Геополитическая составляющая интеграционной политики Российской Федерации в отношении Республики Беларусь / А. П. Косов // Интеграційныя працэсы ў гісторыі краін усходняй Еўропы: Матэр. Міжнар. навук. канф., Мінск, 19–20 ліст. 2008 г. / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), М. К. Кошалеў і інш. – Мінск, 2008. – С. 197–204.
8. Лысюк, А. Евроатлантические перспективы Беларуси, России и Украины / А. Лысюк // Беларусь и «большая Европа» в поисках геополитического самоопределения / под ред. О. Манаева. – Новосибирск : Водолей, 2007. – С. 191–208.
9. Мартынов, С. Н. Беларусь – НАТО: взаимные интересы и безопасность / С. Н. Мартынов // Беларусь в мире. – 1997. – № 3. – С. 5–8.
10. Мартынов, С. Н. Реализация национальных интересов. Международные аспекты обеспечения политической безопасности Республики Беларусь / С. Н. Мартынов // Беларуская думка. – 2011. – № 3. – С. 11–15.
11. Никитина, Ю. Внешнеполитические ориентиры Белоруссии в сфере безопасности: между НАТО и ОДКБ / Ю. Никитина // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 6. – С. 77–80.
12. Посещение Министерства обороны [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 19.02.2015. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poseschenie-ministerstva-oborony-10867/. – Дата доступа: 17.02.2016.
13. Розанов, А. А. Республика Беларусь: внешнеполитические ориентации / А. А. Розанов // Белоруссия на перепутье: в поисках международной идентичности / под ред. Р. Легволда. – М. : Моск. Центр Карнеги, 1998. – С. 33–60.
14. Улахович, В. Е. Формирование основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2005 гг.) / В. Е. Улахович. – Минск : Харвест, 2009. – 352 с.
15. Шарапо, А. В. Место Беларуси в современном мире / А. В. Шарапо // Беларусь в современном мире : материалы I Республиканской научной конференции, 22–23 октября 2002 г. / редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. – Минск : БГУ, 2003. – С. 3–18.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

С.М. Воробьев

Псков, Псковский государственный университет

Данная статья посвящена проблеме определения политической системы общества. В ней поднимается несколько вопросов: прежде всего, вопрос, что такое политическая система, что представляют собой её элементы и как она функционирует, а также, в чём выражается её главная особенность и почему понимание политической системы общества так различно в науке и самом обществе.

Политическая система общества представляет собой самостоятельную сферу жизни общества, которая связана с осуществлением политической власти, в том числе государственной, с деятельностью специальных государственных органов управления и принуждения.

Политическая система включает в себя политические отношения, политические процессы, политические институты, политические нормы и т. д.

При этом под системой принято понимать множество элементов, определенным образом упорядоченных и взаимосвязанных, образующих некоторое целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и функциональной автономностью.

Что касается понятия «политическая система», то в отечественной и зарубежной литературе существует множество его определений. Чаще всего указывают на интегрирующую роль этой системы, т. е. она обеспечивает объединение всех элементов общества в единый централизованный, управляемый политической властью организм (проф. Ф.М. Бурлацкий, проф. Ю.А. Тихомиров).

Политическую систему также можно определить как совокупность государственных и негосударственных институтов, посредством которых осуществляется политическая власть и управление обществом.

Можно утверждать, что люди формируют политическую систему, участвуют в ее деятельности, оказывают воздействие на характер, тип и её свойства. Важно также отметить, что вся политическая деятельность в государстве и обществе осуществляется через людей и для людей.

Как и говорилось ранее, в науке, пока что, не выработано строгого и точного определения политической системы общества.

Так, например, существует определение, что «Политическая система – это совокупность взаимодействующих между собой норм, идей и основанных на них политических институтов, и действий, организующих политическую власть, взаимосвязь граждан и государства» [3, с.98].

А.И. Коваленко же формулирует определение политической системы общества уже немного по-другому: «Политическая система – это совокупная связь волевых общественных отношений, представленных в органах государства, общественных организациях, с которыми связано осуществление государственной власти» [4, с. 51].

Точно также Горбатов Н.А. и Кучинский В.А. дают своё определение политической системе общества: «Политическая система общества – это единство взаимодействующих между собой органов государства, общественных объединений и институтов непосредственной демократии, через которые народ участвует в

управлении делами общества и государства.»[5, с. 22]. Как видно из вышеприведённых высказываний, все определения политической системы общества отличаются друг от друга. Создаётся впечатление, что каждый автор понимает его по-своему, но при этом, в большинстве определений различных авторов, можно заметить некое общее зерно, как например то, что политическая система общества представляет собой очень тесную связь граждан и государства.

В юридической литературе принято выделять следующие компоненты, или подсистемы, политической системы:

а) институциональную подсистему, т. е. из каких институтов она состоит. Иногда эту подсистему называют организационной;

б) регулятивную, или нормативную;

в) функциональную;

г) коммуникативную.

Иногда к компонентам политической системы относят политическую идеологию и политическую культуру.

Институциональная (организационная) подсистема включает в себя следующие компоненты.

1. Собственно политические организации – государство, политические партии, политические движения, некоторые общественные объединения политического характера. Особенность этих элементов – непосредственная связь с политикой, а цель деятельности – овладение государственной властью, участие в реализации внутренней и внешней политики, политическое воздействие на отдельные группы и слои населения и т.д.

2. Не собственно политические организации, которые формируются для активной деятельности не в политической, а в других сферах жизни общества – экономической, духовной и иных (профсоюзы, кооперативные организации, творческие союзы и т. д.)

3. Некоторые ученые – проф. М.Н. Марченко, проф. С.А. Комаров выделяют также организации, которые в своей деятельности имеют незначительный политический аспект, например, общества нумизматов, автолюбителей, клубы собаководства и др.

4. С.А. Комаров выделяет человека как субъекта политической системы т. е. человек рассматривается как первичный элемент политической системы.

5. Значительное место в структуре политической системы занимают средства массовой информации (СМИ). Они оказывают серьезное влияние на развитие политических процессов в обществе, воздействие на мировоззрение общества и отдельных людей, в том числе формирование их политических взглядов, позиций, убеждений.

6. В составе политической системы выделяют также органы местного самоуправления, которые не являются государственными органами, но активно участвуют в управлении делами, имеющими местный характер, например, управление муниципальной собственностью.

Некоторые ученые включают в политическую систему запрещенные ассоциации фашистского, экстремистского характера, преступные сообщества на том основании, что они подкупают государственных чиновников, проводят своих представителей в законодательные органы, оказывают влияние на исполнитель-

ную власть (проф. В.М. Сырых).

В составе нормативной (регулятивной) подсистемы политической системы обычно выделяют:

- 1) правовые нормы и принципы, имеющие политическое содержание;
- 2) корпоративные нормы политического характера;
- 3) политические традиции и политические обычаи;
- 4) правила политической этики.

Важнейшим элементом нормативной подсистемы выступает конституция государства. Она закрепляет основополагающие аспекты деятельности политической системы.

Корпоративные нормы включают принципы и нормы, содержащиеся в актах политических партий и общественных объединений, регулируют внутриорганизационные отношения в данных объединениях, но одновременно и внешние отношения этих корпораций, например, программные положения, взаимоотношения с другими объединениями и государством.

Политические обычаи и традиции являются одной из разновидностей тех обычаев и традиций, которые сложились в обществе. Среди этих традиций – существование оппозиции, многопартийность, принцип разделения властей и др. В литературе отмечается, что политические обычаи и традиции отличаются устойчивостью, преемственностью, связанностью с государством.

Правила политической этики содержат определенные требования к участникам политических отношений и процессов. Они служат определенным дополнением к другим элементам нормативной подсистемы и отражают общечеловеческие ценности и представления о достойном поведении участников политических отношений.

Функциональная подсистема включает основные направления и формы деятельности политической системы, способы и средства воздействия на политическую жизнь страны.

Функционирование политической системы складывается из процессов функционирования ее компонентов и всей системы в целом, а также эффективности ее воздействия на экономическую, социальную, духовную сферы.

Политической системе присущи свои, собственные функции. Это функции:

- 1) Политического руководства обществом и управления его делами (отражает назначение политической системы);
- 2) Интеграции, т. е. интеграционная функция (объединять различные структурные элементы политической системы в единое целое);
- 3) Регулятивная предназначена для регламентации политического поведения и политических отношений в обществе и использует политические нормы и принципы;
- 4) Политико-идеологическая, призванная проводить в жизнь определенные концепции, теории, лозунги, привлекательные для населения, но, выражающие прежде всего интересы тех, кто стоит у власти.

Коммуникативная подсистема политической системы предполагает, как отношения внутри этой системы, так и вовне, при этом как отношения, основанные на нормах права, так и неформальные отношения, не закрепленные в нормах права (неформальные отношения существуют между государственным аппаратом и

представителями бизнеса, союзами промышленников, банков).

Таким образом, можно прийти к выводу, что политическая система общества является одной из основных сфер жизни общества. Дискуссии по поводу её определения продолжают до сих пор и вряд ли когда-нибудь прекратятся, так как политическая система общества охватывает очень широкий спектр взаимодействий между гражданами и государством. И именно поэтому дать однозначное определение политической системе общества практически невозможно.

Источники и литература

1. Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. – 4-е изд. – М.: 2010 г. – 384 с.
2. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Издательство «Спарк», 1998. – 448 с.
3. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 1995.
4. Коваленко А.И. Краткий словарь-справочник по теории государства и права. М., 1994.
5. Горбатов Н.А., Кучинский В.А. Общая теория права: Основные понятия и логические схемы. Минск, 1996.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Т.К. Кириллова

Псков, Псковский государственный университет

Суверенитет (от английского *sovereignty* и французского *souverainete*) – это верховная власть. Суверенитет – один из существенных признаков государства, его возможность полноправно осуществлять внутри- и внешнеполитические дела страны и не допускать вмешательства в свою деятельность иностранных государств и других внутригосударственных сил (организаций). В качестве неотъемлемых юридических свойств суверенитета выделяются единство, верховенство, независимость государственной власти.

Проблема суверенитета в федеративном государстве состоит как в его признании (непризнании) за определенными субъектами, так и в сочетании различных подходов к нему.

Согласно конституциям республик в составе Российской Федерации, а также названию и преамбуле Федеративного договора – Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации от 31 марта 1992 года (с протоколом к нему) – эти республики являются суверенными государствами.

Кстати говоря, проблема суверенитета в федеративном государстве в истории человечества возникала неоднократно. Так, еще при создании американской федерации возник вопрос о том, могут ли составляющие ее штаты оставаться государствами, если над ними стоит внешняя союзная власть, либо они низводятся тем самым до положения обычных подчиненных провинций унитарного государства, а само союзное государство в этом случае неизбежно превращается в унитарное государство, складывающиеся из подчиненных провинций.

Составители американской конституции думали вначале решить эту проблему с помощью учения о делимости суверенитета. По их мнению, суверенную власть осуществляют в равной мере и штаты, и федерация в целом. Правда, в таком случае в пределах одной и той же федеральной территории оказывалось несколько верховных суверенных властей. Но в этом не видели ничего невероятного, поскольку если власти не были разграничены территориально, то разграничивались по предметам ведения. В результате и федеральная власть, и власти штатов действовали на одной и той же территории, но каждая делала свои дела и в сфере своего ведения была одинаково суверенна.

Много позже, при создании Союза ССР, его субъекты – союзные республики тоже были провозглашены суверенными государствами, и вновь возникли проблемы сочетания суверенитета Союза ССР и суверенитета его субъектов – союзных республик. В этот период господствующей была точка зрения, согласно которой возможно сочетание суверенитета СССР и суверенитета союзных республик. Главным фактором, обуславливающим возможность такого сочетания, объявлялась единая социалистическая природа как Союза ССР, так и составляющих его союзных республик. На практике союзные республики, разумеется, никаким суверенитетом не обладали, а когда они попробовали им реально воспользоваться, союзное государство распалось на отдельные суверенные государства. Таким образом, в действительности суверенитет союзных республик в лучшем случае носил лишь потенциальный характер и реализовать его субъекты Союза ССР, могли, только воспользовавшись принадлежащем им правом свободного выхода из состава Союза ССР.

Республики в составе Российской Федерации правом свободного выхода из состава этой Федерации не пользуются. Вот почему даже теоретически они не могут рассматриваться в качестве суверенных. Следовательно, объявление этих республик суверенными государствами – не констатация действительного положения вещей, а дань времени, получившему название «парад суверенитетов», и разного рода политическим играм, ведущимся как на федеральном, так и региональном уровнях.

Таким образом, государственный суверенитет занимает значительное место не только в научной теории, но и во внутригосударственных и международных отношениях. Несмотря на значительное число научных трудов, многие вопросы суверенитета требуют дальнейшего рассмотрения, особое внимание необходимо уделить не только традиционным аспектам суверенитета, но и рассмотрению его политико-правовой основы.

Литература

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: НОРМА, 2005.
2. Кутафин О. Е., Козлова Е. И. Конституционное право России. – М.: Гардарики, 2003.
3. Александров А. С. К вопросу о создании обвинительной власти как элемента обвинительного уголовного процесса // Вестник КРАГСиУ. Серия «Государство и право». 2014. № 18.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США)

Т.В. Алентьева

Курск, Курский государственный университет

В процессе становления современного информационного общества, общества массовой культуры, в ходе глобализации информационных процессов стало очевидно, что огромную роль в возникновении внутренних и внешних конфликтов играют информационные войны. Неизмеримо вырастает роль общественного мнения, поскольку все большие массы людей активно начинают вмешиваться в политику и влиять на нее [1, с. 45]. Об этом совершенно справедливо писал в своей работе «Восстание масс» испанский философ Ортега-и-Гассет: «Закон общественного мнения – это закон всемирного тяготения. Без него история не была бы наукой. Задача истории в том ...чтобы показать, что сила общественного мнения – не утопическое мечтание, а самая настоящая реальность, действующая постоянно в жизни общества... Поэтому, если мы хотим формулировать закон общественного мнения строго, как закон тяготения в истории, то ...придем к давно известной и бесспорной формуле: против общественного мнения править нельзя» [2, с. 11]. Особенно возрастает роль общественного мнения в переломные и драматические моменты истории, в периоды революций и гражданских войн, когда противостоящим сторонам необходимо сплотить своих сторонников, консолидировать их мнения, создать образ врага в лице противника.

Общественное мнение в подобных условиях становится таким могущественным, что средства массовой информации, которые в наибольшей степени его формируют, по праву называют четвертой властью, реально влияющей на все процессы, происходящие в обществе. Отмечая эту особенность средств массовой информации, американский журналист XIX века Джон Нил писал: «Мы – газетный народ. У нас газеты – это четвертая власть в государстве» [3, р. 61]. Действительно, через прессу легче всего было направлять и поддерживать определенную информационную политику. Но пресса являлась лишь одним из каналов влияния на общественное мнение. Средств и приемов манипулирования общественным мнением всегда было великое множество: от прямого обращения оратора к толпе до слухов и сплетен, циркулирующих в обществе.

Политическая элита, лидеры мнений, медиаторы, интерпретаторы всегда стремились направить информационную политику в выгодном для себя русле. Действенными средствами манипулятивного воздействия являлись средства массовой информации, разнообразные визуальные средства и театрализованная пропагандистская реклама. В то же время следует подчеркнуть, что в обществе всегда существует борьба мнений, особенно в период войн и революций, что она реально влияет на положение дел в отдельных сферах жизни, находя отражение в различных формах коммуникативных связей. Именно поэтому важна задача консолидации общественного мнения. Подчеркивая это, А. Линкольн отмечал: «Как в нашем, так и в подобных обществах, главное – это общественное мнение. При поддержке общественного мнения ничто не может привести к неудаче; без нее – принести успех. Следовательно, политик, формирующий общественное мнение, проявляет большую прозорливость, чем тот, кто просто вводит законы или провозглашает решения» [4, р. 27].

Феномен общественного мнения является специфической побудительной силой, регулирующей поведение людей, их практическую деятельность. При анализе процесса формирования общественного мнения следует учитывать когнитивный момент – идеологию, построенную на ценностной ориентации, самосознании и рефлексии; эмоционально-мотивационный – потребности и интересы; волевой – политические цели. Общественное мнение также неразрывно связано с историческим прошлым; состоит из убеждений, традиций, штампов, стереотипов, мифов, символов, «социальных генов», опирается, как подчеркивал К. Юнг, на «коллективное бессознательное».

Важнейшими факторами, воздействующими на общественное мнение в период гражданской войны Севера и Юга (1861–1865 гг.), являлись выступления ведущих политиков, речи известных партийных ораторов, религиозные проповеди и в наибольшей степени дешевая массовая пресса. Доверие к печатному слову всегда было достаточно велико, и влияние газет являлось весьма значительным. Для многих читателей газета была главным источником получения информации, ориентиром в выборе партийно-политических пристрастий. Несмотря на небольшие по современным меркам тиражи, круг читателей любой газеты был значительно больше. Широко практиковалось чтение вслух, особенно в небольших городках и селениях, обсуждение и пересказ наиболее интересных статей в тавернах, кафе, на улице. Печать в Америке, по мнению философа Г. Торо, имела не меньший авторитет, чем Священное писание: «Газета – вот Библия, которую мы читаем каждое утро и каждый вечер, стоя и сидя, в поездке и на ходу» [5, с. 283].

Неудивительно, поэтому, что сами редакторы считали, что пресса играла негативную роль в разжигании братоубийственного конфликта, что она провоцировала население обеих секций Союза, накаляла страсти и, активно создавая образ врага, способствовала разделу страны на «своих» и «чужих». «Как могут две секции нашей страны надеяться жить в мире, пока журналисты продолжают делать все, чтобы они бросались друг на друга? Мы не можем осуждать северную прессу потому, что мы имеем многое из того же самого секционного духа на Юге», – заявляла газета из Арканзаса [6]. А вот что писала газета из Теннесси, демонстрируя довольно глубокое понимание причин нарастающей конфронтации Севера и Юга: «Пожалуй, нет из 40 южных журналистов и одного, который знает реальное положение дел на Севере, колебания в его общественном мнении». Высказывая осуждение своим соотечественникам по перу в обеих секциях, газета выносила жесткий обвинительный вердикт: «И все же каждый из них использует все возможности, чтобы ввести в заблуждение и нанести ущерб народу и Союзу штатов. И даже теперь, когда страна находится на грани распада, война путем искажений и злоупотреблений продолжается с удвоенной яростью теми, кто процветает и жиреет на предубеждениях» [7].

Самое сложное в анализе общественного мнения противоборствующих сторон – понять, насколько противоречивым представлялся этот феномен даже в условиях казалось бы совершенно четкого разделения по географическому принципу. США разделились на северян-янки и южан-мятежников, «синих» и «серых». Но ни одна из секций не имела сплоченного общественного мнения. И на Юге было немало юнионистов, а на Севере – тайных и явных сторонников южной Конфедерации, прозванных «медянками». Это обстоятельство требовало от обеих противоборствующих сторон усиливать пропагандистское воздействие на население, прибегать к самым разнообразным средствам и приемам манипулирования общественным мнением. Самое любопытное, что пропаганда Юга составляла в определенной степени зеркальное отражение подобных усилий Севера, многие приемы

и методы были очень похожими, а иногда представляли собой прямое заимствование, лишь приспособленное к собственным целям. Это ярко проявилось, например, в песнях, которые распевали солдаты враждебных армий, используя один и тот же мотив, только переделывая слова. И вместо слов: «Мы повесим на сухой яблоне Джефа Дэвиса» звучало обратное в отношении А. Линкольна. То же самое можно сказать о военных плакатах противоборствующих сторон. Хотя с призывом добровольцев дело обстояло не лучшим образом в обеих секциях. Всего за войну в армию Севера было призвано 2,7 млн человек, в армию Юга – 1,1 млн человек. Вопрос дисциплины был для обеих армий очень серьезной проблемой в силу врожденного индивидуализма американцев, а также из-за затяжного характера войны и тягот военной службы. Дезертирство в обеих армиях носило массовый характер. Так, за время войны из армии Севера дезертировало около 200 тыс. человек, а из армии южан – 104 тыс. человек [8].

В гражданской войне каждая из сторон стремилась доказать населению, что именно она защищает благородные цели. Для южан – это был мотив защиты их традиционного образа жизни, семейных ценностей, домашнего очага. Северяне должны были осознать, что они защищают справедливое и благородное дело защиты единства страны, что их враги-южане – мятежники, изменники и предатели. Не случайно, полуофициальное прозвище конфедератов во время войны было «Джонни – мятежник». И пропаганда Севера активно задействовала этот образ врага для возбуждения ненависти к южанам на Севере. Она опиралась на проверенные временем вербальные и визуальные образы (образ Свободы и Колумбии), а также на коллективное бессознательное и архетипы сознания, связанные с религиозными воззрениями северян, имевшими прочные пуританские корни. Наиболее мощным средством воздействия оказалось обращение к истории, традициям Войны за независимость, опыту ранней республики, образу первого президента США – Джорджу Вашингтону, отцам-основателям, национальным символам США: символике американского флага (звезды и полосы), американского герба (орел, лавровые ветви и др.). Но к этим же образам прибегали и южане, называя свою борьбу «второй Войной за независимость», уверяя своих граждан, что они защищают Конституцию, свободу и права штатов.

Раскол в общественном мнении северян заставлял федеральное правительство прибегать к жестким мерам ограничения прав и свобод граждан. В одном из своих писем президент Линкольн писал: «Симпатии к мятежникам затронули все правительственные учреждения и население... Под покровительством «свободы слова», «свободы прессы» и «*Habeas corpus*» они надеются утвердить среди нас эффективную группу шпионов, информаторов, помощников и пособников в их деле тысячами способов... Как бы глубоко я ни уважал гарантированные права личности, я буду постепенно одобрять жесткие меры, которые я имею право декретировать в пределах конституционных полномочий, как необходимые для общественной безопасности» [9, р. 158–159]. Фактически Линкольн санкционировал такие действия, как введение военного закона и военных судов для гражданских лиц, закрытие антиправительственных газет, конфискацию собственности, запрет почтовым отделением «рассылать изменническую корреспонденцию» [10, с. 130].

Всего по некоторым подсчетам на Севере издавалось 154 газеты-«медянки» [11, р. 197]. Историк Б. Харрис утверждает, что, по крайней мере, 40 газет были закрыты на Севере по различным причинам [12, р. 100]. «*Harper's Weekly*» прямо писала о наличии цензуры на Севере: «Цензура печати является одним из тех временных неудобств, которая порождена беспримерным мятежом. В начале войны

на Севере повсюду были издания, руководимые беспринципными людьми, готовыми помогать врагу. Даже сейчас все еще есть газеты, которые не выражая симпатий к мятежникам, готовы выдать стратегические секреты, желая обойти своих конкурентов в публикации военных новостей. Есть только одно средство предотвратить это – цензура прессы» [13]. Южане еще до начала военных действий запретили выход всех оппозиционных изданий.

Военная цензура действовала в обеих секциях в отношении солдатских писем, хотя ее строгость зависела непосредственно от офицеров, которые по обязанности должны были прочитывать их. Невозможно установить, сколько писем было конфисковано и не дошло до адресата, в скольких письмах их авторы писали заведомую неправду, поскольку письма могли попасть в руки неприятеля.

Изучение общественного мнения в период Гражданской войны Севера и Юга убеждает в том, что северная пропаганда оказалась более искусной и действенной. Ей удалось сделать главный упор на то, что война идет не из-за отмены рабства негров, а за свободный доступ к западным землям и сохранение Союза. Разнообразие средств, приемов и методов манипуляции общественным мнением несомненно сыграло важную роль в сплочении населения северных штатов в трагический период гражданской войны, в обеспечении их победы. Хотя залечивать глубокие раны братоубийственного конфликта пришлось еще долго. И отголоски старого конфликта и сейчас встречаются в американском обществе.

Источники и литература

1. Алентьева Т.В. Роль общественного мнения в канун Гражданской войны в США / Т.В. Алентьева // Новая и новейшая история. – 2005. – №4. – С. 42–58.
2. Ортега-и-Гассет Ф. Восстание масс / Ф. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – №4. – С. 127–165.
3. The Pioneer. A Literary Magazine / ed. by J.R. Lowell. – N.Y.: Scholars' Facsimilies & Reprints, 1947. – 178 p.
4. Lincoln A. The Collected Works: in 9 vols. / A. Lincoln / ed. by R.P. Basler. – New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1953–1955. – Vol. III. – 420p.
5. Торо Г.Д. Высшие законы / Г.Д. Торо. – М.: Республика, 2001. – 412 с.
6. Arkansas Telegraph. Jan. 13. 1865.
7. Daily Nashville Patriot. Apr. 24. 1861.
8. Desertion in the Civil War Armies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.civilwarhome.com/desertion.htm>. – Дата доступа: 08.12.2016.
9. Цит. по: Schlesinger A.M. Imperial Presidency / A.M. Schlesinger. – N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1998. – 551 p.
10. Алентьева Т.В. Линкольн как военный президент // Американистика. Актуальные подходы и современные исследования. – Вып. 2. – Курск: Изд-во Курск. Гос. ун-та, 2009. – С. 122–138.
11. Walsh J.E. To Print the News and Raise Hell: Wilbur F. Storey's Chicago «Times» / J.E. Walsh. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1968. – 312 p.
12. Harris B. Blue and Gray in Black and White. Newspapers in the Civil War / B. Harris. – N.Y.: Brassey's Inc; 1999. – 365 p.
13. Harper's Weekly. May 17. 1862.

ИИСУС ХРИСТОС В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПРЕССЫ 1919 ГОДА)

О.Б. Молодов

Вологда, свободный исследователь

Первые послереволюционные годы были временем слома прежней государственности, идеологии и общественного строя России. Партия большевиков с момента принятия в январе 1918 г. декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [1] развернула широкомасштабные антирелигиозные мероприятия, направленные на секуляризацию общественного сознания и ослабление роли православия в жизни населения, в том числе: репрессии духовенства, изъятие церковных ценностей, кампанию по осквернению мощей святых [2; 3]. Однако вековые православные традиции русского народа, в нашем случае – жителей Вологодской губернии, искоренялись с трудом.

Сама революционная идеология представляла собой совокупность новых коммунистических ценностей, подчас основанных на представлениях народа о христианском равенстве, братстве и справедливости. Образ богочеловека Иисуса Христа в ряде случаев выступал воплощением лучших качеств революционера, погибшего за свободу народа. В итоге на низовом уровне революционно настроенных рабочих сформировался «клубок» противоречий между социалистическими (коммунистическими) идеями и более понятными простому народу христианскими ценностями, быстро искоренить которые не представлялось возможным. Отсюда возникло терпимое отношение к самому Иисусу Христу как носителю некоторых прогрессивных идей общественного устройства.

О существенном значении этой проблемы говорит целая подборка публикаций в вологодской губернской газете «Красный Север» (по 30 апреля 1919 г. газета выходила ежедневно на четырех полосах под названием «Известия Вологодского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов») и иных официальных периодических изданиях Вологодчины за 1919 год. К ним относятся газеты: «Деревенский коммунары» Грязовецкого райкома РКП(б), «Красный набат» Вельского уездного исполкома, «Наша война» политотдела VI армии. Тогда, в разгар Гражданской войны и интервенции на Севере, голода, спекуляции и сыпного тифа журналисты и советские чиновники, по существу, дискуссировали о месте Иисуса Христа и религии в пролетарской революции.

Примечательно, что революционная поэма А. Блока «Двенадцать» стала единственным произведением классической литературы, как-то отраженным в губернской газете за 1919 год [4, с. 2]. В данной статье приводятся стихотворные отрывки с комментариями пролетарского журналиста. В заключении автор признает поэму «гениальной летописью октября, наиболее ярким достижением русской литературы в 1918 году».

В статье, кроме особо актуальных отрывков – «Революционный держите шаг!» и т.п., описаний классовых врагов, мы находим двустушия А. Блока о духовенстве и вере: «Что нынче не веселый, / *Товарищ поп?*» (Курсив здесь и далее наш. – О.М.), «Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста». Вместе с тем, в поэме «Двенадцать» (но не в этой статье!) встречается и вышеупомянутая фраза о Христе как лидере, по крайней мере, символе революционного движения – «В белом венчике из роз / Впереди Иисус Христос». Таким образом, сам А. Блок заронил противоречие между сыном Божиим, с одной стороны, его Церковью и духовенством, с дру-

гой. Представляя Христа в авангарде пролетарской революции, поэт относит «попа» (представителя Православной церкви) к носителям прежних ценностей царской России, несовместимых с новыми свободными нравами, то есть со свободой «без креста». Описанная статья стала частью своеобразной полемики, которая велась на страницах провинциальных пролетарских газет в разгар Гражданской войны и антирелигиозной кампании большевиков.

В ряде публикаций, в том числе видных советских руководителей, в частности, М. Ветошкина (председателя Вологодского губисполкома, именем которого названа одна из центральных улиц г. Вологды), Иисус Христос показывается с позиций идеалов революции исключительно в «светлых» тонах. Он именуется «великим проповедником правды и всечеловеческой любви» и «великим сыном *бедного плотника*» [5, с. 2]. С весьма положительной стороны обозначается цель его первого пришествия – «не надругаться он пришел над человеком, а освободить его». В то же время М. Ветошкиным ставится «законный» вопрос: «А что сделала церковь из его учения?», на который он сам и отвечает: «она обратила *революционное учение* наивномудрого плотника на службу богатым и сытым мира сего, сделала его предметом беззастенчивой эксплуатации народных масс и средством для обмана» (орфография источников здесь и далее сохранена – О.М.).

Примечательно, что эта статья – открытое письмо епископу Вологодскому и Тотемскому Александру (Трацицыну), репрессированному в 1921 г., по поводу вскрытия и освидетельствования мощей преподобного Феодосия Тотемского. Кампания по вскрытию мощей в православных монастырях и храмах началась с февраля 1919 г. по всей стране и имела целью разоблачение «поповских сказок» о нетленных останках «святых» [6]. Это лишний раз показывает противопоставление «революционера» Иисуса Христа и «реакционных» монахов и попов, объявивших «тленное нетленным».

Другой автор – А. Кулагин, говорит в своей публикации об «истинном учении *Христа-социалиста*», о котором на многие годы забыло православное духовенство. Он призывает «барствовавших ранее попов» «снизойти до проповеди истинных взглядов и учения Христа: о равенстве, братстве, о правах трудящихся и обездоленных» [7, с. 3].

В статье «Две правды» М. Сибиряк проводит параллели между зарождением христианства и революцией 1917 года [8, с.3]. В частности, автор признает сходство некоторых происходивших явлений и процессов. Он считает, что раскол на христиан и язычников похож на раскол на сторонников и противников революции. Богатые преследовали как Христа, так и советскую власть. Избиение младенцев царем Иродом напоминает автору пролитие буржуазией крови революционных рабочих. Закljučая свои рассуждения, он указывает на любовь бедноты и к Христу, и к власти трудящихся. Однако в итоге М. Сибиряк все же признает, что много отличного в правде Христа и в правде советской власти.

Наиболее яркими эпитетами наполнено стихотворение красноармейца Леонтия Собина «Духовным отцам», в котором наглядно проявляется концепция Христа-революционера:

«Иисус Христос был коммунист...
И вы признайтесь народу,
Что за уши водили их;
Признайте полную свободу...
Великий был социалист
Сам Бога сын едиnorodный

Как настоящий коммунист,
О мзде не думал он народной» [9, с. 2].

Видимо, данные представления о Христе, как носителе революционных идей, противоречили антирелигиозной политике правительства большевиков, опасавшегося, что восхваление «сына Божия» будет препятствовать эффективной борьбе с религией и Церковью. В связи с этим в прессе появляются статьи и изложения лекций, содержащих «жесткую» позицию по отношению к христианской вере. Например, автор под псевдонимом «Агарин» критикует мнение о том, «будто христианство являлось и является по существу учением социалистическим, как будто Христос учил ничему иному как социализму» [10, с. 1]. По его словам, рассуждения о согласии социализма и религии – «ухищрения контр-революции». Единственное, с чем соглашается автор, что община первых христиан была устроена наподобие коммуны, однако подчеркивает только их внешнее сходство. В заключение он отмечает, что «нет на деле более непримиримых врагов, чем религия и учение социализма, проведенное последовательно».

Некто под псевдонимом «Грибаедов» разграничивает проповеди и деятельность православного духовенства с христианским учением – «высокой идеей, идеей братства и любви к ближнему». По его словам, «попы извратили святое учение так, как нужно было банкирам, фабрикантам и помещикам», снова противопоставляя Христа созданной им Церкви. Автор с удовлетворением отмечает, что народ «начинает видеть несоответствие пастырей с ...высокой идеей [христианства]» [11, с. 3-4]. С аналогичным мнением выступает другой пролетарский трибун, указывая, что Церковь всему учит «наоборот»: священники «клеят имя Христа ...великого учителя, которого за высоту и ясность его учения *простой трудовой народ* ...признал богом» [12, с. 4].

Интересны и отдельные аргументы «тов. Христофорова», утверждавшего, что большевики продолжали «развивать учение Христа» (!), по крайней мере, в контексте призыва «не собирать сокровищ на земле» [13, с. 4].

На твердых антирелигиозных позициях была выдержана лекция «товарища Минина», бывшего семинариста, на тему «Религия и коммунизм», прочитанная на Прохоровской фабрике и призывающая трудящихся расстаться «со старыми взглядами», несмотря на трудности [14, с. 1-2]. Общим выводом этого выступления перед рабочими является утверждение о несовместимости религии и коммунизма, поскольку «коммунизм есть наука».

Скорее всего, на этом спор не закончился. В дальнейшем в конфессиональной политике Советского государства возобладал «воинствующий атеизм», периодически смягчавшийся недолгими оттепелями, а в народе десятилетиями продолжала жить идея о Христе-социалисте и коммуне ранних христиан.

Источники и литература

1. Молодов, О.Б. Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»: содержание и значение / О.Б. Молодов // История государства и права. – 2016. – №1. – С. 14-19.
2. Молодов, О.Б. Судьбы православия на Вологодчине в 1919-1921 гг. / О.Б. Молодов // История в подробностях. – 2015. – №11 (65). – С. 74-81.
3. Молодов, О.Б. Антиалкогольное направление политики атеизации населения (1919-1980-е гг.) / О.Б. Молодов // История в подробностях. – 2014. – №4 (46). – С. 94-98.
4. Георгиев, А. Поэма «Двенадцать» Александра Блока / А. Георгиев // Известия Вологодского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 17 апреля. – №85.

5. Ветошкин, М. Кто кощунствует / М. Ветошкин // Красный Север. – 1919. – 8 мая. – №6.
6. Молодов, О.Б. Кампания по вскрытию мощей православных святых в 1919 г. / О.Б. Молодов // История в подробностях. – 2014. – №5 (47). – С. 76-79.
7. Кулагин, А. Попы и проповеди / А. Кулагин // Красный Север. – 1919. – 20 июня. – №41.
8. Сибиряк, М. Две правды / М. Сибиряк // Деревенский коммунар. – 1919. – 7 ноября. – №101.
9. Собин, Л. Духовным отцам / Л. Собин // Красный Север. – 1919. – 5 июля. – №54.
10. Агарин. Христианство и социализм // Красный Север. – 1919. – 2 сентября. – №100.
11. Грибаедов. Пастыри стада // Красный набат. – 1919. – 4 мая. – №42 (88).
12. Шулепов, П. Еще раз про духовенство / П. Шулепов // Красный набат. – 1919. – 26 июня. – №60 (106).
13. Киселев, П. Рабоче-крестьянская власть и духовенство (Лекция тов. Христофорова) / П. Киселев // Наша война. – 1919. – 28 сентября. – №206.
14. Религия и коммунизм // Известия Вологодского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – 25 января. – №18.

О НЕИЗБЕЖНОСТИ КРАХА ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ В 1917 ГОДУ

Н.С. Нижник

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

Российским революциям 1917 г. и объяснениям их причин посвящено большое количество литературных произведений, от мемуаров свидетелей и участников февральских и октябрьских событий вплоть до научных работ исследователей различных государств и различных специальностей нескольких поколений. Что нового можно сказать о событиях в их столетнюю годовщину? Какие феномены, ускользнувшие от внимания исследователей, можно описывать в XXI в.? Какие причинно-следственные связи между событиями, фактами, явлениями остаются не вскрытыми до настоящего времени? Вряд ли перечень оставшегося без интереса научной общественности будет велик. Но и это обстоятельство не лишает ученого возможности изменить исследовательскую оптику и найти свой угол зрения на известные события.

Вопросами, продолжающими вызывать острые дискуссии, являются закономерность/случайность революционных преобразований в России в 1917 г. и причины краха российской монархии и олицетворявшего ее полицейского государства. Распространенные теория прогресса, теория заговора и теория случайности, использующие особенные логики объяснения событий [15, с. 16–18], не акцентируют внимание на роли правоохранительной системы государства в революционных событиях, не выявляют места полиции в политико-правовых трансформациях российского государства. Однако изучение институциональной истории полицейского государства как политико-правовой техники поддержания правопорядка может быть эвристически небесполезным для понимания практик господства в современных обществах, «замиренность которых является скорее их собственным идеалом/идеологией, нежели фактической действительностью» [5, с. 14]. В сфере организации и деятельности полиции современное государство имеет дело с дискурсивным и институциональным наследием эпохи полицейского государства [7, с. 41–54]. Поэтому, по справедливому замечанию К. Вольцендорфа, именно «здесь имеет смысл порыться в почве прошлого, чтобы увидеть органиче-

ские взаимосвязи и силы, до сих пор присутствующие и в настоящем. Ведь без их полной переработки невозможно двигаться дальше, поскольку полиция являлась основной силой абсолютистского государства, а преодоление абсолютизма – не столько механический или технический процесс в государственном праве, сколько духовный, что применимо к идее полиции в гораздо большей мере, чем к какой-либо другой. А поскольку речь идет об идейных изменениях, то условием их понимания является знание их изначального содержания и сил, приведших к их изменениям. Поэтому изучение современного мышления о полицейском государстве, вариантов и тенденций его развития следует дополнить исследованием его предшествующего развития» [17, С. 4–5].

В современной российской науке оформилось самостоятельное исследовательское направление – полициеведение [11; 3, с. 44], серьезное внимание вновь обращено к изучению полицейского права [6, с. 3–20] и российской полицистики [8]. Интерес к полицейскому государству, полицейской деятельности и полиции имеет под собой объективные основания.

Полиция представляет собой структурно-функциональный элемент правоохранительной системы. Основные этапы развития правоохранительной системы российского государства сопряжены с эволюцией ее политико-правовой системы и во многом детерминированы спецификой формы государства. На протяжении всей российской истории правоохранительная система являлась наиболее действенным орудием власти и была способна эффективно разрешать самые острые социально-политические конфликты, обеспечивать выявление и уничтожение противников существующего строя. Однако оказывалась бессильной в кризисных ситуациях, требующих кардинальных политических решений [9, с. 45].

Деятельность полиции имела амбивалентный характер. С одной стороны, полиция выступала как средство поддержания повседневного порядка, регулирования общественной жизни в общих интересах безопасности и благополучия, с другой – как орудие противодействия явному или неявному неподчинению власти, как субъект, способный применить негативные санкции в случаях неповиновения воле органов государственной власти.

С учетом того, что в каждом государстве полиция используется для регулирования его внутренней жизни, любое государство условно может быть названо полицейским. В случаях, когда среди стратегий политической власти устойчивое преобладание начинает занимать принуждение, полицейское государство называется репрессивным.

В России имперского периода основной формой обеспечения порядка выступало именно принуждение. Принуждение принимало вид патерналистской власти и подобно власти отца в патриархальной семье требовало беспрекословного повиновения распоряжениям самодержавия [1, с. 8]. Обеспечение повиновения составляло одну из главных проблем самодержавной власти в России в начале XX в.

Известно, что легитимацию политических решений обеспечивают символические ресурсы, охватывающие множество культурных представлений и ситуативных ориентаций, которые могут выступать мотивом одобрения или, по меньшей мере, некритического принятия решений [13, с. 59]. Если символического уровня недостаточно для обеспечения добровольных мотивов согласия с принятыми решениями, политическая власть прибегает к силовым ресурсам. Чем в большей мере есть необходимость прибегать к силовым ресурсам, значит, все в большей степени проявляется кризис легитимности. Власть в Российской империи испытывала хронический недостаток символических ресурсов легитимации

[13, с. 59], для поддержания порядка широко использовала силовые органы (армию и полицию) и фактически установила полицейский режим, позволяющий ей принимать политические решения без должного учета интересов и потребностей общества. В имперской России значимой рассматривалась воля только одного суверена – самодержавного монарха, но и при этом самодержавная власть требовала компенсационных идеологических надстроек (в форме философии эвдемонизма [10, с. 236–242] и религиозной доктрины православия, например).

Подрыв символических оснований власти – фактор, усугубляющий кризис власти. Переживала его и Россия, красноречивым подтверждением чего являлись периодически складывающиеся революционные ситуации. Символическая саморепрезентация верховной власти Российской империи претерпела серьезные изменения: в первой четверти XVIII в. власть опиралась на философию эвдемонизма и теорию всеобщего блага [10, с. 236–240], а в XIX в. в качестве приоритетной основы избрала религиозное санкционирование неограниченного самодержавия [14, с. 120].

Когда происходит самоизоляция власти и утрата ей авторитета, для сохранения установленного правопорядка требуются укрепление полицейского государства и консервация полицейского режима. «Россия оказалась первой страной, заведшей у себя две полицейских системы – одну для защиты государства от граждан, а другую – для защиты граждан друг от друга», отмечал Р. Пайпс [12, с. 20]. Развитие российского государства осуществлялось в экспансионистской форме и находило выражение в деятельности и регулярной, и тайной полиции, компетенция которых постоянно увеличивалась [9, с. 217–218].

Верховная власть постоянно испытывала потребность в чрезвычайных мерах и не могла опираться на ранее принятые законы [4]. Не принесла существенных изменений в этом плане крестьянская реформа 1861 г., которая несла в себе мощный конфликтный потенциал, не удовлетворив ни одну из сторон. Как только угроза неограниченной суверенной власти выросла, началось сворачивание курса реформ 1860-х годов. После неудавшегося покушения на императора в 1879 г. Александр II фактически ввел чрезвычайное положение в Империи, восприняв причины политического кризиса как недостаток мер полицейского характера. После взрыва С. Халтурина в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. Александр II учредил Верховную распорядительную комиссию во главе с генералом М. Т. Лорис-Меликовым, который сосредоточил в своих руках управление всей карательной системой Империи. Чрезвычайные меры свидетельствовали, что верховная власть уже не могла управлять Империей на основе обычных законов и остро нуждалась в упрочении силовых органов для поддержания государственного порядка. 1 февраля 1881 г. Александр II погиб от взрыва бомбы террористов. И Александр III взял курс, в рамках которого предполагалась реорганизация символических и силовых ресурсов политической власти. В символическом отношении ставка делалась на освящение личного авторитета царя как помазанника Божьего в противовес конституционализму как источнику законов и политических институтов. Православная церковь становилась выразительницей национальной идеи, которая противопоставляла традицию идеям просвещения и материального прогресса [14, с. 121].

Нормативной основой реорганизации силовых ресурсов самодержавия явилось «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., которое открывало широкие возможности для организации жесткого полицейского режима. Положение вводило тотальный полицейский режим на территории всей Империи и учреждало полицейский произвол как норму управления. За время действия Положения, отмечал

В. М. Гессен, в России выросло целое поколение, которое «не видало иного государственного порядка, кроме порядка чрезвычайных, исключительных по своей жестокости, полицейских мер и лишь по книгам знает об общих законах Российской Империи» [2, с. 96].

К концу 1916 г. возможности власти поддерживать порядок в обществе катастрофически уменьшились. Галопирующая инфляция и дефицит товаров повседневного потребления стали жизненными реалиями россиян. Снабжать воюющую армию стало возможным только путем полицейских рейдов и продразверстки. К началу 1917 г. у горожан сформировался единый образ врага – верховная власть и олицетворявший ее полицейский порядок. Изменения символического восприятия самодержавия создали основу для его исчезновения в Феврале 1917 г.: к 28 февраля царское правительство было арестовано; участки полиции, казармы жандармских рот, городские тюрьмы были захвачены, разгромлены и сожжены. Пали внешние символы имперского режима, были сметены полицейские силы, обеспечивавшие режиму его полновластие. Полицейский порядок в столице Российской империи, а затем и на всей ее территории был уничтожен без особых усилий: уже 4 марта были ликвидированы охранные отделения, Отдельный корпус жандармов и железнодорожная полиция. Серьезного сопротивления со стороны сил прежнего режима фактически не встретилось, а перемены были восприняты так, как будто с нетерпением ожидались обществом.

Таким образом, крушение полицейского государства, сложившегося в Российской империи, в феврале 1917 г. подчинялось действию долгосрочных и краткосрочных факторов. Стратегическая уязвимость достаточно мощной правоохранительной системы Российской империи была в ее неразрывной связи с царским режимом, который не смог справиться с глубоким политическим, экономическим и социальным кризисом, что привело к коренному изменению прежней российской государственности и, соответственно, уничтожению имперской правоохранительной системы.

Не сумев сохранить и использовать в своих целях прежнюю правоохранительную систему или создать новую, Временное правительство утратило контроль за развитием обстановки в стране, что позволило большевикам без особых проблем осуществить государственный переворот и прийти к власти.

В современной науке внимание теории и практике функционирования полицейского государства и в России, и за рубежом оказалось минимизированным. Среди современных ученых проявляется исследовательская «робость» в отношении проблемных полей и общественных институтов, имеющих отношение к осуществлению государственной монополии на насилие, – вооруженных сил и прежде всего полиции [16, S. 4–12]. Причин для этого оказалось множество. Например, вера в умиротворяющий эффект прогресса, восприятие присутствия насилия в современных обществах как пережитка социальной архаики, закрепление прогрессистской идеологии, согласно которой в современных обществах место насилия все в большей мере занимают эмпатия и рациональный дискурс, позволяющие разрешать любые общественные конфликты, не прибегая к аппарату принуждения. Но до сих пор на политической карте мира нет ни одного государства, которое смогло бы организовать свою жизнь без принуждения.

Источники и литература

1. Булдаков, В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОСПЭН, 1997.
2. Гессен, В. М. Исключительное положение. – СПб., 1908.

3. Диалог Олега Кильдюшова и Зинаиды Перегудовой // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 2. – С. 43–54.
4. Зайончковский, П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. – М.: Издательство Московского университета, 1964.
5. Кильдюшов, О. В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 3. – С. 9–40.
6. Нижник, Н. С. Российская полиеистика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: Сборник научных статей / под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 3–21.
7. Нижник, Н. С. Российская полиеистика о дискурсивном и институциональном наследии эпохи полицейского государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 сентября 2015 г. / под общ. ред. В. А. Сосова. – Краснодар: Издат. дом – Юг, 2015. – С. 41–55.
8. Нижник, Н. С. Российская полиеистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 764–786.
9. Нижник, Н. С., Ахмедов, Ч. Н. Правоохранительная система Российской империи: структурно-функциональный анализ. – СПб.: Астерион, 2008.
10. Нижник, Н. С., Дергилева, С. Ю., Геворкян, Д. С. Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 3 (63). – С. 236–242.
11. Овченко, Ю. Ф. Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг. – М.: ИНСОФТ, 2010.
12. Пайпс, Р. Три «почему» русской революции / Пер. с англ. В. Е. Аллоя. – М.; СПб.: Atheneum, 1996.
13. Попов, В. Полицейский порядок эпохи абсолютизма в России и причины его краха в ходе Февральской революции 1917 года // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13. – № 1. – С. 52–95.
14. Уортман, Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. – 1990. № 2. – С. 119–128.
15. Шанин, Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. – М.: Весь Мир, 1997.
16. Stölting, E. Geleitwort zur Soziologie der Polizei // Beiträge zu einer vergleichenden Soziologie der Polizei. – Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2009. – S. 4–12.
17. Wolzendorf, K. Der Polizeigedanke des modernen Staats: ein Versuch zur allgemeinen Verwaltungslehre unter besonderer Berücksichtigung der Entwicklung in Preussen. – Breslau: Marcus, 1918. – S. 4–5.

БЕЛАРУСЬ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

В.Ф. Гигин

Минск, Белорусский государственный университет

Революционный процесс, протекавший в Беларуси, начиная с февраля 1917 г., представлял собой региональный вариант Великой Русской революции. Под революцией следует понимать не событие, не сам факт взятие власти (восстание или переворот), а процесс коренной ломки политических, социальных, экономических и даже культурных, нравственных устоев. При этом революция не всегда означает прогресс, движение вперед. Но в любом случае общество, потрясенное революцией уже никогда не возвращается к своему изначальному состоянию.

Великая Русская революция, начавшаяся в имперских столицах, очень быстро охватила большинство регионов России, и в каждом из них имела свои отличительные черты и протекала с разной скоростью.

На наш взгляд, революционный процесс в Беларуси занял период с 1917 г. по 1927 г. Последнюю дату следует формально связать с принятием Конституции БССР 11 апреля 1927 г. Но фактически она знаменует процесс политических, национально-государственных и социально-экономических преобразований в республике, завершение строительства советского строя.

Региональная особенность развития революции в Беларуси связана с одновременным ходом политической и социально-экономической трансформации и национально-государственного строительства. Характерной чертой ситуации в Беларуси являлось активное вмешательство внешних сил: крупномасштабные и продолжительные германская и польская военные интервенции.

Политическая трансформация белорусского общества проходила в несколько этапов: 1) февраль – октябрь 1917 гг.; 2) октябрь 1917 – февраль 1918 гг.; 3) март – декабрь 1918 г.; 4) январь 1919 г. – июнь 1920 г.; 5) июль 1920 г. – весна 1923 г. 6) лето 1923 г. – апрель 1927 г. Эти этапы, их хронологические рамки не полностью совпадают с периодами развития Русской революции в целом. Подобное отличие обусловлено теми специфическими чертами, которые были характерны для политической ситуации в Беларуси в революционный и постреволюционный период. Существенное влияние на темпы становления монополии большевиков на власть в Беларуси оказал внешний фактор, который проявился в немецкой и польской интервенциях, когда большая часть территории страны оказывалась под иностранной оккупацией. Кроме того, при изучении истории Русской революции в Беларуси следует учитывать происходивший одновременно процесс создания белорусской национальной государственности, причем в различных вариантах: советском (в виде БССР) и национально-демократическом (неосуществленная попытка создания БНР). Этот процесс повлиял на революционный процесс. Хотя нужно учитывать тот факт, что белорусский национальный вопрос далеко не всегда был в центре внимания, часто находился в прямой зависимости от конкретной политической ситуации.

Первый этап Русской революции характеризовался достаточной низкой скоростью политических процессов, их прямой зависимостью от ситуации в столицах. Важности Беларуси придавало то обстоятельство, что здесь, в Могилеве, находилась Ставка Верховного главнокомандующего. Именно в этот период относительно активно стало развиваться белорусское национальное движение, хотя оно так и не стало массовым.

Следующий этап революции начался с приходом к власти в крае и на Западном фронте большевиков. Субъективно лидеры РСДРП(б), как это следует из их публицистического и теоретического наследия, а также программных документов партии, очевидно, не желали полного устранения революционно-демократических партий и групп из политической жизни. Как отмечал несколько позже В.Г. Кнорин, революция должна быть “совершена при соблюдении всех демократических принципов”, а большевики Западного фронта “не думали об узурпации власти” [1, с. 30]. Запрет на легальную политическую деятельность был введен лишь для либерально-демократических и консервативных партий, важнейшей из которых являлись кадеты. Формированию у руководства РСДРП(б) устойчивого курса на концентрацию в своих руках всей полноты власти способствовал ряд причин. Среди них следует выделить стратегию и тактику партии

большевиков, направленную на коренную ломку и глубокое преобразование всего общества, перестройку системы взаимодействия политических сил, органов власти. Другой причиной являлось то, что в России, пребывавшей к октябрю 1917 г. в состоянии продолжавшейся войны, незаконченной революции, гражданское общество не сложилось, политические традиции не устоялись, а склонность к применению авторитарных методов политической борьбы и государственного управления была чрезвычайно сильной. Кроме того, вскоре после Октябрьского вооруженного восстания стало ясно, что большевикам не удастся быстро разрешить социально-экономические проблемы и в ограниченный срок реализовать свою политическую программу. Это, в свою очередь, означало сокращение социальной базы РСДРП(б). В связи с этим новой правящей партии необходимо было выявить в рядах своих противников политические течения, которые ориентировались на схожие с большевистскими ценности, и интегрировать их представителей в органы власти. Эта задача была решена путем союза с левыми эсерами, который призван был также расколоть, дезорганизовать, а, следовательно, и понизить влияние, наиболее сильного конкурента большевиков – партии эсеров, одержавшей в целом по России победу на выборах в Учредительное собрание.

Белорусское национально-демократическое движение, прежде всего БСГ и контролируемые ею представительные органы (ВБР, ЦБВР и др.), в конце 1917 – начале 1918 г. не рассматривалось ни большевиками, ни их противниками в качестве влиятельной политической силы. Роспуск Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. явился результатом несогласия Облискомзапа с выдвинутым БОК проектом создания нового советского краевого правительства Беларуси, поддержанного на уровне общероссийского Совнаркомом и предусматривавшего определенный паритет в органах власти между преимущественно большевистскими структурами Западной области и фронта и левонародническим БОК.

В 1918 г. на территории Беларуси, оккупированной кайзеровской Германией, определилась тенденция к восстановлению многопартийной системы. Однако она оказалась не полностью реализованной. Первоначально существовавший консенсус между двумя политическими лагерями (общедемократическим и белорусским национально-демократическим), возникший в результате осознанной необходимости координации усилий различных политических сил для организованного противостояния большевикам, был сорван из-за расхождения сторон по вопросу о путях построения государственности Беларуси.

Крупнейший отечественный исследователь этой проблемы Н.С. Сташкевич справедливо отмечал: «Создание белорусской национальной государственности проходило в обстановке острейших социальных столкновений и потрясений, вызванных российской революцией. Поэтому события, связанные с рождением белорусской государственности, сегодня никак не вписываются в однобокие надуманные схемы» [2, с. 141]

На советской территории основным фактором политической жизни весной-летом 1918 г. были отношения между большевиками и левыми эсерами. Брестский мир и разногласия по крестьянскому вопросу выступили в качестве очевидных проявлений более глубоких причин расхождения между этими двумя партиями. Исполнив роль стабилизатора легитимности новой власти и расколов эсеровские ряды, левые эсеры исчерпали свой функциональный потенциал в правительственной коалиции. Усиление их позиций в первой половине 1918 г., вызванное недовольством со стороны населения политикой большевиков, а также переходом части советского электората от изгнанных из Советов меньшевиков и правых эсеров к ПЛСР, лишь

обострило противоречия между двумя советскими партиями. Недолгий период существования левых эсеров в качестве основной советской оппозиционной партии нельзя характеризовать как складывание тенденции к оформлению двухпартийной системы. Во-первых, такая цель никем не провозглашалась, во-вторых, большевики в условиях начавшейся гражданской войны объективно были заинтересованы не в закреплении левых эсеров в качестве легальной оппозиции, а в предельно жесткой консолидации общества, построении централизованной военно-политической системы управления страной, исключавшей всякую оппозицию. В Беларуси, более чем в других регионах России, конфликт между большевиками и левыми эсерами был в значительной степени предопределен политикой самой правящей партии, стремившейся укрепить свое лидирующее положение в крае.

Изгнание из Советов правых эсеров и меньшевиков в июне 1918 г. и устранение левых эсеров как влиятельной оппозиционной силы в июле-августе того же года явились этапными вехами в процессе формирования монополии Компартии на власть. На рубеже 1918 и 1919 гг. в Беларуси определилась тенденция к оформлению однопартийной системы, наиболее ярко проявившаяся во время создания БССР, когда органы Компартии по существу подменяли собой институты государственной власти. Стремление правящей партии отстранить от рычагов управления своих политических конкурентов выступало характерным признаком политической системы т.н. «военного коммунизма». Последний представлял собой тотальный контроль партийных и государственных органов над большинством сфер жизни и возник в результате осуществления революционных идей в условиях военного времени. Его отличие от обычного тоталитаризма заключается в определенной институциональной гибкости, т.е. незавершенности построения системы управления. Для периода «военного коммунизма» была характерна революционная диктатура, осуществлявшаяся под руководством партии большевиков. При этом за Компартией был закреплен исключительный доступ к властным полномочиям, демонтирован механизм легальной смены власти, монополизированы основные властные ресурсы. В Советской Беларуси допускалось легальное существование прочих политических партий, которые сохраняли определенную долю критичности по отношению к правящей партии, но были лишены реальной возможности прийти к власти и использовались ею как средство расширения социальной базы режима и канализации недовольных элементов в подконтрольные политические структуры.

Белорусский историк В.Е. Козляков справедливо отмечал, что размах гражданской войны в России был обусловлен не только противостоянием «белых» и «красных», но гораздо более многоплановой и многоуровневой политической борьбой, а также «наличием огромной массы населения, не желавшей подчиняться никакой власти» [3, с. 215].

Советская политическая система окончательно сложилась в Беларуси к 1927 г., когда, во-первых, все политические партии и группы, противостоящие правящей партии, были дезорганизованы и оказались в глубоком идейном и организационном кризисе, что и позволило в конечном итоге их ликвидировать, во-вторых, юридически, а также практически был закреплен механизм управления Компартией государственными и общественными структурами, в-третьих, в результате серии планомерных акций советской стороны была устранена как влиятельная политическая сила белорусская эмиграция. Последний момент был весьма важен для Беларуси. В силу пограничного положения республики, широкого распространения в период борьбы против польских оккупантов национально-освободительных идей, особенно среди интеллигенции, политическая эмиграция

выступала не только в качестве фактора осложнения внешнеполитической ситуации, но и как потенциальный дестабилизатор внутреннего положения. По существу, к середине 20-х гг. в БССР возникла единая партийно-государственная правящая элита, причем Коммунистическая партия руководила перемещением кадров по горизонтали и вертикали, рекрутировала новых функционеров, что позволяло ей выступать в качестве основы всего государственного устройства.

Таким образом, революция не достигла провозглашаемых ею изначально целей. Однако в Беларуси она увенчалась важнейшим результатом – созданием суверенного государства в рамках Советского Союза. Общество подверглось, пожалуй, одной из самых глубоких политических трансформаций за всю историю. Причем произошло это в очень сжатый срок, что было обусловлено невероятной интенсивностью революционного процесса, который затронул все стороны жизни.

Источники и литература

1. Кнорин, В.Г. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. – Минск: Госиздат Белоруссии, 1925.
2. Сташкевич, Н.С. Формирование идеологии белорусской государственности / Н.С. Сташкевич // Беларуская думка. – 2001. -- № 1. – С. 136-147.
3. Козляков, В.Е. Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (На материалах России, Беларуси, Украины). – Мн., 2001.

ИСТОЧНИКИ ПО ВЫБОРАМ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ БЕЛАРУСИ

Н.А. Шемплехова

Могилев, МГУ им. А.А. Кулешова

Помимо опубликованных источников по истории, деятельности и функционированию Государственного совета Российской империи в 1906-1917 гг., в Национальном историческом архиве Беларуси содержатся архивные документы, представляющие значительный научный интерес для исследователей истории парламентаризма начала XX века.

Данные материалы позволяют изучить процесс выборов в Государственный совет и дать характеристики его членовот Витебской, Могилевской и Минской губерний.

Часть дел представленных в фондах архива, касаются заявлений по жалобам землевладельцев об исключении их из списков имеющих права быть избранными в члены Государственного совета. Так в одном из имеющихся материалов отражена жалоба землевладельца В. Коссова об исключении его, из списка землевладельцев имеющих право быть избранными в члены Государственного совета по Витебскому уезду [1; л. 1]. Его исключение произошло ввиду отсутствия информации о возрасте и образовательном цензе. Витебская Уездная по делам о выборах в Государственную думу комиссия просила предоставить все необходимые сведения для разрешения данного вопроса.

Подобные жалобы нередковстречаются в фондах архива. Дело по жалобе графа Г. Х. Броэль-Плятера об исключении его кандидатуры для выборов в члены Государственного Совета по Двинскому уезду [2; л. 1-2]. Он не был допущен к выборам ввиду того, что действовал на основании своей жены графини М. Э. Броэль-Плятер, которая

обладая полным избирательным цензом, могла осуществить участие в выборах, только посредством своего мужа или сына. Граф выступает против ограничительно-го закона «непосредственного голоса» и просит дать распоряжение Уездной Комиссии по выборам в Государственную думу об исправлении составленного списка и о внесении его в список избирателей в Государственный совет [2; л. 1-2].

Изучение данных дел дает возможность уточнить имущественный и образовательный цензпредставителей белорусских губерний и проанализировать механизм выборов в Госсовет.

Помимо заявлений о жалобах в фондах также встречаются прошения о внесении в списки лиц, имеющих право быть избранными в члены Государственного Совета от Витебской губернии [3; л. 1]. Стоит отметить, что не все ходатайства лиц о внесении их в список удовлетворялись.

Кроме сведений по Витебской губернии имеются также данные о выборах в Государственный совет по Минской и Могилевской губернии. В основном это наряды бумаг по делам о выборах, в которых содержатся указы губернатора об обязательном составлении списков членов, которые имеют право быть избранными в Государственный совет, а также о произведении выборов членов Госсовета от губернских земских собраний в связи с истечением срока полномочий на следующие три года [3; л. 8].

Эта информация также способствуют пониманию процесса выборов и тех процедур, которые с ними связаны [5; л. 15].

Кроме того конкретные списки лиц имеющих право быть избранными в члены Государственного совета по Могилевской и Минской губерниям, также являются очень важной составляющей для исследования деятельности представителей белорусских губерний в Государственном совете Российской Империи [4; л. 15]. Они позволяют восстановить более полные списки членов совета, и являются дополнением к материалам стенографических отчетов.

С помощью списков можно узнать, сколько всего членов Государственного совета принимало участие в выборах, дать их полную характеристику: обозначить возраст, вероисповедание, национальность, имущественный и образовательный ценз [6; л. 15].

Из всех вышеперечисленных материалов списки являются наиболее полезными для исследования деятельности представителей белорусских губерний в Государственном совете.

Документы фондов Национального исторического архива Беларуси являются важными составляющими источниковой базы для анализа истории и функционирования Государственного совета и изучения деятельности представителей белорусских губерний в данном учреждении Российской империи.

Источники и литература

1. Дело по жалобе землевладельца В. Коссова об исключении его из списка землевладельцев, имеющих право быть избранным в члены Государственного совета по Витебскому уезду (28-31 марта 1906 г.) / Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2558. – Оп.1. – Д. 20.
2. Дело по жалобе графа Г. Броель-Плятера об исключении его из списка кандидатов для выборов в члены Государственного совета (15-25 марта 1906 г.). / Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2558. – Оп. 1. – Д. 21.
3. Журналы заседаний Витебской губернской комиссии (17 июля-16 сентября 1909 г.) / Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2558. – Оп. 1. – Д. 125.

4. Материалы о выборах в Государственный совет по Минской губернии (5 июня-13 октября) / Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 317. – Оп. 1. – Д. 195.
5. Материалы о выборах в члены Государственного совета от Могилевского губернского земского собрания. Циркуляр Министерства юстиции по выборам членов Государственного совета (24 июля- 2 августа 1913 гг.)/Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2058. – Оп. 1. – Д. 13.
6. Материалы о выборах в члены Государственного совета от Могилевского губернского земского собрания. Циркуляр Министерства юстиции по выборам членов Государственного совета / Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2058. – Оп. 1. – Д. 14.

КРУПНЫЙ БИЗНЕС ГЕРМАНИИ И НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. СОГЛАШЕНИЕ СТИННЕСА–ЛЕГИНА В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ

А.А. Богдашкин

Воронеж, ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

История германской революции 1918–1919 гг., её причины и предпосылки, вопросы о движущих силах и характере, а также роли революции в истории Германии первой половины XX века вызывали оживленные дискуссии в историографии различных стран. В Советском Союзе было издано немало работ, посвященных этому историческому событию [См. 2, 3, 4, 5, 7]. Однако в центре внимания большинства советских исследований находились вопросы стратегии и тактики спартаковского движения и образованной в конце 1918 – начале 1919 гг. Коммунистической партии Германии. В изданных во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX века историографических монографиях М.И. Орловой и Я.С. Дробкина круг проблем был значительно расширен, однако деятельность германского крупного бизнеса в условиях революционных событий осталась вне поля зрения авторов. Начиная с 1990-х гг., интерес к событиям 1918–1919 гг. заметно угас.

В российской историографии преобладающей остается точка зрения, согласно которой руководители промышленных предприятий Германии, испугавшись начавшейся революции, были вынуждены заключить временный тактический союз с руководством германских профсоюзов. Тем не менее, в рамках такого подхода невозможно уяснить значение изменений социально-экономической структуры германского общества, произошедших в результате событий ноября 1918 г. Подобная трактовка позиции германского крупного бизнеса в период революции длительное время была распространена в историографии США и Великобритании. Эмигрировавший в Соединенные Штаты после прихода Гитлера к власти известный историк левых взглядов Г. Розенберг утверждал, что в ноябрьские дни 1918 г. германские промышленники были «бессильны» и готовы пойти на любые уступки, лишь бы «удержать свою собственность» [32, S. 278]. Вслед за Розенбергом подобного рода суждения были повторены практически во всех американских исследованиях, посвященных истории Веймарской республики [См. 21, 20].

В рамках данной концепции многие историки объясняли причины подписания ведущими промышленниками Германии и руководителями свободных профсоюзов 15 ноября 1918 г. «Соглашения о деловом сотрудничестве», получившего по именам крупнейшего рурского промышленника Гуго Стиннеса и профсоюзного лидера Карла Легина название «Соглашение Стиннеса–Легина». Этот документ предусматривал признание предпринимателями профсоюзов как представителей интересов рабочих, отказ от поддержки «желтых профсоюзов», согласие подписать тарифные договоры

и утвердить восьмичасовой рабочий день. Профсоюзные лидеры дали обещание прекратить классовую борьбу. Для решения спорных вопросов на предприятиях на основе «паритетного» представительства создавались «согласительные комиссии». Была образована и центральная организация для осуществления сотрудничества – «Центральная комиссия делового содружества» [14, S. 312–313].

Деятельность руководителей профсоюзных организаций и лидеров Социал-демократической партии Германии оценивалась большинством американских историков однозначно негативно. Известный исследователь, автор монографии «Германия испробовала демократию» С.У. Гальперин был убежден в том, что социал-демократы и профсоюзные лидеры, отказавшись от социализации ключевых отраслей промышленности, допустили действия «выше необходимых», чтобы спасти умирающую нацию от дальнейшей и агонии и худшего развития сценария [21, P. 110–111]. В американской историографии, начиная от А. Розенберга, широкое распространение получила концепция «третьего пути» развития революции 1918–1919 гг. – создание более демократической системы управления путем сочетания парламентаризма и Советов [9; 10; 23; 34; 12. См. об этом также: 22, S. 130; 13]. Не всегда соглашаясь с его социалистическими воззрениями, исследователи восприняли аргументы Розенберга в поддержку социально-экономической реформы, которая должна была выступать гарантией политической демократии. Только путем проведения такой реформы (ликвидация юнкерских землевладений и национализация тяжелой промышленности) могла быть сломлена власть антидемократически настроенных высших сословий. Отказ от ее осуществления, по их убеждениям, позволял этим реакционным элементам сохранить свое влияние в германском обществе неповрежденным, саботировать и, в конечном счете, разрушить Веймарскую республику [13; 24, P. x].

Критические оценки концепции «третьего пути» [29; 13] не оказали значительного влияния на развитие американской научной мысли. Политолог Т. Коул (Техасский университет), считавший, что соглашение Стиннеса-Легина «облегчило относительно гладкий переход от войны к экономике мирного времени», составлял явное исключение. Однако и он признал, что прибегнув к помощи добровольческих корпусов в подавлении рабочих восстаний 1919 г., руководство СДПГ сделало «отвратительный трагический выбор», отказавшись создавать народную армию, подлинно демократическую администрацию и новую политическую систему [11, P. 359]. Многие историки акцентировали внимание на финансировании и иных формах поддержки промышленниками добровольческих корпусов и других правоэкстремистских организаций, являвшихся главной военизированной силой антиреспубликанского путча Каппа-Лютвица 1920 г [20, S. 92; 33, P. 194–195 и др].

Однако по мере расширения источниковой базы и открытия архивов промышленных корпораций Германии в 60-х гг. XX века представления историков о тактике германского крупного бизнеса в период революции и причинах, побудивших их подписать «Соглашение о деловом сотрудничестве» были пересмотрены. Под воздействием движений социального протеста 60-х гг., в историографии США возрос интерес к изучению роли большого бизнеса в политическом устройстве Веймарской республики. Часть американских историков (главным образом молодого поколения) разделяли антикапиталистический настрой «новых левых». В американской историографии оформилась «радикальная школа», к которой примкнули и ряд представителей либерального направления [1, с. 79; 6, с. 182].

Подобного рода тенденции получили распространение и в западногерманской историографии. Тем не менее, историки ФРГ под воздействием крупнейших антика-

питалистических выступлений студентов в Европе в 60-е – 70-е гг. уделяли основное внимание исследованию общественно-политических структур германской революции, основным результатом которого стало «открытие Советов» – как ключевой проблемы революции [7, с. 12]. Американские же ученые выбрали своим приоритетом анализ социально-экономических факторов. При этом следует отметить, что они, в отличие от историков поколения 40-х – 50-х гг., не только пытались объяснить причины падения Веймарской республики и прихода Гитлера к власти, но и выявить механизмы регулирования отношений между организованными социальными группами Германии того периода, которые были крайне напряженными.

Впечатляющий вклад в изучение промышленной истории первых лет Веймарской республики внесли профессор Калифорнийского университета в Беркли Дж. Д. Фелдман и профессор Гарвардского университета Ч.С. Майер. В результате кропотливой работы в архивах промышленных объединений Германии исследователи пришли к выводу, что в результате революции германские промышленники усилили свое коллективное влияние в германском обществе, чему в немалой степени способствовал их альянс с руководителями рабочих организаций [14, S. 340; 27, P. 53].

По убеждению Дж. Фелдмана уже к 1916 г. промышленники были крайне недовольны государственным вмешательством в экономику и не верили, что после окончания войны вильгельмовский режим сможет обеспечить успешное развитие государства. Они понимали, что только союз с организованными рабочими мог составить прочную основу для сохранения их гегемонии после окончания войны. Беспокойство по поводу беспорядочной или хаотичной демобилизации сплотило их в альянс против государственного комитета экономики и в поддержку создания нового ведомства демобилизации.

Тем самым было поставлено под сомнение утверждение, согласно которому соглашение Стиннеса-Легина явилось результатом паники в рядах промышленников. Напротив, Стиннес и его коллеги не подписали ничего нового по сравнению с теми уступками, на которые они согласны были пойти до революции. Даже в условиях страха перед «анархией, большевизмом, властью спартаковцев или хаосом» Стиннес язвительно заявлял, что не подпишет ничего нового по сравнению с теми уступками, на которые он мог пойти при иных обстоятельствах [14, S. 335]. В свою очередь Майер, исследовавший процесс стабилизации после Первой мировой войны в Германии, Франции и Италии, подчеркивал, что немецкая тяжелая промышленность вышла из кризисной ситуации 1918–1919 гг. более организованно в сравнении с другими европейскими странами [27, P. 53].

Фелдман аргументировано утверждал, что «работодатели уступили (*профсоюзным лидерам – А.Б.*) в том, в чем, было невозможно отказать, при существовавших обстоятельствах» [14, S. 336]. Фелдман и Майер критически оценивали деятельность ведущих сил германского делового мира, экономическую политику СДПГ и демократических правительств Веймарской республики. Ч. Майер проявлял и определенное сочувствие к тем социальным и политическим силам, которые стремились к осуществлению подлинной социалистической революции в Германии. Историки дополнили список ведущих американских ученых, воспринимавших критически исторический выбор руководства социал-демократов, и внесли весомый вклад в анализ концепции альтернативного развития революции 1918–1919 гг., переведя ее на новый исследовательский уровень.

Отмечалось, что профсоюзные лидеры, которые после заключения соглашения «О деловом сотрудничестве», стали участвовать в работе совместной организации с работодателями, в отличие от промышленных магнатов не имели никакой собственной реальной программы [15, P. 176]. Они не захотели воспользо-

ваться имеющимися в рядах промышленников разногласиями для того чтобы сохранить государственный контроль над экономикой страны. Более того, ряд видных деятелей СДПГ поддерживали самые «радикальные» предложения по отмене любого государственного контроля над производством и запрету ценового максимума, исходившие от Г. Стиннеса и А. Фёглера.

Предоставленная промышленникам возможность участия в работе Комиссии по социализации в качестве экспертов, по мнению Фелдмана, привела к тому, что как подтверждает один из промышленных магнатов П. Зильверберг «большой бизнес пресек социализацию, постоянно представляя новые идеи» [18, Р. 48]. Майер прямо заявил, что Совет народных уполномоченных (СНУ) и республиканские правительства, возглавляемые социал-демократами, внесли огромный вклад в усиление тяжелой промышленности [27, Р. 69].

При этом Фелдман подчеркивал, что в среде промышленников разделялось положительное представление о правом социал-демократе, министре обороны Г. Носке и созданных им добровольческих корпусах, состоящих из буржуазных групп во главе с крайне правыми офицерами, враждебных республике. Многие из правительственных чиновников типа Носке, известные своим порочным и зверским поведением в подавлении восстаний рабочих по всей Германии в 1919 г., и их последователи позднее нашли свой путь в ряды нацистской партии и ее военизированных организаций. В 1919 г. миллионы промышленных денег лились в добровольческие корпуса из Бремена, Гамбурга, Берлина и Рура [17, Р. 313].

Критические представления Фелдмана и Майера о политике СДПГ по отношению к промышленным магнатам разделяли и многие другие американские исследователи, изучавшие деятельность СДПГ, НСДПГ в период революции, а также авторы более общих работ по исследованию рабочего и профсоюзного движения Германии [35; 28].

Однако с середины 1970-х гг. в американской историографии концепция «третьего пути» стала подвергаться критике. К середине 70-х гг. XX века коренным образом изменилась политическая обстановка в мире. Левые настроения 60-х гг. сменились правыми. В 1981 г. Р. Рейган был избран президентом США. В 1982 г. в Германии после отставки Г. Шмидта закончился период правления СДПГ. В новых публикациях соглашение Стиннеса–Легина прямо или косвенно стало оправдываться. Так, историк из университета штата Вайоминг Э.Д. Кохлер указывал на необходимость распространения соглашения Стиннеса–Легина на аграрный сектор германской экономики. Выводы ряда историков о недостаточности или отсутствии действий в области экономики у Совета народных уполномоченных (СНУ) и «неискренности» его политики он считал слишком резкими [25, Р. 252]. Профессор Бостонского университета Д. Орлов положительно характеризовал политику СНУ, которая, по его убеждению, была направлена на объединение и сотрудничество всех сил германского общества для сохранения национального единства [31, Р. 200].

Историк У.Х. Маэл высказал суждение, согласно которому СДПГ использовала «Соглашение о деловом сотрудничестве», чтобы «сдерживать экстремизм и свести к минимуму ущерб экономической системы», а заключение этого соглашения укрепило ее позиции. Главную вину за ограниченность социальных преобразований в Германии Маэл возложил на независимцев, поскольку их представители в декабре 1918 г. вышли из СНУ. Это нерациональное решение, а также радикализация тактики НСДПГ, по его мнению, привело к спартаковскому восстанию и возрождению в стране реакционного милитаристского духа 1914 г. [26, Р. 15, 28]. Тем не менее, позиция Фелдмана выглядит более аргументированной. Есть все

основания утверждать, что именно отказ СДПГ от проведения более глубокой демократизации социально-экономической и политической системы Германии привел к углублению революционного хаоса зимой и весной 1919 г. [19, Р. 164]. Другой американский исследователь Г. Браунталь справедливо указывал, что подписание профсоюзными лидерами «Соглашения о деловом сотрудничестве» просто «обязано было вызвать разногласие среди рабочих», поскольку миллионы из них поддерживали требование о социализации промышленности [10, Р. 35].

Под ударами критики позиция Фелдмана, Майера и их последователей несколько смягчилась. Так, тогда еще преподаватель истории колледжа г. Каламазу Д.Е. Барклей отмечая, что Комиссия по социализации была создана только под воздействием требования рабочих масс и весь руководящий состав СДПГ были категорическими противниками «быстрой социализации» в любой ее форме, в тоже время высказал суждение, согласно которому социал-демократы противились социализации лишь в тех исторических условиях. Исследователь заявлял: они придерживались мнения, что для осуществления социализации необходимо ждать периода, когда экономические условия станут «более благоприятными» [9, Р. 60, 79]. Такая позиция представляется весьма спорной, поскольку и в последующие годы СДПГ так и не предприняла никаких реальных действий в этом направлении.

Американские исследователи поколения 60-х – 70-х гг. убедительно показали необходимость проведения национализации ключевых предприятий тяжелой промышленности Германии, руководители которых проводили слишком эгоистичную экономическую политику. Отказ от ее осуществления породил социальные волнения среди пролетариата и привел к усилению наиболее радикальных элементов в германском обществе. Отказ от претворения в жизнь идей о социализации имел крайне негативные последствия в более отдаленной перспективе. В конце 1922–1923 гг. осознанные действия руководителей рурской промышленности привели к жесточайшему экономическому кризису, а государственная власть оказалась абсолютно беспомощной и не имела никаких возможностей влить на управление экономикой страны. Вряд ли стоит отрицать, что имея в своих руках стратегически важное производство, исполнительная власть Веймарской республики могла бы значительно лучше управлять процессом инфляции.

Конечно, концепция «третьего пути», которой придерживался Фелдман и многие другие исследователи, имела немало недостатков. Однако это не отрицает возможности изменения экономической, да и политической, структуры Германии. Следует признать, что СНУ в вопросах регулирования отношений между рабочими и работодателями, экспортной и ценовой политики предпринимателей имел вполне реальные возможности для их более глубокой демократизации. Фелдман обоснованно указывал на имеющиеся у СНУ возможности ограничения влияния старой военной элиты, создания демократической армии, приручения бюрократии и устранения ее наиболее реакционных элементов, а также проведения социализации угольной промышленности [30, Р. 176]. Именно в таком виде «третий путь» мог быть реализован в 1918–1919 гг.

Источники и литература

1. Болховитинов Н.Н., Согрин В.В. Об основных тенденциях в развитии историографии США // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ / отв. ред. В.Л. Мальков. – М., 1989. – С. 78–102.
2. Драбкин Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии. – М., 1958. – 442 с.
3. Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. – М., 1967. – 433 с.
4. Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. – М., 1978. – 373 с.

5. Драбкин Я.С. Проблемы и легенды в историографии Германской революции 1918–1919 гг. – М., 1990. – 276 с.
6. Кантор Р.Е. «Новые левые» в американской исторической ассоциации // Вопросы истории. – 1971. – № 9. – С. 181–191.
7. Орлова М.И. Германская революция 1918–1919 гг. в историографии ФРГ. – М., 1986. – 269 с.
8. Barclay D.E. A Prussian Socialism? Wichard von Moellendorff and the Dilemmas of Economic Planning in Germany, 1918–19 // *Central European History*. – 1978. – Vol. XI. – № 1. – P. 50–82.
9. Berlau A.J. The German Social Democratic Party, 1914–1921. – N.Y., 1949. – 374 p.
10. Braunthal G. Socialist Labor and Politics in Weimar Germany. The General Federation of German Trade Unions. – Hamden, 1978. – 253 p.
11. Cole T. European Political System. – N.Y., 1960. – 837 p/
12. Comfort R. Revolutionary Hamburg: Labor Politics in the Early Weimar Republic. – Stanford, 1966. – 226 p.
13. Epstein K. Three American Studies of German Socialism // *World Politics*. – 1959. – Vol. XI. – № 4. – P. 629–651.
14. Feldman G.D. German Big Business Between War and Revolution: The Origins of the Stinnes-Legien Agreement // *Entstehung und Wandel der modernen Gesellschaft. Festschrift für Hans Rosenberg zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von G.A. Ritter. – Berlin, 1970. – S. 312–341.
15. Feldman G.D. German Interest Group Alliances in War and Inflation, 1914–1923 // *Organizing Interests in Western Europe: Pluralism, Corporatism and the Transformation of Politics* / Ed. by S.D. Berger. – Cambridge–N.Y., 1981. – P. 259–284.
16. Feldman G.D. Iron and Steel in the German Inflation, 1916–23. – Princeton, N.J., 1977. – 518 p.
17. Feldman G.D. Paul Reusch and the Politics of German Heavy Industry 1908–1933 // *People and Communities in the Western World. Vol. II* / Ed. by G.A. Brucker. – Homewood–Illinois, 1979. – P. 293–331.
18. Feldman G.D. The Social and Economic Policies of German Big Business, 1918–1929 // *The American Historical Review*. – 1969. – Vol. LXXV. – № 1. – P. 47–55.
19. Feldman G.D. Socio-economic Structures in the Industrial Sector and Revolutionary Potentialities, 1917–22 // *Situations Révolutionnaires en Europe, 1917–1922: Allemagne, Italie, Autriche-Hongrie: Actes, 2e Colloque International*, 25, 26, 27 Mars 1976 / Ed. by Ch.L. Bertrand. – Québec, 1977.
20. Hallgarten G.W.F. Hitler, Reichswehr und Industrie: zur Geschichte der Jahre, 1918–1933. – Frankfurt am Main, 1955. – 130 S.
21. Halperin S.W. Germany Tried Democracy: A Political History of Reich from 1918 to 1933. – New York, 1946. – 567 p.
22. Hunt R.H. Friedrich Ebert und die deutsche Revolution von 1918 // *Vom Kaiserreich zur Weimarer Republik* / Hrsg. von E. Kolb. Köln. 1972.
23. Hunt R.H. German Social Democracy, 1918–1933. New Haven, 1964.
24. Hunt R.H. Introduction // *The Creation of the Weimar Republic: Stillborn Democracy?* / Ed. with an introduction by R.H. Hunt. – Lexington, 1969. – Introduction.
25. Kohler E.D. Revolutionary Pomerania, 1919–20: A Study in Majority Socialist Agricultural Policy and Civil-Military Relations // *Central European History*. – 1976. – Vol. IX. – № 3. – 250–293.
26. Maehl W.H. The German Socialist Party: Champion of the First Republic, 1918–1933. – Philadelphia, 1986. – 270 p.
27. Maier Ch.S. Recasting Bourgeois Europe: Stabilization in France, Germany, and Italy in the Decade after World War I. – Princeton, N.J., 1975. – 650 p.
28. Morgan D.W. The Socialist Left and the German Revolution. The History of the German Independent Social Democratic Party, 1917–1922. – Ithaca, 1975. – 499 p.
29. Pinson K.S. Modern Germany: Its History and Civilization. – N.Y., 1954. – 682 p.
30. Problèmes dans L'industrie / Session on Industrial Problems. Discussion // *Situations Révolutionnaires en Europe, 1917–1922: Allemagne, Italie, Au-triche-Hongrie: Actes, 2e Colloque International*, 25, 26, 27 Mars 1976 *Situations Révolutionnaires en Europe, 1917–*

- 1922: Allemagne, Italie, Autriche-Hongrie: Actes, 2e Colloque International, 25, 26, 27 Mars 1976 / Ed. by Ch.L. Bertrand. – Québec, 1977.
31. Orlow D. 1918/19: A German Revolution // German Studies Review. – 1982. – Vol V. – № 2. – P. 187–203.
32. Rosenberg A. Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. – Frankfurt am Main, 1955. – 491 S.
33. Waite R.G.L. Vanguard Nazism: The Free Corps of Movement in Postwar Germany 1918–1923. – Cambridge (Ma.), 1952. – 344 p.
34. Waldman E. The Spartacist Uprising 1919 and the Crisis of the German Socialist Movement: a Study of the Relation of Political Theory and Party Practice. – Milwaukee, 1958. – 248 p.
35. Wheeler R.F. The Independent Social Democratic Party and the Internationals: An Examination of Socialist Internationalism in Germany, 1915 to 1923. – Pittsburgh, 1970. – 489 p.

СОЗДАНИЕ НОВОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Н.В. Семенова

Псков, Псковский государственный университет

Новый этап в развитии государства и права России связан с Октябрьской революцией. Победа пролетарской революции в России привела к установлению диктатуры пролетариата. В России диктатура пролетариата была установлена в форме республики Советов. Революция в России победила под руководством Российской социал-демократической партии, которая стала правящей партией в стране. Она определила стратегические направления развития государства и права.

Милиция была одним из первых органов диктатуры пролетариата, созданных после победы революции. Она осуществляла многогранную деятельность по охране общественного порядка, борьбе с уголовной преступностью в стране, в защите революции, в пресечении деятельности против новой власти, в проведении в жизнь законов Советской власти.

Оформление нового права происходило путём издания отдельных нормативных актов. В 1918-1919 годах была проведена систематизация норм права. Правом издания законодательных актов обладали: Всероссийский съезд Советов, ВЦИК, СНК, а с 1919 года - Президиум ВЦИК. В выработке нормативных актов в ряде случаев принимали участие общественные организации трудящихся, в частности, профсоюзы в создании норм трудового права. На местах иногда принимались местные небольшие уголовные и процессуальные кодексы.

Законодательные акты назывались по-разному: обращения, воззвания, декреты, постановления, декларации.

Принципиальных различий между ними не было. Чаще всего они именовались декретами. Нормативные акты РСФСР служили образцом для законодательства других республик. При отсутствии правовых актов вопросы решались, опираясь на революционное правосознание.

Первое время новая власть издавала отдельные нормативные акты, имевшие отношение к уголовному праву. К концу июля 1918 года было принято 40 уголовно-правовых декретов и 69 актов об отдельных преступлениях. Большое внимание государство уделяло борьбе с контрреволюционными преступлениями.

Первым специальным нормативным актом нового государства в области уголовного права было постановление второго Всероссийского съезда Советов «Об от-

мене смертной казни», опубликованное 28 октября 1917 года, согласно которому «восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменялась». Судебные органы до 16 июня 1918г. смертную казнь как меру наказания не применяли.

28 ноября 1917 года было опубликовано подготовленное НКЮ «Руководство для устройства революционных трибуналов», где впервые был дан перечень наказаний, применяемых трибуналами: денежный штраф, общественное порицание, лишение общественного доверия, принудительные общественные работы, лишение свободы, высылка за границу.

Определялась задача уголовного права - это борьба с «нарушителями складывающихся новых условий общежития в переходный период диктатуры пролетариата». Чётко прослеживался классовый подход. Задача советского уголовного права - посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс. Содержалась важная оговорка о том, что советское правосудие осуществляется народными судьями и революционными трибуналами. Преступление определялось как нарушение общественных отношений охраняемых уголовным правом. При определении меры наказания суд должен был оценивать степень и характер опасности для общества как самого преступника, так и совершённого им деяния. Судом учитывались обстоятельства при определении меры наказания. Для революционных трибуналов важны были следующие обстоятельства: совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-нибудь привелегии, связанной с правом собственности, или неимущем в состоянии голода и нужды; совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетённого класса или в личных интересах совершающего деяние.

Уголовная ответственность наступала с 14 лет. Содержалось положение о необходимой обороне, субъективной стороне состава преступления. Не подлежали суду и наказанию лица, совершившие деяния в состоянии душевной болезни. В специальном разделе давались примерные виды наказаний: внушение, выражение общественного порицания, принуждения к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти курс обучения), объявления под бойкотом, исключение из объединения на время или навсегда, воспрещение занимать ту или иную должность или выполнять ту или иную работу, конфискация всего или части имущества, лишение политических прав, объявление врагом революции и народа, принудительные работы без помещения в места лишения свободы, лишение свободы на определённый или на неопределённый срок до наступления известного события, объявления вне закона, расстрел, сочетание видов наказания.

Расстрел являлся исключительной мерой. В примечании было указано, что народные суды не применяют смертной казни. Следовательно, из судебных органов её могли применять лишь революционные трибуналы. Трибуналы не лишались своего, ничем не ограниченного права в применении наказания.

Уголовное право РСФСР действовало на всём пространстве республики в отношении как её граждан так и иностранцев, совершивших на её территории преступления, а также в отношении граждан РСФСР и иностранцев, совершивших преступления на территории другого государства, но уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР.

«Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» сыграли большую роль в улучшении деятельности судебных органов, в развитии уголовного права, были важным этапом на пути создания уголовного кодекса.

10 июля 1918 года, пятый Всероссийский съезд Советов принял Конституцию. Она послужила базой для последующего законодательства, оказала большое влияние на формирование конституций других советских республик, способствовала созданию правового государства с признанием высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина.

Источники и литература

1. Гессен В.М. Основы конституционного права, Пг, 1917.
2. Исаев И.П. История государства и права России, М., 2011 г., с. 556-575.
3. Ковалевский М.М. Конституционное право, СПб, 1909, с. 29-31.
4. Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право, М., 1908, Вып. 2.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 44 с. 495-500.
6. Плотников А.В. Политическая история: Россия-СССР-Российская Федерация: в 2 т. М., 1996. Т. 1.
7. Сенцов А.А. Развитие Российского государства после Февральской революции 1917 года. Краснодар, 1994.
8. Титов Ю.П. История государства и права России. М., 2008, с. 301-310.
9. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1993.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА В РЕЗУЛЬТАТЕ СВЕРШЕНИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Н.Ю. Семенова

Псков, Псковский государственный университет

Формирование основ нового права началось с издания первых декретов второго Всероссийского съезда Советов. Декрет о суде № 1 отменял действие старых законов, если они противоречили революционному правосознанию. Революционное правотворчество осуществлялось самими судебными органами, высшими органами власти (съезд, ВЦИК, СНК), руководящими органами политических партий (ЦК) и местными Советами.

Приоритет революционного правосознания в качестве источника права основывался на господстве в первые годы революции психологической теории права, считавшей важнейшим аспектом правовой реальности именно правосознание, а не норму и не правоотношение.

Одной из первых сфер, в которой осуществлено законодательное нормирование, стали брачно-семейные отношения. В декабре 1917 г. ВЦИК СНК приняли декреты, отменявшие всякие ограничения (разрешение родителей на брак, различие вероисповедания брачующихся), узаконивавшие только гражданскую форму брака, устанавливавшие свободу развода.

В сентябре 1918 г. ВЦИК принял Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Воспитание детей рассматривалось как общественная обязанность родителей а не как их частное дело. Церковный брак по Кодексу не порождает никаких юридических последствий. Провозглашался принцип раздельности имущества родителей и детей, запрещалось усыновление. Законодатель опасался скрытой «социально-экономической эксплуатации трудящихся под видом старых правовых отношений (наследования, завещания, усыновления, опеки).

В декабре 1917 ВЦИК принял Положение о страховании на случай безработицы и Декрет о страховании на случай болезни. Все меры социальной защиты обеспечивались из фондов предприятий. Была сформирована инспекция труда, избираемая профсоюзными органами.

В декабре 1918 года был принят первый Кодекс законов о труде РСФСР (КЗот). Действие кодекса распространялось на всех лиц, работающих по найму, во всех секторах хозяйства. В кодексе закреплялись нормы труда (продолжительность рабочего дня, для различных категорий трудящихся, условия работы), были установлены льготы для женщин и подростков. Кодекс вводил трудовую повинность для лиц от 16 до 58 лет.

В 1919 году Совнарком издал Декрет о всеобщей мобилизации. В июне этого года началось введение трудовых книжек. Это ужесточило систему контроля над трудящимися. Мобилизация неквалифицированной рабочей силы была изъята у профсоюзов и передана Наркомтруда.

В сфере гражданского права ВЦИК в апреле 1918 года принял Декрет об отмене наследования, по которому все виды наследования (по закону и по завещанию) отменялись. Всем этим законодатель стремился перекрыть источник «нетрудового обогащения».

Эту цель преследовал майский Декрет 1918 года о Дарениях, запретивший всякое «безвозмездное предоставление (передача, переуступка) имущества на сумму свыше десяти тысяч рублей».

В 1918 году было принято 17 специальных уголовно-правовых декретов и 15 актов об отдельных преступлениях, к концу июля 1918 года их было 40 и 69.

В декабре 1919 года Наркомюст принял Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, ставшие первой попыткой обобщить практику судов и трибуналов. Под правом кодекс систему общественных отношений. При назначении наказания суд должен был учитывать степень характер социальной опасности преступника и его социальную принадлежность. При этом наказание должно было основываться на целесообразности его применения.

Формы вины, необходимая оборона, крайняя необходимость в кодексе не расшифровывались. Недостаточное внимание к субъективной стороны преступления приводило к усилению принципа объективного вменения, когда степень наказания связывалась с результатом преступления, а не с его мотивами. На меру наказания влияла социальная принадлежность преступника (неимущий или принадлежащий к имущему классу) и социальная направленность деяния (в интересах угнетающего класса). К смягчающим обстоятельствам относились: принадлежность к «неимущему классу», состояние голода, нужды, невежество и неосознанность.

При определении меры наказания суду следовало учитывать: социальное положение преступника, политический и личный характер, мотивов преступления, степень осознания преступником своего деяния, соучастие, профессионализм преступника, наличие насилия, характер объекта преступления, такие мотивы как «жестокость, злоба, коварство, хитрость, запальчивость, легкомыслие, небрежность».

Практика судебного правотворчества получила в Руководящих началах поддержку в виде принципа аналогии: при отсутствии в законе конкретной нормы, разрешающей конкретный казус, к нему могли применять аналогичную норму и решать её по аналогии с другим казусом, урегулированной этой нормой. Такая свобода толкования на практике вела к произволу.

Система наказаний предусмотренных кодексом, включала: внушение, общественное порицание, принудительное изучение курса политработы, бойкот, ис-

ключение из коллектива, отстранение от должности, конфискацию имущества, лишение политических прав, объявление врагом народа, принудительные работы, лишение свободы, объявление вне закона, расстрел.

Разработка отдельных отраслей, институтов и норм права происходила на основе складывавшейся судебной практики и быстро формировавшейся законодательной базы. Законодатель стремился решать наиболее важные и актуальные (социальные, политические, экономические) проблемы. В процессе законотворчества формировалась единая система права.

10 июля 1918 года была принята Конституция и избран новый состав ВЦИК. Комплекс конституционных прав граждан ставился в самую тесную связь с их обязанностями и объявлялся конкретно гарантированным, а не только провозглашённым.

Значение Конституции 1918 года заключалось в создании правовой базы для последующего законотворчества. Конституция подвергла пересмотру старую систему общественных отношений, декларировав новые принципы и социальные ценности.

В результате Октябрьской революции были закреплены реальные механизмы власти, которые способствовали возникновению новой идеологии.

Источники и литература

1. Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг, 1917.
2. Исаев И.П. История государства и права России. М., 2011г., с. 556-575.
3. Ковалевский М.М. Конституционное право. СПб, 1909, с. 29-31.
4. Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право. М., 1908. Вып. 2.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37, с. 282.
6. Плотников А.В. Политическая история: Россия-СССР-Российская Федерация: в 2 т. М., 1996. Т. 1.
7. Сенцов А.А. Развитие Российского государства после Февральской революции 1917 года. Краснодар, 1994.
8. Титов Ю.П. История государства и права России. М., 2008, с. 301-310.
9. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1993.

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Т.В. Моторнюк

Псков, Псковский государственный университет

Великая Октябрьская революция явилась закономерным результатом всемирно-исторического процесса, приведшего человечество к социалистической революции и выдвинувшего рабочий класс России в авангард мирового революционного движения. Решающее значение победы Октябрьской революции заключалось в том, что во главе народных масс стояла революционная партия большевиков, вооруженная передовой марксистско-ленинской теорией.

Победа Великой Октябрьской революции имела огромное международное значение. В. И. Ленин писал: «Мы имеем право гордиться и считать себя счастливыми тем, что нам довелось первыми свалить в одном уголке земного шара того дикого зверя, капитализм, который залил землю кровью, довел человечество до голода и одичания...».

Борясь за сохранение завоеваний Октября и в дальнейшем за построение социализма, рабочий класс России неизменно чувствовал поддержку со стороны пролетариев капиталистических стран. В то же время рабочие капиталистических государств в своей революционной борьбе за дело прогресса, за социализм приобрели надежного друга и соратника. Во взаимоотношениях советского рабочего класса с пролетариями капиталистических стран получил яркое выражение принцип пролетарского интернационализма. «Мы не только солидаризировались с русской революцией, – пишет генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез, – мы считали Октябрьскую социалистическую революцию своим кровным делом, делом пролетариата Франции и всех стран. Мы ее рассматривали как наше достояние, как достояние всего международного рабочего движения и мы, пролетарии Франции, заявили о нашей вере в нее и о нашем долге учиться у Ленина».

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на другие страны было обусловлено тем, что ее основные закономерности и черты развития имеют, по определению В. И. Ленина, «не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение». При этом, как указывал В. И. Ленин, нужно иметь в виду не одно лишь непосредственное революционизирующее воздействие Октябрьской революции, но и «международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас».

Русская революция получила сильнейший отклик во всем мире, пробуждая революционные и национально-освободительные движения во многих странах. Противники революции определяют ее как катастрофу, однако следует отметить, что русская революция свершалась внутри и отчасти по законам мировой катастрофы. Ей предшествовала Первая мировая война, а последствиями были распад большинства империй (Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской), небывалое развитие национального самосознания и образование десятка новых государств.

В 1917-1920 годах В.И.Лениным была предпринята, возможно, самая грандиозная попытка преодоления геополитики благодаря революционной мессианской идеологии. Его концепция мировой революции основывалась на том, что Советская Россия – идеологический феномен, призванный распространить коммунизм на весь мир. Будущее виделось ему как всемирная пролетарская общность без границ.

Поскольку становилось очевидным, что революции не побеждают одновременно во всех или хотя бы в ведущих капиталистических странах, а капитализм, со своей стороны, не может вести непрерывную войну против государства, где произошла социалистическая революция, В.И.Ленин выдвинул концепцию мирного сосуществования государств с различным общественным строем. В ее основе лежало стремление к налаживанию мирных и взаимовыгодных отношений Советского государства с капиталистическими странами. Трактующее таким образом мирное сосуществование способствовало признанию СССР со стороны капиталистического Запада и позитивно отразилось на международных отношениях в целом.

Общие закономерности Великой Октябрьской революции в дальнейшем блестяще подтвердились на опыте других стран, где победили социалистические революции и началось строительство социализма.

В первые годы после победы Октябрьской революции внешняя политика большевиков была в большей степени идеологизирована и ориентировалась на скорую победу мировой революции. С приходом к власти И.Сталина начинается постепенный пересмотр внешнеполитических приоритетов СССР. Как отмечает российский исследователь Н.Капченко «самой главной чертой внешнеполитической стратегии Сталина был радикальный пересмотр взглядов на мировую революцию и выработка стратегии превращения России в самодостаточную и мощную военно-экономическую державу мира. Сталин имел как бы две ипостаси – облик последовательного революционера, стремившегося к ниспровержению капиталистического строя, и облик создателя подлинно великого государства на обломках царской империи. В нем эти две ипостаси не то что гармонично уживались, но сосуществовали, действуя на параллельных курсах. Если же выделить главную, доминирующую, то это, безусловно, было государственное начало. Именно оно в конечном счете предопределяло его подход ко всем международным проблемам, лежало в качестве краеугольного камня в основе всей его внешнеполитической стратегии».

Однако уже в годы правления И.В.Сталина, а затем Н.С.Хрущева и Л.И.Брежнева мирное сосуществование в нарастающей степени трактовалось как форма классовой борьбы противоположных общественных систем на международной арене. Отягощенная такими идеологическими путами, концепция мирного сосуществования была тем самым изначально обречена на ограниченную результативность.

После подписания Версальского мирного договора в 1919 году и договора в Рапалло в 1922 году Советский Союз начал постепенно возвращаться к классической геополитике, сближаясь с Германией. В основе Пакта о ненападении между этими двумя странами (1939) лежали геополитические мотивы.

Реальный вес и влияние мирового масштаба СССР приобрел лишь в самом конце 30-х годов XX века. Ряд факторов не позволил руководству страны подкрепить свои идеолого-политические притязания действенным экономическим и политическим потенциалом. Это – длительная экономическая разруха после Гражданской войны, многочисленные эксперименты в сфере экономики, на которые растрчивались колоссальные людские и материальные ресурсы, репрессии, приведшие к уничтожению значительной части экономически активного населения.

Рассматриваемый период ознаменовался попытками построить послевоенный мир на демократических началах, создать механизм мирного решения споров, ограничить вооружения. Примерно полтора десятилетия (1918-1933) в международных делах прошли под знаком пацифизма, связанного с деятельностью Лиги Наций.

Однако страны – основательницы Лиги Наций не смогли в полной мере встать выше национально-государственного эгоизма, не сумели создать достаточно эффективный механизм противодействия агрессии и защиты интересов народов колониальной и зависимой части мира. Переход США к изоляционизму и отказ их правящих кругов от участия в Лиге Наций, политика Советской России, направленная на создание «Всемирной Советской республики», стремление нацистской Германии к реваншу взорвали слабые основы демократического миропорядка.

В 1930-е годы в мировой политике вновь возобладала модель противоборства национальных амбиций, усугубленных мессианскими и великодержавными устремлениями тоталитарных государств. Государства оси «Берлин–Рим–Токио» стреми-

лись к переделу мира в свою пользу и ликвидации СССР. США, Великобритания и Франция рассчитывали укрепить свои позиции, проводя политику умиротворения агрессоров, стремясь столкнуть их в вооруженном конфликте с Советским Союзом. Лишь угроза поражения в войне с Германией сделала возможным возникновение антигитлеровской коалиции государств с различным общественным строем.

В межвоенный период закладывались предпосылки для деколонизации Востока и образования множества независимых государств. В 1930 году Египет, а в 1936 году Ирак добились заключения с Великобританией договоров о независимости, хотя ряд положений этих договоров все же ограничивал их суверенитет. Великобритания была вынуждена согласиться на вхождение Индии в Лигу Наций. В начале 1940-х годов была признана независимость Сирии и Ливана.

Таким образом, к началу Второй мировой войны был вновь воссоздан баланс сил крупнейших мировых держав. Великобритания, Франция, Германия, США и СССР боролись друг против друга за силовое влияние в Европе и мире.

Источники и литература

1. Василенко И.А. Геополитика современного мира: учеб. пособие. М.: Издательство Юрайт, 2010.
2. Желтов В.В., Желтов М.В. Геополитика: история и теория: Учебное пособие. М.: Вузовский учебник, 2009.
3. Исаев Б.А. Геополитика: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2006.
4. Капченко Н. Внешнеполитическая концепция Сталина. // Международная жизнь. 2005. № 9. С. 100 -121.
5. Кефели И.Ф. Геополитика Евразии. СПб.: ИД "Петрополис", 2010.
6. Сирота Н.М. Геополитика. Краткий курс. СПб.: Питер, 2006.
7. Толкунов А.В. Всемирный опыт Октябрьской революции. // Политический класс. 2007. № 36.

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ В ПОВЕСТИ Э.М. ФОРСТЕРА «МАШИНА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ»

Д.О. Половцев

Минск, Белорусский государственный университет

Пожалуй, из всего художественного наследия классика английской литературы XX века Эдварда Моргана Форстера (Edward Morgan Forster, 1879 – 1970) наименее исследованными являются следующие произведения прозаика: антиконформистский роман «Морис» ("Maurice", 1971), сборник рассказов «В жизни грядущей» ("The Life to Come", 1972) и повесть «Машина останавливается» ("The Machine Stops", 1909). Анализ повести Э.М. Форстера «Машина останавливается» предназначен восполнить имеющиеся лакуны в изучении творчества английского писателя-модерниста, чьи пять романов из шести были экранизированы.

Повесть «Машина останавливается» состоит из трех частей, и ее сюжет довольно прост: прозаик изображает повседневную жизнь людей в эпоху Машины. Произведение Э.М. Форстера антиутопично; герои существуют в маленьких комнатах под землей, выход на поверхность возможен лишь с разрешения Цен-

трального Совета и в специальных респираторах; считается также, что «наверху» жизнь давно исчезла.

Жизнь людей «внизу» регламентирована и целиком зависит от Машины, которая заменила им религию: «Машина, – восклицали они [люди. – Д.П.], кормит нас, одевает и дает нам приют. Через нее мы говорим друг с другом, через нее мы видим друг друга, в ней обретаем свое бытие. Машина – друг идей и враг предрассудков. Машина всемогуща и вечна. Будь благословенна, Машина!» [1, с. 340].

Комната, в которой проживает главная героиня повести Вашти, – очень крохотная и не имеет окон. Думается, что Э.М. Форстер тем самым отсылает читателя к своему роману «Комната с видом», где на фоне итальянской природы разворачивается любовный роман главных героев Люси и Джорджа. Комната «без окон» является антитезой комнате «с видом» в указанном выше романе. Таким образом, представляется, что дихотомия «мир природы – мир цивилизации» является значимой для прозаика.

Вашти окружена вокруг себя различными механизмами, кнопками изоляции, экранами, световыми регуляторами, выключателями и прочими «благами» эры Машины. Для управления Машиной и ее механизмами Центральным Советом издана специальная Книга, к которой Вашти относится как к священной: «– О, Машина! О, Ты, Машина! Она поднесла Книгу к губам, трижды поцеловала ее, трижды склонила голову, трижды ощутив экстаз покорности» [1, с. 321]. Нельзя не отметить иронию Э.М. Форстера в изображении главной героини: «Женщина около пяти футов росту, с белым, как плесень, лицом. Ей-то и принадлежит комната» [1, с. 317].

Отметим, что еще в начале XX века английский прозаик предугадал проблему коммуникации в век (пост) информационных технологий. Вот как звучит ключевой, на наш взгляд, вопрос анализируемого произведения: «Разве ты [Вашти. – Д.П.] не понимаешь, разве не понимают все твои лекторы, что мы умираем, а по-настоящему живет под землей одна Машина? <...> Она отняла у нас ощущение пространства, отняла чувство касания, загрязнила все человеческие отношения, низвела любовь до полового акта, парализовала наши тела и нашу волю, а теперь принуждает нас обожествлять ее» [1, с. 335 – 336]. Таков вопрос сына к матери.

Дело в том, что Вашти вынуждена – по просьбе сына Куно – отправиться в путешествие и навестить его. Ей предстоит дорога «с острова в юном полушарии, в подземной глубине которого жила она, на остров в северном полушарии, где также под землей жил ее сын» [1, с. 322]. Ее первоначальным желанием было не осуществлять поездку на другой конец земли, так как ей была чужда непосредственная коммуникация. Желанием Куно было желание видеть мать непосредственно, не «через Машину», которая не передавала точного выражения лица. Однако для этого Вашти нужно было перебраться на другое полушарие. «Терпеть не могу мерзкую бурю землю, и море, и звезды во мраке» [1, с. 318], – таковы ее аргументы для отказа от поездки к сыну. Именно благодаря Машине близкие люди, кажется, навсегда утратили вербальные средства общения: «Почему ты [Куно. – Д.П.] не отправил письмо пневматической почтой?» [1, с. 318], – вопрошает Вашти. В этом пассаже главной героини заключена идея о том, что люди могут обходиться без непосредственного общения, могут воспользоваться посредниками для совершения акта коммуникации. В случае с Вашти таким является обожествляемая ею Машина.

После многих размышлений Вашти принимает решение навестить сына, хотя ей было известно, что, согласно Книге Машины, «родительские обязанности кончаются с появлением ребенка на свет» [1, с. 323]. Тем не менее, героиня делает такой выбор, нарушая тем самым предписания обожествляемой ею Книги.

Она нажала на нужную кнопку, впереди оказался туннель, затем Вашти вышла на платформу, вызвала поезд и села в вагон. Далее героиня зашла в лифт, но испытала огромное чувство дискомфорта, ибо «там находился еще один пассажир – первое живое существо, с которым она столкнулась лицом к лицу за много-много месяцев. Теперь редко кому приходило в голову путешествовать, ведь благодаря достижениям науки земля стала повсюду одинаковой» [1, с. 323]. Здесь Э.М. Форстер открывает пространство для функционирования бинарных оппозиций «Я – Другой» (например, романы «Поездка в Индию», «Морис», рассказ «Доктор Шерстихлоп»), «свое – чужое» (например, романы «Куда боятся ступить ангелы», «Комната с видом»).

В процессе путешествия к Вашти «вернулся страх перед непосредственным познанием» [1, с. 324]. Отметим, что такой же страх характерен и для героев романов «Поездка в Индию» (Адела), «Морис» (Морис), однако, это не совсем типично для героев «малой» прозы писателя (в рассказах присутствует восторг от познания окружающего мира, например: «Вечное мгновенье», «По ту сторону изгороди», «Небесный омнибус»). Куно, напротив, побывав на поверхности, снова рвется «наверх». Он мечтает в очередной раз увидеть те самые звезды, которые для Вашти кажутся невыносимыми.

Однако звезды – не единственное, что вызывает чувство дискомфорта у героини. В процессе путешествия она сторонилась взглядов других пассажиров, ее тревога возросла от факта наличия настоящей стюардессы на борту, к которой нужно было обращаться во время полета. В эпоху Машины люди не просто боялись вербального контакта, а избегали и тактильного как такового: «Когда Вашти с криком отшатнулась от солнечных лучей, стюардесса повела себя варварским образом: она протянула руку, чтобы поддержать Вашти.

– Как вы смеете? – воскликнула та. – Вы забываетесь!

Женщина смутилась и попросила извинения за то, что не дала Вашти упасть. Люди теперь никогда не дотрагивались друг до друга» [1, с. 327].

Никаких идей также не «рождает» пребывание в пространстве над Индией и Грецией. Необходимо упомянуть, что именно Индия, Греция и Италия были теми топосами, которые приносили Э.М. Форстеру вдохновение (роман «Поездка в Индию», «итальянские» романы «Комната с видом», «Куда боятся ступить ангелы», рассказы из сборника «Небесный омнибус»).

По прилету Вашти ожидал идентичный путь под землю в комнату сына, через вестибюль, на лифте, подземной железной дорогой, через раздвижную дверь. На противоположном полушарии никто и ничто не отличалось – всё и все были одинаковыми. По приезду матери Куно сообщает ей, что ему грозит Отчуждение, то есть смерть. В эпоху Машины это происходило так: «жертву выводили на поверхность, и наружный воздух убивал ее» [1, с. 329]. Побывать «наверху» можно было вполне законно, если, как уже указывалось выше, получить респиратор и попросить разрешение на право выхода. Однако Куно нарушил эти правила; он искал и нашел свой собственный выход. Необходимо отметить, что Куно обладал

некой физической силой, которая считалась недостатком в эпоху Машины. Младенцев при рождении осматривали и сильных уничтожали.

Куно – форстеровский герой, который постоянно (как и многие другие герои прозаика) находится в поисках себя. Для этого ему необходимо побывать в ином пространстве, то есть «наверху». Он высказывает протест против Машины следующим образом: «Все эти бесконечные трубки, кнопки, механизмы не пришли вместе с нами в этот мир, не уйдут из него вместе с нами, а пока мы живем, не они главенствуют в мире» [1, с. 332]. Куно – Другой на фоне безликого и гомогенного подземного пространства эпохи механизмов. Поэтому Вашти и не в состоянии понять, зачем ему необходимы эти опасные вылазки на лоно Природы. Ее внутреннее существо противится всему живому, поэтому ей чуждо то, что для Куно представляется невообразимым: «яма, заросшая травой <...>, солнце, льющее лучи сквозь белые, словно мраморные облака; покой, беззаботность, ощущение пространства» [1, с. 334]. Его, однако, находит и возвращает в мир «цивилизации» Ремонтирующий Аппарат. Вербализировав свое желание жить «наверху» и сообщив матери о существовании жизни на поверхности, он тем самым вынуждает Вашти уехать, ибо, по ее убеждению, сын сошел с ума.

Однажды, находясь у себя в комнате, Вашти увидела вызов сына. Она к тому времени уже считала его человеком, который «**был** моим [ее. – Д.П.] сыном [выделено нами. – Д.П.]» [1, с. 342]. Он так и не был Отчужден; его за недостойное поведение переселили из северного полушария в южное, однако, мать не поддерживала никаких отношений с ним. Куно сумел объявить ей торжественно, что «Машина останавливается» [1, с. 342]. На признаки того, что с Машиной что-то случится, Э.М. Форстер указывал еще в первой части повести, когда один из пассажиров при посадке на борт воздушного корабля уронил Книгу, а Вашти нечаянно наступила на нее. Сейчас она восприняла слова сына о возможной остановке Машины как нелепые и рассмеялась. Вашти, как и другие обитатели подземелья, считала существование прогресса Машины вечным. Более того, остановка Машины, согласно ее верованиям, была совсем невозможной:

«– Машина останавливается? – переспросил знакомый. – Что это значит? Я не улавливаю смысла.

– Я [Вашти. – Д.П.] тоже» [1, с. 342].

Действительно, в последнее время начали происходить какие-то неполадки с вещаемой из механизмов музыкой, но Вашти отправила жалобу в Комитет Ремонтирующего Аппарата, который обещал в кратчайшие сроки все исправить. Позже отказал и Спальный Аппарат. Недовольство жителей подземелья росло:

«– Кто-то препятствует работе Машины... – начинал один.

<...>

На помощь! Отомстите за Машину! Отомстите за Машину!

– Объявите войну! Убейте его!» [1, с. 344].

Однако для прекращения паники был вызван знаменитый лектор, который призвал попробовать обойтись «без кроватей, без таблеток и других мелких удобств. Этого, я [лектор. – Д.П.] уверен, от нас хочет Машина» [1, с. 344]. Слушатели, конечно, ответили аплодисментами.

Через некоторое время повреждения были частично исправлены, но наступил все-таки день, «когда совершенно неожиданно, без всяких предварительных

сигналов, система коммуникаций во всем мире разом распалась и мир, в понимании людей той эпохи, перестал существовать» [1, с. 345]. Только после этого до Вашти стал доходить смысл произнесенной Куно фразы о том, что «Машина останавливается». С прекращением работы механизмов наступила зловещая тишина, непривычная для героини, ибо с самого рождения ее окружал гул машины. Вашти нажала на кнопку, чтобы пробраться в туннель, но там «люди ползли в полумраке, кричали, стонали, задыхались, сталкивались, терялись во тьме и то и дело падали с платформы на рельсы, находившиеся под током. Одни толпились у электрических звонков, отталкивая друг друга, пытаясь вызвать поезд, который уже нельзя было вызвать. Другие вопили, требуя Легкой Смерти или респираторов или проклиная Машину. Третьи стояли в дверях своих ячеек, не зная, как и Вашти, оставаться там или выйти в туннель, – страшась того или другого. А за всем этим хаосом звуком притаилась тишина – истинный голос Земли и ушедших поколений» [1, с. 346]. Вашти наконец-то поняла, что эре Машины пришел конец.

Очень трогательно Э.М. Форстер описывает ее последнюю встречу с Куно:

«– Есть еще надежда, Куно?

– Для нас – нет.

<...>

Она пробралась к нему через мертвые тела. Кровь его обрызгала ей руки.

– Скорее, – выдохнул он, – я умираю. Но мы **касаемся друг друга, мы говорим не через Машину** [выделено нами. – Д.П.].

Он поцеловал ее» [1, с. 348].

Полагаем, что в этой сцене Вашти (забегая вперед, нельзя не отметить тот факт, что она, умирая, назовет «глупцом» кого-либо, активирующим Машину снова) и Куно возвращаются к себе самим, и это именно тот фрагмент повести, где гуманист Э.М. Форстер празднует торжество непосредственной коммуникации между людьми, свободной от барьеров, преград, изображенными, например, в рассматриваемой повести.

Напоследок Куно признается матери, что все-таки на поверхности жизнь есть:

«– Я видел их, говорил с ними, любил их. Они прячутся в тумане и папоротниках и ждут, когда прекратится наша цивилизация. Сегодня они Отчужденные, но завтра...

– А завтра... завтра какой-нибудь глупец снова пустит в ход Машину.

– Никогда, – сказал Куно, – никогда. Человечество получило хороший урок» [1, с. 348].

Слова Куно прозвучали как пророчество: весь город развалился, воздушный корабль взлетел в туннель и взорвался. Перед тем, как умереть, Вашти и Куно увидели безоблачное небо. Несмотря на то, что главные герои повести погибают, у Э.М. Форстера Природа все-таки побеждает Цивилизацию.

Э.М. Форстер в повести «Машина останавливается» еще в 1909 году сумел предвидеть те тенденции в развитии общества, с которыми человечество столкнулось в XXI веке. В этом и заключается актуальность изучения творческого наследия прозаика. Повесть английского писателя-модерниста – произведение-предупреждение, повествующее о возможности утраты коммуникации между людьми, что может иметь место в условиях технократического мышления.

Э.М. Форстер с присущей ему ироничной манерой и собственным видением указывает на барьеры и препятствия коммуникации между миром Машиной и Человека, между Природой и Цивилизацией, наконец, между Человеком и Человеком.

Источники и литература

1. Форстер, Э.М. Машина останавливается / Э.М. Форстер // Избранное. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2000. – С. 315–348.

БЕЛАРУС ВА ЎМОВАХ РЭВАЛЮЦЫІ 1917 ГОДА І ГРАМАДЗЯНСКАЙ ВАЙНЫ Ў МАСТАЦКАЙ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ У. ГНІЛАМЁДАВА

В.І. Русілка

Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава

Падзеі і гістарычныя наступствы рэвалюцыі 1917 года, якую ў залежнасці ад часу і палітычных поглядаў у грамадстве называюць то “Вялікай кастрычніцкай”, то “крыжавым пераваротам”, безумоўна аказалі значны ўплыў на нацыянальную гісторыю беларусаў і адбіліся на канкрэтным лёсе кожнай сям’і. Выдатны беларускі празаік, доктар філалагічных навук акадэмік Уладзімір Васільевіч Гніламёдаў глыбока асэнсаваў гэтую тэму сродкамі эпасу ў гістарычным рамане “Расія” (2007). Неабходна зазначыць, што гэты раман з’яўляецца арганічнай часткай гістарычнай эпопеі, у якой аўтар паставіў перад сабой маштабную задачу: стварыць у раманах гісторыю беларускага народа праз гісторыю сваёй сям’і, паказаць, як гаворыць сам пісьменнік, “чалавека XX стагоддзя, ці, дакладней, чалавека ў плыні часу мінулага стагоддзя” [1, с. 4]. У выніку напружанай і плённай працы выйшлі з друку ўжо шэсць раманаў, кожны з якіх стаў чаканай і істотнай з’явай у сучаснай беларускай літаратуры: “Уліс з Прускі” (2006), “Расія” (2007), “Вяртанне” (2008), “Валошкі на мяжы” (2014, часопісны варыянт у 2009-2011 г.), “Вайна” (2014), “Пасля вайны” (“Полымя”, 2014, №11,12; 2015, №4, 5, 6, 7). Выхад кожнага рамана гістарычнай хронікі У. Гніламёдава стаў з’явай у літаратурным жыцці краіны і атрымаў аргументавана высокую ацэнку крытыкаў (грунтоўныя даследаванні В. Жураўлёва, М. Мішчанчука, В. Локун, Я. Гарадніцкага, З. Драздовай, Т. Студзенкі, М. Мікуліча, А. Раманчука).

Асноўнае мастацкае дасягненне У. Гніламёдава – стварэнне тыповага нацыянальнага характару беларуса праз вобраз Лявона Кужалы, які годна праходзіць праз усе няпростыя і часам трагічныя выпрабаванні XX стагоддзя і захоўвае памяркоўнасць, чалавечую прыстойнасць, дабрыню, справядлівасць і сялянскую ўгрунтаванасць у роднай зямлі, бязмерную любоў да яе і да родных людзей. Дадатковую эмацыянальную “падсветку” надае вобразу яго аўтабіяграфічны характар (прататыпам Лявона Кужалы стаў дзед пісьменніка Лявонцій Міхайлавіч Сцепанюк).

Раман “Расія” ў часопісным варыянце публікаваўся з падзагалоўкам “Сямейная хроніка ў духу барока” (дух барока для аўтара – перш за ўсё ў атмасферы няпэўнасці, таямнічасці) і мае дакладныя межы адлюстраванага часу: 1915 – 1922 гады. Аўтар расказвае пра чалавека ў віры лёсавызначальных для славянскіх народаў падзей – Першай сусветнай вайны, Лютаўскай і Кастрычніцкай

рэвалюцыі 1917 года, калектывізацыі і грамадзянскай вайны. Наватарства У. Гніламёдава ў тым, што ён узнаўляе як добравядомыя, так і недастаткова апісаныя ў літаратуры падзеі з пункту гледжання сучаснага лёсу двух братніх народаў – рускага і беларускага. Так, даследчыкі і пісьменнікі рэдка звяртаюцца да цікавага гістарычнага факта: у 1915 г. з набліжэннем руска-нямецкага фронту ўраджэнцы некаторых палескіх вёсак, у прыватнасці, апісанай у рамане Прускі, былі эвакуіраваны ў Расію. Лявон Кужаль і яго землякі перажываюць цяжкія вайнныя часы, рэвалюцыі, шматлікія мецяжы і паўстанні, грамадзянскую вайну ў патрыярхальным самарскім сяле Запалоннае, дзе іх спачатку прынялі як братоў, аднак пазней, калі адносна бязбеднае сытае жыццё вяскоўцаў змянілася на паслярэвалюцыйныя голад і разбурэнне, бежанцы пачалі выклікаць непрыязнь і самі імкнуліся на радзіму.

Самыя трагічныя старонкі рамана прысвечаны падзеям Першай сусветнай вайны, рэвалюцыі і грамадзянскай вайны, надыход якіх успрымаецца як страшнае насланне, выпрабаванне чалавечнасці. Безумоўна, У. Гніламёдаў абапіраецца на вопыт сусветнай літаратуры, якая асуджае вайну (Э.-М. Рэмарк, А. Барбюс, Э. Хэмінгуэй, М. Горкі), працягвае традыцыі М. Гарэцкага (“На імперыялістычнай вайне”). “Вайна перакрэсліла ўсе ўяўленні аб жыцці. Яна была вялікім прыніжэннем для чалавека” [2, с.273]. Асабістае “я” адыходзіць на другі план, на першым – калектывнае “пачуццё страху і жахлівасці ад таго, што адбывалася навокал” [2, с.256], асабліва ў рэалістычных апісаннях бою: “Азвярэлыя ад крыві людзі арудавалі штыкамі і прыкладамі, рвалі рукамі і зубамі, крышылі і знішчалі адзін другога” [2, с.268-269]. Аўтар нават не дзеліць людзей на супрацьлеглыя бакі, гаворачы, што Лявон не адчуваў нянавісці да таго рыжага немца, якога прыйшлося забіць.

Перадаючы перажыванні і думкі салдата на вайне, У. Гніламёдаў выяўляе сябе глыбокім псіхолагам: “Гнёт страху, які так глыбока авалодаў усёй яго істотай у першыя часы знаходжання на фронце, паступова пачаў прападаць, змяняючыся раўнадушшам і няўважлівасцю да таго, што адбывалася навокал. Разам з тым ён адчуваў у сабе наспяванне нейкага напаўсвядомага пачуцця непрыняцця таго, што тварылася ў свеце. Але што ён мог зрабіць? У свеце, здавалася яму, дзейнічаюць нейкія неспазнаныя сілы, якія кіруюць чалавечымі ўчынкамі і самім чалавекам, вызначаючы яго лёс” [2, с.247]. Разважанні Лявона непасрэдна перад боем істотна розняцца ад гэтых няспешных думак, ён успамінае перажытае і задумваецца аб нетрываласці чалавечага жыцця: “Жыў чалавек і ... няма.” [2, с.290].

У дачыненні да адлюстравання любой гістарычнай падзеі У. Гніламёдаў выкарыстоўвае багатыя мастацкія магчымасці для стварэння эфекту праўдападобнасці і заахвочвання чытацкай увагі: пастаянны зварот да гістарычных крыніц, у прыватнасці, да газеты “Окопная правда” і лістовак, загадаў і пастаноў улады, цытаванне тэкстаў салдацкіх песень і пісьмаў з фронту і з далёкага дому. Атрымаўшы георгіеўскі ордэн і ледзь не страціўшы параненую руку, Лявон вяртаецца ў Запалоннае іншым чалавекам: “Узмоцніўся скепсіс і прыгнечанасць. Жыццё здавалася суцэльным ланцугом драм і трагедый”. [2, с.306]. Ратуе яго сялянская ўстойлівасць характару і каханне жонкі Фёклы.

Аднак жыццё ў некалі спакойным Запалонным віруе рэвалюцыйнымі падзеямі, якія падаюцца праз хранікальна-дакладнае аўтарскае апісанне палітычнага

становішча, уключэнне рэальных дакументаў часу, якія У. Гніламёдаў вывучаў у сямарскіх архівах, і іншых пазасюжэтных элементаў (дзённік бальшавіка Мішы Касякіна, брата Фёклы, апісанне падзей прафесійным рэвалюцыянерам Андрэем Кляновікам). У дачыненні да той часткі рамана, якая расказвае пра падзеі рэвалюцыі і грамадзянскай вайны, як і ў дачыненні да наступнага рамана “Вяртанне”, робіцца асабліва відавочным вывад В. Локун пра падзел рамана на дзве стылёва ад- розныя апавядальныя лініі, якія ствараюць вобраз гістарычнага часу і псіхалагічна дакладныя малюнкi жыцця народа, “вобразна-псіхалагічную і хранікальна- падзейную” плыні. Гэтыя плыні ўдала дапаўняюць адна адну: пры ўсім даверы да дакументаў, абсурднасць падзей успрымаецца мацней, калі чытаем сцэну расстрэлу бальшавікоў казакамі: яны перадаюць карабін васьмігадоваму Саньку, і ён рас- стрэльвае камбедаўца Фролку, які некалі забіў яго дзеда Мілягіна. Эпізод працягва- ецца зусім ужо жудасным малюнкам – абезгалоўленае цела старшыні камбеда Фёда- рава робіць некалькі крокаў па залітай крывёй зямлі...

“...Белыя, чырвоныя, яшчэ нейкія... Нічым яны фактычна паміж сабой не розняцца” [2, с.461], – разважае Лявон. Ён не прымае рэвалюцыю, як і Фёкла: “рэ- валюцыя – памрока, як зацьменне сонца”. А Ілья Аляксандравіч Платонаў, “стэпа- вы гаспадар”, у якога жыве галоўны герой, і ўвогуле лічыць, што “бальшавізм – гэта прыпадак, які здарыўся з нашым вопчаствам, асляпленне” [2, с.480].

Першае ўспрымання рэвалюцыйных падзей у вяскоўцаў было вельмі неад- назначнае, яны “не надта ўяўлялі розніцу паміж эсэрамі, бальшавікамі, меньшавікамі і іншымі” [2, с.353], Леніна называлі то “нямецкім шпіёнам”, то ра- зумным палітыкам. Само ж апісанне рэвалюцыі вуснамі эсэра Буянава рэзка кан- трастуе з прывычным для беларускай літаратуры: “Таварышы, пры штурме Зімягга дварца, на жаль, загінула шэсць таварышаў: пяць салдат і адзін матрос...

– Ад віна, што лі? – пацікавіўся Мілягін.

– П’янку астанавілі! Бочкі з віном вылілі ў Няву! – сурова зірнуў у яго бок прамойца...” [2, с.365]

На гэта ў запалонцаў стрыманая рэакцыя: “У Расіі вечныя бунты ды рэвалюцыі” [2, с.365].

Падзеі грамадзянскай вайны, “тыф, халера, галадамор”, умацняюць пры- цягненне роднай Прускі, жаданне займацца звычайнымі сялянскімі справамі. Ся- лянская сутнасць характару Кужаля добра падкрэсліваецца ў параўнанні з вобра- зам бальшавіка Андрэя Кляновіка. Хоць аўтар неаднаразова называе Кляновіка і Кужаля сябрамі, адзінства поглядаў у іх няма: у спрэчцы пра класавую барацьбу Лявон гаворыць, што беларусаў выратуе працавітасць і адчувае, што ў праграме Кляновіка “было нешта штучнае і вельмі рызыкаўнае”. Часцей жа Лявон у такіх размовах проста маўчыць. Увага да вобраза Кляновіка невыпадковая – гэта калі і не галоўны герой, то адзін з асноўных у раманах хронікі. Сюжэтная лінія Кляновіка ва ўсіх раманах ідзе паралельна з лініяй Кужаля, часампісьменнік выкарыстоўвае “шахматны” прынтцып пабудовы сюжэту, пераключаючыся на падзеі жыцця прафесійнага рэвалюцыянера. Вялікая ўвага, асабліва ў наступнай кнізе “Вяртанне”, надаецца ўнутраным маналагам і няўласна-простай мове Кляновіка – з дапамогай гэтых сродкаў малюецца вобраз апантанага ідэяй “апо- стала навукі Карла Маркса”, які беларусаў лічыў “дрымучым народам” і сялян “не любіў і ў душы нават не паважаў”. Недастаткова свядомым, на яго думку,

з'яўляецца Лявон Кужаль: "Звычайнага ў табе многа, сялянскага... Такія для рэвалюцыі не гадзяцца..." [3, с. 148].

Стварыць маштабны нацыянальны характар, асэнсаваць лёс народа на пераломных паваротах гісторыі У. Гніламёдаву дазваляе эпічная глыбіня мыслення і высокі ідэйна-эстэтычны ўзровень пісьма. Арыентуючыся на класічную эпічную традыцыю, пісьменнік узбагачае яе новымі сродкамі апавядальнай паэтыкі. Так, будуючы сюжэт, аўтар выкарыстоўвае, побач з традыцыйным лінейным апавяданнем, прыёмы вяртання, забягання наперад, "шахматнага" размяшчэння фабульнага часу, вядзе нарацыю ад імя розных асоб (у тым ліку і праз дзённікі, ліставанні). Гэта, безумоўна, ажыўляе чытацкую ўвагу, як і прыём загадкі, што паймаў майстэрску ўжывае аўтар. Увядзенне аўтарскіх разваг, цытаванне гістарычных дакументаў, апісанне побыту ўдала спалучаецца з дынамічнымі, лёгкімі, неабцяжарнымі аўтарскай мовай дыялогамі. Асаблівым майстэрствам вызначаюцца разнастайныя, адпаведныя аўтарскай ідэйнай устаноўцы, паэтычныя пейзажы, насычаныя вобразна-выяўленчымі сродкамі і мясцовай канкрэтыкай. Сапраўднай удачай аўтара стала сістэма выдатных вобразаў-персанажаў, прычым і героі, і другарадныя, і дапаможныя, і нават выпадковыя персанажы падаюцца праз разнастайныя спосабы экспазіцыі і характарыстыкі (у прыватнасці, праз яркія дэталі партрэта, моўную індывідуалізацыю, унутраныя маналогі).

Эпічныя творы У. Гніламёдава, у якіх глыбока асэнсоўваецца беларускі нацыянальны характар у пераломныя моманты гісторыі, ужо сталі самай значнай з'явай сучаснага літаратурнага працэсу і сведчаннем таго, што імкненне да эпічнай маштабнасці – істотная тэндэнцыя развіцця сучаснай беларускай прозы.

Крыніцы і літаратура

1. Літаратура і мастацтва. – 2007. – 19 кастрычніка.
2. Гніламёдаў, У.В. Расія: раман / Уладзімір Гніламёдаў. – Мінск: Харвест, 2007. – 672 с.
3. Гніламёдаў, У.В. Вяртанне: раман / Уладзімір Гніламёдаў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2008. – 429 с.

ПРАЗДНИКИ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII В.

М.А. Филимонова

Курск, Курская академия государственной и муниципальной службы

Праздник – необходимая часть любой культуры. Каждая нация при своем становлении создает и собственную номенклатуру праздников. Праздничное время сакрализуется; оно циклически воспроизводит определенные события и потому противопоставляется десакрализованному линейному времени будней. Праздничные ритуалы часто имеют фольклорное происхождение, но в современном обществе изначально магические обряды могут терять прежнее содержание и наполняться новым.

Все это легко проследить на примере Американской революции конца XVIII в. Становление праздничной культуры здесь прослеживается особенно четко, поскольку именно в это время происходило также становление американской государственности и национальной идентичности.

Колониальная праздничная культура была несамостоятельной. Она почти целиком заимствована из британской традиции. В колониях праздновали победы Британской империи и праздники, связанные с королевской семьей. Ритуалы подтверждали мощь Британской империи. Например, в 1765 г. в Чарльстоне отмечался день рождения короля. Утром был устроен парад колониальной милиции. За ним последовал элегантный обед для южнокаролинской политической и религиозной элиты. В полдень палили пушки чарльстонского форта и кораблей, стоявших в городской гавани. Вечером празднование завершилось иллюминацией [1]. В период революции подобные праздники стали маркерами тори (лоялистов) – сторонников британской монархии.

Традиционно отмечались в Америке и другие праздники британского происхождения. 5 ноября праздновался популярный День Гая Фокса. Колонисты английского происхождения справляли День св. Георгия, ирландцы – День св. Патрика.

Собственно революционные праздники первоначально представляли собой разовые мероприятия, отмечавшие какое-либо конкретное событие, или даже попросту то, что современный историк называет «колониальными флэшмобами» [2, р. 51]. Так, например, Джон Адамс в 1769 г. описывал в своем дневнике обед, устроенный массачусетскими «сынами свободы». Два стола, рассчитанные на 300–400 человек, были накрыты под открытым небом. После угощения была показана пантомима и исполнены патриотические песни. Адамс высоко оценил применение таких приемов: «Весьма разумно со стороны Отиса и [Сэмюэля] Адамса устраивать подобные празднества, ибо они накладывают отпечаток на умы людей и пробуждают в них любовь к свободе. Они заставляют народ любить своих лидеров и питать отвращение и враждебность ко всем [их] противникам» [3, vol. 1, р. 341]. Данное мероприятие не представляло собой коммеморации. Однако коммеморативные празднества также рано вошли в обиход американских патриотов (вигов). В том же 1769 г. в Плимуте впервые отмечался «день отцов-пилигримов» (Forefathers' Day), ставший впоследствии национальным праздником. Члены одного из местных клубов устроили в честь события обед, где все присутствующие должны были одеться в самом скромном стиле, в подражание суровым пуританам.

В период Войны за независимость поводами для праздника становились победы Континентальной армии, заключение союза с Францией и т.п.

Франко-американский альянс, например, был отмечен особой церемонией в лагере Континентальной армии в Вэлли-Фордж. Естественным элементом праздника, учитывая обстоятельства, стали военные маневры, орудейный и мушкетный салют, а также «ура» в честь короля Франции и союзных европейских держав (во множественном числе, хотя реально Франция была единственным союзником США). Дело было весной и, в отличие от катастрофического Дня благодарения (о нем речь пойдет ниже), «радость царя во всем лагере» [4, р. 151–152].

Широко отмечалось и завершение Войны за независимость. В Нью-Йорке, на Боулинг-Грин, был устроен великолепный фейерверк. Его началом послужило огненное изображение голубки, летящей с оливковой ветвью [4, р. 422].

С течением времени окказиональные церемонии, подобные описанным выше, могли превращаться в календарные праздники, сопровождавшиеся определенными ритуалами. Многие из этих праздников остались на региональном

уровне. Так, в Бостоне в 1771–1783 гг. 5 марта отмечалась годовщина «бостонской резни». В Южной Каролине с 1777 г. празднуется победа группы местных патриотов, сумевших защитить столицу штата от английского флота (в настоящее время праздник именуется Днем Каролины – Carolina Day). В Нью-Йорке с 1783 г. отмечается также 25 ноября – день окончания английской оккупации города (Evacuation Day).

Некоторые торжества приобретали общенациональный характер. Здесь стоит остановиться на двух календарных праздниках, до сих пор особенно любимых в США: Дне независимости и Дне благодарения.

Годовщина провозглашения независимости очень рано стала центром революционной праздничной традиции. Символическое значение этого акта было огромным. Независимость означала для американцев нечто большее, чем создание новой суверенной державы. Это был резкий разрыв с прошлым, с традицией, с англосаксонской общностью.

4 июля 1776 г., День независимости, очень рано начинает восприниматься как часть сакрального времени, подлежащего воспроизведению в ритуале. В 1777 г. первая годовщина была пышно отпразднована в Филадельфии. Суда континентального флота и флотилия штата Пенсильвания прошли парадом по реке Делавэр, украшенные цветами всех наций. Президент Конгресса посетил один из кораблей и был встречен троекратным «ура». Состоялся также торжественный обед для членов Конгресса и представителей пенсильванских органов власти. Музыку обеспечивали пленные гессенские солдаты, захваченные в сражении при Трентоне. Кавалеристы, артиллерия и пехота устроили показательные маневры. Весь день в городе звонили колокола. То и дело раздавались орудейные салюты из тринадцати залпов (по числу восставших штатов). В небе сверкали фейерверки, на улицах горели костры. Выйдя вечером прогуляться, Дж. Адамс отметил, что на окнах всех домов горят свечи; лишь несколько мрачных зданий оставались неосвещенными [5, vol. 7, p. 293–294].

С течением времени сценарий торжества лишь обогащался новыми элементами. Обязательной частью праздника стали речи 4 июля, чьей темой непременно должна была быть свобода, революция, патриотизм. В 1786 г. было принято решение устраивать в этот день официальный прием у президента Конгресса [6, vol. 30, p. 368].

Другой популярный праздник, День благодарения, отмечался в новоанглийских колониях с XVII в. Традиция связывает его с первым урожаем, собранным «отцами-пилигримами» на американской земле. Но в период революции праздник приобрел новый смысл и общенациональный характер. Как и День независимости, он был предельно политизирован, но отличался более выраженной религиозной окраской.

Первый общенациональный День благодарения был назначен Конгрессом на 18 декабря 1777 г. в честь крупной победы при Саратоге. В рекомендации штатам, составленной С. Адамсом, предлагалось молить Бога о благополучии отдельных штатов и США в целом, о даровании мудрости и силы американским полководцам и в целом о даровании Америке «величайшего из земных благ – независимости и мира». Американцам рекомендовалось также воздержаться в этот день от работы и некоторых видов развлечений, «хотя и невинных в другое время, но, возможно, не подходящих к целям данного торжества» [6, vol. 9, p. 854–855].

Впоследствии дни благодарения назначались ежегодно, каждый раз на новые даты. В современном виде праздник сложился лишь в XX в.; в 1941 г. для него была назначена дата: четвертый четверг ноября.

Революционный праздник, в том числе в Американской революции, выполняет не только рекреационную и коммеморативную, но и политическую функцию. Важнейшая его задача – сплочение «воображаемого сообщества» революционеров. Не случайно использование в ходе праздника различных маркеров, позволяющих отличить «своих» от «чужих». Такими маркерами служили, например, свечи на окнах в День независимости: тори их не зажигали. Эту функцию праздника четко осознавали сами современники. Так, Дж. Адамс замечал, что крики «ура» 4 июля «радовали каждого друга своей страны и вселяли предельный ужас в каждого скрывающегося тори» [5, vol. 7, p. 294].

Нередко использовались обряды, восходящие к древней люстрационной магии, но радикально переосмысленные. В этнографической литературе очень часто описываются обряды с куклой-чучелом, изображающей карнавал, масленицу, зиму, смерть и пр. В конце обряда это чучело сжигается, топится в реке, разрывается на куски. Например, в Англии во время рождественских и новогодних праздников принято было сжигать соломенное чучело Старого года, позже – смоляные бочки и старые лодки. Также во время различных праздников было принято символическое уничтожение различных зловредных персонажей: «ведьмы» в Шотландии, Гая Фокса в Англии [7, с. 122]. Люстрационные обряды предполагали очищение, символическое уничтожение враждебных сил. Отечественный этнограф С.А. Токарев подчеркивал возможность переосмысления древнейших обрядов, приводя в пример сходство обряда сожжения чучела Гая Фокса 5 ноября и подобный же обряд сожжения чучела «Постного Джека» в пельную среду [7, с. 212].

В Американской революции происходило то же переосмысление, трансформация традиционных обычаев. Обрядовый комплекс, отражающий веру в очистительную силу огня, был в переосмысленном виде включен в революционный праздник. Уничтожению подлежало то, что противостояло революции. Показательна трансформация Дня Гая Фокса. Он приобретал новый политический смысл, становясь символическим отторжением не только католицизма, но и торизма. Еще в колониальный период к процессии одиозных персонажей (дьявол, римский папа, католические монахи и т.д.), проходивших в этот день по улицам города, присоединяли изображения непопулярных политиков. Традиция была продолжена во время Войны за независимость, когда в подобных процессиях представляли чучело изменника Б. Арнольда.

Массовые празднества революционных эпох представляют собой также своеобразный полигон для отработки новой политической мифологии [8, с. 232]. Так было и в Америке. Политический миф Нового времени о борьбе Свободы и Тирании составлял содержание многих праздничных ритуалов. Это можно заметить, например, в период кризиса, связанного с Гербовым сбором. 5 ноября 1765 г., в день Гая Фокса, в филадельфийском порту были приспущены флаги на мачтах судов – в знак траура по погибающей свободе [2, p. 52]. День независимости, в свою очередь, был призван продемонстрировать торжество революционной утопии: свободное, процветающее, гармоничное сообщество патриотов.

Таким образом, Американская революция трансформировала сферу повседневности, в том числе такой ее элемент, как праздничная культура. Старые

праздники исчезали или трансформировались в соответствии с новой революционной ментальностью. Рождалась новая государственность, а вместе с ней и новая праздничная традиция.

Источники и литература

1. South Carolina Gazette. June 8, 1765.
2. Hutchins, Z.M. Community without Consent: New Perspectives on the Stamp Act / Z.M. Hutchins. Hanover, N.H., 2016.
3. Adams, J. Diary and Autobiography: 4 vols. / J. Adams / ed. by L.C. Faber. Cambridge (Mass.), 1961.
4. Thacher, J. A Military Journal During the American Revolutionary War, from 1775 to 1783 / J. Thacher. Boston, 1823.
5. Letters of Delegates to Congress, 1774–1789: 26 vols. / ed. by P.H. Smith. – Washington, D.C., 1976–2000.
6. Journals of the Continental Congress. 1774–1789: 34 vols. / ed. by W.Ch. Ford. – Washington, D.C., 1904–1937.
7. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев / отв. ред. С.А. Токарев. М., 1983.
8. Малышева, С.Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920 гг. / С.Ю. Малышева // Диалог со временем. – Вып.10. М., 2003.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Акуневич В.У.	115	Жучков К.Б.	123
Александрова О.П.	252	Жылінскі П.А.	224
Алентьева Т.В.	295	Зайнутдинов Д.Р.	131
Алиева Л.В.	61	Захарцев С.И.	259
Анисяев М.А.	181	Зверев В.С.	90
Антонов И.А.	250	Ипатов А.М.	36
Байкеева С.Е.	100	Казак Б.Б.	239, 274
Бараненко В.В.	206	Карчевский Г.И.	19, 27
Берзинь О.А.	248	Кириллова Т.К.	293
Бобрик И.Е.	152	Ковяко И.И.	221
Богдашкин А.А.	312	Козинникова Е.Н.	96
Борисенко И.В.	87, 272, 274	Кондрат И.Н.	278
Бривере Инесе	194	Корольков О.П.	65
Бувеч Т.В.	184	Космач В.А.	7
Васильев М.В.	198	Косов А.П.	286
Васильев С.В.	246	Котович Т.В.	143
Воробьев С.М.	290	Краско Г.Г.	217
Гигин В.Ф.	306	Купцова И.В.	139
Годунов И.В.	272	Лозовская Д.С.	136
Гребенкин А.Н.	148	Лукашов А.А.	23
Грицкевич Ю.Н.	102	Лысых С.Д.	230
Громов М.А.	281	Лясович Т.Г.	47
Давыдов А.Ю.	49	Мандрик И.В.	32
Дихтиевский П.В.	283	Мельников Ю.С.	19, 27
Довгялло М.С.	212	Меньковский В.И.	3
Егоров А.М.	190	Миско Н.К.	119
Жеребцов И.Л.	53	Мишина Е.В.	93
Жукова В.С.	155	Молодов О.Б.	299

Моторнюк Т.В.	322	Старкин С.В.	286
Мусина Н.Е.	203	Стоцкий А.П.	128
Нижник Н.С.	302	Таскаев М.В.	53
Никитин Е.Д.	163	Терентьев В.О.	57
Никитина Н.П.	82	Терентьева Е.А.	57
Огородников В.И.	272	Трофимова Г.Т.	111
Патраш Н.В.	107	Удальцов А.А.	100
Петренко Н.И.	239	Федотов И.С.	268
Половцев Д.О.	325	Филимонов А.В.	72
Романова И.В.	43	Филимонова М.А.	333
Русілка В.І.	330	Хрипунов А.С.	40
Саблин В.А.	159	Хришкевич Т.Г.	172
Сабодина Е.П.	19, 27, 163	Чакша Валда	194
Свинаренко А.И.	119	Чуракова О.В.	78
Семенова Н.В.	318	Шабанов В.Б.	270
Семенова Н.Ю.	320	Шемплехова Н.А.	310
Сидоров В.П.	102	Шмигель Михал	168
Смирнова И.Н.	262	Янушевич И.И.	209

Научное издание

**ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ИСТОРИИ
И СУДЬБАХ НАРОДОВ И РЕГИОНОВ РОССИИ, БЕЛАРУСИ,
ЕВРОПЫ И МИРА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Материалы международной научной конференции

Витебск–Псков,
27 февраля – 3 марта 2017 года

Технический редактор	<i>Г.В. Разбоева</i>
Компьютерный дизайн	<i>Т.Е. Сафранкова</i>

Подписано в печать 13.02.2017. Формат 60х84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,76. Уч.-изд. л. 27,45. Тираж 80 экз. Заказ 20.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.